ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Издана подъ редакціею

М. Ѳ. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
В. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. №№ 29—31.
1893.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Издана подъ редакціею

М. Ѳ. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
В. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. №№ 29—31.
1893.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго университета св. Владиміра. Деканъ *Т. Флоринскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

VII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца".

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о дѣятельности, личномъ составѣ и средствахъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ января по 27-е октября 1892 г. включительно.

Стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ . . . . . 3—25

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О курганахъ-майданахъ, находящихся на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра въ предѣлахъ Полтавской губ., и о связи ихъ съ другими подобными сооруженіями Южной Россіи.—*Вас. Г. Ляскоронскаго.* . 3

Вновь открытая апологія христіанства, II-го вѣка.—*Ю. А. Кулаковскаго.* 4

Курганы-майданы.—*В. З. Завитневича* и др. 4

Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго.—*И. М. Каманина* 5

Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры.—*Н. Ѳ. Бѣляшевскаго.* 5

Е. П. Рудыковскій, писатель 30—40 гг.—*В. И. Щербины.* . 6

Памяти М. И. Семевскаго.—*В. С. Иконникова* 8

А. С. Хомяковъ.—*В. З. Завитневича* 9

Стран.

Мнѣніе А. А. Потебни объ основаніяхъ русскаго народнаго стихосложенія, въ связи съ исторіей вопроса.—*И. И. Иванова* . . 10
Замѣчаніе по поводу этого сообщенія.—*Ю. А. Кулаковскаго* . 14
Керченскія раскопки лѣтомъ 1891 года.—*Ю. А. Кулаковскаго* 15
Дополнительныя раскопки въ Бакотскомъ скальномъ монастырѣ.—*В. Б. Антоновича* 17
Новые матеріалы для исторіи Литовской и Московской Руси въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій.—*В. И. Щербины* . . . 18

—

Отчетъ
О составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1892 году, читанный въ годичномъ собраніи 27 октября 1892 года *Н. П. Дашкевичемъ*. 21

Дополненія къ отчету:

I Списокъ членовъ Общества Нестора лѣтописца къ 27-му октября 1892 г.—II. Совѣтъ Общества.—III. Численный составъ Общества. 25
IV Библіотека Общества. 33
V Денежныя средства Общества. 34

—

Приложеніе къ свѣдѣніямъ о засѣданіяхъ:
Памяти Яна Неруды, чешскаго писателя.—*А. І. Степовича*. 35

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Къ вопросу о Болоховѣ (съ картою).—*М. С. Грушевскаго*. 3
Приложеніе: „Листъ“ королевы Боны 1553 г. 10
Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи до половины XVI в.—*М. Ф. Владимірскаго-Буданова*. 12
Приложеніе: Актъ изъ книги Барскаго староства 1731 г. 93

Стран.

Новыя данныя для біографіи Ивана Ѳедорова, русскаго первопечатника.—*И. И. Малышевскаго*. 95

Приложеніе: Акты изъ Луцкихъ гродскихъ книгъ, относящіеся ко времени пребыванія Ивана Ѳедорова въ должности „справцы“ Дерманскаго монастыря 111

„Сыскныя дѣла“ о кладахъ въ XVII вѣкѣ.—*Н. Н. Оглоблина* 117

Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго.—*В. С. Иконникова*. 155

Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова. „Демонъ.“—*Н. И. Дашкевича* 182

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

Матеріалы для біографіи В. Стефановича (1697—1773).—Сообщилъ *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*. 3

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729—1731 гг.—Сообщилъ *Н. П. Василенко*. 29

Два письма А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ 1610 г.—Сообщилъ *Н. В. Стороженко*. 69

Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 гг.—Сообщилъ *А. А. Андріевскій*. 73

ОТДѢЛЪ IV.

Библіографія.

Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической Коммиссіи: Акты, издаваемые Виленскою Археографическою

Стран.

Коммиссіею. Томы XI—XVIII.—*М. Н. Ясинскаго.* 3

Обзоръ научныхъ трудовъ по изученію русскаго языка и словесности профессоровъ А. А. Потебни и И. Я. Порфирьева.—*П. В. Владимірова.* 39

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія
о дѣятельности, личномъ составѣ и средствахъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца по 27 октября 1892 года включительно.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца по 27 октября 1892 г. включительно.

I. ЗАСѢДАНІЕ 26-го ЯНВАРЯ.

Д. чл. **Вас. Г. Ляскоронскій** изложилъ свое мнѣніе *„О курганахъ-майданахъ, находящихся на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра въ предѣлахъ Полтавской губ., и о связи ихъ съ другими подобными сооруженіями Южной Россіи“*, мнѣніе, къ которому онъ пришелъ на основаніи осмотра и измѣренія этихъ земляныхъ сооруженій, расположенныхъ въ Лубенскомъ уѣздѣ недалеко отъ р. Оржицы, впадающей съ правой стороны въ р. Сулу. Сущность его мнѣнія заключается въ томъ, что курганы-майданы должны быть признаны сооруженіями до-исторической эпохи, воздвигнутыми степнымъ населеніемъ, для котораго они одновременно служили и жилищами (особенно въ зимнее время), и складомъ всякаго рода запасовъ, и крѣпостью, защищавшей отъ нападенія враговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ капищемъ, гдѣ исполнялись религіозные обряды. Такое опредѣленіе роли майдановъ референтъ основалъ на сопоставленіи формы ихъ съ формой построекъ у современныхъ кочевниковъ восточной Россіи и Азіи, на сказаніяхъ греческихъ и арабскихъ писателей, а также на народныхъ русскихъ былинахъ и преданіяхъ, рисующихъ бытъ населенія въ отдаленную эпоху; наконецъ, на основаніи предметовъ, найденныхъ при раскопкѣ майдановъ.

Пренія по поводу этого сообщенія были отложены до слѣдующаго засѣданія, въ виду ожидавшейся продолжительности ихъ.

б) Д. чл. **А. І. Степовичъ** посвятилъ нѣсколько словъ *„Памяти Я. Неруды, чешскаго писателя“* (См. Прилож. къ этому отдѣлу).

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены избраны большинствомъ голосовъ *Ѳеодоръ Павловичъ Истоминъ* и *Николай Павловичъ Черневъ*

II ЗАСѢДАНІЕ 9-го ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. **П. В. Владиміровъ** представилъ краткій обзоръ научныхъ трудовъ по изученію русскаго языка и словесности проф. *А. А. Потебни* и проф. *И. Я. Порфирьева* (Напеч. въ IV-мъ отд. наст. кн.).

б) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сообщилъ о *„Вновь открытой апологіи христіанства II-го вѣка“* [1]).

Изложивъ исторію открытія сирійскаго перевода апологіи Аристида и греческой сокращенной редакціи этого древнѣйшаго памятника христіанской апологетики, референтъ сопоставилъ свидѣтельства о немъ, дошедшія до насъ у Евсевія и блаж. Іеронима. У перваго изъ этихъ писателей сохранена точная дата подачи апологіи Аристидомъ имп. Адріану во время перваго его пребыванія въ Аѳинахъ, т. е. зимою 124—125 года. Помянувъ затѣмъ о публикаціи армянскаго перевода начала этой апологіи, сдѣланнаго мехитаристами въ Венеціи въ 1878 году, и завязавшемся тогда ученомъ спорѣ касательно подлинности этого отрывка, референтъ перешелъ къ подробному изложенію содержанія вновь открытаго въ цѣломъ видѣ памятника и предложилъ общую его характеристику, резюмировавъ вкратцѣ результаты изслѣдованія о немъ двухъ первыхъ его издателей, Гарриса и Робинсона [2]).

в) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** по вопросу о *„курганахъ-майданахъ“*, затронутому въ предшествовавшемъ засѣданіи, не раздѣляя вышеизложеннаго мнѣнія г. Ляскоронскаго, высказалъ догадку, что это могли быть сооруженія литовскаго періода, которые служили укрѣпленіями и вмѣщали въ себѣ гарнизонъ, лошадей, пушки и проч. военныя принадлежности, что̀ можно предполагать по тому, что въ нѣкоторыхъ курганахъ видны слѣды устанавливавшихся орудій и склада припасовъ.

---

[1]) The Apology of Aristides edited and translated by T. Rendes Hurris with an appendix by J. Armitage Robinson. Cambridge 1891.

[2]) Рефератъ этотъ напечатанъ въ Кіевскихъ „Университетскихъ извѣстіяхъ“ 1892 г., апрѣль.

В. Г. Ляскоронскій отстаивалъ свое прежнее мнѣніе.

Н. Ѳ. Бѣляшевскій замѣтилъ, что майданы должно разсматривать въ связи съ окружающими ихъ курганами.

И. В. Лучицкій, находя неяснымъ для себя вообще разрѣшеніе вопроса о курганахъ-майданахъ, призналъ нужнымъ нанесеніе на карту всѣхъ этихъ сооруженій.

В. Б. Антоновичъ, не раздѣляя мнѣнія В. З. Завитневича, объявилъ, въ заключеніе преній, вопросъ открытымъ за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, которыя могутъ быть получены только путемъ тщательныхъ археологическихъ раскопокъ.

— —

По произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества единогласно избранъ проф. Имп. Новороссійскаго Университета *Алексѣй Ивановичъ Маркевичъ*.

III. ЗАСѢДАНІЕ 23-го ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. **И. М. Каманинъ** прочелъ рефератъ: *„Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“*.

Указавъ на сходство южно-русской козачьей общины XVI и XVII вв. съ таковыми же общинами XIII в. и отмѣтивъ фактъ ранняго развитія крупнаго землевладѣнія среди козачества, референтъ охарактеризовалъ внутренній строй этой общины и обратилъ вниманіе на ея стремленіе къ политической независимости, не достигнутой однако, какъ вслѣдствіе внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, такъ и вслѣдствіе внутренней борьбы среди казацкой старшины изъ-за власти, съ одной стороны, и землевладѣльцевъ съ безземельными, съ другой [1]).

б) Д. чл. **Н. Ѳ. Бѣляшевскій** сказалъ *„Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры“*. Доказавъ, что предметы, найденные при раскопкѣ „Княжей Горы“ [2]), несомнѣнно принадлежатъ къ первымъ вѣкамъ исторической жизни Русскаго государства, референтъ обратилъ вниманіе на сходство ихъ съ современными: части и принадлежности жилыхъ построекъ измѣнились очень мало; орудія промышленности и ремеслъ также сходны въ большей части; порази-

---

[1]) Настоящій рефератъ, со всѣми относящимися къ нему документами, будетъ напечатанъ въ VIII кн. „Чтен. въ Общ. Нестора лѣт.“

[2]) См. „Чт. въ Общ. Нестора лѣт.“, кн. VI-я, отд. I, стр. 21.

тельнымъ же сходствомъ отличается посуда; сопоставленіе это показываетъ, что въ то время, какъ культура высшихъ слоевъ общества далеко ушла впередъ, низшіе отстали на нѣсколько вѣковъ и были таковыми до недавняго времени, когда съ успѣхами и распространеніемъ современной науки и цивилизаціи исконные предметы домашняго обихода вытѣсняются мало по малу произведеніями новѣйшей фабрикаціи. Это же сравненіе культуры двухъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга эпохъ, съ обнаруженной тождественностью въ формахъ предметовъ, говоритъ также за устойчивость и однородность этнографическаго состава населенія здѣшняго края въ эти двѣ эпохи [1]).

Дополненіе къ этому сообщенію было сдѣлано поч. чл. *В. Б. Антоновичемъ*, который указалъ на то, что въ курганахъ IX—X вв. встрѣчаются слѣды доселѣ существующаго погребальнаго обычая класть замокъ на груди ребенка.

в) Д. чл. М. Н. Ясинскій изложилъ содержаніе реферата д. чл. **Н. Н. Оглоблина**: *„Служба Демьяна Многогрѣшнаго въ Сибири“* [2]).

Въ томъ же засѣданіи, по предложенію г. Предсѣдателя Общества М. Ф. Владимірскаго-Буданова, о п р е д ѣ л и л и: авторамъ, статьи которыхъ печатаются въ „Чтеніяхъ“, можетъ быть выдано, въ случаѣ необходимости, отдѣльныхъ оттисковъ, до выхода въ свѣтъ самой книги „Чтеній“, не болѣе т р е х ъ э к з е м п л я р о в ъ.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 8-го МАРТА.

а) Д. чл. **С. Т. Голубевъ** разсмотрѣлъ важнѣйшія историческія *„Данныя, заключающіяся въ Помянникѣ Кіево-Печерской лавры“*. (См. Прилож. къ VI книгѣ „Чтеній“).

По поводу этого сообщенія сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній поч. чл. *И. И. Малышевскій*, указавшій между прочимъ на то, что во время составленія помянника не было полнаго взаимнаго отчужденія католиковъ и православныхъ.

б) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** прочелъ 1-ю часть своего *„Обзора послѣднихъ изданій Виленской археографической коммиссіи“* (Напечатанъ въ IV-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

в) Д. чл. **В. И. Щербина** сдѣлалъ очеркъ литературной дѣятельности *„Е. П. Рудыковскаго, писателя 30—40 гг.“*

Е. П. Рудыковскій, сынъ сельскаго священника, родился въ с.

[1]) См. „Кіев. Стар.“ за апрѣль 1892 г.

[2]) См. „Чтен. въ Общ. Нестора“, кн. VI, Отд. II, стр. 149.

Ольшанкѣ (Василь. у.) въ 1784 г., воспитывался сначала въ Кіевской академіи, а затѣмъ въ Медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Въ 1812—15 гг., въ качествѣ полковаго врача, участвовалъ въ походахъ въ Россіи (Бородино) и за-границей (Парижъ); къ этому времени относится знакомство его съ нѣкоторыми видными дѣятелями той эпохи—Н. Н. Раевскимъ, М. Ѳ. Орловымъ, А. Н. Красовскимъ. По окончаніи войны, Рудыковскій былъ прикомандированъ къ штабу сего Раевскаго и сопровождалъ послѣдняго въ его извѣстномъ путешествіи на Кавказъ и въ Крымъ, въ которомъ принималъ участіе и Пушкинъ. По возвращеніи Рудыковскій поселился въ Кіевѣ, гдѣ служилъ въ Кирилловской больницѣ и военномъ госпиталѣ, имѣлъ большую практику и значительный кругъ знакомыхъ. Съ открытіемъ въ Кіевѣ университета Рудаковскій сблизился со многими профессорами, въ особенности же съ М. А. Максимовичемъ и В. Я. Шульгинымъ, съ которымъ скоро связало его и родство. Съ открытіемъ университета практика Рудыковскаго значительно сократилась, и онъ умеръ въ 1856 г. въ бѣдности.

Рудыковскій былъ человѣкъ разносторонне образованный и отличался идеалистическимъ складомъ. Житейскія дѣла мало его занимали; гораздо больше интересовался онъ вопросами общественной жизни, науки и литературы. Литературная дѣятельность его представляетъ взаимодѣйствіе различныхъ эпохъ и формъ литературнаго развитія. Начало ея представляютъ схоластическія упражненія, писанныя въ стѣнахъ академіи Кіевской („крестообразная эпиграмма на день ангела митропол. Серапіона“, 1806 г.); къ тому же роду слѣдуетъ отнести и другія произведенія торжественной лирики религіознаго характера, относящіяся иногда къ гораздо болѣе позднему времени („Торжество Православія“, 1848 г.). Въ 30-хъ годахъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, съ одной стороны, а обстоятельствъ времени, съ другой—Рудыковскій пишетъ рядъ патріотическихъ стихотвореній, иногда довольно оригинальныхъ („Крыса“, „Насильный бракъ“) Наконецъ въ исходѣ 30 годовъ, подъ вліяніемъ научныхъ и литературныхъ интересовъ, проявившихся въ университетскихъ кругахъ, поэзія его принимаетъ характеръ реальный и народный. Выраженіемъ этого направленія служитъ рядъ малороссійскихъ стихотвореній, изъ которыхъ лучшими являются сказки („казки“) и басни („байки“). Самъ Рудыковскій придавалъ особенное значеніе этимъ стихотвореніямъ и называлъ себя поэтомъ малороссійскимъ. И дѣйстви-

тельно: религіозная и торжественная лирика его представляетъ отголосокъ отжившаго уже тогда свой вѣкъ одописательства, малорусскія же стихотворенія явились подъ вліяніемъ развивавшагося на его глазахъ плодотворнаго стремленія къ изученію народнаго быта, языка и исторіи [1]).

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избраны *Александръ Петровичъ Яблоновскій*—единогласно и *Евгеній Адріановичъ Безсмертный*—большинствомъ голосовъ.

V. ЗАСѢДАНІЕ 22 МАРТА.

Передъ началомъ чтеній поч. чл. **В. С. Иконниковъ** напомнилъ о послѣдовавшей незадолго передъ тѣмъ неожиданной кончинѣ *издателя „Русской Старины“ М. И. Семевскаго*, и представилъ очеркъ его литературной и издательской дѣятельности. Указавъ на важнѣйшіе его труды, референтъ замѣтилъ, что М. И. Семевскій былъ однимъ изъ первыхъ въ 60-хъ годахъ, познакомившимъ русское общество съ малоизвѣстными эпизодами изъ русской исторіи XVIII стол., для которыхъ онъ воспользовался почти недоступными до того времени правительственными архивами—заслуга немаловажная. Съ 70-хъ годовъ онъ сталъ издавать „Русскую Старину“ и издалъ 73 тома матеріаловъ и изслѣдованій, помѣщенныхъ въ нихъ, относящихся преимущественно къ русской исторіи и литературѣ XVIII и XIX стол. и сопровождаемыхъ обыкновенно портретами и гравюрами, принадлежащими лучшимъ русскимъ художникамъ. Интересъ этого изданія все болѣе возрасталъ, такъ какъ въ послѣдніе годы былъ помѣщенъ на страницахъ „Рус. Старины“ рядъ мемуаровъ, относящихся къ позднѣйшей эпохѣ нашей исторіи. Независимо отъ того, частью на страницахъ „Русской Старины“, а частью отдѣльными книгами при „Рус. Старинѣ“ Семевскій вновь издалъ въ болѣе полномъ и совершенномъ видѣ наиболѣе замѣчательные мемуары XVIII стол., напечатанные прежде небрежно или съ значительными пропусками М. И. Семевскій умѣлъ собирать матеріалы, не всякому доступные, отъ част-

---

[1]) Произведенія Е. П. Рудыковскаго напечатаны въ „Кіев. Стар.“ за май—іюль 1892 года.

ныхъ лицъ. Благодаря этому, въ его коллекціи хранится масса записокъ и частныхъ писемъ, принадлежащихъ разнымъ выдающимся дѣятелямъ на поприщѣ административной и общественной дѣятельности. Этими матеріалами изданіе его журнала можетъ быть на долго обезпечено. Но М. И. Семевскій съ такимъ же самоотверженіемъ относился и къ общественной дѣятельности, въ качествѣ члена разныхъ ученыхъ обществъ и коммиссій, гласнаго С.-Петербургской Думы, а главнымъ образомъ къ дѣлу народнаго образованія и развитія народныхъ школъ. Все это даетъ ему право на память о немъ и въ нашемъ Историческомъ Обществѣ.

Послѣ этого В. С. Иконниковъ сдѣлалъ докладъ объ „*Одномъ изъ проектовъ царствованія Петра Великаго*“, а именно о такъ наз. „Пропозиціяхъ Ѳ. С. Салтыкова“, недавно изданныхъ Общ. любит. русской письменности, въ которыхъ авторъ предлагаетъ учрежденіе по губерніямъ академій общеобразовательнаго характера и женскихъ училищъ, для помѣщенія которыхъ должны быть отведены нѣкоторые монастыри и назначены монастырскія суммы. Проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ референтомъ въ связи съ общимъ направленіемъ образовательныхъ стремленій эпохи Петра Вел. (этотъ рефератъ напечатанъ во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги „Чтеній“).

б) Поч. чл. **И. И. Малышевскій** сообщилъ о „*новонайденныхъ данныхъ для біографіи русскаго первопечатника Ивана Ѳедорова*“ (Сообщеніе это также напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

По поводу этого сообщенія представилъ нѣсколько замѣчаній д. чл. П. В. Владиміровъ.

в) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** охарактеризовалъ личность *А. С. Хомякова*“, развивъ въ своемъ рефератѣ слѣдующія положенія:

Надѣленный отъ природы феноменальными способностями, Хомяковъ путемъ образованія довелъ ихъ до высокой степени развитія. Выраженіемъ логической стороны его развитія была блестящая діалектика, не имѣвшая ничего себѣ равнаго въ окружавшей его средѣ, не бѣдной дарованіями. Какъ ученый, Хомяковъ отличался необыкновенной, буквально универсальной, эрудиціей. Онъ владѣлъ спеціальными свѣдѣніями въ области филологіи, естествознанія, географіи, архитектуры, живописи; но особенно любимыми предметами его занятій были: исторія, философія и богословіе. Плодомъ его занятій по исторіи явился обширный трудъ по всеобщей исторіи, написанный при

условіяхъ, заставляющихъ признать его чудомъ человѣческой памяти, и представляющій попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества въ его совокупности. Какъ философъ, Хомяковъ не только первый въ Россіи и притомъ совершенно самостоятельно представилъ блестящую критику нѣмецкаго раціонализма, но обнаружилъ также и попытку создать свою собственную философскую систему, имѣющую цѣлью устранить недостатки философской школы, основанной Кантомъ; система эта осталась неоконченною. Какъ богословъ, Хомяковъ представилъ блестящій опытъ примѣненія къ пониманію богословскихъ истинъ раціональнаго метода и, между прочимъ, разъяснилъ особенности православной церкви, сравнительно съ католицизмомъ и протестанствомъ. Какъ человѣкъ, Хомяковъ былъ покорнымъ и примѣрнымъ сыномъ церкви. Какъ славянофилъ, онъ былъ основателемъ и руководителемъ кружка славянофиловъ и разумнымъ проповѣдникомъ идеи національности. Какъ поэтъ, Хомяковъ далъ блестящій примѣръ соединенія философіи съ поэзіей, облекая свои завѣтныя думы въ истинно поэтическіе образы [1]).

— —

По произведенной въ настоящемъ засѣданіи баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества Нестора избраны *Юліанъ Ѳомичъ Крачковскій*—большинствомъ голосовъ и *Иванъ Яковлевичъ Спрогисъ*—единогласно.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 19-го АПРѢЛЯ.

а) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** окончилъ „*Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской археографической коммиссіи*“.

б) Д. чл. **Н. И. Ивановъ** сообщилъ и подвергъ разбору „*Мнѣніе А. А. Потебни объ основаніяхъ русскаго народнаго стихосложенія въ связи съ исторіей вопроса*“.

Пѣсня въ устахъ народа есть неразрывное соединеніе музыки и текста. Народная пѣсня слагается не для чтенія, а для пѣнія. Музыкальная сторона народной пѣсни съ практической и теоретической стороны издавна розрабатывалась спеціалистами музыкантами; словесная метрическая—филологами. То и другое направленіе въ рѣ-

[1]) Рефератъ этотъ напечатанъ въ „Славян. Обозрѣніи“ за май 1892 г.

шеніи вопросовъ словесно-народной ритмики и метрики до весьма недавнаго времени шли совершенно обособленно другъ отъ друга, чѣмъ въ значительной степени объясняются разногласія изслѣдователей въ вопросѣ объ основномъ характерѣ русской народной метрики. Усилія музыкантовъ, направленныя къ тому, чтобы подвести напѣвы нашей народной пѣсни подъ законы и формы современной европейской музыки, должны быть признаны совершенно неудачными. Русскіе народные напѣвы въ этихъ попыткахъ оказываются по большей части насильственно втиснутыми въ рамки нѣмецко-итальянской гармонизаціи и значительно искаженными. Подобной же участи подверглось у насъ и древнерусское церковное пѣніе.

Рядомъ съ практическимъ примѣненіемъ современной европейской музыки по народнымъ напѣвамъ идутъ теоретико-музыкальныя изслѣдованія этихъ напѣвовъ, которыя поставили вопросъ на болѣе твердую почву. Наиболѣе видныя теоретико-музыкальныя изслѣдованія русскихъ народныхъ напѣвовъ принадлежатъ: кн. К. В. Одоевскому, А. Н. Сѣрову и г. Сокальскому. Всѣ эти изслѣдователи, въ особенности послѣдній, старались отстоять полную самостоятельность русской народной музыки отъ западно-европейской, при чемъ Сѣровъ находилъ тождество русской музыки съ древнегреческою, Сокальскій же указываетъ лишь на сходство съ нею, тогда какъ основаніе ея нѣсколько иное, именно болѣе древнее и болѣе простое, сравнительно съ музыкою древнегреческою. Основаніе русской народной музыки, по его мнѣнію,—такъ называемая „китайская“, или „шотландская“, гамма.

Взгляды изслѣдователей на ритмическое и метрическое строеніе русской народной пѣсни можно раздѣлить на двѣ категоріи. Одни разсматриваютъ метрическія особенности русской и вообще славянской народной пѣсни съ точки зрѣнія метрики греческой или ея позднѣйшей передѣлки, такъ называемой теоріи тонической (рус. литературн. и нѣмецк.). Другіе стремились указать новыя, своеобразныя и болѣе древнія, чѣмъ греческія, основы славянской народной метрики. Къ первой группѣ изслѣдователей принадлежатъ слѣдующіе наиболѣе видные: Р. Вестфаль, Мельгуновъ, Шафрановъ и Узенеръ. Руководящимъ началомъ этихъ изслѣдователей могутъ служить слова Вестфаля: „Никогда не было и нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ поэзіи или музыки, о ритмикѣ которой можно было бы составить себѣ правильное понятіе иначе, какъ приложивъ къ ней мѣрило греческой

ритмики". На этой точкѣ зрѣнія стоятъ Вестфаль и Мельгуновъ; Шафрановъ примыкаетъ къ нимъ лишь отчасти, признавая, что текстъ пѣсни безъ напѣва не имѣетъ никакого метрическаго строенія.

На точкѣ зрѣнія такъ называемой теоріи тонической стоятъ нѣкоторые изслѣдователи сербскаго народнаго эпоса. Таковы: проф. Зама, Богишичъ, а также Боннскій проф. Узенеръ, проф. Миклошичъ и Ягичъ, примыкая, съ одной стороны, къ тонической теоріи, съ другой приближаются въ своихъ взглядахъ на характеръ общеславянской метрики къ теоріи, получившей начало и развившейся въ русской литературѣ—теоріи Востокова. Изслѣдователи сербскаго эпическаго стиха, размѣръ котораго свойственъ и другимъ славянскимъ народамъ, въ частности русскимъ, согласны лишь въ одномъ, а именно, что стихъ непремѣнно дѣлится на два полустишія. Основаніе же ритма народной пѣсни они видятъ въ удареніи, но приходятъ къ различнымъ выводамъ, какъ относительно мѣста ударенія въ полустишіяхъ, такъ и относительно качества и количества ихъ въ стихѣ.

Вполнѣ отрѣшился отъ воззрѣній греческой метрики въ своихъ взглядахъ на характеръ русскаго народнаго стихосложенія лишь Востоковъ (Опытъ о рус. стихослож., 1817, изд. 2). Русское народное стихосложеніе, по мнѣнію Востокова, обладаетъ своими особенными свойствами, которыя дѣлаютъ его совершенно отличнымъ не только отъ метрическаго, но и отъ тонико-метрическаго, стопослагательнаго, господствующаго въ нашей искуственной поэзіи со времени Ломоносова.

Строеніе русскихъ (древнихъ) пѣсенъ основано, по мнѣнію Востокова, на прозодическомъ періодѣ. „Изъ нихъ считаются не стопы, не слоги, а прозодическіе періоды, т. е. ударенія, по которымъ и должно размѣрять стихъ русскихъ старинныхъ пѣсенъ", говоритъ Востоковъ. Стихъ этихъ пѣсенъ состоитъ изъ 2-хъ либо изъ 3-хъ прозодическихъ періодовъ, а каждый періодъ обыкновенно заключаетъ въ себѣ отъ 2-хъ до 6-ти слоговъ. Русскому народному стиху совершенно чуждо enjambement.

Теорія Востокова была повторена Дубенскимъ (1828), Надеждинымъ (1837), Перевлѣсскимъ (1853) и Классовскимъ (1863). Къ послѣдователямъ же Востокова примыкаетъ и Голохвастовъ (1881).

Вторымъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ метрическаго строенія русскаго, равно какъ и общеславянскаго, народнаго стиха былъ

у насъ Срезневскій. Но его точка зрѣнія та же, что и у Востокова. Основное понятіе его о мѣрѣ народнаго стиха осталось тоже: единица мѣры, которую Срезневскій называетъ также стопою, есть у него значащая часть фразы, объединяемая съ внѣшней стороны удареніемъ, съ внутренней синтактическимъ отношеніемъ частей, относительною синтактическою самостоятельностью. Но Срезневскій значительно расширилъ кругъ наблюденій введеніемъ народныхъ пѣсенъ всѣхъ славянскихъ народовъ и такимъ образомъ далъ теорію общеславянской народной метрики.

Ко взглядамъ Срезневскаго присоединился и Потебня; онъ принялъ безъ всякихъ измѣненій его взглядъ на народную стопу, но главное вниманіе свое въ этомъ вопросѣ сосредоточилъ на отношеніи удареній метрическихъ къ музыкальнымъ, ритма словеснаго, или метра въ тѣсномъ смыслѣ, къ ритму музыкальному. Вопросъ этотъ получилъ особенную важность въ глазахъ Потебни послѣ изслѣдованій Вестфаля, Мельгунова, Шафранова и Неймана. Потебня, подобно своимъ предшественникамъ—Востокову и Срезневскому, совершенно отрицаетъ приложимость къ славянской народной метрикѣ формулъ и законовъ метрики греческой. По вопросу объ отношеніи удареній грамматическихъ къ музыкальнымъ Потебня присоединяется къ мнѣнію проф. Фаминцына о полномъ согласіи, въ громадномъ большинствѣ великорусскихъ пѣсенъ, удареній грамматическихъ съ музыкальными. Малорусскія народныя пѣсни съ этой точки зрѣнія Потебня самъ разсматриваетъ. По этому вопросу онъ приходитъ вообще къ слѣдующимъ выводамъ: а) въ великорусскихъ пѣсняхъ, изданныхъ въ сборникѣ Мельгунова, съ музыкальной и словесной точки зрѣнія, нѣтъ другой, постоянной, необходимой въ каждой отдѣльной пѣснѣ стопы, кромѣ синтактической, которой главное удареніе нерѣдко бываетъ единственнымъ, а возможныя второстепенныя ударенія стоятъ лишь на мѣстѣ этимологическихъ; б) синтактическія стопы народнаго стиха суть вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальныя фразы, и внутри этихъ синтактическихъ и вмѣстѣ музыкальныхъ стопъ никакихъ другихъ стопъ нѣтъ.

Но Потебня не остановился на принятіи лишь теоріи Востокова—Срезневскаго; онъ ставитъ вопросъ шире и касается основъ вообще новоевропейской версификаціи, а равно и русской литературной.

Свое понятіе о стопѣ Потебня не только полагаетъ въ основу народнорусскаго пѣснотворчества, но считаетъ также несомнѣннымъ, что на той же единицѣ синтактической основана мѣра и русскаго литературнаго стихосложенія, а равно и стихосложенія другихъ новоевропейскихъ языковъ, не только германскихъ, но и романскихъ. Пушкинъ отчетливо сознавалъ это, когда, въ наиболѣе зрѣлую пору своей поэтической дѣятельности, создавалъ такія творенія, какъ „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ", „Русалка" и друг. [1]).

По поводу этого сообщенія сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній д. чл. *Ю. А. Кулаковскій*. Онъ доказывалъ, что принимаемое референтомъ противоположеніе изслѣдователей, примѣняющихъ къ русской пѣснѣ законъ греческой ритмики, съ одной стороны, и отыскивающихъ „новыя основы метрики", съ другой, есть недоразумѣніе. Потебня его раздѣляетъ со многими другими и невольно далъ о томъ свидѣтельство выставленной имъ теоріей размѣра пѣсенъ. Принимая вмѣстѣ со Срезневскимъ и другими за единицу измѣренія строя русскихъ пѣсенъ синтактическую основу и пріурочивая къ словесному цѣлому названіе стопы, Потебня выставлялъ, какъ схему размѣра, счетъ слоговъ: 4+3, 4+2, 4+4, 3+4, 5+3 и т. д. Но разъ мы вводимъ счетъ, то тѣмъ самымъ переносимъ вопросъ въ область ритмики, ибо „ритмъ есть время, подѣленное на воспріемлемыя нашимъ слухомъ части", какъ на-вѣки правильно опредѣлилъ его древній Аристоксенъ. Стопой является уже не фраза, не слово, не слогъ, а *время*, соотвѣтствующее фразѣ, слову, слогу. Аристоксенъ, въ ясномъ сознаніи значенія музыкальнаго элемента въ пѣснѣ, настаивалъ, что „слогъ не есть мѣра",—и это есть неопровержимая истина. Недоразумѣніе, въ которомъ повинны многіе русскіе изслѣдователи вопроса о размѣрѣ русской народной пѣсни, имѣетъ своей причиной неполное и неясное представленіе о сущности и характерѣ древнихъ размѣровъ, которые вовсе не суть механическое чередованіе одного долгаго и ударяемаго звука съ однимъ или двумя краткими и неударяемыми, какъ то обыкновенно утверждается у насъ даже лицами, писавшими спеціальныя изслѣдованія о размѣрахъ русской пѣсни. Природа гекзаметра вовсе не исчерпана указаніемъ, что это стихъ изъ шести дактилей въ перемежку со спондеями, на каковой точкѣ зрѣнія остается не только Потебня, но и Сокальскій. Вопросъ о раз-

[1]) Сообщеніе это напечатано въ IV-мъ выпускѣ „Филологическихъ Записокъ" 1892 г.

мѣрѣ русской народной пѣсни вовсе не разрѣшенъ и не разъясненъ Потебнею, ибо его схемы: 4+3, 5+2, 2+2, 3+4 и т. д., суть лишь внѣшнія условія ритма пѣсенъ, а сущность построенія остается даже неуказанной въ этой схематизаціи.

в) Д. чл. **М. С. Грушевскій** прочелъ сообщеніе „*Къ вопросу о Болоховѣ*“ (Напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе поч. чл. В. Б. Антоновичъ и д. чл. *Н. И. Дашкевичъ*. Послѣдній заявилъ, что, по его мнѣнію, референтъ нѣсколько преувеличилъ недостаточность обоснованности опредѣленія территоріи Болохова сопоставленіемъ лѣтописныхъ данныхъ, но тѣмъ не менѣе документъ, открытый референтомъ, представляетъ значительный интересъ.

VII. ЗАСѢДАНІЕ 9-го МАЯ.

а) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** познакомилъ Общество со своими „*Керченскими раскопками лѣтомъ 1891 года*“ (Катакомба съ фресками).

Цѣлью раскопокъ, произведенныхъ референтомъ лѣтомъ 1891 года въ окрестностяхъ Керчи, было, во 1-хъ, разслѣдовать тотъ некрополь на „Глинищѣ“, на который онъ напалъ случайно при раскопкахъ 1890 года, и, во 2-хъ, собрать нѣкоторыя данныя для составленія карты мѣстонахожденія такъ называемыхъ катакомбъ на горѣ Митридата. Раскопки на Глинищѣ производились въ теченіе трехъ недѣль. Разслѣдована была площадь въ тридцать сажень въ длину и столько же въ ширину, при чемъ вскрыто было болѣе 20 гробницъ того типа, который въ Керчи зовутъ земляными съ каменнымъ покрытіемъ. Предметы, найденные при этомъ, какъ-то: перстни, браслеты, пряжки, терракоты, глиняная и стекляная посуда, по сравненію ихъ съ имѣющимися во множествѣ образцами тѣхъ же типовъ, найденныхъ въ прежнее время въ Керченскихъ некрополяхъ, не представляли ничего новаго и необычнаго. Судя по немногимъ, найденнымъ при раскопкахъ, монетамъ и по типамъ вещей, некрополь этотъ можно съ увѣренностью отнести къ I вѣку по Р. Х.

Въ разстояніи полуверсты отъ этого некрополя, ближе къ морю,

произведены были раскопки близъ сада г. Чернявскаго. Здѣсь было вскрыто 13 склеповъ, лежавшихъ большею частью на значительной глубинѣ, отъ 1 до $1^1/_2$ сажени, и оріентированныхъ большею частью на ЮЗ. При костякахъ не оказывалось здѣсь никакихъ вещей, и для изслѣдователя осталось загадкой, съ какого рода типомъ могилъ онъ здѣсь встрѣтился и къ какому періоду многовѣковой жизни Керчи слѣдуетъ его пріурочить. Лишь въ одномъ изъ склеповъ найденъ былъ деревянный, сильно истлѣвшій, гробъ (сколоченный четырехугольнымъ ящикомъ). Лежавшій въ этомъ гробѣ ничкомъ костякъ былъ завернутъ въ матерію, обшитую по краямъ златотканною полосою очень изящнаго рисунка. Куски матеріи и этой обшивки были препровождены въ Императорскую Археологическую Коммисію.

Въ мѣстности по сѣверному склону горы Митридата вскрыто было 12 катакомбъ, которыя и были нанесены на планъ. Въ одной изъ нихъ, расположенной по Госпитальной улицѣ [1]), найдены были вещи, оставленныя тамъ древнимъ грабителемъ, а именно: два желѣзныхъ шлема, обломки брони изъ того же металла, мечи, кинжалъ, наконечникъ копья, 15 наконечниковъ стрѣлъ, нѣсколько бронзовыхъ предметовъ, нѣсколько золотыхъ бляшекъ и пряжекъ. Найденная тамъ же монета имп. Льва I даетъ, быть можетъ, хронологическое указаніе на время совершеннаго здѣсь погребенія. Неподалеку оттуда, близъ „вторыхъ печей Ростовскаго“, найдена была катакомба, стѣны которой украшены фресками. По счету—это девятая со времени открытія перваго и наиболѣе интереснаго памятника этого вида погребеній, открытія, сдѣланнаго Ашикомъ въ 1841 году. Точные снимки съ фресокъ, украшающихъ стѣны вновь открытой катакомбы, исполненные на мѣстѣ подъ наблюденіемъ референта и директора Керченскаго музея, г. Думберга, ученицей школы бар. Штиглица, гж. Васильевой, были предложены на разсмотрѣніе присутствующихъ, при чемъ референтъ представилъ подробное изъясненіе содержанія, характера и стиля фресокъ.

По поводу этого сообщенія сказано нѣсколько словъ д. чл. *А. И. Сонни* (объ изображеніяхъ генія и фортуны на стѣнахъ катакомбы)

---

[1]) По близости отъ христіанской катакомбы 491 года, найденной референтомъ въ 1890 году и уже описанной въ „Матеріалахъ“ Имп. Арх. Ком, вып. 6, Спб., 1891 г.

и поч. чл. *В. Б. Антоновичемъ* (объ оружіи, находившемся въ катакомбѣ, въ которой найдена также монета Льва I, и о принадлежности пещеры приблизительно къ тому же времени).

б) Д. чл. **А. А. Андріевскій** обозрѣлъ содержаніе „*Реляцій Кіевскаго генералъ-губернатора за 1767—1769 гг.*“ (См. въ III-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

в) Д. чл. И. М. Каманинымъ доложенъ былъ рефератъ д. чл. **Н. Н. Оглоблина**: „*Сыскныя дѣла о кладахъ въ XVII в.*“ (См. во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

По поводу выводовъ автора г. Предсѣдатель Общества замѣтилъ, что участіе правительства къ находимымъ кладамъ зависѣло не отъ интереса его къ предметамъ древности, а отъ права его на все, заключающееся въ нѣдрахъ земли.

Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* высказалъ предположеніе, что золотыя гривны, найденныя въ Кутуковскомъ кладѣ, приближаются по формѣ къ Кіевскимъ, а по вѣсу къ Новгородскимъ, т. е. къ среднему переходному типу; „пруты“ Путивльскаго клада — шейныя гривны, а „плащи“, какъ справедливо предполагаетъ референтъ,— не что иное, какъ бляхи кованыхъ поясовъ XIV-XV вв.; что касается до кургановъ, то они не могли быть разрываемы для цѣлей селитрянаго производства.

Въ настоящемъ засѣданіи единогласно избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Иванъ Васильевичъ Помяловскій*, проф. Спб. университета.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 11-го ОКТЯБРЯ.

а) Поч. чл. **В. Б. Антоновичъ** сообщилъ о произведенныхъ имъ „*Дополнительныхъ раскопкахъ въ Бакотскомъ скальномъ монастырѣ*“.

Бакотскій скальный монастырь находится на обрывистомъ берегу Днѣстра у села Бакоты. Гора, возвышающаяся надъ Днѣстромъ, состоитъ изъ пласта третичнаго известняка, подъ которымъ залегаетъ толстый пластъ щебня, подъ нимъ другой пластъ третичнаго известняка и въ основаніи пластъ сѣраго шифера. Монастырскія сооруженія были выкопаны какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ известковыхъ пластахъ; въ верхнемъ уцѣлѣлъ корридоръ, двѣ келліи и нѣ-

сколько ниш. Въ нижнемъ пластѣ было два этажа: въ верхнемъ оказались три пещеры, заключавшія болѣе тридцати гробницъ, высѣченныхъ частью въ полу, частію въ стѣнахъ; здѣсь встрѣчено также много ниш, устроенныхъ въ скалѣ, внѣ пещеръ;-остатки небольшой церкви, на обломкахъ стѣнъ которой еще ясно видны 6 иконъ, писанныхъ красками на камнѣ, и славянская надпись, вырѣзанная на скалѣ у одной изъ ниш и свидѣтельствующая о погребеніи въ ней основателя монастыря, игумена Григорія. Весь этотъ верхній этажъ представлялъ монастырскую усыпальницу. Въ нижнемъ этажѣ уцѣлѣла половина свода церковнаго и по сторонамъ его слѣды двухъ деревянныхъ построекъ. У входа въ церковь въ особой нишѣ помѣщался сосудъ для освященной воды, а подъ сводомъ найдены: оловянные чаша и дискосъ и желѣзный свѣтильникъ. Въ деревянныхъ постройкахъ (изъ одной велъ на противоположный склонъ скалы высѣченный въ ней проходъ) оказалось много оружія, по характеру своему относящагося къ XIV—XV столѣтіямъ: мечи, кинжалы, копья, ножи, стрѣлы, дротики, конская сбруя: стремена, удила, шпоры и т. д., а также значительное количество бытовыхъ предметовъ: мѣдные котлы, висячіе замки, цѣпь съ наручниками, части музыкальнаго инструмента и т. д. Вѣроятно, деревянныя постройки, окружавшія церковь, служили мѣстомъ пребыванія части гарнизона Бакотскаго замка.

б) Д. чл. **В. И. Щербина** въ своемъ докладѣ указалъ на „*Новые матеріалы для исторіи Литовской и Московской Руси въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій*“, заключающіеся въ изданномъ въ началѣ текущаго года во Львовѣ т. I „*Archivum domus Sapiehanae*“ подъ редакціей д-ра А. Прохаски. Томъ этотъ содержитъ въ себѣ переписку (625 писемъ) семьи Сапѣгъ, преимущественно извѣстнаго канцлера Льва Сапѣги, съ разными лицами; между корреспондентами встрѣчаются имена папъ, императоровъ, королей, легатовъ, нунціевъ и друг. Письма обнимаютъ время 1575—1606 гг.; такимъ образомъ они затрогиваютъ важнѣйшія событія: въ Литовской Руси—церковную унію и въ Руси Восточной—смутное время. Унія нашла себѣ выраженіе въ письмахъ Ипатій Поцѣя; въ нихъ онъ то жалуется на грубость и невѣжество русскаго духовенства, не желающаго подчиняться его требованіямъ и нововведеніямъ въ богослуженіе, то выступаетъ на защиту своего сподвижника по распространенію уніи, извѣстнаго Антонія Грековича, осужденнаго на смерть за тяжкое

преступленіе, то проявляетъ претензіи на захватъ богатыхъ церквей (въ г. Владимірѣ) и монастырей (Кіево-печерскій); рядомъ съ этимъ въ его письмахъ мы находимъ указаніе на непріязненныя отношенія короля къ князю Константину Острожскому изъ-за уніи. Козацкое возстаніе слабо обрисовано въ письмахъ. Что касается до событій Восточной Руси, то изъ переписки видно, какъ внимательно слѣдили польскіе государственные люди чрезъ своихъ шпіоновъ за тѣмъ, что происходило въ Москвѣ; такъ, напр., сообщаются слухи объ убійствѣ Годуновымъ великаго князя; о претендентахъ на московскій престолъ, изъ которыхъ къ Мстиславскому самъ умирающій царь относился враждебно, Годунова считалъ недостойнымъ занять престолъ вслѣдствіе его происхожденія изъ простаго народа и преемникомъ своимъ назначилъ Ѳеодора Романовича; передаются толки, будто самъ Годуновъ первый возымѣлъ намѣреніе выставить самозванца для достиженія своихъ цѣлей; далѣе сообщаются извѣстія объ избраніи Годунова и смутахъ въ первые дни его правленія. Въ письмахъ проглядываетъ осторожное и недовѣрчивое отношеніе къ самозванцу. Въ заключеніе референтъ указалъ на односторонность и субъективизмъ во взглядахъ г. Прохаски на событія того времени и въ характеристикѣ историческихъ дѣятелей.

в) д. чл. **Т. Д. Флоринскій** сдѣлалъ библіографическое сообщеніе о новооснованномъ журналѣ Мюнхенскаго профессора Крумбахера: „*Bizantinische Zeitschrift*“, посвященномъ всесторонней разработкѣ византиновѣдѣнія (Напеч. въ журналѣ „Славянское Обозрѣніе“ за текущій годъ).

—

Слушали: докладъ о томъ, что изъ Ярославля отъ *И. А. Тихомірова* получено письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ нѣторыя дополненія къ помѣщенной въ VI-й книгѣ „Чтеній“ статьѣ В. З. Завитневича: „Вторая археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье“. Дополненія г. Тихомірова касаются замѣчанія г. Завитневича (стр. 65 его статьи) о томъ, что топоры съ выдающимся удлиненнымъ тыльемъ (форма №№ 1-й и 2-й таблицы при статьѣ) представляютъ характеристическую особенность топоровъ (собственно сѣкиръ), встрѣчающихся по-преимуществу въ Мерянскихъ курганахъ. „Въ лучшихъ изображеніяхъ Ярославскаго герба (медвѣдь съ сѣкирой), т. е. герба страны по-преимуществу Мерянской“, пи-

шетъ по этому г. Тихомировъ, „сохранилось начертаніе топора, весьма близкаго по своей формѣ къ тѣмъ, что изображены на приложенной къ статьѣ г. Завитневича таблицѣ, а именно къ № 2-му и пожалуй къ 4-му и 5-му, но представляющаго дальнѣйшее развитіе этой формы не безъ нѣкоторой примѣси фантазіи художника-геральдика"; подобный же топоръ находился въ собраніи древняго оружія, принадлежавшемъ отцу г. И. А. Тихомірова и перешедшемъ къ профессору живописи Е. С. Сорокину. Форма топора № 1 на таблицѣ при статьѣ г. Завитневича, названная имъ скиѳской точно также уцѣлѣла до позднѣйшаго времени, и образецъ такого топора, какъ примѣръ устойчивости типа, пріобрѣтенъ авторомъ письма у жителя г. Романова. Обыкновенный (плотничій) топоръ, по мнѣнію г. Тихомірова, развился изъ скиѳскаго топора; колунъ—изъ кельта, или цельта; мясничный образовался, или изъ скиѳскаго, или изъ цельта, или, наконецъ, онъ—видоизмѣненіе плотничьяго топора.

Опредѣлили: благодарить г. И. А. Тихомірова за его сообщеніе.

По произведенной въ этомъ же засѣданіи баллотировкѣ единогласно избранъ въ дѣйствит. члены Общества *Григорій Григорьевичъ Павлуцкій.*

IX. ЗАСѢДАНІЕ 27-го ОКТЯБРЯ.

Настоящее торжественное годичное засѣданіе Общества, въ день памяти преп. Нестора лѣтописца, было открыто Секретаремъ *Н. П. Дашкевичемъ* чтеніемъ составленнаго имъ отчета о дѣятельности, составѣ и средствахъ Общества по 27 окт. 1892 г. (Напечатанъ ниже).

Затѣмъ послѣдовала рѣчь д. чл. *П. В. Владимірова,* въ которой онъ, по случаю имѣвшаго исполниться 29-го октября 50-лѣтія со дня смерти *А. В. Кольцова,* охарактеризовалъ его, какъ человѣка и поэта.

Въ томъ же засѣданіи единогласно избранъ въ почетные члены Общества Нестора лѣтописца *Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ* въ ознаменованіе уваженія Общества къ 50-лѣтней его дѣятельности на пользу русской исторической науки. Сверхъ того, опредѣлено ко дню празднованія его юбилея послать отъ имени Общества Нестора лѣт. поздравительную телеграмму.

ОТЧЕТЪ

о составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1892 году, читанный Секретаремъ Общества въ годичномъ торжественномъ собраніи 27 октября 1892 года.

Пріурочивъ празднованіе своей годовщины къ нынѣшнему дню чествованія памяти древняго славнаго русскаго дѣписателя, имя котораго носитъ, Историческое Общество Нестора лѣтописца представляетъ вашему просвѣщенному вниманію, Мм. Гг. и М. Гг-ни, краткій отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности въ истекающемъ двадцатомъ году своего существованія.

Предлагаемыя свѣдѣнія да послужатъ къ уясненію, выполнило ли Общество достодолжнымъ образомъ все возможное согласно съ его составомъ, средствами и цѣлями.

Понесши въ отчетномъ году утрату въ лицѣ скончавшагося дѣйствительнаго члена К. Н. Воскресенскаго, Историческое Общество принимало дѣятельныя мѣры къ пополненію своего состава свѣжими силами и увеличило этотъ составъ избраніемъ девяти новыхъ дѣйствительныхъ членовъ, въ томъ числѣ: извѣстнаго ученаго, филолога и археолога, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскаго; двухъ почтенныхъ дѣятелей Виленской Археографической коммиссіи, Ю. Ѳ. Крачковскаго и И. Я. Спрогиса; знатока южно-русской старины, автора цѣнныхъ монографій о ней и издателя нѣсколькихъ важныхъ источниковъ для ея изученія, польскаго ученаго А. П. Яблоновскаго и профессора Имп. Новороссійскаго университета А. И. Маркевича.

Значительный составъ Общества, числящаго къ настоящему дню въ своемъ спискѣ 20 почетныхъ и 103 дѣйствительныхъ члена,

можетъ внушать постороннимъ лицамъ преувеличенныя ожиданія отъ дѣятельности Общества, при томъ — соразмѣрно съ матеріальными средствами, которыми могло бы обладать Общество при такомъ количествѣ членовъ.

Но, при оцѣнкѣ дѣятельности Общества, необходимо имѣть въ виду, что, хотя оно состоитъ при Университетѣ, который въ послѣдніе годы выдвинулъ немало достойныхъ дѣятелей исторической науки, таковыхъ въ средѣ дѣйствительныхъ участниковъ въ трудахъ Общества не такъ много. Далѣе, почти половина дѣйствительныхъ членовъ Общества, именно 48, находятся внѣ Кіева—либо потому, что оставили послѣдній для служебной дѣятельности въ иномъ мѣстѣ, либо потому, что никогда и не принадлежали нашему городу и были избраны въ члены Общества большею частію не столько въ разсчетѣ на то или иное содѣйствіе Обществу съ ихъ стороны, сколько въ ознаменованіе уваженія Общества къ ихъ трудамъ. На ряду съ большинствомъ иногородныхъ и нѣкоторые мѣстные дѣйствительные члены не проявляли никакого участія къ преуспѣянію Общества, такъ что въ отчетномъ году даже взносы поступили всего отъ 41 члена (въ количествѣ 205 р.), и Общество нашлось вынужденнымъ считать сложившими съ себя званіе его членовъ восемь лицъ, не принимавшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ никакого участія въ выполненіи задачъ Общества. Безъ отпускаемаго ежегодно правительственнаго пособія въ количествѣ 800 рублей Общество было бы лишено возможности выпускать свое повременное изданіе: „Чтенія“, которое выходитъ теперь болѣе или менѣе правильно и все болѣе и болѣе расширяется и въ объемѣ и въ программѣ, между прочимъ—введеніемъ библіографическаго отдѣла начиная съ VII-й книги, имѣющей выйти въ свѣтъ въ началѣ будущаго года. Расходы по изданію послѣдней предположено покрыть изъ остающихся къ настоящему дню въ кассѣ Общества 876 р. 32 к. Предыдущая—VI-я книга „Чтеній“ появилась въ настоящемъ году и потребовала на свое изданіе 1182 р. 11 к.

Сообщенія, помѣщаемыя въ „Чтеніяхъ“, а также отчасти и матеріалы, не представляютъ подбора статей однороднаго содержанія; но онъ и не могъ быть осуществленъ, такъ какъ доселѣ еще не оказывалось возможности привлечь членовъ Общества къ общей и совмѣстной разработкѣ тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросовъ какого-нибудь отдѣла исторической науки, да и врядъ ли то мыслимо при ши-

ротѣ программы Общества и составѣ его изъ лицъ весьма разнородныхъ спеціальностей въ области исторической науки и наукъ вспомогательныхъ.

По той же причинѣ и сообщенія, читающіяся и излагаемыя въ засѣданіяхъ Общества, весьма разнообразны по содержанію. Въ 8, не считая нынѣшняго, засѣданіяхъ отчетнаго года было предложено 22 сообщенія, и изъ нихъ 5 относилось къ археологіи, 7—къ русской исторіи, 1—къ этнографіи, 3—къ исторіи русской словесности 1—ко всеобщей исторіи. Сверхъ того, было удѣлено три реферата обзору нѣкоторыхъ новѣйшихъ изданій по западно-русской исторіи и византологіи, и были помянуты научныя заслуги скончавшихся въ концѣ прошлаго года и началѣ настоящаго: профессоровъ А. А. Потебни и И. Я. Порфирьева, издателя „Русской Старины“ М. И. Семевскаго, а также литературные труды чешскаго писателя Я. Неруды.

Такова вкратцѣ дѣятельность Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ текущемъ году. Быть можетъ, она не вполнѣ удовлетворитъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявляемы научнымъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ узко-спеціальныя задачи и обладающимъ устройствомъ, составомъ и средствами, соотвѣтствующими этимъ задачамъ. Но Историческое Общество Нестора лѣтописца изначала не принадлежало къ числу такихъ учрежденій. Его цѣль, предуказанная уставомъ, состоитъ въ спеціальной разработкѣ не только отечественной исторической науки въ широкомъ смыслѣ („исторіи политической и церковной, исторіи литературы и права, археологіи, нумизматики и друг.“), но и наукъ вспомогательныхъ, каковы „исторія и литература всеобщая, насколько находятся въ связи съ умственною жизнью Русскаго народа“, а равнымъ образомъ и въ поддержаніи научнаго общенія между мѣстными спеціалистами всѣхъ отдѣловъ исторической науки. Послѣдняя цѣль выполнялась, между прочимъ, тѣмъ, что нѣкоторыя сообщенія вызывали живой обмѣнъ мыслей и свѣдѣній въ средѣ присутствовавшихъ членовъ Общества. Наконецъ, задачи нашего Историческаго Общества, какъ то выяснилось съ того времени, когда во главѣ его стоялъ достопамятный А. А. Котляревскій, должны быть понимаемы еще шире: состоя подъ сѣнію высшаго научнаго учрежденія въ краѣ, Историческое Общество должно служить

однимъ изъ посредствующихъ органовъ живого общенія дѣятелей науки съ образованною публикою и распространенія среди послѣдней интереса къ гуманнымъ знаніямъ, къ серьезному и глубокому изученію прошлаго, какъ ключа къ настоящему и пониманію законовъ жизни, и уваженія къ исторической истинѣ. Поэтому Общество, навсегда сдѣлавшее свои засѣданія доступными для просвѣщенной публики, въ отличіе отъ намѣренія нѣкоторыхъ первыхъ его учредителей, не замыкаясь въ узкій кругъ систематическаго сосредоточенія въ одной какой-нибудь спеціальности, старалось предлагать сообщенія общедоступныя по формѣ и исполненныя болѣе или менѣе общаго интереса. Постоянно видя значительное количество посѣтителей въ стѣнахъ своей аудиторіи, Общество утѣшается мыслію, что дѣятельность его не была безплодна и въ этомъ отношеніи, и что оно успѣло снискать серьезное участіе любителей просвѣщенія къ его трудамъ.

Въ виду указанной только что цѣли—поддержанія научной связи съ образованною публикою—Историческое Общество постановило принять участіе въ происходящемъ въ настоящемъ году общемъ чествованіи полувѣковыхъ и вѣковыхъ годовщинъ со дня прекращенія смертью дѣятельности славныхъ представителей національнаго творчества и рѣшило посвятить настоящее свое торжественное собраніе памяти одного изъ тѣхъ дѣятелей нашей художественной литературы, которые трудились въ существѣ во имя той же великой идеи, какой служитъ и Общество—разумѣемъ національное самопознаніе.

Вышедшій изъ малообразованной среды поэтъ-„кремень“ (по выраженію М. Н. Каткова), Кольцевъ имѣлъ широко объемлющее сердце; между проч., онъ внималъ „съ какой то радостью невольной“ и пѣснямъ „сыновъ Украины привольной“, пѣвшихъ „про жизнь своихъ дѣдовъ“:

И какъ тѣ пѣсни сердцу милы, *говоритъ онъ*,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!

Силою своего чуднаго поэтическаго таланта Кольцовъ достигъ уразумѣнія народнаго духа и возсоздалъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ съ необычайною по силѣ и теплотѣ художественностью жизнь, поэзію повседневныхъ трудовъ, думъ, радостей и печалей, нравственные ин-

тересы и идеалы, удаль-молодечество, грусть и крѣпкую вѣру народныхъ массъ. Онъ приблизилъ насъ къ народу и въ значительной степени содѣйствовалъ превращенію нашей инстинктивной любви къ нему въ любовь сознательную, основанную на пониманіи народнаго характера и жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ онъ причастенъ и передовому умственному движенію своего времени, силясь въ „думахъ“ своихъ постигать и рѣшать тѣ вопросы, которые были предметомъ философскихъ бесѣдъ и горячихъ споровъ въ кружкѣ Станкевича, Бѣлинскаго и друзей послѣдняго, уразумѣть, напр., „духъ вѣчной жизни, самъ себя сознающій въ видахъ безконечныхъ“, міровую идею („Царство мысли“), неразгаданную истину, хотя и „тяжелы“ были ему „думы, сладостна“ лишь „молитва“, и сознавалъ онъ, что

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Такъ явился Кольцовъ прообразомъ, орудіемъ и однимъ изъ первыхъ живыхъ примѣровъ у насъ того общенароднаго единенія въ сферѣ нравственной и эстетической, къ которому лишь недавно мы начали стремиться!

Приложенія къ отчету

за 1892 г.

I. Списокъ членовъ Общества Нестора лѣтописца къ 27-му октября 1892 года [1]).

а) Почетные члены:

Бунге *Николай Христіановичъ*, предсѣдатель Комитета министровъ (27 декабря 1872 г.)

Дондуковъ-Корсаковъ, князь, *Александръ Михайловичъ*, бывшій Кіевскій, Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ (27 декабря 1872 г.).

Бычковъ, *Аѳанасій Ѳеодоровичъ*, директоръ Императорской Публичной библіотеки (29 января 1878 г.).

Петрушевичъ, о. *Антоній*, каноникъ церкви св. Юра во Львовѣ (1 марта 1881 г.).

Ламанскій, *Владиміръ Ивановичъ*, профессоръ С.-Петербургскаго университета (8 мая 1883 г.).

Голубинскій, *Евгеній Евсигніевичъ*, проф. Москов. духовной академіи (9 октября 1883 г.; въ дѣйствительные же члены былъ избранъ 18 мая 1880 г.).

Малышевскій, *Иванъ Игнатьевичъ*, членъ-учредитель, проф. Кіев. духовной академіи (9 октября 1883 г.).

Лебединцевъ, о. *Петръ Гавриловичъ*, членъ-учредитель, каѳедральный протоіерей (9 марта 1886 г.).

Знаменскій, *Петръ Васильевичъ*, проф. Казан. духовной академіи (14 декабря 1886 г.).

---

[1]) Въ настоящемъ спискѣ имена гг. членовъ Общества перечислены въ порядкѣ по времени избранія, которое обозначается при каждомъ имени въ скобкахъ.

Вельяминовъ-Зерновъ, *Владиміръ Владиміровичъ*, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, Попечитель Кіевскаго учебнаго округа (25 сентября 1888 г.).

Бестужевъ-Рюминъ, *Константинъ Николаевичъ*, академикъ, бывшій проф. С.-Петербургскаго университета (20 ноября 1888 г.; въ дѣйств. же члены избранъ 29 января 1878 г.).

Веселовскій, *Александръ Николаевичъ*, академикъ и проф. С.-Петербург. университета (20 ноября 1888 г.).

Рачкій, *Францъ*, членъ Академіи Наукъ въ Загребѣ (20 ноября 1888 г.).

Ягичъ, *Игнатій Викентьевичъ*, академикъ и проф. Вѣнскаго университета (20 ноября 1888 г.).

Деляновъ, графъ, *Иванъ Давыдовичъ*, Министръ Народнаго Просвѣщенія (11 декабря 1888 г.).

Юргевичъ, *Владиславъ Норбертовичъ*, вице-президентъ Одесскаго Общества исторіи и древностей (26 ноября 1889 г.).

Уварова, графиня, *Прасковья Сергѣевна*, предсѣдатель Императорскаго Москов. археологич. общества (15 декабря 1889 г.).

Иконниковъ, *Владиміръ Степановичъ*, членъ-учредитель, проф. университета св. Владиміра (18 марта 1890 г.).

Антоновичъ, *Владиміръ Бонифатіевичъ*, членъ учредитель, проф. университета св. Владиміра (18 марта 1890 г.).

Владимірскій-Будановъ, *Михаилъ Флегонтовичъ*, проф. университета св. Владиміра (24 ноября 1891 г.; въ дѣйствительные же члены избранъ 10 декабря 1875 г.).

Забѣлинъ, *Иванъ Егоровичъ*, предсѣдатель Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (27 октября 1892 г.).

б) Дѣйствительные члены:

Хрущовъ, *Иванъ Петровичъ*, членъ-учредитель, членъ Учебнаго комитета Министерства народнаго просвѣщенія.

Лашкаревъ, *Петръ Александровичъ*, членъ-учредитель, проф. Кіев. духовной академіи и университета св. Владиміра.

Розовъ, *Алексѣй Васильевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (27 декабря 1872 г.).

Фортинскій, *Ѳеодоръ Яковлевичъ*, ректоръ и проф. университета св. Владиміра (3 января 1873 г.).

Модестовъ, *Василій Ивановичъ*, проф. Новороссійскаго университета (3 января 1873 г.).

Романовичъ-Славатинскій, *Александръ Васильевичъ*, проф. университета св. Владиміра (27 января 1874 г.).

Дашкевичъ, *Николай Павловичъ*, проф. университета св. Владиміра (21 ноября 1874 г.).

Мищенко, *Ѳеодоръ Герасимовичъ*, проф. Казан. университета (21-го ноября 1874 г.)

Голубевъ, *Степанъ Тимофеевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи и университета св. Владиміра (8 декабря 1874 г.).

Исаевъ, *Иванъ Петровичъ* (10 октября 1875 г.).

Лучицкій, *Иванъ Васильевичъ*, проф. университета св. Владиміра (16 ноября 1875 г.).

Павловъ, *Платонъ Васильевичъ*, бывшій проф. университета св. Владиміра (4 марта 1876 г.).

Лавровскій, *Николай Алексѣевичъ*, попечитель Дерптскаго учебнаго округа (8 января 1877 г.).

Будиловичъ, *Антонъ Семеновичъ*, ректоръ и проф. Дерпт. университета (8 января 1877 г.).

Кочубинскій, *Александръ Александровичъ*, проф. Новорос. университета (8 января 1877 г.).

Майковъ, *Леонидъ Николаевичъ*, академикъ и помощникъ директора Императорской Публичной библіотеки (29 января 1878 г.).

Демченко, *Василій Григорьевичъ*, проф. университета св. Владиміра (29 января 1878 г.).

Петровскій, *Мемнонъ Петровичъ*, бывшій проф. Казан. университета (29 января 1878 г.).

Левицкій, *Орестъ Ивановичъ* (29 января 1878 г.).

Савваитовъ, *Павелъ Ивановичъ*, членъ Императорскаго Русскаго географическаго общества (17 сентября 1878 г.).

Истоминъ, *Михаилъ Павловичъ* (12 ноября 1878 г.).

Науменко, *Владиміръ Павловичъ* (12 ноября 1878 г.).

Ждановъ, *Иванъ Николаевичъ*, проф. С.-Петербург. историко-филологич. института (25 февраля 1879 г.).

Лилеевъ, *Михаилъ Ивановичъ*, (18 марта 1879 г.).

Малининъ, *Василій Николаевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (18 марта 1879 г.).

Житецкій, *Павелъ Игнатьевичъ* (18 марта 1879 г.).

Любовичъ, *Николай Николаевичъ*, проф. Варшав университета (9 декабря 1879 г.).

Люба-Радзиминскій, *Сигизмундъ Владиміровичъ* (9 декабря 1879 г.).

Ефименко, *Петръ Саввичъ* (1880 г.).

Лазаревскій, *Александръ Матвѣевичъ* (1880 г.).

Успенскій, *Ѳеодоръ Ивановичъ*, проф. Новорос. университета (1880 г.).

Андріевскій, *Алексѣй Александровичъ* (1 марта 1881 г.).

Багалѣй, *Дмитрій Ивановичъ*, проф. Харьков. университета (1 марта 1881 г.).

Пономаревъ, *Степанъ Ивановичъ* (1 марта 1881 г.).

Линниченко, *Иванъ Андреевичъ*, приватъ-доцентъ Москов. университета (4 октября 1881 г.).

Стороженко, *Андрей Владиміровичъ* (4 октября 1881 г.).

Голубовскій, *Петръ Васильевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра (25 октября 1881 г.).

Каманинъ, *Иванъ Михайловичъ* (25 октября 1881 г.).

Флоринскій, *Тимофей Дмитріевичъ*, проф. университета св. Владиміра (14 марта 1882 г.).

Соколовъ, *Матвѣй Ивановичъ*, проф. Москов. университета (25 апрѣля 1882 г.).

Трегубовъ, *Елисей Кипріановичъ* (25 апрѣля 1882 г.).

Иващенко, *Петръ Семеновичъ* (3 ноября 1882 г.).

Прохаска, *Антоній Антоніевичъ*, проф. Львов. университета (12 декабря 1882 г.).

Брандтъ, *Романъ Ѳеодоровичъ*, проф. Москов. университета (1882 г.).

Кулаковскій, *Юліанъ Андреевичъ*, проф. университета св. Владиміра (23 января 1883 г.).

Соболевскій, *Алексѣй Ивановичъ*, проф. С.-Петербург. университета (23 января 1883 г.).

Ястребовъ, *Митрофанъ Филипповичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (23 января 1883 г.).

Кулишеръ, *Михаилъ Игнатьевичъ* (23 января 1883 г.).

Синицкій, *Даніилъ Александровичъ* (27 февраля 1883 г.).

Щербина, *Владиміръ Ивановичъ* (22 мая 1883 г.).

Ляскоронскій, *Владиміръ Григорьевичъ* (9 октября 1883 г.).

Горленко, *Василій Петровичъ* (29 января 1884 г.).

Бережковъ, *Михаилъ Николаевичъ*, проф. Нѣжин. историко-филологич. института (29 апрѣля 1884 г.).

Дмитріевскій, *Алексѣй Аѳанасьевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (13 мая 1884 г.).

Покровскій, *Ѳеодоръ Яковлевичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (13 мая 1884 г.).

Завитневичъ, *Владиміръ Зеноновичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (27 января 1885 г.).

Николайчикъ *Ѳеодоръ Даниловичъ* (27 января 1885 г.).

Оглоблинъ, *Николай Николаевичъ* (9 марта 1886 г.).

Мазараки, *Сергѣй Аркадьевичъ* (27 апрѣля 1886 г.).

Степовичъ, *Андроникъ Іоанникіевичъ* (22 марта 1887 г.).

Стороженко, *Николай Владиміровичъ* (22 марта 1887 г.).

Сикорскій, *Иванъ Алексѣевичъ*, проф. университета св. Владиміра (26 апрѣля 1887 г.).

Праховъ, *Адріанъ Викторовичъ*, проф. университета св. Владиміра (21 февраля 1888 г.).

Булгаковъ *Аѳанасій Ивановичъ*, проф. Кіев. духовной академіи (3 апрѣля 1888 г.).

Кнауэръ, *Ѳеодоръ Ивановичъ*, проф. университета св. Владиміра (3 апрѣля 1888 г.).

Владиміровъ, *Петръ Владиміровичъ*, проф. университета св. Владиміра (30 октября 1888 г.).

Красносельцевъ, *Николай Ѳомичъ*, проф. Новорос. университета (30 октября 1888 г.).

Сонни, *Адольфъ Израилевичъ*, проф. университета св. Владиміра (29 января 1889 г.).

Бершадскій, *Сергѣй Александровичъ*, проф. С.-Петербург. университета (30 апрѣля 1889 г.).

Ясинскій, *Михаилъ Никитичъ* (30 апрѣля 1889 г.).

Теличенко, *Иванъ Васильевичъ* (30 апрѣля 1889 г.).

Дверницкій, *Емельянъ Николаевичъ* (4 февраля 1890 г.).

Василенко, *Викторъ Ивановичъ* (4 февраля 1890 г.).

Ясинскій, *Антонъ Никитичъ* (18 марта 1890 г.).

Клячинъ, *Василій Петровичъ* (22 апрѣля 1890 г.).

Молчановскій *Никандръ Васильевичъ* (22 апрѣля 1890 г.).

Петрушевскій, *Дмитрій Моисеевичъ* (22 апрѣля 1890 г.).

Мусинъ-Пушкинъ, графъ, *Александръ Алексѣевичъ*, помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа (7 октября 1890 г.).

Ровинскій, *Павелъ Аполлоновичъ* (21 октября 1890 г.).

Ивановъ, *Николай Ивановичъ* (11 ноября 1890 г.).

Турцевичъ, *Иванъ Григорьевичъ* (11 ноября 1890 г.).

Мякотинъ, *Венедиктъ Александровичъ* (11 ноября 1890 г.).

Пискорскій, *Владиміръ Константиновичъ* (11 ноября 1890 г.).

Крыловскій, *Амвросій Семеновичъ* (25 ноября 1890 г.).

Кивлицкій, *Евгеній Александровичъ* (17 марта 1891 г.).

Грушевскій, *Михаилъ Сергѣевичъ* (19 мая 1891 г.).

Ивановъ, *Павелъ Андреевичъ* (19 мая 1891 г.).

Бубновъ, *Николай Михайловичъ*, проф. университета св. Владиміра (6 октября 1891 г.).

Бѣлогрицъ-Котляревскій, *Леонидъ Сергѣевичъ*, проф. университета св. Владиміра (6 октября 1891 г.).

Бѣляшевскій, *Николай Ѳедотовичъ* (10 ноября 1891 г.).

Ляскоронскій, *Василій Григорьевичъ* (10 ноября 1891 г.).

Анненскій, *Иннокентій Ѳеодоровичъ* (24 ноября 1891 г.).

Василенко, *Николай Прокофьевичъ* (24 ноября 1891 г.).

Леопардовъ, *Николай Александровичъ* (8 декабря 1891 г.).

Истоминъ *Ѳеодоръ Павловичъ* (26 января 1892 г.).

Черневъ, *Николай Павловичъ* (26 января 1892 г.).

Маркевичъ, *Алексѣй Ивановичъ*, проф. Новорос. университета (9 февраля 1892 г.).

Яблоновскій, *Александръ Петровичъ* (23 февраля 1892 г.).

Безсмертный, *Евгеній Адріановичъ* (23 февраля 1892 г.).

Крачковскій, *Юліанъ Ѳомичъ* (22 марта 1892 г.).

Спрогисъ, *Иванъ Яковлевичъ* (22 марта 1892 г.).

Помяловскій, *Иванъ Васильевичъ*, проф. С.-Петербургскаго университета (9 мая 1892 г.).

Павлуцкій, *Григорій Григорьевичъ*, приватъ-доцентъ университета св. Владиміра (11 октября 1892 г.).

II. СОВѢТЪ ОБЩЕСТВА.

а) Должностныя лица:

Предсѣдатель Общества—Михаилъ Флегонтовичъ *Владимірскій-*

Будановъ (съ 21 октября 1890 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.; первое избраніе въ предсѣдатели состоялось 1 ноября 1887 г.).

Кандидатъ предсѣдателя — Иванъ Игнатьевичъ *Малышевскій* (съ 10 декабря 1889 г.; въ этой должности и членомъ совѣта состоитъ со времени учрежденія Общества).

Казначей—Ѳеодоръ Яковлевичъ *Фортинскій* (съ 10 декабря 1889 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.).

Секретарь—Николай Павловичъ *Дашкевичъ* (съ 10 декабря 1889 г., а членомъ совѣта съ 11 октября 1881 г.; первое избраніе въ должность секретаря состоялось 12 февраля 1878 г.).

Библіотекарь и помощникъ секретаря — Иванъ Михайловичъ *Каманинъ* (въ должности библіотекаря—съ 21 октября 1890 г. и въ должности помощника секретаря—съ 22 апрѣля того же года).

б) Члены:

Петръ Гавриловичъ *Лебединцевъ* (со времени учрежденія Общества).

Владиміръ Степановичъ *Иконниковъ* (со времени учрежденія).

Владиміръ Бонифатіевичъ *Антоновичъ* (со времени учрежденія).

Петръ Александровичъ *Лашкаревъ* (со времени учрежденія.)

Алексѣй Васильевичъ *Розовъ* (съ 3 января 1873 г.).

Степанъ Тимофеевичъ *Голубевъ* (съ 25 октября 1881 г.).

Иванъ Васильевичъ *Лучицкій* (съ 10 февраля 1885 г.).

Орестъ Ивановичъ *Левицкій* (съ 10 февраля 1885 г.).

Редакціонный Комитетъ по изданію „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“.

Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя Общества, его кандидата, казначея, секретаря и двухъ членовъ совѣта (В. С. *Иконникова* и В. Б. *Антоновича*—избранныхъ 1 октября 1889 г.).

III. Численный составъ Общества Нестора лѣтописца.

Къ началу 1892 г. Общество состояло изъ 20 почетныхъ и 103 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіе года избраны: одинъ почетный членъ (И. Е. Забѣлинъ) и девять дѣйствительныхъ.

Въ тотъ же періодъ времени выбылъ за смертью одинъ (К. Н. Воскресенскій) и признаны сложившими съ себя званіе членовъ восемь дѣйствительныхъ.

Затѣмъ къ 27 октября 1892 г. въ Обществѣ числятся 21 почетный и 103 дѣйствительныхъ члена.

IV. Библіотека Общества.

А) *Въ библіотекѣ Общества* къ началу 1892 г. находилось на лицо сочиненій и изданій по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ—662 названія въ 1222 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года вновь поступило 114 названій въ 316 томахъ и брошюрахъ.

Затѣмъ къ 27 октября 1892 г. имѣется 776 названій въ 1538 томахъ и брошюрахъ.

Наибольшее число книгъ получено отъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, Московскаго археологическаго общества, Археологической коммиссіи (въ С.-ПБ.) и Дерптскаго университета, не считая нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, на которыя Общество Нестора обмѣниваетъ свои „Чтенія“.

Б) Въ *Отдѣлѣ рукописей* новыхъ поступленій не было, и къ 27 октября 1892 г. состоитъ на лицо: α) отдѣльныхъ документовъ—11; β) фотографическихъ снимковъ рукописей—2 и γ) книгъ-рукописей—5.

В) *Изданій Общества*, по разсылкѣ ихъ членамъ и продажѣ, къ 27 октября 1892 г. осталось:

а) „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца“: книги I-й—48, кн. II-й—113, кн. III-й—44, кн. IV-й—202, кн. V-й—220 и кн. VI-й—250 экземпляровъ.

б) „Трудовъ III-го Археологич. Съѣзда“, состоявшагося въ Кіевѣ,—56 экз. (каждый изъ двухъ томовъ съ атласомъ).

в) „Указателя выставки III-го Археологич. Съѣзда“—156 экз.

г) „Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси“—285 экз.

д) „Поминки по А. А. Котляревскомъ“—97 экз.

V. Денежныя средства Общества.

Суммы Общества Нестора лѣтописца находились съ 8-го декабря 1891 г. по 27-е октября 1892 г. въ слѣдующемъ движеніи:

Поступило:		*Израсходовано:*	
а) Остатка 1891 г.	1085 р. 79 к.	а) На изданіе VI-й книги „Чтеній“	1182 р. 11 к.
б) Изъ Госуд. Казначейства . .	800 р. —	б) На библіотеку, канцелярію и устройство засѣданій	131 р. 70 к.
в) Член. взносовъ только . . .	205 р. —		
г) Отъ продажи изданій Общества	99 р. 38 к.		
Итого . .	2190 р. 17 к.	Итого . .	1313 р. 81 к.

Къ 27-му октября 1892 г. осталось въ наличности 876 р. 36 к.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СВѢДѢНІЯМЪ О ЗАСѢДАНІЯХЪ.

Памяти Яна Неруды, чешскаго писателя.

(Чтеніе д. чл. А. І. Степовича въ засѣданіи 26 января 1892 г.).

22 августа прошлаго года славянскій литературный міръ понесъ тяжелую и притомъ преждевременную утрату: скончался, имѣя всего лишь 57 лѣтъ отъ роду, одинъ изъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей не только чешской, но и всей славянской литературы *Янъ Неруда*. Нашему Историческому Обществу тѣмъ съ большимъ правомъ мы дѣлаемъ краткій докладъ о значеніи этого писателя, что, кромѣ чисто литературной дѣятельности, онъ занимался и народовѣдѣніемъ; его хотя и не особенно частые и, пожалуй, даже довольно случайные труды въ этой области отличались однако замѣчательнымъ знаніемъ народа, были согрѣты любовью къ нему и всегда производили на читающее общество должное впечатлѣніе; такова, напримѣръ, одна изъ самыхъ послѣднихъ, предсмертныхъ его работъ, посвященная вопросу объ исчезновеніи *народной пѣсни*, о постоянно замѣчающемся неуклонномъ уменьшеніи въ народѣ любви къ пѣнію [1]). Это знаніе народа сказалось и въ чисто литературной дѣятельности покойнаго.

Я познакомился съ Нерудою лѣтъ пять-шесть тому назадъ, хотя случалось видѣть его и раньше.

Это былъ уже довольно значительно, повидимому, ослабѣвшій въ борьбѣ съ жизнію и болѣзненный человѣкъ, о чемъ легко можно было заключить какъ по его наружности, такъ и по той крайней сдержанности, какая замѣчалась во всемъ вообще его поведеніи и способѣ обращаться съ мало знакомыми людьми; но присущій ему юморъ скрадывалъ это впечатлѣніе. Если предметъ разговора бывалъ по чему-либо интересенъ, задѣвалъ, такъ сказать, за живое, то Неруда, вообще чрезвычайно неразговорчивый, оживлялся тогда и иной разъ даже словно преображался. Литературные интересы, заботы о народномъ преуспѣяніи и вообще идеи высшаго порядка всегда дѣлали его и болѣе разговорчивымъ, и остроумнымъ, и менѣе сдержаннымъ. При нашемъ первомъ знакомствѣ разговоръ зашелъ о новомъ изданіи, предпринятомъ Нерудою, именно

---

[1]). См. его горячія „Dvě slovíčka v čas o národní písni“ въ фельетонѣ газеты „*Národní listy*“ отъ 28 іюня и 5 іюля 1891 года.

„*Poetické besedy*“, нѣсколько первыхъ выпусковъ котораго незадолго предъ тѣмъ вышли въ свѣтъ иждивеніемъ книготорговли Э. Валечки. Первый выпускъ этого прекраснаго изданія составляли „*Баллады и романсы*“ самого автора, т. е. Неруды, и объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ балладъ (O duši Karla Borovského, т. е. о душѣ Карла Гавличка-Боровскаго, извѣстнаго писателя) этой книжечки я тогда же отозвался [1]) съ самой лучшей стороны, какъ о произведеніи, превосходно передавшемъ народную основу и характеръ любопытнаго преданія и не менѣе совершенномъ со стороны содержанія и стиха. Я именно указывалъ на то, какъ хорошо выразилось въ этой балладѣ замѣчательное народное пониманіе смысла писательской дѣятельности такого крупнаго стоятеля и радѣтеля за народъ, какимъ былъ извѣстный австрійскій мученикъ за народную идею, авторъ замѣчательныхъ „Тирольскихъ элегій“, переведенныхъ и по-русски, Карлъ Гавличекъ-Боровскій. [2]) Неруда принялъ мои похвалы, какъ совершенно искреннюю дань дѣйствительнаго уваженія къ его крупному писательскому дарованію и ничуть не обнаружилъ при этомъ того нерѣдкаго писательскаго смиренія, которое обыкновенно бываетъ „паче гордости“; онъ принялъ мое признаніе его литературныхъ заслугъ вполнѣ просто и естественно безъ того, такъ сказать, жеманства, какое можно часто замѣчать въ подобныхъ случаяхъ. Поблагодаривъ меня за мою критическую статейку о его поэтическомъ сборникѣ „*Космическія пѣсни*“ („Písně kosmické“), напечатанную въ Кіевскомъ „Славянскомъ ежегодникѣ“, въ т. 5, онъ заявилъ также просто и естественно и свое согласіе съ моими взглядами... Вообще впечатлѣніе отъ нашего знакомства осталось у меня самое благопріятное для покойнаго. Относительно славянскаго вопроса онъ не успѣлъ или, можетъ быть, не хотѣлъ высказаться съ тою подробностію, какой я желалъ и ожидалъ отъ него, и всѣ наши разговоры свелись къ жалобамъ на крайне малое взаимное знакомство славянъ съ явленіями литературной и общественной жизни. Это малое знакомство сказалось даже при нашемъ разговорѣ: Неруда имѣлъ довольно смутное понятіе о смыслѣ совер-

---

[1]) Баллада эта приведена въ моей „Исторіи Чешской литературы“ (Кіевъ. 1886 г.), стр. 223—226.

[2]) О немъ см. въ той же книгѣ на стр. 208—211: „Тирольскія элегіи“; см. также въ книгѣ Н. Гербеля: „Поэзія славянъ“.

шавшейся тогда и прежде на Руси литературной и общественной дѣятельности; съ другой стороны, и я тогда только что, можно сказать, начиналъ основательное изученіе чешской жизни и литературы... Этимъ и объяснялись легко нѣсколько случаевъ нашего взаимнаго непониманія, обнаружившихся въ теченіе разговора... Впрочемъ, Неруда въ своей литературной дѣятельности, какъ кажется, намѣренно избѣгалъ славянскаго вопроса, къ которому, повидимому, относился скептически.

Чешская критика вообще держится самаго высокаго мнѣнія о литературномъ значеніи покойнаго Неруды: *онъ считается просто чешскимъ Боккаччіо, творцемъ легкой и изящной чешской прозы*, и. мнѣ кажется, вполнѣ справедливо. Достаточно прочесть его замѣчательные фельетоны въ разныхъ чешскихъ повременныхъ изданіяхъ (особенно въ „*Народныхъ листахъ*“ съ 1865 г.) [1]), чтобы убѣдиться въ этомъ. Превосходное знаніе чешской дѣйствительности, непосредственный юморъ, благородная подкладка общественныхъ и литературныхъ воззрѣній писателя, легкій и изящный языкъ—все это придаетъ его блестящимъ наброскамъ и обозрѣніямъ скорѣе вѣчное значеніе, чѣмъ то скоропреходящее, какое обыкновенно выпадаетъ на долю подобнаго рода произведеній. Пониманіе и знаніе народной жизни въ произведеніяхъ Неруды такъ велики, что эти произведенія могутъ иногда служить матеріаломъ даже для соціологическихъ изученій и выводовъ... Литературная дѣятельность Неруды была очень разнообразна и успѣшна почти во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, кромѣ статей по народовѣдѣнію, путевыхъ записокъ и фельетоновъ, онъ писалъ очень недурныя *драматическія произведенія*, между коими особенно выдаются *комедіи* по ихъ неподдѣльной веселости, сценичности и юмору (таковы, напр., Женихъ съ гладу, Прадана Ласка и др.), повѣсти и разсказы (Арабески, Малостранске повидки и др.), [2]) стихотворенія и пр.

[1]) Фельетоны эти помѣщены и въ полномъ собраніи сочиненій Неруды. Изданы и отдѣльно Э. Валечкою.

[2]) Разсказы Неруды вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ пяти выпускахъ, заключающихъ въ себѣ, между прочимъ, нѣсколько такихъ очерковъ и изображеній, которые смѣло можно совѣтовать даже для перевода на инославянскіе и инородные языки. Таковы, напр., нѣкоторыя статьи 4-го выпуска (Menši cesty, т. е. дороги, путешествія), критическія оцѣнки театральныхъ и литературныхъ явленій и т. п. Нѣкоторые изъ небольшихъ разсказовъ Неруды переведены мною и помѣщены въ 1888 г. въ „Славянской Бесѣдѣ“ (вып. I., изд. Кіевскаго Славянскаго общества); такоы изъ „Арабесокъ“ три разсказа: „Былъ негодяемъ“, „Арфистъ Іосифъ“, „Дурачекъ Іона“. Въ „Славянскомъ Обозрѣніи“ за 1892 г. напечатано нѣсколько „Малостранскихъ разсказовъ“ (напр. „Панъ Ришанекъ и панъ

Послѣдняя область писательской дѣятельности Неруды, т. е. стихотворная, на нашъ взглядъ, оказывается наименѣе удачною, говоря, впрочемъ, относительно. Нельзя однако не замѣтить, что стихотворенія эти, усердно переводившіяся *на нѣмецкій языкъ*, доставили Нерудѣ извѣстность и за узкими предѣлами „родной литературы. Нѣмецкая критика именно цѣнила въ этихъ произведеніяхъ отсутствіе того ненавистнаго ей *„властенецтва“*, т. е. крайняго патріотическаго увлеченія всѣмъ роднымъ и превознесенія его, какимъ такъ ярко отмѣчена чешская поэзія предыдущаго староромантическаго періода (до 1848 года), особенно послѣ открытія извѣстныхъ памятниковъ Зеленогорской и Краледворской рукописей [1]). Эта критика бывала иногда такъ милостива къ Нерудѣ, что находила его произведенія достойными распространенія не только въ нѣмецкомъ читающемъ обществѣ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ читателей всемірной литературы; она цѣнила въ нихъ, повторяю, кромѣ выдающагося поэтическаго и беллетристическаго дарованія, напоминающаго по своему характеру Гейневское, еще и извѣстный *космополитизмъ направленія*, отсутствіе рѣзкой узконаціональной окраски. Мелкимъ очеркамъ, разсказамъ и фельетоннымъ статьямъ Неруды нѣмецкая критика также придавала большое значеніе и въ нихъ видѣла даже выраженіе подлиннаго его писательскаго призванія. Особенно восхвалялись ею „Малостранскіе разсказы“ (*„Malostranské povídky“*), гдѣ, дѣйствительно, мы находимъ превосходное изображеніе своеобразной жизни той любопытной части города Праги, которая обыкновенно называется „Мала страна“. Отношеніе Неруды въ этихъ повѣстяхъ къ своимъ героямъ и ихъ мелкой, невид-

---

Шлегль“) въ переводѣ Э. П. П-ской. Кромѣ того, одинъ разсказъ изъ „Арабесокъ“ („Онъ былъ негодяемъ“) помѣщенъ, впрочемъ въ неисправномъ и нѣсколько даже сокращенномъ переводѣ, въ еженедѣльномъ изданіи „Живописное Обозрѣніе“ за 1884 годъ, № 21.

Критической оцѣнкѣ, сколько намъ извѣстно, было подвергнуто въ русской литературѣ лишь одно произведеніе: „Космическія пѣсни“ (см. мои „Этюды въ области новой Чешской литературы, “вып. I, Кіевъ, 1884 г., а также „Славянскій ежегодникъ“, кн. 5, Кіевъ, 1882 г.)

Изъ вышеприведеннаго, такимъ образомъ, видно, какъ еще мало у насъ сдѣлано для распространенія произведеній Я. Неруды въ русскомъ читающемъ обществѣ Въ Прагѣ въ настоящемъ году предпринято книгопродавцемъ Ф. Топичемъ новое изданіе сочиненій Неруды.

[1]) См. напр. хотя бы любопытную статью г. Густава Карпелеса въ Берлинскомъ повременномъ изданіи „Das Magasin für Litteratur“, за 1891 г., № 50. Статья эта, останавливающаяся, главнымъ образомъ, на „Космическихъ пѣсняхъ“, прямо отзывается о Нерудѣ, какъ о наиболѣе симпатичномъ для нѣмцевъ чешскомъ поэтѣ, сумѣвшемъ переступить узкія границы своей родной словесности и подняться до общечеловѣческихъ интересовъ. Но это можно сказать и о всѣхъ другихъ поэтахъ новѣйшей чешской школы: Галькѣ, Верхлицкомъ Ярославѣ и пр.

ной жизни отзывается, смѣло можно сказать, чѣмъ то Гоголевскимъ... Мы не имѣемъ теперь возможности долго останавливаться на оцѣнкѣ литературной дѣятельности Неруды и только въ заключеніе отмѣтимъ сущность сказаннаго: 1) вмѣстѣ съ Галькомъ Витѣзславомъ и Гейдукомъ Адольфомъ Нерула считается въ чешской литературѣ *начинателемъ новоромантическаго литературнаго направленія, отмѣченнаго печатью извѣстной доли скептицизма и затѣмъ космополитизма;* 2) какъ иллюстраторъ народной жизни и беллетристъ, выказалъ онъ замѣчательно крупное дарованіе и рѣдкую наблюдательную способность; 3) какъ распорядитель Валечкова изданія „Poetické besedy", онъ обнаружилъ и много вкуса, и пониманіе потребностей читающаго общества въ родной словесности. Знаніе народной среды и жизни помогли Нерудѣ придать своимъ произведеніямъ значительную степень долговѣчности, помимо того чисто беллетристическаго интереса, какой они возбуждаютъ и, конечно, долго еще будутъ возбуждать въ читающемъ чешскомъ обществѣ. Намъ остается только пожелать, чтобы приснопамятный чешскій писатель поскорѣе нашелъ себѣ инославянскихъ читателей и переводчиковъ.

Для образца стихотворнаго творчества Я. Неруды приводимъ въ собственномъ посильномъ переводѣ, за неимѣніемъ лучшаго, одно изъ любопытнѣйшихъ его произведеній, именно „Балладу о душѣ Карла Боровскаго", т. е. Гавличка, извѣстнаго поэта и стоятеля за народное дѣло, мученика народной идеи. Къ сожалѣнію, мой слабый подстрочный переводъ не въ состояніи передать всей яркости и своеобразной изобразительности подлинника. Желающіе познакомиться съ этимъ послѣднимъ могутъ найти его, какъ сказано выше, въ моемъ „Очеркѣ исторіи Чешской литературы" (Кіевъ, 1886 г.) Они тогда могутъ лично убѣдиться, въ какой мѣрѣ поэтъ сумѣлъ сохранить въ своемъ произведеніи то замѣчательное простодушіе и непосредственный, такъ сказать, юморъ, которые такъ свойственны его подлинно-народнымъ произведеніямъ.

По долинѣ слезъ, печали,
Двѣ души шли безъ устали.
Третья душа вслѣдъ за ними
Поспѣшаетъ по долинѣ.
Къ дверямъ рая подбѣжали,
Въ нихъ всѣ разомъ постучали.
—Встаньте, Петръ, съ ключемъ пойдите,
Кто стучится, посмотрите!
—Тамъ двѣ добрыхъ души, Боже,
Съ ними грѣшная: негоже!
—Добрыхъ двухъ вы пропустите,
Третію же прогоните!
Укажите путь-дорогу
Прямо къ адскому порогу!—
Только что святые вмѣстѣ
Поспѣшили къ столу сѣсти,

Новая пришла забота:
Бухъ—бухъ въ райскія ворота.
—Зстаньте, Петръ, съ ключемъ пойдите,
Кто стучитъ тамъ, посмотрите!—
—Снова грѣшная душа здѣсь,
Взбудоражила намъ рай весь:
Цѣлымъ тѣломъ напираетъ
И въ ворота ударяетъ.
—Отъ воротъ ее гоните,
Въ бездну поскорѣй свалите;
Въ ходъ свои пустите руки,
Пусть узнаетъ ада муки!—
—Нѣтъ не такъ, о сынъ мой милый;
Грѣшницѣ прости ты вины!
—Мама, ты бъ ее спросила,
Добраго что учинила?
Сколько праздниковъ святила,
Сколько пятницъ постомъ чтила?
И молитвы ль не лѣпилась
Къ небу возсылать, постилась?
—Праздниковъ я не святила,
Пятницъ тоже я не чтила
И лишь къ небу я съ одною
Обращалася мольбою.
—Ну, такъ стань ты на колѣни,
Объясни свои моленья.
„Янъ святый изъ Непомука,
Дай намъ, чехамъ, свою руку;
Пусть языкъ нашъ, какъ твой въ гробѣ,
Не сгніетъ на горе злобѣ!“
Тутъ Христосъ ее привѣтилъ
И ей ласково отвѣтилъ:
Хоть чудно твое моленье,
Ты добилась искупленья.
Ты вдову вонъ ту провѣдай,
Какъ попала въ рай, развѣдай!
—Милостыню сотворила—
Нищему грошъ подарила
И чрезъ этотъ вотъ даръ малый
Я и на небо попала.

ОТДѢЛЪ II.

СООБЩЕНІЯ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Къ вопросу о Болоховѣ.

Вопросъ о Болоховѣ и Болоховцахъ въ послѣднія двадцать лѣтъ не разъ подвергался обсужденію и изслѣдованію среди нашихъ и иноземныхъ ученыхъ и имѣетъ уже значительную литературу. Такой интересъ объясняется оригинальными особенностями эпизода о Болоховцахъ, которыя на первый взглядъ совершенно выдѣляютъ его изъ обычнаго древнерусскаго политико-общественнаго уклада и дѣлаютъ этотъ эпизодъ чѣмъ-то загадочнымъ. Сопоставленная съ другими извѣстіями лѣтописи о столкновеніяхъ и борьбѣ южнорусскихъ общинъ съ княжеско-дружиннымъ строемъ въ половинѣ XIII в., борьба Болоховцевъ за абсолютную автономію если теряетъ свою загадочность, то пріобрѣтаетъ еще болѣе интереса, являясь лишь частью обширнаго, какъ можно заключить, современнаго народнаго движенія, а это послѣднее, въ свою очередь, представляетъ проявленіе того стремленія народной массы къ реформѣ общественнаго строя сообразно своимъ представленіямъ о справедливости, которое, прорываясь въ своей борьбѣ съ противными теченіями чрезъ большіе или меньшіе промежутки времени, составляетъ собственно основное направленіе, жизненный нервъ южнорусской исторіи.

При такомъ значеніи Болоховскаго эпизода, всякая, хотя бы даже незначительная, внѣшняя подробность о немъ, по моему убѣжденію, не должна остаться безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что здѣсь, несмотря на тщательныя изслѣдованія, еще много остается неяснаго, и, на примѣръ, вопросъ, имѣющій отношеніе къ Болоховцамъ, снова фигурируетъ въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ предстоящему (IX-му) археологическому съѣзду въ Вильнѣ, какъ фигурировалъ двадцать лѣтъ назадъ въ

программѣ Кіевскаго археологическаго съѣзда. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ общественномъ движеніи XIII в. вообще и о Болоховѣ въ частности весьма скудны. Отрывочныя, случайныя упоминанія лѣтописи не только не даютъ возможности представить сколько-нибудь полную, обстоятельную картину политической и общественной жизни Болохова, но и фиксировать географически его можно лишь съ трудомъ, такъ что нѣкогда изслѣдователи въ пріуроченіи Болоховскихъ городовъ колебались между берегами южнаго и западнаго Буга, да и доселѣ опредѣленіе Болоховской территоріи, какъ мнѣ кажется, не можетъ считаться еще вполнѣ прочно установленнымъ, вполнѣ рѣшеннымъ. Весьма обстоятельно обоснованное опредѣленіе Болоховской территоріи, принадлежащее проф. Н. П. Дашкевичу [1]), опредѣленіе болѣе чѣмъ вѣроятное и принятое многими, остается, какъ кажется, до сихъ поръ въ положеніи весьма правдоподобной гипотезы, между прочимъ и потому, что свои выводы почтенный ученый первоначально долженъ былъ дѣлать почти исключительно на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, какъ сказано было, не особенно богатыхъ, хотя выводы эти, какъ увидимъ ниже, нашли себѣ затѣмъ рядъ новыхъ подтвержденій.

Въ настоящей своей замѣткѣ я хочу обратить вниманіе на документальное извѣстіе, которое, какъ мнѣ кажется, можетъ пригодиться, въ числѣ другихъ данныхъ, при опредѣленіи Болоховской территоріи.

Въ Литовской метрикѣ Московскаго Архива Министерства Юстиціи я встрѣтилъ документъ, до сихъ поръ, какъ кажется, не опубликованный; я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ указаній на него. Это—„листъ“ королевы Боны, въ вѣдѣніи которой находилось, между прочимъ, Кременецкое староство въ первой половинѣ XVI в. (съ 1536 г.), къ кременецкому старостѣ Петру Семашку, данный въ Варшавѣ въ 1553 г. Рѣчь въ немъ идетъ о селахъ, которыя войтъ Лепесовки Янъ Хотимовичъ за позволеніемъ Сигизмунда Стараго осаживалъ въ Кременецкомъ повѣтѣ *за Горинею на Болоховъ*. Нѣсколько такихъ селъ онъ успѣлъ осадить и продолжалъ осаживать, надѣясь пользоваться въ этихъ селахъ правами войта; но староста изъялъ упомянутыя села

---

[1]) „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“—въ „Трудахъ III-го археол. съѣзда“, т. II-й и отдѣльно; „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ“—Универ. Извѣстія (Кіевскія), 1884, кн. VI, и отдѣльно.

„з моцы и справы его войтовъское“ и передалъ своему служебнику Семену. Королева приказываетъ возвратить Хотимовичу „тые вси села на Болоховѣ, которые через него тамъ осажены суть“, и не нарушать его войтовскихъ правъ.

Изъ документа этого видно прежде всего, что имя Болохова въ половинѣ XVI в. носило обширное пространство, запустѣвшее къ тому времени цѣликомъ или отчасти, такъ что на немъ можно было тогда осадить не мало селъ.

Что до мѣстонахожденія этого Болохова, то его можно опредѣлить съ извѣстною приблизительностію на основаніи данныхъ самого документа. Прежде всего, принимая во вниманіе, что „листъ“ писанъ въ Варшавѣ и адресованъ въ Кременецъ, мы должны полагать это „за Горинею“ на правомъ берегу ея. Полоса Кременецкаго староства за Горынью, по обводу границъ в. кн. Литовскаго 1546 г., на юго-западѣ проходила нѣсколько южнѣе теперешней границы Кременецкаго уѣзда съ Подольской губерніею, захватывая Черниховъ, Збаражъ и Волочискъ, затѣмъ переходила на верховье р. Бужка, который служилъ границею почти до устья; оттуда граница направлялась параллельно р. Богу, почти по теперешней границѣ Волынской губерніи, до „Чорного шляху“, пролегавшаго по водораздѣлу днѣпровского и бужскаго бассейновъ, „и тою Черною дорогою на могилу Гончариху“, которая, какъ видно, должна быть пріурочена къ мѣстности у верховья Тетерева, нѣсколько западнѣе отъ него, примѣрно на водораздѣлѣ р. Коранки и Сниводи [1]). Эта же Гончариха служила пограничнымъ пунктомъ Волыни съ Кіевскимъ воеводствомъ. По нѣсколько болѣе позднему описанію границъ Кіевскаго воеводства—1566 г.—Кременецкая граница на востокѣ шла „отъ Гончарихи въ Случь“, и затѣмъ внизъ теченіемъ р. Случи [2]). На сѣверъ эта Загорынъская полоса Кременецкаго повѣта простиралась, по переписямъ второй половины XVI в., до Заслава (включительно) [3]).

---

[1]) Обводъ границъ 1546 г.—въ Виленскомъ „Археографическомъ сборникѣ“, т. I (с. 111—121), а также въ Limites regni Poloniae et m. d. Lituaniae Догеля (1758). Какъ видно изъ позднѣйшаго обвода границъ Кіевскаго воеводства (1754 г.), Гончарихою называлась не только могила, но и окружная мѣстность (какъ Перепетовы могилы дали имя Перепетову полю)—см. книгу № 4638 Кіевскаго центральнаго архива, л. 323. Документъ этотъ былъ сообщенъ мнѣ проф. В. Б. Антоновичемъ, которому приношу искреннюю благодарность:

[2]) Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, с. 365.

[3]) Zródła dziejowe, t. XIX, p. 28, 134, 148

Такова та полоса „за Горинею“, гдѣ мы должны помѣщать села на Болоховѣ, по смыслу нашего документа. То обстоятельство, что „осаженьемъ“ этихъ селъ занимался Лепесовскій войтъ, даетъ возможность ближе опредѣлить ихъ мѣстоположеніе, такъ какъ естественно думать, что новоосаженныя села находились въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ Лепесовскаго войтовства. Лепесовка не разъ упоминается въ люстраціяхъ половины XVI в.; изъ нихъ видно, что она находилась въ сосѣдствѣ Ямполя, Шумбара и Радошовки [1]). Очевидно, это теперешняя Лепешовка, около Ямполя (Волынскаго), на лѣвомъ берегу Горыни. Села, осаженныя на Болоховѣ нашего документа, естественнѣе всего предполагать непосредственно за Горынью, къ югу отъ Ямполя. Отмѣчу, что въ люстраціи 1545 г., въ этой именно мѣстности указаны новоосѣлыя замковыя села Вороневцы, Осники, Бѣлозерка [2]); эти села перечислены и въ люстраціи 1552 г., какъ сидящія на волѣ, и къ нимъ присоединяется еще село Ильковцы (всѣ существуютъ доселѣ подъ своими именами) [3]). Возможно, что эти села или нѣкоторыя изъ нихъ и есть тѣ, осаженныя Лепесовскимъ войтомъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ документѣ, хотя на тождествѣ ихъ я, конечно, не могу настаивать.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, мы можемъ пріурочить искомую мѣстность приблизительно къ водораздѣлу верхней Горыни и Случи, въ области р. Жерди, Полквы и др. Повторяю, по смыслу документа Болохово не ограничивалось территоріею этихъ нѣсколькихъ селъ; но въ какомъ направленіи простиралось оно далѣе—на востокъ ли, въ область Хоморы и Икопоти, или въ другія стороны, на это документъ не даетъ никакихъ указаній.

Покончивъ съ самимъ документомъ, естественно спросить, въ правѣ ли мы относить его данныя къ древнему Болохову XII—XIII в.? Извѣстно, что въ послѣдующіе вѣка мы встрѣчаемъ *Болоховцевъ* въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ—въ XVI в. на

---

[1]) Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, с. 126 (grunt kniehini Hiney, сосѣдній съ Лепесовкою,—это Ямполь, см. с. 119—120), ср. с. 31 (здѣсь упоминается въ Лепесовкѣ, вмѣстѣ съ путными слугами, *Янъ войтъ*, очевидно—Хотимовичъ) и Zródła dziejowe, VI, p. 103—104.

[2]) Zródła dziejowe, VI, p. 104.

[3]) Архивъ Ю.-З. Россіи, VII, II, с. 34.

Подольѣ, въ XVII—въ Кіевщинѣ, въ XVIII—въ далекомъ Заднѣпровьѣ [1]), такъ что это дало поводъ къ предположенію, что имя Болоховцевъ въ то время было какъ бы нарицательнымъ [2]). Я не буду входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, замѣчу только, что названія цѣлыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пространствъ, какимъ въ данномъ случаѣ является Болохово, обладаютъ бо́льшею устойчивостью, не отличаются такою удобоподвижностью, какъ имена отдѣльныхъ поселковъ. Поэтому, будемъ ли мы связывать позднѣйшихъ Болоховцевъ съ древними, или же нѣтъ, будемъ ли мы считать ихъ потомками древнихъ жителей Болохова [3]), или нарицательнымъ именемъ, это не лишитъ насъ права связывать Болохово XVI в. съ Болоховымъ XII и XIII.

Комбинируя лѣтописныя данныя и сопоставляя ихъ съ современною топографическою номенклатурою, проф. Дашкевичъ даетъ слѣдующее опредѣленіе старой болоховской территоріи: „она была расположена по верховьямъ Бога и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гнилопята“, при чемъ Межибожъ и теченіе Хомора находились уже внѣ Болоховской земли“ [4]).

Дѣйствительно, соображая лѣтописныя данныя, приходится признать верхнее Побожье (кромѣ самаго верховья) и верхнюю Случь за наиболѣе вѣроятный районъ Болоховскихъ поселеній; на это же пространство приходятся и тѣ Болоховскіе города, мѣстоположеніе которыхъ можно опредѣлить съ весьма большою вѣроятностію—Деревичъ, Губинъ и Кудинъ, теперь села—Деревичи на р. Деревичкѣ (Новградволынскаго уѣзда), Губино на Случи (на границѣ Новградволынскаго и Староконстантиновскаго у.) и Кудинка на Богѣ (Летичевскаго у.) [5]).

Сравнивая съ этимъ данныя, выведенныя изъ показаній нашего документа, находимъ, что предположенное нами мѣстонахожденіе селъ,

---

[1]) Архивъ Ю.-Зап. Россіи, ч. V, т. I, с. 137; VII, т. I, с. 610 и др.

[2]) „Населеніе Юго-западной Россіи до Люблинской уніи“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, с. 59.

[3]) „Болоховская земля“, 128—129; „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ“, с. 14—15 оттиска.

[4]) „Болоховская земля“, с. 87; ср. с. 79.

[5]) „Болоховская земля“, с. 84; „Новѣйшіе домыслы“, с. 26—27.

осаженныхъ на Болоховѣ XVI в., находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ территоріею древняго Болохова, какъ она была опредѣлена проф. Н. П. Дашкевичемъ, именно—у верховьевъ Случи и Божка, при чемъ самое „Болохово“ могло простираться и далѣе на востокъ. Такимъ образомъ, нашъ документъ подвигаетъ районъ Болохова нѣсколько на западъ. Конечно, съ теченіемъ времени Болоховская территорія могла сокращаться и расширяться, и въ древности граница ея могла проходить восточнѣе, по верховьямъ Случи и Бога. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе Болоховской территоріи проф. Дашкевича находитъ себѣ подтвержденіе въ нашемъ документѣ. Это обстоятельство имѣетъ немалое значеніе: первоначально опредѣленіе это, какъ было указано, дано было почти исключительно на основаніи лишь сопоставленія лѣтописныхъ данныхъ съ современными топографическими названіями; позже присоединились къ этому археологическія данныя, въ видѣ древнихъ городищъ около Болоховскихъ городовъ Деревича, Губина и Кудина [1]). Затѣмъ являются новыя подтвержденія въ видѣ документальныхъ свидѣтельствъ: такова грамота Ягайла 1395 г., подтверждающая существованіе Божска въ области Бога [2]); таковъ настоящій „листъ“ королевы Боны. Все это, по моему мнѣнію, сильно говоритъ въ пользу упомянутаго опредѣленія болоховской территоріи.

Свидѣтельствомъ нашего документа подтверждается также высказанное раньше проф. Дашкевичемъ мнѣніе, что Болохово XII и XIII в.в. обозначаетъ не отдѣльное поселеніе, а цѣлую территорію, цѣлую землю [3]).

Въ дополненіе къ сказанному присоединю кстати еще одну маленькую подробность о Болоховскомъ городѣ Кудинѣ, встрѣченную мною въ той же Литовской метрикѣ, только въ коронномъ ея отдѣлѣ: въ книгѣ ревизіи документовъ воеводствъ Подольскаго и Бельзскаго приведена грамота Станислава Лянскоронскаго, старосты Подольскаго, нѣкоему Ивану Величку Волынцу, 1510 г., на „locum desertum Kudzincze, qui multis ab annis desertus est, circum fluvium dictum

---

[1]) „Новѣйшіе домыслы,“ с. 26; ср. „Болоховская з.“, с. 84.

[2]) Грамота эта издана въ Codex epistolaris Witoldi (p. 39) и въ Archivum ks. Sanguszków t. I (p. 19); ср. „Новѣйшіе домыслы“, с. 29.

[3]) „Новѣйшіе домыслы“, с. 20.

Boh“ [1]). Такимъ образомъ, поселеніе этого имени существовало здѣсь еще въ XV в.—новое данное въ пользу тождества его съ древнимъ Кудинымъ.

М. Грушевскій.

---

[1]) Переписи, B. кн. № 17, f. 55. Этотъ документъ я встрѣтилъ затѣмъ и въ коронной метрикѣ Варшавскаго Главнаго Архива кн. № 28 f. 91.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Лист, писаный до старосты кремянецкого пана Петра Семашка войту лепесовскому Яну Хотимовскому на войтовъство в селах тых, которие он осадил на Болохове, за Горинею, до воли господаръское.

Бона, Божою милостью, королева полска, навышша княгиня литовска, руска, пруска, жомоитска, мазовецъка и иных.

Старосте нашому кремянецъкому пану Петру Михайловичу Семашку, а в небытности его самого в томъ замъку нашомъ Кремянецъкомъ—ино тому, хто на тотъ часъ отъ него тотъ замокъ нашъ заведати будеть. Жаловалъ намъ тыхъ часовъ войтъ нашъ тамошний лепесовъский Янъ Хотимовъский о томъ, штожъ дей опъ, за роскаданемъ короля его милости и святое памети пана а малжонъка нашого, тамъ в повете нашомъ Кремянецъкомъ, за Горинею, на Болохове, осадилъ некоторые певъные села и теперъ дей еще осаживаеть, за которые дей працы свои, которыи поднялъ, тые села осаживаючи, в тых же тамъ селахъ, чрез него осажоныхъ, войтомъ быти сподевалъ, якожъ дей оные села в заведанью своемъ за перъвыхъ старостъ нашихъ тамошнихъ кремянецъкихъ и за тебе ажъ и до сихъ часовъ мелъ. То пак дей ты, нетъ ведома, для которое причины, на него ся звазнивъши, з моцы и справы его войтовское тые села вынялъ и тую владность его, которую онъ над тыми селы мелъ, отъ него отънявши, служебънику еси своему Семену поручилъ, в чомъ себе онъ отъ тебе шкоду и кривду великую быти менуеть; и билъ намъ чоломъ, ижъ быхмо ему в томъ до тебе листъ нашъ дати казали. Што естли бы такъ было, тогды быхмо того не ради слышали, иж бы еси то без воли нашое чинити мелъ, и приказуемъ

тобе, хотячи то мети, ижъ бы еси ему тые вси села на Болохове, которые через него тамъ осажены суть, опять в справу его подалъ и ему над ними тое владности войтовское, которую онъ за иншихъ старостъ нашихъ тамошнихъ и за тебе самого ажъ до сихъ часовъ мелъ, и теперъ мети не заборонялъ, а тому служебнику своему Семену в томъ ему никоторое переказы чинити не казалъ и не допущалъ, до воли и ласки нашое господаръскои.

Писан в Варшаве, лета Божого нароженя 1553, мѣсяца мая 11 день.

Явъ Маковецъкий, писаръ.

Метрика литовская, записи А, кн. № 33, л. 134 об.

Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи до пол. XVI в.

Въ исторіи западно-русскаго права легко найти моментъ (не весьма удаленный отъ нашего времени), когда имущественныя и личныя права какъ бояръ, такъ и крестьянъ были приблизительно одинаковы: тѣ и другіе пользовались правами потомственнаго владѣнія землею и многими правами распоряженія ею; права владѣнія тѣхъ и другихъ одинаково ограничивались публично-частною властію великаго и удѣльныхъ князей и тѣхъ немногихъ пановъ, которымъ принадлежало jus ducale. Съ пол. XVI в. значительная часть бояръ быстро пошла по пути, ведущему въ польскій шляхетскій рай, какъ говорили старые писатели, а другая часть ихъ и всѣ крестьяне такъ же быстро начали опускаться въ чистилище крѣпостнаго состоянія. Уловить пунктъ, съ котораго начинается подъемъ бояръ къ шляхетству, было задачею прежняго нашего очерка: „Помѣстья Литовско-русскаго государства“ (Кіевъ, 1889 г.). Опредѣлить моментъ, съ котораго начинается спускъ подобныхъ же гражданъ (крестьянъ) въ безправное крѣпостное состояніе, есть задача настоящаго этюда. Именно здѣсь мы намѣрены показать, что до пол. XVI в. сельское населеніе пользовалось всѣми тѣми правами землевладѣнія, какія были тогда доступны и всѣмъ другимъ свободнымъ классамъ, т. е. подъ условіемъ исполненія повинностей. Въ виду этого мы должны уяснить: 1) *повинностный характеръ* тогдашняго *землевладѣнія*, чтобы показать, что крестьянское землевладѣніе не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; 2) обозначить *права крестьянъ на пріобрѣтеніе земельныхъ имуществъ и распоряженіе ими*[1]). Такимъ образомъ, наша

[1]) Третій вопросъ — *о формахъ крестьянскаго землевладѣнія* былъ предметомъ особой нашей статьи, недавно изданной въ „Кіевскомъ сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая“ (Кіевъ, 1892 г.), гдѣ, впрочемъ, сюжетъ остался незаконченнымъ, по особымъ условіямъ этого изданія.

задача точно ограничивается сферою частно-правною; мы совершенно отстраняемъ отъ себя вопросы о государственномъ значеніи крестьянъ, какъ сословія, и тамъ, гдѣ поневолѣ соприкасаемся съ этими вопросами, говоримъ о нихъ мимоходомъ, какъ о предметѣ стороннемъ.— Тѣмъ не менѣе связь имущественныхъ правъ со всѣми прочими (личными и государственными) такова, что однимъ изъ главнѣйшихъ выводовъ нашего изслѣдованія будетъ тотъ, что крѣпостное состояніе есть результатъ мѣръ, направленныхъ къ признанію права собственности на крестьянскую землю за государствомъ, панами и боярами.

I.

Повинностный характеръ землевладѣнія и его виды.

Наименованіе „крестьянинъ“ не свойственно литовско-русскому правовому и бытовому языку и совершенно неизвѣстно въ Западной Россіи. То, что мы называемъ этимъ терминомъ, составляло рядъ разнообразныхъ классовъ, отличныхъ другъ отъ друга по положенію. Въ актахъ половины XVI вѣка попадаются термины: „мужики“, „мужичья земля“, „мужичьи повинности“; но и подъ этими наименованіями не дается однороднаго и твердаго понятія. Болѣе точности имѣетъ юридическій терминъ западно-русскаго языка: „подданные“; но и онъ заключалъ въ себѣ въ XV и нач. XVI в. весьма сложные элементы.

Для опредѣленія того, что мы будемъ разумѣть подъ именемъ крестьянъ и крестьянскаго землевладѣнія, необходимо отвлечься отъ позднѣйшей общеизвѣстной картины сословнаго строя государства и возстановить его старинный общій видъ. Все государство въ XV и началѣ XVI вѣка состоитъ изъ повѣтовъ (земель, княжествъ и волостей) съ центральнымъ замкомъ въ каждомъ изъ нихъ. Замки и окружающія ихъ волости находятся во владѣніи великаго князя и весьма немногихъ высшихъ фамилій панскихъ, которыя замѣнили собою удѣльныхъ князей и пользовались въ своихъ волостяхъ княжескимъ правомъ. Все населеніе земель (повѣтовъ) находится въ служебномъ, зависимомъ отношеніи къ в. князю (или панамъ); различіе его классовъ опредѣляется родомъ повинностей, которыя та или другая группа отправляетъ въ пользу замка и церковныхъ учрежденій. Замки ну-

ждаются во множествѣ разныхъ услугъ (военныхъ и экономическихъ), а потому вся территорія замка подѣлена на небольшіе (сравнительно) участки земли, находящіеся во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, отбывающихъ за то опредѣленныя повинности государству или пану. Право государства на земли, а равно и панское право не есть ни чисто государственное, ни частное. Въ замкѣ или простомъ дворѣ великаго или удѣльнаго князя или пана ведется частное хозяйство, и для того при немъ всегда есть большее или меньшее число невольной челяди, или парубковъ; часть ихъ работаетъ во дворѣ; другая помѣщена на земельныхъ участкахъ. Но хозяйство ведется шире собственныхъ средствъ замковъ и дворовъ; поэтому окрестное свободное населеніе обязывается доставленіемъ во дворъ готовыхъ продуктовъ и нѣсколькими днями личныхъ работъ. Замокъ требуетъ также услугъ государственныхъ: его нужно исправлять, сторожить и защищать; поэтому другая часть повинностей распредѣляется между тѣми же, или другими спеціальными классами окрестныхъ обывателей.

Разсматривая детали этой общей картины, находимъ, что обыватели, кромѣ города, живутъ по селамъ. Каждое село состоитъ изъ нѣсколькихъ дворищъ (иногда изъ одного), или службъ, или жребіевъ. На каждое изъ дворищъ назначены опредѣленныя повинности: большая часть дворищъ суть тяглыя, обремененныя такъ называемыми мужичьими повинностями (дяклами, толоками, подводою, сторожовщиной и пр.); нѣкоторыя дворища, освободившись отъ работъ, обложены чиншемъ (денежнымъ взносомъ). Въ нѣкоторыхъ сидятъ замковые ремесленники (бондарч, колеспики, мурали, дойлиды и пр.); они обязаны доставлять въ замокъ опредѣленное количество предметовъ своего ремесла. Иные, вмѣсто повинностей, должны помогать княжеской охотѣ (таковы: бобровники, сокольники, осочники). Другіе нужны замку для посылокъ (развозить письма, объявленія и пр.); это—путные бояре. Наконецъ, нужна часть обывателей для военной службы постоянной; это—бояре и земяне (зародышъ будущаго шляхетства). Имъ обыкновенно дается сверхъ одного участка (дворища), гдѣ живетъ самъ боярин, еще одинъ или нѣсколько населенныхъ и ненаселенныхъ.

Всѣ владѣльцы: тяглые, чиншевики, слуги (ремесленные и военные), бояре (конные и путные) владѣютъ землею какъ своею, на правахъ условной собственности, т. е. подъ условіемъ повинностей

и платежей. Эта идея „условной", или „ограниченной", собственности, столь чуждая современному намъ понятію о собственности (какъ правѣ полномъ и независимомъ), есть явленіе общее всѣмъ европейскимъ народамъ въ т. н. средніе вѣка. Изъ исторіи правъ поземельной собственности ее нельзя устранить или замѣнить другими понятіями, обозначающими иныя вещныя права (jura in re aliena).

Въ существѣ повинностей характеръ всѣхъ исчисленныхъ классовъ одинаковъ: и боярское и крестьянское землевладѣніе равно несвободны (ниже мы укажемъ основанія даже большей свободы для крестьянскаго, чѣмъ для боярскаго землевладѣнія); но впослѣдствіи изъ одного выработалось крѣпостное состояніе, а изъ другаго—шляхетское полноправіе; поэтому намъ необходимо ближе ознакомиться съ тѣми видами землевладѣнія, какіе мы находимъ въ началѣ XVI в.; всѣ они цѣликомъ или частію входятъ въ общій типъ крестьянскаго землевладѣнія.

Кромѣ основныхъ свободныхъ типовъ землевладѣнія (великокняжескаго, панскаго и церковнаго, которыхъ теперь касаться мы не имѣемъ нужды), всѣ остальные виды правъ на землю носятъ повинностный (прекарный) характеръ и отличаются одинъ отъ другаго только родами повинностей; таковы именно: 1) *чиншевое землевладѣніе*, т. е. владѣніе подъ условіемъ однихъ платежей (денежныхъ или натуральныхъ); 2) *тяглое землевладѣніе*, т. е. владѣніе подъ условіемъ отправленія хозяйственныхъ повинностей и платежей; 3) *свободно-служебное* владѣніе, т. е. подъ условіемъ отправленія спеціальныхъ хозяйственныхъ или государственныхъ услугъ; 4) *боярское владѣніе*, т. е. подъ условіемъ отправленія госуд. повинностей (близко соприкасающееся однакожъ съ предыдущими); наконецъ 5) *невольно-служебное владѣніе*, или владѣніе на невольной службѣ (при чемъ владѣніе принадлежало полусвободнымъ и даже несвободнымъ людямъ—челяди).

Начнемъ съ такого изъ названныхъ видовъ землевладѣнія, который былъ доступенъ всѣмъ классамъ тогдашняго общества, въ томъ числѣ и крестьянамъ.

Чиншевое землевладѣніе.

Владѣніе на чиншу или „урочное", которое можно бы перевести старымъ московскимъ терминомъ „оброчное владѣніе", не есть право арендаго пользованія: взявшій землю на чиншу, не былъ ограни-

ченъ срокомъ владѣнія, передавалъ его по наслѣдству и могъ отчуждать свой участокъ (съ обычными тогдашними условіями дозволенія и утвержденія). Владѣніе на чиншу установляется *вѣчное*; напр., въ привилегіи Хребтовича м. Липску 1594 г. говорится, что жители, устроивъ себѣ млины, могутъ владѣть ими вѣчно. Размѣръ чинша установляется повсюду навсегда неизмѣнный; такъ въ той же привилегіи установленъ чиншъ отъ морга пахатной земли—6 гр., сѣнокосной—4 и прибавляется: „а сверхъ этого ни при нашей жизни, ни послѣ нашимъ потомкамъ не будутъ обязаны отправлять никакой повинности“; дается грамота съ этими условіями на вѣчныя времена [1]). Послѣдующее возвышеніе платежей со стороны владѣльца давало поселянамъ право иска, который разрѣшается согласно съ грамотою, установившею чиншевое владѣніе; такъ напр. рѣшенъ искъ между жителями м. Филиппова и державцею Гваниномъ на судѣ королевскихъ ревизоровъ, которые постановили, что жители обязаны платить согласно съ уставомъ короля и „ничего больше“.

Терминъ „чиншъ“ и чистый типъ чиншеваго владѣнія есть явленіе сравнительно позднее; оно начало распространяться въ Литовско-русскомъ государствѣ по мѣрѣ проникновенія въ него правъ нѣмецкаго и польскаго, особенно же утвердилось во 2-й пол. XVI в., со времени введенія волочной системы. Но сущность этого вида землевладѣнія, т. е. владѣнія на условіяхъ платежа деньгами или натуральными продуктами, весьма древня.

Чистое чиншевое владѣніе не составляетъ характерной черты крестьянскаго землевладѣнія; оно могло принадлежать и лицамъ всѣхъ прочихъ состояній. На чиншу владѣли землею:

а) Бояре; кромѣ участковъ, владѣемыхъ на боярской службѣ, имъ доступно было только чиншевое владѣніе, такъ какъ тяглая служба считалась знакомъ „мужичества“. Такъ въ с. Высокомъ Пинск. княжества сидѣли на чиншу все или бояре, или путные слуги, занимая участки, равные крестьянскимъ (по 1 волокѣ); между ними бояре Богданъ и Васко Андреевичи Высоцкіе приняли (при волочномъ измѣреніи) въ 1555 двѣ волоки, по приказанію и дозволенію старосты пинскаго Станислава Хвальчевскаго [2]).

---

[1]) Ак. Вил. Ком., I, стр. 164.

[2]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальч., стр. 74.

б) Путные слуги получаютъ добавочные участки къ своимъ землямъ, обязаннымъ путною службою, также на чиншу; напр., въ томъ же селѣ Гринецъ и Павелъ Маневичи приняли къ путной конной службѣ на чиншу—1 волоку.

в) Лица и учрежденія духовныя могутъ получать крестьянскіе участки только на чиншу; такъ, въ томъ же селѣ Высокомъ Юліана Почаповская, игуменья монастыря св. Пятницы, получила волоку на чиншу [1]). Въ этомъ случаѣ чиншъ назначался въ болѣе высокихъ цифрахъ, потому что крестьяне-чиншевики всетаки большею частію несли добавочныя личныя повинности, а именно: толоки, подводы, замковыя сторожи и др.

г) Евреи если брали (что, впрочемъ, составляетъ рѣдчайшее исключеніе) крестьянскіе участки, то на чиншу, конечно по неспособности ихъ къ личному сельскому труду; такъ, въ с. Кущичахъ „Израиль Песаковичъ, жидъ пинскій, принялъ 2 волоки; Нохимъ Песаковичъ принялъ на чиншу двѣ волоки“ [2]). Мѣщане христіане владѣютъ крестьянскими участками также на чиншу: въ с. Купечичахъ Михно Некрашевичъ, мѣщанинъ пинскій, принялъ на чиншу двѣ волоки [3]).

д) Обыкновенные „подданные“, т. е. крестьяне, иногда владѣли землями только на чиншу по особымъ условіямъ мѣстности, именно—по невозможности для нихъ являться въ замокъ или во дворъ на работы вслѣдствіе отдаленности и совершеннаго отсутствія путей; такъ въ с. Грожищѣ, Пинск. княжества, „подданные посажены на чиншу, а не на тяглой службѣ, ради рѣкъ и великихъ болотъ, чрезъ которыя они никогда не могутъ прибыть на дворовыя пашни со своими орудіями и волами; но должны пѣшіе исполнять 6 толокъ въ году съ чѣмъ прикажутъ; зимою же обязаны волочить неводъ въ своемъ озерѣ до тѣхъ поръ, пока неводничій отъ нихъ не уѣдетъ“ [4]).—Село Сосно (Szoszno) того же княжества посажено на чиншу, „по причинѣ отдаленности отъ дворцовъ за рѣками и болотами“ [5]). Прежде (до

---

[1]) Писц. кн. Пинск. княж., 74.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 72.
[4]) Ibid., 77.
[5]) Ibid., 80.

подѣленія на волоки) крестьяне этого села служили конюшенную службу въ Пинскомъ замкѣ [1]). Въ такомъ же положеніи с. Селище, Гулевичи и др. [2]).

е) Всѣ остальные крестьяне, кромѣ тяглаго участка, могли владѣть на чиншу другимъ участкомъ.

ж) Всѣ крестьяне (въ томъ числѣ тяглые) владѣютъ селитбенными мѣстами на чиншу [3]).

з) Послѣ введенія волочной системы, земли въ застѣнкахъ всѣ поступаютъ на чиншъ [4]), между прочимъ, крестьянамъ.

Собственно-характеричнымъ крестьянскимъ становится чиншевое владѣніе въ своихъ смѣшанныхъ типахъ, переходныхъ къ тяглому.

Древнѣйшій и важнѣйшій видъ чиншевиковъ составляли *данники;* это тѣ же тяглецы, которые въ замѣнъ разныхъ тяглыхъ работъ и дякла платили дань, именно дань медовую и продуктами охоты („медомъ и скорою", какъ говорилось въ древнѣйшія времена). Причина образованія этого класса владѣльцевъ заключалась въ томъ, что въ огромныхъ лѣсныхъ пространствахъ Литовскаго государства земледѣліе было почти невозможно; населеніе промышляло пчеловодствомъ и охотою. Въ такихъ мѣстахъ хозяйственные дворы великаго князя и пановъ были рѣдки, а потому государство и паны мало нуждались въ хозяйственныхъ услугахъ населенія. Иногда въ одномъ и томъ же поселеніи часть селъ сидѣла на тяглой службѣ, другая состояла изъ данниковъ [5]). Впрочемъ, въ XVI в. данники уже въ значительной степени смѣшиваются съ тяглецами; они, кромѣ дани медовой и грошовой, обязываются издѣльными работами въ пользу замка или двора; напр., въ с. Гнѣздиловичахъ (въ Жмуд. землѣ) все населеніе состоитъ изъ данниковъ, которые „дани даютъ меду 16½ пудовъ (съ цѣлой общины) и денежной дани 1½ копы грошей, жита ½ бочки, 2 бѣлки натурою („шерстью"); но сверхъ того Гнѣздиловцы обязаны косить сѣно въ количествѣ 7 чел. (изъ цѣлой общины, въ которой считалось 47 дымовъ), уплачивая при этомъ закоснаго по грошу отъ

---

[1]) Писц. кн. Пинск. княж., 80.

[2]) Ibid., 85, 129.

[3]) Ibid., 76.

[4]) Ibid., 45—46.

[5]) См. инвент. имѣнія Титовянъ въ Ак. Вил. Ком., XIV, стр. 8—11.

косы; весною и осенью должны являться по 2 челов. на дворовую работу съ топорами, уплачивая при этомъ отъ топора по 2 гроша служебнику панскому [1]).

Тяглое владѣніе.

Центральный элементъ крестьянства составляютъ люди сельскаго и городскаго состоянія, обязанные тяглыми повинностями и владѣющіе участками земли подъ условіемъ тяглой службы. Мы увидимъ ниже, что земля составляетъ ихъ наслѣдственную, или потомственную собственность (въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова). Сами они, разумѣется, лично свободны и полноправны. Отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ, что это пользователи чужихъ земель, уплачивающіе за землю личною работою. Повинности и работы, исполняемыя ими, суть послѣдствія, а не источникъ ихъ правъ на землю. Всякій владѣющій землею обязанъ въ отношеніи къ государству или тому, кому оно уступитъ свое право (панамъ и церквамъ), извѣстными повинностями, составъ которыхъ указываетъ на полное смѣшеніе элементовъ государственныхъ и частныхъ.

Какъ ни обширенъ былъ районъ чиншеваго владѣнія, между прочимъ и среди крестьянскаго населенія, но онъ далеко уступалъ размѣрамъ примѣненія тяглаго владѣнія, которое и составляетъ характерную особенность крестьянства, или подданничества. „Люди тяглые“, или люди дякольные, составляютъ центральное зерно этого класса; ихъ судьбою опредѣляется вся исторія крестьянскаго вопроса въ Литовско-русскомъ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тяглецы составляютъ центральный классъ всего населенія государства; въ нихъ заключалась вся финансовая и даже личная сила государства, пока центръ тяжести не перенесся на шляхетство.

Какъ тяглецы составляли главный земледѣльческій классъ, такъ тяглое владѣніе было основнымъ типомъ крестьянскаго землевладѣнія; прочіе виды были исключеніями. То были коренные владѣльцы земли, „отчичи“. Повинности, лежавшія на тяглыхъ людяхъ, отнюдь не означали, что эти люди и ихъ имущества составляютъ частную собственность казны или пановъ владѣльцевъ, подобно тому, какъ

---

[1]) Ibid., стр. 10—11.

земянскія имущества (отчины), будучи обложены конною военною службою, не были, въ силу того, частными имуществами великаго князя.

Крестьянскія повинности были точно опредѣлены обычаемъ и отдѣльными постановленіями. Конечно, при огромномъ протяженіи государства и географическомъ разнообразіи его частей, составъ повинностей не могъ быть вездѣ одинаковъ [1]). Но онъ былъ очень устойчивъ въ каждой отдѣльной странѣ. Такъ, тягло не измѣнялось тогда, когда великіе и удѣльные князья жаловали тяглыхъ людей церквамъ или свѣтскимъ владѣльцамъ. Для конца XV в. и для Припетскаго Полѣсья можемъ привести слѣд. показаніе: въ 1492 г. пинская княгиня Марья Сем. завѣщаетъ на церковь Лѣщанскую одно дворище (въ с. Волбичахъ) Филиппа Гордовича и братанича его Ивана съ ихъ землями пашными и со всѣми входами, какъ они издавна владѣли, живучи на томъ дворищѣ. А съ этихъ людей, прибавляетъ княгиня, идетъ: три ведра меду, возъ (повозу) 40 грош. 2 лагвицы, побору—20 гр., баранъ, лисица, стогъ сѣна, утокъ 5, яицъ 15. Если эти люди будутъ пахать, то должны будутъ давать съ сохи по колодѣ овса (колода по 5 полумѣрокъ). „*А службу* должны служить на ту церковь Божію такъ, какъ на насъ служивали“ [2]). Служба на замокъ состояла въ доставленіи подводъ, въ работахъ по ремонту замка, хожденіи въ ловы [3]), хожденіи въ заставу (сторожу) къ замку или двору, косьбѣ сѣна. Повинности эти назывались тяглыми—*мужицкими* [4]).

Составъ тягла не измѣнялся при измѣненіи личнаго состава крестьянскихъ дворищъ.—Останется ли вдова съ маленькими дѣтьми, занимаетъ ли новый крестьянинъ пустое дворище,—тягло остается тоже. Повинности крестьянина опредѣлялись не личными условіями каждаго изъ нихъ съ владѣльцемъ, а общими нормами обычнаго права. Тягло мало измѣняется только отъ различія численнаго состава дворищъ, т. е. количества дымовъ, составляющихъ дворище. Это можно видѣть

---

[1]) Повсемѣстное изображеніе повинностей отнюдь не входитъ въ задачи этого этюда. См. для Украйны наше изслѣдованіе: „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ пол. XV в. до Люблин. уніи“, Кіевъ, 1891, стр. 153—158.

[2]) Ревизія Пущъ, стр. 130.

[3]) Ibid., стр. 330.

[4]) Ibid., 338; земля тяглая называется „мужицкою“ (ibid., стр. 346).

изъ соотношенія „писчаго“ съ прочими поборами (писчее всегда взималось съ дымовъ, именно по 2 гроша отъ дыма).

Чтобы показать устойчивость тягла разныхъ дворищъ одного села, приведемъ примѣръ села Сваричевичей (Пинск. повѣта) [1]). Въ немъ были слѣд. дворища и на нихъ положены такія повинности и платежи:

Походье.	Посошное.	Лагвица [2]).	Сѣно.	Писчее [3]).	Овесъ.	Приборъ.	Повозъ.	Прогонъ.
		Дво	*рище*	*Остапо*		*вичи.*		
7 гр. 4 п.	20 гр.	2 (=42 гр).	33 гр.	16 гр.	24 гр.	2 копы.	—	—
		Дв. На	*горное.*					
7 гр. 4 п.	20 гр.	2 (=42 гр.)	33 гр.	6 гр.	24 гр.	—	1 к.30 гр.	—
		Дв. Ку	*харе*	*вичи.*				
7 гр. 4 п.	—	2 (=42 гр.)	33 г.	4 гр.	24 гр.	—	—	20 гр.
		Дв. Бѣ	*лене*	*вичи.*				
7 гр. 4 п.	10 гр.	21 гр.	33 гр.	2 гр.	12 гр.	—	1 к.30 гр.	—
		Дв. Вит	*ковичи*					
7 гр. 4 п.	10 гр.	21 гр.	33 гр.	2 гр.	12 гр.	—	1 к.30 гр.	—
	тяглую;	*Дв. Иса* съ тяглой:	*ковичи*	раздѣле	но на двѣ	половины	—оброчную и	
3 гр. 7 п.	—	$10^1/_2$ ($^1/_2$ лагв.)	16 гр. ($^1/_2$ воза.)	4 гр.	—	—	45 гр.	10 гр.

Чтобы показать устойчивость тягла (и условія его видоизмѣненій) въ разныхъ селахъ, приведемъ слѣдующія данныя, относящіяся къ тому же Пинскому княжеству.

---

[1]) Писц. кн. Пинскаго стар. Л. Войны, ч. II, стр. 380 и слѣд.

[2]) Лагвица—lagena, сосудъ и мѣра (мѣхъ для вина); см. „*Slwnik*“ Линде. Lagena, мѣра жидкостей и сыпучихъ тѣлъ, особенно у Англичанъ, по „*Lexic. manuele*“ par l'abbé Migne d'Arni.

[3]) Писчее—всегда по 2 гр. съ дыма.

НАИМЕНОВАНІЯ СЕЛЪ И ДВОРИЩЪ.	Полюдье.	Посошное.	Латвица.	Сѣно.	Писчее.	Овесъ.	Приборъ.	Повозъ.	Пригонъ.	Лисица.	Баранъ.	Поборъ.	Приписъ.	Урокъ.
С. Волчичи:														
Дв. Гиртищевичи	7 гр. 4 п.	—	21 гр.	33 гр.	6 гр.	24 гр.	—	—	—	—	12 гр.	—	—	—
Дв. Сѣрковичи	7 гр. 4 п.	—	—	33 гр.	12 гр.	24 гр.	—	—	—	—	—	—	1 к. 40 гр.	—
С. Потаповичи:														
Дв. Потаповское.	7 гр. 4 п.	20 гр.	—	33 гр.	20 гр.	24 гр.	—	—	—	—	—	24 гр.	20 гр.	—
Дв. Путиловское.	7 гр. 4 п.	20 гр.	—	33 гр.	16 гр.	24 гр.	—	1 к. 30 гр.	28 гр.	—	—	—	—	—
С. и дв. Иванковичи	7 гр. 4 п.	40 гр.	—	—	24 гр.	—	—	—	—	—	—	—	—	1 к.
С. Кухче:														
Дв. Половничичъ	7 гр. 4 п.	10 гр.	—	33 гр.	6 гр.	2 боч.	—	40 гр.	—	6 гр.	12 гр.	—	—	30 гр.
С. Озерцы:														
Дв. Дорошевичи.	—	20 гр.	—	—	14 гр.	24 гр.	—	—	—	—	—	—	—	1 к. 4 гр.
С. Морочна:														
Дв. Патрикѣевичи	$2^1/_2$ гр.	10 гр.	14 гр.	11 гр.	6 гр.	12 гр.	30 гр.	30 гр.	—	—	—	—	—	40 гр.

Повинности въ другихъ частяхъ государства (собственно-литовскихъ [1]), бѣлорусскихъ и южно-русскихъ) измѣнялись въ своемъ составѣ, наименованіяхъ и величинѣ; такъ какъ исчисленіе ихъ отнюдь не входитъ въ нашу задачу, то ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что повсюду эти повинности имѣли двойственный, т. е. государственно-частный, характеръ. Ни въ одномъ краю государства ихъ нельзя разсматривать какъ арендную плату за пользованіе чужой землей. Въ частности, анализируя данныя приведенныхъ выше таблицъ (для Пинскаго княжества), находимъ, что всѣ указанные тамъ виды тяглыхъ повинностей и платежей, съ нашей теперешней точки зрѣнія могутъ быть разложены на двѣ категоріи: повинности государственныя и частныя. Къ первымъ относятся: древнее *полюдье*, извѣстное съ начала исторической жизни Русскаго народа—отъ миѳическихъ временъ Игоря и Ольги; то былъ сборъ, совершаемый князьями, при объѣздахъ волостей, со всего населенія на нужды государственныя (содержаніе дружины) и вмѣстѣ на частныя потребности самихъ князей. Въ Литов. государствѣ этотъ сборъ таксированъ весьма точно —по 7 гр. 4 пен. съ каждаго дворища. Такимъ образомъ, величина полюдья не сообразуется со степенью имущественной состоятельности дворища (за немногими исключеніями).

Второй видъ налоговъ той же категоріи есть *посошное*, прямой налогъ на имущества, а потому измѣняющійся, смотря по количеству дымовъ дворища (40, 20, 10 гр.).

Къ разряду государственныхъ налоговъ можно отнести также *писчее*, т. е. плату, взимаемую за производство кадастра, за описаніе имуществъ и слѣдующихъ съ нихъ платежей.

Всѣ прочіе платежи могутъ быть отнесены (съ нашей точки зрѣнія) къ разряду частныхъ доходовъ съ имѣнія. Изъ нихъ одни обозначаютъ собственно тяглое состояніе плательщиковъ; это т. н. *дякла* (annona ducalis), т. е., ежегодный сборъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для содержанія дворовъ княжескихъ, въ частности для содержанія княжескихъ конюшенъ; поэтому, главными предметами сбора были сѣно и овесъ, уже таксированные въ деньгахъ; величина побора одинакова для всѣхъ дворищъ (33 гр. за возъ сѣна и 24 гр. за 2 бочки овса); величина эта уменьшается вдвое или втрое лишь

[1]) См. Акты Вилен. Ком., т. XIV, № 2, гдѣ тягло состоитъ изъ посѣдп, купицъ и дякла.

тогда, когда одно дворище дѣлится на двѣ половины или три трети. Къ этому же виду можно отнести плату т. н. „*баранъ*“, т. е. деньги, замѣнившія натуральный сборъ овцами, а равнымъ образомъ *поволовщину* южно-русскихъ (по преимуществу скотоводческихъ) земель, которая взималась чрезъ извѣстный циклъ годовъ. Сходство съ *дякломъ* имѣетъ т. н. *стація*, т. е. сборъ продуктовъ (куръ, утокъ, гусей и пр.), но временный,—въ случаѣ пріѣзда въ волость в. князя или его воеводы и старосты.

Другая сторона тяглыхъ повинностей, наиболѣе характеризующая тяглое состояніе, заключается въ *личныхъ услугахъ* экономическаго характера. Таковъ т. н. *повозъ* (или *подводы*), т. е. обязательное снабженіе средствами сообщенія княжескихъ (и панскихъ) гонцовъ и чиновниковъ; *пригонъ*, т. е. обязанность работать во дворѣ владѣльца извѣстное число дней въ году (иногда перелагаемая на деньги), и *толоки*, т. е. созывъ всего населенія въ извѣстные дни экономическихъ работъ во время уборки хлѣба и сѣна.

Этотъ зародышъ будущей панщины, до пол. XVI в., былъ вовсе не обременителенъ и не имѣлъ характера „невольной“ (рабской) службы.

Вся послѣдняя категорія повинностей, которую мы назвали преимущественно частною, не составляетъ, однако, арендной платы за землю, что, между прочимъ, видно изъ того, что количество платежей не сообразуется (какъ указано сейчасъ) съ разнообразнымъ характеромъ крестьянскихъ участковъ, составляющихъ дворища.

Два указанные сейчасъ элемента тягла (государственный и и частный) обыкновенно не выдѣлялись при переходѣ имуществъ изъ короннаго въ частное владѣніе (т. е. тягло въ цѣломъ составѣ поступало частному владѣльцу). Кажущееся исключеніе изъ этого представляютъ окраинные южно-русскіе повѣты Литвы и Польши, гдѣ иногда государство удерживало въ свою пользу *подымное* (замѣнъ посошнаго) и полюдье. Но это объясняется тѣмъ, что тамъ коронныя имущества большею частью жалуемы были на т. н. ленномъ правѣ, т. е. продолжали считаться коронными; владѣніе частныхъ лицъ въ такомъ случаѣ называлось посессіею.

Собирая вышеизложенныя черты тяглаго владѣнія, заключаемъ, что а) оно не есть пользованіе чужою землею (государственною или панскою); б) тягло есть такая же служба государству (посредственная или непосредственная), какъ и военная служба бояръ.

Служебное владѣніе.

Спеціальныя услуги замку дали бытіе особому виду землевладѣнія и особому классу людей, называемыхъ слугами. Ихъ два вида: одни несутъ собственно экономическую службу, другіе—государственную. Къ первымъ причисляются ремесленники: бондари, тесли (плотники), мурали (каменьщики), дойлиды, колесники, санники и т. п. Въ подобномъ же положеніи были промышленники, каковы: рыболовы, бортники, осочники, подлазники и проч. [1]). Ко вторымъ относятся низшіе государственные слуги замка (пушкари, одверные, воротные и т. д). Люди каждаго отдѣльнаго ремесла составляли *сотню*, которая управлялась сотникомъ.

Всѣ они наслѣдственно отправляли свою службу замку, т. е. или совершали спеціальныя работы своего ремесла (плотники, каменщики и пр.), или доставляли въ замокъ извѣстную часть произведеній своей спеціальности (бортники, рыболовы и пр.).

Въ силу легкой возможности наслѣдственно усвоять такія немудрыя профессіи, повинности ихъ легко мирились съ наслѣдственностію владѣнія участками, обложенными этою повинностью.

Несмотря на нѣкоторое различіе отъ крестьянъ собственно, *слуги*-ремесленники причислялись къ тяглымъ или дякольнымъ людямъ, иначе „мужикамъ“. Спеціальныя особенности ихъ повинностей дѣлали ихъ владѣніе даже болѣе зависимымъ, чѣмъ владѣніе тяглое, потому что какъ ни просто ихъ ремесло, однако требуетъ кое-какихъ спеціальныхъ знаній; владѣніе утверждается за ними подъ условіемъ пріобрѣтенія этихъ знаній.

Несмотря на это, слуги, и особенно такіе, какъ пушкари, составляютъ переходъ къ боярству, а служебное землевладѣніе стоитъ на перепутьѣ между тяглымъ и боярскимъ. Переходъ слугъ къ боярству опредѣляется измѣненіемъ повинностей; безъ возложенія военной конной службы, слуга не дѣлался бояриномъ-земяниномъ; это былъ такъ сказать обѣленный крестьянинъ—и только; напримѣръ, пинскій князь Ѳедоръ Ив. пожаловалъ слугъ своихъ Говена Мышляковича и братанича его Мишка Борыловича и братьевъ послѣдняго Кузьму, Лихача, и Хому землею въ с. Любинахъ въ придачу къ ихъ отчинѣ, съ обязательствомъ платить какъ съ этой, такъ и отчинной земли по 50 гро-

[1]) См. подробное исчисленіе ихъ въ Актахъ Вилен. Ком., т. XVII, стр. LVIII.

шей ежегодно, и отправлять службу по прежнему; но княгиня Анна (жена в. кн. Свидригайла) сняла съ Мышляковичей обязанности тяглой службы; при кор. Бонѣ староста пинскій опять было привернулъ ихъ въ тяглую службу, отъ которой въ 1544 г. Бона освободила ихъ снова, титулуя однако ихъ въ своей грамотѣ „подданными“ [1]).

Явленія такого рода составляютъ переходное состояніе; рано или поздно подобный обязанный слуга-крестьянинъ попадетъ въ состояніе путныхъ слугъ, а потомъ бояръ, если вновь не возвращается въ состояніе подданничества.

Другой видъ служебнаго владѣнія, совершенно приближающій его къ боярскому (кромѣ упомянутыхъ повсемѣстныхъ службъ пушкарей и проч.), наблюдаемъ особенно въ юго-восточныхъ окраинахъ государства, именно, въ Кіевской землѣ (по люстраціи 1471 г.). Здѣсь, по условіямъ мѣстности, требовалась постоянная военная защита страны; всѣ другія потребности государства отходили на второй планъ предъ военною; государство не разсчитывало здѣсь на доходы. А потому большая часть селъ состоитъ изъ военныхъ *слугъ*, которые „на войну ходятъ и иного ничего не знаютъ“. Лишь иногда они уплачиваютъ подымное, но не каждый годъ. Это населеніе сельское, крестьянское, мужичье, но положеніе его боярское. Это тотъ межеумочный элементъ въ сословномъ строѣ, какой послѣ именовался въ той же мѣстности козачествомъ. Все отличіе такого служебнаго владѣнія отъ боярскаго заключается въ томъ, что украинскіе слуги владѣютъ не населенными имѣніями, а обыкновенными крестьянскими участками (что, впрочемъ, какъ увидимъ сейчасъ, было возможно и для боярскаго землевладѣнія въ другихъ частяхъ государства).

Боярское землевладѣніе.

Рѣчь о боярскомъ землевладѣніи отнюдь не выводитъ насъ за опредѣленныя рамки настоящаго этюда, посвященнаго крестьянскому землевладѣнію. Всѣмъ извѣстно, что бояре составили впослѣдствіи главную количественную основу шляхетскаго сословія; но извѣстно также, что огромная часть того же класса вошла потомъ въ разрядъ крѣпостныхъ, подданныхъ частныхъ пановъ, т. е. составила высшій и важнѣйшій элементъ крестьянства.

---

[1]) Рев. пущъ, стр. 330.

[2]) См. Арх. Ю.-З. Рос., ч. VII, т. II, стр. 27—28.

Однако не одни соображенія о будущности этого класса заставляютъ насъ упомянуть здѣсь о немъ; для насъ важнѣе близость боярскаго землевладѣнія къ крестьянскому въ ту эпоху, которою мы заняты теперь.

Все пестрое, кажущееся различіе классовъ отличается въ нач XVI в. въ сущности полнымъ однообразіемъ: всѣ обязаны службою государству и подъ условіемъ исполненія ея владѣютъ земельными имуществами. Поэтому-то и не легко выдѣлить тотъ классъ, который можно назвать преимущественно крестьянами. Боярами называются лица, получившія участокъ земли подъ условіемъ отправленія одной военной службы; они были какъ на земляхъ великокняжескихъ, такъ и въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Легкая возможность перехода изъ одного класса въ другой объясняется возможностію измѣненія родовъ повинностей, которыми было обложено имущество. И на государственныхъ земляхъ легко было замѣнить одну повинность другою; на панскихъ же такая замѣна была частою и даже необходимою: сами паны не нуждались въ военныхъ услугахъ подчиненнаго имъ населенія, а военная конная служба въ пользу государства могла быть отправляема ими посредствомъ наемныхъ ротъ. Поэтому возможенъ былъ переходъ какъ изъ служебнаго и тяглаго состоянія въ боярское, такъ и обратно.

Бояре—будущіе земяне и шляхтичи, иногда совсѣмъ смѣшиваются со слугами и происходятъ изъ этихъ послѣднихъ. Такъ, при ревизіи 1554 г., *земянинъ* пинскій Иванъ Пархвеновичъ предъявилъ привилегію Сигизмунда и Боны на 4 дворища, пожалованныя ему въ двухъ селахъ; съ нихъ онъ и его потомки обязаны служить земскую (т. е. боярскую) службу, „а въ случаѣ надобности золотарствомъ и пушкарствомъ“, такъ какъ „предокъ его былъ золотарь и пушкарь“ [1]). Золотари и пушкари, какъ лица низшихъ службъ, равнялись тяглымъ. Переходъ изъ тяглаго состоянія въ боярское былъ не особенно труденъ; такъ при кор. Бонѣ былъ въ имѣніяхъ ея межевымъ сторожемъ нѣкто Полюха; онъ особенно угодилъ королевѣ, и она „поличила его въ боярство“, освободивъ отъ тяглой службы и платежей; это было въ 1526; а въ 1554 г. на ревизію

[1]) Ревиз. пущъ, стр. 226.

явились съ привилегіями уже „*земяне* повѣту Пинского Богданъ, Савва и Кирилъ Полюховичи“ [1]). Первоначально также не труденъ былъ переходъ изъ боярства въ тяглое состояніе: стоило только перемѣнить родъ повинности владѣльца. Лишь съ развитіемъ сословнаго права такой переходъ постепенно затрудняется. Такъ, напр., нѣкто Зинонъ Лозичъ билъ челомъ княгинѣ Маріи Семеновнѣ, что его посадили на служебной землѣ; княгиня, убѣдившись, что онъ *сынъ боярскій*, сняла служебный характеръ съ его земли: „не давать ему ни сена, ни овса, ни подъ ворота (на сторожу) не ходить,—нижли онъ бояринъ есть, какъ который“ [2]).

Самое основаніе землевладѣнія такихъ бояръ одинаково съ основаніемъ крестьянскаго права на землю: ее раздаютъ мѣстные старосты до воли господарской. Напр., въ 1536 г. *подданный* королевскій Пинской волости Андрей Короневичъ просилъ старосту, „чтобы онъ выпустилъ его съ 5 сыновьями изъ Пинской волости, не имѣя на чемъ поживиться здѣсь“, ибо староста отнялъ у него прежній участокъ и отдалъ другимъ, которые предъявили права наслѣдства къ этому участку. Староста, не желая, чтобы подданные господарскіе расходились прочь, спрашивалъ волостныхъ стариковъ и десятниковъ, нѣтъ ли гдѣ среди волости пустой земли; такая нашлась и отдана просителю [3]). Въ 1554 г. этотъ Короневичъ является уже въ качествѣ боярина съ приведенною сейчасъ грамотою, какъ привилегіею.

Что всего замѣчательнѣе, иногда поляки-колонисты, титулуемые *земянами*, сидятъ въ литовскихъ пущахъ на тяглой службѣ; напр., въ пущѣ Кнышинской сидитъ „с. Черная, населенная земянами Чорніевскими, которые, продавши имѣньица и осѣдлости свои въ Мазовіи, осѣли тутъ въ той пущѣ, во владѣніяхъ королевскихъ, и теперь, живучи, исполняютъ такія же повинности, какъ и иные люди тяглые“ [4]). Это уже въ точномъ смыслѣ земяне—крестьяне не только по роду дѣятельности, но и по роду повинностей. И въ прочихъ, внутреннихъ, повѣтахъ Литовскаго государства были шляхетско-крестьянскія общины, впрочемъ сохранившія право на военную,—конную службу.

---

[1]) Ревиз. пущъ, стр. 285.
[2]) Ibid., стр. 282.
[3]) Ibid., стр. 243.
[4]) Ibid., стр. 33.

Были цѣлые повѣты (Дрогичинская и Белзская земли), гдѣ *земяне* имѣли по одному крестьянскому участку, обрабатывали землю собственными руками и отправляли конную военную службу цѣлыми обществами. Такія же шляхетско-крестьянскія общины встрѣчаемъ въ воеводствахъ Троцкомъ, Кіевскомъ (Овруцкая околичная шляхта), въ Подольскомъ (Барская околичная шляхта) и въ другихъ мѣстахъ.

Чтобы показать возможность полнаго смѣшенія боярскаго и тяглаго состоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и попытки въ нач. XVI в. найти какой-либо разграничительный признакъ между ними, сошлемся на слѣд. примѣръ. Дѣло происходило въ Троцкомъ повѣтѣ въ концѣ XV и нач. XVI в., въ Эйшицкой волости. Еще во времена кор. Казимира Эйшицкіе мѣщане вошли съ просьбою къ королю о томъ, чтобы не они одни, но и волость (сельскіе обыватели) несли общія тягости подводной повинности. Казимиръ приказалъ разобрать дѣло мѣстному воеводѣ Радзивилу Остиковичу и п. Станку Костевичу. Оказалось, что вся волость (крестьяне) присвоивала себѣ боярскія права, а потому и не хотѣла дѣлить съ мѣщанами тяглой службы и платить дякло. Но Радзивилъ и Костевичъ, выслушавши свидѣтелей, нашли, что издавна эта волость въ подводу хаживала и дякла давала. Поэтому и впредь было рѣшено оставить жителей волости при прежней тяглой повинности, за исключеніемъ только *бояръ-клейнотниковъ*, т. е. такихъ, которые имѣютъ гербы; но такихъ оказалось въ волости только 7 фамилій. Сверхъ этихъ семи, еще одно „племя“ обязано было стеречь сокола, т. е. состояло на сокольничьей службѣ; относительно этого послѣдняго Радзивилъ съ товарищемъ постановили, что такого большаго племени слишкомъ много для одной сокольничьей службы, а потому изо всего племени отдѣлили только Юрія и Насуса стеречь сокола, но и они обязаны давать дякло, а освобождены лишь отъ одной подводы. Когда двое назначенныхъ въ сокольники помрутъ, то подобнымъ же образомъ двое ихъ того же племени должны будутъ быть избранными въ преемники ихъ службы, а всѣ прочіе должны пойти въ тяглую службу „безъ кривды“. Въ заключеніе судьи-коммиссары постановили, чтобы никто изъ бояръ-клейнотниковъ не принималъ никакого волостнаго человѣка въ свое племя подъ угрозою лишенія боярства для него самого [1]).

[1]) Лит. метр., копія кн. 198, стр. 207.

Затѣмъ кор. Сигизмундъ I пожаловалъ пасынку своего дворянина Михаила Ивановича кн. Павлу Бердевяковичу двухъ изъ мнимыхъ Эйшицкихъ бояръ, какъ тяглыхъ людей. Пожалованные довольно долго молчали и служили новому пану, но затѣмъ занесли жалобу, утверждая, что они не тяглецы, а бояре. Король поручилъ разсмотрѣніе дѣла мѣстному воеводѣ кн. К. И. Острожскому, который, не постановивъ рѣшенія, представилъ его королю; а король далъ приговоръ согласно съ грамотою в. кн. Александра и приказалъ воеводѣ тщательно смотрѣть, чтобы въ томъ воеводствѣ бояре не выводили въ боярство людей тяглыхъ, „ибо никто не можетъ тяглаго человѣка учинить шляхтичемъ, кромѣ государя“.

Въ собственно-литовскихъ повѣтахъ, гдѣ уже были „клейнотники“, водились гербы, можно было, хотя и не всегда, отличить боярина отъ крестьянина; въ прочихъ же (русскихъ) повѣтахъ бояре-крестьяне гербовъ не имѣли и во всемъ уподоблялись крестьянамъ, пока не сдѣлались одни шляхтичами, а другіе настоящими крестьянами крѣпостными (сохраняя, однако, названіе бояръ).

Но самый неуловимый оттѣнокъ между боярствомъ и крестьянствомъ составляли *слуги, или бояре путные;* въ самомъ дѣлѣ, если одному человѣку давался участокъ подъ условіемъ ловить бобровъ или выѣзжать на охоту, а другому подъ условіемъ развозить письма и т. п., то какая между ними разница? А потому не только крестьянская служба могла быть превращена въ путную, но и наоборотъ, путная служба могла быть перемѣнена на тяглую; напр., въ с. Журильчичахъ нѣкто „Павелъ Полтарейкевичъ, который предъ тѣмъ служилъ путную службу, при новомъ измѣреніи (волочномъ) посаженъ на тяглой службѣ“ [1]).

Путные слуги поступаютъ въ пожалованіе отъ князей частнымъ владѣльцамъ, наравнѣ въ тяглыми; такъ в. кн. Александръ пожаловалъ своему дворянину Зузину дворъ Бучемль въ Каменецкомъ (Литовскомъ) пов. „съ людьми“. Но Зузинъ попросилъ дать ему и слугъ путныхъ того же двора, а именно Вакулку и Пронца съ ихъ товарищами. „Ино мы съ ласки нашей (пишетъ в. князь) тѣмъ его пожаловали и слугъ путныхъ ему дали“ [2]).

---

[1]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 449.

[2]) Ревиз. пущъ, стр. 164.

Отъ слугъ путныхъ нѣсколько отличались слуги *панцырные*, считаясь людьми болѣе обѣленными; когда Клецкій староста началъ гнать слугъ панцырныхъ съ листами, то они вошли съ жалобою, и кор. Бона освободила ихъ; между прочимъ, они лично со своихъ домовъ не платятъ серебщизны [1]).

Изъ этого примѣра видно, что положеніе и панцырныхъ бояръ, или слугъ, было весьма шатко; и для нихъ было возможно ниспаденіе въ разрядъ путныхъ слугъ, а затѣмъ крестьянъ.

Въ составъ боярства входили *мѣщане*, владѣвшіе землею въ повѣтѣ; такъ, въ 1541 году, въ Гродненскомъ повѣтѣ рѣшалось дѣло, тянувшееся съ весьма давнихъ временъ, объ освобожденіи двухъ боярынь отъ тяглой службы и дякла по землямъ, которыми онѣ владѣли. Король особою грамотою повелѣлъ имъ служить „мѣстскую“ службу съ ихъ „мѣстскихъ“ земель, титулуясь „боярками“ [2]).

Возвращаясь отъ личныхъ и повинностныхъ отношеній къ самому боярскому землевладѣнію, находимъ, что въ началѣ XVI в. оно, по сущности правъ, ничѣмъ (кромѣ рода повинности) не отличается отъ тяглаго. Прежде всего владѣніе *населенною землею* (и крестьянами) не составляетъ его существеннаго и отличительнаго признака: обыкновенно боярину (или слугѣ) дается въ его частно-правное обладаніе такой же пустой участокъ (иногда 2), т. е. дворище, какимъ владѣли и крестьяне; здѣсь онъ поселяется и заводитъ свое частное хозяйство. Но для правильнаго исполненія конной службы, соединенной съ расходами, ему же дается еще одно, два или болѣе населенныхъ дворищъ; однако тяглое населеніе этихъ дворищъ (т. е. крестьяне-собственники земель) остается при своихъ прежнихъ правахъ на землю; бояринъ, получившій пожалованіе, пользуется отъ нихъ лишь тѣми доходами и повинностями, какія прежде они исполняли государству (объ этомъ упомяну ниже подробнѣе).

Во-вторыхъ, права распоряженія, соединенныя съ боярскимъ землевладѣніемъ, не отличаются большею полнотою и прочностію, сравнительно съ правами распоряженія, предоставленными тяглецамъ [3]).

---

[1]) Ревиз. пущъ, стр. 362—364.

[2]) Акты Вил. Ком., т. XVII., № 703.

[3]) Объ этомъ см. наше изслѣд.: „Помѣстья Литовско-русскаго государства“.

Лишь съ пол. XVI в. боярскія права (личныя и имущественныя) начинаютъ приближаться къ панскимъ (чрезъ польскій институтъ шляхетства), въ особенности на коронныхъ земляхъ; возможно было тоже явленіе и въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ (были, напр., „земяне кн. Острожскаго“ и др.); но большая часть бояръ въ имѣніяхъ панскихъ (и церковныхъ) перешла въ разрядъ крѣпостныхъ.

Владѣніе на невольной службѣ (койминцы, невольная челядь).

За другою границею крестьянскаго населенія стоятъ люди невольные. Однако и съ этой стороны предѣлы классовъ не были точно опредѣленными. Средину между крестьянствомъ и невольною челядью занимаютъ т. н. *койминцы* [1]) или „люди непохожіе“; они, подобно невольникамъ, могли быть покупаемы и продаваемы. Въ 1540 г. предъ Гродненскимъ судьей происходила тяжба между князьями-татарами Миськовичами—съ одной стороны, и койминцами ихъ Миколаевичами—съ другой. Вторые утверждали, что они—люди государскіе похожіе, а отнюдь не невольники ихъ. Татарскіе же князья доказывали, что это—мужики ихъ непохожіе, койминцы купленные. Въ подтвержденіе была представлена купчая, въ которой значилось, что князья купили означенныхъ двухъ людей у хорунжаго высокодворскаго за двѣ копы грошей, „но не за паробковъ (невольниковъ), а за койминцевъ, т. е. съ тѣмъ, что они должны жить подъ властію покупщиковъ („подъ ними“), въ домахъ, а не во дворѣ служить“. Подлинность акта была подтверждена свидѣтелями, почему и судья приговорилъ, чтобы отвѣтчики служили истцамъ и жили подъ „ними“ въ домахъ своихъ, со своими „статками“ [2]).

Итакъ, главное внѣшнее отличіе койминцевъ отъ невольниковъ состоитъ въ томъ, что первые не состоятъ на дворовой службѣ, а живутъ *въ своихъ* домахъ, на участкахъ земли, отведенной имъ; это, т. ск., крестьяне по ремеслу и образу дѣятельности; но лично они уже несвободны и потеряли право перехода. Это и есть зарождающійся типъ крѣпостнаго состоянія, къ которому впослѣдствіи подошли и всѣ крестьяне и челядь.

---

[1]) Происхожденіе термина „койминцы“ для насъ неясно.

[2]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 249.

Наименованіе „кожминцы“, повидимому мѣстное, свойственно западнымъ окраинамъ Литовскаго государства; изрѣдка оно встрѣчается въ изданныхъ актахъ, относящихся все къ той же мѣстности; напр. въ описаніи имѣній воеводины Виленской, по поводу раздѣла ихъ между ея сыновьями [1]); именно въ той части акта, которая касается Кейданъ и Буйвилишекъ, находимъ слѣд.: „кожминцовъ, которые около двора сѣдятъ, тыи дяколъ не дають, только службу тяглую служатъ; а плату никоторого не даютъ“. Этимъ наше понятіе о кожминцахъ дополняется только одною чертою: кожминцы занимаютъ дворовую землю, а не собственную—крестьянскую; этимъ они сближаются съ невольною челядью, которая не вся составляла дворовую прислугу, а частью работала на дворовыхъ поляхъ. Другая черта, которою кожминцы отличаются отъ крестьянъ, это то, что первые не вносили дяклъ и не платили денегъ. Очевидно, что имъ платить не съ чего, ибо земля, которую они обрабатываютъ, не ихъ. Но выше было указано, что кожминцы не могутъ быть вполнѣ уравнены съ невольниками.

Хотя, какъ мы сказали, наименованіе кожминцы—мѣстное, но явленіе, имъ обозначаемое, повсюдно. Для развитія его открылся особенный просторъ съ пол. XVI в.

Кромѣ замка, какъ центральнаго пункта земли, повѣта или удѣла, на территоріи княжествъ были разбросаны *дворы господарскіе*, гдѣ князья, а потомъ и великій князь, а также паны имѣли свое частное хозяйство. Земля этихъ дворовъ обрабатывалась *невольною челядью*, которая пріобрѣталась путемъ купли и уголовнаго возмездія за преступленія. Впрочемъ, не всѣ древніе источники рабства уцѣлѣли въ Литвѣ въ пол. XVI в.; такъ, бракъ между свободнымъ и рабою и обратно не велъ уже за собою потери свободы для другой стороны. Напр., среди челяди двора Ставецкаго (въ Пинск. кн.) считаются: „Катруша, а мужъ ея вольный; Васица, а мужъ ея вольный“ [2]). Женившійся на невольной, безъ согласія господъ, долженъ, если хочетъ продолжать бракъ, жить при дворѣ владѣльца, который въ такомъ случаѣ обязанъ ему дать огородъ и халупу; въ против-

---

[1]) Археогр. Сборн., т. I, № 23.

[2]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальч., ст. 43.

номъ случаѣ можетъ уйти, куда хочетъ [1]). Челядь занималась работою во дворѣ; но довольно значительное число ея дѣлало излишнимъ ея дворовыя услуги; а потому большая часть ея была посажена на участкахъ дворной земли. Такъ, въ Пинскомъ староствѣ, во дворѣ Селецкомъ было невольниковъ: мужч. 13, женщ. 14,

во дворѣ	Ставецкомъ	„	8,	„	14.
„	Дружиловскомъ	„	8,	„	8.
„	Ститичевскомъ	„	24,	„	16.
„	Кнубовскомъ	„	11,	„	9.

Нѣкоторые изъ нихъ занимали земли издавна; другіе были посажены на землю при введеніи волочной системы. Так. обр. уже успѣла образоваться разница между дворными землями и землями ихъ (невольниковъ) „собственными“; напр., въ с. Кнубовскомъ „нѣтъ вовсе пашни (т. е. земли, эксплуатируемой непосредственно для двора), есть только огородъ. А паробки невольные посажены на дворныхъ земляхъ, а частію на земляхъ ихъ стародавнихъ, на которыхъ прежде сидѣли“ [2]) Во дворѣ Дружиловскомъ имъ отдана въ 1555 г. частію земля дворная, частію поповская, а частію и ихъ собственная (własna). При введеніи волочной системы каждому изъ нихъ назначалось по 9 морговъ (по 3 морга въ полѣ), если же поселяемо было цѣлое семейство (мужъ и жена, братъ и сестра), то давалось двойное количество (18 морговъ) [3]); сверхъ того, давались дворовыя мѣста съ жилищами [4]). Иногда, если почва была особенно плоха, надѣлъ возвышался до 11 морговъ [5]).

При нарѣзываніи земли, при введеніи волочнаго хозяйства, паробкамъ отдавалась обыкновенно ихъ прежняя земля; такъ, въ с. Прикладникахъ Пинск. стар. описаны „земли паробоцкія, на которыхъ они (паробки) оставлены сообразно съ ихъ стародавнимъ владѣніемъ (według starodawnego ych dziedziczenia)“ [6]).

Поселеніе челяди на землю мало по малу уравниваетъ ее со свободными поселенцами относительно владѣнія землею; земля раз-

---

[1]) Акты Вил. Ком., т. XVII, № 460.

[2]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 171.

[3]) Ibid., стр. 41.

[4]) Ibid., стр. 103.

[5]) Ibid., стр. 103.

[6]) Ibid, стр. 248.

дается имъ „на невольной службѣ“, однако не очень отяготительной; именно, получая по 9 морговъ, они обязываются служить двору въ недѣлю 3 дня [1]). Но иногда часть челяди совсѣмъ выводится изъ положенія невольной службы и, при измѣреніи на волоки, допускается къ занятію волокъ, наравнѣ со свободными; въ такомъ случаѣ, ихъ прежнія „паробоцкія“ земли раздаются остальной челяди [2]). Правда, тѣ паробки, которые допущены къ занятію волокъ на тяглой, а не невольной службѣ, не дѣлаются чрезъ то лично свободными („którym yest zemia oddana na czyagley służbie, a z newoli nye są wipusczeni“) [3]); но фактическое положеніе ихъ совершенно уравнивается съ положеніемъ непохожихъ крестьянъ.

И послѣ введенія волочнаго хозяйства, когда невольная челядь, или паробки, всѣ посажены на землю, они отнюдь не сравнены съ свободными крестьянами; къ этому времени надо отнести лишь начало исчезновенія рабства, какъ явленія sui generis, хотя въ книгахъ волочнаго измѣренія встрѣчаемъ такія выраженія: „паробки, которыхъ *предъ тѣмъ* считали невольниками“ [4]) и которые теперь всѣ получили участки земли въ качествѣ огородниковъ подъ условіемъ службы, именно мужчины, должны отбывать пѣшую работу по три дня въ недѣлю, а женщины отслужить 12 толокъ въ годъ на жнива или полотье.

Что рабство оставалось и послѣ того до конца XVI в., это открывается изъ инвентарей имѣній 70-хъ годовъ XVI в. и даже позднѣйшихъ. Напр., въ инвентарѣ имѣнія Росскаго [5]) находимъ перечень паробковъ такого рода: Степурка козачокъ, жена вольная, дѣтей нѣтъ; Василь кухарь Дуло, жена вольная; Иванъ Рудый и жена невольная, сынъ 1; Денисъ Минцевичъ, жена невольная, дѣтей нѣтъ, и т. д.

Владѣніе на невольной службѣ, субъектомъ котораго были *несвободные* люди, отнюдь не можетъ быть поставлено рядомъ съ прочими видами землевладѣнія: несвободный не пользуется никакими

---

[1]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 459 и 476.

[2]) Ibid., стр. 469.

[3]) Ibid., стр. 425.

[4]) Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, II, стр. 180—182.

[5]) Археогр. Сб., т. I, № 46.

правами и въ томъ числѣ правами на землю. Мы сопоставили этотъ видъ землевладѣнія съ другими для того, чтобы рѣзче оттѣнить мысль о зависимости личныхъ правъ отъ имущественныхъ: паробокъ (холопъ), надѣленный землею, уже значительно отличается отъ обыкновенныхъ дворовыхъ холоповъ, можетъ со временемъ получить землю на тяглой службѣ и т. д. Однако этотъ естественный путь къ уничтоженію рабства былъ прерванъ развитіемъ крѣпостнаго права среди крестьянъ, которые мало по малу приблизились къ состоянію „паробковъ", сойдясь съ ними на среднемъ терминѣ (состояніи койминцевъ).

Но этотъ печальный результатъ лежитъ за предѣлами настоящаго очерка; мы, напротивъ, должны перейти къ изображенію полноправія крестьянъ до пол. XVI в. въ отношеніи къ землевладѣнію.

II.

Права крестьянъ на землю.

Земля, занятая крестьянами, не есть земля казенная или панская, лишь арендуемая крестьянами на срокъ; повинности, которыми они обязаны, и подати, которыя они уплачиваютъ казнѣ или пану, не составляютъ арендной платы, а суть повинности въ обоихъ случаяхъ государственно-частныя. Земля составляетъ вѣчное и потомственное владѣніе крестьянъ.

Прежде всего надо отвлечься отъ представленія о бродяжничествѣ крестьянъ. Отнюдь не слѣдуетъ думать, что основаніемъ гражданскихъ правъ крестьянъ есть право перехода и основаніемъ крѣпостнаго состоянія—лишеніе этого права. Переходили съ мѣста на мѣсто (сравнительно) весьма немногіе, и притомъ наиболѣе легковѣсные элементы сельскаго общества, т. е. обнищавшіе, облѣнившіеся, ищущіе временныхъ льготъ, потерявшіе связь со своею общиною. Главная же и господствующая масса хозяевъ состояла изъ людей, которыхъ отцы, дѣды и прадѣды были постоянными членами волости и села. Владѣя собственной землей, они не имѣли ни малѣйшаго интереса и охоты бросать свою усадьбу, ими выстроенную, свою землю, ими расчищенную, или купленную, или пріобрѣтенную чрезъ пожалованіе отъ князя на вѣкъ.

Поэтому въ описаніяхъ селъ при введеніи волочной системы, о крестьянахъ перехожихъ, бродягахъ, вовсе не упоминается. Ихъ можно лишь подразумѣвать и предполагать среди т. н. потужниковъ, не перечисляемыхъ поименно. Они подсосѣживались въ готовыя дворища къ старинным и настоящимъ хозяевамъ, для которыхъ лишеніе земли съ голымъ правомъ перехода было бы великимъ бѣдствіемъ.

Вотъ почему, при исчисленіи дворищъ 1553—1555 годовъ, весьма рѣдко можно найти указаніе на цѣлое дворище пустое; напр., на все Пинское княжество въ 50-хъ годахъ XVI в. не насчитается такихъ и десятка (напр. дворища Страховщина и Рудчичи въ с. Плотницахъ [1]), дворище Ивановичи въ с. Ласницкомъ). Такія запустѣвшія дворища отдаваемы были на оброкъ земянамъ, боярамъ, мѣщанамъ. Запустѣніе могло произойти отъ причинъ случайныхъ: выморочности, осужденія за преступленія и т. п. Впрочемъ, главною причиною существованія пустыхъ дворищъ надо считать образованіе новыхъ участковъ изъ пустопорожнихъ земель, участковъ, которые еще не были заняты крестьянами, не были никому пожалованы. Словомъ, это—земли новыя, которыя государство или частный владѣлецъ намѣревались обратить въ населенныя.

Всѣ прочія земли состоятъ въ потомственномъ владѣніи крестьянъ. Термины, которыми крестьяне обозначаютъ свое право, суть: „земля влостная, или властная, отчизная“ [2]), или „купленина“, смотря по способу пріобрѣтенія. Тѣмиже самыми терминами, какъ извѣстно, въ тѣ времена обозначалось право собственности вообще всѣхъ другихъ лицъ въ государствѣ.

Отношеніе правъ королевскихъ крестьянъ на землю къ правамъ государства отнюдь не могутъ быть опредѣляемы нашими понятіями о собственности. Какъ въ сѣверной Руси говорили, что „то—земля Божья да государева“, такъ и на югѣ (въ Черкасахъ) заявляли: „своего ничего не маемъ, одно Божье да государево“. Здѣсь понятіе о государевой землѣ такъ же далеко отъ конкретныхъ юридическихъ отношеній, какъ и понятіе о Божьей землѣ. Вся земля—

---

[1]) Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, т. I, стр. 286—287.

[2]) Акты Вил. Ком., т. XVII, № 320, 327, 357, 446 (искъ кр—на противъ боярина), 520, 542.

территорія принадлежитъ государю, какъ главѣ государства, и никому въ частности, кромѣ лицъ, владѣющихъ ею непосредственно. Для ближайшаго уясненія дѣла считаемъ возможнымъ привести слѣд. примѣръ: въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ производилось дѣло по спору о сѣнокосѣ, который затопилъ своимъ ставомъ гроднен. ключникъ п. Лукашъ Гриневичъ, между этимъ послѣднимъ и крестьянами—Засидранами (т. е. слобожанами, поселенными за р. Сидрою). Интересы крестьянъ на судѣ представлялъ справца (правитель) старостваГродненскаго королевы Боны—п. Требскій. Требскій, оспаривая право Гриневича, утверждалъ, что спорный сѣнокосъ „есть грунтъ власный господарскій, сеножати тыхъ подданныхъ господарскихъ по обудву сторонъ р. Сидры". Изъ такой двойственности субъектовъ права еще ничего нельзя вывести, какъ смотрѣлъ представитель короны на отношеніе правъ крестьянъ къ государству. Но въ началѣ своей судебной защиты, когда ему пришлось точно выразить сущность дѣла, онъ выразился такъ: „я вашей милости отъ подданныхъ господарскихъ повѣдамъ, ижъ то суть сеножати ихъ властные и вечистые".

Для вопроса объ отношеніи правъ крестьянъ къ правамъ государства интересенъ и слѣд. эпизодъ того же дѣла: „хотя господарь его милость дозволилъ ключнику (Гриневичу) ставъ къ берегу своему засыпать, но п. Виленскій (староста Гродненскій), видя вредъ отъ этого крестьянамъ господарскимъ, того ему никогда не позволялъ". Когда же онъ наконецъ засыпалъ прудъ и затопилъ имъ сѣнокосы, то „подданные господарскіе никгды того не молчали и королевой ей милости ся жаловали". Так. обр. распоряженіе короля относительно государственныхъ имуществъ встрѣчаетъ противодѣйствіе и неисполненіе со стороны крестьянъ, владѣльцевъ земли, которой оно касается, и со стороны лицъ, ближайшимъ обр. заинтересованныхъ въ ихъ благосостояніи [1]).

Права крестьянъ на землю, занимаемую ими, не опредѣляются закономъ. Напротивъ, со времени 1-го Лит. статута законодатель явнымъ образомъ склоняется къ признанію исключительнаго права на землю за короною, панами, земянами и церковію. Но за то статутъ ясно свидѣтельствуетъ о дѣйствительной (фактической) принадлеж-

[1]) Акты Вил. Ком., т. XVII, № 137.

ности правъ крестьянамъ, но старается ихъ ограничить и парализовать. Именно въ немъ [1]) содержится постановленіе о томъ, что никто не имѣетъ права закупать землю у чужаго человѣка безъ воли пана его; однако въ формѣ выраженій этого артикула совершенно ясно выступаетъ дѣйствительность, несогласная съ опредѣленіями закона. „Установляемъ, что никакой бояринъ *или человѣкъ* не можетъ закупать земли у чужаго человѣка безъ воли пана его"; такъ обр. здѣсь признается: 1) что крестьянинъ можетъ покупать землю; 2) что крестьянинъ даже частновладѣльческій можетъ продавать землю, только не иначе, какъ съ согласія пана.

Въ другомъ мѣстѣ [2]), говоря о владѣніи бортями и о входахъ въ пущи, статутъ мимоходомъ замѣчаетъ: „какъ часто случается между мужиками, продаютъ пчелъ, не имѣя чѣмъ платить дань, или отдаютъ за дочерьми борти со пчелами затьямъ въ другое село, а зятья накладываютъ свои знамена на эти борти". Такъ обр. здѣсь прямо признается (но опять, какъ фактъ) владѣніе крестьянъ угодьями.

Говоря о владѣніи лѣсами [3]), статутъ различаетъ порубки, сдѣланныя шляхтичемъ шляхтичу и мужикомъ *мужику*, чѣмъ подтверждается, что владѣльцемъ лѣса можетъ быть „мужикъ" (крестьянинъ); виновный мужикъ долженъ за насильственную („гвалтомъ") порубку заплатить 3 рубля грошей, „такъ какъ бы онъ *ему* межу переоралъ"; изъ этого слѣдуетъ, что мужикамъ приписывается и право владѣнія *пахотною землею*, межи которой охранялись закономъ. За покражу въ саду шляхтичу платится 12 рубл. грошей, а мужику—3 р.

Так. обр. 1-й статутъ, уже явно склоняющійся въ сторону непризнанія правъ собственности на землю за крестьянами, содержитъ однако въ себѣ фактическое свидѣтельство о томъ, что въ ту эпоху крестьяне и королевскіе и частновладѣльческіе пользовались правомъ на недвижимость: землю пахотную, угодья, сады и лѣса, и что эти права лишь поставлены въ зависимость отъ панскаго права.

---

[1]) Статутъ I, раздѣлъ VIII, артикулъ 21.

[2]) Разд. IX, ар. 7.

[3]) Разд. IX, ар. 18.

Но показанія статута, какъ извѣстно, относятся ко 2-й четверти XVI в. и содержатъ въ себѣ попытки измѣненій древняго права въ пользу новаго—панскаго строя. Въ эпоху болѣе раннюю, т. е. въ XV и нач. XVI в., а также въ обычномъ правѣ и въ эпоху дѣйствія 1-го статута (до пол. XVI в.) права крестьянъ на землю были болѣе независимы и прочны.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть въ виду преимущественно отношеніе правъ крестьянъ къ правамъ государства потому, что въ этой сферѣ правовыхъ отношеній мы располагаемъ болѣе обильнымъ и болѣе опредѣленнымъ матеріаломъ. Но и панское землевладѣніе первоначально ничѣмъ не отличалось отъ государственнаго по отношенію къ *нему* правъ крестьянъ на землю; всѣ нижеизложенныя черты правъ крестьянъ на государственныхъ земляхъ могутъ быть безошибочно приложены и къ панскимъ землямъ. Впрочемъ, для показанія этой тождественности въ концѣ сгруппируемъ нѣсколько фактовъ, относящихся непосредственно къ панскимъ землямъ.

Какъ на государственныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ крестьянамъ принадлежали всѣ тѣ права пріобрѣтенія и распоряженія имуществами, какія вообще тогда были доступны частнымъ лицамъ (т. е. съ ограниченіями ихъ правами государства, или пана, но меньшими тѣхъ, какія были изложены нами въ другомъ мѣстѣ для помѣстныхъ правъ служилыхъ лицъ), а именно: имъ принадлежало право наслѣдованія законнаго и завѣщательнаго, которое однако подлежало контролю государства со стороны правильности отправленія повинностей; они пріобрѣтали земли чрезъ обработку (оккупацію въ древне-русскомъ смыслѣ этого понятія), чрезъ куплю-продажу и залогъ какъ между лицами тяглаго состоянія, такъ и отъ лицъ прочихъ состояній, чрезъ дарованіе отъ государства (центральной и провинціальныхъ властей). Столь же обширны были и права распоряженія землею, принадлежавшія крестьянамъ; они могли продавать свои участки, какъ лицамъ тяглаго состоянія, такъ и лицамъ другихъ сословій; могли сдавать ихъ и мѣнять, могли отдавать въ заставу; крестьянскіе участки могли идти въ удовлетвореніе по ихъ частнымъ обязательствамъ; всѣ упомянутыя права подлежатъ обыкновеннымъ тогдашнимъ ограниченіямъ, истекающимъ изъ повинностнаго характера всѣхъ имуществъ;

всѣ права пользованія (сдача земель въ наемъ, т. е. аренда) принадлежатъ крестьянамъ безъ ограниченій [1]).

Источники права собственности крестьянъ на землю: наслѣдованіе, разработка (оккупація), купля и застава, пожалованіе.

Основный источникъ пріобрѣтенія крестьянами правъ на землю есть *наслѣдованіе*. Это—самый обширный (по объему дѣйствія) и самый важный (по силѣ вліянія на права владѣнія) источникъ крестьянскаго владѣнія.

Обширность примѣненія наслѣдственности крестьянскаго землевладѣнія видна ясно изъ того обстоятельства, что обыкновенно родовое наименованіе дворищъ совпадаетъ съ фамиліею владѣльцевъ—крестьянъ: напр., дворищемъ Осиповичъ (с. Жолкини) владѣютъ Василій Осиповичъ и Ѳедоръ съ потужниками; дворищемъ Нестеровичъ—Филипъ, Василь, Яцына, Ненадецъ и Дмитрій Нестеровичи; дворищемъ Толоковичъ—Григорій, Ѳома, Жданъ, Иванъ, Кенадъ Толоцковичи (ошибка или въ фамиліи, или въ названіи дворища); дворищемъ Кожемячичъ—Мимъ и Илько Кожемячичи; дворищемъ Демидовичъ—Пронъ Демидовичъ и Степанъ Жуковичъ; дворищемъ Мамоневичъ—Иванъ и Григорій Мамоневичи и т. д. [2]).

Отсюда нельзя заключать, что наименованія дворищъ измѣнялись каждый разъ съ перемѣною крестьянина-владѣльца; напротивъ, иногда, хотя и рѣдко, дворище носитъ названіе родовое, но совершенно не соотвѣтствующее фамиліи крестьянина; напр. дворище Бѣльчевичъ находится во владѣніи Перевальчичей и Лихощевичей [3]); дворищемъ Стрѣльниковичъ владѣютъ Лукьяновичи [4]) и др. Очевидно, что первымъ нѣкогда владѣли Бѣльчевичи, а вторымъ Стрѣльниковичи;

---

[1]) Для дальнѣйшаго изложенія правъ крестьянъ преимущественнымъ источникомъ служатъ Гродненскіе земскіе акты, къ счастію сохранившіеся за нѣсколько лѣтъ 1-й пол. XVI в. Мы пользовались ими прежде въ рукописяхъ (въ Вилен. центр. архивѣ); нынѣ три актовыхъ книги Гроднен. зем. суда цѣликомъ изданы Вилен. арх. комиссіею, которая оказала этимъ наукѣ большую услугу; акты, касающіеся гражд. правъ крестьянъ, послѣ уже не попадали въ оффиціальныя книги судовъ, ибо права ихъ не были уже признаваемы закономъ.

[2]) Писц. кн. Пин. стар. Л. Войны, ч. II, passim.

[3]) Ibid., стр. 272.

[4]) Ibid., стр. 276.

съ переходомъ къ новымъ владѣльцамъ, эти дворища не перемѣнили своего имени. Если же въ громадномъ большинствѣ случаевъ наименованія дворищъ и владѣльцевъ ихъ одинаковы, то, очевидно, одни и тѣ же лица владѣли ими съ самаго основанія дворищъ.

Громадное юридическое значеніе наслѣдственности участковъ видно изъ того, что участки, состоящіе въ наслѣдственномъ владѣніи крестьянъ, именно потому и титуловались, какъ ихъ *властные, отчизные.* Напр., въ 1545 г., староста пинскій разсматривалъ тяжбу между землевладѣльцами (духовнымъ и свѣтскимъ), съ одн. стороны, и крестьянами-бондарями королевскими села Колодѣевскаго, съ др. стор. о правѣ на Медвѣжій островъ: „подданные Колодѣевскіе.... отпоръ чинили и повѣдали, что мы тѣ земли, сѣножати и боръ держимъ и пользуемся ими, какъ нашими собственными отчизными [1])". Не признавъ за ними права собственности (не потому, чтобы таковаго не могло быть вообще на крестьянскихъ участкахъ, а по частнымъ обстоятельствамъ дѣла), судъ призналъ однако право вѣчнаго сервитута (пастбищъ и пользованія лѣсомъ).

Наслѣдственныя права на дворищныя земли даже брали перевѣсъ надъ всѣми прочими источниками правъ собственности, въ частности надъ пожалованіемъ этихъ земель частнымъ владѣльцамъ (земянамъ). Такъ, въ с. Мрозовичахъ дворище Кущовщину держалъ земянинъ пинскій Богд. Лемешъ на оброкѣ; а затѣмъ оно возвращено собственнымъ (własnym) отчичамъ того дворища (крестьянамъ), которые продолжали сидѣть на немъ и во время владѣнія Лемеша, не желая переселяться (sie powłoczyć) [2]).

Крестьянскія земли переходили въ наслѣдство какъ *по завѣщанію*, такъ *и по законному преемству*. Достойно вниманія, что въ тѣ времена завѣщательное распоряженіе имуществами среди крестьянъ было гораздо болѣе распространено, чѣмъ нынѣ. Мы разумѣемъ письменные акты завѣщаній. Изъ всей массы судебныхъ дѣлъ, донынѣ опубликованныхъ, по спорамъ о наслѣдствѣ, почти нѣтъ ни одного, при которомъ бы не было представлено въ судъ духовнаго завѣщанія.

---

[1]) Ревиз. пущъ, стр. 248.

[2]) Писц. кн. Пин. княж. Хвальчев., стр. 181—182.

Завѣщанія пишутся по одной опредѣленной формѣ; скрѣпляются свидѣтелями и печатями ихъ.

Завѣщанія пишутся не только лицами мужескаго пола—отцами, но и женщинами—вдовами [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщательное распоряженіе сталкивается съ обычнымъ порядкомъ наслѣдованія, преимущество отдается волѣ завѣщателя; напримѣръ, мужъ завѣщаетъ женѣ пользованіе его долею имущества въ общемъ дворищномъ владѣніи на извѣстный срокъ; братъ умершаго протестуетъ, но судья, „не отступуючи отъ духовницы“, присудилъ въ пользу вдовы [2]).

Изученіе содержанія завѣщательныхъ актовъ крестьянъ (какъ и вообще права наслѣдованія среди нихъ) въ высшей степени важно для провѣрки нашихъ свѣдѣній о древнѣйшемъ порядкѣ наслѣдованія, какъ онъ изложенъ въ Русской Правдѣ и другихъ древнѣйшихъ законахъ. Между прочимъ мы замѣчаемъ, что завѣщательныя распоряженія всегда совершаются въ пользу законныхъ наслѣдниковъ и лишь установляютъ раздѣлъ имущества между ними. По крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили ни одного акта завѣщанія въ пользу сторонихъ.

Примѣненіе порядка наслѣдованія какъ завѣщательнаго, такъ и законнаго, видно, наприм., изъ слѣд. акта: въ 1539 г. разбиралась тяжба въ Гродненскомъ судѣ о наслѣдствѣ между двумя братьями, изъ которыхъ старшій жаловался, что младшій не уступаетъ ему законной части въ имуществѣ, которое куплено было отцомъ ихъ будто-бы вмѣстѣ съ нимъ; на судѣ оказалось, что, по распоряженію отца, младшій братъ получилъ благопріобрѣтенное имущество и домъ, въ которомъ онъ жилъ вмѣстѣ съ отцомъ, какъ неотдѣленный сынъ. „Отчина“ же, т. е. родовое имущество, было оставлено отцомъ старшему сыну. Для доказательства правъ младшаго сына въ судъ была представлена „духовница“ (завѣщаніе), при чемъ разсматривалась въ судѣ правильность составленія завѣщанія и опрашивались свидѣтели [3]). Покупщикъ земли—отецъ—былъ колесникъ; купленная имъ земля была муральская; такимъ образомъ, земля, подѣленная между

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 35.

[2]) Ibid., № 840.

[3]) Ibid., № 18.

двумя сыновьями, сообщила каждому изъ нихъ особый родъ службы. Такая связь наслѣдственности земли съ наслѣдственностію службы не препятствовала наслѣдственной передачѣ имуществъ, если свойства службъ допускали возможность исполненія ихъ кѣмъ угодно.

Изъ этого же акта видно, что завѣщательному распоряженію подлежали какъ родовыя, такъ и благопріобрѣтенныя имущества.

Изъ того же примѣра видно, что домъ, въ которомъ жилъ неотдѣленный (младшій) сынъ вмѣстѣ съ отцомъ, достался младшему, согласно съ постановленіемъ Рус. Правды.

Къ имуществу, переходящему по законному преемству, призывались всѣ сыновья наслѣдодателя въ равныхъ доляхъ. Для доказательства твердости такого порядка приведемъ слѣд. примѣръ: въ 1539 г., крестьянинъ Коробчина сорока Гапидовичъ, умирая, оставилъ въ наслѣдство закупныя свои поля; наслѣдниками должны были явиться: одинъ сынъ его, рожденный отъ первой жены, и четверо сыновей, рожденныхъ отъ второй жены. Но первый старался завладѣть третьею частію закупныхъ полей отца и успѣлъ пожать жито съ этой третьей части. Мачиха занесла жалобу въ судъ, гдѣ отвѣтчикъ—пасынокъ пытался утверждать, что отецъ отказалъ ему третью часть, ссылаясь на то, что еще при жизни отецъ, собравши копу людей добрыхъ, производилъ съ нимъ разсчетъ („рахунокъ“). Изъ трехъ, поименно указанныхъ, свидѣтелей истица выбрала одного, который былъ вызванъ въ судъ; но ссылки отвѣтчика онъ не подтвердилъ, заявивъ, что онъ былъ дѣйствительно призываемъ къ „рахубѣ“ отца съ сыномъ, но дѣло шло о движимости (статкѣ животинѣ, овцахъ и свиньяхъ), но не о поляхъ. Сама же истица заявила, что она имѣетъ отъ своего мужа четырехъ сыновей и четырехъ дочерей и что, хотя „пятому—пасынку отецъ его не отказалъ изъ полей ничего, но она не отнимаетъ у него пятой части“. Сообразно съ этимъ, судья присудилъ пасынку пятую часть полей отца [1]).—О дочеряхъ, которыхъ было 4, ни сама мать, ни судья вовсе не упоминаютъ, какъ о наслѣдницахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дочери при братьяхъ ихъ не наслѣдовали; вдова же оставалась распорядительницею имущества дѣтей своихъ.

Въ 1540 г., въ томъ же судѣ жаловалась королевская крестьянка Дорота на своего пасынка—Петра, что онъ не выдѣляетъ ея сыну

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 48.

(своему единокровному брату) 3-й части имущества, отказаннаго отцомъ, который имѣлъ отъ перваго брака двухъ сыновей и отъ втораго брака—одного. Отвѣтчикъ сначала отвергалъ фактъ отказа отцомъ 3-й части младшему; но когда судья спросилъ о духовной грамотѣ отца, которая оказалась существующею и была представлена въ судъ, то въ ней нашли, что отецъ подѣлилъ имущество на 3 части между всѣми 3-мя сыновьями [1]). Судья рѣшилъ, что 3-я часть дохода съ имущества должна быть выдаваема Доротину сыну; что же касается самой земли, то она должна быть раздѣлена также на три части, но не прежде, какъ по достиженіи совершеннолѣтія этимъ послѣднимъ. Обѣ стороны взяли себѣ „дѣльчимъ“ хорунжаго Городенскаго, который долженъ раздѣлить между ними хлѣбъ (збоже) и прочее движимое имущество (статки).

Замѣною перехода правъ по наслѣдству отъ отца къ сыновьямъ служитъ иногда *сдача* отцомъ земля сыновьямъ при жизни, съ обязанностію для сыновей давать отцу прокормленіе. Причиною досмертной сдачи служитъ повинностный характеръ земли: отецъ, который уже не можетъ исполнять повинностей по старости, возлагаетъ эту обязанность на сыновей. Въ 1539 г., предъ Гродненскимъ урядомъ явился пивоваръ Микита Михайловъ съ 3 сыновьями и нѣсколькими сосѣдями (какъ свидѣтелями сдѣлки) и заявилъ, что онъ сдалъ сыновьямъ всю „отчину“ и изъ „купленины“ по огороду; а сыновья обязались выдавать отцу жито копнами, а на ярину часть поля для посѣвовъ [2]).

Наслѣдство послѣ матери достается тому изъ дѣтей ея, у кого она жила и умерла. Въ 1540 г., жаловались Гродненскому судьѣ два брата Радвиловичи, королевскіе рыболовы, на третьяго брата своего Янушка въ томъ, что онъ, по смерти матери, не хочетъ подѣлиться съ ними ея статками (домашними животными, деньгами, хлѣбомъ и клѣтью). Отвѣчая на обвиненіе, Янушко начинаетъ съ слѣд. заявленія; „правда, матка наша покойница прежде у нихъ жила, а потомъ пришла ко мнѣ и предъ смертію мнѣ отписала свои статки“ [3]). При этомъ предъявлена была судьѣ совершенно правильная духовная, вполнѣ подтвердившая заявленіе отвѣтчика. Зачѣмъ, въ такомъ слу-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 657.

[2]) Ibid., № 36.

[3]) Ibid., № 310.

чаѣ, отвѣтчикъ завелъ рѣчь о томъ, у кого жила мать? Очевидно, онъ этимъ желаетъ уничтожить единственное законное основаніе, которое могли имѣть его противники. Согласно съ постановленіемъ Русской Правды, тотъ, у кого мать жила, кто кормилъ ее до смерти, тотъ и получаетъ наслѣдство послѣ нея (Кар. ст. 4).

Права наслѣдованія вдовы опредѣляются иначе, смотря потому, остаются ли сыновья умершаго, дѣлятъ ли они наслѣдство, совершеннолѣтніе ли они, или малолѣтніе. При взрослыхъ сыновьяхъ и раздѣлѣ наслѣдства между ними, мать-вдова получаетъ отъ каждой сыновней доли часть на прожитокъ. Въ 1539 г., Гродненскому суду жаловался Хилимонъ Лидинъ на матку свою за то, что она каждый годъ пользуется полемъ на бочку посѣва „властной отчизны“ своихъ сыновей. На судѣ оказалось, что вдову-мать дѣлили съ ея сыновьями „мужи“ (члены общины) и присудили, чтобы сыновья давали матери ежегодно по бочкѣ жита на посѣвъ. Два сына подчинились этому рѣшенію, а 3-й, жалобщикъ, не хотѣлъ. Судья рѣшилъ согласно съ приговоромъ мужей, ибо-де „не годится матери ихъ на старость волочиться“ (таскаться по людямъ) [1]).

Если вдова остается съ сыномъ малолѣтнимъ, то она можетъ продолжить прежнее экономическое и служебное состояніе семьи посредствомъ выхода въ замужество и принятія новаго мужа на извѣстную часть службы. Въ 1540 г., предъ тѣмъ же Гродненскимъ судомъ разбиралось слѣд. дѣло: нѣкто господарскій колеснинъ Олекса умеръ, оставивъ вдову и малолѣтняго сына. Къ наслѣдству примкнулъ братъ покойника и занялъ 1-ю часть; вторая часть должна была сохраняться для малолѣтняго, а на 3-ю часть вдова приняла нѣкоего Онопрія. Но братъ покойнаго былъ пьяница и задорный человѣкъ, такъ что новая семья должна была уйти прочь со своего имущества. Лишь по смерти его всѣ они вернулись и, при посредствѣ сотника, упросили судью утвердить Онопрія на 3-й части [2]).

Вообще, при нераздѣльности семьи, вдова (при малолѣтнихъ дѣтяхъ и, какъ увидимъ ниже, безъ дѣтей), оставаясь хозяйкою въ домѣ, совершенно замѣняетъ личность своего мужа: можетъ отка-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 98.

[2]) Ibid., № 157.

заться отъ наслѣдства, если находитъ службу съ него невыгодною, ведетъ иски, заключаетъ сдѣлки объ уступкѣ земли. Все это видно изъ слѣдующей семейной исторіи, происходившей въ 30-хъ годахъ XVI в. въ Городенскомъ повѣтѣ: нѣкій крестьянинъ Бобренскаго сорока Петръ оставилъ на своемъ имуществѣ жену Зохну. Какъ видно, и въ тѣ дни на общинныхъ сходкахъ міроѣдство было въ ходу: мужи-сорочники, обижая беззащитную вдову, раздѣлили „отчину“ мужа ея на двѣ службы и на два дякла, т. е. вдовѣ приходилось нести двойныя повинности съ одной и той же земли. Притѣсненная вдова ушла было съ той земли прочь; но потомъ рѣшилась попробовать счастья и пошла къ королю просить его о возстановленіи прежняго положенія ея земли, т. е. оставить ее при одной службѣ. Король приказалъ Городенскому старостѣ Юр. Ник. Радивилу разслѣдовать дѣло; Радивилъ выслалъ для опроса на мѣстѣ ключника Городенскаго, который собралъ показанія какъ отъ сорочниковъ, такъ и отъ сосѣдей; на основаніи ихъ, Радивилъ оставилъ ее при одной службѣ. При такомъ благопріятномъ поворотѣ дѣлъ, нашлись охотники изъ родственниковъ воспользоваться частію наслѣдства, а именно нѣкто Козакъ и Юхно. Вдова была не прочь подѣлиться съ ними, но потребовала возвращенія части затраченныхъ ею денегъ на хлопоты у короля. Козакъ вернулъ 3-ю часть, и ему уступлена была 3-я часть земли, а Юхно не заплативши умеръ и оставилъ запись своей женѣ на 3-ю часть тойже земли, которой еще не получилъ. Судья отказалъ вдовѣ этого послѣдняго въ ея претензіи [1]).

Владѣніе вдовъ землею по смерти мужей и иски на нихъ по обязательствамъ мужей и обратно составляютъ постоянное явленіе; напр., въ 1540 г., крестьянка Гродненскаго повѣта Бѣлчина сорока Ханна жалуется на роднаго брата своего мужа, крестьянина того же сорока, Богдана Желича, что „онъ на моей властной земли жито небожчика мужа моего пожалъ“ [2]). Что эта „ея собственная земля“ получена ею отъ мужа, доказывается тѣмъ, что оспариваемое ею жито, какъ оказалось на судѣ, завѣщано брату ея мужемъ.—Въ 1539 г., въ Гроднен. судѣ искала крестьянка Ганна на невѣсткѣ своей крестьянкѣ Пашковой (вдовѣ Пашка) и на крестьянинѣ Янкѣ, заявляя, что покойному

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 274.

[2]) Ibid., № 504.

мужу ея заставили поле въ двухъ мѣстахъ за 70 гр. мужъ отвѣтчицы и упомянутый Янко, а затѣмъ отняли поле, не заплативши денегъ [1]). Изъ обоихъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что жена по смерти мужа остается полноправною хозяйкою его имущества, считаетъ землю его своею „властною землею" и вообще продолжаетъ собою имущественную личность умершаго. Все это нужно разумѣть лишь въ томъ случаѣ, когда въ домѣ продолжается жизнь семьи, т. е. когда остаются дѣти, и въ томъ случаѣ, когда бытіе семьи можетъ быть продолжено искусственно (какъ увидимъ сейчасъ).

Если вдова остается безъ дѣтей, то недвижимое имущество переходитъ къ братьямъ умершаго; вдова же получаетъ лишь часть движимости; при этомъ выдѣлъ совершается съ утвержденія „копы". Впрочемъ, бездѣтная вдова можетъ удержать за собою и право на домъ, если получитъ разрѣшеніе принять *пріймака,* который бы заступилъ личность ея мужа въ отправленіи повинностей; такое разрѣшеніе даетъ мѣстная власть (воевода, намѣстникъ, староста). Напримѣръ, въ 1539 г., вдова нѣкоего Балтромея (Варфоломея), крестьянина Новой недѣли Гродненскаго повѣта, жаловалась на своихъ деверьевъ (братьевъ мужа), что они не выдаютъ ей ея „статковъ" и гонятъ изъ дома. На судѣ первое не подтвердилось; напротивъ, оказалось, что для выдѣла сй статковъ деверья два раза собирали копу и, по рѣшенію копы, назначили ей выдѣлъ изъ всего „статка" умершаго мужа. Что же касается дома, то деверья не гонятъ вдовы, но не знаютъ, разрѣшитъ ли ей панъ (староста) принять пріймака. Судья назначилъ сторонамъ явиться къ пану; деверья на срокъ явились, невѣстка—нѣтъ. Результатъ дѣла остался неизвѣстнымъ [2]).

Благопріобрѣтенное и заставное владѣніе мужъ могъ завѣщать женѣ безусловно: въ 1540 г., въ Гродненскомъ судѣ производилась тяжба между кр. Мартиномъ Говеновичемъ и кр. Петрушею Демидовскаго сорока о землѣ, которую обѣ стороны объявили своею отчиною; но оказалось, что земля была въ заставѣ у мужа Петруши и отказана ей мужемъ [2]).

Впрочемъ, по одному дѣлу, производившемуся въ Гродненскомъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 41.

[2]) Ibid., № 32.

[3]) Ibid., № 268.

судѣ въ 1540 г., оказывается, что заставное владѣніе въ рукахъ вдовъ не всегда оставляется, ради правильности отправленія повинностей: королевскіе крестьяне въ Гродненскомъ повѣтѣ жаловались на Кахну, вдову коваля въ томъ, что она владѣетъ ихъ отчиною. Кахна заявила, что эту землю закупилъ мужъ ея у отца истцовъ. Судья нашелъ, что того, чтобы служба господарская не сгинула, слѣдуетъ возвратить поле истцамъ, обязавъ ихъ уплатить закладную сумму по частямъ крестьянкѣ вдовѣ [1]).

Итакъ, вдова-крестьянка, совершенно согласно съ постановленіями древняго русскаго права, или продолжаетъ бытіе семьи, въ качествѣ главы ея, или получаетъ выдѣлъ.

Выше сказано, что *дочери* при сыновьяхъ не наслѣдуютъ. Но если дочь является единственною преемницею, то можетъ наслѣдовать и въ недвижимомъ имуществѣ, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ завѣщательнаго преемства; такъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ, въ 1541 году, въ судъ занесена была жалоба на крестьянку Оксюху Васильеву въ неправильномъ будто бы владѣніи ею 3-ю частью „отчизной земли". При разборѣ дѣла оказалось, что отецъ Оксюхи—родной братъ истцамъ,—завѣщалъ своей дочери и своему зятю, мужу ея, третью часть отчизной земли. Судья утвердилъ права отвѣтчицы. Изъ этого примѣра видно, что дочь можетъ наслѣдовать имущество, обремененное повинностями, лишь подъ условіемъ выхода въ замужество; зять является какъ бы замѣною сына [1]). Другой примѣръ изъ той же мѣстности и эпохи указываетъ, что отецъ, отдавши при жизни своей дочь замужъ, можетъ сдѣлать зятя равноправнымъ дольщикомъ дворищнаго имущества: крестьянинъ жаловался, что дядковичи (потужники) выгоняютъ съ земли его зятя; судъ утвердилъ права этого послѣдняго [2]).

Лица женскаго пола, наслѣдовавшія имущество, обязанное повинностями, могли потомъ, при невозможности исполнять службу, переуступать это имущество въ сторонніе руки: такъ, въ томъ же повѣтѣ, въ 1540 г., пушкарка просила дозволенія „спустить и продать 4-ю часть

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 281.

[2]) См. еще ibid., № 223, гдѣ отецъ завѣщаетъ дочери и зятю $^1/_3$, а братаничамъ $^2/_3$ своей отчины.

[3]) Ibid., № 760.

пашни своей пушкарской пушкарю Роману Никитичу, ибо сама уже стара и недужа (не въ силахъ) служить службы пушкарской". Такую сдѣлку старались разрушить „деверичи" ея (т. е. племянники отъ братьевъ мужа), ссылаясь на *близкость* свою, т. е. право родоваго наслѣдованія, и требовали, чтобы земля была передана имъ. Судья, однако, дозволилъ сдѣлку на томъ основаніи, что племянники „пушкарской службы не умѣютъ" (т. е. не имѣютъ надлежащихъ знаній). Но такъ какъ отчужденіе вдовою имущества мужа въ сторонній родъ противорѣчило обычному праву, то судья присоединилъ, что сдѣлка не должна разрушать права наслѣдства „деверичей": впослѣдствіи, когда кто-нибудь изъ нихъ хорошо научится пушкарской службѣ, то можетъ возвратить свою часть наслѣдства отъ покупщика, уплативъ ему соотвѣтственную долю покупной платы [1]).— Остается однако неразгаданнымъ, какимъ образомъ женщина могла отправлять пушкарскую службу (безъ передачи права на землю другому лицу), когда мужчинѣ нужно было предварительно обучаться пушкарскому искусству, чтобы унаслѣдовать пушкарскую землю.

Изъ этого же случая (равно какъ и изъ многихъ другихъ) видно, что право наслѣдства въ крестьянскихъ имуществахъ, за неимѣніемъ членовъ семьи, переходило къ *боковымъ родственникамъ*, именно братьямъ и ихъ нисходящимъ. Историческое возникновеніе наслѣдованія боковыхъ и его отношеніе къ наслѣдованію нисходящихъ составляетъ, какъ извѣстно, весьма неясный пунктъ въ исторіи древне-русскаго права. Поэтому факты исторіи западно-русскаго права пріобрѣтаютъ для насъ двойную цѣнность.

Есть нѣсколько данныхъ, указывающихъ на право боковыхъ родственниковъ участвовать въ наслѣдствѣ, *вмѣстѣ съ нисходящими*. Во-первыхъ, если остается одинъ наслѣдникъ, и притомъ малолѣтній, который не въ состояніи исполнять повинностей, лежащихъ на землѣ, то часть отчины можетъ перейти къ брату умершаго, какъ это видно изъ вышеприведеннаго примѣра [2]).

Но возможно, что, и при совершеннолѣтіи наслѣдниковъ нисходящихъ, явится возможность примкнуть къ оставленному имуществу

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 198.

[2]) Ibid., № 157.

для боковыхъ. Такъ въ приведенномъ выше примѣрѣ жалобы сына на мать о завладѣніи ею будто-бы „отчиною“, сынъ-жалобщикъ въ числѣ мотивовъ своего иска приводилъ и то, что будто-бы для сыновей-наслѣдниковъ и безъ того трудно исполнять службу господарскую, ибо „земля малая, и къ тому же дядковичъ нашъ (т. е. двоюродный братъ) на ту же землю къ намъ пришелъ и хочетъ имѣть съ нами долю въ той же землѣ“ [1]). Правда, въ актѣ не объяснено, какія права имѣлъ этотъ дядковичъ, но до нѣкоторой степени вѣроятно, что права его были основаны на родовомъ наслѣдованіи; думать надобно, что отецъ его, братъ наслѣдодателя, былъ совладѣльцемъ этого послѣдняго; затѣмъ по смерти или до смерти своего отца сынъ ушелъ изъ дому искать удачи въ другихъ мѣстахъ, но не найдши ея, вернулся къ своей наслѣдственной отчинѣ.

Вообще, характеръ дворищнаго совладѣнія дѣлалъ неясными предѣлы правъ наслѣдниковъ нисходящихъ и боковыхъ; наслѣдуютъ всѣ совладѣльцы, весь родъ, составляющій дворище (пока оно не подѣлилось).

Но при семейномъ владѣніи лишь отсутствіе нисходящихъ давало право наслѣдованія боковымъ: въ 1541 г., въ Гродненскомъ судѣ спорили два брата—Маковичи о раздѣлѣ наслѣдства послѣ третьяго брата (который умеръ *40 лѣтъ* тому назадъ). Истецъ говорилъ: „по смерти небожчика третего брата нашего Супруна спалъ спадокъ (открылось наслѣдство) на насъ, якъ земля, такъ домовое будованье и статки, *бо дей дети его скоро по смерти его померли*“. Землю оставшіеся братья тогда же подѣлили между собою, а домовыя постройки и движимое имущество взялъ себѣ одинъ братъ (отвѣтчикъ) и дѣлиться ими съ другимъ не хочетъ. Отвѣтчикъ сослался не на 40-лѣтнюю давность, а на то обстоятельство, что онъ жилъ вмѣстѣ съ умершимъ братомъ въ совладѣніи („съ одного“) и затѣмъ похоронилъ его и его дитя. Судья же, рѣшивъ дѣло въ пользу отвѣтчика, основалъ свое рѣшеніе исключительно на давности [2]), а не на единствѣ хозяйства двухъ братьевъ. Очевидно, древнѣйшія основы права наслѣдства, коренившіяся въ идеѣ единства дома (хозяйства), сохранялись въ со-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 98.

[2]) Ibid., № 888.

знаніи населенія; судья, какъ представитель интеллигенціи, руководствуется уже новыми, искусственными постановленіями законодательства.

Всѣ акты перехода правъ по наслѣдству (завѣщательные и безъ завѣщанія) требовали разрѣшенія и утвержденія власти (подобно тому, какъ и въ земянскихъ-боярскихъ имуществахъ до пол. XVI в.). Характеръ акта утвержденія виденъ изъ слѣд. примѣра: въ 1540 г., королевскій крестьянинъ-санникъ Гродненскаго повѣта Мелешко Борисовичъ явился къ начальству съ сотникомъ санницкимъ, билъ челомъ, чтобы ему дали на службу его отчинную санницкую землю, которую до того времени держалъ отецъ его. Подстароста опросилъ сотника, дѣйствительно ли проситель—отчичъ той земли; сотникъ подтвердилъ это и сверхъ того прибавилъ, что упомянутую землю желаетъ держать вмѣстѣ съ просителемъ зять его, а равно и службу они будутъ отправлять вдвоемъ. Подстароста, за поручительствомъ сотника, удовлетворилъ просителя, т. е. далъ ему и зятю его „землю отчизную“ [1]).

Около того же времени въ тотъ же урядъ явился крестьянинъ Раковскій и объявилъ, что при жизни отца ходилъ „по наймѣхъ“; затѣмъ, вернувшись, засталъ отца на смертномъ одрѣ и, похоронивъ его, просилъ позволенія осѣсть на землѣ Нестеровщинѣ, какъ отчинѣ. Подстароста дозволилъ ему осѣсть на батьковщинѣ, чтобы подати на землѣ „не омѣшкивали“ [2]).

Выше былъ указанъ случай, когда родовая земля могла достаться наслѣднику лишь подъ условіемъ, если онъ научится той спеціальной службѣ, которая соединена съ владѣніемъ этого участка и притомъ со внесеніемъ выкупа тому, кому она была отдана прежде, какъ умѣющему. Но возможны были случаи, когда право на наслѣдство вовсе терялось, если наслѣдникъ долговременно не исполнялъ службы: такъ, въ 1540 г., въ Гродненскомъ повѣтѣ нѣкто Романъ Кунатовичъ жаловался на королевскаго пушкаря Хому Кочержина въ томъ, что онъ владѣетъ—неизвѣстно, по какому праву—отчинною землею просителя; самъ же истецъ, оставшись малолѣтнимъ послѣ отца, ходилъ по людямъ, нанимаясь на службу. На судѣ оказалось, что отвѣтчикъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 195.

[2]) Ibid, № 831.

держитъ землю около 15 лѣтъ по пожалованію отъ старостинскаго уряда и исполняетъ пушкарскія повинности съ этой земли, т. е. прежде давалъ по 12 фунтовъ пороху, а теперь платитъ по копѣ грошей. Судья рѣшилъ, что такъ какъ во время отлучки наслѣдника, когда онъ по людямъ ходилъ, земля оставалась бы пустою, безъ всякой пользы для королевской казны, то истцу „сказано молчанье", т. е. полная потеря права. Такую потерю права можно бы объяснить вліяніемъ давности, ибо въ предыдущемъ случаѣ право наслѣдства не было потеряно даже и тогда, когда земля была передана другому по частной, и притомъ возмездной сдѣлкѣ. Но въ анализируемомъ случаѣ весьма важенъ тотъ общій мотивъ рѣшенія, который прибавилъ судья, а именно: „бо мужикъ покуль добръ, потуль есть отчичъ" [1]), т. е. право наслѣдства рѣшительно уступаетъ повинностному, зависимому свойству крестьянской собственности: мужикъ наслѣдуетъ лишь въ томъ случаѣ, если годенъ для службы. Что это прежде вовсе не было общимъ принципомъ, мы видѣли уже изъ примѣровъ наслѣдованія лицъ женскаго пола, которыя исправляли службу чрезъ замѣстителей. Въ вышесказанномъ принципѣ сказывается начало будущаго порядка, т. е. полнаго отрицанія правъ собственности на землю за крестьянами.

Но пока этотъ порядокъ не наступилъ, право наслѣдства торжествуетъ надъ правомъ государства раздавать ее плательщикамъ повинностей; въ 1540 г. крестьянинъ Снарскаго сорока Гродненскаго повѣта искалъ земли на крестьянинѣ того же сорока Буланѣ Русановичѣ; оказалось, что истецъ два года назадъ ушелъ самъ прочь со своей отчинной земли и бродилъ, нанимаясь въ службу. Мѣстный староста, видя, что въ оставленной землѣ нѣтъ службы и податей въ пользу казны, *отдалъ ее временно, до возвращенія собственника*, отвѣтчику Русановичу. Судья призналъ права истца, только потребовалъ у него поруки въ томъ, что впредь онъ будетъ служить службу и исправлять государственныя повинности [2]).

Въ 1541 г., Гродненскій судья рѣшалъ искъ крестьянъ Ярославскихъ Василевичей на крестьянъ Гринда Симановича и на потужника его Малейца Юцевича. Изъ разбора дѣла оказалось, что истцы пре-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №. 292.

[2]) Ibid., № 327.

тендовали отобрать землю у отвѣтчиковъ на томъ основаніи, что это ихъ дядковщина, т. е. наслѣдство, оставленное ихъ дядею. Отвѣтчики не отрицали „близкости“ (т. е. наслѣдственныхъ правъ) истцовъ, но указывали, что истцы и безъ того имѣютъ свою „отчину“, а имущество ихъ дяди, какъ совершенно отдѣльное (лежащее на другомъ берегу Нѣмана), было отдано отвѣтчикамъ прежнимъ державцею Ярославскимъ, п. Аврамомъ; они служатъ съ нея особую службу и даютъ дякла. Судья, желая провѣрить права наслѣдованія и повинностный характеръ земли, спрашивалъ истцовъ, могутъ ли они, получивъ свою дядковщину, служить съ нея и давать дякла, какъ теперь служатъ и платятъ съ этой земли отвѣтчики? Истцы отвѣчали, что они не обязаны ни служить, ни платить дякла, потому что и отчина и дядковщина ихъ составляютъ одну рыболовскую землю (рыболовы ограничивались доставленіемъ рыбы на замокъ). Но судья нашелъ, что для государства важнѣе служба и подати, чѣмъ доставленіе рыбы, а потому оставилъ навсегда спорную землю во владѣніи отвѣтчиковъ [1]).—Очевидно, что наслѣдованіе послѣ боковыхъ родственниковъ допускается лишь тогда, когда наслѣдникъ не имѣетъ своей отчины; въ противномъ случаѣ, мѣстные правители могли разсматривать такое наслѣдство (при отсутствіи нисходящихъ), какъ выморочное, и могли раздавать его стороннимъ лицамъ подъ условіемъ службы. Впрочемъ, если законные наслѣдники согласились бы платить и служить съ боковаго наслѣдства, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго имущества, то они предпочитаются стороннимъ, которые хотя и получили землю по распоряженію власти, должны были бы уступить ее наслѣдникамъ.

Еще болѣе интересенъ слѣдующій случай торжества наслѣдственныхъ правъ крестьянъ: въ Гродненскомъ повѣтѣ крестьяне (колесники) Тютейковичи (цѣлое дворище: Мийлашъ и Янецъ, Мартиновичи, Стась Говеновичъ, Гостило Янковичъ, Стецко Курундевичъ, Гришко и Аврамъ Бартошевичи) владѣли землею; но вслѣдствіе крайней тяжести замковыхъ повинностей („за великимъ драпежствомъ отъ замку“), не могли уже тянуть службу и обнищали; а потому почти всѣ пошли съ той земли прочь и ходили по людямъ, чтобы поправиться заработками; однако *одного изъ своей среды оставили на своей отчинѣ „для наслѣдку“*, т. е. для сохраненія правъ на землю. Въ этотъ промежутокъ времени, по неосмотрительности остав-

леннаго ими члена дворища и еще потому, что некому было запахивать ихъ землю, ею овладѣлъ бывшій Гродненскій писарь Яганусъ. Когда крестьяне, поправивъ свое состояніе, вернулись къ своей отчинѣ, то писарь отказался возвратить имъ эту землю. Крестьяне обратились къ судьѣ; отвѣтчикъ—писарь представилъ жалованную грамоту, данную ему королемъ Сигизмундомъ I-мъ, утверждая, что ему пожалована именно та земля, о которой идетъ споръ. Но въ жалованной грамотѣ она названа Игнатовщиною, между тѣмъ какъ спорная земля называлась, по имени дворища, Тютковщиною. Свидѣтели обѣихъ сторонъ утверждали, что не знаютъ вовсе земли Игнатовщины. Быть можетъ въ королевскую грамоту вкралась ошибка въ названіи; во всякомъ случаѣ, какая-нибудь земля была же пожалована писарю, между тѣмъ Игнатовщины не отыскивалось. Судья допустилъ рѣшеніе жребіями вопроса, кому присягнуть; жребій выпалъ крестьянамъ, которые и присягнули въ томъ, что это ихъ земля отчизная. Судья присудилъ имъ на вѣчность держать эту землю, какъ отчизну ихъ [1]).

Какъ сказано выше, въ старину наслѣдственное (потомственное) владѣніе служило преимущественнымъ показателемъ права собственности, а потому понятно, что земля, состоящая во владѣніи крестьянъ и передаваемая ими по наслѣдству, называется ими *своею собственною*; такое же наименованіе придается ей и въ оффиціальныхъ актахъ; такъ, при измѣреніи на волоки, совершенномъ въ нач. XVI в., когда крестьянамъ раздаваема была земля на новыхъ основаніяхъ, писцы (въ Пинскомъ княжествѣ) обозначали, что такой-то получилъ свою собственную землю: „Рымко Ивановичъ обвелъ свою землю, которую занималъ до новаго измѣренія“ [2]).

Но это отнюдь не единственный способъ пріобрѣтенія земли крестьянами. Въ источникахъ весьма часто указывается и на другое (кромѣ наслѣдства) основаніе такого права „собственности“, а именно: *разработку*; напр.: „Яцко Чернакъ показалъ и обвелъ по старымъ межамъ (землю), которую онъ самъ вновь разработалъ“ [3]). „Будило Петраневичъ показалъ и обвелъ свою землю, которою владѣлъ (trzymał) по

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 757.

[2]) Ibid., № 973.

[3]) Писцов. кн. Пинск. княж., изд. 1888 г., стр. 63.

старой разработкѣ; онъ раздѣлился со своими братьями, и получилъ (по раздѣлу) третью часть всѣхъ разработанныхъ земель (przerobek), какъ новыхъ, такъ и старыхъ [1]). „Тучи (въ друг. мѣстѣ Ючи) Якубовичъ сидитъ въ сторонѣ отъ села на землѣ отъѣздной (odjezdney), а другія земли, которыя вновь разработалъ, показалъ и обвелъ по старымъ границамъ". „Гринъ и Шимко Кролевичи обвели и указали свою землю ихъ разработки" [2]). „Юрій Янковичъ и Гринъ Якубовичъ обвели и указали свою землю по старымъ межамъ на разныхъ мѣстахъ, по разработкѣ ихъ" [3]). „Богданъ Пучейковичъ и Радко Некрашевичъ съ пасынкомъ своимъ Димитріемъ Алексѣевичемъ обвели и указали свою землю по разнымъ мѣстамъ и по островамъ, вновь разработаннымъ". „Юхно Богдановичъ показалъ свою новоразработанную землю"; „Павелъ Рымковичъ показалъ и обвелъ свою землю, которую вновь разработалъ на Мокрой Дубровѣ" [4]).—Крестьяне с. Ворочевичъ Пинскаго княжества начали было разработывать въ корол. пущѣ островъ Военъ; но нѣкто Яковъ Хричиновичъ, „пришедши" туда (вѣроятно получивши въ сосѣдствѣ пожалованіе), выгналъ ихъ изъ того „переробку"; началась тяжба, которая не окончилась и при старостѣ Ив. Кирдѣѣ, который выѣхалъ было на мѣсто для рѣшенія спора, но запросилъ у крестьянъ „поклону" (т. е. взятки) 10 копъ грошей, а они ему не хотѣли ничего дать. На томъ дѣло и остановилось [5]); изъ него, однако, видно, что разработка земли давала право защиты владѣнія исковымъ порядкомъ.

Самый интересный актъ о правѣ, даваемомъ разработкою, представляетъ грамота кн. Ѳедора Ивановича Ярославича 1498 г. [6]). Этотъ князь и жена его пожаловали своей служебницѣ Святохнѣ Щепиной два пустыхъ дворища въ с. Кошевичахъ, именно: Ластовское и Карноуховское. Но люди Кошевицкіе (крестьяне)—Горностаевцы и Ганковцы—не позволили ей воспользоваться землею, именно, по словамъ жалобщицы, „землю всю забрали и розробили, а мнѣ хлѣба не на

---

[1]) Писцов. кн. Пинск. княж., 64.
[2]) Ibid., 65.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 67.
[5]) Ibid., 126.
[6]) См. Ревизію пущъ, издан. Вил. Ком., стр. 277.

чѣмъ пахати". Святохна просила князя подѣлить эту землю на ровныя дворища и разровнять. Князь самъ выѣзжалъ на мѣсто и хотѣлъ старыя поля дѣлить на ровныя дворища; но „мужи Кошевицкіе повѣдали: мы, милостивый господару, не на Святохну тые земли розробливали, але на себе; а такъ дай, ваша милость, дубровы на противку тыхъ полей нашихъ старыхъ, нехай вона также собе розробливаетъ". Князь увидѣлъ, что это будетъ, дѣйствительно съ кривдою для „мужей" (крестьянъ) его, еслибы имъ пришлось дѣлить старыя разробленныя поля, и спросилъ „мужиковъ своихъ", гдѣ бы они могли уступить (поступити) поля Святохнѣ, въ замѣнъ вышеуказанныхъ? Крестьяне указали на два острова, которые князь присудилъ Святохнѣ: „маетъ она тые островы розробливати и ихъ вживати на вѣчные часы" [1]).

Такимъ образомъ, здѣсь право, основанное на разработкѣ земли, столкнулось съ правомъ самого князя на пожалованіе, и послѣднее уступило первому. Этому отнюдь не противорѣчитъ то, что право разработки зависитъ отъ позволенія князя; за недозволенную разработку „винами караютъ" [2]). Казалось бы, что князю всегда выгодно, если *его* земля, дикая, пустая и необработанная, получаетъ новую, высшую цѣнность чрезъ разработку. Очевидно, что самъ князь смотритъ на разработку, какъ на освоеніе; разработанную землю онъ самъ уже не признаетъ своею. Здѣсь, какъ и въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, оккупація земли требовала добавочнаго титула—согласія власти. Но разъ оккупація въ формѣ разработки уже состоялась, была допущена государствомъ, она становилась самостоятельнымъ и законнымъ источникомъ права собственности.

Не удивительно, что даже при новой раздачѣ земли во время введенія волочной системы, земли разработанныя не шли въ общій передѣлъ, а были отдаваемы крестьянину, разработавшему ихъ, какъ показываютъ приведенныя выше факты. Во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ (число которыхъ можно весьма увеличить) земля оставлена за прежними владѣльцами.

Разработанную землю крестьяне защищаютъ отъ сторонихъ захватовъ, какъ свою: такъ при с. Ціолковичнѣ (Пин. стар.) Коро-

---

[1]) Фактъ приведенъ нами въ статьѣ, напечатан. въ „Кіев. Сборникѣ" для другой цѣли.

[2]) Ревиз. пущъ, стр. 280—281.

левскіе подданные дворища Осмоловичъ заявили, что земля, ими распаханная и измѣренная, отнята силою крестьянами Жидичинскаго монастыря [1]).

Крестьянскіе участки были пріобрѣтаемы путемъ *купли* и *залога*, отъ сторонних лицъ какъ тяглаго состоянія, такъ и служилыхъ (бояръ и земянъ).

Между крестьянами одного вѣдомства (государственными или панскими) передача земли по куплѣ-продажѣ всегда допускалась; напр.: „подданные господарскіе повѣту Кнышинскаго, села Добрыневскаго, на имя: Наумъ и Хома Ленцевичи и Степанъ Широносовичъ заявили (при ревизіи 1569), что купили землю бортную въ Городенской пущѣ у Ивана Юрьевича, осочника изъ Добрышева, на что̀ представили и листъ Войцѣха Требскаго, правителя староства Городенскаго, писанный къ слугѣ его Петру, который тогда завѣдывалъ пущею, чтобы онъ не воспрещалъ имъ входовъ въ господарскую пущу [1]).

Крестьяне нетяглые (осочники и пр.) и тяглые имѣли неограниченное право пріобрѣтенія земли по купчимъ отъ бояръ и другихъ служилыхъ лицъ; такъ въ 1553 г. осочники Кринскіе, Охремъ Олешковичъ и Мартынъ Стенцевичъ Книшевичи, купили за 2 копы и 22 гроша землю бортную со пчелами, съ уходами и сѣнокосами обель вѣчно у Степана Омельяновича и Папея Андреевича Лесковичей. Королева Бона утвердила эту куплю въ 1555 г. [3]). Въ 1498 г. подданный королевскій Данило Ходоровичъ Дробишевичъ изъ Гутова (Пинск. пов.) купилъ у бояр. Олехна Курейши двѣ поросли нивы—вѣчно и непорушно. Покупщикъ припустилъ брата своего Василія къ тѣмъ порослямъ на третью часть [4]). У того же Курейши другіе крестьяне того-же с. Гутова закупили нѣкогда землю большимъ обществомъ [5]).

Королевскій крестьянинъ Жданъ Кигирь купилъ у Пинскаго боярина Ѳедора Калаура землю Литвиновскую въ с. Печатовѣ: „на эту землю упомянутый крестьянинъ имѣлъ листъ (грамоту, утверждающую покупку) королевы Боны. Права его казались столь твер-

---

[1]) Писц. кн. Пинск. стар. Л. Войны, ч. II, стр. 419.

[2]) Ревизія пущъ, стр. 188.

[3]) Ibid., стр. 174.

[4]) Ibid., стр. 253.

[5]) Писц. кн. Пинск. княж. Хвальчев., стр. 121.

дыми даже реформаторамъ 50-хъ годовъ XVI в., что вопросъ о правѣ Кигиря на Литвиновскую землю отложенъ на благоусмотрѣніе короля [1]).

Въ 1540 г. Гродненскимъ судомъ разрѣшалась тяжба между королевскимъ крестьяниномъ Бѣлчина сорока Михаиломъ Тимошевичемъ и бояриномъ королевскимъ Игнатомъ Минютовичемъ о нижеслѣдующемъ: первый жаловался на втораго въ томъ, что онъ „вытискаетъ“ его изъ селидьбы—„изъ дубровы и мокради“, которую еще отецъ истца купилъ у отца отвѣтчика; въ доказательство онъ представилъ и купчій листъ. Отвѣтчикъ бояринъ признался, что онъ имѣлъ намѣреніе отнять у истца спорное имущество, потому что не зналъ о его правахъ; теперь же, посмотрѣвши на купчую, уже не претендуетъ болѣе, „ибо я (прибавилъ бояринъ) тамъ же вмѣстѣ съ ними имѣю свою отчину—дуброву и мокрадь“ (т. е. въ совладѣніи съ крестьяниномъ) [2]).

Въ томъ же году, противъ того же боярина (Игната Минютовича) велъ искъ другой кр—нъ королевскій Михаилъ Борисовичъ объ отнятіи якобы у него половины дубровы и мокради, „которую онъ самъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Минютою продали мнѣ (кр-ну) на вѣчность“. Бояринъ заявилъ, что онъ не совершалъ такой продажи и отъ отца своего не слыхалъ о ней. Истцу было отказано только по недостатку документовъ; хотя кр—нъ представилъ „листъ продажный“, но листъ оказался безъ печати, не былъ признанъ отвѣтчикомъ и не подтвержденъ свидѣтелями. Въ виду такихъ обстоятельствъ продажа осталась недоказанною [3]). При этомъ оказалось, что у истца—кр-на, дѣйствительно была и есть своя дуброва и мокрадь, но только та, которую онъ „вытеребилъ“ (разработалъ) и на томъ мѣстѣ поселился, а мокрадь, принадлежавшую къ той же дубровкѣ, пригородилъ къ дому своему.

Въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ одинъ братъ кр-нъ искалъ на другомъ братѣ „пашни муральской, которую купилъ вмѣстѣ съ отцомъ“. Обыкновенно покупка совершалась отъ имени *цѣлой семьи*; но въ данномъ случаѣ оказалось, что истецъ былъ „въ отдѣлѣ отъ

---

[1]) Писц. кн. Пинск. стар. Л. Войны, ч. II, стр. 338; самую купчую см. въ Ревиз. пущъ, стр. 314—315.

[2]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 231.

[3]) Ibid., № 618.

отца, на своемъ хлѣбѣ", а потому участвовать въ покупкѣ не могъ; младшій же братъ жилъ при отцѣ и по завѣщанію отца получилъ „купленину" [1]).

Въ 1541 г. въ томъ же судѣ разбирались между собою бояринъ Фед. Можейковичъ съ кр-номъ Мат. Нацевичемъ о нивѣ, которая оказалась *вымѣненною* отцомъ кр-на у отца боярина и съ тѣхъ поръ находилась во владѣніи перваго нѣсколько десятковъ лѣтъ [2]).

Значительная часть имуществъ пріобрѣталась крестьянами путемъ *заставы*; такъ въ 1539 г. на Гроднен. судѣ, при разборѣ одного дѣла выяснилось, что одверный господарскій Ив. Миленькій держитъ въ заставѣ землю, которую матери его „запродали" отцы бояръ господарскихъ Радивоновичей и Обуховичей (бояре выступили на судъ въ числѣ 5 лицъ и еще именемъ братьи и дядковичей своихъ; очевидно, что и боярскіе роды держались крупныхъ формъ родоваго или дворищнаго совладѣнія) [3]).

Въ 1540 году тотъ же судъ рѣшилъ дѣло о землѣ, заставленной боярынею и сыномъ ея Войткомъ Гейсимонтовичемъ крестьянину королевскому Масютѣ Мелеховичу [4]); тогда же бояринъ Николай Ходоровичъ заставилъ королевскому селянину Жуку Петровичу два поля въ двухъ копахъ грошей [5]).

Ограничиваемся этими примѣрами, число которыхъ можно бы увеличивать сколько угодно.—Несомнѣнный выводъ, подсказываемый ими, тотъ, что въ 1-й пол. XVI в. крестьяне безусловно могли пріобрѣтать земельныя имущества путемъ заставы и при томъ не только отъ лицъ того же состоянія, но и отъ бояръ.—Здѣсь слѣдуетъ только оговориться на счетъ „заставы", какъ источника вещныхъ правъ на недвижимыя имущества. Застава относится къ тѣмъ формамъ залога, которыя въ римскомъ правѣ извѣстны подъ терминомъ pactum fiduciae. Заставное имущество поступало не только во владѣніе и пользованіе вѣрителя, но послѣднему принадлежало и право распоряженія по актамъ завѣщательнымъ, дальнѣйшему залогу и даже от-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 18.
[2]) Ibid., № 858.
[3]) Ibid., № 35.
[4]) Ibid., № 269.
[5]) Ibid., № 294.

чужденію по сдѣлкамъ купли-продажи. Обыкновенно такое имущество передавалось въ наслѣдство наравнѣ съ прочими имуществами наслѣдодателя (могло составлять и отдѣльную долю наслѣдства для одного наслѣдника, тогда какъ другіе получали свои доли изъ прочихъ имуществъ). Для залогодателя и его потомковъ сохранялась однако всегдашняя надежда выкупить заставленное имущество.

При изложенныхъ личныхъ способахъ пріобрѣтенія правъ на землю, отнюдь нельзя видѣть главный способъ пріобрѣтенія крестьянами земель въ *надѣленіи ихъ участками со стороны государства.* Акты пожалованія крестьянамъ немногочисленны, но тѣмъ болѣе важны для насъ, какъ такіе, посредствомъ которыхъ въ старину сообщалась землевладѣнію печать высшей прочности правъ. Приведемъ примѣръ пожалованія, исходящаго непосредственно отъ князя.

Въ 1520 г. кн. Ѳедора Ив. Ярославича Пинскаго просили подданные с. Поршевичъ: Матвѣй Хилимоновичъ, Игнатъ Бобровичъ и Ст. Себастіановичъ пожаловать имъ къ ихъ отчизнымъ землямъ островъ Загоровичи. Князь пожаловалъ островъ вѣчно и непорушно имъ, ихъ женамъ и дѣтямъ, съ условіемъ лишь ежегодной платы въ 2 копы грошей и съ воспрещеніемъ прочимъ крестьянамъ того села пользоваться этимъ островомъ [1]).

Но пожалованіе крестьянамъ чаще исходило не непосредственно отъ высшей власти государства (великихъ князей, или удѣльныхъ—владѣтельныхъ), а отъ мѣстныхъ правителей и даже очень мелкихъ державцевъ; напр., въ 1541 г., въ Гродн. судѣ искали королев. кр-не Сенько Кореневичъ съ потужникомъ своимъ Игнатомъ Ленковичемъ на кр-нѣ королев. Ярославской волости Андреѣ Сивовичѣ о землѣ, доказывая свои права на землю тѣмъ, что ее далъ имъ п. Зелепуга, бывшій державца Ярославскій на чиншу [2]). Гродн. кр-не Козевичъ съ потужниками, споря противъ боярина Андрея Снарскаго, ссылаются на „листъ кн. Александра Юрьевича“ [3]).

---

[1]) Ревизія пущъ, стр. 312.

[2]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 717.

[3]) Ibid., 830.

Кр-нъ Богданъ Заполянинъ, споря съ евреемъ о землѣ, ссылается на листъ п. Виленскаго (старосты Гродн.) и п. Требскаго (подстарости) [1]).

Выше мы видѣли, что пожалованіе присоединялось къ прочимъ источникамъ права собственности въ смыслѣ дозволенія и утвержденія; но мы упоминали также, что главнѣйшее значеніе принадлежитъ этимъ другимъ источникамъ.

Таковы способы пріобрѣтенія правъ на землю крестьянами, несомнѣнно засвидѣтельствованные актами того времени.

Права распоряженія.

Обращаясь теперь къ правамъ распоряженія крестьянъ землею, находимъ, что они не менѣе обширны и разнообразны и въ суммѣ своей составляютъ, то, что соотвѣтствовало тогдашнему понятію о правѣ собственности. Остановимся преимущественно на правѣ *продажи земель.*

Отдѣльныя лица крестьянскаго сословія могли продавать свои земли, какъ входившія въ составъ ихъ дворищнаго владѣнія, такъ въ особенности ими лично пріобрѣтенныя,—продавать какъ лицамъ другихъ состояній (боярамъ, мѣщанамъ), такъ и членамъ того же крестьянскаго сословія. Слѣдующіе примѣры указываютъ на право крестьянъ продавать земли *боярамъ*: при в. кн. Александрѣ дворянинъ королевскій Макаръ прикупилъ къ пожалованному ему имѣнію Рогожинцу въ Гродн. пов. двѣ бортныя землицы у „людей господарскихъ городнянъ: Ив. Демьяновича и Юрія Ганусовича“; великій князь утвердилъ покупку [2]).—Въ 1512 г. Сигизмундъ I утверждаетъ за нѣкіимъ Бартошевичемъ земли, которыя онъ купилъ у „людей господарскихъ“ Гродненскаго пов.: у Кирилла Ивановича и у его сыновей—Павла, Ѳедца, Левца и Семена, ихъ отчинное поле, сѣножати и гаи,—на вѣчность; а у Богдана Максимовича и у его братьевъ Василія и Михалка также отчинное поле ихъ на вѣчность, а также мѣнялся съ людьми Гродненскими: Стецкомъ, Панкратомъ, Гавриломъ и съ Ортюхомъ Селивановичами, полемъ—куплею своею—на ихъ поле от-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 889.

[2]) Рев. пущъ, стр. 175.

чизное [1]). Въ 1552 г. кор. Сигизмунъ-Августъ утверждаетъ за боярами Угликами земли, прикупленныя ихъ отцомъ къ выслуженному имѣнію у нѣкоторыхъ подданныхъ господарскихъ Городен. волости,— земли, которыя принадлежали этимъ крестьянамъ на отчинномъ правѣ [2]).

При с. Порѣчьѣ (Пинск. стар.) была закуплена земля Войной Гричиновичемъ къ его Порѣцкому двору у королевскихъ крестьянъ дворища Хведичъ и Хлесновичъ въ двухъ мѣстахъ [3]).

Продажа земли крестьянами между прочимъ лицамъ *мѣщанскаго сословія* утверждалась королевскими грамотами, т. е. право это достигало высшей тогдашней санкціи. Въ 1538 г., Городенскій соборный дьяконъ Дорофей Офанасовичъ, защищаясь противъ иска, заявилъ, что онъ держитъ отчину свою, на которой оставилъ его отецъ, купивъ ее у отцовъ и предковъ тѣхъ людей, которые противъ него ищутъ; въ подтвержденіе онъ представилъ королевскую грамоту на пергаментѣ съ печатью, въ которой значилось, что мѣщанинъ Офанасъ (отецъ дьякона) скупилъ у мѣщанъ и людей господарскихъ (крестьянъ) и у женъ, и дѣтей ихъ дворища, поля, сѣнокосы и огороды обель вѣчно, а именно: у Мишка Пересмыковича—селище его отчизное и нивку; у Сенюты Олисѣевича и у Сенюты Мишковича —отчину ихъ, наслѣдственную часть (дѣльницу) и усадьбы; у Чолуговичей, у Трофима Тормосича, у Сенюты Мишковича, у Ханца Проневича—огороды ихъ отчинные съ полями; у Ивана Олисѣевича, Некраша Галенчича, у дядковичей его и у Солохи Чичанки—поля отчинныя; у Ханца Проневича—гаи и дубровы; у Федора Ильковича —огородецъ отчинный". Затѣмъ на судъ были представлены и купчія на эти земли. Судья призналъ права отвѣтчика [4]).

Въ писцовой книгѣ Пинскаго староства, при описаніи дворища Стытычева, указывается, что подъ селомъ Красовымъ находится нива Кухтицкаго дворища, бывшая прежде во владѣніи Пинскаго мѣщанина Ждана Граната *за купно* (напеч. „za kupno", быть можетъ: „закупна") отъ нѣкоторыхъ королевскихъ крестьянъ [5]).

---

[1]) Рев. пущъ, стр. 185.

[2]) Ibid. стр. 192.

[3]) Писц. кн. Пинск. стар. Лавр. Войны, I, стр. 580.

[4]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 211.

[5]) Писц. кн. Пинск. стар. Лавр. Войны, I, стр. 186.

Право купли-продажи *между крестьянами* (одного вѣдомства) до такой степени твердо, что не нуждается въ подтвержденіи многими примѣрами; приведемъ лишь два изъ нихъ; въ 40-хъ годахъ XVI в. въ Гроднен. пов. крестьяне Заспдранской слободы купили сѣнокосъ у крестьянина Дороша Жоровлевича и братанича его Павла [1]). Тогда же и тамъ же рѣшалось дѣло между королевскими крестьянами о землѣ, которую, по заявленію истца, „отецъ его Качанъ, зъ иншею братіею своею, продалъ отцу моему на вѣчность и подписался отецъ его (отвѣтчика) отцу моему, ижъ не мелъ онъ самъ, ни которыи потомки поискивати“ [2]).

Какъ извѣстно, въ древности договоръ купли-продажи не всегда былъ передачею права собственности; иногда это право не принадлежало самому продавцу, который въ такомъ случаѣ передавалъ по куплѣ-продажѣ другія вещныя права, принадлежавшія ему (именно право вѣчнаго владѣнія); такія сдѣлки получили въ сѣверно-русскомъ правѣ особое наименованіе „поступныхъ“. Съ другой стороны, продавецъ, которому право собственности на продаваемую вещь дѣйствительно принадлежало, сдѣлкою купли-продажи лишался этого права не безусловно; за нимъ и его потомками удерживалась возможность выкупа у покупщика и его потомковъ. Здѣсь не мѣсто входить въ общій разборъ этихъ явленій, напр., рѣшать вопросы: чѣмъ въ такомъ случаѣ отличается сдѣлка купли-продажи отъ залоговой (заставы; уже мы выше говорили о заставной сдѣлкѣ отдѣльно)? Всегда ли купля-продажа означала условный переносъ права собственности? Для насъ пока достаточно напомнить о существованіи такихъ особенностей въ древней куплѣ-продажѣ вообще, чтобы при помощи ихъ объяснить возможность начинающихся ограниченій въ правѣ западно-русскихъ крестьянъ отчуждать свою землю на вѣчность. Изъ предыдущихъ и нижеслѣдующихъ примѣровъ оказывается, что 1) акты продажи крестьянами земли отнюдь не могутъ быть признаны всѣ только „поступными“; большая часть ихъ суть дѣйствительные акты отчужденія права собственности; 2) если, благодаря повинностному характеру крестьянскихъ земельныхъ участковъ, судьи и правители въ 40-хъ годахъ XVI в. нерѣдко уничтожали

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, №, 584.

[2]) Ibid., №, 590.

продажныя сдѣлки крестьянъ, то не потому, что права собственности не принадлежали крестьянамъ, а потому, что сдѣлка купли-продажи вообще не была безусловною ни для какихъ лицъ отчуждающихъ. Въ 1541 г., въ Гродненскомъ судѣ жаловался одверный господарскій Ив. Миленькій на крестьянина королев. Одельской волости —Матѣя Пашевича съ братіею—за отнятіе у него земли, которую самъ же Матѣй продалъ ему съ сѣножатью и гаемъ за три копы грошей; при этомъ истецъ представилъ и листъ свой купчій, а ихъ продажный, „съ печатями людей добрыхъ"—бояръ; въ листѣ было написано, что если бы продавцы стали „торгомъ своимъ вартовати" или „торгъ взрывати" (нарушать), то обязаны уплатить вины на замокъ три рубля грошей. Вызванные свидѣтели-печатники подтвердили содержаніе сдѣлки. Но судья приговорилъ, что Миленькій имѣетъ право *держать землю, пока ему пенези* (3 копы) не *отдадуть*, и назначилъ срокъ уплаты [1]). Почему же сдѣлка купли-продажи превращена судомъ въ заставную? Разумѣется, въ этомъ можно усматривать начинающееся направленіе судебной практики не допускать для тяглыхъ людей распоряженія ихъ имуществами по сдѣлкамъ полнаго отчужденія; но судья для достиженія этой цѣли, очевидно, пользуется близостію сдѣлки купли-продажи къ заставному договору.

Кр-нъ Андрей Пашковичъ и жена его Алжбета продали кр-ну Андрею Олгимонтовичу два огорода. И хотя продавщица (оставшись вдовою) отрицала сдѣлку, утверждая, что она въ ней не участвовала, купчая, представленная Олгимонтовичемъ оставляла дѣло внѣ сомнѣнія; она скрѣплена печатями людей добрыхъ, въ томъ числѣ боярина Олизара Григорьевича, который лично подтвердилъ дѣйствительность продажи и участіе въ ней Алжбеты Пашковичевой. Но такъ какъ о той же землѣ былъ раньше судъ,—при прежнемъ правителѣ староства, и этотъ послѣдній рѣшилъ, что продавцы должны вернуть покупщику его деньги и тогда могутъ получить землю обратно, то и теперь судья рѣшилъ также [2]). Это не значитъ однако, что всякая купля-продажа земли между крестьянами равнялась залогу, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра: въ 1539 г. рѣшался споръ между Гродненскимъ муралемъ Маньяковичемъ и

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 724.

[2]) Ibid., № 832.

крестьянами Богатыревичами о сѣнокосѣ. На судѣ оказалось, что спорная земля была куплена отцомъ Богатыревичей у Домны Маньяковичевой еще при в. кн. Александрѣ; письменная купчая была представлена судьѣ, и въ ней значилось, что Маньяковичева „продала тыи сеножати на вечность". Тогда же она продала и другія пахатныя земли свои другимъ лицамъ (Ломакѣ, а Ломака—Олизару). Судья признаетъ права отвѣтчиковъ по купчей и по давности [1]); выкупъ не былъ допущенъ.

Значеніе актовъ купли-продажи, какъ сдѣлокъ полнаго отчужденія правасобственности, видно между прочимъ изъ того, что крестьяне могли продавать не только цѣлые участки (при чемъ покупщикъ лишь замѣщалъ бы лицо продавца въ повинностномъ отношеніи), но и отдѣльныя, даже очень мелкія, части ихъ. Такъ, въ 1539 г. господарскій садовникъ Гродненскаго повѣта Луцъ Колединъ продалъ крестьянину Засидранской волости, т. е. слободы, Миколаю Петровичу 3-ю часть третьей части волоки, которая ему принадлежала. Такимъ образомъ, все имущество продавца состояло изъ 3-й части волоки, и онъ отчуждаетъ 3-ю часть его (9-ю часть волоки). Судья, убѣдившись въ томъ, что сдѣлка дѣйствительно была, утверждаетъ продажу [2]). Крестьянинъ Засидранской слободы продаетъ 3-ю часть своей волоки крестьянину же с. Полоткова, и судъ признаетъ право покупщика [3]).

Тотъ же характеръ сдѣлокъ купли-продажи виденъ изъ *формъ ихъ совершенія*: сдѣлки купли-продажи совершаются непремѣнно письменно; купчая—„*листъ*"—дается отъ продавца покупщику. Пишется онъ на—дому обыкновенно дьяками. Сдѣлка скрѣпляется свидѣтелями „барышниками", обыкновенно тремя, и приложеніемъ печатей т. н. печатниковъ. Отсутствіе печати и неявка свидѣтелей для подтвержденія сдѣлки ведутъ къ признанію недѣйствительности сдѣлки [4]).

Если за купленную землю покупщикъ не сразу внесъ всѣ деньги, то сдѣлка считается продолжающеюся, незаконченною, и купчій листъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 99.
[2]) Ibid., № 116.
[3]) Ibid. № 265.
[4]) Ibid., № 950, 618.

въ такомъ случаѣ не выдается покупщику, а отдается на руки третьему—стороннему лицу.

Если письменный актъ купли-продажи уничтоженъ по окончаніи сдѣлки продавцомъ (чтобы уничтожить самую сдѣлку), то по удостовѣренію этого факта свидѣтельскими показаніями купля-продажа утверждается судомъ [1]).

Если свидѣтели, записанные въ актѣ, подтверждаютъ сдѣлку, но не были очевидцами уплаты, то сдѣлка не признается судомъ, и покупщику возвращается половина суммы, обозначенной въ сдѣлкѣ (это то, что въ другихъ краяхъ Россіи называется „грѣхъ по поламъ“) [2]).

Въ 1540 г. королев. крестьяне Пашевичи продали одверному господарскому Ив. Миленькому земли на три бочки и къ той же землѣ гай съ сѣножатью—все за 3 копы гр.; но затѣмъ, „пѣнязей ему не отдавши, поле поорали“. Крестьяне заявили судьѣ, что хотя они дѣйствительно продали и выдали купчую, но денегъ получили отъ продавца только 1 копу гр. Судья назначилъ срокъ для представленія свидѣтелей. Очевидно, сдѣлка считалась дѣйствительною только съ момента полной уплаты цѣны вещи [3]).

Купчій листъ, правильно составленный и признанный продавцомъ на судѣ, служитъ (за исключеніемъ вышеприведенныхъ условій) непреложнымъ актомъ перехода правъ, и сдѣлка не могла быть опровергаема уже ничѣмъ. Гродненскій крестьянинъ Артимъ Дробышевичъ съ женою и дѣтьми своими продалъ крестьянину Гринцу Кацевичу, его женѣ и дѣтямъ на вѣчность шесть нивъ своей отчизной земли (каждая нива съ принадлежностями: съ сѣножатями и, сверхъ того, гаемъ); въ купчей было оговорено, что если бы кто-либо сталъ спорить противъ этой продажи, то долженъ заплатить 12 рублей грошей на замокъ. Продавецъ однако предъявилъ искъ въ судѣ и утверждалъ, что онъ не продавалъ земли, а заложилъ ее только. Но, припертый къ стѣнѣ яснымъ содержаніемъ купчей, онъ заявилъ, что предъ совершеніемъ купчей его подпоили, и онъ допустилъ ее въ пьяномъ видѣ. Судья, „принявши во вниманіе постановленіе земскаго права, что при-

---

[1]) См. Ак. Вил. Ком., XVII, № 110.

[2]) Ibid., XVII, № 116; здѣсь рѣчь идетъ собственно о заставѣ, но условія дѣйствительности актовъ одни и тѣ же.

[3]) Ibid., № 288.

знавшій свою запись подлинною, долженъ исполнить её, рѣшилъ въ пользу покупщика [1]). Отсюда видно, что юридическія дѣйствія крестьянъ по отчужденію недвижимаго имущества опирались не на шаткой почвѣ только обычнаго права, не на усмотрѣніи мѣстныхъ представителей государственной власти, а на общемъ законѣ, точно такъ же, какъ и права прочихъ классовъ общества.

Итакъ купля-продажа крестьянами земли, по своей юридической силѣ, несомнѣнно равняется вообще куплѣ-продажѣ недвижимыхъ вещей въ древнее время, совершенной кѣмъ бы то ни было.

Сравнивая это право съ правами бояръ и земянъ того времени на распоряженіе земельными имуществами, мы видимъ, что первоначально крестьяне обладали въ этомъ отношеніи болѣе обширными правами; владѣнія бояръ и земянъ состояли преимущественно изъ пожалованій; пожалованіе давалось имъ часто пожизненно или „до воли“ вел. князя [2]). Между тѣмъ крестьяне основывали свое право преимущественно на наслѣдованіи и обработкѣ; понятно, почему и права распоряженія ихъ могли быть независимѣе и обширнѣе.

Однако отнюдь нельзя признать и этотъ видъ права собственности вполнѣ независимымъ и свободнымъ; тогдашній общій прекарный характеръ правъ на земли, несомнѣнно, простирается и на крестьянскую собственность. Она покрыта повинностями въ пользу государства и потому не можетъ быть въ безусловномъ распоряженіи собственника. На шляхетскихъ земляхъ повинностное значеніе постепенно уступало мѣсто свободному, частно-правному элементу [3]); наоборотъ, крестьянскія права на землю, первоначально болѣе свободныя, постепенно и очень быстро сокращались и, наконецъ, въ томъ же XVI в. дошли почти до полнаго уничтоженія.

Отмѣтимъ сначала тѣ ограниченія, которыя общи какъ шляхетскимъ, такъ и крестьянскимъ правамъ на землю.

Обыкновенно, при отчужденіи земли крестьянами лицамъ другаго состоянія, требовалось *дозволеніе* или *утвержденіе* сдѣлки мѣстною или центральною властію. Но такое „дозволеніе“ не предваряло, а

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 827.

[2]) См наше изслѣдованіе: „Помѣстное право Литовско-русскаго государства въ XV в.“.

[3]) Ibid.

сопровождало сдѣлку; напр., одинъ изъ крестьянъ Гродненскаго повѣта нѣкто Федько Суковичъ владѣлъ 5-ою частью отчизной бортной земли по раздѣлу съ братьями; но онъ весьма обнищалъ и былъ не въ состояніи („недужъ“) платить дань медовую въ пользу королевскаго замка, а потому *спустилъ* (продалъ) свою землю господарскимъ Саражскимъ земянамъ—Щепину и Войтку Ходоровичамъ за 3 копы грошей на вѣчное время. Уже затѣмъ онъ явился къ правителю Гродненскаго староства съ просьбою утвердить эту сдѣлку; подстароста „допустилъ спустити“ (позволилъ продать) именно въ тѣхъ видахъ, чтобы дань господарская выходила (уплачивалась) сполна; покупщики—земяне—должны, вмѣстѣ съ братьями продавца-крестьянами, платить пятую часть дани господарской [1]).

Свободный переходъ крестьянскихъ участковъ между тяглымъ населеніемъ сначала допускался безъ всякихъ ограниченій, и уже впослѣдствіи явилось требованіе „дозволенія“, „допущенья“, или утвержденія урядниковъ. Въ Гродненскомъ повѣтѣ въ началѣ XVI в. одинъ изъ тяглецовъ (конюховъ) Яцъ Ивановичъ продалъ „держати“ сѣнокосъ Мильвиду Сурувойновичу (очевидно сербу); сынъ этого послѣдняго Миланъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Станкомъ, съ женами и дѣтьми своими, продали этотъ сѣнокосъ на вѣчность Евсею Мелейховичу и брату его Федцу Юцевичамъ съ обязанностію „очищать“ (т. е. защищать отъ сторонникъ притязаній); между тѣмъ сынъ одного изъ продавцовъ, именно Станка, Андрей заложилъ ту же землю третьему лицу, именно сотнику конюшенному Станку Петровичу; на эту послѣднюю сдѣлку взято дозволеніе у Городенскаго конюшаго; дозволеніе это письменное и имѣетъ видъ укрѣпленія сдѣлки. Тѣмъ не менѣе, при возникшемъ о томъ спорѣ, судья призналъ купчую и отвергъ незаконную закладную, хотя и утвержденную урядникомъ [2]). Здѣсь дозволеніе относится къ заставѣ, а не продажѣ, но относительно послѣдней должно разумѣться само собою.

Если сдѣлка даже утвержденная вызывала затѣмъ съ чьей-либо стороны споръ, то *она могла быть разрушена* судомъ не на основаніяхъ частно-правныхъ, а по финансовымъ интересамъ государства.

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 9.

[2]) Ibid., № 945.

Обсуждая на судѣ споры, возникавшіе изъ сдѣлокъ о землѣ, судья (онъ же и правитель) всегда принималъ во вниманіе не только частно-правные мотивы законности сдѣлки, но и интересъ финансовый. Напримѣръ, Гродненскіе „мурали“ (каменщики) Матвѣй и Николай Янковичи уступили принадлежащую имъ четвертую часть муральской земли своимъ сотоварищамъ по ремеслу; но прочіе мурали не позволили этой передачи и не отдали уступленной земли пріобрѣтателямъ. Судья (въ 1540 г.), разсмотрѣвъ тяжбу о томъ, рѣшилъ противъ продавцовъ, т. е. не призналъ сдѣлки на томъ основаніи, что отчуждившіе участокъ сами живутъ въ Вильнѣ, „а на службахъ и земляхъ своихъ не живутъ и отписуютъ части свои земли и службы муральское, которыхъ сами не маютъ“ [1]).

Въ томъ же году, санникъ господарскій (Гродненскаго повѣта) Жукъ Ходаневичъ искалъ огорода на Аннушкѣ, вдовѣ Прокопа, также санничкѣ. Огородъ промѣнялъ ея мужъ истцу на землю съ придаткомъ 2 копъ гр. и 2 бочекъ жита. На судѣ было дознано, что мѣна дѣйствительно состоялась; былъ представленъ мѣновой листъ, въ которомъ написано, что „Прокопъ съ женою своею Аннушкою и съ дѣтьми своими промѣнялъ (огородъ) обель вѣчно“. Но свидѣтели сдѣлки заявили на судѣ, что жена (Анна), хотя и названа въ актѣ, однако при заключеніи сдѣлки не присутствовала. Судья рѣшилъ: „кгдыжъ тая Аннушка зъ мужемъ своимъ того огороду не промѣняла, а ни пенязей весполокъ съ нимъ брала, а бачечи тежъ, ижъ тая Аннушка, не маючи земли суполное (т. е. не имѣя полнаго участка), службы господарское послужити не можетъ, зоставилъ есми ее при томъ огородѣ“ [2]).

До 40-хъ годовъ XVI в. финансовые разсчеты правительства были лишь второстепеннымъ, привходящимъ мотивомъ при рѣшеніи вопросовъ о правѣ крестьянъ на землю. Два права, лежавшія на землѣ: крестьянское и государственное, не приходили еще въ коллизію и примирялись легко; государственнымъ властямъ не было ни нужды, ни побужденія выставлять чистое свое право собственности на крестьянскую землю. Ограниченія, лежавшія на крестьянской собственности,

---

[1]) Ркп. Вил. центр. арх., кн. Гроднен. зем. суда за 1540, стр. 292—293.

[2]) Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 222.

были отнюдь не строже ограниченій, лежавшихъ на собственности бояръ, земянъ и вообще всего населенія государства. Всякій могъ наслѣдовать землю отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, всякій могъ завѣщать ее, покупать и продавать, мѣнять и дарить съ разрѣшенія правительства, лишь бы исполнялъ службу и повинности, лежавшія на землѣ. При неисполненіи обязанностей земля отнималась и жаловалась другому столько же по частному праву государя, сколько, или еще болѣе, по праву государства, какъ политическаго союза. Публичное и частное право вообще далеко еще не выдѣлились и не обособились.

Но въ половинѣ XVI в. происходитъ въ Литовскомъ правѣ сильный переворотъ (благодаря, между прочимъ, вліянію польскаго права). Въ актахъ рѣшеній судовъ начинаютъ постепенно проторгаться новыя понятія, слышатся новыя ноты, пока только неясныя, но предвѣщающія скорое наступленіе иной гармоніи общественныхъ идей. Возьмемъ слѣд. примѣръ.

Въ 1541 г., Гродненскому судьѣ жаловались бояре господарскіе Довтортовичи на крестьянъ королевскихъ Мицутича, Федковича и Войтковича о томъ, что послѣдніе отняли у первыхъ поле, которое отцы отвѣтчиковъ-крестьянъ, вмѣстѣ съ самими отвѣтчиками, продали отцу истцовъ на вѣчность за 15½ копъ грошей. Купчая была представлена; оказалось, что на такую продажу *дано дозволеніе* намѣстника Городенскаго. Сверхъ того оказалось, что проданная земля не есть служебная, т. е. не входитъ въ составъ тѣхъ земель, „съ которыхъ продавцы-крестьяне должны служить службу замку и платить подати“. Хотя отвѣтчики и предъявляли разные отводы (о неучастіи своемъ въ сдѣлкѣ, о рѣшеніяхъ этого дѣла, будто бы раньше состоявшихся на судѣ въ ихъ пользу), но это были только обыкновенныя судебныя уловки; дѣло было ясно; права покупщиковъ несомнѣнны. Чтожъ дѣлаетъ судья? Вмѣсто того, чтобы признать полное право собственности бояръ на купленную у крестьянъ землю, онъ рѣшилъ: „не допуская, чтобы бояре держали „на вѣчность“ *землю государскую*, они имѣютъ право держать ее до тѣхъ поръ, пока наслѣдники-крестьяне не возвратятъ имъ уплаченной за землю суммы безъ процентовъ („истыи пенязи“), т. е. 15½ копъ грошей. Когда такая уплата наступитъ, то земля должна быть возвращена крестьянамъ-отвѣтчикамъ, „*бо*, прибавляетъ судья, *дякольный человѣкъ ни-*

коли земли на вѣчность продати не можетъ“ [1]). Вотъ принципъ совершенно новый. Не только предшественники этого судьи утверждали сдѣлки продажи крестьянами земли на вѣчность (см. выше), но и при этомъ самомъ судьѣ въ томъ же городѣ подобныя сдѣлки совершались и утверждались. Въ этомъ дѣлѣ не то важно, что судья замѣнилъ вѣчное право правомъ заставнымъ (залоговымъ); въ тѣ времена выкупъ проданныхъ имуществъ часто допускался и при такъ называемой продажѣ „на вѣчность“. Важенъ именно принципъ, что дякольный человѣкъ (тяглый) вообще не имѣетъ права на свою землю, даже и тогда, когда съ оставшагося имущества онъ можетъ служить службу замку. Важно, наконецъ, отвлеченное сознаніе, что земля, владѣемая крестьянами, есть господарская.

Такимъ образомъ, торжество правъ государства (и пановъ) надъ правами крестьянъ на ихъ землю начинается уже въ 1-й пол. XVI в. и до нѣкоторой степени водворяетъ произволъ мѣстныхъ властей въ распоряженіи крестьянскими землями. Напримѣръ, въ 1539 г одинъ крестьянинъ Лабенской волости Гродненскаго повѣта продалъ другому крестьянину той же волости два огорода „обель вѣчно“ и далъ купчую. Между тѣмъ урядъ Лабенскій эти земли взялъ „на дворъ“ Лабенскій, т. е. присоединилъ къ непосредственнымъ дворовымъ владѣніямъ. Покупщикъ занесъ жалобу судьѣ. Судья (подстароста Гроднен.) нашелъ, что „*мужикъ простый не маетъ моцы земли господарьской обель продавати*“, а потому присудилъ, чтобы продавецъ (оставшійся безъ земли) возвратилъ покупщику полученную отъ него сумму [2]). Въ этомъ актѣ рѣчь идетъ о „человѣкѣ“ господарскомъ и объ огородѣ; но едва ли здѣсь разумѣются полусвободные люди двора (койминцы), которымъ именно давались въ надѣлъ огороды. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о продажѣ крестьяниномъ крестьянину.

При судебныхъ спорахъ о землѣ, проданной крестьянами боярамъ, въ 40 хъ годахъ уже часто повторяются рѣшенія о возвращеніи денегъ покупщику и земли продавцу. Такъ, въ томъ же судѣ разбиралось дѣло между бояриномъ Томкевичемъ, отецъ котораго

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 881.

[2]) Ibid., № 214.

купилъ землю, и крестьяниномъ Домашевичемъ, отецъ котораго и дядько продали эту землю. Кр-нъ отнялъ ее силою у боярина и судья приговорилъ оставить за крестьяниномъ землю съ обязанностью уплатить часть суммы и съ правомъ для боярина искать другой части на другомъ продавцѣ. Рѣшеніе мотивировано тѣмъ, что сдѣлка совершена лѣтъ 20 тому назадъ, *„поки еще права земскіе писаные не выданы были“* [1]).

Повинностныя отношенія крестьянскаго землевладѣнія вызвали особый видъ отчужденія крестьянскихъ участковъ, т. н. *сдачу* земли: „первей тую землю (говорится въ одномъ актѣ 1540 г.) Юсь держалъ...; ино вже не змогъ той земли пахати и далъ мнѣ (корол. муралю Шембеню)“ [2]); правитель староства дозволилъ эту сдѣлку и отдалъ пріобрѣтателю землю на чиншу (однако наслѣдникъ Юса—племянникъ заявилъ претензію на эту землю).

Такъ сокращалось съ теченіемъ времени право крестьянъ на отчужденіе земли по куплѣ-продажѣ. Въ этомъ разрушеніи древняго права участвовали многіе факторы, каковы: изданіе 1-го статута, практическое проникновеніе польскаго права, измѣненія въ сферѣ сословныхъ отношеній. Но для 1-й половины XVI в. эти явленія были пока лишь зародышами будущаго, отдаленными раскатами грома наступавшей крѣпостной грозы. Въ общемъ 1-я половина XVI в. есть несомнѣнно эпоха полнаго права крестьянъ на землю,—полнаго въ смыслѣ понятій того времени.

Не забѣгая впередъ, обратимся къ прочимъ правамъ распоряженія, которыми пользовались тогда крестьяне.

Подобно куплѣ-продажѣ свободно допускалась и *мѣна* крестьянскихъ земель; такъ санникъ Гродненскій промѣнялъ землю на „селидьбу“ крест-на корол., по смерти котораго жена его хотѣла было отнять назадъ селидьбу [3]). При мѣнѣ всегда полагался „придатокъ“ деньгами или вещами. Договоръ требовалъ составленія акта („мѣновнаго листа“), скрѣпленнаго свидѣтелями и печатью „печатниковъ“.

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 74.
[2]) Ibid., № 487.
[3]) Ibid., № 441.

Особенно часто могла практиковаться мѣна между крестьянами-односельцами. Здѣсь можно бы было, повидимому, обойтись безъ всякихъ формъ и письменнаго акта; однако и въ этихъ случаяхъ составлялись „листы“; такъ рыболовъ Гродненскій Трумна спустилъ по листу огородъ земли своей отчизной Родевичу и его дѣтямъ; „въ одмену“ получилъ онъ въ полѣ столько же земли и придатокъ въ 43 гроша [1]).

Если иногда мѣна совершается безъ мѣновнаго листа и затѣмъ доказывается на судѣ свидѣтельскими показаніями, то это составляетъ явленіе исключительное, допущенное съ скрытою цѣлью одной стороны отказаться впослѣдствіи отъ сдѣлки: въ Гродненскомъ повѣтѣ одинъ кр-нъ (сорочникъ Шиндельскій) помѣнялся землею съ кр-номъ Петромъ Бобровникомъ. Мѣна совершена „на вѣчность“: „умова промежъ нихъ была такая, что они сами и дѣти ихъ должны эту мѣну вѣчно на вѣки держать“; сдѣлка состоялась 15 лѣтъ назадъ (около 1525 г.) при свидѣтеляхъ. На судѣ отвѣтчики отрекались отъ сдѣлки, но, уличенные свидѣтелями, сами сознались, что потому тогда и не составляли письменнаго акта, чтобы имѣть возможность отречься отъ договора. Судья призналъ сдѣлку доказанною [2]).

Кромѣ продажи и мѣны, крестьяне могли отчуждать земли путемъ *даренія*. Здѣсь мы преимущественно имѣемъ въ виду надѣленіе церквей землею со стороны крестьянскихъ обществъ; примѣромъ этого могутъ служить надѣленія церквей цѣлыми крестьянскими обществами селъ: Купечичъ, Жолкини, Вольвичъ и Старыхъ-Коней Пинскаго староства [3]).

Другая сдѣлка, приводившая къ отчужденію земли и практиковавшаяся между крестьянами гораздо чаще, есть *застава*, т. е. передача земли (или другаго недвижимаго имущества) во владѣніе кредитора впредь до уплаты долга. Терминъ застава въ описательныхъ формахъ замѣнялся многими другими; напр., „*запродалъ* ми поля на бочку“, говорилъ истецъ Гродненскому судьѣ въ 1539 г.; свидѣтель, подтвердившій показаніе истца, выразился такъ: „Иванецъ ему въ тыхъ пѣнезяхъ на бочку поля *завелъ*“; судья рѣшилъ: „маетъ онъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 28.

[2]) Ibid., № 758.

[3]) См. наше изслѣдованіе въ „Кіев. сборникѣ“, стр. 22.

тую землю *держати*, поки пѣнязи ему отдасть". Если отдающій въ заставу—запродаетъ, то получающій ее—*закупаетъ* владѣніе.

Заставное владѣніе обыкновенно не ограничивалось срокомъ; иногда кредиторъ и его потомки держатъ землю въ заставѣ 40 и болѣе лѣтъ; тѣмъ не менѣе заставное право не переходило никогда въ право собственности: должникъ и его потомки всегда могли „отложить" занятыя деньги и возвратить свою землю. Но въ эпоху послѣ изданія Статута такое долговременное владѣніе по заставѣ судьямъ казалось уже достаточнымъ для пріобрѣтенія права собственности: въ 1540 г. Гродненскій судья рѣшалъ дѣло о заставѣ, продолжавшейся именно 40 лѣтъ, но не рѣшился дать окончательнаго постановленія, отложивъ его до прибытія высшей власти и оставивъ землю у заставнаго владѣльца [1]).

На практикѣ застава служила постоянно замѣною пріобрѣтенія въ собственность; владѣя изъ поколѣнія въ поколѣніе, владѣлецъ навсегда удерживалъ вещь въ своихъ рукахъ; выкупъ наступалъ рѣдко.

Въ обычномъ правѣ, вѣроятно, допускался при этомъ „выпустъ", т. е. погашеніе долга пользованіемъ; по крайней мѣрѣ собственники иногда ссылаются на необходимость выпуста, когда произвольно нарушаютъ владѣніе кредитора и подвергаются за то отвѣтственности по суду [2]). По народному воззрѣнію земля должна „отрабатывать" свой долгъ, какъ это обыкновенно было при личномъ закладѣ. Но судъ уже не признаетъ выпустовъ и требуетъ уплаты долга, хотя бы земля была въ заставѣ многія десятилѣтія. Въ 1539 г. крестьянинъ, отвѣчая по иску жида за произвольное отнятіе заложеннаго ему сѣнокоса, ссылался на „выпустъ"; но такъ какъ въ актѣ „выпуста" не оказалось, то крестьянинъ былъ обвиненъ [3]). „Онъ поле наше уже два года пахалъ и уже за эти деньги на той землѣ отпахалъ", говорятъ отвѣтчики; но судъ приговариваетъ ихъ къ уплатѣ долга [4]).

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 350 и 853.

[2]) Такъ, Петричевичи, отвѣчая на Гродненскомъ судѣ объ отнятіи заставленной ими земли у Барбары Станиславовой, говорили, что „заставили ей поля безъ службы и подачекъ" (т. е. безъ перевода повинностей); она держитъ это поле уже давно, такъ что оно „могло бы ся у нее выробити" (т. е. могло бы уже отработаться). Судья однако приговорилъ ихъ къ полной уплатѣ долга (Ак. Вил. Ком., XVII, № 113).

[3]) Ibid., № 77.

[4]) Ibid., № 805.

Служа подспорьемъ владѣнію на правѣ собственности, застава практиковалось широко между всѣми классами тогдашняго общества; но преимущественно часто прибѣгаютъ къ ней крестьяне въ XVI в. [1]). Почему? Повидимому, причиной того было возникающее сомнѣніе въ ихъ правѣ распоряжаться землею по сдѣлкамъ полнаго отчужденія.

Застава требуетъ составленія акта, но можетъ быть доказываема и свидѣтельскими показаніями [2]).

Земля можетъ быть заставлена лицамъ всякаго свободнаго состоянія, напр. мѣщанамъ [3]), боярамъ [4]), евреямъ. Если земля получена въ заставу такимъ лицомъ, которое лично не отправляетъ тяглой службы, то для него тяглая служба можетъ быть замѣнена чиншемъ: бояринъ Пав. Внучко (въ Гродн. пов.) взялъ въ заставу землю отъ королев. крестьянина Стася Черниковича; правитель староства— Требскій далъ ему „листъ“ на эту землю, дозволяющій держать ее на чиншу [5]).

Самымъ же обыкновеннымъ явленіемъ была застава земли отъ крестьянина крестьянину. Эта сдѣлка практиковалась и между ближайшими родственниками, напр., между родными братьями [6]).

„Застава“ могла быть передаваема отъ одного лица къ другому посредствомъ передачи „закупныхъ листовъ“; такъ въ удовлетвореніе за долгъ теткѣ племянники-крестьяне передали закупный листъ отца своего на поле, „за которымъ листомъ я и теперь тое поле держу“, говоритъ тетка [7]).

Но заставная сдѣлка и безъ письменнаго акта могла быть признана судьею, если подтверждалась свидѣтельскими показаніями; такъ, Гродненскіе крестьяне колесники тягались (въ 1539 г.) о землѣ, ко-

---

[1]) См. Ак. Вил. Ком., XVII, №№ 11, 13, 16, 41, 42, 77 (запродажа), 108 (запродажа), 113 (запродажная земля), 116 (запродажа), 244 (застава отъ королевскихъ крестьянъ крестьянамъ частновладѣльческимъ), 374, 385, 388, 431 (отъ крестьянина пушкарю), 451 (отъ крестьянина боярину), 723 (обрусный господарь заставилъ свою отчизную землю обрусному), 753, 805, 842.

[2]) Ibid., № 374.

[3]) Ibid., №№ 116, 388, 464.

[4]) Ibid., № 960.

[5]) Ibid., № 451.

[6]) Ibid., №№ 876, 869.

[7]) Ibid., № 13.

торую одинъ изъ нихъ хотѣлъ получить, какъ свою дядковщину, но которую другой получилъ отъ дядки истца въ видѣ заставы; листа не оказалось, но судъ призналъ заставу на основаніи свидѣтельскихъ показаній [1]). Также судъ поступалъ въ случаѣ спора о подлинности акта [2]).

Самоуправное отнятіе заставной земли собственниками ея часто влечетъ не возвращеніе земли кредитору и не наказаніе за самоуправство, а лишь обязательство уплатить долгъ въ срокъ, назначенный судомъ [3]). Впрочемъ, вообще при рѣшеніи споровъ о заставномъ владѣніи, судъ превращаетъ безсрочное обязательство въ срочное; напр., крестьянинъ, заставившій землю пушкарю, въ заставномъ листѣ своемъ обязался „не отнимать своей земли до того времени, пока отдастъ деньги“ [4]). Судья назначилъ срокъ уплаты черезъ 4 недѣли.

При выкупѣ заставной земли имѣетъ мѣсто „заказъ“, т. е. выкупающій объявляетъ (заказываетъ) кредитору, чтобы тотъ не пахалъ земли подъ посѣвъ будущаго года, ибо-де имѣетъ наступить уплата и выкупъ [5]). Заказъ долженъ быть сдѣланъ предъ людьми.

Въ 40-хъ годахъ XVI в. власти (королевскіе урядники) вмѣшиваются и въ сдѣлки крестьянъ по заставѣ въ интересахъ казны. Такъ въ Гродненскомъ повѣтѣ одинъ изъ конюховъ заставилъ свою землю п. Внучку, но затѣмъ самовольно возвратилъ ее въ свое владѣніе. Когда панъ пожаловался судьѣ, то крестьянинъ призналъ, что земля была дѣйствительно заложена имъ; но онъ возвратилъ ее потому, что „п. Требскій (подстароста) хотѣлъ насъ *за то карати, же мы ему земли свои заставуемъ*“. Быть можетъ, здѣсь играютъ роль личные мотивы, именно по отношенію къ п. Внучку, но во всякомъ случаѣ урядникъ считаетъ себя въ правѣ препятствовать сдѣлкамъ крестьянъ [6]).

Наконецъ, крестьянскія земли отчуждались въ *удовлетвореніе по частнымъ обязательствамъ* крестьянъ. Такъ напр., поручительство, при несостоятельности или бѣгствѣ того, за кого ручались, приводило

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 16.
[2]) Ibid., № 842.
[3]) Ibid, № 385.
[4]) Ibid., № 431
[5]) Ibid., № 753.
[6]) Ibid., № 960.

къ передачѣ земли въ пользу вѣрителя. Обыкновенно поручителями являлись сочлены дворища—родственники и въ такомъ случаѣ расплачивались тою долею земли, которая приходилась ихъ несостоятельному сочлену [1]). Для доказательства приведемъ слѣдующій примѣръ: Гродненскій крестьянинъ Снарскаго сорока Янко Вазгирдовичъ поручился за крестьянина Янка Носовича мѣщанину въ 18 копахъ грошей. Сдѣлалъ онъ это, не будучи къ тому обязанъ, по просьбѣ родственниковъ и потужниковъ должника, именно двоюрод. братьевъ его, Петрашковича и Рымковича. Должникъ оказался несостоятельнымъ и сбѣжалъ прочь съ женою и дѣтьми. Такимъ образомъ, поручитель долженъ былъ заплатить мѣщанину 18 коп. гр.; зато потужники бѣглеца уступили было ему (поручителю) половину земли своей за „поручныя деньги“, но затѣмъ опять выгнали его съ той земли; тщетно обиженный обращался къ суду подстаросты; земли онъ не получилъ на томъ основаніи, что не внушалъ увѣренности подстаростѣ, что будетъ въ состояніи нести крестьянскія повинности, такъ какъ, платя по поручительству, обнищалъ и не имѣлъ „статка“ (рабочихъ лошадей и проч.). Впрочемъ, послѣ того состоялась мировая: отвѣтчики обязались уступить Вазгирдовичу третью часть своей отчины, т. е. ту, которая приходилась на долю ихъ дядка (сбѣжавшаго несостоятельнаго должника), и дали ему на то „листъ“ свой. Однако и послѣ того истецъ не получилъ ни земли, ни денегъ, и снова явился къ судьѣ, ссылаясь на то, что теперь онъ уже обзавелся (запомогся) и въ состояніи отправлять повинности. Отвѣтчики усиливались отрицать самую сдѣлку поручительства и выдачу ими письменнаго обязательства; однако свидѣтели, поименованные въ актѣ, подтвердили показаніе истца; судья рѣшилъ отдать 3-ю часть земли отвѣтчиковъ Вазгирдовичу съ тѣмъ, чтобы онъ служилъ 3-ю недѣлю и давалъ 3-ю долю дякла, а отвѣтчики—2 недѣли и давали $^2/_3$ дякла [2]). При другомъ однородномъ случаѣ, одинъ изъ „дядковичей“—совладѣльцевъ оказался несостоятельнымъ по поручительству; въ вознагражденіе кредитору отдается 3-я часть земли (приходившаяся на долю несостоятельнаго); прочіе члены дворища тщетно протестовали на судѣ [3]).

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 20.

[2]) Ibid., № 75.

[3]) Ibid., № 911.

Послѣ сказаннаго о правѣ крестьянъ распоряжаться землею по сдѣлкамъ купли-продажи и заставы, нечего и упоминать о томъ, что всѣ прочія сдѣлки, доступныя собственнику земли, практиковались и крестьянами; такъ, крестьянинъ отдаетъ землю въ наемъ [1]); дается въ наемъ и пахатная земля на одинъ или два посѣва (корол. кр. Янъ Мартиновичъ королев. же крестьянину Янку Милостовичу въ Гродненскомъ повѣтѣ) [2]).

Въ тогдашней терминологіи наемъ иногда смѣшивается съ заставою: такъ, въ 1539 г. въ Гродненскомъ судѣ истецъ увѣряетъ судью, что „нанялъ“ у отвѣтчика на одинъ годъ двѣ нивки; отвѣтчикъ признается, что „заставилъ“ ему эти нивки [3]). Очевидно, наемъ отъ заставы отличается только срочностью.

Всѣ изложенныя выше права крестьянъ на землю имѣютъ *исковый характеръ*, т. е. могутъ быть защищаемы и возстановляемы путемъ суда.

Твердость сознанія права среди крестьянъ видна изъ того, что „отчичи“ (наслѣдники-собственники) ищутъ земли за 20, 30, 40 и болѣе лѣтъ. Такъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ крестьяне Тютейковичи ищутъ своей отчины, которую уже 20 л. держитъ писарь латинскій Гродненскій Яганусъ по купчей. Жаловались они и прежде не однократно, но не получали удовлетворенія и, наконецъ, самоуправно отняли землю и засѣяли [4]).

Защита правъ на землю посредствомъ суда ведется самими крестьянами предъ государственными органами суда, т. е. старостою, воеводою и королемъ. Это не есть, такъ сказать, домашнее разбирательство управителей королевскихъ имѣній, а судъ государственный.

Въ случаѣ неясности дѣла назначается выѣздъ на спорную землю и такъ называемое „веденіе *копы* съ уряду“, т. е. по приказанію власти; обязанность поднимать судей, т. е. платить имъ, падаетъ на истца [5]). Копа (общинный судъ) является органомъ государственной судебной власти.

---

[1]) Ак. Вил., Ком. XVII, № 383 (дѣло о наймѣ сѣнокоса Новодворскимъ крестьяниномъ Грод. пов. у корол. крестьянина Максимова сорока). См. еще ibidem, № 64.

[2]) Ibid., № 403.

[3]) Ibid., № 38. См. тоже въ № 39.

[4]) Ibid., № 542.

[5]) Ibid., № 446.

Иски ведутся иногда чрезъ „прокуратора“ (представителя) [1]).

При дворищномъ совладѣніи иски ведутся всѣми (полноправными) членами дворища, а равно и отвѣчаютъ также члены дворища солидарно; отвѣтчикъ поэтому имѣлъ право требовать отсрочки разбора дѣла до явки родственниковъ его. Въ 1541 г., обрусный господ. Ярмола жаловался на такого же обруснаго Проня Нацевича объ отнятіи этимъ послѣднимъ у перваго заложенной отцомъ Нацевича отчинной земли, которая досталась ему по выдѣлу отъ братьевъ. Отвѣтчикъ не хотѣлъ отвѣчать одинъ безъ старшаго брата и обязался явиться къ суду вмѣстѣ съ нимъ; однако къ назначенному сроку брата не поставилъ, заявивъ, что „самъ не знаю, гдѣ мнѣ брата своего искать“. Тогда уже онъ отвѣчаетъ одинъ [2]).

Права частновладѣльческихъ крестьянъ на землю.

Повидимому, гораздо труднѣе допустить развитіе правъ крестьянъ на земляхъ частновладѣльческихъ. Здѣсь и надо бы ожидать полнаго установленія сразу идеи исключительной собственности на сторонѣ владѣльца и полнаго отсутствія ея на сторонѣ крестьянъ. Формы актовъ жалованныхъ, дарственныхъ и купчихъ, повидимому, явно указываютъ на безраздѣльное право на землю первыхъ. Напримѣръ, кн. Ѳедоръ Ив. Ярославичъ далъ на церковь Божію „человѣка въ селѣ нашомъ въ Сошнемъ, на имя Телеша, съ его дворищемъ и съ его землею пашною, и со всѣмъ съ тѣмъ, что изъ старины къ тому дворищу принадлежало, какъ тотъ Телешъ состоялъ, живучи въ томъ дворищѣ“ [3]).

Тотъ же князь пожаловалъ слугѣ своему Дмитровичу за его службу двухъ человѣкъ въ с. Масѣвичахъ; „далъ ему тѣхъ людей вѣчно, непорушно, ему, его женѣ и ихъ дѣтямъ, съ ихъ (крестьянъ) землями пашными, бортными, сѣнокосными, съ тѣми рѣками и всѣми другими угодіями (входами), которыя издавна принадлежали къ ихъ дворищамъ“ [4]).

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, 723.

[2]) Ibid., № 851.

[3]) Ревиз. пущъ, стр. 255.

[4]) Ibid., стр. 263.

Ревизорамъ 1554 г. „жиды“ гор. Пинска Аврамовичи представили привлегію кор. Боны, по которой оказалось, что еще кн. Ѳедоръ Ив. Ярославичъ пожаловалъ отцу ихъ жиду Аврааму Рышковичу дворище въ селѣ Крайновичахъ съ людьми—Олексою Толонцевичемъ, съ его дѣтьми, братаничами и дядковичами и съ землями ихъ пашными, бортными, съ сѣнокосами на вѣчность, ему самому и дѣтямъ его, и отъ всѣхъ замковыхъ повинностей тѣхъ людей уволилъ [1]).

Однако и въ указанной формѣ пожалованіе, а равно и другіе способы пріобрѣтенія населенныхъ имѣній частными владѣльцами, вовсе не означало передачу въ собственность владѣльца земли крестьянъ (и ихъ личности); жалуемы были только тѣ доходы, которые принадлежали прежде государству съ этихъ крестьянъ. Напримѣръ, княгиня Кобринская жалуетъ въ 1401 г. (?) монастырю св. Спаса село Корчичи „со всѣми доходами, съ данью, съ полюдьемъ, съ грошми и со всѣми тѣми доходами, которые тѣ Корчичане давали предкамъ нашимъ и намъ самимъ“ [2]). Кн. Юрій Семеновичъ, выслуживши у короля имѣніе Дружиловичи, жалуетъ изъ этого имѣнія церкви св. Николая Дружиловскаго человѣка въ Ополье на имя Игната съ братіею его, съ данью и со всѣми дачками. „А тому человѣку ненадобе ни на одну службу нашу ити“, прибавляетъ князь [3]). Въ этомъ и состоятъ всѣ обязанности къ владѣльцу пожалованнаго крестьянина.

Иногда при пожалованіи отношенія крестьянина къ землевладѣльцу опредѣляются вполнѣ какъ отношенія двухъ сторонникъ лицъ; въ 1504 г. Пинскій кн. Ѳедоръ Ив. Ярославичъ даетъ пожалованіе новооснованной имъ церкви въ Ставкѣ; между прочимъ онъ пожаловалъ попу „на однорядку“, на ладанъ и проскуры—80 грошей ежегодно; обязанность выдавать этотъ доходъ возложена на „человѣка“ княжескаго Осю и братію его. Названнымъ крестьянамъ дано было въ прибавку къ ихъ отчинной землѣ дворище Андруховщина, съ котораго они прежде платили князю 80 гр., а теперь этотъ самый платежъ переведенъ на церковь [4]). Въ этомъ и состояли всѣ обязатель-

---

[1]) Ревизія пущъ, стр. 312—313.
[2]) Ак. Вил. Ком., III, № 21.
[3]) Ревизія пущъ, стр. 252—253.
[4]) Ibid., стр. 221.

ства крестьянъ къ новому владѣльцу. Такія пожалованія (фундуши) впослѣдствіи обращались въ имѣнія на правѣ собственности, а крестьяне-плательщики—въ крѣпостныхъ.

Бытовые акты и явленія указываютъ на возможность вещныхъ правъ крестьянъ на землю и въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Достаточно вспомнить дожившее до нашихъ дней чиншевое право на частныхъ земляхъ, чтобы перенестись мысленно къ явленіямъ древнимъ, для которыхъ нынѣшнее чиншевое право служитъ только слабымъ отголоскомъ. Всего лучше знакомятъ насъ съ понятіями древности непосредственныя *выраженія* въ бытовыхъ памятникахъ стариннаго языка. Въ концѣ первой половины XVI в. производился обводъ границъ между Польшею и Литвою. Когда коммиссары дошли до границъ Волыни и Ратенскаго староства, принадлежавшаго уже Польшѣ, то приблизились къ землямъ села владыки Луцкаго—Качина. Пограничные владѣльцы обоихъ государствъ, обыкновенно, указывали неодинаковыя границы и спорили между собою. Такъ точно и Качинцы, споря съ сосѣднимъ польскимъ селомъ Нюемскимъ, заявили: „то есть отъ р. Быстрицы до р. Сыновки *наша властная, отчизная и дѣдизная земля, и отъ давныхъ часовъ мы ее во вжываню и въ спокойномъ держанью, отъ великого князя Витольда ажъ и до тыхъ часовъ, маемъ*“ [1]). Такъ могутъ говорить только люди, сознающіе свое „вѣчное“ (какъ тогда говорили) право. Между тѣмъ село это принадлежитъ Луцкому владыкѣ, и говорятъ это его крестьяне. Это сразу отвлекаетъ насъ отъ привычнаго, но ошибочнаго представленія о похожихъ людяхъ, которые нынѣ здѣсь, а завтра тамъ.

Во всякомъ случаѣ, частновладѣльческимъ крестьянамъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ королевскимъ, присуще сознаніе права собственности на владѣемую ими землю. Напримѣръ, въ 1540 г. крестьянинъ пана (каштеля). Виленскаго (въ Гродн. повѣтѣ) заявилъ судьѣ жалобу, что „бояринъ господарскій Василій Яковцовичъ на властной отчизной земли моей жита моего... на 30 копъ пожалъ“ [2]). Тогда же крестьянинъ монастыря Борисоглѣбскаго (въ Гроднѣ) жаловался на королевскаго крестьянина за потраву въ собственномъ овсѣ его [3]). Котренскіе

---

[1]) Археогр. Сбор., I, стр. 73.

[2]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 380.

[3]) Ibid., № 325.

крестьяне каштелянши Виленскаго Харитонъ и Иванъ Алексичи жаловались на крестьянъ королевскихъ Горницкихъ, что они „на властномъ полѣ нашомъ овесъ нашъ сѣеный поорали, а иншій пожали и потравили, и къ томужъ полю на 20 копъ сеножати съ гвалтомъ покосили“ [1]).

Болѣе рѣшительное значеніе имѣютъ акты, свидѣтельствующіе о правахъ частновладѣльческихъ крестьянъ на распоряженіе землею. Они могутъ *отдавать ее въ заставу*, какъ показываетъ слѣд. примѣръ, взятый изъ той же мѣстности того же времени. Жаловались королевскіе крестьяне *на п. Андрея Сопотка*, конюшаго Городенскаго, *и на людей его*—Иванелевича съ братаничами Якубомъ и Станишемъ,—говоря, что они „держатъ землю нашу собственную, которую мы заставили было имъ въ копѣ гр.; теперь мы деньги возвращаемъ, а они денегъ не берутъ и земли уступать не хотятъ“. Отвѣчали п. Сопотко и вышеназванные крестьяне; но панъ землевладѣлецъ фигурируетъ только ради юридической фикціи; въ дѣйствительности же отвѣтъ кр-нъ былъ таковъ: „то наша земля собственная („властная“); но при предкахъ нашихъ была запродана упомянутымъ королевскимъ крестьянамъ, и мы эту землю, какъ свою отчину, у нихъ выкупили въ двухъ копахъ безъ 10 гр“. Это говоритъ не панъ, а крестьяне его; они называютъ землю своею властною, они отдаютъ ее въ залогъ и выкупаютъ. Панъ прибавилъ только отъ себя новую жалобу, что королевскіе крестьяне перепахали межу на его собственной землѣ. Эта жалоба была рѣшена отдѣльно, прежде и независимо отъ дѣла о крестьянской землѣ. Въ назначенный срокъ для рѣшенія этого послѣдняго дѣла жалоба и отвѣтъ были повторены буквально, но частновладѣльческіе крестьяне представили суду два листа (грамоты) въ подтвержденіе своего права; въ одной изъ грамотъ значилось, что Андрюшко Иванелевичъ, человѣкъ п. Сопотка, выкупилъ у (такихъ-то) королевскихъ крестьянъ въ копѣ гр. часть отчины своей, заложенной было отцомъ его; въ другомъ листѣ тотъ же королевскій крестьянинъ заявляетъ, что Андрюшко Иванелевичъ выкупилъ и другую половину своего поля за 50 гр. Такъ какъ документы были оспариваемы, то судъ рѣшилъ землю отдать королевскимъ крестьянамъ, которые должны уплатить панскимъ крестьянамъ деньги по закладной [2]). Чрезъ нѣкоторое время королевскіе

---

[2]) Ак. Вил. Ком., XVII, 378.

[3]) Ibid., № 244.

крестьяне заплатили людямъ пана Сопотка за отчинную землю свою, которая у тѣхъ людей была, 2 копы безъ 10 гр. [1]).

Во всякомъ случаѣ, изъ этого акта слѣдуетъ, что частновладѣльческіе крестьяне признавали землю, которою владѣютъ, своею собственною, и могли отдавать ее въ заставу лицамъ другаго вѣдомства или получать отъ сторонних землю въ заставу; ни противная сторона, ни судъ, ни панъ не отрицали за ними этого права; крестьяне ведутъ искъ въ своемъ интересѣ и отъ своего лица, хотя и при помощи пана. Приведемъ еще примѣръ въ доказательство того, что частновладѣльческіе крестьяне защищаютъ свое право на землю судомъ и ведутъ искъ отъ своего лица: въ 1540 г. Гродненскому судьѣ жаловался человѣкъ плебана Индурскаго Милько Ивасиковичъ на сорочника Демидовскаго Шимона Якубовича, утверждая, что этотъ послѣдній вступается „у влостную сеножать мою за Одлою“, т. е церковный крестьянинъ признаетъ землю своею собственною. Судья назначилъ на мѣстѣ съѣздъ сосѣдей, людей добрыхъ, для рѣшенія вопроса о правѣ на этотъ сѣнокосъ [2]).

О прочихъ правахъ распоряженія свидѣтельствуютъ слѣд. акты: въ томъ же году и въ томъ же судѣ жаловался подданный пана Виленскаго изъ Котренскаго двора Винашъ Салкевичъ на корол. крестьянина Мелешкова сорока Гаврила Ивановича о томъ, „штожъ де онъ вступуется во влостную мою землю Мотроневскую“ [3]). Отвѣтчикъ увѣрялъ, что ему слѣдуетъ изъ этой земли половина, потому что отецъ его купилъ эту землю вмѣстѣ съ истцомъ (панскимъ крестьяниномъ); половину платы за землю (20 гр.) онъ самъ—отвѣтчикъ—уже по смерти отца отдалъ истцу, который и „припустилъ“ было его къ пользованію землею. Здѣсь панскій крестьянинъ *покупаетъ* землю у сторонняго.

Въ 1541 г. въ томъ же судѣ крестьяне каштелянца Виленскаго, ища свободы отъ панскаго права, разсказываютъ о своемъ происхожденіи якобы отъ такихъ предковъ, которые не входили въ число пожалованныхъ отъ короля, и, излагая свою родословную, между прочимъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 259.
[2]) Ibid., № 315.
[3]) Ibid., № 396.
[4]) Ibid., № 694.

объ одномъ изъ предковъ—Сенютѣ говорятъ, что онъ умеръ безпотомно „и часть земли его мы межи себе держимъ“, т. е. крестьяне, и по утвержденію частнаго владѣльческаго права надъ ними, владѣютъ *наслѣдственно* своими участками и на этомъ опираютъ свое право противъ владѣльца. Это уже при сильномъ развитіи панскаго права, которое заставило ихъ хлопотать объ освобожденіи.

Частновладѣльческіе крестьяне распоряжаются своими землями при *пожертвованіяхъ на церковь*. Въ 1546 г., королевскіе бояре въ Дубновицѣ задумали основать у себя въ селѣ новую церковь, затруднялись ѣздить въ свою прежнюю приходскую. Вновь основанная церковь, по обычаю, снабжается имуществами („наданіями“) или фундушами. Бояръ въ селѣ оказалось не мало, именно 12 семействъ, очевидно мелкопомѣстныхъ, однако имѣвшихъ здѣсь своихъ „подданныхъ“—крестьянъ. Каждый изъ бояръ далъ, что могъ: Головня—два поля, сѣнокосъ и 10 бортныхъ деревьевъ, Федько Артюшевичъ—три поля, сѣнокосъ и 10 бортныхъ деревьевъ; Грицъ—одно поле и 10 деревьевъ бортныхъ и т. д. всѣ 12 бояръ. Отъ крестьянъ, очевидно, нельзя ожидать ничего, когда владѣльцы ихъ на лицо и жертвуютъ свои земли. Но, къ удивленію, мы находимъ въ актѣ неожиданное продолженіе: „А подданные наши Дубновицкіе (жертвуютъ церкви): Яковъ Хомичь ниву далъ подъ Перевестемъ, а дерева бортного четверо, а пчолы въ соснѣ, а сѣножать на Березникахъ; Антонъ Догадневичъ нивы двѣ далъ, одна на Заборьи, а другая черезъ Смужавинку, такъ же (тамъ же?) недалеко, а сѣножать подъ Гумнищами, а четверо дерева бортного; Лукьянъ Селивоновичъ поле далъ подъ Хоронястою, а дерева бортного пятеро, а сѣножать за Кращиною; Мацъ Илькевичъ поле далъ у Еверинахъ“ [1]). Повторяемъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ весьма мелкопомѣстною средою; всѣ 12 семействъ бояръ владѣютъ крестьянами вмѣстѣ, что видно изъ приведеннаго выраженія: „подданные *наши*“; у каждаго изъ нихъ имущества немного болѣе того, какимъ владѣютъ и крестьяне; у всѣхъ бояръ вмѣстѣ былъ „млинъ спольный“ (общій). Такіе малоимущіе владѣльцы, какъ извѣстно, всего менѣе способны были дать просторъ для развитія имущественныхъ правъ

[1]) Ак. Вил. Ком., XI, № 9.

своихъ крестьянъ; дорожа средствами, они гораздо скорѣе, чѣмъ вельможные паны, должны были дать почувствовать крестьянамъ, что земля ихъ, а не крестьянская. И вотъ, даже при такихъ условіяхъ, крестьяне каждый жертвуетъ изъ своихъ владѣній почти столько же, сколько и паны ихъ. Разумѣется, они дѣлаютъ это съ согласія своихъ пановъ, быть можетъ, даже по настоянію ихъ; тѣмъ не менѣе имущества принадлежали крестьянамъ; земли ихъ (поля и сѣножати) лежатъ въ отдѣльныхъ урочищахъ, т., е. очевидно, состоятъ въ полномъ владѣніи ихъ.

Когда Ив. Сем. Сопѣга, воевода Подлясскій, основалъ городъ Кодню, то далъ построенной въ немъ церкви св. Михаила разныя земли, и въ томъ числѣ сѣножатку въ Добрынѣ, которую люди Страдецкіе (т. е. крестьяне) дали,... а третью въ Щенятинѣ, которую люди Окнинскіе надали, за позволеніемъ его милости“ [1]).

Права крестьянъ въ частныхъ владѣніяхъ нѣсколько видоизмѣнялись по родамъ субъектовъ владѣнія. Наибольшей высоты права крестьянъ достигали на церковныхъ имуществахъ и въ частности на имуществахъ приходскихъ церквей. Кому принадлежитъ право на такія имущества? Приходское духовенство приписываетъ это право себѣ (и не безъ основанія); напр., въ 1553 г., попъ Козмодемьянской церкви, жалуясь на совладѣльцевъ Зенковичей о захватѣ земли (которою они должны были владѣть по-поламъ съ церковію) въ свое исключительное владѣніе, говоритъ, что спорную землю—островъ Поболовскій—издавна, при в. кн. Витолдѣ, держали два брата Дитятко и Михайлочко, а затѣмъ „продокъ мой попъ Рогачевскій Козмо-Демьянскій небощикъ Дмитрій“. Описывая права своихъ предковъ и свои, попъ-истецъ перечисляетъ земли, сѣнокосы, дерево бортное, дворную пашню, бобровые гоны, звѣриные и птичьи ловы, рыбныя ловли въ р. Добоснѣ и хмѣлища на лугахъ. Вообще спорное имущество, т. н. „островъ“, было довольно значительное; на немъ были населенныя села.—Между тѣмъ, въ качествѣ истцовъ на судѣ явился не одинъ попъ; напротивъ, коммисары кор. Боны, рѣшавшіе дѣло, пишутъ, что они „выѣзжали на право (т. е. судъ) между людьми попа Козмодемьянскаго... и земянами господарскими Зенковичами. Когда

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVI, № 4.

предложено было сторонамъ рѣшить дѣло третейскимъ порядкомъ, то „Федоръ попъ съ своими людми церковными на то позволилъ“ (согласился). Вмѣсто общаго владѣнія „островомъ“ былъ совершенъ раздѣлъ по р. Добосну между церковію и Зенковичами: церкви досталось два села съ людьми. Сѣнокосы людей церковныхъ, лежавшіе по ту сторону р. Добосны, замѣнены; бортныя деревья церковныхъ людей остаются по прежнему. Словомъ, вездѣ рѣчь идетъ объ имуществѣ „людей церковныхъ“. Но такъ какъ при раздѣлѣ произошла замѣна и самыхъ селъ съ людьми, то любопытно, какъ это мирится съ земельными правами крестьянъ, за которыя они такъ усердно стояли на судѣ? На этотъ счетъ въ третейскомъ приговорѣ было постановлено: „а что касается людей церковныхъ, которые достались на обѣ стороны, т. е. Зенковичамъ и попу, то вольны они, кому хотятъ, тому будутъ служить, оставшись на грунтахъ *земли своей*“ [1]).

Чтобы показать отношеніе крестьянъ къ землѣ въ имѣніяхъ монастырскихъ, приведемъ слѣд. эпизодъ изъ исторіи с. Чащичей (Гроднен. пов.), принадлежащаго Борисоглѣбскому монастырю. Когда-то село это (вѣроятно, вмѣстѣ съ самимъ монастыремъ) принадлежало пану Богушу, который держалъ тамъ „намѣстникомъ“ своимъ (прикащикомъ) боярина господарскаго Глѣбка Клопотовича. Въ числѣ крестьянъ этого села сидѣлъ нѣкій Щербъ, который затѣмъ ушелъ изъ роднаго села и поселился въ другомъ краю; на мѣстѣ, гдѣ онъ прежде жилъ въ Чащичахъ, осталось одно „печище“. Но участокъ земли его выпросилъ себѣ для поселенія нѣкто Гришко Некрашевичъ; прикащикъ Глѣбко, отдавая Некрашевичу опустѣвшій участокъ, обязалъ его давать по бочкѣ соли. Года съ три Некрашевичъ исполнялъ эту повинность и жилъ въ Чащичахъ; но затѣмъ оказался неисправнымъ, пересталъ давать соль и за это былъ „согнанъ“ съ земли. Между тѣмъ сыновья кр. Щерба, прежняго отчинника этой земли, возвратились на родину и, разумѣется, предъявили права на свою наслѣдственную землю. Намѣстникъ отдалъ ее имъ. Согнанные Некрашевичи ушли на королевскую землю и сдѣлались крестьянами кор. Боны. Въ 1541 г. они занесли жалобу судьѣ на Борисоглѣбскаго архимандрита, требуя возвращенія имъ земли, яко бы непра-

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XI, № 14.

вильно присоединный монастыремъ къ своимъ владѣніямъ. На судѣ они утверждали, что то была ихъ отчинная земля, вымѣненная отцомъ ихъ у отца Щербовичей. Какое значеніе могла имѣть ссылка на такое право? Крестьянинъ, такъ или иначе, ушелъ изъ монастырскаго имѣнія; оставленный имъ участокъ монастырь, разумѣется, могъ передать другому. Между тѣмъ судья допустилъ представленіе и провѣрку доказательствъ, очевидно, въ томъ предположеніи, что въ случаѣ перевѣса доказательствъ въ пользу крестьянъ, земля могла быть отсуждена отъ того, кому далъ ее монастырь, въ пользу другого, т. е. крестьянъ-отчичей. Но на судѣ крестьяне ничѣмъ не могли подкрѣпить своего иска: мѣновая грамота на землю будто-бы сгорѣла у нихъ; 18 свидѣтелей, выставленныхъ архимандритомъ, по предписанію статута, показали, что земля была не ихъ отчиною, а отчиною Щербовичей; монастырь по этому выигралъ дѣло [1]).

Такимъ образомъ на земляхъ частновладѣльческихъ крестьянскіе участки составляютъ предметъ права наслѣдства, мѣны и исковъ къ самимъ владѣльцамъ.

Что касается до *панскихъ* имѣній, которыя обыкновенно обнимали цѣлыя волости и даже повѣты и мало отличались отъ княжествъ то права крестьянскаго землевладѣнія въ такихъ имѣніяхъ въ сущности ничѣмъ не разнились отъ правъ королевскихъ крестьянъ. Органы правительственной и судебной власти въ такихъ имѣніяхъ вполнѣ равнялись государственнымъ. Права крес-нъ противъ сторонннхъ лицъ защищались предъ панскимъ урядомъ и королевскими чиновниками путемъ судебныхъ процессовъ; при этомъ панскіе уряды иногда рѣшали вполнѣ добросовѣстно въ пользу сторонпихъ и противъ крестьянъ своего собственнаго пана [2]).

Въ панскихъ владѣніяхъ, какъ и въ государственныхъ повѣтахъ, были замки и города, нерѣдко снабженные магдебургскими привилегіями; были земяне, бояре конные, панцырные и путные и всѣ тѣже разряды крестьянъ, какъ и на коронныхъ земляхъ. Поэтому, всѣ виды землевладѣнія, съ тѣмъ же повинностнымъ характеромъ ихъ, присущи и панскимъ владѣніямъ; такъ, панскіе бояре могли владѣть населенною землею (съ крестьянами). За то и права крестьянъ на землю

---

[1]) Ак. Вил. Ком, XVII, № 883.

[2]) Ibid., XI, № 17 (декретъ Несвижскаго памѣстника кн. Радзивила 1556 г.).

развивались въ такой же широкой свободѣ, какъ и въ коронныхъ владѣніяхъ. Въ обширной сферѣ панскаго права отношенія пана къ крестьянской землѣ были слишкомъ отдаленны и не непосредственны. Внутри этихъ владѣній свободное передвиженіе правъ на крестьянскіе участки (посредствомъ купли, мѣны, залога, наслѣдства) не встрѣчало никакихъ препятствій.

Разумѣется, противъ самого пана права крестьянъ, какъ и права земянъ, бояръ и мѣщанъ, не были ничѣмъ гарантированы, подобно тому, какъ вообще въ государствѣ права всѣхъ гражданъ въ отношеніи къ королю.

Однако въ одномъ отношеніи возможна была защита правъ крестьянскаго землевладѣнія противъ самихъ пановъ. Если, при пожалованіи коронной земли частнымъ лицамъ, кому-либо изъ крестьянъ удавалось посредствомъ суда утвердить свою независимость отъ новаго владѣльца, то вмѣстѣ съ тѣмъ они предъявляютъ права и на земли свои, отвоевывая ихъ отъ владѣльца. Такъ Индурская волость была пожалована п. Виленскому; но нѣкоторые изъ крестьянъ Индурскихъ („линники“) отвоевали свою свободу и тотчасъ же завладѣли участкомъ земли---„дядковщиною“ своею, считая ее принадлежащею себѣ по праву наслѣдства [1]).

Права крестьянъ въ боярскихъ (земянскихъ) имѣніяхъ уже уяснены приведенными выше примѣрами, которые показываютъ, что владѣльцамъ въ такихъ имѣніяхъ предоставляются лишь повинности, а не права на крестьянскую землю [2]).

Однако, именно въ этихъ имѣніяхъ коренился первый зародышъ будущаго крѣпостнаго права. Дальнѣйшая исторія, т. е. описаніе хода развитія крѣпостнаго безправія и его причинъ, не входитъ въ задачу этого очерка. Другому времени или другимъ лицамъ предоставляемъ мы тяжкій трудъ уясненія этого мрачнаго предмета, обнимающаго весьма сложныя явленія: бытовое проникновеніе въ Литву польскаго и нѣмецкаго права, изданіе статута съ тенденціями шляхетско сословными, измѣненія въ сферѣ государственнаго устройства и въ области экономическихъ сношеній. Ступени, по которымъ указанныя

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 969.

[2]) Ревиз. пущъ, стр. 252—253.

причины привели къ крѣпостному состоянію, были таковы: а) крестьяне-собственники земли (*отчичи*) теряютъ право перехода; поэтому б) большинство стремится сохранить за собою значеніе вольныхъ похожихъ людей, а земля ихъ признается панской; в) путемъ давности и другихъ мѣръ число вольныхъ похожихъ людей сокращается: обезземеленные крестьяне лишаются и личныхъ правъ. Здѣсь достаточно сказать, что и эпохѣ, избранной нами (до пол. XVI в.), далеко не чужды начальныя ступени этой лѣстницы крѣпостнаго права. То самое, что было прежде основою полноправія крестьянъ, т. е. ихъ наслѣдственное владѣніе землею, сдѣлалось источникомъ ихъ безправія, тогда какъ легковѣсныя части крестьянскаго общества, бродячіе—похожіе люди еще сохраняютъ свою свободу,—„отчичи"-владѣльцы земли разсматриваются часто, какъ прикрѣпленные крестьяне; если въ актахъ укрѣпленія имущества они не были перечислены, то доказательствомъ частной принадлежности ихъ могли быть другіе акты, напримѣръ раздѣльные акты между панами, если при этомъ составлялись поименные реэстры крестьянъ. Тогда единственнымъ способомъ защиты отъ прикрѣпленія оставалось доказать званіе похожаго человѣка, утвердить, что „я человѣкъ господарскій, вольный" [1]); бродячій человѣкъ, хотя ни къ кому не пріуроченъ, но въ качествѣ, такъ сказать, res nullius есть человѣкъ господарскій—королевскій. Въ первой половинѣ XVI вѣка суды и власти были еще очень осторожны въ признаніи правъ пановъ на личность такихъ людей; „не желая на свою голову брать, чтобы человѣка и его будущихъ потомковъ на вѣчность выдавать кому либо", отлагали такія дѣла до королевскаго суда [2]).

Почему лучшая, осѣдлая и имущественно-полноправная часть крестьянскаго общества прикрѣпляется раньше бродячей, бездомной и безземельной? Отчичи суть владѣльцы земли, если признать за ними право отказываться произвольно отъ службы своему пану, то это значило бы допустить выходъ изъ-подъ власти пана *съ землею,* т. е. допустить возможность полнаго разрушенія панскихъ правъ. Ни сами паны, ни государство не могли еще объявить ихъ

---

[1]) Ак. Вил. Ком., XVII, № 263.

[2]) Ibid.

права на землю ничтожными. Сейчасъ былъ приведенъ фактъ борьбы крестьянина съ паномъ Виленскимъ, при чемъ первый, освободившись лично отъ власти пана, влечетъ вмѣстѣ съ собою изъ-подъ его власти и свою землю. Паны должны были парализовать личныя права крестьянина, чтобы сохранить за собою его землю.

М. Владимірскій-Буданов.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Для показанія того, какъ долго (до пол. XVIII в.) сохранялись по мѣстамъ древнія формы сельской общины, дворищнаго совладѣнія и права частновладѣльческихъ крестьянъ на землю, прилагаемъ слѣдующій актъ изъ книгъ Барскаго староства за 1731 г.:

Roku 1731, iunij 23. W sprawie między pracowitemi Iwanem Zielenkiem powodem, oczewisto, a pracowitym Ilkiem Kaszczyenkem pozwanym, oczewisto, do sądu zamkowego zayszley o to, iż pomieniony powod Zielenko, będąc z dawnych dawien, z dziada y oyca, obywatelem Łuczanskim, w teyże wsi Łuce, w części Trykowey nazwaney, mieszkał z domowstwem swoim, a tak, gdy pod czas inkursyi rożnych, domowstwo swoie porzucic y ze wsi Łuki ustąpic musiał, Ilko Kaszczienko, pozwany teraznieyszy, porzuciwszy dawne swoie domowstwo do iego pomieszkania przeniosł się y tak sady, stawy, grunta, lasy y sianożęci na osobę swoię odebrał. Pracowity zas Iwan Zielenko, powrociwszy przy pokoiu do wsi Łuki, tak u gromady swego upominał się dziedzictwa, iako też o to y do sądu teraznieyszego zamkowego Ilka przypozwał, oraz y gromadę Łuczanską stawił na swiadectwo [1]). Iakoż iuż ta gromada Łuczanska, godząc strony, pomiarkowanie między niemiż we wsi Łuce, dnia 14 miesiąca y roku teraznieyszych, uczynili,—wyszrzeczonemu Zielenkowi grunt jego dawny przyznali, a temu

---

[1]) Крестьянинъ села Луки Барскаго староства Зеленко, „бывшій съ давныхъ давенъ, отъ дѣда и отца, обывателемъ“ этого села, долженъ былъ, вслѣдствіе разныхъ наѣздовъ на село, уйти; оставленное имъ имущество его: домъ, сады, ставы, грунты, лѣса и сѣнокосы, занялъ другой крестьянинъ—Кащіенко. По успокоеніи края первый хозяинъ однако возвратился въ родное село и потребовалъ свое имущество назадъ; онъ *обратился для этого къ громадѣ* Лучанской. Громада признала права истца; Кащіенко долженъ былъ уступить; но, въ замѣнъ того, *громада дала* ему „въ вѣчное владѣніе“ выморочный грунтъ Романенковъ—садокъ и ставокъ съ сѣнокосами; такое пожалованіе выражено было на письмѣ, съ приложеніемъ рукъ членовъ громады.

Ilkowi grunt nazwany Romanenkow, sadek y stawek z sianożęciami spadłe, w dzierzawe wiecznemi czasy podali, y na to się rekoma swemi własnemi podpisali.

Sąd tedy zamkowy, referuiąc się do tegoż pomiarkowania y one we wszystkiem approbuiąc y zachowuiąc, pracowitemu Zielenkowi grunt iego dawny, ktorego przedtym zażywał, przysądza y, aby z pracowitemi Lewkem Prodernenkem y Leskem Pasieczniczenkem, iako w teyże części mieszkaiącemi, stawku y sadku, co iest w lesie, iako też y sianożęci, oprocz sadow, we wsi znayduiących się, po-połowie zażywali, nakazuie [1]). Ilkowi zaś Kaszczyienkowi grunt od gromady nadany y wydzielony, nazwany Romanenkow, na co osobliwszy od gromady ma skrypt, także z sadem, stawkem, sianożęciami, także wiecznemi czasy do spokoynego podaie używania, iakoż y z chałupy, w którey teraz siedzi, ustępować niema.

Że zaś pracowity tenże Ilko Kaszczyenko w sadzie tym,ktory teraz Zielenkowi iest przysądzony, drzewa sadowego, pracy y kosztu niemało przyłożywszy, siła nasadsił, y nagrodzenia teyże swoiey pracy za owe sadowinę u pracowitego Zielenka affektuie y dopomina się,—sąd zamkowy, stosuiąc się do słusznosci, nakazuie, aby strony obydwie po dwoch ludzi z strony swoiey we wsi Łuce do pomiarkowania, czego sad wart, uprosili. Ci zaś uproszeni ludzie y sprowadzeni do przerzeczonego sadu, iakie drzewa są y czego warte, zważą y,aby nagrodził pracowity Zielenko Ilkowi, nakażą, y we wszystkich pretensiach strony obydwie pogodzą.

Któremu to dekretowi strony obydwie zadosyc uczynić powinni będą pod grzywnami y winami zamkowemi.

Кн. декретовъ Барск. замк. юридикціи, хранящаяся въ Кіев. центр. арх., № 5684, л. 66, актъ 175.

---

[1]) Замковый судъ утвердилъ распоряженіе громады, дополнивъ его лишь нѣкоторыми подробностями, а именно: старинный грунтъ Зеленка (теперь возвращенный ему) находился въ *части*, т. н. Трыковой. Частью называется *группа нѣсколькихъ хозяевъ-совладѣльцевъ* (въ данномъ случаѣ—трехъ). Поэтому замковый урядъ приказываетъ, чтобы возвратившійся крестьянинъ владѣлъ и пользовался сообща съ крестьянами Продерненкомъ и Пасѣчниченкомъ, „какъ живущими въ той же части"; общее владѣніе простирается на ставъ, на тотъ садъ, который находится въ лѣсу, а равно и на сѣнокосы, но не простирается на сады, находящіеся въ селѣ. Очевидно, „часть" представляетъ то, что въ старину называлось дворищемъ,—члены ея совладѣютъ всѣми имуществами, кромѣ усадебъ.

Возвратившійся крестьянинъ долженъ вознаградить своего предмѣстника за улучшенія, сдѣланныя этимъ послѣднимъ въ саду, по оцѣнкѣ третьихъ лицъ.

Новыя данныя для біографіи Ивана Ѳедорова, русскаго первопечатника.

Въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, въ Луцкихъ гродскихъ книгахъ за 1575 и 1576 г.г. находятся акты, на основаніи которыхъ могутъ быть восполнены имѣвшіяся доселѣ біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Ѳедоровѣ за время пребыванія его въ Западной Россіи, особенно на Волыни у кн. Константина Острожскаго [1]). Немногое даютъ Луцкіе акты въ восполненіе этихъ свѣдѣній; но немногое значимо и цѣнно, когда рѣчь идетъ о такой замѣчательной личности, какъ нашъ русскій первопечатникъ. Припомнимъ вкратцѣ тѣ главные моменты и факты изъ жизни Ѳедорова въ Западной Россіи, которые были извѣстны до настоящаго времени, чтобы, такъ сказать, примостить къ нимъ новыя данныя, а изъ совокупности тѣхъ и другихъ сдѣлать и нѣкоторые выводы относительно трудовъ Ѳедорова въ томъ дѣлѣ, которое онъ считалъ своимъ призваніемъ.

29 октября 1565 г. Ѳедоровъ и его товарищъ Петръ Тимоѳеевичъ Мстиславецъ окончили печатаніемъ въ Москвѣ вторую изъ своихъ первопечатныхъ книгъ—*Псалтирь съ Часословомъ*—и вскорѣ затѣмъ подпали гоненію отъ невѣждъ и принуждены были бѣжать, говоря по тогдашнему, въ Литву. Время этого бѣгства и прибытія ихъ въ Литву точно не опредѣлено; но несомнѣнно, что оно было не ранѣе конца 1565 г. Въ Литвѣ московскіе пришлецы-печатники имѣли честь найти благосклонный пріемъ у короля и пановъ рады Литовской, какъ говоритъ это самъ Ѳедоровъ въ предисловіи къ

---

[1]) Акты найдены и указаны мнѣ, а нѣкоторые, и притомъ важнѣйшіе, сообщены въ копіяхъ И. М. Каманинымъ. *Авторъ.*

своему Львовскому Апостолу 1574 г. Это могло быть въ Вильнѣ въ концѣ 1565 или началѣ 1566 г., или же въ Гроднѣ въ половинѣ 1567 г., потому что въ первый изъ этихъ моментовъ происходилъ Литовскій сеймъ въ Вильнѣ, а во второй—въ Гроднѣ, и на обоихъ присутствовалъ король со всею Литовскою радою.—Благосклонный пріемъ московскихъ пришельцевъ самимъ государемъ объясняется, помимо тогдашнихъ отношеній Литвы къ Москвѣ, особенно ходатайствомъ за нихъ Виленскаго каштеляна и гетмана великаго княжества Литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, который, какъ выражается Ѳедоровъ, „со тщаніемъ умоли за насъ государя Сигизмунда-Августа“. Этотъ же „вельможный панъ, продолжаетъ Ѳедоровъ, прія насъ любезно въ своей благоуспѣшней любви, и упокоеваше насъ *немало время*, и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще же и сіе недовольно ему бѣ, аще тако устроити насъ, но и весь немалу дарова ми на упокоеніе мое“ [1]). Это было въ имѣніи Ходкевича Заблудовѣ (нынѣ мѣстечко въ Бѣлостоцкомъ уѣздѣ Гродненской губ.), вблизи котораго и дана была Ѳедорову немалая весь, или село. Здѣсь въ Заблудовѣ или, какъ думаютъ нѣкоторые, въ сейчасъ упомянутомъ селѣ, Ѳедоровъ и Мстиславецъ, по желанію и на средства своего покровителя, устроили типографію и въ 1568—1569 г. напечатали *Учительное Евангеліе*, а въ 1570 г. уже самъ одинъ Ѳедоровъ (Мстиславецъ удалился въ Вильну) напечаталъ *Апостолъ*. Но затѣмъ старость и частыя головныя боли, какъ разсказываетъ Ѳедоровъ, а вѣроятно, прибавимъ съ своей стороны, и тѣ огорченія и затрудненія, какія причинилъ Ходкевичу исходъ крайне противной ему Люблинской уніи, вынудили послѣдняго прекратить дѣйствіе типографіи [2]). „Повѣле

---

[1]) Предисловіе къ Львовскому Апостолу Ѳедорова 1574 г., нѣсколько разъ напечатанное, въ послѣдній разъ пропечатано въ статьѣ г. *Пташицкаго*: „Иванъ Ѳедоровъ, Московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ“ (Русская Старина за 1884 г., Мартъ).

[2]) Извѣстно, что всѣ Ходкевичи были сильными противниками Люблинской уніи, а Григорій Ходкевичъ собирался даже выступить съ открытымъ возстаніемъ противъ нея, что соединялось съ большими непріятностями для него. Извѣстно также, что въ данное время онъ испытывалъ большія денежныя затрудненія. Это видно особенно изъ письма его отъ 1 марта 1572 г. къ игумену Кіевскаго Никольско-Пустынскаго монастыря, которому онъ не могъ уплатить долга въ 200 копъ грошей вслѣдствіе „великого утиску и недостатку“ въ его имѣніяхъ (Вил. Археогр. Сборникъ, Т. IX, № 25, стр. 75. Вильна. 1870 г). Денежныя затрудненія, вѣроятно, были однимъ изъ поводовъ къ прекращенію дѣйствія типографіи,—требовалось издержекъ.

намъ, говоритъ Ѳедоровъ, работанія сего престати и художество рукъ нашихъ ни во чтоже положити и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препровождати". Но Ѳедоровъ чувствовалъ себя призваннымъ трудиться, какъ самъ выражается, не раломъ пахатнымъ, а своимъ художествомъ, и не житныя сѣмена сѣять, а духовныя сѣмена разсѣвать по вселенной чрезъ книгопечатаніе. Поэтому онъ оставляетъ Заблудовъ и свою весь и отправляется во Львовъ. Труденъ былъ путь его. „Въ путь шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, *но и презельному повѣтрію*, и путь шествія моего ста силищу, и просто рѣщи все злое и злыхъ злѣе". Упоминаніемъ *о презельномъ повѣтріи* довольно точно опредѣляется время путешествія Ѳедорова изъ Заблудова во Львовъ. Это дѣйствительно страшное повѣтріе свирѣпствовало именно въ 1572 г. [1]), къ которому и надо относить переходъ Ѳедорова изъ Заблудова во Львовъ.

Во Львовѣ видимъ Ѳедорова въ январѣ 1573 г. и притомъ уже устраивающимъ свою типографію; слѣд., прибылъ онъ сюда нѣсколько ранѣе, т. е. въ концѣ 1572 г. Во Львовѣ, послѣ многихъ затрудненій и огорченій въ борьбѣ съ равнодушіемъ къ его дѣду однихъ, съ противодѣйствіемъ другихъ, онъ наконецъ нашелъ добрыхъ людей изъ незнатнаго класса и съ помощію ихъ успѣлъ устроить свою типографію, а въ 1574 г. уже окончилъ въ ней печатаніе Апостола, въ предисловіи къ которому съ глубокою почтительностію и благодарностію говоритъ о своемъ благодѣтелѣ Ходкевичѣ. На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ Львовскихъ архивовъ и сообщенныхъ въ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ о Ѳедоровѣ галицко-русскаго ученаго, достопочтеннаго о. А. С. Петрушевича, и русскаго ученаго С. Л. Пташицкаго, писанныхъ по случаю истекшаго 5 декабря 1883 г. 300-лѣтія со времени кончины Ѳедорова,—знаемъ, что Ѳедоровъ во Львовѣ назывался *Иванъ Ѳедоровичъ русскій друкарь*, по-латыни Iwan Fedorowicz impressor ruthenus, или просто *Иванъ Друкарь*, Iwanus Impressor. Знаемъ также, что здѣсь жилъ съ нимъ дорослый сынъ его, также *Иванъ*, называемый *друкаровичемъ*, т. е. сыномъ дру-

[1]) О страшной моровой язвѣ, отъ которой вымирали цѣлыя села, упоминается въ документальной лѣтописи Супрасльскаго монастыря подъ 1572 г. (Вил. Археограф. Сборн. ib., стр. 76).

каря, а по ремеслу intioligator, или *переплетчикъ*, что были здѣсь у Ѳедорова и другія дѣти, еще недорослыя. Знаемъ, между прочимъ, еще, что Ѳедоровъ съ тѣмъ именемъ Ивана Ѳедоровича бывалъ во Львовѣ въ іюлѣ и октябрѣ 1577 г., что предъ послѣднимъ временемъ хаживалъ въ Валахію и Турцію [1]). Позже, именно 2-го марта 1579 г., онъ является во Львовѣ, уже какъ *magnifici palatini Kijowiensis famulus*, т. е. *служебникъ* кн. *Константина Острожскаго*, съ которымъ слѣдовательно еще прежде вошелъ въ извѣстныя служебныя отношенія. Наконецъ, съ 1580 года онъ печатаетъ Новый Завѣтъ, а потомъ въ 1580—81 г.—Библію. Затѣмъ, но когда именно—въ точности неизвѣстно, онъ опять переходитъ во Львовъ, борется съ затрудненіями, особенно изъ-за долговъ, накопившихся по немъ на его Львовской типографіи, которую еще прежде отдалъ въ заставу еврею Исааку Якубовичу въ суммѣ 411 злотыхъ, а потомъ заложилъ и 140 книгъ. 5 декабря 1583 г. Ѳедоровъ умираетъ, оставляя взрослаго сына и другихъ малолѣтнихъ дѣтей, а типографія, долгъ на которой возросъ до громадной тогда цифры въ 1500 злотыхъ, остается въ залогѣ у еврея, у котораго была выкуплена епископомъ Львовскимъ Гедеономъ, при содѣйствіи Львовскаго братства, въ 1585—86 г. и послужила основаніемъ къ учрежденію знаменитой типографіи этого братства.

Луцкіе акты пополняютъ свѣдѣнія о Ѳедоровѣ только за небольшой моментъ 1575—76 г., но въ связи съ прежними свѣдѣніями открываютъ возможность выводовъ на болѣе широкое время.

Первый актъ отъ *6 марта 1575 г.* есть запись жалобы, которую занесъ въ гродскій судъ нареченный игуменъ Дерманскаго монастыря Михаилъ Игнатовичъ Дчуса на кн. Константина Острожскаго въ томъ, что онъ насильно изгналъ его изъ монастыря и отдалъ его со всѣми имѣніями „до рукъ“ *Ивана Ѳедоровича*, котораго „преложилъ“ надъ этимъ монастыремъ. Этотъ актъ былъ уже напечатанъ покойнымъ проф. Н. Д. Иванишевымъ въ I ч. I т. „Архива Юго-Зап. Россіи“ [2]). Но издатель не сдѣлалъ никакого поясненія къ упоминаемому въ немъ имени Ивана Ѳедоровича, чего бы онъ, конечно, не упустилъ, если-бы могъ видѣть, что этотъ Иванъ Ѳедоровичъ есть

---

[1]) У г. Пташицкаго, тамъ же.

[2]) № 11.

именно первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ, какъ видимъ это теперь мы, зная, что Ѳедоровъ уже предъ тѣмъ во Львовѣ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Ивана Ѳедоровича, что въ слѣдующихъ затѣмъ Луцкихъ актахъ лицо, получившее отъ князя Дерманскій монастырь, называется то *Иваномъ Друкаремъ*, то *Иваномъ Ѳедоровичемъ*, какія названія утвердились и во Львовѣ за Иваномъ Ѳедоровымъ. Изъ приложеннаго къ жалобѣ королевскаго листа оказывается, что Дчуса, мірянинъ изъ мѣстныхъ дворянъ, еще въ 1571 г., послѣ отказа дѣйствительнаго игумена о. Ѳедора Яновича, получилъ монастырь по рекомендаціи Черскаго каштеляна, старосты Варшавскаго Зигмунда Вольскаго, ревизовавшаго Острожскія имѣнія короля Сигизмунда-Августа, переданныя ему Сѣрадскимъ воеводою Альбрехтомъ Ласкимъ; а прежній игуменъ о. Ѳедоръ Яновичъ въ свое время получилъ монастырь по наданью отъ Беаты Костелецкой и князя Семена Слуцкаго. Не входя въ болѣе подробныя объясненія по этому предмету, ограничусь замѣчаніемъ, что, изгоняя Дчусу изъ Дерманскаго монастыря, кн. Константинъ Острожскій возстановлялъ свое, отъ прадѣда наслѣдованное имъ, патронатское право надъ этимъ монастыремъ, незаконно и хищнически присвоенное другими людьми, а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ полное право передать монастырь лицу по своему выбору и назначенію, какимъ оказался теперь у него Иванъ Ѳедоровичъ. Хотя онъ былъ только діакономъ и притомъ изъ бѣлаго, а не монашествующаго духовенства, но, по тогдашнимъ обычаямъ, не только діаконъ, но и мірянинъ могъ быть „справцею“, т. е. управляющимъ монастыремъ, завѣдывать его имѣніями, какъ то мы видѣли сейчасъ на примѣрѣ Дчусы.

Въ званіи справцы Дерманскаго монастыря Ѳедорову пришлось попасть въ колею, для него совсѣмъ непривычную, втягиваться въ дѣла и интересы, ему несродные. Это открываютъ намъ слѣдующіе Луцкіе акты, въ числѣ пяти. Первый изъ нихъ отъ 23 мая 1575 г., второй отъ 9 августа 1575 г., третій отъ 6 апрѣля 1576 г., четвертый отъ 2 іюля и пятый отъ 5 сентября того же 1576 г. [1]). Не излагая подробно содержанія ихъ, отмѣчаемъ главное для нашей цѣли. Всѣ эти акты представляютъ собою записи жалобъ со стороны земянъ села Спасова, принадлежавшаго вдовѣ Григорія Ходкевича, урожденной княжнѣ

[1]) Эти акты напечатаны ниже въ приложеніи.

Вишневецкой, на крестьянъ принадлежащаго Дерманскому монастырю села Кунина, на ихъ атамановъ и на „справцу“ монастыря Ивана Друкаря по поводу грабежей и побоевъ, причиняемыхъ ими жалобщикамъ на Спасовскихъ поляхъ, а также — заявленія возныхъ, производившихъ осмотръ грабежей и побоевъ. Дѣло представляется такъ, что сперва Куninскіе крестьяне грабительски запахиваютъ Спасовскія поля, что въ слѣдующій разъ они подъ предводительствомъ своихъ атамановъ грабятъ на этихъ поляхъ хлѣбъ и скотъ, нападаютъ и на самое село, побиваютъ и ранятъ Спасовскихъ пановъ и крестьянъ, что „справца“, или „державца“, монастыря, служебникъ князя Острожскаго Иванъ Друкарь, въ одномъ изъ первыхъ случаевъ нападенія Куницевъ на Спасовцевъ, обѣщавшій дать удовлетвореніе обиженной сторонѣ, затѣмъ въ двухъ другихъ случаяхъ и самъ участвуетъ въ нападеніяхъ, имѣя при себѣ вооруженныхъ людей, и что онъ дѣлаетъ это по властному, т. е. собственному, приказу князя Острожскаго. Въ послѣднемъ изъ описываемыхъ въ актахъ нападеній, которое произведено служебникомъ того же друкаря Ивана Ѳедоровича Ганусомъ, и соединялось съ грабежемъ и побоями, уже и самъ князь Острожскій чрезъ двухъ своихъ пановъ приказалъ Ивану Ѳедоровичу возвратить пограбленное; но когда Спасовскіе явились на свои грунты, чтобы получить заграбленное, Друкарь не захотѣлъ отдать имъ ничего.

Факты, представляемые этими актами, неожиданны и непріятны въ біографіи Ивана Ѳедорова, бросая тѣнь на него и видимо противорѣча съ тѣми симпатичными чертами характера его, какія мы знали въ немъ и до новыхъ данныхъ о немъ, собранныхъ изъ Львовскихъ архивовъ Петрушевичемъ и Пташицкимъ, и какія подтверждаются и этими данными, ибо по всѣмъ этимъ даннымъ онъ представляется человѣкомъ, хотя весьма энергическимъ, но энергическимъ въ своемъ художествѣ, которому беззавѣтно преданъ былъ, предпочевшимъ ради него отказаться отъ Заблудовской веси, человѣкомъ, способнымъ на борьбу съ затрудненіями и лишеніями, но прямодушнымъ, готовымъ на мирныя сдѣлки, терпѣливымъ и снисходительнымъ. Желательно поэтому выяснить обстоятельства *Спасовскаго дѣла*, къ чему и даютъ нѣкоторую возможность справки по другимъ документамъ, изданнымъ и неизданнымъ, но имѣющимся въ тѣхъ же Луцкихъ книгахъ.

Село Спасово, сосѣднее съ селомъ Дерманскаго монастыря Куninымъ, принадлежало къ числу Волынскихъ имѣній Григорія Ходке-

вича, доставшихся ему въ приданое заженою, урожденною княжною Маріею Вишневецкою. Самъ Ходкевичъ не проживалъ въ этихъ имѣніяхъ, а управлялъ ими его урядникъ, имѣвшій свое пребываніе въ селѣ (нынѣ мѣстечкѣ) Муравицѣ, главномъ изъ нихъ. Во время Ходкевича Спасовскіе земяне прославились смѣлостію въ грабежахъ и разбояхъ, поощряемые къ тому безнаказанностію. Наѣзды, грабежи между сосѣдними панами, земянами и крестьянами ихъ были тогда довольно обычнымъ явленіемъ. Смѣлѣе въ этихъ дѣлахъ были земяне въ тѣ моменты, когда принципалъ ихъ былъ лицо особенно высокопоставленное и сильное, при которомъ они могли разсчитывать на защиту и безнаказанность. Спасовцы имѣли такого пана-принципала въ лицѣ Григорія Ходкевича, Виленскаго каштеляна и пайвысшаго гетмана Литовскаго, а ближайшаго защитника въ лицѣ его Муравицкаго урядника. Вотъ примѣръ разбойничества Спасовцевъ. Въ февралѣ 1564 г. королевскій дворянинъ Василій Богдановичъ Шашкевичъ съ отрядомъ Москвитянъ, дѣтей боярскихъ (вѣроятно, поступившихъ на службу литовскую изъ плѣнныхъ или бѣглецовъ), отправляясь на военную службу, проходилъ невдалекѣ отъ Спасова. Къ вечеру потребовался ночлегъ. Найдя мѣсто ночлега для двухъ частей отряда въ сосѣднихъ селахъ, Шашкевичъ третьей части предоставилъ просить ночлега у жителей Спасова. Но Спасовцы не только не приняли Москвитянъ, но еще напали на нихъ передъ селомъ, многихъ изъ нихъ поранили, пострѣляли, поизбивали до полусмерти, ограбили у нихъ деньги, оружіе, посдирали самую одежду на нихъ. Всѣхъ избитыхъ и ограбленныхъ было до 30, а нѣкоторые изъ отряда пропали безъ вѣсти, и Шашкевичъ подозрѣвалъ, что они умерщвлены или захвачены въ плѣнъ. Шашкевичъ занесъ жалобу Муравицкому уряднику; но тотъ отвѣчалъ, что онъ не будетъ чинить суда и управы земянамъ своего пана и отказался дать какое бы то ни было удовлетвореніе [1]). Въ виду такого разбойническаго характера Спасовцевъ, поощряемыхъ при томъ безнаказанностію, естественно полагать, что они давали себя знать съ этой стороны и своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, жителямъ села Кунина, принадлежавшаго Дерманскому монастырю. Но теперь, по смерти Гр. Ходкевича, при его овдовѣвшей женѣ,

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Т. II, стр. 268—272. Кіевъ. 1849 г.

жившей при томъ далеко, Спасовцы потеряли въ лицѣ его сильнаго пана, между тѣмъ какъ Куниицы имѣли надъ собой князя Острожскаго, возстановившаго свои права на Дерманскій монастырь и его владѣнія. Теперь настала очередь Куниицамъ показать свою силу надъ Спасовцами, свести съ ними старые счеты, возникшіе, какъ водится, изъ-за полей, потому что они начинаютъ свои нападенія именно нападеніями на поля Спасовцевъ. То замѣчательно, что нападенія свои на Спасовцевъ Куниицы со справцею Дерманскаго монастыря Иваномъ Друкаремъ и съ атаманомъ дѣлаютъ даже „по власному росказанію“ князя Острожскаго, получивъ, можетъ быть, и вооруженную подмогу отъ него для нападенія. Слѣдуетъ поэтому думать, что князь считалъ Спасовцевъ въ чемъ-либо виновными предъ Куниицами, и затѣмъ также присовокупить, что у самого Острожскаго были старые счеты съ Ходкевичами, что ему, какъ Волынцу, не могло быть пріятно вторженіе на Волынь этихъ знатныхъ литовскихъ пановъ [1]).

Уясненіе обстоятельствъ или мотивовъ дѣла между Куниицами и Спасовцами сразу измѣняетъ представленіе о характерѣ отношенія къ этому дѣлу Ивана Ѳедорова, какъ „справцы“ Дерманскаго монастыря, которому принадлежало село Куниинъ. Ему въ этомъ дѣлѣ не принадлежали ни починъ, ни главная роль. Онъ былъ здѣсь орудіемъ воли другихъ, невольною жертвою своего новаго положенія, какъ „справцы“ Дерманскаго монастыря. Въ первыхъ числахъ марта 1575 г. водворенный княземъ Острожскимъ въ Дерманскомъ монастырѣ въ званіи „справцы“ его на мѣсто изгнаннаго М. Дчусы, Ѳедоровъ пробылъ въ этомъ званіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ крестьяне монастырскаго села Куиина заняли поле обывателя села Спасова, о чемъ гласитъ запись отъ 23 мая 1575 г. Такимъ образомъ, дѣло начинаютъ сами Куниицы, имѣвшіе какія-то притязанія на

---

[1]) Еще во время Люблинскаго сейма послѣдовалъ взрывъ ссоры между Константиномъ Острожскимъ и Иваномъ Ходкевичемъ, племянникомъ Григорія Ходкевича. Въ „Дневникѣ Люблинскаго сейма“ (изд. проф. Кояловичемъ. Спб. 1869 г.), разсказывающемъ объ этомъ случаѣ, не разъ упоминается и о томъ, что волынцы вообще не долюбливали литовскихъ пановъ за ихъ будто-бы гордость и стремленіе прибирать въ свои руки высшія должности въ предѣлахъ Волыни и Кіевской земли. Извѣстно еще, что у Константина Острожскаго были какіе-то споры съ самимъ Григоріемъ Ходкевичемъ по дѣлу объ опекѣ надъ малолѣтними князьями Жеславскими.

Спасовскія поля; а новый „справца“ Дерманскаго монастыря, если и былъ попустителемъ въ дѣлѣ, то невольнымъ, не могшимъ и разобраться въ томъ, насколько были правы или неправы Куницы въ своихъ притязаніяхъ на эти поля. Да и самая запись обвиняетъ въ этомъ дѣлѣ еще не „справцу“ монастыря, а только Куницевъ. Слѣдующая затѣмъ запись отъ 9 августа 1575 г., представляющая собою показаніе вознаго объ осмотрѣ грабежей и побоевъ, учиненныхъ Куницами надъ Спасовцами, также не обвиняетъ Ивана Друкаря, какъ „справцу“ Дерманскаго монастыря, какъ попустителя или участника въ дѣлѣ, напротивъ, представляетъ его дающимъ обѣщаніе одно возвратить, а о прочемъ развѣдать съ тѣмъ же обѣщаніемъ возврата. Только въ третьей записи отъ 6 апрѣля 1575 и четвертой отъ 2 іюля того же года вожакомъ въ нападеніяхъ представляется самъ Иванъ Друкарь, имѣвшій помощниковъ въ Дерманскихъ боярахъ, въ атаманахъ монастырскихъ селъ и вообще въ слугахъ и подданныхъ Дерманскаго монастыря и села Кунина. Но какъ первое изъ этихъ нападеній онъ дѣлаетъ *по собственному приказу князя Острожскаго*, то необходимо предполагать это и во второмъ нападеніи. Очевидно, что справца Дерманскаго монастыря, послѣ первыхъ нападеній, начатыхъ самими Куницами, не преминулъ снестись со своимъ патрономъ-княземъ, который,—потому ли, что считалъ правоту въ спорныхъ дѣлахъ между Куницами и Спасовцами на сторонѣ первыхъ, или по какимъ бы то ни было другимъ побужденіямъ,—далъ Ѳедорову не только полномочіе, но и приказъ продолжать нападенія. Что касается до показанія въ послѣдней записи отъ 5 сентября 1576 г., гдѣ Иванъ Друкарь обвиняется въ томъ, что, не смотря даже на приказъ князя, не хотѣлъ возвратить панамъ Спасовскимъ того, что пограбилъ у нихъ служебникъ Друкаря Ганусъ, то это можетъ быть объяснено просто самою трудностію принудить какого-то буяна Гануса возвратить пограбленное. Впрочемъ, прекращеніе въ Луцкихъ гродскихъ книгахъ записей о дальнѣйшемъ ходѣ Спасовскаго дѣла можетъ вести къ предположенію, что и самое дѣло прекратилось по волѣ князя, или же по старанію Ивана Ѳедорова, которому оно не могло быть по душѣ.

Если этихъ объясненій по поводу Спасовскаго дѣла и участія въ немъ Ѳедорова не достаточно для огражденія нравственнаго характера дорогой намъ личности, то слѣдуетъ еще взять во вниманіе,

что дѣло происходило не въ Московской Руси, а въ Литовской. Тамъ прямое или косвенное участіе духовнаго лица въ наѣздахъ и грабежахъ было бы страннымъ явленіемъ, а здѣсь оно было дѣломъ заурядным. Проявленія такого участія могли встрѣчаться здѣсь въ жизни не какихъ-либо только буяновъ изъ среды игуменовъ, владыкъ, а и въ жизни людей столь почтенныхъ, каковъ напр. Острожскій пресвитеръ Демьянъ Наливайко, духовникъ князя Острожскаго; этотъ добрый пресвитеръ, ревнитель православія, упражнявшійся и въ книжныхъ трудахъ, былъ союзникомъ своего удалаго брата Северина Наливайка и другихъ смѣльчаковъ въ нападеніяхъ на имѣнія тѣхъ, кого считали тогда отступниками православія [1]). Болѣе всего страннымъ и неожиданнымъ можетъ казаться участіе Ѳедорова въ нападеніяхъ именно на Спасово село, какъ село вдовы *Ходкевича*, его благодѣтеля, о которомъ еще недавно Ѳедоровъ говорилъ съ такою почтительностію и благодарностію. Но дѣло началось и велось собственно не съ нею, а съ панами и земянами Спасовскими, отъ имени которыхъ и заносятся жалобы. Сама Ходкевичева, повидимому, и не жившая въ Спасовѣ, была въ сторонѣ отъ того, что земяне села ея могли дѣлать другимъ или терпѣть отъ другихъ насилія.

На этомъ пока я остановимся до могущаго послѣдовать усмотрѣнія новыхъ актовъ и данныхъ о положеніи Ѳедорова, какъ „справцы“ Дерманскаго монастыря. Но оставаясь пока въ предѣлахъ имѣющихся новыхъ данныхъ и примѣняя къ нимъ данныя, прежде извѣстныя, попытаемся, наконецъ, сдѣлать нѣкоторые выводы, могущіе имѣть отношеніе къ главному художеству или призванію Ѳедорова, какъ книгопечатника.

Итакъ, новыми луцкими актами констатируется, 1) что Иванъ Ѳедоровъ не съ 1579 г., а еще съ марта 1575 г. состоялъ при князѣ Острожскомъ, именно какъ его служебникъ и „справца“ Дерманскаго монастыря, нося и установившееся за нимъ прозваніе Ивана Друкаря. Безъ сомнѣнія, онъ получилъ этотъ монастырь, какъ пожалованіе отъ князя въ виду предстоящихъ трудовъ его—друкаря—по книгопечатанію, подобно тому, какъ прежде за подобные труды получилъ немалую весь отъ Ходкевича. Нѣкоторые изслѣдователи приблизительно къ 1575 г. относятъ извѣстный фактъ пріобрѣтенія княземъ Острожскимъ изъ Москвы списка полной славянской (Геннадіевой)

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. I, №№ XXVII—XXIX.

Библіи, испрошеннаго имъ у царя Ивана Васильевича чрезъ литовскаго посланника Михаила Гарабурду [1]). Возможно, что между этимъ фактомъ и фактомъ призыва княземъ Острожскимъ Ѳедорова на службу къ себѣ есть связь и по существу дѣла, и по времени, т. е. что, получивъ изъ Москвы полный списокъ Библіи, онъ въ слѣдъ затѣмъ призвалъ къ себѣ изъ Львова московскаго книгопечатника съ мыслію о печатаніи Библіи, теперь уже вполнѣ созрѣвшею у князя.

2) Отмѣченные въ изслѣдованіи г. Пташицкаго, на основаніи данныхъ изъ Львовскихъ архивовъ, факты пребыванія Ѳедорова во Львовѣ въ іюлѣ и октябрѣ 1577 г. [2]) должны быть теперь понимаемы такъ, что это были *временныя посѣщенія* имъ Львова,— по дѣламъ своей типографіи, которая оставалась во Львовѣ и по которой велись здѣсь разсчеты, можетъ быть, и по дѣламъ своихъ дѣтей, продолжавшихъ еще жить во Львовѣ, наконецъ и по дѣламъ своего новаго патрона, касавшимся предположеннаго устройства типографіи въ г. Острогѣ [3]). Думаемъ, что свои поѣздки во Львовъ Ѳедоровъ предпринималъ уже не изъ Дермани, а именно изъ Острога, то есть, что онъ послѣ безпокойныхъ годовъ его службы въ качествѣ „справцы“ Дерманскаго монастыря, какими были годы 1575 и 1576, охотно бросилъ эту службу и, согласно желанію князя, переселился въ Острогъ, чтобы заняться подготовленіями къ устройству типографіи. Такимъ образомъ, переселеніе его изъ Дермани въ Острогъ должно было послѣдовать послѣ сентября 1576 г., такъ какъ въ этомъ году и мѣсяцѣ прекращаются сообщаемыя луцкими актами данныя о пребываніи Ѳедорова въ Дермани.

---

[1]) Это мнѣніе высказалъ покойный Филаретъ, арх. Харьковскій, въ своемъ „Обзорѣ Русской духовной литературы“ (Харьковъ, 1859 г., стр. 255). Извѣстно, впрочемъ, что М. Гарабурда, начиная съ 1560 г., отправлялся *нѣсколько* разъ посланникомъ изъ Литвы въ Москву, гдѣ онъ былъ также въ 1570, 1572 и 1573 гг.

[2]) Въ изслѣдованіи г. Пташицкаго эти факты понимаются, какъ указанія на *постоянное* пребываніе Ѳедорова во Львовѣ съ января 1573 г. до означеннаго времени (Тамъ же, стр. 467).

[3]) Въ томъ же изслѣдованіи г. Пташицкаго сообщается, между прочимъ, что во Львовѣ имѣлся у Ѳедорова ученикъ и помощникъ Гринь Ивановичъ, котораго онъ нѣкогда выписалъ изъ Заблудова и отдалъ во Львовѣ въ обученіе маляру Лаврентію Филипповичу, въ теченіе *двухъ* лѣтъ платилъ за обученіе его и затѣмъ въ 1579 г. взялъ съ собою въ Острогъ, гдѣ заключилъ съ нимъ условіе, чтобы онъ работалъ только для его типографіи и безъ воли Ѳедорова не работалъ для другихъ и не устраивалъ своей типографіи.

3) Возможенъ затѣмъ еще слѣдующій выводъ, представляющій особый интересъ. Въ изслѣдованіи г. Пташицкаго цитуется извлеченная изъ „acta advocatialia“ Львовскаго архива документальная запись отъ 22 окт. 1577 г., по которой какой-то сербъ Иванъ изъ Сочавы уничтожаетъ всѣ претензіи, бывшія у него къ Ивану Ѳедоровичу *въ Валахіи и Турціи*. Основательно признавая въ этомъ Иванѣ Ѳедоровичѣ нашего Ѳедорова, встрѣчающагося подъ этимъ названіемъ въ другихъ Львовскихъ актахъ, а также, прибавимъ, и въ Луцкихъ актахъ, г. Пташицкій выражается: „изъ записи слѣдуетъ заключить, что онъ, т. е. Ѳедоровъ, *оставивъ Львовъ, побывалъ въ Валахіи и Турціи*, и уже оттуда отправился къ князю Острожскому“, т. е. отправился *впервые*. Далѣе въ своемъ выводѣ г. Пташицкій не могъ идти. Но теперь мы можемъ идти далѣе, исходя изъ того же, вновь открывшагося изъ Луцкихъ актовъ факта, что Ѳедоровъ еще въ мартѣ 1575 г. поступилъ на службу къ Острожскому въ Дерманъ, откуда послѣ сентября 1576 г. перешелъ въ Острогъ. При наличности такого факта, слѣдуетъ утверждать, что Ѳедоровъ, до октября 1577 г. совершившій путешествіе въ Валахію и Турцію, предпринялъ его не изъ Львова, а изъ Острога, и только на пути туда и обратно посѣщалъ Львовъ. Если такъ, —то возникаетъ вопросъ, для чего Ѳедоровъ могъ путешествовать въ Валахію и Турцію? Безъ сомнѣнія, не для праздnаго любопытства, даже и не для торговли. Всецѣло преданный интересамъ своего художества, своего типографскаго дѣла, онъ могъ путешествовать въ интересахъ только этого дѣла. Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы онъ предпринялъ это путешествіе по своей иниціативѣ и на свой счетъ. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ предпринялъ его по желанію и на счетъ князя Острожскаго, у котораго состоялъ теперь на службѣ. За то интересъ самаго князя въ этомъ дѣлѣ совпадалъ, думаемъ, съ интересомъ Ѳедорова. Имѣя у себя полученный изъ Москвы списокъ Библіи, имѣя опытнаго и ревностнаго книгопечатника, князь не могъ однакоже приступить къ печатанію Библіи. Въ предисловіи къ своей Острожской Библіи 1580—81 г., князь сообщаетъ намъ, что когда бывшіе при немъ книжные люди стали сличать Московскій списокъ и другіе, имѣвшіеся на лице, списки священныхъ книгъ, то оказалось много разностей и поврежденій. Это смутило князя (конечно, онъ и самъ участвовалъ въ сличеніи, самъ видѣлъ разности и поврежденія), и тѣмъ болѣе, что были

лица, порицавшія его намѣреніе, какъ несбыточное или опасное. На нѣкоторое время князь пріостановился съ своею мыслію, но потомъ опять возымѣлъ ее, рѣшившись преодолѣть трудности. Съ этою цѣлію онъ, какъ самъ сообщаетъ намъ, посылалъ нарочныхъ людей въ далекія страны, въ монастыри *греческіе, болгарскіе и сербскіе,* къ самому, напр., Іереміи и на островъ Кандію или Критъ, поручивъ имъ *пріобрѣтать новые болѣе исправные и свидѣтельствованные списки священныхъ книгъ, а также призивать и людей наставленныхъ въ святыхъ писаніяхъ, эллинскихъ и славянскихъ.* И списки священныхъ книгъ и свѣдущіе въ нихъ люди были пріобрѣтены для князя, какъ сообщаетъ онъ въ томъ же предисловіи. Кто были посланцы князя, ходившіе въ разныя страны Востока для пріобрѣтенія этихъ списковъ и для пріисканія свѣдущихъ людей, долго ли они странствовали по тѣмъ странамъ, когда возвратились,—все это осталось неизвѣстнымъ. Не былъ ли въ числѣ ихъ и самъ Ѳедоровъ? Не въ этомъ ли смыслѣ должно понимать фактъ путешествія его въ Валахію и Турцію, открываемый записью въ Львовскихъ acta advocatialia отъ 22 октября 1577 г.? Такое пониманіе кажется намъ весьма возможнымъ. Ѳедоровъ былъ уже опытнымъ странникомъ, привыкшимъ выносить и преодолѣвать трудности странствій. Такимъ образомъ, онъ былъ пригоднымъ для посылки на Юго-Востокъ и, какъ служебникъ князя, могъ быть назначеннымъ для этого. Цѣль посылки могла также быть по душѣ и самому Ѳедорову, потому что была существенно связана съ тѣмъ дѣломъ, которому онъ былъ преданъ всею душею, т. е. съ дѣломъ предстоящаго печатанія священныхъ книгъ. Тотъ сербъ Иванъ изъ Сочавы, который по записи 22 октября 1577 г. уничтожаетъ претензіи, какія имѣлись у него къ Ивану Ѳедоровичу въ Валахіи и Турціи, былъ, представляется намъ, или спутникомъ его въ странствіи, взятымъ изъ Острога (ибо при дворѣ князя были, какъ извѣстно, и сербы), или же найденнымъ во время путешествія пособникомъ по разыскиванію и пріобрѣтенію списковъ священныхъ книгъ въ греческихъ и болгарскихъ монастыряхъ, находившихся въ Валахіи и Турціи.

Съ дѣломъ этого разыскиванія и пріобрѣтенія и вообще путешествія связаны были, по всей вѣроятности, и тѣ претензіи, которыя сербъ Иванъ уничтожалъ записью 22 октября 1577 г., какъ удовлетворенныя. Если все это такъ, то путешествіе Ѳедорова въ Валахію и

Турцію, то есть въ тамошніе греческіе и болгарскіе монастыри, имѣло мѣсто между 15 іюля и 22 октября 1577 г., т. е. между тѣми двумя моментами, въ которые мы застаемъ его во Львовѣ [1]). Трехъ—четырехъ мѣсяцевъ было достаточно для путешествія въ *ближайшіе* греческіе и болгарскіе монастыри Валахіи и Турціи, которыми и могло ограничиться это путешествіе Ѳедорова, при предположеніи, что въ болѣе далекія мѣстности, какъ Царьградъ и Кандію, были отправлены другія лица. Съ признаніемъ факта путешествія Ѳедорова въ греческіе и болгарскіе монастыри Валахіи и Турціи для пріобрѣтенія списковъ священныхъ книгъ, значеніе его труда по печатанію этихъ книгъ еще болѣе возвышается. Если Ѳедоровъ былъ посредникомъ князя по пріобрѣтенію списковъ священныхъ книгъ, то дѣло его по Острожскимъ изданіямъ, какъ изданіе Новаго Завѣта съ Псалтырью 1579 г. и изданіе всей Библіи 1580—81 г.г., не ограничивалось типографскимъ дѣломъ или художествомъ. Онъ могъ принимать участіе въ сличеніи списковъ и *въ нѣкоторыхъ хотя бы и незначительныхъ „исправленіяхъ“* текста по спискамъ, признаваемымъ болѣе древними или исправными. Правда, Острожская Библія напечатана, какъ извѣстно, преимущественно, по одному изъ списковъ Гаппадіевой Библіи 1499 г., полученному княземъ изъ Москвы, съ повтореніемъ и нѣкоторыхъ ошибокъ его. Но есть признаки и нѣкоторыхъ исправленій въ текстѣ Острожской Библіи. Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, участвовавшій въ трудахъ по изданію этой Библіи, конечно, не былъ сильнѣе Ѳедорова для работы надъ этими исправленіями.

4) Предполагаемое путешествіе Ѳедорова въ греческіе и болгарскіе монастыри для пріобрѣтенія списковъ священныхъ книгъ и призыва людей, „наказанныхъ въ святыхъ писаніяхъ эллинскихъ и словенскихъ“, даетъ поводъ къ постановкѣ еще одного вопроса по слѣдующему обстоятельству: извѣстно, что въ Острожской Библіи за предисловіемъ къ ней князя слѣдуетъ молитва его, помѣщенная здѣсь въ двухъ столбцахъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ; въ концѣ же книги—послѣсловіе Ивана Ѳедорова, помѣщенное тоже въ двухъ столбцахъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Это можетъ свидѣтельствовать прежде всего, что въ моментъ

---

[1]) У г. Пташицкаго, тамъ же, стр. 466 и 467.

изданія Острожской Библіи имѣлся на лице въ Острогѣ какой-то грекъ или не-грекъ, а славянинъ, но знавшій греческій языкъ; онъ и могъ перевесть на греческій языкъ и молитву князя и послѣсловіе Ѳедорова и быть пособникомъ при самомъ изданіи священныхъ книгъ, напечатанныхъ здѣсь въ 1579—1581 гг. Естественно предполагать, что онъ былъ изъ тѣхъ людей, „наказанныхъ въ эллинскихъ и словенскихъ писаніяхъ", за которыми князь посылалъ на Востокъ, или же такой человѣкъ найденъ былъ и въ самой Руси юго-западной [1]). Но считая несомнѣннымъ, что этотъ грекъ или не-грекъ, но знатокъ греческаго языка, перевелъ на греческій языкъ молитву князя Острожскаго, находимъ возможнымъ, по поводу греческаго текста послѣсловія Ѳедорова, ставить вопросъ: не успѣлъ ли и самъ Ѳедоровъ нѣсколько ознакомиться съ греческимъ языкомъ? Возможность практическаго ознакомленія съ этимъ органомъ представлялась для него во Львовѣ, гдѣ было немало грековъ, а затѣмъ и въ Острогѣ, гдѣ какъ и указано, были въ данное время грекъ или славянинъ, знавшій греческій языкъ. Стараніе ознакомиться съ греческимъ языкомъ могло быть достигнуто и предполагаемымъ путешествіемъ Ѳедорова въ греческіе и болгарскіе монастыри въ Турціи и Валахіи, а болѣе всего желаніемъ имѣть возможность сколько-нибудь сознательно относиться къ тексту печатаемыхъ священныхъ книгъ въ тѣхъ, хотя бы то и весьма немногихъ, случаяхъ, когда Острожскіе издатели дѣлали *попытки* или, по крайней мѣрѣ, поднялись до возможности сличать недоумѣнныя мѣста славянскаго текста съ греческимъ; князь Андрей Курбскій въ преклонныхъ уже лѣтахъ изучалъ латинскій языкъ для трудовъ по переводу отеческихъ твореній. Не могъ ли Ѳедоровъ возревновать *о пріобрѣтеніи, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго* познанія въ греческомъ языкѣ ради болѣе сознательнаго выполненія своего труда по печатанію священныхъ книгъ, которому преданъ онъ былъ всею душею? Греческій текстъ его послѣсловія, хотя бы и не ему принадлежалъ, не былъ ли однакоже понятенъ ему болѣе, чѣмъ кн. Константину Острожскому греческій текстъ его молитвы?

---

[1]) Большинствомъ историковъ и изслѣдователей, говорящихъ объ Острожской Библіи, повторяется утвержденіе, будто въ трудѣ по изданію ея участвовалъ извѣстный *Кириллъ Лукарисъ*, бывшій, какъ думаютъ, ректоромъ Острожской школы *съ 1580 г.*, т. е. съ и до изданія Библіи. Это ошибочное утвержденіе или просто недоразумѣніе, въ разъясненіе котораго теперь не входимъ, въ надеждѣ сдѣлать его при другомъ случаѣ.

Конечно, нѣкоторое знаніе греческаго языка, если оно было у Ѳедорова, не оказало ощутительнаго вліянія на изданіе Острожской Библіи, какъ не оказало такого вліянія и участіе въ трудахъ по изданію ея и присутствіе при изданіяхъ грека либо славянина, знавшаго греческій языкъ: Библія Острожская, какъ сказано, издана по Московскому списку Библіи 1499 г. [1]). Но заслуживаетъ вниманія, по крайней мѣрѣ, pium desiderium у князя и Ѳедорова обратиться къ греческому тексту для исправленія славянскаго въ имѣвшихся на лице спискахъ Библіи, найденныхъ неисправными. Исполниться это pium desiderium могло только въ послѣдующее время, при другихъ болѣе сильныхъ средствахъ къ тому.

И. Малышевскій.

---

[1]) Что издатели Острожской Библіи имѣли однакоже въ виду греческіе списки священныхъ книгъ,—это видно, между прочимъ, изъ замѣчанія ихъ въ концѣ 3 книги Маккавейской, гдѣ они говорятъ: сей книги не находится ни въ славянской библіи, ни въ латинскихъ и польскихъ, а есть только въ греческой и чешской.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Акты изъ Луцкихъ гродскихъ книгъ, относящіеся ко времени пребыванія Ивана Ѳедорова въ должности „справцы" Дерманскаго монастыря.

I.

Актъ отъ 6 марта 1575 года, сообщающій объ изгнаніи кн. Константиномъ Острожскимъ изъ Дерманскаго монастыря п. Михаила Игнатовича Дчусы и о передачѣ этого монастыря Ивану Ѳедоровичу (Ѳедорову), послѣдовавшихъ 2 марта 1575 г. Этотъ актъ напечатанъ въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи", ч. 1, т. I, № II, стр. 48—51.

II.

Актъ отъ 23 мая 1575 года, сообщающій о первомъ случаѣ занятія крестьянами принадлежавшаго Дерманскому монастырю села Кунина полей села Спасова, принадлежавшаго вдовѣ наивысшаго гетмана великаго княжества Литовскаго Григорія Ходкевича (Луцкая гродская книга за 1575 г. № 2049, л. 186, актъ 58). Этотъ актъ не печатается здѣсь, а цитуется только, какъ указаніе именно на новое дѣло въ спорѣ между жителями селъ Кунина и Спасова, начавшемся уже тогда, когда справцею Дерманскаго монастыря былъ Иванъ Ѳедоровъ, который впрочемъ въ актѣ не упоминается, безъ сомнѣнія потому, что споръ начался помимо его, и Куницы еще не имѣли повода въ своей жалобѣ называть справцу монастыря *Ивана Друкаря*, какъ то они уже дѣлаютъ въ слѣдующихъ за тѣмъ актахъ. Эти акты помѣщаются далѣе цѣликомъ.

№ III.

Свидѣтельство возного по жалобѣ пп. Еска и Василія Спасовскихъ, земянъ п. Виленской, частію о сожженіи, а частію о грабежѣ сѣна на ихъ Спасовской землѣ, а также объ ограбленіи и нанесеніи побоевъ ихъ крестьянамъ Кунинскими крестьянами справцы Дерманскаго монастыря Ивана Друкаря, обѣщавшаго дать удовлетвореніе жалобщикамъ,— 9 августа 1575 года.

Року ҂ахфоє, мѣсяца августа ѳ҃ дня.

Передо мъною, Семеномъ Хребтовичомъ Богуринъскимъ, писаромъ кгродскимъ Луцкимъ, будучимъ на местцу пана Михайла Вильгорского, подстаростего Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Браславского и Веницкого, ставши очевисто, возный повету Луцкого Юрей Рогачовский до книг кгродских Луцкихъ созпал тыми словы: будучи дей мнѣ з уряду кгродского Луцкого приданым на справу пану Еску а пану Василю Спасовским, земяном ее милости панее Виленское, гдеж дня вчерашнего, в понеделокъ, мѣсяца августа осмого дня, маючи я при собе шляхту людей добрых, пана Юря Нарковского, служебника пана Ерека Лотрынковского, старосты Познанского, а пана Мосея Вирховского, за оказованемъ и обвоженемъ панов Спасовскихъ видел есми на кгрунте их Спасовском, на врочищу у Волхова луга, сѣно у двадцати местцахъ попалено и знат, же у копицах стояло; а в другом местцу на покосе лежало; и оповедали мне, возному, и шляхте панове Спасовские, иж дей тое властное сѣно наше, которого было на сорок воз, одно попалили, а другое на возы кладши до домов своих до Кунина отпровадили подданые манастыра Дерманскаго Кунинские; к тому оповедали мнѣ, возному, и шляхте панове Спасовские, иж дей на тот же часъ на кгрунте нашомъ Спасовском на доброволной дорозе, которая идет с Кунина до Спасова, двох подданых наших Спасовскихъ, Ермака и Сидора, подданые ж Кунинские позбивали и поранили; якожем я, возный, видел у Ярмака губу розбитую и два зубы выбито; при котором збитю и зраненю своем тотъ Ермакъ шкод собѣ быти поведал: готовых грошей двадцат литовских, косѣ две, сермяг двѣ, а клячу з возом и с хомутом взято; и кгдыж есмо *до Ивана Друкара, справцы монастыра Дер-*

манского, для прошеня справедливости на служебника его Миколая и на отамана Ивана Шишку, так теж и для тых грабежов, ездили, оный *Иван Друкар, справца монастыра Дерманского*, клячу на рукоемство до права дати приобецал, а о иншия ся дей речи припытати и тые вернуты обецал, так теж обо вси тые кривды и шкоды и о збите и зъранене подданых *Иван Друкар, справца монастыра Дерманского*, зложил паном Спасовскимъ рокъ на служебника своего Миколая а на отамана Кунинского Ивана Шишку от светого Спаса, то ест мѣсяца августа шостого дня, за чотыри недели; а так я тое очевистое сознане возного до книг кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Кн. Кіев. централ. архива № 2049, л. 370 об., актъ 25.

—

IV.

Жалоба отъ имени земянъ п. Виленской (жены Виленскаго каштеляна Григорія Ходкевича) Есифа и Василія Малиновичей—Спасовскихъ о причиненіи побоевъ ихъ крестьянамъ и грабежѣ ихъ имущества справцей Дерманскаго монастыря Иваномъ Друкаремъ, при наѣздѣ его съ слугами, боярами и крестьянами Кунинскими монастырскими на принадлежащее жалобщикамъ с. Спасово,—6 апрѣля 1576 года.

Року ҂аѳоѕ, мѣсяца апрѣля ѕ҃ дня.

Писал и присылал на вряд кгродский Луцкий, до мене, Михайла Вилгорского, подстаростего Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы земли Волынское, старосты Луцкого, Брацлавского и Веницкого, наместник Муравицкий и Кнегиненскій пан Семен Захаревич Симоновский, жалуючи и оповедаючи именем земян ее милости панее своее, панее Виленское, панее Григоревое Ходкевичовое, то ест пана Есифа а пана Василя Малиновичов-Спасовских, на *пана Ивана Друкара, справцу монастыря Дерманского,* иж дей он дня прошлого, в понедѣлокъ, мѣсяца апреля второго дня, в року теперешнем, семдесят шостом, за властным росказанем его милости князя воеводы Киевского, пана своего, маючи при собе помочниками боярина Дерманского Наума Гарабурду, Ивана Рубаника, атамана Белашовского а Мартина Кора-

невича, атамана Куненского, и инших слуг, бояр, подданых монастырских немало, с которыми дей наехавши моцно, кгвалтом на имене тых менованых земян ее милости панее моее Спасово, самых панов и подданых их Спасовских позбивали и поранили, а быдла рогатого двадцатеро, коней двадцатеро; одно овец двадцатеро и двое; сермяг пъят, плахту одну, кожухов два, поясов зъ мошнами два; в которых мошнах было готовых грошей десять; шапки две, сокери дв҃ѣ пограбивши и тепер в себе держат; и просил пан Семен Захаревич Симоновский, наместник Муравицкий и Кнегининский, именем менованых земян ее милости панее Виленское панов Спасовских, абы то было записано. А так я тую жалобу и оповедане его до книг кгродских Луцких записат казалъ.

Кн. Кіев. централ. архива № 2050, л. 97, актъ 129.

—

V.

Жалоба отъ имени земянъ жены Виленскаго каштеляна Маріи Ходкевичевой пана Василія и др. Спасовскихъ о причиненіи побоевъ ихъ крестьянамъ, грабежѣ ихъ имущества и проч. державцей Дерманскаго монастыря Иваномъ Друкаремъ при наѣздѣ его на с. Спасово съ Кунинскими монастырскими слугами и крестьянами,—2 іюля 1576 года.

Року ҳлѳѕ, мѣсяца июля в҃ дня.

Пришодчи на вряд кгродский Луцкий, до мене, Михайла Вилгорского, подстаростего Луцкого, от его милости князя Богуша Корецкого, воеводы землѣ Волынское, старосты Луцкого, Браславъского и Веницкого, земенин велможное ее милости панее Григоревое Ходкевича, панее Виленское, гетмановое навышшое великого князства Литовского, княжны Мари Вишневецкого, пан Иван Василевичъ Спасовский жаловал именемъ отца своего пана Василя Спасовского, такъ теж именем брата своего малодшого Еска Спасовского и иншое брати своее панов Спасовских, тым обычаем, иж дей року тепер идучого, семдесят шостого, мѣсяца июня двадцат шостого дня, в олторокъ, служебник велможного его милости князя Костянтина Острозкого, воеводы Киевскаго, маршалка землѣ Волынское, старосты Воло-

димерского, *Иван Друкар, державца монастыра Дерманского*, наехавши моцно, кгвалтом з слугами и с поддаными своими Кунинскими, а меновите: Мартыномъ, Савкою Кореневичами, Иваномъ Шишкою, Федорцемъ Дудкою и иншими многими поддаными помочниками своими на властный кгрунт ее милости панее нашое под село нашо Спасово, подданых наших позбивали, помордовали и з них сермяги, поясы з мошнами, з грошми и шапки познимали; на первей у Мартинца а в сынов его Ждана и в Тимоша сермягъ три, поясов три з ножами, з мошнами и з грошми, а шапок три отняли; у во Ивана Федоринича сермягу, шапку, пояс, з ножами, з мошною и з грошми отняли; а в Андрѣя Левончича сермягу, шапку, поясъ з ножами, з мошною и з грошми отняли; волов сорокъ осмъ з желѣзы, сокир девят; а готовых грошей в тых менованых подданых наших двѣ копе литовскихъ взяли; плугаторов и погоничов позбивали, помордовали; сермяги и кошули, так теж шапки и поясы з мошнами и з грошми з них познимали; и мало дей на том маючи, отверъпувшися от села, а поехавши до череды нашое, пастухов наших позбивали, помордовали; сермяги, кожухи з них поздирали и ледве их самых з душами попускали; кони, быдло, овцы с череды кгвалтовне побрали, а меновите коней двадцатеро и одно, яловиц одиннадцат, овец тридцатеро трое взяли и то все з собою отпровадили. И просил пан Иванъ Спасовский, именемъ отца своего и братьи своее панов Спасовскихъ, абы то было записано; а такъ я тую жалобу и оповеданне его до книг кгродских Луцкихъ записати казал.

Кн. Кіев. централ. архива № 2050, л. 242 об., актъ 334.

—

VI.

Свидѣтельство вознаго объ осмотрѣ имъ на п. Олехнѣ Спасовскомъ и на Спасовскихъ крестьянахъ побоевъ и ранъ, причиненныхъ имъ слугой п. Ивана Друкаря, и объ отказѣ послѣдняго возвратить заграбленное имущество,—5 сентября 1576 года.

Лѣта Бож. нарож. ҂аѳоѕ, мѣсяца сентебра є҃ дня.

Передо мною, Михаиломъ Вильгоръскимъ, подстаростим Луцкимъ, ставши очевисто, возный повету Луцкого панъ Марко Збран-

ный до книгъ кгродскихъ Луцких созналъ тыми словы, иж за приданнемъ вышеи милости, пане подъстаростий, врядовымъ въ пятницу прошлую мѣсяца августа тридъцать первого дня, маючи я при собе шляхту людей добрых, то есть Федора Житинъского, а служебника пана кашталяна Волынъского Ѳедора оглядал и видел есми у пана Олехна Федоровича Спасовъского на лѣвой руце палецъ середнии мало не оттят; у подданого пана Василя Спасовъского Мацъка Чоботара над лѣвымъ окомъ у брови рана штыховая; у слуги пана Василева Дмитра на правой руцѣ ровно з окомъ рана рубаная; которое зранене менили быти от служебника *пана Ивана Друкара* на имя Гануса; к тому што которые грабежи тогож дня в пятницу, мѣсяца августа тридцать перваго дня, панъ *Иванъ Друкаръ* паномъ Спасовскимъ на кгрунте ихъ Спасовскомъ, за расказаннем его милости князя воеводы Киевского, черезъ пана Юхна Уръвенъского, а через пана Ивана Уездецкого поворочат мел, где панове Спасовские на томъ кгрунте своемъ Спасовском готовы были тые грабежи от пана *Ивана Друкара* взяти, нижъли ихъ панъ *Иванъ Друкаръ* отдати не хотел и не отдал; што панове Спасовские мною, возъным, осветъчили; а такъ я тое очевистое сознане возного до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Кн. Кіев. централ. архива № 2050, л. 394, актъ 521.

„Сыскныя дѣла“ о кладахъ въ XVII в.

Какъ относилось русское общество XVII в. къ памятникамъ родной старины? проглядывало-ли въ этихъ отношеніяхъ что-либо сознательное и ясно мотивированное, или на оборотъ—памятники древности совсѣмъ не привлекали его вниманія, или привлекали только съ внѣшней, матеріальной стороны? какъ отражались тѣ или другія отношенія общества къ старинѣ на дѣйствіяхъ правительства въ этой области? придавало ли правительство—въ XVII вѣкѣ болѣе передовое, чѣмъ общество—какую-либо цѣну памятникамъ древности, или относилось къ нимъ безразлично?

Полагаю, что отвѣты на эти вопросы будутъ не безынтересны и для исторіи русскаго самосознанія, и для исторіи нашей археологіи. Послѣдняя обыкновенно начинаетъ свою исторію съ XVIII в., не рѣшаясь—за отсутствіемъ матеріаловъ—углубляться въ XVII в. и дальше [1]). Между тѣмъ, эти матеріалы встрѣчаются въ архивахъ и ждутъ своихъ изслѣдователей. Напр., въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи мнѣ извѣстны два *„сыскныя дѣла“ о кладахъ*, найденныхъ въ XVII в., и именно—о находкѣ *денежнаго* клада въ *Шацкѣ* въ 7153 (1645) г. [2]) и *вещеваго* клада въ деревнѣ *Кутуковой*, *Старорязанскаго* стана, въ 181 (1673) г. [3]). Послѣднее дѣло особенно обширно (около 150 л.) и наиболѣе любопытно.

---

[1]) См. мою замѣтку „Раскопки клада въ Можайскѣ, въ 1702 г.“ („Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. VII).

[2]) Разрядн. приказа *Владимір. стола* столбецъ № 119, лл. 1—9.

[3]) *Приказнаго стола* столбецъ № 446.

Кромѣ того, въ одной изъ „старыхъ описей“ XVII в. встрѣчаемъ краткое описаніе хранившагося въ 17 в. (1668) г. въ архивѣ приказнаго стола разряднаго приказа „сыскнаго дѣла“ 134 (1626) г. о находкѣ *вещеваго* клада въ *Путивльскомъ* уѣздѣ [1]). Не смотря на всю краткость описи этого документа,—и отсюда можно *извлечь нѣкоторыя данныя*, тѣмъ болѣе любопытныя, что они касаются начала XVII в.

На основаніи этихъ 3 документовъ постараюсь дать посильные отвѣты на вышепоставленные вопросы объ отношеніи русскаго правительства и общества XVII в. къ памятникамъ родной старины. Эти отвѣты должны имѣть нѣкоторую цѣну уже по тому одному, что, будучи основаны на 3 документахъ, относящихся къ тремъ различнымъ годамъ XVII в., раздѣленнымъ промежутками около 20 и около 30 лѣтъ, они представятъ обозрѣніе интересующаго насъ предмета въ хронологической послѣдовательности, обнимающей почти весь XVII в.

I.

Путивльскій кладъ 134 (1626) г.

Опись „сыскнаго дѣла“ о Путивльскомъ кладѣ 134 г. такъ невелика, что привожу ее цѣликомъ:

„Въ числѣ документовъ приказнаго стола Розряда въ 176 (1668) г. хранилось между прочимъ—*„дѣло сыскное“* по *отпискѣ* изъ Путивля селитреного мастера Романа *Гаврилова* въ *находномъ золотѣ* и *серебрѣ*, что на *селитреныхъ варницахъ* прикащикъ ево и работники нашли *въ курганѣ* золота *два прута*, *до 26 плащей*, да *9 персней* золотыхъ, и *пуговицы*, и *иные мелкіе* статьи золотые и серебреные; и то золото и серебро привезено къ Москвѣ въ *Розрядъ*, и *смотрѣно* и *цѣнено*, и по челобитью и *по выпискѣ* то находное золото и серебро *отдано* ему, *Роману*, *на церковное строеніе*“.

Это свидѣтельство любопытно уже въ томъ отношеніи, что указываетъ на одну изъ причинъ безслѣднаго исчезновенія у насъ множества кургановъ, городищъ и селищъ, покрывавшихъ въ прежнее время пространство Россіи въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ какое видимъ теперь. „Селитреное варенье“, для котораго очень „при-

---

[1]) *„Старыя описи“*, кн. № 4, л. 108.—За это любопытное указаніе приношу благодарность г. *А. А. Гоздаво-Голомбіевскому.*

годилась" земля древнихъ кургановъ, городищъ и селищъ, истребило въ XVI—XVII вв. массу этихъ памятниковъ старины. Правительство XVII в., усердно заводившее выработку столь необходимой для того боеваго времени селитры, нерѣдко обращалось къ мѣстнымъ властямъ съ требованіями о розыскѣ кургановъ и городищъ и объ устройствѣ въ сосѣдствѣ нихъ „селитреныхъ варницъ". Напр., въ 138 (1630) г. приказу Казанскаго дворца былъ объявленъ государевъ указъ объ отысканіи въ Тобольскомъ, Томскомъ и др. сибирскихъ уѣздахъ *„старыхъ городищъ и селищъ"*, которыхъ „земля къ селитреному дѣлу пригодилась", и о заведеніи тамъ „селитренаго варенья" [1]). Приказъ Казанскаго дворца немедленно отправилъ о томъ грамоты Тобольскимъ и Томскимъ воеводамъ [2]).

Изъ отвѣтныхъ воеводскихъ отписокъ сохранилась отписка Томскихъ воеводъ, 139 (1631) г., въ которой они сообщаютъ государю, что въ Томскомъ, Нарымскомъ, Кецкомъ и Енисейскомъ уѣздахъ не нашлось „старыхъ городищъ или селищъ, или какихъ *жилищныхъ мѣстъ*, которая-бъ земля къ селитреному дѣлу пригодилась..." [3]).

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла мнѣ не извѣстенъ, но во всякомъ случаѣ и изъ приведеннаго видно, что въ началѣ XVII в. правительство отнюдь не смотрѣло на „старыя городища и селища" какъ на достойныя вниманія и охраны памятники древности: оно цѣнило ихъ съ одной узкой утилитарной точки зрѣнія—какъ богатые склады земли, годной для выдѣлки селитры.

Возвращаюсь къ „сыскному дѣлу" 134 (1626) г. Оно свидѣтельствуетъ, что правительство XVII в. и на *курганы* смотрѣло съ той же практической точки зрѣнія, какъ и относительно городищъ съ селищами; подобно послѣднимъ, и курганы съ разрѣшенія правительства служили для добыванія изъ нихъ земли, годной для „селитренаго варенья".

Въ Путивльскомъ у. въ 134 (1626) г. подобною антиархеологическою раскопкою кургановъ занимался „селитреной мастеръ" Романъ Гавриловъ. Былъ-ли этотъ Гавриловъ правительственнымъ агентомъ по „селитреному варенью" въ Путивльскомъ у., или это было частное лице („селитреной уговорщикъ"), подрядившееся изготовить для государевой

---

[1]) *Сибирск. приказа* столбецъ № 25, л. 100.

[2]) *Ibid.*, лл. 103 и 106.

[3]) *Ibid.*, столб. № 54, л. 1 и слѣд.

казны селитру,—трудно рѣшить. Но судя потому, что опись говоритъ о „приказчикѣ“ Гаврилова, нужно думать, что послѣдній былъ не „казеннымъ селитреннымъ мастеромъ“, а промышленнымъ человѣкомъ. Этимъ же обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что Гавриловъ прямо отписалъ въ Москву о находкѣ клада, не прибѣгая къ посредству мѣстнаго воеводы.

Документъ, къ сожалѣнію, не говоритъ—въ какой именно мѣстности Путивльскаго у. производилъ Гавриловъ „селитреное варенье“ изъ курганной земли. Но не нужно забывать, что весь вообще Путивльскій уѣздъ—одинъ изъ старѣйшихъ уголковъ русской земли, лежавшей на старомъ рубежѣ съ степной окраиной—въ XVII в. долженъ былъ изобиловать курганами, и притомъ очень цѣнными въ археологическомъ отношеніи.

И дѣйствительно, даже изъ краткаго перечня клада, сдѣланнаго описью, ясно видно, что курганъ, разрытый „прикащикомъ и работниками“ Гаврилова,—былъ очень богатъ вещами. Находка состояла *единственно* изъ *золотыхъ* и *серебряныхъ* предметовъ Опись точно перечисляетъ только главнѣйшія изъ найденныхъ въ курганѣ *золотыхъ* вещей: „*2 прута*, да *26 плащей*, да *9 персней*“, затѣмъ она говоритъ о золотыхъ и серебряныхъ „*пуговицахъ*“, не обозначая ихъ количества, и, наконецъ, глухо упоминаетъ объ „иныхъ“ также золотыхъ и серебряныхъ „*мелкихъ* статьяхъ“ (т. е.—предметахъ).

Несомнѣнно и въ наше время кладъ былъ бы названъ богатымъ не въ одномъ прямомъ смыслѣ, но и въ археологическомъ. Погребенные (а ихъ было нѣсколько, судя по количеству „персней“) въ разрытомъ Гавриловымъ курганѣ принадлежали къ богатой народности періода употребленія благородныхъ металловъ.

Что такое представляли собою 2 золотые „*прута*“? было ли это какое оружіе, или украшеніе къ оружію? или какой-нибудь предметъ изъ домашняго обихода—украшеніе, обломокъ украшенія?—трудно сказать. Замѣчу только, что въ XVII в. понятіе о „прутѣ“ было вполнѣ тождественно съ нашимъ представленіемъ о немъ.

Еще труднѣе объяснить значеніе 26 „*плащей*“. Конечно, это не были „плащи“ въ нашемъ смыслѣ—какъ извѣстное одѣяніе (извѣстное впрочемъ и Руси XVII в. подъ тѣмъ же названіемъ), но какъ одѣяніе, преимущественно польское и вообще иноземное.

Въ „росписи“ отписанныхъ на государя „животовъ“ богатаго

торговаго кіевлянина конца XVII в., гречанина Николая Торніота, между прочимъ, показана и „*тесьма* шелковая, на ней *плащи* серебреные вызолочены, съ каменьи“, т. е., вѣроятно, поясъ; радомъ съ этою „тесьмою“ стоитъ „турецкій кушакъ“ [1]). Очевидно, что подъ „плащами“ здѣсь разумѣются какія-то пластинки, которыми была украшена „тесьма“.

Такимъ образомъ, найденные Гавриловымъ 26 „плащей“ должны означать какіе-то плоскіе и широкіе предметы изъ золота, противоположные по своей формѣ узкимъ, круглымъ и тонкимъ „прутамъ“.

Были ли въ Путивльскомъ курганѣ *костяки*?—Несомнѣнно были, хотя опись „сыскнаго дѣла“ и не упоминаетъ о нихъ какъ о предметахъ, далеко отстоящихъ по цѣнности отъ благородныхъ металловъ. Существованіе здѣсь „костяковъ“ необходимо предположить, потому что—судя по курганнымъ раскопкамъ нашего времени—если попадаются курганы съ „костяками“ и безъ вещей, то кургановъ съ обратнымъ содержимымъ—съ вещами, но безъ „костяковъ“—не встрѣчается (исключая, конечно, случаевъ трупосожженія). Присутствіе вещей необходимо предполагаетъ и присутствіе костяка. Полнѣйшее истлѣніе костей, если и встрѣчается, то въ курганахъ самаго древнѣйшаго періода—каменнаго, а никакъ не въ курганахъ позднѣйшаго періода, знакомаго съ выдѣлкою золотыхъ и серебряныхъ вещей. Костяки послѣдняго періода, встрѣчаются въ курганахъ, вскрываемыхъ и въ наше время. Тѣмъ лучше, конечно, сохранялись костяки этого періода болѣе 260 лѣтъ тому назадъ.

На присутствіе костяковъ въ курганѣ 1626 г. указываетъ нахожденіе въ немъ „*9 персней*“ и неизвѣстнаго количества золотыхъ и серебряныхъ „*пуговицъ*“. Послѣднія были, конечно, принадлежностію *платья* курганныхъ людей.

О томъ же свидѣтельствуетъ, наконецъ, и то обстоятельство, что всѣ найденныя вещи были возвращены правительствомъ Роману Гаврилову подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ, согласно его же желанію („по челобитью“ его), употребилъ находку только „*на церковное строеніе*“. Какой смыслъ этого распоряженія?—Очевидно, Гавриловъ встрѣтилъ въ курганѣ костяки и, хотя убѣдился въ отсутствіи здѣсь признаковъ христіанскаго погребенія, тѣмъ не менѣе не

[1]) См. мою замѣтку „Изъ архивн. мелочей о Кіевѣ XVII в.“ въ „Кіев. Старинѣ“, 1889, №№ 5—6, стр. 584.

могъ не почувствовать нѣкотораго уваженія и къ костямъ „нехристей". Это чувство не позволило ему распорядиться найденными вещами на свои мірскія потребности и заставило его отдать ихъ церкви, въ рукахъ которой все неправопріобрѣтенное людьми очищается и становится безгрѣшнымъ. Этотъ взглядъ и сейчасъ можно встрѣтить въ русскомъ народѣ. Гавриловъ же иначе и не могъ смотрѣть на богатство, снятое имъ съ костей покойника. Одно нарушеніе могильнаго покоя издавна причислялось и причисляется русскимъ народомъ къ числу крупныхъ грѣховъ и ставится почти рядомъ со святотатствомъ. Тѣмъ строже относился народъ къ прямому ограбленію могилъ. Очевидно, и Гавриловъ счелъ своимъ невольнымъ грѣхомъ вскрытіе могилы невѣдомыхъ ему покойниковъ и поспѣшилъ „замолить" этотъ грѣхъ пожертвованіемъ всего найденнаго клада „на церковное строеніе".

Какъ же отнеслось правительство къ факту находки Гавриловымъ курганныхъ вещей?—Получивши отписку Гаврилова, Разрядъ приказалъ—или мѣстному воеводѣ, или особо посланному лицу—произвести на мѣстѣ „сыскъ". Какъ производились подобные „сыски", чего они добивались и къ какимъ результатамъ приводили—это будетъ видно изъ послѣдующаго обозрѣнія сохранившихся „сыскныхъ дѣлъ" о кладахъ. Нельзя, однако, не пожалѣть, что до насъ не дошелъ „сыскъ" о Путивльскомъ кладѣ 134 (1626) г.; мы имѣли бы картину первой (извѣстной) курганной раскопки на Руси и получили бы болѣе полное и ясное представленіе о содержаніи раскрытаго Гавриловымъ кургана, такъ какъ въ „сыскѣ" несомнѣнно были раскрыты всѣ обстоятельства раскопки и заключался какъ точный перечень всего найденнаго, такъ и довольно обстоятельная опись предметовъ.

Когда былъ произведенъ на мѣстѣ „сыскъ", его отправили вмѣстѣ со всѣми найденными предметами въ Разрядный приказъ. Здѣсь все „находное" золото и серебро было „смотрѣно и цѣнено".—

Когда же Гавриловъ представилъ „челобитье" о возвратѣ ему находки для употребленія ея „на церковное строенье", разрядъ распорядился сдѣлать „*выписку*" по челобитью, т. е.—навести справки *изъ старыхъ документовъ* о существованіи въ прошломъ подобныхъ случаевъ находки кладовъ и о правительственныхъ распоряженіяхъ въ

такихъ случаяхъ. Государь уважилъ челобитье Гаврилова, не только на основаніи существовавшихъ въ 134 (1626) г. взглядовъ на подобныя находки, но и руководствуясь предыдущею практикою Разряда въ аналогичныхъ случаяхъ, практикою, восходившею до половины XVI столѣтія, если не раньше. Такимъ образомъ, распоряженіе объ отдачѣ найденныхъ въ кладѣ вещей „на церковное строеніе“ можно признать не единичнымъ и первымъ случаемъ въ практикѣ Разряда, но уже установившимся съ теченіемъ времени обычаемъ, хотя и не пріобрѣвшимъ силу и значеніе прямаго закона.

Итакъ, извѣстіе о Путивльскомъ курганномъ кладѣ 134 (1626) г. свидѣтельствуетъ, что на *курганы*, какъ на памятники древности, правительство и общество не обращали вниманія, но *къ содержимому* кургановъ относились довольно *внимательно*: и хотя не придавали археологическаго значенія „находнымъ“ предметамъ, но чувствовали къ нимъ какое-то невольное, безсознательное *уваженіе*. Для начала XVII вѣка и этого зародыша вниманія и уваженія вполнѣ достаточно...

Вотъ все, что можно сказать по поводу краткаго извѣстія о Путивльскомъ кладѣ 134 (1626) г. Перехожу къ слѣдующимъ двумъ фактамъ находки кладовъ, о которыхъ сохранились подлинныя и подробныя „сыскныя дѣла“.

II.

Шацкій кладъ 153 (1645) г.

Въ августѣ 153 (1645) г. Разрядный приказъ получилъ „*отписку*“ Шацкаго воеводы Никиты Дмитріевича Бестужева о находкѣ въ городѣ денежнаго клада. Воевода писалъ государю, что 23 іюля „вѣдомо мнѣ, холопу твоему, учинилось: говорятъ де, государь, въ Шацкомъ *въ мірѣ* многіе люди, что въ Шацкомъ *въ козачьей слободѣ* козакъ пахалъ пашню и на той пашнѣ нашелъ-де онъ кладъ“. Въ тотъ же день воевода потребовалъ въ съѣзжую избу „отаманьевъ“ бѣломѣстныхъ козаковъ Марка Бучева и Григорія Долгова и сталъ разспрашивать ихъ: „хто имянемъ“ изъ козаковъ нашелъ кладъ, и *какой кладъ*, и въ которомъ *мѣстѣ*, и о кою *пору*, и въ которомъ числѣ, и вамъ про то вѣдомо-ль“?

Атаманы „въ распросѣ сказали“: „слухомъ-де они слышали, что говорятъ у нихъ въ козачьей слободѣ многіе люди: пахалъ де Бори-

совской станицы Кочюкова козакъ Овдокимка *Каревъ* съ дѣтьми своими съ 3 сыны пашню подъ рѣпу, и на той де онъ пашнѣ нашолъ *кладъ*, а какъ великъ и какой кладъ—того имъ не вѣдомо". Они знаютъ только, что послѣ Карева на той же его пашнѣ „находили разные люди того кладу *деньги не рускова дѣла*". Такъ, Бучевъ видѣлъ *копейку* у козака Проньки Григорьева сына *Мѣденово-Языка* (прозвище), а Долгову такую же „копейку" показывалъ конской пастухъ Никита Михайловъ Кривоносовъ.

Распросивши атамановъ, Бестужевъ „поставилъ передъ собою въ съѣзжей избѣ" казака Евдокимка Карева, съ дѣтьми, съ женою и съ снохами, а также и другихъ людей, находившихъ деньги на пашнѣ Карева. Воевода снялъ со всѣхъ *„распросныя рѣчи"* („сыскъ"), посланныя вмѣстѣ съ отпискою въ Разрядъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи пользуюсь данными какъ этихъ распросныхъ рѣчей, такъ и воеводской отписки.

Каревъ показалъ, что дѣти его (пасынки) пахали пашню подъ рѣпу, но онъ самъ въ этой работѣ не участвовалъ и *„кладу не нахаживалъ*, а дѣти мои на пашнѣ какой кладъ нашли или нѣтъ—того не вѣдаю": дѣти ничего ему „не объявили" о найденныхъ деньгахъ.

Старшій пасынокъ Петрушка *Микитинъ* сознался въ находкѣ денегъ, о которой разсказывалъ такъ: въ канунъ Троицына дни пахалъ онъ, вмѣстѣ съ младшими братьями Никифоромъ и Михѣйкомъ, „на *Соломеной горѣ*" пашню подъ рѣпу—„ажно на той пашнѣ *появились деньги*, невѣдомо какіе, *не рускова дѣла*, и я съ братьями тѣхъ денегъ собрали *алтынъ съ десять* или больши". Деньги они принесли домой, но никому не объявили о находкѣ—ни вотчиму, ни матери, ни женамъ своимъ, а „схоронили деньги у себя на дворѣ за избою, у огородныхъ воротецъ, и нынѣ тѣхъ денегъ *найти не умѣемъ* и того мѣста не узнаемъ".

Младшій братъ Михѣйко показалъ вполнѣ согласно съ старшимъ. Но средній—Никифоръ Микитинъ выдалъ старшаго брата и сознался, что о деньгахъ они объявили и матери, и женамъ (двухъ старшихъ братьевъ), только вотчиму не сказали. О самой находкѣ Никифоръ показалъ согласно съ Петромъ, только добавилъ что „о тѣ поры многіе люди около насъ пашню пахали и того нихто не видали".

Мать ихъ Соломонида, жена Евдокима Карева, подтвердила, что

дѣти ея не говорили о деньгахъ вотчиму своему, но ей и женамъ своимъ сказали, а куда спрятали деньги—того она не вѣдаетъ.

Овдотьица и Марьица, жены Петра и Никифора, согласно съ мужьями разсказали о находкѣ ими денегъ (когда „*драли* на пашнѣ *залогъ*“) и объяснили, что „свекру Овдокиму тѣхъ денегъ не объявили, потому что онъ мужикъ-бражникъ“...

Карева и пасынковъ его воевода „велѣлъ дать за приставы“. Допросъ пасынковъ, ихъ женъ и матери происходилъ 25 іюля. Но еще 23 іюля (послѣ допроса Карева) воевода посылалъ 2 подъячихъ съѣзжей избы Ивашку Байкова и Одоньку Хлѣбникова, атамановъ М. Бучева и Гр. Долгова, да 2 казаковъ и велѣлъ имъ—„*обыскать* Овдокимовъ *дворъ* Карева для того кладу и дѣтей его взявъ привести въ съѣзжую избу. И Овдокимовъ дворъ Карева *обыскиванъ*, и ничего не нашли“, равно какъ и дѣтей не встрѣтили во дворѣ. Мать ихъ сказала, что они на пашнѣ (только 25 іюля они вернулись и были допрошены).

Возвращаясь со двора Карева, подъячіе и атаманы „съ понятыми“ проходили мимо двора казака Левонтія Лукьянова—„ажно онъ Левонтей стоитъ на улицѣ у своихъ воротъ, а съ нимъ стоитъ казакъ Емелька Черемисиновъ. И учалъ тотъ казакъ Левонтей спрашивать: зачѣмъ-де вы ходите и для каково поличново—не для-ль-де вы ходите Карева кладу?—И взялъ (Левонтей) къ себѣ на дворъ и учалъ говорить: ходили-де мои робятка съ Омельяновыми робятки Черемисинова на пашню, а въ которой день—того не упомню; и послышали де они, „что Каревъ съ дѣтьми нашли деньги на своемъ „рѣпищѣ“, на Соломенной горѣ. „Робятки мои“—дочь дѣвка Овдотьица да сноха Ѳетиньица—пошли на пашню Карева „и нашли *9 копеекъ*“, которыя и отдали Левонтью.

Черемисиновъ сказалъ, что и его „робятка“—Куземка да Панька—„о тѣжъ поры нашли на томъ же мѣстѣ *12 копеекъ*“ и передали ему.

„Да тутъ же принесла“ на дворъ Левонтья и отдала подъячимъ *4 копейки* Дарьица, жена Корнѣя Черемисинова, объявивши: „шла де она съ дочерью черезъ пашню Карева и *подняла* на той пашнѣ 4 копейки“.

Всѣ эти „находныя деньги (25 копѣекъ, представленныхъ Лукъ-

яновымъ, Черемисиновымъ и Дарьей) у нихъ взяты (подъячими) и принесены въ съѣзжую избу".

26 іюля стали являться, повидимому добровольно, въ Шацкую съѣзжую избу разныя лица, находившія деньги на Каревской пашнѣ. Первыми принесли казаки—„конной пастухъ" Микита Кривоносовъ и Екимко Будановъ, которые разсказывали: „ходило-де насъ робятъ 7 человѣкъ по ягоды", или черезъ пашню Карева, о которой уже знали въ казачьей слободѣ („слухъ былъ"), что дѣти Карева нашли тамъ кладъ. Когда „робята" подошли къ пашнѣ Карева, то увидѣли, что „на той пашнѣ толока великая". Всѣ взялись внимательно разсматривать землю и двое изъ нихъ (Кривоносовъ и Будановъ) „*подняли*" на той пашнѣ по копейкѣ, „а остальные ихъ товарищи" не нашли ничего.—„И тѣ у нихъ 2 копейки взято".

Тогда же принесъ въ съѣзжую избу 1 „копейку нерускова дѣла" („и та у него копейка взята") полковаго казака сынъ „Савка Павловъ, „а сказалъ": за 3 дня до Ильина дня „ходилъ я въ лѣсъ по лыки, и иду съ лыки ко двору—ажно на Овдокимовой пашнѣ Карева робятъ-дѣвочекъ съ десять роютъ землю, и я ихъ спросилъ: чево вы ищите?—и они мнѣ сказали: тутъ де казакъ Овдокимко нашолъ кладъ.—И я межъ ими поднялъ копейку, да и пошолъ отъ нихъ прочь".

„Пронька Григорьевъ сынъ, *прозвище Мъденово Языка*", казакъ станицы Марка Бучева", принесъ копейку и сказалъ: шелъ онъ какъ-то „съ покосу" и повстрѣчался съ казакомъ Лунькой Шелудяковымъ, который показывалъ ему „копейку нерусково дѣла", найденную имъ на пашнѣ Карева; Пронька взялъ у Луньки копейку, чтобъ показать ее „стороннимъ людемъ", принесъ въ казачью слободу и показывалъ атаману Бучеву и инымъ казакамъ, а теперь представляетъ ее воеводѣ.

Шелудяковъ объяснилъ, что на 3-й день „послѣ Петрова дни" шелъ онъ изъ лѣсу черезъ пашню Карева и видитъ „на той пашнѣ невѣдомая какая великая толока, и я пришолъ тое толоки смотрѣть, ажно тутъ лежитъ копейка—неруское дѣло". Онъ поднялъ ее и пошелъ въ казачью свободку, гдѣ „сказалъ" ее многимъ казакамъ, а на другой день передалъ Пронькѣ Мѣденому-Языку.

Наконецъ, казакъ Любимка Роговъ принесъ 1 копейку и разсказалъ: стоялъ онъ „въ казачьихъ въ острожныхъ воротѣхъ на ка-

раулѣ" и слышалъ отъ многихъ проходившихъ казаковъ о находкѣ Каревымъ клада. „На завтрея", освободившись отъ караула, Любимка пошелъ на пашню Карева „нарокомъ" (нарочно), и на той пашнѣ „толока велика, и я на той толокѣ поднялъ копейку нерусково дѣла". Когда онъ показывалъ копейку многимъ казакамъ и объяснялъ, гдѣ и какъ нашелъ ее, услышалъ это Каревъ и за то „меня лаялъ при многихъ людѣхъ всякою неподобною лаею—матерны, и хотѣлъ было я тое копейку объявить (раньше) воеводѣ въ съѣзжеѣ избѣ, да за тѣмъ не объявилъ, что зашла дѣловая пора. И та у него копейка взята".

Такимъ образомъ 26 іюля воевода получилъ 5 „копеекъ" изъ Каревскаго клада, а съ принесенными раньше составилось всего 30 копеекъ, *по щету*—10 алтынъ" (т. е. переведя эти 30 „копеекъ нерусково дѣла" на русскій счетъ).

28 іюля явились въ съѣзжую избу Соломонида Карева и принесла „*находныхъ* денегъ по щету—13 алтынъ 2 деньги (сколько и именно принесла она „копеекъ"—не сказано), а сказала, что она тѣ деньги нашла съ своими снохами у себя на дворѣ, что дѣти ее хоронили".

Послѣ этого Каревъ съ пасынками освобождены „изъ-за пристава" и отданы „на крѣпкія поруки съ записьми, до государева указу"..

5 августа 153 (1645) г. Бестужевъ отправилъ въ разрядъ свою „отписку" и „распросныя рѣчи", вмѣстѣ съ „находными деньгами" (на 23 алтына 2 деньги).

На отпискѣ читаемъ такой приговоръ государя: „*государь, слушавъ* сеѣ отписки, указалъ отписать: велѣть того казака, которой *будто* нашолъ кладъ—свободить и ничего надъ нимъ чинить не велѣлъ, а деньги отдалъ держать подъячему Матвѣю Култыкову.

Царская грамота Шацкому воеводѣ, отъ 18 августа 153 (1645) г., увѣдомляя о полученіи присланныхъ воеводою „находныхъ *татарскихъ денегъ*"—23 алтынъ 2 денегъ, говоритъ: „и мы *для* блаженные *памяти отца нашего*, великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, казака Овдокима Карева пожаловали—велѣли ево съ дѣтьми въ томъ дѣлѣ учинить свободныхъ" и „поручную запись, что по нихъ взята въ томъ дѣлѣ, имъ выдать"....

Внизу текста грамоты стоитъ помѣта: „а деньги отданы подъячему Матвѣю Култыкову“.

Что же это былъ за „*кладъ*“? какъ онъ *найденъ*? и какъ *отнеслось* къ факту находки *правительство* въ лицѣ мѣстной и московской администраціи?

Мѣстность находки клада опредѣлена довольно точно: онъ найденъ на *Соломенной* горѣ, вблизи *казачьей* слободы города Шацка. Лица, знакомыя съ топографіей Шацка въ XVII в. и современной, вѣроятно, могутъ и сейчасъ опредѣлить эту мѣстность. Что такое Соломенная гора? не было ли здѣсь какого-либо древняго городища, или вообще укрѣпленія? не связано-ли съ этою горою какихъ-нибудь преданій о *татарахъ* („находныя деньги“, по опредѣленію Разряда, были „татарскія“), или другихъ инородцевъ.

Какъ бы тамъ ни было, но на этой Соломенной горѣ, на пашнѣ казака Карева пасынки его „драли залогъ“, т. е. вспахивали землю, уже нѣсколько лѣтъ не паханную. Повидимому, земля эта давно уже лежала „въ залогѣ“; какъ только Каревы начали ее пахать, сейчасъ же и обнаружились на поверхности „*копейки*“. Предыдущее вспахиваніе этой земли также должно было обнаружить деньги и, если бы оно было недавно, то память объ этой прежней находкѣ жила бы среди населенія. Но въ 153 (1645) г. никто изъ участниковъ въ находкѣ клада ничего не заявилъ о случаяхъ отыскиванія денегъ на пашнѣ Карева въ прежнее время.

Всѣ показанія „сыскныхъ людей обнаружили, что найденныя пасынками Карева и др. казаками „копейки нерусково дѣла“ лежали *не глубоко* въ землѣ. Первые находчики—братья Микитины, пасынки Карева, заявили, что когда они пахали, то на пашнѣ вдругъ „*появились* деньги“. Другія показанія говорятъ тоже самое: Дарья Черемисинова „*поднела* на той пашнѣ 4 копейки“, Кривоносовъ и Будановъ „*подняли*“ 2 копейки, Шелудяковъ увидѣлъ, что на пашнѣ *лежитъ* копейка и проч.

Но когда слухъ о кладѣ распространился по казачьей слободѣ (повидимому, секретъ о кладѣ держался строго между слобожанами и не выходилъ за предѣлы слободы, по крайней мѣрѣ, въ „сыскѣ“ встрѣчаемъ только казаковъ съ ихъ семьями) и всѣ—взрослые и дѣти—бросились отыскивать „копейки“; деньги, лежавшія на поверхности, были уже подобраны, и новымъ кладоискателямъ приходилось

рыть землю. Такъ, казачій сынъ Савка Павловъ видѣлъ, что на пашнѣ Карева „робятъ-дѣвочекъ съ десять *роютъ землю*“. Нашли ли что-нибудь дѣвочки—не извѣстно, но Павловъ „межъ ими“, т. е. на взрытой ими землѣ „поднялъ копейку“.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что „копейки“ лежали не на одномъ уровнѣ: часть найдена въ томъ пластѣ земли, который подняла соха пасынковъ Карева, другія копейки лежали ниже.

Деньги лежали не въ одной кучѣ, всѣ вмѣстѣ, но были *разбросаны* въ разныхъ углахъ пашни Карева—отдѣльными кучками и одиночными экземплярами. Самую большую кучу нашли пасынки Карева. Воевода Бестужевъ почему-то не упомянулъ ни разу—сколько именно они нашли „копеекъ“. Но онъ перевелъ ихъ находку на русскій „щетъ“ и—вышло, что Каревы нашли „копеекъ“ на 13 алтынъ 2 деньги. Находку же другихъ казаковъ воевода точно подсчиталъ: оказалось „30 копеекъ нерусково дѣла“, а по русскому „щету“=10 алтынамъ. Слѣдовательно, на 13 алтынъ 2 деньги (находка Каревыхъ) должно пойдти больше „копеекъ“—около 40 к.

Итакъ Каревы нашли около 40 „копеекъ“. Другіе казаки, ихъ жены, дѣти и пр. находили затѣмъ въ разное время гораздо меньшія кучки „копеекъ“— въ 9 штукъ, 12, 4 и 2 штуки. Наконецъ, 3 лица нашли по 1 копѣйкѣ. Несомнѣнно отсюда, что найденныя монеты были разбросаны по полю въ разныхъ мѣстахъ.

Мы насчитали около 70 монетъ. Но въ дѣйствительности ихъ было найдено гораздо больше: эти 70 монетъ кладоискатели представили воеводѣ, а сколько же „находныхъ“ денегъ было припрятано?—Изъ „сыска“ видно, что если одни казаки повидимому добровольно являлись въ съѣзжую избу и передавали воеводѣ находныя деньги (а можно ли поручиться, что они доставляли *все* найденное ими?), то другіе (и прежде всего пасынки Карева, обнаружившіе кладъ) отдавали деньги весьма неохотно и часть ихъ припрятывали.

При томъ же, „сыскъ“ былъ произведенъ довольно небрежно: кромѣ семейства Каревыхъ и казачьихъ атамановъ, воевода болѣе никого не призывалъ въ съѣзжую избу, и остальные „сыскные люди“ сами являлись къ воеводѣ и приносили ему находныя деньги. Да и вообще „сыскныхъ людей“ было очень мало. Между тѣмъ, число кладоискателей было такъ велико, что по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда искали денегъ—вся пашня Карева представляла такую „*толоку* вели-

кую" по показаніямъ свидѣтелей, что невольно бросалась всѣмъ въ глаза и говорила, что здѣсь перебывала масса людей. Но изъ всей массы было спрошено всего 18 человѣкъ! Савка Павловъ встрѣтилъ однажды на Каревской пашнѣ около 10 „робятъ-дѣвочекъ", рывшихъ землю. Самъ онъ нашелъ „межъ ими" 1 копейку. Необходимо допустить, что и дѣвочки нашли нѣсколько монетъ. Между тѣмъ, ни одна изъ нихъ не была допрошена воеводою, хотя это вовсе не были малолѣтки; казакъ Л. Лукъяновъ причислилъ къ „робяткамъ" и свою сноху, т. е—уже замужнюю женщину. Слѣдовательно, слово „робята" употреблялось въ то время въ Шацкѣ въ смыслѣ вообще „дѣтей", хотя бы и взрослыхъ (въ этомъ же смыслѣ слово „робята" примѣнялось и къ женщинамъ).

Найденныя монеты, очевидно, лежали въ землѣ безъ всякаго прикрытія сосудомъ и т. п. Полагаю, что если бы такое прикрытіе было найдено вмѣстѣ съ деньгами, о немъ кто-нибудь изъ сыскныхъ людей промолвился бы. Между тѣмъ на это и намека нѣтъ въ „распросныхъ рѣчахъ".

Ни кладоискатели, ни воевода не могли опредѣлить точно—съ какими деньгами они имѣютъ дѣло. Они поняли только, что это *„деньги нерусково дѣла"*. Слово же „копейка" въ примѣненіи къ найденнымъ деньгамъ они употребляютъ какъ обозначеніе единицы монетъ. Были-ли эти „копейки" серебряныя или мѣдныя, „сыскное дѣло" не говоритъ.

Въ Москвѣ же, въ Разрядномъ приказѣ, Шацкія „копейки" были опредѣлены какъ *„татарскія деньги"*. Несомнѣнно, это были *старинныя* „татарскія деньги"—можетъ быть царства Монгольскаго. Если бы же это были современныя татарскія деньги, напр. Крымскаго царства, то вѣроятно нашлось бы въ порубежномъ Шацкѣ среди ратныхъ людей не одно лице, знакомое съ новыми татарскими деньгами.

Вотъ и всѣ тѣ немногія данныя о Шацкомъ кладѣ 153 (1645) г., какія даетъ намъ „сыскное дѣло" о немъ. Хотя мы видѣли, что „сыскъ" производился воеводою Бестужевымъ недостаточно обстоятельно (напр. еще: воевода не позаботился самъ лично или чрезъ посланныхъ лицъ осмотрѣть мѣсто находки клада—пашню Евдокима Карева), тѣмъ не менѣе въ общемъ выходитъ, что находка клада казаками не прошла незамѣченною воеводою. По одному говору въ Шацкомъ „мірѣ" онъ поспѣшилъ произвести сыскъ и немедленно

отписалъ о томъ въ Разрядный приказъ. Сыскъ произведенъ имъ безъ предварительнаго испрашиванія у Разряда разрѣшенія на то. Такъ поступали воеводы или въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства и требовавшихъ въ интересахъ дѣла немедленнаго распоряженія мѣстной власти, или же въ тѣхъ случаяхъ, когда административная практика разрѣшала имъ производство „сыска", не испрашивая на то разрѣшенія Разряда. Здѣсь въ дѣлѣ о Шацкомъ кладѣ необходимо предположить оба мотива: съ одной стороны—слѣды клада могли совсѣмъ исчезнуть, если бы воевода промедлилъ съ производствомъ сыска, съ другой же—сыски о кладахъ не были уже въ половинѣ XVII в. дѣломъ необычнымъ, требовавшимъ предварительнаго разрѣшенія Разряда (мы знаемъ о сыскѣ 134 (1626) г., а несомнѣнно были и другіе сыски). Самостоятельное производство воеводою Бестужевымъ „сыска" о кладѣ ясно говоритъ, что подобные *сыски о кладахъ* уже начали входить въ кругъ *обычныхъ обязанностей воеводскаго управленія* половины XVII в. Слѣдовательно, въ это время „сыскныя дѣла" о кладахъ увеличились, то есть—увеличилось и смутное пока стремленіе русскаго общества того времени къ памятникамъ старины...

Итакъ, о воеводѣ Бестужевѣ можно сказать, что вообще онъ отнесся довольно *внимательно* къ Шацкому кладу. Но центральная администрація—Разрядный приказъ—обнаружила гораздо меньшую долю вниманія: „сыскомъ" воеводы приказъ вполнѣ удовлетворился и ничѣмъ не пожелалъ его дополнить.

„Находныя татарскія деньги", полученныя Разрядомъ отъ воеводы, были переданы разрядному подъячему Матвѣю Култыкову, очевидно—на храненіе. Врядъ-ли, впрочемъ, это храненіе было продолжительно: по всей вѣроятности, „находныя" въ Шацкѣ „копейки" были употреблены на какое-нибудь дѣло—были перелиты на московскія деньги и т. п. Если же они и долго хранились, то, конечно, не изъ археологическаго уваженія къ нимъ, но просто вслѣдствіе невозможности сдѣлать изъ нихъ какое-нибудь житейское употребленіе.

—

Кстати слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что сохранилось еще одно краткое извѣстіе о находкѣ *денежнаго клада* въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи. Въ описи документовъ Приказнаго стола Разряда за *167* (*1659*) *г.*, между прочими, встрѣчаемъ такіе документы:

„Отписка изъ Танбова, что писалъ къ великому государю окольн-

ничій кн. Иванъ Дмитреевичъ *Пожарской* и прислалъ *судное дѣло*, что *искалъ* въ Тамбовѣ предъ стольникомъ и воеводами предъ Иваномъ Полевымъ да предъ Васильемъ Лихаревымъ Тамбовскаго уѣзду *Верхоценской* волости с. *Романова* крестьянинъ Васка Ѳоминъ сынъ прозвище *Шоруха* тое жъ волости с. *Устья* на крестьянинѣ на Томилкѣ *Судоплатовѣ*: въ прошлыхъ де годѣхъ тотъ Томилко *нашолъ въ землѣ поклажей—старые деньги*. И то дѣло вершено" [1]).

Очевидно, нынѣшняя Тамбовская губ. въ XVII в. была довольно богата кладами, особенно денежными. Очень жаль, что извѣстіе о Верхоценскомъ „поклажеѣ" (кладѣ) слишкомъ кратко, такъ что нельзя сдѣлать здѣсь никакихъ выводовъ. Слѣдуетъ только заключить, что если крестьяне завели „судное дѣло" о найденныхъ „старыхъ деньгахъ", значитъ—кладъ былъ достаточно великъ, чтобы возбудить къ себѣ такой интересъ. Споръ между Шарухой и Судоплатовымъ изъ-за вопроса о правѣ владѣнія кладомъ возникъ, нужно полагать, оттого, что кладъ повидимому былъ найденъ на спорной землѣ—на границѣ между землями сс. Романова и Устья.

III.

Кутуковскій кладъ 181 (1673) г.

Обширное „сыскное дѣло" о находкѣ въ 181 (1673) г. вещеваго клада въ дер. *Кутуковой*, *Старорязанскаго* стана, *Переславль-Рязанскаго* уѣзда, сохранилось въ архивѣ безъ начала и конца [2]). Уцѣлѣлъ собственно самый *„сыскъ"* о находкѣ клада (и то безъ начала), производившійся въ Старорязанскомъ стану особой коммиссій, посланной изъ Москвы. „Сыщиками" были назначены—стольникъ Андрей Михайловичъ *Борисовъ-Бороздинъ* и подъячій *Приказа Тайныхъ Дѣлъ* Перфилій Ѳедоровичъ *Оловениковъ*. Комиссія, засѣдавшая „на съѣзжемъ дворѣ" въ с. *Устороні* (того же стана) и имѣвшая въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ подъячихъ, стрѣльцовъ и др. лицъ, произ-

---

[1]) *„Старыя описи"*, кн. № 4, л. 313 об.—За указаніе этой записи приношу благодарность *А. А. Гоздаво-Голомбіевскому*.

[2]) На одномъ изъ заглавныхъ листовъ дѣла стоитъ такая помѣта (судя по почерку XVII в.): „присланной *столникъ* съ *Резани*, а въ немъ—распросы разныхъ чиновъ людей о старинной золотой и серебряной поклажи, *начала нѣтъ*, 181 (1673) году".

водила „сыскъ“ въ августѣ 181 (1673) г. и заключила его въ сентябрѣ 182 (1674) г.

По чьей иниціативѣ была назначена эта коммиссія Бороздина и Оловеникова?—Прямого отвѣта нельзя дать, такъ какъ не уцѣлѣло ни самого начала сыска (не достаетъ 2—3 листовъ, на которыхъ находилось предисловіе сыска, гдѣ несомнѣнно были высказаны мотивы возникновенія дѣла), ни документовъ, предшествовавшихъ сыску и послѣдовавшихъ за ними. Впрочемъ, въ самомъ „сыскѣ“ есть намеки на то, что дѣло о Кутуковскомъ кладѣ поднято по иниціативѣ частнаго лица.

Кладъ былъ найденъ крестьянами дер. Кутуковой, принадлежавшей Ѳедору *Ртищеву*, но на землѣ не Ртищева, а сосѣднихъ помѣщиковъ с. *Усторони* Елисея Садоѳьева *Житова* „съ товарищи“. Земля, повидимому, была спорная: владѣлъ ею Житовъ и др. Усторонскіе помѣщики, но и Кутуковскіе крестьяне предъявляли на нее какія-то права. Обѣ стороны ждали „писца“, который долженъ былъ при переписи земель рѣшить вопросъ о принадлежности спорной земли той или другой сторонѣ. Кутуковскіе крестьяне даже проговорились во время сыска Бороздина, что они собираются подкупить „писца“ и при его помощи отнять землю у Житова... Вообще, между Житовымъ и другими Усторонскими помѣщиками (Беклемишевымъ и пр.), съ одной стороны, и Ртищевымъ и его Кутуковскими крестьянами, съ другой—издавна шла „ссора большая за вотчинныя дѣла“ вообще. Въ частности, предметомъ ссоры была и та земля, на которой найденъ кладъ.

Житову не пришлось воспользоваться кладомъ: львиною долею его овладѣлъ Ртищевъ, меньшая часть осталась въ рукахъ Кутуковскихъ крестьянъ, а Житову ничего не досталось. И вѣроятно онъ подалъ царю челобитную на крестьянъ. Онъ подаетъ Бороздину словесные „извѣты“ на Кутуковскихъ и др. крестьянъ, отыскиваетъ и указываетъ коммиссіи кладоискателей, скупщиковъ вещей клада, свидѣтелей и пр., ловитъ по уѣзду разные слухи о кладѣ и обо всемъ докладываетъ сыщикамъ и пр. и пр. Словомъ, онъ играетъ въ сыскѣ самую видную роль, всѣ шаги которой направлены къ тому, чтобы доказать свои права на Кутуковскій кладъ и опредѣлить размѣры и стоимость клада. Несомнѣнно, Житовъ преслѣдовалъ здѣсь чисто практическую цѣль—завладѣть тѣмъ богатствомъ (а кладъ, какъ уви-

димъ, дѣйствительно былъ очень богатъ), какое было найдено на его землѣ, но которое миновало его рукъ.

—

Сыскъ Бороздина и Оловеникова о Кутуковскомъ кладѣ 181 (1673) г. начинается съ отрывка разспросныхъ рѣчей крестьянина дер. Кутуковой Васьки *Ломова*, пасынокъ котораго Обрашко *Серпьевъ* былъ именно лицемъ, открывшимъ кладъ. Вотчимъ Обрашки показывалъ, что „*золото* и *серебро*“ было найдено Обрашкою „въ рч. *Мариченкѣ*, потому что *берегъ* въ томъ мѣстѣ *обвалился*, а *погребъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ серебро и золото имали, былъ ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ“. Обрашка передалъ вотчиму 12 золотыхъ и серебряныхъ „*прутовъ*“, которыхъ Ломовъ „по *торжкамъ* на продажу не важивалъ и никому не продавывалъ“.

За этимъ отрывкомъ слѣдуетъ вполнѣ уцѣлѣвшее показаніе *Парашки*, жены Васьки Ломова: по ея словамъ—кладъ найденъ сыномъ ея Обрашкою на другой день Георгіева дни 181 (1673) г., 24 апрѣля, когда онъ пасъ съ товарищами на полѣ „животину“. Обрашка принесъ матери „*12 брусковъ* въ *слиткахъ*, да 13-е мѣсто *слиточекъ* небольшой, а серебро-ль или золото было—того она не вѣдаетъ“. Онъ разсказывалъ, что „тѣ бруски и брусочекъ *поднялъ* въ *овражкѣ* у рч. Мариченки“. Мужъ Парашки былъ въ это время въ городѣ Михайловѣ. Въ его отсутствіе явился къ ней провѣдавшій о кладѣ приказчикъ Ѳ. Ртищева Гришка *Максимовъ* и „тѣ бруски и слиточекъ изъ кадушки вынялъ и *взялъ* къ себѣ, а больши-де того *серебра прутового* и *волоченаго*, и *плитъ* и *чепей* золотыхъ, и иной никакой *казны* сынъ еѣ Обрашка къ ней, Парасковкѣ, не принашивалъ, и мужъ еѣ Васька и сынъ Обрашко ни съ кѣмъ никакой *старинной казны* не выимывали, и отцу своему духовному попу *Тарасу 3 прутовъ* серебра она не показывала, и про *погребъ* что съ *поклажею*, никому не сказывала, и по торжкамъ и по ярмонкамъ мужъ еѣ Васька серебра не важивалъ и не продавывалъ“....

Интересно показаніе *Обрашки Серпьева* („малой“ лѣтъ 16-ти) объ открытіи имъ клада: „нынѣшнимъ лѣтомъ пасъ онъ, Обрашко, животину той же деревни (Кутуковой) съ крестьянскими дѣтьми съ Гришкою Юдкинымъ, съ Максимкою Лишениномъ съ Терешкою Ивановымъ, съ Евтюшкою Ѳектистовымъ, съ Самошкою Тарасовымъ, съ

Аношкою Брылевымъ, съ Першкою Давыдовымъ, и пошелъ отъ нихъ къ рч. *Маричинкѣ* пить; и у той де рѣчки, у берегу, къ Елисѣевой землѣ *Житова* съ товарищи, *поднялъ* онъ, Обрашко, *6 брусковъ серебра въ песку* и поднявъ сказалъ товарищамъ своимъ. И тѣ де товарищи ево съ нимъ, Обрашкою, пошли къ тому же мѣсту къ рч. Мариченкѣ, и (Обрашко) *поднялъ 6-же брусковъ* да *слитокъ золота*; и товарищи ево въ то время подняли: Терешка—*4 бруска серебра*, Максимко—*3 бруска*. Гришка Юдинъ—*4 бруска*, Аношка Брылевъ—*1 брусокъ*, Евтюшка Ѳектистовъ—*2 бруска*, Самошко Тарасовъ—*3 бруска*, Першка Давыдовъ—*2 бруска*. „И то де серебро *12 брусковъ* да слитокъ *золота* отдалъ (Обрашко) вотчиму своему Васькѣ самому, *а не матери* своей, а вотчимъ-де ево въ то время былъ дома, а не въ отъѣздѣ-де“ (какъ выше показывала мать). Послѣ же отъѣзда вотчима все золото и серебро взялъ у матери приказчикъ Гришка Максимовъ. „А *погреба*-де въ томъ мѣстѣ онъ, Обрашко, не видалъ“. На другой день послѣ находки клада вотчимъ поѣхалъ „солью торговать, а погреба съ *поклажею* искать ни съ кѣмъ не хаживалъ—ни вотчимъ, ни онъ, Обрашка, и другихъ находокъ въ томъ мѣстѣ послѣдній „не подымывалъ“.

Мальчикъ-пастухъ Терешка *Ивановъ*, товарищъ Обрашки, сказалъ, что онъ „нашелъ 4 бруска серебра да пятое мѣстечко *золота витого*“. Иванъ Осиповъ, вотчимъ Терешки, подтвердилъ, что получилъ отъ пасынка „серебра 4 бруска *слитку*, да золота *плетеного* съ *перстъ* толщиною“. Серебро и золото взялъ у него приказчикъ Гр. Максимовъ и все отобранное у крестьянъ „отвезъ къ Москвѣ къ *боярину* своему“ (Ѳед. Ртищеву). Послѣ его отъѣзда (показывали многіе крестьяне, хотя другіе отвергали), „етое жъ деревни Кутукова крестьянскіе дѣти-пастухи *такіе-жъ бруски* у рч. Маричинки подбирали“. Относительно „погреба“ всѣ (какъ Осиповъ, его пасынокъ и др.) единогласно показывали, что его никто „не видалъ“.

Подробное показаніе далъ приказчикъ Гришка *Максимовъ*:

Въ нынѣшнемъ 181 (1673) г. „передъ (вешнимъ) Николаевымъ днемъ“ крестьянинъ Юдка *Прокофьевъ* сообщилъ приказчику, что крестьянскіе дѣти-пастухи пасли „животину на полѣ, и животина-де пошла черезъ рч. Мариченку съ Ѳедоровы земли Ртищева на Елисѣеву *землю Житова* съ товарищи; и животина-де *отоптала берегу* у рѣчки—*мызъ* [1])

[1]) Въ другомъ мѣстѣ „сыска“ (въ показаніи Гришки Юдина) слово „*мызъ*“ передано (въ соотвѣтствующемъ данному выраженіи) словомъ—„*мысъ*“.

и *мызгъ обвалился* въ рѣчку, и съ той землею *выпалъ горшечекъ небольшой съ серебромъ слитымъ*; нашли (горшечекъ) *разбитъ*, а серебро де лежитъ *по дорогѣ* и *въ рѣчкѣ*. И поднявъ-де то серебро въ слиткахъ, *называли* робята промежъ себя *укладомъ*. И онъ-де, Гришка, послыша тѣ рѣчи, крестьянъ своихъ про то *роспрашивалъ* и по роспросу у крестьянъ *сыскалъ на дворѣхъ 29 брусковъ серебра*, да въ *дву* мѣстахъ *золота витова*. И взявъ-де онъ то серебро и золото отвезъ къ Москвѣ, къ боярину своему. А *вѣсомъ*-де *серебра* было *14 фунтовъ* безъ невелика, а *золота* сколько было—того не вѣдаетъ, потому что *не вѣсилъ*". Золото было „*свитое*", и въ обоихъ кускахъ его „было *по камышку*, а какіе камышки были—того онъ не вѣдаетъ, потому что крестьяне то золото дали ему *безъ камышковъ*". Куда боярин его „то серебро и золото дѣлъ—того онъ не вѣдаетъ", равно какъ не знаетъ и того—продавали-ли кому крестьяне найденное ими серебро и золото. Про „погребъ" Максимовъ ничего не слышалъ.

17 августа Максимовъ далъ второе показаніе, сознавшись, что въ первомъ своемъ разспросѣ *своровалъ*, *2 бруска* серебра *утаилъ*, и на тѣ 2 бруска серебра въ Москвѣ *обложилъ тройные складни*, а за достальное находное серебро, что осталось за окладомъ, серебряного ряду у торгового человѣка—какъ зовутъ, не вѣдаетъ—взялъ деньгами, а сколько взялъ денегъ—того не упоминаетъ". Эти утаенные 2 бруска получилъ онъ отъ крестьянина Юдки Прокофьева. Точно также утаилъ онъ и часть золота, именно: у Васьки Ломова взялъ онъ „*пересѣченой слитокъ золота*" такой же величины, какъ и раньше объявленные имъ 2 золотыхъ слитка. Этотъ „пересѣченой брусокъ золота" онъ показывалъ своему боярину, который „меньшой отсѣчекъ того золота взялъ къ себѣ, а большой отсѣчекъ того-жъ золота Ѳедоръ Ртищевъ отдалъ ему, Гришкѣ, а сказалъ, что тотъ-де отсѣчекъ *мѣдь*, а не золото". Поѣхавши изъ Москвы въ Каширскую вотчину Ртищева, Максимовъ свой „отсѣчекъ золота въ с. Свиномъ изъ чепи выронилъ".

По одному показанію, кладъ открылся такимъ образомъ, что на берегу рч. Марпченки „проступила-де *корова въ яму*" и изъ той ямы обнаружились слитки золота и серебра.

Пастухъ Гришка *Юдинъ* (сынъ Юдки Прокофіева) между прочимъ показалъ, что нашелъ онъ на землѣ Елисѣя Житова „на берегу рч. Маричепки, *въ мысу 8 прутовъ* серебра". Отецъ его Юдка

„*продалъ* на торгу *4 прута* въ Резанскомъ уѣздѣ въ с. *Кистругъ серебряникомъ*“, пріѣзжимъ будто бы изъ г. *Елатьмы*, „а взялъ за 4 прута“ 2 рубля. Остальные 4 прута переданы Максимову. Онъ же, Юдка, съ крестьянами Патрикѣемъ Петровымъ и Захаромъ Мелековымъ ходили *досматривать*“ мѣсто находки клада, „и пришедъ, того мѣста гдѣ вынято серебро смотрѣли, а *погреба*-де на томъ мѣстѣ они не видали, и сами *не рывали*, и *чепей* и *плитъ* золотыхъ, и серебра *литого*, и золота *витого*, и иной никакой серебряной и золотой *старинные поклажи* изъ того мѣста не выкапывали“...

Эта фраза „о чепяхъ и плитахъ“, о „погребѣ“ и пр., повторяющаяся почти во всѣхъ разспросныхъ рѣчахъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, очевидно была отвѣтомъ на обращенный ко всѣмъ сыскнымъ людямъ вопросъ „сыщиковъ“. Послѣднимъ былъ извѣстенъ ходившій въ народѣ слухъ о находкѣ „чепей“ и пр. (или же сыщики узнали объ этомъ изъ челобитной Житова), и они усердно добивались правды по этому интересному вопросу.

Одинъ изъ мальчиковъ-пастуховъ нѣсколько видоизмѣнилъ эту обычную фразу о „погребѣ“: онъ сказалъ, что „погреба и никакихъ *стоячихъ досокъ* онъ не видѣлъ“...

Крайній интересъ представляетъ рядъ показаній по вопросу: не было-ли на найденныхъ брускахъ серебра какихъ-либо *надписей*? — Вопросъ поднялъ пастухъ Евтюшка *Ѳектистовъ* (можетъ быть грамотный), который настойчиво утверждалъ, что „*на одномъ-де брускѣ* (изъ двухъ найденныхъ имъ) *намѣчено въ пяти мѣстехъ*, а что намѣчено—того онъ не вѣдаетъ“.

Стольникъ Борисовъ-Бороздинъ и подъячій Оловениковъ очень внимательно отнеслись къ этому любопытному показанію мальчика Евтюшки и сейчасъ-же принялись за провѣрку его, возвращаясь къ нему не одинъ разъ въ продолженіи всего „сыска“. Прежде всего они обратились къ приказчику Гришкѣ Максимову, который показалъ: „которые-де 2 находные бруска серебра взялъ онъ, Гришка, у Евтюшкина отца у Ѳектиста Лишянина, и на тѣхъ де 2 брускахъ *помѣтъ* никакихъ *не было*, да и на иныхъ-де серебряныхъ брускахъ, которые онъ, Гришка, взялъ у крестьянъ и у дѣтей ихъ и отвезъ къ Москвѣ, къ О. Ртищеву—*подписей* или какихъ *помѣтъ* не было ль“.

Однако Евтюшка упорно настаивалъ, что на одномъ изъ найденныхъ имъ брусковъ были „*помѣтки*“, но „какіе помѣтки и *старые-ль*,

или *новые* того онъ не вѣдаетъ". Отецъ же его никакихъ „помѣтокъ" не замѣтилъ, но ему показалось, что „были на тѣхъ брускахъ *отъ ржавчины ямочки*"...

Показаніе Евтюшки нашло неожиданное подкрѣпленіе со стороны очень авторитетной. Митька Шаровъ, приказчикъ кн. Ѳедора Волконскаго, одного изъ Усторонскихъ помѣщиковъ, слышалъ отъ Усторонскаго же Семіоновской церкви попа *Тараса*, что когда онъ былъ послѣ Георгіева дня (въ 1673 г.) у крестьянина дер. Кутуковой Ивашки Осипова, то „слышалъ, что онъ, Ивашко, вынялъ *поклажею*, и на дворѣ-де жена ево, Ивашкова, ему, попу, показывала 3 прута серебра, и на одномъ-де прутѣ серебрѣ, сказывалъ ему, Митькѣ, попъ Тарасъ, что *была подпись*, только де онъ той *подписи не прочелъ*. Да Ивашкова жъ де жена ему, попу Тарасу, съ тѣмъ же серебромъ показывала *свертокъ волоченаго золота*"...

С. *Исадъ* (стольника Луки Владиміровича Ляпунова) староста Іовъ Трифоновъ слышалъ отъ попа Тараса, что тотъ видѣлъ у одного Кутуковскаго крестьянина „*карася серебреного*"...

Допрашивали крестьянъ и др. сосѣднихъ селъ и деревень (с. *Мартина*, дер. *Грамаковы*, д. *Дурненокъ* и пр.), но большинство отозвалось невѣдѣніемъ о Кутуковскомъ кладѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ показаній оказались довольно существенными. Такъ, приказчикъ дер. *Шатрищъ* слышалъ отъ Старорязанскаго „серебряника" Алешки *Кобыляка*, что „на торшку" въ с. Киструсѣ онъ *купилъ* у Кутуковскаго крестьянина „золотникъ *золота*, а далъ-де 40 алтынъ"... Староста и крестьяне с. Усторони слышали отъ попа Тараса, что Кутуковскіе крестьяне „*поклажей* нашли и выняли въ слиткахъ серебро *карасиками*"...

Тотъ же попъ Тарасъ сказывалъ Усторонскому помѣщику Ивану Ивановичу *Беклемишеву*, что кутуковецъ Ивашко Осиповъ показывалъ попу „одинъ серебреной *карасикъ*" и „на томъ-де карасикѣ *подпись видѣлъ*, только-де онъ той *подписи не прочелъ*, да и *золотые*-де *карасики* слиткомъ тѣжъ кутуковскіе крестьяне нашли-жъ-де"...

18 августа 181 (1673) г., „на съѣзжемъ дворѣ" стольнику Борисову-Бороздину Елисей *Житовъ* „билъ челомъ словесно": „сказывалъ-де ему" Усторонскій крестьянинъ Антипко Артемьевъ, при приказчикѣ Митькѣ Шаровѣ, что какой-то крестьянинъ дер. Кутуковой „похвалялся: какъ-де будетъ *писецъ*, и они-де у Елисѣя Житова съ то-

варищи *поле Закомары*, на которомъ полѣ выняли поклажей Ѳедоровы (Ртищева) крестьяне дер. Кутуковы—*отоймутъ*, а дадутъ-де за то поле хотя 500 рублевъ да 50 золотыхъ, а тѣмъ-де полемъ ему, Елисѣю, съ товарищи у нихъ не владѣть"... Житовъ просилъ стольника вызвать и допросить Антипку и Митьку.

Антипка подтвердилъ ссылку на него Житова (нѣсколько видоизмѣнивши ее): онъ слышалъ отъ кутуковцевъ Давида Ломова съ товарищи, что „не видать-де Елисею поля Закомаръ: баяринъ-де ихъ Ѳедоръ Ртищевъ за то поле Закомаръ хотя-де дастъ 500 р. да 50 золотыхъ, а за Елисѣемъ-де тому полю Закомары не бывать, а писцу-ль дать 500 р. и 50 золотыхъ, или иному кому—того отъ нихъ онъ, Антипка, не слыхалъ"...

Далѣе слѣдуетъ въ сыскномъ дѣлѣ „*отписка*" Бороздину и Оловеникову „Духовнаго приказа" Переславль-Рязанскаго митрополита, отъ имени Богословскаго монастыря архимандрита *Іоасафа* и Спаскаго попа Герасима. Начальные люди Духовнаго приказа писали сыщикамъ, что по грамотѣ изъ Патріаршаго разряду они допросили Усторонскаго попа *Тараса* и его „скаску" посылаютъ сыщикамъ. „Скаска" очень цѣнна обстоятельнымъ описаніемъ видѣнныхъ попомъ „слитковъ серебра".

На Георгіевъ день—разсказываетъ попъ Тарасъ—былъ онъ „у праздника" въ с. Мартинѣ, Старорязанскаго стана, а на 3-й день праздника отправился домой, въ с. Усторонь, вмѣстѣ съ Кутуковскимъ крестьяниномъ Ивашкой Осиповымъ. Дорогою Ивашко зазвалъ къ себѣ попа ночевать. Утромъ, когда попъ проснулся, вошла къ нему Агафьица, жена Осипова, и „внесла въ пазухѣ *3 слитка* серебра, *на срединѣ* въ ширину *вершка* будетъ *въ полтора, на оба конца клиномъ сведено*, а въ толщину въ полвершка. Да она-жъ, Огафьица, выневъ изъ пазухи, показывала *свитокъ тянутова золота*, а тотъ свитокъ въ длину будетъ *въ четверть аршина* слишкомъ, а толщиною гораздо толще человѣческаго *большого перста*, а то золото *тянуто въ сережное тонкое кольцо*"... Агафьица сказала попу, что то золото и серебро нашелъ сынъ ея Терешка „въ оврагѣ на *Студенцѣ* у рч. Мариченки, въ ямѣ"... Кромѣ того, попъ „слухомъ слышелъ, что тое находку они, крестьяне, межъ себя *дѣлили*, а ссора межъ ими, крестьяны, была послѣ находки, а не на *дѣлу*" (не во время дѣлежа)...

12 августа архимандритъ Іоасафъ послалъ новую отписку къ Бороздину, съ дополнительною краткою „скаскою“ попа Тараса относительно „*подписей*“ на слиткахъ серебра. Попъ вопреки ссылкамъ на него Беклемишева и др. лицъ—категорически заявилъ, что на показанномъ ему Агафьицей золотѣ и серебрѣ „*подписи* никакіе *не видалъ*“...

Между тѣмъ Бороздинъ и Оловениковъ продолжали допрашивать разныхъ лицъ. Крестьяне с. *Старой Резани* слышали въ селѣ „*на базарѣ* говорили межъ себя всякихъ чиновъ люди, что Кутуковскіе крестьяне нашли поклажей“ и, между прочимъ, „золотыхъ карасей“. Нѣкоторые слышали отъ попа Тараса, что онъ видѣлъ у одного Кутуковца „два *лемешка* серебряныхъ“.

Любопытенъ въ историко-юридическомъ отношеніи слѣдующій эпизодъ сыскнаго дѣла:

Старорязанскій крестьянинъ Кирюшка Савостьяновъ слышалъ о „серебряныхъ карасяхъ“ отъ Переславль-Рязанскаго пушкаря Стеньки Шмирева, пріѣзжавшаго въ с. Старую Рязань для высылки ратныхъ людей на службу. Шмиревъ же отвергалъ ссылку на него Кирюшки. На „очной ставкѣ“ оба они остались при своихъ показаніяхъ, при чемъ оба, каждый въ свою пользу, ссылались на свидѣтеля—„казеннаго плотника“ Андрюшку. Въ заключеніе Кирюшка заявилъ, что „будетъ-де тотъ плотникъ съ товарищи своими противъ ихъ ссылокъ не скажютъ, и они-де *шлютца на свои кожи*: онъ-де, Кирюшка, въ томъ *шлютца на свою и на ево, Стенькину, кожю*, что, де онъ, Стенько, говорилъ ему, Кирюшкѣ, про вынятые серебреные караси, а не про службу. А Стенька, выслушевъ, сказалъ и *на кожи межъ себя слался* въ томъ, что онъ, Стенько, ему, Кирюшкѣ, говорилъ про службу, а не про серебряные караси“...

Интересно затѣмъ показаніе „серебреника“ Алешки *Кобыляка*: послѣ Пасхи сидѣлъ онъ какъ то „на торшку въ лавкѣ“, когда пришелъ къ нему Кутуковецъ Юдка Прокофьевъ и принесъ „находново одинъ *брусокъ серебра—мѣрою* въ длину *2 вершка*, шириною въ *вершокъ*, а въ толщину *въ пол-вершка*, а далъ де ему за то серебро десятину пашенные земли подъ еровой хлѣбъ, а *вѣсомъ*-де было того серебра *пол-фунта*“. Послѣ Николина дня „на торшку“ въ с. Киструсѣ Кутуковецъ Васька Ломовъ „продалъ *золота прутового круглова* кончикъ длиною *пол-вершка*, а вѣсомъ того золота *съ* $1^1/_2$ *золотника*, а

далъ де ему за то золото 40 алтынъ". Кобылякъ держалъ у себя золото около 4 недѣль, но такъ какъ оно почему-то „въ дѣло не пошло", то онъ вернулъ его Ломову. А „купленое серебро онъ, Алешка, *принесъ* нынѣ къ объявкѣ на съѣзжей дворъ—*бруска отсѣчекъ* разбитово, а вѣсомъ того отсѣчка серебра 16 золотниковъ, а достальное де серебро того серебра до сыску онъ, Алешка, истерялъ въ дѣлѣ"...

Юдка Прокофьевъ сознался, что въ первомъ своемъ показаніи выдумалъ Елатомскихъ серебряниковъ: въ дѣйствительности онъ носилъ 2 бруска серебра къ Кобыляку, который и взялъ 1 брусокъ, обѣщая дать деньги или „десятину пашни"—„будетъ-де *чистое серебро*". Брусокъ оказался „чистымъ серебромъ", но Юдька не получилъ отъ Кобылякa ни денегъ, ни пашни. 4 бруска Прокофьевъ отдалъ прикащику Максимову, а „3 *бруска* серебра и нынѣ у него, Юдки, *схороняны* въ огородѣ, а схоронилъ де онъ то серебро до пріѣзду сыщиковъ и *до обыску*, какъ у нихъ въ дер. Кутуковѣ *на дворѣхъ* обыскивали"...

Васька Ломовъ также сознался, что „утаилъ" у себя „отломокъ *золота свитого*", вѣсомъ „*пол-пята* золотника". Этотъ „отломокъ" онъ продалъ Касимовцу Тимофѣю Вьялину, съ котораго получилъ по 1 р. 10 алтынъ за золотникъ. А *полъ*-золотника того „отломка" продалъ Кобыляку за 40 алтынъ. Въ послѣднемъ былъ „*камышекъ лазоревой*", который „*выпалъ изъ гнѣзда* у него, Васьки, въ избѣ, а сысканъ-ли или нѣтъ—того не вѣдаетъ, а какой тотъ камышокъ—того не знаетъ". Кромѣ того, пасынокъ его Обрашка Сергѣевъ нашелъ „*прутъ золота*", который Ломовъ показывалъ Максимову, но тотъ не взялъ и „сказывалъ, что тотъ прутъ—*мѣдь*, а не золото".

Одинъ „отсѣчекъ" этого прута и теперь находится у Ломова, а другой онъ передалъ племяннику Петрушкѣ Ломову. Послѣдній показывалъ „отсѣчекъ" Алешкѣ Кобыляку, „а продалъ ли онъ ему, Алешкѣ, или назадъ взялъ—того онъ не вѣдаетъ"...

Вслѣдствіе этихъ показаній стольникъ Борисовъ-Бороздинъ отправилъ въ дер. Кутукову подъячаго Микиту Максимова и стрѣльцовъ, для производства обыска на дворахъ Юдки Прокофьева и др.; посланные по указаніямъ Юдки „выняли у него, Іюдки, въ огородѣ подлѣ тына въ землѣ находново *3 бруска серебра*, да у Васькиной жены Ломова Парасковьицы въ клѣти подъ лавкою взятъ *успчекъ*

золота прутового, длиною на вершокъ, да у Васькина сына Ломова у Андрюшки взятъ *камышекъ лизоревой;* и то серебро, и золото, и камышекъ принесено на съѣзжей дворъ". Парасковьица показывала, что „*витой* прутъ" золота, длиною въ $1^1/_2$ *вершка*, мужъ ея разсѣкъ на 3 части и 2 крайнихъ „усѣчка" отдалъ приказчику Максимову, а „усѣчекъ середки" велѣлъ ей схоронить.

Андрюшка, братъ Обрашки Ломова, сказалъ, что камушекъ былъ въ „витомъ" золотѣ и „изъ гнѣзда" выпалъ, „какъ-де учалъ отецъ его Васька съ того витого золота землю счищать", и закатился „подполъ", откуда Андрюшка и вытащилъ его.

Петрушка Герасимовъ Ломовъ, племянникъ Васьки Ломова, отвергнулъ показаніе дяди, будто тотъ передалъ Петрушкѣ „отсѣчекъ золота". Петрушка самъ нашелъ съ пастухами у рч. Мариченки „слиточекъ небольшой *прутового золота*", который показалъ „серебренику" Алешкѣ *Кобыляку* (крестьянину с. Подола); „и Алешка-де, смотря того золота, назадъ ему, Петрушкѣ, не отдалъ, и то де золото и нынѣ у него, Алешки"...

Уличенный племянникомъ, дядя сознался, что поклепалъ напрасно на него... Кобылякъ также признался, что въ первомъ своемъ разспросѣ напуталъ относительно золота. Въ дѣйствительности дѣло было такъ: у Васьки Ломова Алешка Кобылякъ купилъ за 50 алтынъ (10 алт. еще не отдавалъ) $1^1/_2$ золотника „*витого* золота" и „половину" его „въ позолоту издержалъ, а другая-де половина тово витово золота и нынѣ у него, Алешки, во дворѣ". У Петрушки Ломова „взялъ онъ посмотрѣть отсѣчекъ *прутового* золота зъ золотникъ съ четвертью". И этотъ „отсѣчекъ" хранится у него же, Алешки. Наконецъ въ слободкѣ Хириной у неизвѣстнаго по имени крестьянина купилъ Алешка „брусокъ серебра такой же, что купилъ онъ, Алешка, у Юдки, далъ 2 рубли".

15 августа „противъ роспросныхъ рѣчей серебреника А. Кобыляка посыланы московскіе стрѣльцы Титко Васильевъ съ товарищи въ Резанской уѣздъ въ слободку Хирино", вмѣстѣ съ Кобылякомъ, по указанію котораго взятъ тамъ и доставленъ на съѣзжій дворъ крестьянинъ Власко Алексѣевъ. Власко показалъ, что по порученію Кутуковскаго крестьянина Давида *Семенова* онъ продалъ Кобыляку „одинъ *лемешекъ*" серебра за два рубля. Семеновъ сознался, что на 3-й день послѣ Георгіева дня „пахалъ де онъ, Давидко, на полѣ

и пошелъ на рч. Мариченку, гдѣ пастухи находили серебро и золото, и *въ томъ же де мѣстѣ въ рѣчкѣ* нашелъ онъ, Давидко, одинъ *брусокъ серебра*", который и поручилъ Васькѣ продать Кобыляку. „А больши-де того серебра и золота онъ, Давидко, не подымывалъ".

Крестьянину Якушкѣ Степанову Васька Ломовъ показывалъ на своемъ дворѣ „серебро литое *брусками*, въ длину брусокъ *вершка на два*, а иныя-де и меньши, *литы крестами*"...

3 сентября 182 (1674) г. явился на съѣзжій дворъ Касимовскій пушкарь Тимофѣй *Вьялинъ* и показалъ: въ Петровъ постъ ѣхалъ онъ въ лодкѣ „сверху, съ хлѣбомъ, внизъ по *Окѣ* рѣкѣ въ Касимовъ, и присталъ къ Ѳедоровой землѣ Ртищева деревни Кутуковы, и въ то де число пришолъ къ нему въ лоткѣ" Васька Ломовъ. Продавши Вьялину „вощинъ на 3 рубли", Ломовъ показалъ 2 „отломка *цѣпи золотой*", предлагая купить по 40 алт. за золотникъ. Вьялинъ взвѣсилъ—оказалось „*пол-пята* золотника слишкомъ", и „онъ де, Тимошка, то золото у него взялъ *на уговоре* и сказалъ ему: будетъ то золото въ дѣло пойдетъ, и онъ ему деньги заплатитъ, по чему люди приговорятъ. И онъ-де, того золота не изтерявъ, *принесъ* нынѣ на съѣзжей дворъ—въ 4 мѣстехъ" (т. е. 4 куска): въ Ярославлѣ-де онъ показывалъ покупку „серебряникамъ", и они, „смотря то золото, переломили для опыту"...

„И того жъ числа то золото у Тимошки Вьялина на съѣзжемъ дворѣ взято, а *по вѣсу* того золота *5 золотниковъ*, а по досмотру то золото знатно отломлено *отъ цепи золотой*".

17 августа 181 (1673) г. на съѣзжемъ дворѣ „*извѣщалъ* словесно" Усторонскій помѣщикъ Елисей Садовьевъ *Житовъ*, что въ іюлѣ „сказывалъ" ему с. Яростова (Ярустова) Георгіевскій попъ Трофимъ Захарьевъ о покупкѣ племянникомъ его дьячкомъ *Левкою* (сыномъ Конона изъ с. Спаса-Зарѣцкаго, Савина монастыря) „отломка *слитова золота*" у Кутуковскихъ крестьянъ „на торгу" въ с. Старой Рязани.

24 августа Борисовъ-Бороздинъ и Оловениковъ отправили „отписку" къ „архимандриту Іоасафу и попу Герасиму, съ требованіемъ допросить и прислать допросныя рѣчи поповъ Трофима и Конона и дьячка Левки, а также снять дополнительную „сказку" съ попа *Тараса* относительно „золотыхъ и серебреныхъ *карасей съ подписьми*"... О „словесномъ отвѣтѣ" Житова они писали государю и 24 августа получили „грамоту", которая предписывала „поповъ и дьячковъ и

церковныхъ причетниковъ и иныхъ духовнаго чину людей про ту *выимочную казну* по нашимъ (Бороздина и Оловеникова) присылкамъ допрашивать и очныя ставки давать вамъ (Іоасафу и Герасиму), и тѣ записки и очные ставки присылать къ намъ". О томъ же предписываетъ и „грамота" изъ „Патріарша двора", пересылаемая чрезъ Бороздина къ Іоасафу.

2 сентября 182 (1674) г. Бороздинъ и Оловениковъ послали къ Іоасафу и Герасиму другую „отписку", гдѣ просили допросить между прочимъ попа *Тараса*: отъ кого онъ слышалъ, что „когда-де Кутуковскіе крестьяне *старинной поклажей* нашли и *дѣлили*, и онъ де послѣ *дѣлу* слышалъ, что межъ ими была ссора"... Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія просила допросить с. Старой Резани Спасскаго попа Игнатія о томъ, что онъ знаетъ и слышалъ о находкѣ Кутуковскаго „поклажея". Въ заключеніе комиссія требуетъ поторопиться съ присылкою допросовъ поповъ Конона и Трофима и дьячка Левки, о чемъ писано къ нимъ еще 24 августа, а между тѣмъ „сентября по 2-е число (вы) къ намъ не писывали и допросныхъ рѣчей не присылывали, и затѣмъ *учинили* сыскному дѣлу *мотчанья*, и мы *на васъ* о томъ будемъ *писать* великому *государю*"...

Эта угроза подѣйствовала на Духовный приказъ и—4 сентября комиссія получила его „отписку" съ приложеніемъ „допросныхъ рѣчей" дьячка Левки Кононова, его отца попа Конона и поповъ Трофима и Тараса. Первые трое голословно отвергли ссылку на нихъ Житова.

Попъ Тарасъ дополнилъ свою прежнюю „скаску" относительно ссоры Кутуковскихъ крестьянъ изъ-за дѣлежки клада: „была ссора у Кутуковскихъ крестьянъ Ѳедора Ртищева, которымъ той находки *не достилось*, съ тѣми крестьяны, которые нашли и говорили: намъ-де бы отъ того не погибнуть! И по той де крестьянской ссорѣ Ѳедоровъ прикащикъ Ртищева Гришка Максимовъ у крестьянъ тое находку и выбиралъ"...

Не получивши отъ Духовнаго приказа дополнительной „скаски" попа Тараса о „*подписяхъ*" на „серебряныхъ карасикахъ", комиссія снова и настоятельно проситъ новою „отпискою"—„допросить (попа) вправду, съ великимъ подкрѣпленіемъ": говорилъ ли онъ прикащику Митькѣ Шарову и другимъ лицамъ про „серебреного карася съ подписью" и „про золотые литые караси?"...

Духовный приказъ поспѣшилъ прислать (при „отпискѣ“ отъ 4 сентября 182 (1674) г. слѣд. „распросныя рѣчи“ попа Тараса.

Попъ снова утверждаетъ, что ни Шарову, ни другимъ лицамъ онъ не говорилъ, будто на серебряныхъ слиткахъ у Ивашки Осипова видѣлъ „подписи“... Не говорилъ онъ также старостѣ с. Исадъ Іовкѣ Трифонову, будто у Кутуковскаго крестьянина „видѣлъ карася серебреного, развѣ-де онъ Іевка серебреной *слитокъ карасемъ назвалъ*“. И о „золотыхъ карасяхъ“ не разсказывалъ онъ помѣщику Беклемишеву... Этими рѣчами „ево, попа Тараса, клеплютъ напрасно, за одно всѣ они, помѣщики дер. Кутуковой, *рыясь* на Ѳедоровыхъ крестьянъ Ртищева, а межъ де ими ссора большая за вотчинныя дѣла...“ 26 августа 181 (1673) г. зазвалъ его къ себѣ послѣ обѣдни Елисей Житовъ и „послѣ обѣда“ говорилъ попу Тарасу: „скажи-де передъ сыщикомъ, *будто видѣлъ* или слышелъ у Ѳедоровыхъ крестьянъ Ртищева *караси* серебреные и золотые, и *чепи гремячіе*, и *доску серебреную*, и будто на серебреныхъ карасяхъ и на доскѣ видѣлъ *подпись*. А онъ де, попъ Тарасъ, ничего того не знаетъ и не вѣдаетъ“...

12 сентября архим. Іоасафъ и попъ Герасимъ прислали „допросныя рѣчи“ попа Игнатія, который показалъ, что „слышелъ“ о Кутуковскомъ „поклажеѣ“, но никакихъ подробностей не знаетъ.

Далѣе слѣдуетъ въ дѣлѣ „*пыточныя рѣчи*“, снятыя во время „пытки“ съ обвиняемыхъ въ утайкѣ клада:

„181 (1673) г., августа въ 25 день, *по грамотѣ* великого государя... Ѳедоровъ прикащикъ Ртищева дер. Кутукова Гришка Максимовъ, да крестьяне Ѳедька Марковъ, Оська Евтифѣевъ, Ивашко Осиповъ, Васька Ломовъ, Юдка Прокофьевъ и ихъ дѣти-пастухи и которые крестьяне золото и серебро находили—*къ пыткѣ и къ огню приведены* и порознь распрашиваны“:

„Прикащикъ Гришка Максимовъ въ роспросѣ у пытки и у огня сказалъ противъ прежнихъ и другихъ своихъ распросныхъ рѣчей: больши того серебра и золота во взятьѣ у крестьянъ и въ отвозѣ къ Ѳедору Ртищеву и въ находкѣ погреба съ старинным поклажеемъ—не винился“.

Пастухъ Обрашка, пасынокъ Васьки Ломова, „которой (Обрашка) *сперва* золото и серебро находилъ у рч. Мариченки“, „къ пыткѣ и къ огню приведенъ и роспрашиванъ съ пристрастіемъ“: онъ повторилъ, что нашелъ только 12 брусковъ серебра, 2 куска „витого“ и

1 кусокъ „литого“ золота, и что „погреба съ стариннымъ поклажеемъ не нахаживалъ, и окромѣ тово въ находкѣ иново золота и серебра не винился“.

Васька Ломовъ также „у пытки и у огня роспрашиванъ съ пристрастіемъ, а въ роспросѣ сказалъ *прежнія* свои *рѣчи*“...

Остальные кладоискатели, скупщики и нѣкоторые свидѣтели (кромѣ вышеперечисленныхъ еще—Терешка Ивановъ, Гришка Юдинъ, Давидъ Семеновъ, сынъ его Першка, Аношка Брилевъ, Евтюшка Ѳектистовъ Лишенинъ и Максимко („а Давидко онъ же“ Лишенинъ)—всѣ они были „у пытки и у огня“ и „сказали прежніе свои рѣчи“...

Такимъ образомъ и „пыточныя рѣчи“, вырванныя у несчастныхъ кладоискателей, не дали комиссіи ничего новаго... Тогда Бороздинъ и Оловениковъ приступили къ послѣднему акту своихъ дѣйствій—къ *досмотру мѣстонахожденія* Кутуковскаго клада. Привожу цѣликомъ этотъ любопытный документъ о досмотрѣ:

„Августа въ 26 день, стольникъ Андрей Михайловичъ Борисовъ-Бороздинъ да Приказу великого государя Тайныхъ Дѣлъ подъячей Перфилей Оловениковъ, *взявъ* съ собою с. Усторони Елисѣя Житова крестьянъ, старосту Кондрашку Ѳедорова съ товарищи, да дер. Кутуковы крестьянина Васькина пасынка Ломова Обрашку, и изъ розныхъ селъ и деревень сторонннхъ людей, для подлинного розыску, къ тому *мѣсту*, гдѣ находилъ сперва серебро и золото Обрашка Ломовъ и послѣ ево той же деревни пастухи, къ рѣчкѣ *Мариченкѣ ѣздили досматривать*; и въ томъ мѣстѣ крестьяне *обрыли земли сажень съ шесть и больши*, а *погреба* никакова и *признакъ погребныхъ не сыскано*. А чьихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ крестьяне у того мѣста сторонніе люди землю обрывали, и которыхъ селъ и деревень,—и тѣмъ людемъ имяна писаны ниже сего“. Выбрасываю этотъ именной перечень крестьянъ с. Усторони и др. (на оборотѣ акта досмотра помѣщены ихъ рукоприкладства).

„Сыскное дѣло“ оканчивается слѣдующимъ *приговоромъ* „сыщиковъ“ Борисова-Бороздина и Оловеникова:

„182 (1674) г., сентября въ 14 день, *по грамотѣ* великого государя... самодержца, Ѳедоровъ человѣкъ Ртищева деревни Кутуковы прикащикъ Гришка Максимовъ и той деревни крестьяне: Ѳедька Марковъ, Оська Евтифѣевъ, Ивашко Осиповъ, Васька Ломовъ, Юдька Прокофіевъ и пастухи, Васькинъ пасынокъ Ломова Обрашко съ товарищи, которые находили золото и серебро,—*изъ тюрмы свобожены*“.

Нельзя не пожалѣть, что не сохранилось государевой „грамоты", на основаніи которой эти крестьяне были освобождены: грамота несомнѣнно разъясняла мотивы такого рѣшенія и передавала разныя распоряженія не только о подсудимыхъ, но и относительно найденныхъ „сыщиками" у крестьянъ и отобранныхъ слитковъ серебра и золота и проч.

Но хотя дѣло и представляется незаконченнымъ (нѣтъ также никакихъ слѣдовъ допроса Ѳедора Ртищева въ Москвѣ и пр.), тѣмъ не менѣе и то, что сохранилось изъ него и что выше изложено—настолько богато фактическими, крупными и мелкими данными о Кутуковскомъ кладѣ, что является необходимость выдѣлить изъ массы подробностей всѣ наиболѣе существенные факты и постараться освѣтить ихъ по мѣрѣ возможности.

Кутуковскій кладъ найденъ 25 апрѣля 1673 г. крестьянскимъ мальчикомъ Обрашкою Сергѣевымъ, пасынкомъ крестьянина дер. Кутуковой Васьки Ломова. Мѣсто находки клада—„поле *Закомары*", на берегу рч. *Мариченки* („а *Студенецъ* она жъ"), впадавшей (кажется) въ р. *Оку*. Рѣчка раздѣляла землю Кутуковскаго помѣщика Ѳедора Ртищева отъ земли помѣщиковъ с. Усторони Елисѣя Житова „съ товарищи". Кладъ найденъ на берегу, принадлежавшемъ послѣднимъ помѣщикамъ.

„Поле Закоморы" спускалось къ рч. Мариченкѣ „*оврагомъ*" (овращкомъ), который у рѣчки заканчивался „*мызгомъ*" („мысомъ"). Здѣсь-то—„въ мысу" и найденъ былъ кладъ Обрашкою Сергѣевымъ и его 7 товарищами, когда они пасли „животину" на противоположномъ берегу, на землѣ Ртищева.

„Животина" перешла неглубокую рч. Мариченку и на берегу Житова „отоптала берегу у рѣчки—мызгъ, и *мызъ обвалился въ рѣчку*, и съ тою землею *выпалъ горшечекъ* небольшой съ серебромъ". Серебро высыпалось изъ разбившагося горшечка на землю и частію въ рѣчку. Когда подошелъ сюда Обрашка, а за нимъ и товарищи его—имъ сразу бросились въ глаза лежавшіе „въ песку" и отчасти въ водѣ „слитки *серебра* и *золота*". Мальчики-пастухи стали „подымать серебро и золото друшка передъ друшкою—хто что захватилъ". Обрашка захватилъ 12 „брусковъ", его товарищи—8, 4, 3, 3, 2, 2 и 1 „брусокъ", (7 человѣкъ) всего—*35 „брусковъ" серебра. Золота* же они тутъ нашли *5 кусковъ*.

Все это была находка перваго дня—25 апрѣля. Въ слѣдующіе дни, когда вѣсть о кладѣ разошлась по дер. Кутуковой, почти все населеніе ея перебывало тутъ, отыскивая серебро и золото. И дѣйствительно, крестьяне продолжали находить то и другое. Сколько именно было найдено—въ точности не извѣстно. „Сыщики“ Борисовъ-Бороздинъ и Оловенниковъ могли частію отыскать, а частію только знать о находкѣ крестьянами еще 4 *брусковъ серебра* и *2 кусковъ золота*.

Вотъ и все „находное“ золото и серебро Кутуковскаго клада, какое фигурируетъ въ „сыскномъ дѣлѣ“. Въ дѣйствительности его было найдено гораздо больше: многое крестьяне успѣли продать, другое припрятать и не объявить сыщикамъ. Но и это количество 39 брусковъ серебра и 7 кусковъ золота—само по себѣ представляетъ очень цѣнный кладъ.

Что же это былъ за кладъ?—Очевидно, это не былъ курганъ, ибо о присутствіи костяка въ мѣстѣ находки серебра и золота нигдѣ въ сыскномъ дѣлѣ нѣтъ и намека. О существованіи здѣсь какихъ-либо слѣдовъ бывшаго когда-то жилья—также нѣтъ никакихъ указаній. Между окрестнымъ населеніемъ распространился слухъ, что Кутуковскіе крестьяне нашли *„погребъ“*. Но сами кладоискатели и другіе Кутуковцы единогласно утверждали, что никакого погреба здѣсь не было. Это подтвердилъ и досмотръ мѣсто-нахожденія клада, произведенный „сыщиками“: не только „погреба“, но даже и „признакъ погребныхъ“ они не нашли.

Остается предположить, что если и здѣсь не было когда-то въ незапамятную старину человѣческаго жилья, слѣды котораго могли совершенно исчезнуть къ XVII вѣку, то этотъ „горшечекъ“ съ золотомъ и серебромъ слѣдуетъ признать *„кладомъ“* въ собственномъ смыслѣ, т. е. спрятаннымъ въ землю для сохранности богатствомъ неизвѣстнаго первонасельника данной мѣстности.

Что этотъ кладъ былъ спрятанъ въ эпоху *глубокой древности* и не заключалъ въ себѣ предметовъ, знакомыхъ XVII вѣку—объ этомъ свидѣтельствовали всѣ лица, видѣвшіе самый кладъ или только слыхавшіе о немъ. Всѣ они называютъ „находное серебро и золото“—*„старинной казной“*, *„старинной поклажей“* и т. п.

Кстати отмѣтить, что слово *„кладъ“*, употреблявшееся въ „сыскномъ дѣлѣ“ о Шацкомъ кладѣ 153 (1645) г., въ Кутуковскомъ сыскномъ

дѣлѣ встрѣчается только 2 раза (да и то однажды въ измѣненномъ видѣ—„укладъ“). Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ оно замѣняется (какъ и въ описи дѣла о Тамбовскомъ кладѣ 167 (1659) г.) словомъ—„*поклажей*“, а иногда—„*казна*“. Слово „поклажей“, очень точно передающее сущность выражаемаго имъ представленія, было распространено среди крестьянъ, духовенства, помѣщиковъ и др., словомъ, было въ ходу не только въ Рязанскомъ краѣ, но и среди московской интеллигенціи (его употребляли и присланные изъ Москвы сыщики).

Итакъ, Кутуковцы и др. свидѣтели единогласно утверждали, что „поклажей“, найденный около дер. Кутуковой, былъ именно „старинным поклажеемъ“. Къ такому же заключенію приводятъ и разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ сыскнаго дѣла *описанія* найденныхъ предметовъ. Сведемъ эти описанія вмѣстѣ и постараемся опредѣлить значеніе „находнаго золота и серебра“.

Прежде всего о *серебрѣ*, такъ какъ оно преобладало въ „поклажеѣ“ надъ золотомъ. Всѣ 39 серебряныхъ „брусковъ“ были, судя по описаніямъ, предметы *однородные* и по формѣ, и по вѣсу, и по размѣрамъ. Различныя названія, данныя свидѣтелями этимъ предметамъ, въ сущности даютъ представленіе объ одной и той же формѣ. Крестьяне и др. лица называли найденное серебро чаще всего „*брусками*“, затѣмъ—„*карасями*“ и „*лемешками*“, т. е. какими-то продолговатыми и плоскими предметами.

Но сохранились въ дѣлѣ и болѣе подробныя и точныя описанія найденнаго серебра. Такъ, „серебряникъ“ А. Кобылякъ представилъ точное опредѣленіе размѣровъ купленнаго имъ одного „бруска серебра“: „мѣрою въ *длину 2 вершка, шириною въ вершокъ*, а въ *толщину въ пол-вершка*“; крестьянинъ Я. Степановъ видѣлъ бруски „въ *длину вершка на два*, а иные-де и меньши“.

Попъ Тарасъ, указывая почти тѣ же размѣры, отмѣчаетъ одну характерную особенность въ формѣ этихъ „брусковъ“: онъ видѣлъ „3 слитка серебра—*на серединѣ* въ ширину вершка будетъ въ полтора, *на оба конца клиномъ сведено*, а въ толщину въ полъ-вершка“. Ту же особенность подмѣтилъ и крест. Степановъ, когда говоритъ, что бруски были „литы *крестами*“. Онъ не сказалъ прямо, что это были кресты, но бруски только подходили по формѣ къ крестамъ, т. е. имѣли *расширеніе въ серединѣ*, „а на оба *конца*“—какъ дополняетъ попъ Тарасъ—были „*клиномъ сведены*“.

Мнѣ кажется, что въ этихъ расширенныхъ по срединѣ и удлиненныхъ къ концамъ „брускахъ“ серебра можно видѣть именно древнерусскія „*гривны*“ („шестиугольныя кіевскія гривны“?).. Одинаковость формы всѣхъ 39 „брусковъ“, самая форма ихъ, вѣсъ и размѣры—все это напоминаетъ именно тѣ гривны, которыя и по сейчасъ изрѣдка попадаются въ русскихъ кладахъ.

Если это такъ, то Кутуковскій „поклажей“ принадлежалъ, дѣйствительно, къ очень глубокой древности.

Серебряные бруски были очень крупнаго *вѣса*. Приказчикъ Гр. Максимовъ, отвезшій къ Ѳ. Ртищеву большую часть Кутуковскаго клада, свѣсилъ 29 брусковъ и нашелъ въ нихъ „*14 фунтовъ* безъ невелика“, т. е.—въ общемъ почти по полфунта въ каждомъ (какъ, дѣйствительно, и вѣсятъ такъ-называемыя „гривны“). Серебряникъ Кобылякъ нашелъ, что его брусокъ серебра былъ именно „вѣсомъ *пол-фунта*“.

Интересенъ вопросъ о „*подписяхъ*“ на брускахъ, поднятый пастухомъ Евтюшкою *Ѳектистовымъ*, который утверждалъ, что на одномъ изъ найденныхъ имъ брусковъ серебра было что-то „*намѣчено въ пяти мѣстехъ*“. Хотя и отецъ его, и прикащикъ Максимовъ, отобравшій тотъ брусокъ, отвергали показаніе Евтюшки, мальчикъ продолжалъ стоять на своемъ, что „*помѣтки*“ были, но „*старіе-ль* или *новые* · того онъ не вѣдаетъ“. Ясно отсюда („старые“ или „новые“), что Евтюшка подъ „помѣтками“ разумѣлъ именно „подписи“.

Попъ Тарасъ уже прямо утверждалъ въ разговорахъ съ помѣщиками и крестьянами, что на одномъ брускѣ „была *подпись*, только-де онъ той подписи *не прочелъ*“... До „сыска“ о кладѣ многія лица слышали о „подписяхъ“ отъ попа Тараса, но во время „сыска“ Бороздина попъ почему-то счелъ нужнымъ отвергнуть ссылки на него свидѣтелей и увѣрять, что никакихъ подписей онъ не видалъ и никому о нихъ не говорилъ. „Очныхъ ставокъ“ ему не дѣлали, да и вообще онъ лично не являлся предъ комиссіей „сыщиковъ“, а давалъ отвѣты черезъ свой Рязанскій „духовный приказъ“. И хотя сыщики чрезвычайно старались разъяснить вопросъ о „подписяхъ“, неразъ въ продолженіи сыска подымая его, но отъ попа Тараса не могли болѣе ничего добиться. Вообще, вопросъ о подписяхъ остался не рѣшеннымъ и для сыщиковъ, да остается такимъ и для насъ.

Но если допустить, что попъ Тарасъ говорилъ о „подписяхъ“

правду до „сыска“, а во время „сыска“ лгалъ и не хотѣлъ сознаться о видѣнныхъ имъ „подписяхъ“ (можетъ быть въ виду большаго значенія, несомнѣнно приданнаго сыщиками вопросу о подписяхъ), тогда можно признать существованіе „подписей“ на Кутуковскихъ „брускахъ“. Такимъ образомъ прибавится еще одно доказательство въ пользу предположенія, что въ Кутуковскихъ „брускахъ“ слѣдуетъ видѣть древне-русскія „гривны“ [1]).

Перехожу къ *золоту* Кутуковскаго „поклажея“: 7 найденныхъ кусковъ его представляли „отломки“ вещей и были двухъ видовъ: одни были „*прутовые, круглые*“, другіе—„*плетеные, витые*“. Размѣры и вѣсъ обломковъ были не одинаковы. Такъ, А. Кобылякъ купилъ у Васьки Ломова „золота прутового круглово кончикъ *длиною въ пол-вершка*, а вѣсомъ того золота съ $1^1/_2$ *золотника*“, пастухъ Терешка Ивановъ нашелъ кусокъ „золота плетеного *съ перстъ толщиною*“.

Въ 2 „витыхъ“ кускахъ золота было „по *лазоревому камышку*“: они сидѣли „*въ гнѣздахъ*“, откуда выпали при очищеніи кусковъ отъ земли.—По всей вѣроятности, это была *бирюза*. Величина ея не обозначена.

Очевидно, все это были „отломки“ *колецъ*, *браслетовъ*, *перстней*, *серегъ* и т. п. предметовъ украшенія. Такъ именно и опредѣлены нѣкоторыми свидѣтелями видѣнные ими золотые „отломки“. Напр., попъ Тарасъ видѣлъ „*свитокъ тянутово* золота, а тотъ свитокъ *въ длину* будетъ *въ четверть аршина* слишкомъ, а *толщиною* гораздо толще человѣческаго *большого перста*, а то золото *тянуто въ сережное тонкое кольцо*“... Полагаю, что въ этомъ описаніи нужно видѣть именно *серьгу* („сережное тонкое кольцо“) *съ привѣскою*, [2]) представлявшею также кольцо, но неправильной формы („свитокъ“ вообще, по опредѣленію попа) и очень внушительныхъ размѣровъ (длиною „въ $^1/_4$ аршина“, толщиною больше „большого перста“ человѣка).

Пушкарь Т. Вьялинъ купилъ у Васьки Ломова „2 отломка *цѣпи золотой*“ вѣсомъ „пол-пята золотника слишкомъ“ ($4^1/_2$). Комис-

---

[1]) То были, повидимому, гривны типа переходнаго отъ Кіевскаго къ Новгородскому, которыя, сохраняя форму Кіевскихъ гривенъ, по вѣсу равнялись Новгородскимъ. *Прим. ред.*

[2]) Это, очевидно, шейная гривна. *Прим. ред.*

сія „сыщиковъ“, куда Вьялинъ представилъ „отломки“, перевѣсила ихъ и нашла вѣсу 5 золотниковъ. Она также признала, что это золото „знатно отломлено отъ *цепи золотой*“.

Итакъ Кутуковскій кладъ состоялъ изъ довольно богатой нумизматической (если признать, что „бруски“ серебра были серебряныя „гривны“) и художественной (серьги, цѣпи, кольца и пр.) коллекцій. Если первая говоритъ о глубокой древности клада, то послѣдняя свидѣтельствуетъ, что владѣлецъ „поклажея“ принадлежалъ къ богатой народности (всѣ украшенія изъ золота), у которой производство предметовъ украшенія стояло на довольно высокой степени развитія.

Вотъ все, что можно сказать о составѣ и значеніи предметовъ Кутуковскаго „поклажея“ 181 (1673) г.

Въ чемъ же и какъ именно выразились въ Кутуковскомъ сыскномъ дѣлѣ отношенія русскаго общества 2-й половины XVII в. къ предметамъ древности?

Точнаго и обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя дать, такъ какъ, къ сожалѣнію, дѣло дошло до насъ далеко не въ полномъ своемъ видѣ. Но изъ сохранившагося неполнаго производства его можно все-таки сдѣлать кое-какіе выводы по поставленному вопросу.

Прежде всего нельзя не отмѣтить факта *значительнаго вниманія правительства* къ Кутуковскому кладу, выразившагося въ *посылкѣ* на мѣсто *особой комиссіи*, хотя бы и по иниціативѣ частнаго лица (помѣщика Елисея Житова); посылка эта несомнѣнно свидѣтельствуетъ о такомъ вниманіи. Присутствіе въ комиссіи Оловеникова (въ качествѣ товарища стольника Борисова-Бороздина)—подъячаго „Приказа великаго государя *Тайныхъ Дѣлъ*“—говоритъ и о личномъ вниманіи къ дѣлу самаго *государя*.

Бороздинъ и Оловениковъ вели „*сыскъ*“ очень *внимательно*: была допрошена масса лицъ—кладоискателей, ихъ родственниковъ, скупщиковъ вещей, разныхъ свидѣтелей и пр., не только изъ дер. Кутуковой, но и изо всѣхъ сосѣднихъ селъ и деревень. Допрашивали крестьянъ, духовенство, помѣщиковъ и пр., допрашивали однихъ и тѣхъ же лицъ по нѣскольку разъ, приводили даже „сыскныхъ людей“ къ „пыткѣ и огню“ („по грамотѣ“ изъ Москвы, а не по личному распоряженію сыщиковъ)... Сыщики „обыскивали дворы“ Кутуковцевъ,

произвели „*досмотръ*“ мѣсто-нахожденія клада, сдѣлали даже здѣсь *раскопку* и пр. Словомъ, кладу было оказано полное вниманіе.

Любопытно, что *особенный интересъ возбудилъ вопросъ о „подписяхъ“* на „брускахъ серебра“. Сыщики употребили много усилій на разъясненіе этого вопроса, и не ихъ вина, если вопросъ все-таки остался не уясненнымъ окончательно. А интересовались они имъ едва-ли не больше другихъ вопросовъ о кладѣ: съ попа Тараса снимаютъ нѣсколько „скасокъ“ о „подписяхъ“, Рязанскому Духовному Приказу дѣлаютъ выговоръ за промедленіе въ высылкѣ одной изъ этихъ „скасокъ“, допрашиваютъ и другихъ лицъ по этому же вопросу о „подписяхъ“ и пр. Нельзя не видѣть здѣсь стремленія постигнуть *смыслъ и значеніе* найденныхъ предметовъ.

Если бы дѣло сохранилось въ полномъ своемъ видѣ, тогда мы имѣли бы еще больше доказательствъ вниманія правительства къ Кутуковскому кладу. Нельзя вообще не пожалѣть, что не сохранилось документовъ, послѣдовавшихъ за „сыскомъ“ Бороздина и Оловеникова. Не можетъ быть, чтобы Ѳедоръ Ртищевъ, получившій отъ своихъ крестьянъ 29 брусковъ серебра и часть золота изъ Кутуковскаго клада, чтобы онъ не былъ допрошенъ въ Москвѣ и чтобы не было осмотрѣно здѣсь его золото и серебро. Можно думать, что въ Москвѣ это дѣло *производилось* въ государевомъ *Приказѣ Тайныхъ дѣлъ*. Тамъ, вѣроятно, была рѣшена судьба всѣхъ найденныхъ предметовъ—и переданныхъ Ртищеву, и найденныхъ комиссіей Бороздина и Оловеникова.

Вообще полнаго сужденія объ этомъ кладѣ нельзя сдѣлать, пока не будетъ найдено окончаніе Кутуковскаго „сыскнаго дѣла“ (напр — въ дѣлахъ Преображенскаго Приказа).

Какіе же *общіе выводы* можно сдѣлать изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами „сыскныхъ дѣлъ“ о кладахъ въ XVII в.?

Если судить только по этимъ „сыскнымъ дѣламъ“, то слѣдуетъ признать, что въ русскомъ обществѣ XVII в. не замѣчается вполнѣ сознательнаго отношенія къ памятникамъ родной старины. Тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что въ XVII в. мы наблюдаемъ *первые зародыши* такого отношенія. Въ обществѣ начинаетъ бродить мысль о какомъ-то иномъ, помимо матеріальнаго, значеніи находимыхъ предметовъ древности (напр. внимательный розыскъ о „*под-*

писяхъ“ на „брускахъ серебра“, въ „сыскѣ“ о Кутуковскомъ кладѣ). Проглядываетъ смутное *стремленіе понять смыслъ* этихъ предметовъ, *зарождается археологическое любопытство*... Къ найденнымъ предметамъ старины чувствуется какое-то безсознательное *уваженіе* (передача ихъ въ руки церкви—въ Путивльскомъ кладѣ).

Все это заставляло правительство производить тщательные „*сыски*“ о кладахъ. „Сыскъ“ о Шацкомъ кладѣ, предпринятый воеводою по собственной иниціативѣ, безъ предварительнаго сношенія съ Разряднымъ приказомъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ половинѣ XVII в. „сыски“ о кладахъ начинаютъ *входить въ кругъ обычныхъ обязанностей воеводъ*. Въ случаяхъ находки кладовъ особенной важности центральное Московское правительство снаряжаетъ на мѣсто цѣлыя *комиссіи* для изслѣдованія находки (комиссія о Кутуковскомъ кладѣ). Словомъ, все свидѣтельствуетъ, что предметы древности въ XVII в. начинаютъ привлекать къ себѣ вниманіе общества и правительства.

Будемъ надѣяться, что съ открытіемъ другихъ матеріаловъ по данному вопросу явится возможность подтвердить только что высказанные скромные выводы новыми доказательствами или даже расширить эти выводы въ ту или другую сторону и продвинуть ихъ глубже—за предѣлы XVII вѣка [1]).

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) Выводъ автора, что дѣла о кладахъ XVII в. свидѣтельствуютъ о первыхъ зародышахъ сознательнаго отношенія къ памятникамъ родной старины,—выводъ, опирающійся на томъ, что государственная власть сама производитъ сыски о кладахъ,—едва ли можетъ быть принятъ. По началу, дѣйствующему со временъ глубокой древности, всякій кладъ (thesaurum) принадлежитъ государству; въ Печерскомъ Патерикѣ разсказывается, что кн. Мстиславъ Святополковичъ, узнавъ, что Печерскій инокъ Ѳедоръ нашелъ въ Варяжской пещерѣ варяжскую поклажу, „повелѣлъ мучить его крѣпко“, пытать въ дыму и, наконецъ, замучилъ, не допытавшись, куда инокъ скрылъ найденное сокровище.

Примѣч. ред.

Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго.

Разысканія въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ за послѣднее время не разъ приводили къ открытію новыхъ или малоизвѣстныхъ памятниковъ и матеріаловъ. Такъ, были найдены; отвѣтъ ц. Ивана Васильевича Грознаго на мнѣнія Яна Рокиты, члена общ. богемскихъ братьевъ, извѣстный до того времени въ латин. переводѣ по сборн. І. Ласицкаго; печатный указъ Петра В. по одному изъ существенныхъ церковныхъ предметовъ; матеріалы для исторіи Пугачевщины въ архивѣ Астр. духовной консисторіи и по исторіи крѣпостнаго права въ нѣкоторыхъ губернскихъ архивахъ; Новгородскія грамоты въ одномъ изъ прибалтійскихъ архивовъ [1]) и т. п. Многія бумаги изъ болѣе или менѣе важныхъ частныхъ архивовъ нашли себѣ мѣсто въ новыхъ коллекціяхъ, образовавшихся въ послѣднее время, какъ напр. бумаги Снегирева, Мельникова (Печерскаго), Бодянскаго—въ библіотекахъ А. А. Титова (въ Ростовѣ Яр. губ.) и И. А. Вахрамѣева (въ Ярославлѣ [2]). „Пропозиціи“ Ѳедора Салтыкова, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ нашемъ сообщеніи, найдены въ библ. П. Н. Тиханова, по списку котораго онѣ и напечатаны Общ. люб. древней письменности (С.-Пб. 1891).

Если бы проектъ этотъ не заключалъ въ себѣ никакихъ указаній на время своего происхожденія, то, по одному общему характеру, историкъ отнесъ бы его ко времени Петра В. Широта преобразова-

---

[1]) См. „Опытъ рус. исторіографіи“, I, 766, 850, cxliv, cclix.

[2]) См. „Новыя коллекціи рукописей въ Россіи“, К. 1890.

тельныхъ замысловъ и глубокая вѣра въ силу просвѣщенія — вотъ чѣмъ по преимуществу характеризуется эта эпоха. Одинъ изъ выдающихся птенцовъ Петра, Татищевъ, въ слѣдующихъ словахъ выразилъ намъ эту вѣру въ знаніе, какъ основаніе народнаго благосостоянія: „Все, что я имѣю, чины, честь, имущество, *а наиболѣе умъ*, я имѣю по милости Петра В.“ А знаменитый сподвижникъ многихъ реформъ Петра В. Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ надгробномъ словѣ ему, очевидно, не переставалъ вѣрить и въ ихъ прочность: „Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ“. Но надежды Ѳеофана далеко не оправдались. Болѣе вѣрно судилъ, быть можетъ, самъ Петръ, когда, въ минуты самой напряженной дѣятельности, писалъ: „только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, котораго насаждающи не получаютъ видѣть“. Въ другомъ письмѣ повторяется почти тоже: „ожидаемъ благого утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ“ [1]).

Вопросъ о значеніи Петровской реформы представляется тѣмъ болѣе важнымъ въ историческомъ отношеніи, чѣмъ болѣе вызываетъ онъ споровъ, а они имѣютъ свою литературу [2]), начиная съ эпохи Петра до послѣдняго времени (В. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, К. Леонтьевъ, П. Е. Астафьевъ и др.), и въ значительной степени зависятъ отъ господствующихъ теченій въ нашей общественной жизни, съ возникновеніемъ которыхъ то повышается, то понижается и нравственный цензъ реформы, конечно не у историковъ. Было время, когда достаточно было сказать, что Петръ В. ввелъ брадобритіе и перемѣнилъ платье, какъ дѣлаютъ и теперь нѣкоторые (см. Н. Время 1891, № 5429), чтобы связать этотъ фактъ со всею древнею культурою и признать въ самой реформѣ антинаціональныя стремленія. Однако хорошо извѣстно, что уже первый славянофилъ Крижаничъ возражалъ противъ восточнаго платья русскихъ—этого „важнаго признака разума у народовъ“ [3]), а царь Ѳедоръ Алексѣевичъ не задумался ввести при дворѣ и для служилыхъ людей короткіе кафтаны вмѣсто длинныхъ охабней

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, XIV, 290.

[2]) Е. Шмурло: „Петръ В. въ русской литературѣ“, Спб., 1889, гл. 1-я.

[3]) Арс. Маркевичъ: „Ю. Крижаничъ“, стр. 52—54.

и однорядокъ [1]), и это распоряженіе вызвало даже похвалы у современниковъ [2]).

Несомнѣнно, что въ историческихъ явленіяхъ существуетъ извѣстная преемственность и въ этомъ отношеніи царствованіе Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, а также Ивана Грознаго и Бориса Годунова были въ извѣстномъ смыслѣ подготовкою къ Петровской реформѣ. Но, съ другой стороны, между ними и эпохой Петра В. есть глубокая разница. Если бы мы захотѣли опредѣленно охарактеризовать главное направленіе реформы Петра, слѣдуя исторической терминологіи, то мы назвали бы его *секуляризаціей русской мысли*. До него въ сближеніи съ Западомъ имѣли мѣсто практическіе интересы; школа могла быть только церковною, о чемъ съ такою ясностью свидѣтельствуетъ уставъ Греко-славянской академіи, относящійся уже къ самому послѣднему времени передъ эпохою Петра [3]). И въ прежнее время появлялись иногда переводы классическихъ сочиненій западной литературы, какъ напр., по желанію патр. Никона, были переведены кіевскими учеными извѣстная „Анатомія“ Андрея Везалія и обширная „Космографія“ (въ 3-хъ фоліан.), въ которой объясняются системы Птоломея и Коперника (съ рисунк.), при чемъ о послѣдней замѣчено, что „нынѣ изящнѣйшіе всѣ математики Копернику подражаютъ“, хотя сами переводчики и не берутся рѣшить преимущество какой-либо изъ нихъ [4]). Но переводы эти, конечно, оставались въ рукописяхъ и вмѣстѣ съ другими классическими произведеніями, находившимися въ библіотекѣ патр. Никона (а многіе изъ

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 277.

[2]) „Долгія одежды приличны женскому платью и къ служилому и дорожному времени были не потребны, да и многоубыточны“ (Изборн. Попова, 253). „Какъ царь Ѳедоръ Ал. приказалъ охабни перемѣнить, и въ одинъ мѣсяцъ перемѣнили и указу его не ругали, а твой указъ ни во что ставятъ, въ семь лѣтъ не переведутъ“, читаемъ въ одномъ подметномъ письмѣ (1708), по поводу перемѣны платья при Петрѣ Вел. (Соловьевъ, XVI, 32, пр. 55) Брадобритіе на Руси имѣетъ также свою исторію („Чт. о яз. и словесн.“, изд. II отд. Имп. Ак. Н., 1857, с. 113; Москвитянинъ, 1853, II, 130—132; ср. „Ближ. бояр. Ординъ-Нащокинъ“, Р. Стар. 1883, XL, 304—305). При Алексѣѣ Мих. сынъ боярина Шереметева сбрилъ бороду (Соловьевъ, XIV, 277—278).

[3]) Вѣрная оцѣнка его сдѣлана Соловьевымъ (XIII, 329—330): „произнесутъ блюстители съ учителями слова: „виновенъ въ неправославіи“, и костеръ запылаетъ для преступника“, говоритъ авторъ „Исторіи Россіи“.

[4]) „Новые матер. о патр. Никонѣ“, нашъ очеркъ, стр. 48, 70—71.

нихъ онъ пріобрѣлъ еще въ Новгородѣ), служатъ свидѣтельствомъ несомнѣнной любознательности и широкаго ума патріарха. Что же касается представителей двухъ господствовавшихъ въ Москвѣ направленій, боровшихся за вліяніе, въ лицѣ Лихудовъ и Симеона Полоцкаго, въ основныхъ воззрѣніяхъ на міръ, то они несомнѣнно стояли на точкѣ зрѣнія схоластическаго Аристотеля и Космы Индикоплова [1]).

Точка зрѣнія на міръ, на политическія и общественныя отношенія [2]) существенно измѣняется со времени Петра В., когда получаютъ право гражданства въ литературѣ и школѣ идеи Ньютона [3]), Гравезанда [4]) и т. п. и когда переведена была „Книга міровзрѣнія“, извѣстнаго математика Гюйгенса [5]), дважды напечатанная при Петрѣ В. (1717, 1724), въ которой принята система Коперника, между тѣмъ какъ еще въ географіи, изданной въ 1710 г., предпочиталось мнѣніе Тихо Браге. Книга Гюйгенса въ свое время считалась у насъ самою богопротивною и противъ нея въ рукописяхъ извѣстны жестокія нападки нашихъ ханжей, по замѣчанію Пекарскаго [6]). Подарокъ знаменитаго Готторпскаго глобуса (1713 г., котораго, однако, мы не съумѣли сохранить въ цѣлости), сдѣланный администраторомъ Голштиніи, Петръ В. ставилъ выше всего, что могла поднести ему эта страна [7]),— взглядъ, котораго не могъ высказать ни ц. Алексѣй Михайловичъ, ни его преемникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ. Въ ряду переводныхъ сочиненій по политическимъ наукамъ, вышедшихъ въ этотъ періодъ (нѣкоторыя въ рукописи), мы встрѣчаемъ имена: Пуфендорфа, Варенія, Клювера, Слейдана, Ю. Липсія, Гуго-Гроція,

---

[1]) Смирновъ: „Ист. Слав. греко-латин. акад.“, 60—63; „Симеонъ Полоцкій“, Л. Н. Майкова (Древ. и Нов. Россія, 1875, III, 131).

[2]) Замѣтимъ, что Крижаничъ совѣтовалъ перевести на рус. яз. „Политику“ Аристотеля (Посл. его къ ц. Ѳедору Алекс. см. въ Уч. зап. Казан. унив., 1865, кн. I).

[3]) Пекарскій, „Наука и литер. при Петрѣ В.“, I, 281, 544.

[4]) Вильг. Як. ванъ-Гравезандъ, голландскій геометръ и философъ (1688—1742). Сочиненія: „Oeuvres philosophiques et mathémtiques“ (1774). Въ спорѣ по поводу трактата Германа („Мем. Петерб. акад.“, I) онъ былъ на сторонѣ послѣдняго, противъ Кларка, а также издалъ пол. собр. соч. Гюйгенса (Уэвелль, „Ист. индукт. наукъ“, II, сс. 101, 761).

[5]) Хр. Гюйгенсъ (1629—1695), голл. матем. и членъ Париж. академіи, авторъ весьма важныхъ трактатовъ (Уэвелль, II, 90, 759—61; Пекарскій, I, 282—283, 511; II, 388, 389).

[6]) Пекарскій, I, 283; ср. стр. 511.

[7]) „Кабинетъ Петра В.“, изд. Бѣляевымъ, I, 169—171.

Бекмана, Ло и мн. др. и нѣкоторыя изъ нихъ (напр. „политику“ Пуфендорфа) Θеофанъ Прокоповичъ рекомендуетъ, какъ руководство, въ проектированномъ имъ регламентѣ духовной академіи [1]). Не менѣе любопытенъ списокъ книгъ, купленныхъ во Франціи и Голландіи докт. Петромъ Постниковымъ, въ 1710 г., изъ котораго видно, какъ много пріобрѣтено было тогда сочиненій на франц. языкѣ по юриспруденціи, военнымъ и др. наукамъ [2]). Далѣе, по отношенію къ вопросу о Сводномъ Уложеніи при Петрѣ В., заслуживаетъ вниманія рукопись: „Выписка 1711 г. изъ книги правъ французскихъ, сочин. по повел. кор. Французскаго въ Парижѣ, въ 1679 г., г-мъ Клаудіемъ Ферріеромъ, парл. адвокатомъ, докт. и профессоромъ правъ“ [3]). А въ 1718 г. послѣдовало уже общее распоряженіе: „переводить книги юриспруденціи и проч. [4])“. Современныя библіотеки (Матвѣева, кн. Голицына, гр. Брюса, Татищева[5]) наполнены были подобными же сочиненіями. Но окончательное торжество западная наука получаетъ въ Россіи съ учрежденіемъ Академіи Наукъ и въ тѣсной связи съ нею перваго университета, при участіи и содѣйствіи Лейбница и Вольфа [6]), при чемъ на первыхъ порахъ въ ея составѣ встрѣчаются имена Як. Германа, Н. Делиля, бр. Бернулли, Эйлера, а въ I томѣ ея „Мемуаровъ“ (1728) появляются трактаты Германа, Бильфингера и Вольфа, обратившіе на себя вниманіе на Западѣ [7]). Понятно, что пытливый умъ „перваго русскаго ученаго“ (Ломоносова) не могъ удовлетвориться преподаваніемъ въ старой школѣ, какъ-то схоластическими пріемами въ философіи и полнымъ отсутствіемъ матеріаловъ по физикѣ и математикѣ [8]).

Правда „облакъ сумнѣнія“ не разъ представалъ въ воображеніи Петра В. на счетъ будущаго его реформы, а наблюдательные совре-

---

[1]) Духов. Регламентъ.

[2]) „Матер. для ист. рус. и иностр. библіографіи“, И. Токмакова (Библіогр. 1885 №№ 4, 6, 7).

[3]) Свод. Улож. лл. 403—442 въ „Опис. рукоп. Царскаго“, с. 692.

[4]) П. Собр. Законовъ, V, № 3208.

[5]) См. „Опытъ рус. исторіографіи“, II, 1077—1085.

[6]) Пекарскій, „Ист. Акад. Наукъ“, I, предисл.

[7]) Уэвелль, II, 101—102.

[8]) Куникъ, „Матер.о Ломоносовѣ“, 392—рѣчь идетъ о Кіев. академіи; ср. „Ист. Слав.—гр.—лат. акад“.Смирнова, 250.

менники прямо ставили судьбы ея въ зависимость отъ продолжительности его жизни, какъ это видно изъ многочисленныхъ отзывовъ иностранныхъ резидентовъ, бывшихъ тогда въ Россіи [1]). Вскорѣ по смерти Петра В. саксонскій посланникъ Лефортъ писалъ (1728) своему двору: „Когда я обращаю вниманіе на настоящее управленіе государствомъ, мнѣ кажется, что царств. Петра Вел. было не что иное, какъ *сонъ*. Всѣ живутъ здѣсь въ такой безпечности, что человѣческій разумъ не можетъ постигнуть, какъ такая огромная машина держится безъ всякой помощи; каждый старается избавиться отъ заботъ; никто не хочетъ взять что-либо на себя и молчитъ, потому что лучшіе совѣтники не пользуются поддержкою [2])".

Дѣйствительно, предшествовавшая эпоха стояла цѣлою головою выше непосредственно слѣдовавшаго за нею періода. Такъ, уже въ въ 1728 г., вышедшая на французскомъ яз. рѣчь Н. Делиля о вращеніи земли не могла быть напечатана по русски [3]). Переводъ соч. Фонтенеля „О множествѣ міровъ", сдѣланный кн. А. Кантемиромъ въ 1731 г., могъ быть напечатанъ лишь въ 1740 г., съ особаго разрѣшенія [4]). Въ началѣ царст. Елизаветы Петровны появляются доносы на соч. Гюйгенса и Фонтенеля, какъ защищавшія именно систему Коперника, [5]) и тогда же возбуждено было преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ прежде [6]). Въ 1757 г. ученикъ Славяно-греко-латинскойакаденіи Пельскій пишетъ замѣчанія на сочиненіе въ стихахъ Тредьяковскаго „Θеоптія" и въ числѣ „сумнительствъ" отмѣчаетъ мѣста, въ которыхъ шла рѣчь о неподвижности солнца, обращеніи около него земли и т. п.[7]); но и Тредьяковскій, въ свою очередь, обращалъ вниманіе Синода на оду, напеч. въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" 1755 г., въ которой высказывалось положительное мнѣ-

---

[1]) „Новые матер. для ист. царств. Петра В.", нашъ очеркъ, с. 49—50.

[2]) „Сборн. Рус. Истор. общ.", V, 308.

[3]) Отъ разрѣшенія Синодомъ русскаго перевода въ Академіи ставили тогда въ зависимость и судьбу другихъ философскихъ предметовъ, о которыхъ появятся разсужденія со временемъ; но такого разрѣшенія не было дано („Ист. Ак. Наукъ", I, 145—146). Сестра Петра II (Наталія) читала эту рѣчь съ акад. Гольдбахомъ (ibid., 163).

[4]) Пекарскій, I, 511; „Ист. Акад. Наукъ", I, 215.

[5]) Пекарскій, I, 511.

[6]) „Сборникъ постановл. о цензурѣ", 13—14; „Историч. свѣд. о цензурѣ", стр. 3.

[7]) Пекарскій, I, 175; Москвитянинъ, 1851, №№ 19 и 20.

ніе о множествѣ міровъ. Въ 1756 г., была сдѣлана даже попытка прекратить печатаніе книгъ, относящихся къ этому предмету [1]). Нѣсколько позже извѣстный историкъ Россіи, кн. М. М. Щербатовъ, проводя параллель между двумя эпохами, до-петровскою и послѣ нея, по поводу учрежденія Славяно-греко-латин. академіи, говоритъ: „Но чему бы въ сей академіи научились? Научились бы языкамъ греческому и латинскому, философіи Аристотелевой и его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона и богословіи; разумѣли бы всѣхъ лучшихъ писателей аѳинскихъ, цвѣтущаго Рима и св. отцовъ. Но познали-ль бы новыя открытія, учиненныя новыми? Познали-ль бы новую систему свѣта, изобрѣтенія въ физикѣ, химіи и математикѣ"? „Нѣтъ", отвѣчаетъ онъ, полагая паче себѣ правиломъ не сообщаться не съ единовѣрными, утверждаясь еще болѣе въ сей ненависти...., то якобы отдѣленная отъ другихъ частей свѣта земля должна была сама все изыскивать или бы превозмочь ненависть свою къ чужестраннымъ и съ ними въ сообщеніе войти" [2]). Недовѣрчивое и вмѣстѣ съ тѣмъ ироническое отношеніе къ опытамъ надъ электричествомъ, производимымъ въ то время въ Петербургѣ акад. Рихманомъ (палъ жертвою своихъ наблюденій надъ громоотводомъ 26 іюля 1753 г.), выраженное въ славянскомъ стилѣ, такимъ лицомъ, какъ авторъ записокъ, ген. Нащокинъ, со ссылками даже на „Иѳику", изд. въ XVII вѣкѣ въ Кіевѣ, лучше всего показываетъ, какъ малъ еще былъ тогда кругъ вліянія западной науки у насъ [3]). Вотъ почему Ломоносовъ справедливо опасался, что несчастный случай съ Рихманомъ можетъ неблагопріятно повліять на распространеніе въ обществѣ научныхъ знаній, а потому онъ писалъ извѣстному И. И. Шувалову: „чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки". И академическая канцелярія не находила даже возможнымъ, чтобы въ торжественномъ собраніи Академіи 6 сентября была произнесена рѣчь объ электричествѣ, „по причинѣ случая смертнаго профессора Рих-

---

[1]) „Редакторы, сотрудники и цензура въ рус. журн. XVIII в.", Пекарскаго, 43—44.

[2]) „Состояніе Россіи до Петра В." (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1860, I, 26).

[3]) „Записки В. А. Нащокина", изд. 1842 г., стр. 116. Какъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ обскуранты на Западѣ см. Уэвелль, III, 827—828.

мана“ [1]). Что же касается собственно ученаго свѣта, то тамъ, по поводу кончины Рихмана, появился цѣлый рядъ статей, изслѣдованій и разсужденій. Въ честь его писались даже стихи....

Понятно, что положеніе политическихъ наукъ было еще хуже. Въ извѣстныхъ процессахъ кн. Д. М. Голыцина и А. П. Волынскаго шла рѣчь о такихъ сочиненіяхъ, какъ Макіавелли, Юста Липсія, Бокалини, которыя свободно обращались прежде; а Татищевъ ссылается уже на примѣръ Бокалини въ подтвержденіе того, какъ опасно писать современную исторію. И въ указѣ имп. Анны 1738 г. повелѣвалось обратить особенное вниманіе на переводныя сочиненія [2]).

Если „облакъ сумнѣнія“ закрадывался въ душу Петра при взглядѣ на окружавшую его среду, то онъ прекрасно зналъ и матеріалъ, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, чтобы не отступать передъ разъ намѣченными цѣлями[3]); но у его ближайшихъ преемниковъ эти цѣли отступаютъ на задній планъ, и, напротивъ, снова берутъ верхъ элементы, враждебные наукѣ. Такимъ образомъ, большія надежды, возлагавшіяся Петромъ В. на переводную литературу, оказались напрасными. Она не сослужила русскому обществу той службы, какой онъ ожидалъ отъ нея. Уже въ 1752 г. въ конторѣ Московской синод. типографіи накопилось столько петровскихъ изданій, вышедшихъ изъ петербургской и моск. типографій, что синодальное начальство признало необходимымъ или продавать ихъ на публичныя фабрики, или употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ: такъ, эта мѣра приводилась въ исполненіе въ 1752, 1769 и 1779 г. Не говоря о вѣдомостяхъ и календаряхъ, которые истреблялись тысячами, книги научнаго содержанія подвергались истребленію въ количествѣ 100—300 и болѣе экземпл. Вообще, истребленныя

---

[1]) „Матер. для біогр. Ломоносова“, собр. Билярскимъ, Спб. 1865, 215; „Ист. Акад. Наукъ“, Пекарскаго, I, 712—714.

[2]) См. въ нашемъ очеркѣ: „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общ. образованія“ (В. Евр. 1876, № 9, с. 178—179).

[3]) „Что мало охотниковъ, писалъ Петръ въ одномъ изъ своихъ указовъ, и то правда, понеже нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, *что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано*, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“ (Соловьевъ., XVI, 219).

книги были оцѣнены въ 7412 р. [1]), или на наши деньги до 67000 р.— сумма, по тому времени, весьма значительная [2]). Другія изъ петровскихъ изданій подверглись не менѣе печальной участи: соч. Пуфендорфа („Введ. въ европ. исторію") отбиралось у частныхъ лицъ при Аннѣ Ивановнѣ [3]), соч. В. Стратемана („Θеатронъ или позоръ историческій"— это исторія отъ сотв. міра до 1680 г., авторъ—протестантъ)—при Елисаветѣ Петровнѣ [4]), а въ 1756 г. въ Синодъ и Академію Наукъ, по требованію правительства, свезено было такое множество книгъ для просмотра, что самому правительству пришлось дѣлать разъясненія по этому поводу [5]).

Само собою ясно, какъ всѣ эти факты идутъ въ разрѣзъ съ образовательными цѣлями и планами Петра В. Изданіе лѣтописей и историческихъ трудовъ при Академіи встрѣчало большія затрудненія и препятствія; ученая переписка и матеріалы по географіи, собранные участвовавшими въ ученыхъ экспедиціяхъ лицами, попадали въ слѣдственную коммиссію или въ кабинетъ, а статистическія изслѣдованія о русской торговлѣ сдѣлались совсѣмъ невозможными[6]). „Чего можно было ожидать въ этомъ отношеніи въ промежуткѣ отъ смерти Петра до Екатерины II, говоритъ Шлёцеръ?... Даже свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ считались тогда государственною тайною. Впослѣдствіи Чулковъ напечаталъ безчисленное количество такихъ списковъ въ своихъ многочисленныхъ квартантахъ о русской торговлѣ. Этотъ новый міръ открылся, когда императрица, по случаю моей ссоры съ Ломоносовымъ, ограничила понятіе о государственной тайнѣ. При ней стали издаваться и статистическія таблицы, на основаніи приходскихъ списковъ, долго валявшихся въ академіи" [7]).

Ко времени Петра В. относится множество проектовъ и плановъ, касавшихся той или другой стороны преобразованій. Ихъ писали философы (Лейбницъ и Вольфъ), публицисты (Гюйсенъ), служилые иноземцы (Фикъ, Люберасъ), русскіе люди (Вас. Н. Тати-

---

[1]) Пекарскій, „Наука и литература", I, предисл., с. II.

[2]) Ключевскій, „Русскій рубль" (Чт. въ Общ. ист. и древ. рос. 1884, I, 72).

[3]) Пекарскій, I, 326—327.

[4]) Ibid. II, 615. „О всеобщей исторіи Стратемана", А. Зиновьева (Ж. М.Н. Пр. 1835, ч. V).

[5]) „Сборн. постановл. о цензурѣ", 14; „Ист. свѣд. о цензурѣ", с. 3.

[6]) „Русскіе университеты", 178—182.

[7]) „Автобіографія Шлёцера", 120—121, 144—145.

щевъ, Ив. Посошковъ, Ив. Филипповъ и др.). Независимо отъ того, въ многочисленныхъ центрахъ Западной Европы проживали русскіе, посланные для изученія разныхъ наукъ, и нарочные агенты, нерѣдко присылавшіе оттуда записки по той или другой отрасли управленія, или привлекавшіе иностранцевъ въ русскую службу [1]); а изъ недавно напечатанныхъ матеріаловъ можно видѣть, какая масса книгъ, не только на нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ, но и во Франціи пріобрѣталась этими агентами и отправлялась въ Россію [2]). Но только по изданіи всѣхъ писемъ и бумагъ Петра В. можно будетъ судить вполнѣ о его личномъ участіи въ томъ или другомъ проектѣ и предпріятіи. Толки объ учрежденіи въ Россіи высшаго ученаго и образовательнаго заведенія возникаютъ въ 1711—16 гг., когда впервые являются предложенія Лейбница, и окончательно опредѣляются къ 1718—21 гг. [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ ясно выразилъ и главную цѣль: „какобы *кратчайшій и способнѣйшій путь* изобрѣсти, чтобъ завести *науки* и онымъ людей своихъ, елико мощно *скорѣе, обучити*“ [4]). Этой цѣли должно было удовлетворить и первоначальное устройство Академіи Наукъ (притомъ временное, какъ заявлялъ самъ Петръ), представлявшей соединеніе *ученаго общества*, *университета* и *гимназіи*; но научныя цѣли стояли здѣсь уже на первомъ планѣ [5]).

Тотъ же „кратчайшій путь“ въ дѣлѣ распространенія образованія въ Россіи имѣетъ въ виду и проектъ Ѳ. С. Салтыкова, при чемъ этотъ послѣдній заслуживаетъ вниманія уже тѣмъ однимъ, что онъ принадлежитъ едва ли не къ самымъ раннимъ проектамъ этого рода, не исключая и предложеній Лейбница. До послѣдняго времени было извѣстно лишь, что Салтыковъ представилъ Петру обширный проектъ

---

[1]) „Новые матер. для истор. царств. Петра Великаго“, 13, 21; Милюковъ, „Госуд. хозяйство Россіи въ цар. Петр. В.“, 532.

[2]) „Опытъ рус. исторіогр.“, I, стр., XLVI.

[3]) Въ Парижѣ Петръ В. интересовался коллегіумомъ Мазарини, имѣя въ виду учредить подобную же школу въ Россіи, и женскимъ заведеніемъ въ Сенъ-Сирѣ (Пекарскій, „Наука и литер.“, I, 43), на которое обратила потомъ вниманіе Екатерина II. (Подробности о пребываніи Петра въ Сенъ-Сирѣ Е. Лихачева, „Матер. для ист. жен.образов. въ Россіи“, стр. 45—46).

[4]) „Лѣтописи русской литер.“, V, 4.

[5]) „Для сочиненія соціетата наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ“ („Наука и литерат.“, I, 534).

преобразованій и нововведеній [1]), но недавно, почти одновременно, появились изданіе этого проекта по списку П. Н. Тиханова (Прилож. V къ отчетамъ о засѣд. Общ. люб. древ. письмен., Спб. 1891 г.), подъ заглавіемъ: „Пропозиціи Ѳедора Салтыкова“ [2]) и изложеніе проекта, по списку Госуд. архива, въ книгѣ П. М. Милюкова: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра В.“, Спб. 1892 (первонач. напеч. въ Журн. Мин. Нар. Пр.), гдѣ онъ озаглавленъ по первымъ строкамъ своимъ: „Доношеніе о нѣкоторыхъ состоятельныхъ (sic!), которыя прилежно выбраны изъ правленія уставовъ разныхъ, какъ англинскихъ, французскихъ, германскихъ, такожде и прочихъ европскихъ присудствуемыхъ приличеству самодержавія“. Оба списка состоятъ изъ 25 главъ, но списокъ Госуд. архива важенъ тѣмъ, что статьи его сопровождаются обычными значками Петра, крестиками и крестиками въ кружкѣ, поставленными противъ мѣстъ, особенно его заинтересовавшихъ. Такими знаками отмѣчены статьи о майоратѣ, о купечествѣ, о посылкѣ молодыхъ людей за границу учиться торговымъ наукамъ, морскому дѣлу, дипломатическому искусству и др.

Стольникъ Ѳ. С. Салтыковъ—сынъ боярина Ст. Ив. Салтыкова, служившаго воеводою въ Тобольскѣ, у котораго онъ былъ въ товарищахъ (съ 27 февр. 1690 г.—20 дек. 1692 г.)[3]). Здѣсь-то, еще въ молодости, онъ былъ пораженъ страшнымъ взяточничествомъ служилаго класса, противъ котораго онъ совѣтовалъ теперь Петру произвести общую ревизію дѣлъ относительно сборовъ и пошлинъ посредствомъ нарочныхъ людей (глава X, предложеніе 5). Затѣмъ, въ чинѣ капитана гвардіи, онъ участвовалъ въ неудачной битвѣ подъ Нарвою (1700), съ извѣстіемъ о которой и планахъ Карла XII былъ посланъ къ польскому кор. Августу II [4]), а нѣсколько позже, въ званіи корабельнаго мастера, занимался постройкою военныхъ судовъ на Олонецкой верфи (1703—1704) и въ Новой Ладогѣ (1710—11). Порученія эти несомнѣнно служатъ свидѣтельствомъ способностей и

---

[1]) Веселаго: „Общій морской списокъ“, Спб., 1885, I, 321—332. Впрочемъ, весь проектъ писанъ на 37 листахъ въ 4-ю долю.

[2]) Такъ называетъ проектъ издатель (стр. XII).

[3]) „Записки, къ Сибирской исторіи служащія“ (Древн. Рос. Вивл., III, 275—279).

[4]) „Письма и бумаги импер. Петра Вел.“, I, Спб. 1887, стр. 408—10, 844.; Устряловъ, IV (II), 11—12. Въ перепискѣ Петра онъ называется также постельничимъ (Берхъ, т. I).

сочувствія Салтыкова реформамъ Петра В., но до насъ дошли, кромѣ того, указанія на то, что онъ пользовался расположеніемъ царя и въ числѣ близкихъ къ нему лицъ удостоивался со стороны его писемъ объ успѣхахъ русскихъ войскъ въ борьбѣ со шведами (о взятіи Ніен-Шанца и битвѣ въ устьяхъ Невы [1]). Наконецъ, въ 1711 г. Салтыковъ посланъ былъ за границу „инкогнито подъ видомъ россійскаго дворянина", съ порученіемъ собрать свѣдѣнія о продающихся во Франціи, Голландіи и Англіи корабляхъ „и о способахъ, какимъ образомъ оные корабли купить возможно". Поэтому, въ теченіе 1711—15 гг., онъ посѣтилъ главнѣйшіе приморскіе города западныхъ морскихъ государствъ, при чемъ пріобрѣлъ въ Англіи и отправилъ въ Россію 11 кораблей и 4 фрегата и нанялъ въ русскую службу многихъ англійскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Независимо отъ того, на него возложено было наблюденіе за находившимися за границею для обученія молодыми русскими людьми [2]). Салтыковъ проживалъ частію въ Амстердамѣ, но главнымъ образомъ въ Лондонѣ, откуда и велъ свою переписку[3]). Между тѣмъ, уже въ письмѣ отъ 1 дек. 1712 г. къ Петру, Салтыковъ вызвался, въ интересахъ *государственныхъ доходовъ* и „всенароднаго обученія", представить означенный проектъ, а Петръ, въ свою очередь, въ письмѣ отъ 12 янв. 1713 г., потребовалъ отъ него прислать этотъ послѣдній.

Проектъ Салтыкова составленъ былъ въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ, а потому интересы фиска даютъ себя чувствовать почти въ каждой его статьѣ и не всегда мирятся съ существующимъ положеніемъ вещей. Мы только вкратцѣ укажемъ на его содержаніе и затѣмъ перейдемъ къ главному вопросу, насъ интересующему.

---

[1]) „Письма и бумаги", II, стр. 536—537, 624—625, 689—691.

[2]) Веселаго, „Общій морской списокъ", I, 331—332. Въ недавно изд. „Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина" (II, 1891, Спб.) напеч. „Наказъ" кн. А. Д. Меншикова Салтыкову, отъ 13 іюня 1711 г., въ которомъ предписывалось ему „ѣхать въ Копенгагенъ и явиться къ рус. послу кн. Долгорукову, а по совѣщаніи съ нимъ заняться приторгованіемъ кораблей" (357—358). Тутъ же переписка о немъ между Б. И. Куракинымъ (въ Гагѣ) и Долгоруковымъ (361, 367, 368). О подчиненіи его Куракину (ib., III, 310, 313).

[3]) „Пропозиціи Салтыкова", предисловіе, стр. III—VIII; „Архивъ Куракина", II, стр. 51, 54, 62, 64, 75, 100. Такъ какъ миссія Салтыкова была секретная, то почти вся переписка его велась криптографіей (XXIV).

Глава I. Въ ней предлагается введеніе гербовъ для всѣхъ духовныхъ чиновъ отъ митрополитовъ до игуменовъ, келарей, строителей и игуменій съ ежегодною записью ихъ въ книги (какъ и для свѣтскихъ чиновъ) и опредѣленнымъ взносомъ (по чинамъ) за гербы и запись: „и погодную книгу печатать такъ, какъ статы печатаются въ Аглинскомъ и Французскомъ (государствахъ) по вся годы"... „а они (духовные чины) имѣютъ доходы немалые; они же безнаслѣдственные суть, не такъ какъ мірскіе"... „А въ иныхъ государствахъ всякой духовной имѣетъ свои гербы собственные, на прикладъ какъ въ имперіи: епископы Минстерскій, Падерборнской, Вирцбурскій, архим. Фульдскій, игуменья Кведлембургская; въ Англіи епископы: Кентерборской, Іоркской. Вотчины духовныхъ чиновъ обращать въ чины какъ дворянскія и за то брать противъ дворянскихъ въ полтора раза. Положить дани на всѣ церкви на жалованье солдатамъ, понеже церкви и вѣра защищаются отъ непріятеля ими. И когда на нихъ будетъ больши дани, тогда они будутъ благочиннѣе и простираться будутъ къ *читанію книгъ*, чрезъ что могутъ себѣ довольно присовокупить".

Глава II. Предлагается введеніе *майората*. „Сей уставъ во всей Великобританіи". При переходѣ вотчинъ въ другой родъ берутся двойныя пошлины. „Меньшіе братья простираться будутъ прилежно *къ службѣ* всякой своему государству *и къ наукамъ*, чтобъ имъ превосходить по заслугамъ своимъ въ высочайшее достоинство и богатство, такожде и отцы ихъ станутъ ихъ принуждать во всякіе ученіи дабы имъ не имѣть нужды и убожества [1]). Благороднымъ не довлѣетъ имѣть купеческихъ стяжательствъ, и ежели кто изъ дворянъ будетъ имѣть купечество или промыслъ, тогда брать съ него пошлины въ полтора раза или ему лишаться дворянства и записаться въ бюргеры, т. е. въ мѣщане". Простые чины не имѣютъ права землевладѣнія; но, пріобрѣвъ богатство, они могутъ купить дворянство, „за то его бла-

[1]) Майоратъ введенъ былъ въ Россіи указомъ 18 марта 1714 г. Параллельныя мѣста „предложеній" и указа отмѣчены г. Милюковымъ (536 и 538). Но Петръ В. заинтересовался этимъ вопросомъ еще ранѣе. Матвѣевъ сочувственно говоритъ о немъ въ журналѣ о пребываніи своемъ во Франціи въ 1705 г. (см. „Новые матер. для истор. царств. Петра В.", нашъ очеркъ, стр. 16). Исторія составленія указа и справки по этому поводу въ книгахъ, привезенныхъ изъ-за границы Постниковымъ, у Соловьева, XVI, 198—200.

городство и за его стяжательства брать въ казну деньги по указу, и дать бы ему на то жалованную грамоту и гербъ (какъ обычаи есть въ Европѣ: въ Имперіи, и во Франціи, и Англіи). А если кто имѣетъ стяжательство, а не учинитъ себя въ благородствѣ, брать съ нихъ подати въ полтора. Лучшихъ дворянскихъ дѣтей слѣдуетъ посылать по 2 или 3 человѣка къ разнымъ дворамъ, гдѣ обрѣтаются министры, и они будутъ пріучаться къ дѣламъ, а въ случаѣ отсутствія министровъ, замѣнять ихъ. Надобно нѣсколько человѣкъ послать въ Англію и Голландію для ученія того, какъ у нихъ состоятся налоги, подати и пошлины и вѣданіе всѣхъ ихъ интересовъ для правленія купеческаго; также послать въ Англію, Голландію или Францію для обученія адмиралтейскихъ дѣлъ и какіе указы даются морскимъ правителемъ, и флаги, и какъ отпускается провизія, а также всякіе подряды по адмиралтейству, и храненіе и починка всякимъ судамъ [1]). Слѣдуетъ росписать во всякихъ губерніяхъ и городахъ волости, слободы, села и деревни и, смотря по размѣру, обратить ихъ въ ландграфства, графства, баронства и дворянства и дать на означенныя достоинства привилегіи и гербы, какъ и въ прочихъ европскихъ государствахъ, а не одного своего роднаго прозвища, и чтобы всякій стяжатель платилъ на годъ отъ своихъ достоинствъ по уставу. И отъ того въ прибыляхъ будетъ доходъ со всего государства немалой, а они будутъ довольствоваться удобнѣе раздѣленіемъ титуловъ своихъ". Всѣ они вносятся въ книгу со взносомъ извѣстной пошлины (за женъ и дѣтей платится половина), а также берется плата, когда у кого родится сынъ или дочь, или кто женится. Книги эти также печатаются (здѣсь приложена таблица, опредѣляющая количество дворовъ по достоинствамъ и пошлинъ за гербы и записи).

„Всѣмъ князьямъ не велѣть писаться князьями, понеже они никакихъ княженій подъ собою не имѣютъ, также нѣкоторые пошли отъ князей татарскихъ, а имѣютъ равныя княжія прозвища". Есть

---

[1]) Въ началѣ 1715 г. Кононъ Зотовъ посланъ былъ за границу для изученія всего, „что ко флоту надлежитъ" (Голиковъ, VI, 251, 293, Берхъ, „Собр. писемъ Петра I", т. I, 301—302). А въ 1716 г. состоялась отправка до 50 молодыхъ людей, посланныхъ учиться морскому дѣлу въ Англію, Францію, Голландію, Венецію и Испанію (подробности см. у Устрялова, II, с. 315 и въ ст. А. Рачинскаго: „Первые русскіе гардемарины за границею въ XVII стол.", въ „Сборн. Моск. глав. арх. мин. иностран. дѣлъ", в. I).

же въ томъ числѣ отъ родовъ изрядныхъ, только обѣднѣли и не могутъ своихъ княжескихъ чиновъ имѣть за своими недостатками; изъ нихъ, для самыхъ лучшихъ, которые въ милости и въ заслугахъ отечеству обрѣтаются, могутъ быть пожалованы именными титулами по городамъ, какъ въ Англіи" (приложена роспись городовъ по титуламъ и пошлинъ за пожалованіе).

Глава III. О вычетѣ полугодоваго жалованья при повышеніи въ чинахъ и тѣ деньги обращать на содержаніе раненыхъ солдатъ и матросовъ, придавъ нѣсколько монастырей, гдѣ устроить жилище имъ и питаніе, какъ въ Англіи сдѣлано солдатамъ въ Челсіи и матросамъ въ Гриничѣ (госпитали). По образцу Англіи завести печатную книгу всѣмъ чинамъ. Дьякамъ писаться секретарями, старымъ подъячимъ—оберъ-шрейберами, молодымъ—шрейберами, а площаднымъ—нотаріусами (такіе чины въ Англіи и Голландіи).

Глава IV. О купечествѣ. Въ ней говорится о торговыхъ компаніяхъ, съ субсидіею отъ казны $^1/_4$ капитала, которыя вели бы торговлю внутри и внѣ Россіи (въ Европѣ и Азіи) и объ учрежденіи консульствъ, „чтобъ иностранные купцы не богатились излишно нашего государства товарами, понеже купечество есть твердое основаніе богатства всѣхъ государствъ, какъ нынѣ цвѣтетъ въ Англіи и Голландіи [1]). Необходимо также выслать нѣсколько дѣтей торговыхъ людей въ Голландію и Англію и велѣть имъ учиться купечеству, какъ у нихъ книги купеческія содержатся, какъ ихъ интересы (ведутся), какія (у нихъ) корреспонденціи и какія ихъ въ томъ хитрости [2]). Для поощренія купечествъ учреждаются званія баронетовъ, патриціевъ и бургграфовъ, какъ въ Англіи, Имперіи и разныхъ городахъ, съ за-

---

[1]) „Сперва надобно, чтобы они принимали тамъ и натурализацію для свободнаго ихъ торгу, покамѣстъ оснуется тое купечество" (предл. 5-е). Предложеніе о консульствахъ и иностранной торговой конторѣ Салтыкова предупредили совѣты Любераса (1715—17), въ слѣдъ за которыми состоялось назначеніе консуловъ на Западъ и въ Китай (Милюковъ, 530—531). Мысли Салтыкова о купечествѣ согласны съ мнѣніями кн. Б. И. Куракина (Архивъ, III, 154—160, 237—39). Впослѣдствіи Петръ приглашалъ съ тою же цѣлью извѣстнаго Ло (Пекарскій, I, 243—48; Р. Архивъ 1874, I, 1578).

[2]) Въ 1714 г. Петръ распорядился выбрать въ Москвѣ изъ знатныхъ купеческихъ домовъ 15 чел. не старше 20 лѣтъ для посылки за границу (Голиковъ, V, 223; Берхъ, „Собр. писемъ Петра", I, 301—302).

писью въ книги и гербами [1]). Прочіе посадскіе и мѣщане платятъ въ городахъ опредѣленную пошлину ($^1/_2$—3 руб.).

Глава V. О мастеровыхъ всякихъ людяхъ и промышленникахъ. Въ ней излагаются положенія о цехахъ, со ссылкою на уставы Англіи, Имперіи, Франціи и Швеціи [2]).

Глава VI. О людяхъ боярскихъ и крестьянахъ, въ нѣсколькихъ строкахъ—о томъ, чтобы съ нихъ брать по 5 коп. за браки и родины и „потомъ деньги и записныя книги подавать въ приказъ для вѣдомости, сколько породилось и сколько поженилось".

Глава VII. О школахъ и монастыряхъ,—самая обширная и наиболѣе интересная въ настоящее время глава по своему содержанію. Къ ней мы обратимся ниже особо.

Глава VIII. О почтѣ. Во всѣхъ губерніяхъ и по всѣмъ дорогамъ сдѣлать почту и на то учинить во всемъ государствѣ генералъ-почтъ-мейстера, а во всѣхъ городахъ почтъ-мейстеровъ, какъ въ Нѣмецкой землѣ и пр., „отъ чего будетъ прибыль немалая отъ всего государства" [3]).

Глава IX. О иноземцахъ, которые живутъ подъ Вашимъ владѣніемъ. Предлагается брать съ инородцевъ сборы съ женитьбъ и рожденій, а изъ обрусѣвшихъ устраивать полки, какъ въ Швеціи изъ финновъ, „только ихъ не держать въ тѣхъ странахъ, гдѣ они принадлежатъ, для револьтовъ". Дѣтей инородцевъ брать въ дома, „чтобъ навыкали всякой политикѣ и обхожденія и потомъ дать имъ свободу не крестя жъ", и такимъ образомъ могли бы они сближаться съ русскими; „а нынѣ они живутъ только пашнею и рыбною ловлею, только чуть себя питаютъ безъ всякой государственной и своей властной прибыли".

Глава X. О Сибири—одна изъ болѣе замѣчательныхъ главъ, по нѣкоторымъ мыслямъ автора, лично познакомившагося въ молодости съ этою страною. Онъ совѣтуетъ обратить вниманіе на доходность Сибири, если будетъ правильно организованъ сборъ пошлинъ и

---

[1]) Салтыковъ ставитъ здѣсь въ примѣръ Строгановыхъ. Строгановы въ 1722 г. получили отъ Петра В. званіе бароновъ (Устряловъ: „Именитые люди Строгановы", стр. 24). Нѣсколько позже (1727) Екатерина I возводитъ въ это званіе братьевъ Соловьевыхъ, извѣстныхъ своими торговыми предпріятіями въ Голландіи (Б. Каменскій, „Словарь", III, 282).

[2]) Указъ о цехахъ, изд. 27 апр. 1722 г., также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близокъ къ проекту Салтыкова, хотя въ немъ приняты были во вниманіе и другія предложенія (Милюковъ, 539).

[3]) Любопытно свидѣтельство автора, какъ дорого обходилась тогда частная корреспонденція и какъ была она затруднительна.

повинностей; усилить войско (до 20000 чел.), которое ввѣрить „искуснымъ генераламъ и офицерамъ“ для военныхъ цѣлей, построить въ степяхъ крѣпости и заняться постепеннымъ завоеваніемъ Средней и Передней Азіи, которое не такъ трудно, такъ какъ въ тѣхъ государствахъ нѣтъ никакого воинскаго обученія, и огневаго орудія мало, и то мелкое, а пушекъ нигдѣ нѣтъ, и имъ помогать никоторый государь не можетъ, и они не подлежатъ султану турецкому [1]). А въ тѣхъ государствахъ изобилуютъ: мѣдь, желѣзо, пряныя зелья—виноградъ, лимоны, апельсины, шелки, хлопчатая бумага, китайки, пестряди [2]). Далѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія предложенія автора проекта: „Велѣть построить корабли на Енисейскомъ устьѣ и на иныхъ рѣкахъ.... и тѣми кораблями, гдѣ возможно, кругомъ Сибирскаго берега велѣть провѣдать, не возможно ли найти какихъ острововъ, которыми бъ можно овладѣть подъ Ваше владѣніе [3]). А ежели такихъ острововъ и не сыщется, можно на такихъ корабляхъ тамъ купечествовать въ Китай и въ др. острова, такожде и въ Европу можно отпускать оттуда лѣса, мачты и доски, смолу и таръ, понеже тамъ изобильство великихъ лѣсовъ, а здѣсь въ Европѣ зѣло въ томъ великая нужда и дороговизна, и въ томъ будетъ въ государствѣ прибыль великая, а лѣсовъ тамъ въ Сибири великое множество. Во всей же Сибири велѣть изыскивать прилежно всякихъ минераловъ и красокъ и всякихъ аптекарскихъ спеціаловъ, понеже такое великое положеніе земли и различество климата не малое“ [4]).

---

[1]) Этому предложенію несомнѣнно соотвѣтствуютъ экспедиціи полк. Бухгольца (1714) и кн. Бековича-Черкасскаго (1716), не имѣвшія впрочемъ успѣха.

[2]) Кстати замѣтимъ, что Петру В. данъ былъ, въ 20-хъ годахъ XVIII стол., проектъ завоеванія южной Америки какимъ-то голландцемъ (см. докум., сообщ. И. Е. Забѣлинымъ, Москвитян. 1851, I, 121—124).

[3]) Уже въ 1719 г. Петръ посылалъ въ Камчатку для рѣшенія вопроса, „сошлася ли Америка съ Азіей“ (П. С. З., № 3266). Старанія Лейбница объ этомъ относятся къ 1716 г. (Письма и матер. Лейбница, изд. В. И. Герье, стр. 360). Ср. также: „Заслуги Петра В. по части распространенія географич. познаній о Россіи и погранич. съ нею земляхъ Азіи“, К. Бэра (Зап. Рус. Геор. общ., кн. IV, 1850).

[4]) Припомнимъ экспедицію въ Сибирь ученаго доктора Д. Г. Мессершмидта (1716), на котораго возлагались описаніе сибирскихъ народовъ и изученіе ихъ языковъ, памятниковъ древности и вообще всего достопримѣчательнаго (Пекарскій, „Наука“, I, 350—354; „Дневникъ Мессершмидта“ 1722—26, см. въ „Сибир. древностяхъ“, В. Радлова, Спб. 1888).

Глава XI. О Казани. Въ ней предлагается произвести подобное же изслѣдованіе мѣстныхъ богатствъ края.

Глава XII. О кабакахъ. „Велѣть въ губерніяхъ продавать вино, пиво и медъ всякимъ людямъ; кто похочетъ держать корчму, по образу какъ въ Англіи, и съ тѣхъ корчмарей брать отъ ихъ корчмъ, также отъ ведра вина и отъ мѣрной бочки пива и меду; а съ нихъ брать же по тому, сколько приходитъ отъ ведра вина и отъ бочки мѣрной пива и меда прибыли".

Глава XIII. О помѣстныхъ дѣлахъ и земельныхъ ссорахъ. Авторъ рекомендуетъ завести книги по алфавиту земельнымъ владѣніямъ для удобства пріисканія, на случай тяжбъ о нихъ, и приступить къ межеванію земель, что́ можно поручить ученикамъ математическихъ школъ, а велѣть имъ межевать по теодолиту или компасу, по примѣру Германіи и Англіи, при чемъ прилагается и образецъ такого описанія [1]).

Глава XIV. Объ учрежденіи ландъ-милиціи, по примѣру Швеціи и Швейцаріи.

Глава XV. О печати (гербовой маркѣ). „Когда всякія купчія станутъ писаться на гербовыхъ бумагахъ, тогда довлѣетъ къ тѣмъ купчимъ натискать государственную на то нарочно устроенную печать, и за ту печать брать по полуполтинѣ и въ томъ будетъ прибыль, какъ есть здѣсь уставъ въ Англіи, которую печать при семъ посылаю... а къ инымъ дѣламъ отнюдь не прикладывать, понеже оныя всякія дѣла бываютъ по нуждѣ" [2]).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемаго нами проекта. Его близкое отношеніе, хотя и не исключительное, къ нѣкоторымъ современнымъ актамъ законодательства Петра В.—несомнѣнно. Несомнѣнно также, что въ этомъ проектѣ ясно обозначается аристократическая тенденція [3]), которая не могла встрѣтить сочувствія у Петра

---

[1]) Петръ В. въ 1719 г. повелѣлъ сочинить писцовый наказъ сообразно съ геометрическими правилами, а въ 1723 г. дана была первая инструкція инжен. Кулону для обмежеванія Ингерманландіи геодезистами; для разобранія же межевыхъ споровъ съ 1715 г. посылались ландраты, знакомые съ межеваніемъ („Историч. взглядъ на межеваніе въ Россіи до 1765 г." П. Малиновскаго, Спб. 1844, стр. 116, 120, 124; „Историч. очеркъ межевыхъ учрежд. въ Малороссіи", А. Ханенка, Черн. 1870, с. 19).

[2]) Рисунокъ указанной печати приложенъ въ изданіи.

[3]) Милюковъ, 536.

В., но которая объясняется, очевидно, непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейскихъ формъ, въ могущественное значеніе которыхъ вѣрилъ авторъ проекта, какъ и другіе его современники, сочувствовавшіе реформѣ. Въ настоящее время для насъ бо́льшее значеніе имѣетъ глава *о школахъ*.

Она заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ предложеній. Вотъ болѣе существенныя изъ нихъ: „Велѣть во *всѣхъ губерніяхъ* учинить *по одной академіи или по двѣ*, а на тѣ академіи отдать нѣсколько монастырей, а изъ тѣхъ монастырей вывесть чернцовъ, только оставить при церквахъ для служебъ священниковъ и причетниковъ. И въ тѣ академіи собрать *мастеровъ изъ иныхъ государствъ*, а велѣть тѣхъ мастеровъ призывать и ихъ содержать тѣми монастырскими доходами. Въ тѣ-жъ монастыри велѣть набрать учениковъ *дворянскихъ и купеческихъ дѣтей* и *всякихъ иныхъ разныхъ чиновъ*; и учинить штрафъ на отцовъ, чтобъ они приводили дѣтей своихъ отъ 6 лѣтъ; и быть бы имъ тамъ до 23 лѣтъ и велѣть ихъ тамъ записывать, съ котораго году кто зачнетъ учиться. А по прошествіи тѣхъ урочныхъ лѣтъ употреблять ихъ въ *службы воинскіе и градскіе*; и больше тѣхъ лѣтъ отнюдь не держать подъ штрафомъ на мастерахъ, чтобъ они не укрывали отъ службъ. Ежели кто въ тѣ 17 лѣтъ не выучится, то онъ уже не будетъ ключимъ больше. Когда молодыя дѣти отъ юности своей *всегда вмѣстѣ* между собою будутъ, тогда они будутъ натуры свои обощрятъ безпрестаннымъ обхожденіемъ лучше, нежели какъ нынѣ дворянскія дѣти свое *воспитаніе* имѣютъ въ деревняхъ, подобно тому какъ лѣсъ нечищенной растетъ. Содержать тѣхъ учениковъ, т. е. давать имъ *платье, питаніе и жилище въ монастыряхъ изъ монастырскихъ доходовъ*, чтобъ Вашей *казнѣ въ томъ истраты не было*. А въ тѣхъ монастыряхъ учинить *друкарни*, для того, ежели какой *мастеръ* или *изъ учениковъ* кто издастъ о чемъ какую книгу и та освидѣтельствуется, что не въ противность закона и государства и намъ во всякую пользу, и тѣ тамъ велѣть печатать. Въ тѣхъ же академіяхъ велѣть *изъ разныхъ языковъ и наукъ сдѣлать библіотеки*, какъ въ Англіи, *въ Оксфордѣ и Кембриджѣ*“.

Въ кругъ преподаванія въ академіяхъ входятъ слѣдующіе предметы: 1) *языки*: латинскій, греческій, нѣмецкій, англійскій, французскій; послѣдніе три „для обхожденія и разговоровъ съ разными народами. Тѣхъ языковъ учатъ *во всѣхъ академіяхъ* въ Имперіи, Фран-

ціи и Англіи". 2) *Свободныя науки*: „для праваго писанія и глаголанія—грамматика, риторика"; „для стихотворенія—поетика"; „для разсужденія натуры—философія"; „для познанія истиннаго Бога и законовъ: богословія"; „для всякихъ образовъ и правленій и извѣстія о всѣхъ государствахъ: гисторіи универсальныхъ и партикулярныхъ" (sic!). 3) *Математическія науки*, для гражданскихъ и воинскихъ правленій: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, навигація, фортификація, артиллерія, механика, статика, гидростатика, перспектива, архитектура, оптика, гномоника, мусика, пиктура, скульптура, миніатура; „для знаемости и положенія мѣстъ: географія"; „для обороны собственной и для изящества учиться: на лошадяхъ ѣздить, на шпагахъ биться и танцовать".

Въ какихъ широкихъ размѣрахъ должно было даваться это образованіе, можно судить по слѣдующему разсчету автора проекта. „Ежели во всѣхъ губерніяхъ, пишетъ онъ, сдѣлаются по *2 академіи*, *а во всякой академіи* было бы по *2000 студентовъ*", итого будетъ *18000 студентовъ* и по прошествіи 17 лѣтъ изъ всякой академіи будетъ выходить чел. по 100, окончивъ нѣкоторыя свободныя науки и т. д.[1]). И такъ мы по сему образцу *сравняемся во всѣхъ свободныхъ наукахъ со всѣми лучшими европскими государствами*, *а безъ свободныхъ наукъ и добрыхъ рукодѣлій* не можетъ государство стяжать себѣ *умнаго имѣнія* и также будетъ всегда требовать *во всѣхъ дѣлахъ изъ другихъ ученыхъ государствъ* людей на послуги свои и вспоможеніе".

Къ этому общему плану мужскихъ учебныхъ заведеній авторъ дѣлаетъ еще два дополненія: 1) „надобно сдѣлать (составить), говоритъ онъ, *гисторію Россійскаго государства* и о всѣхъ въ немъ заключающихся градахъ и велѣть ее перевесть на нѣмецкій и на французскій языкъ, и велѣть ее напечатать и отослать въ нѣмецкія государства и въ прочія европскія для извѣстія, чтобы они знали объ ономъ подробно и на оборону (въ защиту), что старые и иностранные сосѣдственные историки писали оное съ поносомъ о немъ". 2) „Велѣть сперва перевесть *гисторіи универсальныя и партикулярныя* и

[1]) Въ это время знатные иноземцы (Брюсъ) разыскивали уже за границею „штудентовъ", для воспитанія своихъ дѣтей въ Россіи, но поиски ихъ оказывались неудачными (Рус. Стар., 1890, LXVI, ст. Д. Струкова, 347—350).

велѣть ихъ напечатать и приказать, *чтобъ всѣ, вмѣсто часовниковъ и псалтирей, учились словесному по нимъ*: сіе будетъ вспоможеніе на извѣстіе о всѣхъ государствахъ и ихъ управленіи".

Изъ нѣкоторыхъ ссылокъ автора проекта (на примѣръ Оксфорда и Кембриджа), можно заключать, что онъ имѣлъ въ виду именно эти учрежденія, къ которымъ, какъ равно и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ на Западѣ, нерѣдко примѣнялись названія „академій" [1]). Съ другой стороны объ этомъ свидѣтельствуетъ кругъ преподаванія „свободныхъ наукъ" и искусствъ и учрежденіе при нихъ типографій и библіотекъ [2]).

Помѣщеніе академій въ монастыряхъ, помимо соблюденія интересовъ казны, сближало ихъ съ англійскими коллегіями, а количество студентовъ въ этихъ послѣднихъ не осталось, конечно, безъ вліянія на слишкомъ радужныя надежды автора относительно распространенія просвѣщеніи въ Россіи[3]). Соединеніе же средней и высшей школы въ одномъ учрежденіи могло повидимому облечить осуществленіе самаго плана, какъ и поступилъ потомъ Петръ В. въ регламентѣ Академіи Наукъ.

Петру В. должны были понравиться предложенія автора о привлеченіи къ столь важному дѣлу, какъ образованіе, монастырскихъ средствъ, какъ онъ привлекалъ ихъ и на другія надобности страны [4]), и весьма вѣроятно, что въ связи съ предложеніями Салтыкова находятся извѣстные указы Петра В. отъ 20 и 28 февр. 1714 г., объ учрежденіи при знатныхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ школъ

---

[1]) А. А. Матвѣевъ въ 1705 г. въ своемъ журналѣ писалъ: „Всей Франціи высокихъ фамилій дѣти, отъ самыхъ юностныхъ ногтей, имѣютъ воспитаніе весьма изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариѳметикѣ, въ воинскихъ обученіяхъ и конной ѣздѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ *великія академіи*, и потомъ въ танцахъ, и пѣніи и разныхъ наукахъ" (см. „Нов. матер. Петра В.", нашъ очеркъ, 16—17).

[2]) Заботы о библіотекахъ составляли выдающуюся черту въ реформѣ Петра (см. „Опытъ рус. исторіогр.", II, 1075—86). При царской аптекѣ находилась прекрасная библ. на разныхъ языкахъ („Записки Юля", Р. Арх. 1892, № 7, с. 320—321).

[3]) „Исторія англ. университетовъ", В. Игнатовича (Ж. Мин. Нар. Просв. 1861, ч. CXI, стр. 152, 157, 173, 178, 181, 213—220).

[4]) Въ это время за монастырями считалось болѣе 100000 крест. дворовъ (Горчаковъ, „Монаст. приказъ", 144).

для обученія дворянскихъ и приказныхъ дѣтей 10—15 лѣтъ цыфири и геометріи и о запрещеніи жениться безъ экзаменаціоннаго свидѣтельства [1]). Петръ отмѣтилъ также крестомъ въ кружкѣ то мѣсто, гдѣ авторъ совѣтуетъ вмѣсто часовниковъ и псалтирей перевесть для обученія „исторіи универсальныя и партикулярныя“ [2]). Этой потребности должна была удовлетворить переводная дѣятельность по разнымъ наукамъ, которая, какъ мы видѣли, такъ широко была поставлена при Петрѣ Вел.

Конечно, средства страны и состояніе элементарнаго обученія не позволяли осуществить проектъ Салтыкова въ широкихъ размѣрахъ (припомнимъ здѣсь и ту „грубую толпу“, о которой въ свое время говорилъ Сперанскій и которая давала себя постоянно чувствовать, при всѣхъ благихъ реформахъ—Петра В., Екатерины II, Александра I и д), а что вопросъ о болѣе широкой постановкѣ свѣтскаго образованія занималъ въ то время многихъ, это видно изъ другаго проекта, 1715 г. Въ этомъ послѣднемъ снова рекомендуется учрежденіе *академій*, въ которыхъ юноши не только разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, какъ фортификаціи, архитектурѣ, навигаціи и тѣмъ подобнымъ ученіямъ выучиться могли бы. Въ такихъ академіяхъ, по указанію означеннаго проекта, обученіе будетъ стоить дешевле, надзора будетъ больше и легче будетъ каждаго понятность и склоненіе испытывать, чѣмъ въ чужихъ земляхъ, а самыя поѣздки за границу „по достигшей понятности изъ академіи“ сдѣлаются гораздо полезнѣе, такъ какъ будутъ предприниматься только *для совершеннаго обученія*“ [3]). Нельзя не видѣть въ этомъ проектѣ близости къ предложеніямъ Салтыкова. А нѣсколько позже извѣстный прибыльщикъ Курбатовъ (ок. 1721 г.) снова рекомендуетъ устроить въ Петербургѣ и Москвѣ „академіи свободныя разныхъ наукъ на разныхъ діалектахъ какъ церковныхъ, гражданскихъ, такъ и военныхъ наукъ“, предлагая обезпечить ихъ приписной конфискованныхъ вотчинъ; кромѣ того, онъ совѣтуетъ „учинить школы въ епархіяхъ при домахъ архіерейскихъ *и въ знатныхъ монастыряхъ*—для приготовленія духовенства, а для прочихъ сословій школы въ губерніяхъ“ [4]).

---

[1]) II. Собр. Зак., №№ 2762 и 2778.

[2]) Милюковъ, 541—542.

[3]) Пекарскій, „Ист. Ак. Наукъ“, I, xxiii—xxiv; Милюковъ, 572—573.

[4]) Милюковъ, 542—543, примѣч.

Но съ „грубою толщею“ трудно было имѣть дѣло даже Петру В., при всей его энергіи и крайне жестокихъ мѣрахъ. Молодые люди, назначенные въ ученіе, за границею убѣгали въ иностранную службу или на Аѳонъ, гдѣ постригались въ монахи, а изъ Россіи скрывались за границу [1]). Правда, начальныя городскія училища, находившіяся въ вѣдѣніи „Городовой канцеляріи“, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ, продолжали существовать и долго спустя послѣ Петра В. [2]). Однако, постепенно, самому же Петру пришлось освободить отъ обязательнаго обученія въ школахъ сначала дѣтей дворянскихъ, потомъ купеческихъ, а наконецъ и духовенства, и обязательность обученія осталась только для дѣтей приказныхъ, которыхъ учили съ цѣлью приготовленія къ службѣ [3]).

Тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія проектъ Салтыкова, что авторъ коснулся въ немъ и женскихъ училищъ [4]). Онъ посвящаетъ этому предмету отдѣльный „аддитаментъ“ (присовокупленіе). „Надобно-жъ, говоритъ онъ, во всѣхъ губерніяхъ учинить *женскія школы* и на то обратить *женскіе монастыри*, а изъ тѣхъ монастырей вывесть старицъ; но если въ которыхъ губерніяхъ нѣтъ богатыхъ женскихъ монастырей, и на то очистить мужскіе монастыри, на содержаніе, питаніе и жилище и на содержаніе мастеровъ. И велѣть, подъ штрафомъ на отцахъ, чтобъ водили въ тѣ школы дочерей своихъ отъ 6 лѣтъ, и быть имъ тамъ до 15 лѣтъ [5]), и велѣть ихъ учить *женскимъ наукамъ*: 1) для домоводства—читать, писать, цыфири; 2) для изящества—въ языкахъ французскаго и нѣмецкаго; 3) для забавы—пиктуры, миніатуры и перспективы; 4) для забавы же своей и *въ компаніи* веселаго обхожденія: музыкѣ инструментальной и вокальной, сирѣчь на всякихъ инструментахъ и воспѣвать; танцовать [6]). *Чтобъ и женской нашъ*

[1]) См. выше, статьи А. Рачинскаго и Д. Струкова. О существованіи въ Москвѣ и Петербургѣ нѣсколькихъ иноязычныхъ школъ съ средне-учебнымъ характеромъ, постепенно закрывшихся—Гр. Д. А. Толстой: „Взглядъ на учеб. часть въ Россіи въ XVIII стол.,“ стр. 1.

[2]) См замѣтку Н. И. Барсова, на основаніи „Опис. дѣлъ Синод. архива“ (Ист. Вѣст. 1891, № 11, стр. 410—411).

[3]) См. у Толстого, стр. 2—4; также въ Чт. М. Общ. ист. „Калужская лѣтопись“, 1877, II, 112.

[4]) На необходимость ихъ указывалъ уже Крижаничъ.

[5]) Въ Сенъ-Сирѣ дѣвочки принимались съ 7 лѣтъ и оставались въ заведеніи до 20 лѣтъ (Лихачева, 84—85).

[6]) Какое значеніе въ XVIII стол. придавали обученію танцамъ, какъ имѣвшимъ цѣлью „пріучить молодыхъ людей къ обществу“, „къ пристойному обхожденію“, и „людскости“.

народъ уровнялся съ европскими государствами равно". При этомъ авторъ считалъ необходимымъ остановиться и на воспитательной части: „А въ тѣ монастыри, говоритъ онъ, отнюдь мужескаго пола не пускать, даже свойственниковъ, *кромѣ матерей*, и учредить въ тѣхъ училищахъ *надзирательницъ*; а если которая ученица похочетъ ѣхать къ отцу и къ свойственникамъ на время, для свиданія, то ихъ отпускать свободно. И какъ онѣ будутъ *всегда вмѣстѣ*, то будутъ *гораздо умнѣе и обходительнѣе, нежели какъ онѣ у отцовъ своихъ живутъ въ домѣ до замужства, не знавъ обхожденія людскаго и разговоровъ*". Любопытенъ еще пунктъ, касающійся количества и размѣровъ этихъ училищъ. „Во всѣхъ губерніяхъ, читаемъ въ проектѣ, сдѣлать *по два* женскихъ училища, а въ тѣхъ училищахъ быть по 500 дѣвицъ въ каждомъ и того будетъ во всѣхъ губерніяхъ 9000 ученицъ".

Такимъ образомъ, Салтыковъ своимъ проектомъ предупредилъ на 50 лѣтъ основаніе Смольнаго института Екатериною II, на тѣхъ же началахъ и основаніяхъ интерната, съ тою однако разницею, что программа его соотвѣтствуетъ лишь первому возрасту училища для малолѣтнихъ благородныхъ дѣвицъ, но при этомъ въ обоихъ случаяхъ замѣчается одинаковое отношеніе къ языкамъ и искусствамъ[1]). Какъ извѣстно, Екатерина II, при учрежденіи Смольнаго института, главнымъ образомъ, имѣла въ виду порядки Сенъ-Сира, хотя во многомъ и отступила отъ нихъ въ своемъ уставѣ[2]). Что же касается общаго преподаванія, то и во Франціи требованія въ этомъ отношеніи въ сочиненіяхъ, оказавшихъ вліяніе на устройство женскаго средне-учебнаго заведенія (аббатовъ Флери и Фенелона), не шли далѣе элементарныхъ знаній, необходимыхъ для домашняго обихода[3]). Съ другой стороны, программа г-жи Мэнтенонъ (учред. Сенъ-Сира) была шире своей формулы, а программа воспитательнаго общества Екатерины II въ дѣйствительности не выполнялась и на половину[4]). Замѣтимъ еще, что Матвѣевъ, въ

можно видѣть изъ отзывовъ акад. Фишера и Державина, касающихся студентовъ и учениковъ гимназій (Сухомлиновъ, „Ист. Рос. академіи", II, „Сборн. Ак. Наукъ", т. XIV, стр. 33; Соч. Державина, т. VI, 420).

[1]) Лихачева, 109—110.

[2]) Ibid., 99—100, 133, 144—145.

[3]) Ibid., 77—80, 87—88, 91—93.

[4]) Ibid., 145. О Смольномъ инст. въ соч. гр. Д. А. Толстого: „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII стол. до 1782 г.", Спб. 1883, стр. 48—56.

свою бытность въ Парижѣ (1705), обратилъ уже вниманіе на широкое распространеніе музыкальнаго образованія среди французскихъ женщинъ того времени [1]).

Эта забота о просвѣщеніи лучшихъ людей эпохи Петра В., въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ каждымъ новымъ явленіемъ въ области изслѣдованій по исторіи послѣдней, все рѣзче обрисовываетъ передъ нами преобладающій культурный характеръ его реформы; а съ этой точки зрѣнія проектъ Салтыкова несомнѣнно занимаетъ выдающееся мѣсто среди другихъ проектовъ того времени. И если вскорѣ послѣ смерти Петра подобныя стремленія должны были надолго заглохнуть, то, слѣдуетъ признать, что ближайшее поколѣніе людей, вышедшихъ изъ школы Петра, какъ Татищевъ, Неплюевъ, Ломоносовъ и др., умѣли уже цѣнить все значеніе его образовательной дѣятельности. Въ позднѣйшее время эта послѣдняя могла быть заслонена другими, болѣе широкими преобразованіями и вызывала не разъ ожесточенную полемику, которая не задумывалась ставить въ зависимость отъ нея вопросъ о самобытности Россіи, но люди ближайшаго поколѣнія, чуждые ретроспективной критики, иначе смотрѣли на дѣятельность Петра В. въ этомъ отношеніи. Такъ, извѣстный публицистъ времени Екатерины II и историкъ Россіи—кн. Щербатовъ, воспитанный на Юмѣ, проникнутый строго-аристократическими воззрѣніями, далеко не безусловный поклонникъ реформъ Петра и, напротивъ, весьма благосклонно относящійся ко многимъ сторонамъ стариннаго русскаго быта, въ своемъ разсужденіи: „*Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла бы Россія, сама собою, безъ самовластія Петра В., дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы*“, утверждаетъ, что Россія пришла бы въ такое состояніе, еще бы и не прославивъ себя, развѣ *около 1892 г.*, да и то считая, что въ теченіе сего великаго времени не было бы никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго. А кто, говоритъ онъ, возможетъ поручиться, чтобъ въ сіе время не было бы такихъ въ ней государей,

---

[1]) „А особливо женскій полъ высокородныхъ фамилій—порядствомъ голосовъ и игрою музыкъ на всякихъ разныхъ инструментахъ и открытостью любительныхъ своихъ и добронравныхъ поступокъ, особливо же къ иностраннымъ, превосходитъ всѣ европейскіе народы“ („Новые матеріалы“, стр. 17).

которые неблагоразумно принятыми мѣрами разрушили бы то, что два или три предка ихъ заводили и поступкомъ бы симъ продлили еще время ея просвѣщенія? Кто мнѣ поручится, чтобъ въ сіе время царствующіе государи, во Швеціи Карлъ XII и въ Пруссіи Фридрихъ II, знатныя части оной себѣ не покорили? То бы когда исполнилось сіе просвѣщеніе и гдѣ бъ была нынѣ пріобрѣтенная слава"? На этомъ основаніи Щербатовъ требуетъ полной дани уваженія къ Петру В., прибавляя, что и хотя много послѣ смерти его дѣлъ повреждали, но учиненное имъ основаніе, и слабости, и зависти, и тщетному самолюбію, и развратности воспротивляется, и что сей Монархъ, въ гробницу заключенный, еще побѣждаетъ своихъ враговъ и прославляетъ Россію" [1]).

Въ заключеніе сдѣлаемъ замѣчаніе о судьбѣ автора „Пропозицій". Петръ В., выражалъ ему неоднократно благодарность за исполненіе своихъ порученій, но корабли, пріобрѣтенные въ Англіи, оказались большею частію слабыми на ходу. Было сдѣлано уже распоряженіе (16 авг. 1715 г.) объ арестѣ Салтыкова и доставленіи его въ Петербургъ, а затѣмъ и о наложеніи запрещенія (4 сент.) на его имущество, но не задолго до того онъ (2 авг. 1715 г.) умеръ въ Англіи [2]). Издатель „Пропозицій" полагаетъ, что здѣсь могла имѣть мѣсто придворная интрига, по поводу нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ авторомъ проекта. Но едвали это такъ. Намъ кажется, что негодованіе Петра стоитъ въ связи съ крупными злоупотребленіями, обнаруженными въ то время, по поставкамъ и подрядамъ, въ которыхъ замѣшаны были многія лица, завѣдывавшія разными частями управленія, а также банкирская фирма Осипа Соловьева въ Амстердамѣ, черезъ кото-

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ ист. и древ. Рос., 1860, I, 23—28.

Взглядъ Щербатова подкрѣпляется *собственноручной* запиской Екатерины II объ ошибкахъ въ государственномъ управленіи послѣ кончины Петра Вел. (Рус. Стар. 1880 т. XXIX, стр. 1047), отличающейся болѣе правдивымъ характеромъ, чѣмъ случайный отзывъ, высказанный ею въ старости и противорѣчащій ея же собственнымъ мнѣніямъ („Записки Грибовскаго", стр. 94; ср. стр. 42). И въ этотъ періодъ она не разъ обращается къ имени Петра, чтобы подкрѣпить собственныя дѣла (Рус. Стар. 1892, № 3, с. 546; Сборн. Рус. Ист. общ., I, 201). Тамъ же см. и отзывъ А. С. Пушкина (Р. Стар., XXIX, 1043—47).

[2]) Указъ объ его арестѣ отданъ въ тотъ же день, какъ Петръ В. дѣлалъ смотръ флоту подъ Ревелемъ, а въ письмѣ послѣдняго прямо сказано: „многія деньги бралъ себѣ подъ лицомъ той покупки (кораблей)"; въ письмѣ же отъ 14 марта 1715 г. Петръ выражалъ ему неудовольствіе за то, „что Робинсонъ оныхъ кораблей не отпускаетъ, пока долги его не заплачены будутъ, и пр." (см. предисл., стр. VIII).

рую совершались уплаты и по заказамъ Салтыкова [1]). Дѣла эти, тянувшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1714—17 гг.), сопровождались большими начетами, пытками и казнями [2]). Въ такое время Петръ В. не имѣлъ расположенія щадить виновныхъ и потому отнесся не менѣе строго и къ винѣ Салтыкова, хотя, быть можетъ, онъ и не былъ причастенъ къ этимъ злоупотребленіямъ.

В. Иконниковъ.

---

[1]) Соловьевъ, XVI, сс. 254—266; „Новые матер. для ист. цар. Петра В.“, 58—61.

[2]) Неудовольствіе противъ Ос. Соловьева впервые обнаружилось въ 1713 г. (Соловьевъ, XVI, стр. 254), а изъ одного указанія видно, что Салтыковъ уже 27 іюня 1715 г. вызывался въ Россію (Берхъ, I, 317). Между тѣмъ изъ записки кн. Б. И. Куракина можно заключать, какъ строго относился Петръ къ заказамъ и счетамъ по нимъ. Такъ, требовались счеты отъ англ. купца Стельса по продажѣ русскихъ товаровъ, отъ Ник. Головина требовался отчетъ въ издержкѣ 13000 еф. и Куракину поручалось „счесть его и о томъ писать, по какому указу онъ тѣ всѣ вещи закупалъ, и по счету то все на немъ доправить“ (Архивъ, III, стр. 11, 13). Обширная переписка Петра съ Салтыковымъ за время пребыванія послѣдняго за границею напеч. Берхомъ въ 1829 г. (тт. I и II).

Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова.*

„ДЕМОНЪ“.**

Уже почти съ первыхъ моментовъ творчества Лермонтова поэзія его стала провозвѣстницею одной изъ самыхъ серьезныхъ міровыхъ темъ и затѣмъ удерживала такое направленіе до конца: въ общемъ содержаніи своемъ она можетъ быть названа глубоко скорбнымъ сѣтованіемъ о ничтожествѣ человѣка и его существованія, о бѣдствіяхъ, наполняющихъ это существованіе рядомъ съ немногими свѣтлыми моментами его, о ничтожествѣ большей части благъ, которыми тѣшится человѣкъ, и о дисгармоніи жизни человѣка вслѣдствіе сочетанія въ немъ противорѣчій; вмѣстѣ съ тѣмъ поэзія Лермонтова была могучимъ порывомъ найти высшіе устои жизни, опираясь на которые можно возноситься надъ пошлостію и пустотою обычнаго существованія. То была поэзія „печальныхъ думъ“, стремленія „къ чему-то тайному,

Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ,
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленія и годы,

говорилъ поэтъ[1].

Такой характеръ поэзіи Лермонтова сложился подъ вліяніемъ природныхъ задатковъ души поэта, условій, въ которыхъ протекло его дѣтство; подъ вліяніемъ полученнаго имъ воспитанія, и, наконецъ, тѣхъ писателей, которыми онъ увлекался при началѣ своей поэтической дѣятельности.

---

* См. VI-ю книгу „Чтеній“.

** Остальные этюды о Лермонтовѣ предназначены нами къ помѣщенію въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1893 г. *Авторъ.*

[1] I, 78.

Въ „пылкой душѣ“ Лермонтова рано замѣчается развитіе усиленной чувствительности [2], впечатлительности и воспріимчивости къ красотамъ природы [3]. Имѣя лишь 10 лѣтъ отъ роду, онъ навсегда полюбилъ горы Кавказа [4] Тогда же онъ извѣдалъ — „такъ рано!“ — первую любовь [5], напоминая въ этомъ отношеніи Данте, если только справедливо то, что послѣдній разсказываетъ о своей любви къ Беатриче. Воспоминаніе объ этой первой любви долго не умирало въ мечтѣ юноши [6], и съ того времени чувство любви въ той или иной формѣ не переставало господствовать въ душѣ Лермонтова [7], при чемъ онъ могъ наблюдать въ себѣ самомъ непостоянство и потому впадать въ скеп-

---

[2] „Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ... Ее пѣвала мнѣ покойная мать“. I, 113—114.

[3] „1830. Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще 8-ми лѣтъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ разъ ѣхалъ въ грозу куда-то, и помню облако, которое—небольшое, какъ бы оторванный черный клочокъ чернаго плаща—быстро неслось по небу: это такъ живо передо мною, какъ будто вижу. Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя въ видѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства“. I, 114. Упоминанія о томъ, какъ поэту нравился свѣтъ луны, имѣются и въ стихотвореніяхъ Лермонтова: напр., I, 32 и 61; въ послѣднемъ стихотвореніи луна названа „царицею лучшихъ думъ пѣвца“. Указаніе на Армиду явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ начавшаго выходить въ 1828 г. перевода поэмы Тассо; переводъ этотъ принадлежалъ Раичу, одному изъ наставниковъ университетскаго пансіона.

[4] I, 70: „Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю объ васъ, да о небѣ“. См., далѣе, I, 75.

[5] „1830 г., 8 іюля, ночь. Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду? Мы были большимъ семействомъ на водахъ Кавказскихъ“ и т. д I, 110—111. —Руссо влюбился впервые, когда ему было 12 лѣтъ.

[6] См., напр., I, 75:

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

Ср. VI, 28.

[7] Это обусловливалось отчасти тѣмъ, что „первое общество, въ которое попалъ Миша, было преимущественно женское, и оно непремѣнно должно было имѣть вліяніе на его впечатлительную натуру:“ *Р. Обозрѣніе* 1890, № 8, стр. 728.—Лермонтовъ „во второй разъ любилъ 12 лѣтъ въ сфремовской деревнѣ въ 1827 году,—и по нынѣ люблю“, при-

тицизмъ относительно любви [8]. Бурныя чувствованія, подлежавшія удержу, и слышанные мальчикомъ фантастическіе разсказы развивали въ немъ, далѣе, мечтательность и вдумчивость.

Ту же раннюю вдумчивость начали вырабатывать въ юношѣ и другія обстоятельства его жизни въ связи съ его воспитаніемъ.

Это воспитаніе, повергавшее мальчика въ избалованность [9], развивавшее въ немъ характеръ гордый, своевольный и властный, чрезмѣрное самолюбіе и инстинкты необузданности [10], вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ наталкивало его на ограниченія, какія должна претерпѣвать личная воля въ столкновеніи съ посторонними условіями, и заставило его рано извѣдать горе изъ-за разлада въ родной семьѣ: много огорченія должна была приносить Лермонтову разлука съ отцомъ, котораго Михаилъ Юрьевичъ горячо любилъ, но который не могъ взять къ себѣ своего сына отъ знатной и богатой бабушки послѣдняго. Должны были оскорблять мальчика и предразсудки касательно бѣдности и незнатности рода, во имя которыхъ бабушка пренебрежительно от-

---

бавилъ поэтъ въ 1829 г. (I, 31). Въ 1830 г. Лермонтовъ писалъ (I, 114): „(Мнѣ 19 лѣтъ). Я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безнадежно любимой мною, бисерный снурокъ... Какъ я былъ глупъ“... и далѣе (I, 117):

. . . три раза я любилъ,
Любилъ три раза безнадежно.

Разъясненіе см. VI, 91 и слѣд.

[8] См., напр.. I, 85:

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни;
[*Коль въ мірѣ есть любовь*] любили
Чистосердечнѣе они.

Такое обвиненіе своего времени въ оскудѣніи любви нерѣдко въ поэзіи; такъ, напр., Франц. поэтъ XVI в. Клеманъ Маро высказалъ то же обвиненіе.

[9] По словамъ А. Шанъ-Гирей, бабушка, воспитывавшая Михаила Юрьевича, „любила безъ памяти“ своего внука. Послѣдній „въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ: бабушка въ немъ души не чаяла и никогда ни въ чемъ ему не отказывала; родные и короткіе знакомые носили его, такъ сказать, на рукахъ“. Русское Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 725 и 728. *Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой*, изд. второе, Спб. 1870, стр. 80: „Въ чужѣ отрадно было видѣть, какъ старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова.... она жила имъ однимъ и для исполненія его прихотей; не нахвалится бывало имъ, не налюбуется на него“.

[10] Нѣкоторые (напр., VI, 20—21) готовы приписать къ самому Лермонтову то, что послѣдній говоритъ о Сашѣ (V, 368): „горничныя дѣвушки разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными“.

носилась къ отцу поэта [11]. Бросалась, наконецъ, въ глаза впечатлительному мальчику тираннія крѣпостнаго права, внушавшая ему отвращеніе, не разъ проглядывающее въ его раннихъ произведеніяхъ. Лермонтову пришлось, такимъ образомъ, съ дѣтства столкнуться съ весьма серьезнымъ и важнымъ вопросомъ человѣческаго общежитія: о личности въ отношеніи къ обществу, съ которымъ она расходится. Впечатлительный мальчикъ рано пережилъ весьма много и, дѣйствительно, могъ испытать немало разочарованія. Онъ „столько любилъ и потерялъ“ [12].

И этотъ ранній опытъ долженъ былъ отразиться въ поэзіи Лермонтова извѣстными предрасположеніями, лишь только юноша „началъ марать стихи въ 1828 г.“, что произошло съ поступленіемъ его въ Московскій благородный университетскій пансіонъ [13].

Въ дѣтствѣ будущій поэтъ почти „ничего не читалъ“ [14], но съ 1827 г. онъ началъ увлекаться литературою и быстро подпалъ ея вліянію. Въ 1828 году, разсказываетъ А. Шанъ-Гирей [15], „я въ первый разъ увидѣлъ русскіе стихи у Мишеля: Ломоносова, Державина, Дмитріева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочелъ мнѣ своего сочиненія стансы къ ***. Вскорѣ была написана первая (sic) поэма *Индіанка* и началъ издаваться рукописный журналъ Утренняя заря, на манеръ Наблюдателя или Телеграфа, какъ слѣдуетъ съ стихотвореніями и изящною словесностію“.

---

[11] См. VI, 62 и слѣд. Что Лермонтовъ любилъ отца и глубоко скорбѣлъ по поводу его кончины, хотя съ виду казался равнодушнымъ, свидѣтельствуетъ „Эпитафія“, написанная въ 1830 г. (I, 73—74). См. еще V, 375. Горесть объ утратѣ матери также долго не умирала въ душѣ поэта (I, 75).

[12] I, 80.

[13] I, 75: „1830. Замѣчаніе. Когда я началъ марать стихи въ 1828 г., „въ пансіонѣ“ (зачеркнуто)...—Въ болѣе раннее время своего житья въ деревнѣ Лермонтовъ выказывалъ „способности къ искусствамъ; проявленія же поэтическаго таланта въ немъ вовсе не было замѣтно въ то время; всѣ сочиненія по заказу Capet онъ писалъ прозой, и нисколько не лучше своихъ товарищей“. Р. Обозр. 1890, № 8, стр. 726.

[14] I, 114.

[15] Русское Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 727.

Свидѣтельство это въ связи съ первыми литературными опытами поэта интересно для насъ, показывая, что Лермонтовъ, читавшій прежде всего французскихъ поэтовъ [16], началъ увлекаться писателями родной литературы. Вскорѣ однако Лермонтовъ призналъ родную литературу бѣдною по содержанію, и въ ней лишь Пушкинъ, преимущественное вліяніе котораго замѣчается въ тетрадяхъ 1829 года, да народная словесность казались ему заслуживающими вниманія [17].

Въ особенности произвели впечатлѣніе на Лермонтова иностранные поэты, съ которыми онъ ознакомился вначалѣ благодаря своимъ гувернерамъ, а затѣмъ и по собственному влеченію. Литературное образованіе Лермонтова вовсе не можетъ быть названо безпорядочнымъ. Изъ нѣмецкой литературы мощное воздѣйствіе на направленіе юнаго поэта оказали произведенія, порожденныя движеніемъ такъ называем. „бурныхъ стремленій“ и непосредственно слѣдовавшимъ творчествомъ классическаго періода, преимущественно поэзія Шиллера. Изъ англійской литературы Лермонтовъ читалъ самыхъ популярныхъ изъ писателей начала настоящаго вѣка, Байрона, Мура и Вальтеръ-Скотта [18]. Сверхъ того, и театральныя представленія пьесъ Шиллера и Шекспира [19] не оставались, вѣроятно, безъ вліянія на литературное образованіе и литературныя симпатіи Лермонтова.

---

[16] VI, 43—44.

[17] Въ 1830 г. Лермонтовъ писалъ: „наша литература такъ бѣдна, что я изъ нее ничего не могу заимствовать.. если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ“. I, 114. Ср. тамъ-же замѣчанія Лермонтова о томъ, что въ русскихъ народныхъ сказкахъ „вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“. Въ воспоминаніяхъ Сушковой (Записки, 81) подъ 1830 г. читаемъ о Лермонтовѣ: „декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ“.

[18] Въ 1829 г, по воспоминаніямъ Шанъ-Гирея (Р. Обозр 1890, № 8, стр. 728), Лермонтовъ, подъ руководствомъ англичанина Mr. Winson-a, „началъ учиться англійскому языку по Байрону и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ свободно понимать его; читалъ Мура и поэтическія произведенія Вальтеръ-Скотта (кромѣ этихъ трехъ, другихъ поэтовъ Англіи я у него никогда не видалъ.... Изученіе англійскаго языка замѣчательно тѣмъ, что съ этого времени онъ началъ передразнивать Байрона“.

[19] Въ Москвѣ въ то время, когда тамъ учился Лермонтовъ, на сценѣ часто ставились „Разбойники“, „Коварство и Любовь“ Шиллера и „Отелло.“ Библ. для чт. 1859, т. CLVIII, „Бѣлинскій и Московскій университетъ въ его время (изъ студенческихъ воспоминаній).“ *К. Прозорова*, стр. 8

Преобладающее вліяніе на Лермонтова въ самый ранній періодъ его поэтической дѣятельности оказалъ несомнѣнно Байронъ, съ огромнымъ томомъ произведеній котораго Лермонтовъ нѣкоторое время былъ неразлученъ, но уже и тогда литературное образованіе нашего поэта не ограничивалось узкимъ кругомъ немногихъ произведеній, и въ поэзіи Лермонтова сливалось воздѣйствіе цѣлаго ряда корифеевъ новѣйшей западноевропейской литературы. У поэтовъ, произведенія которыхъ читалъ, Лермонтовъ останавливалъ свое вниманіе преимущественно на томъ, что̀ подходило къ его личному настроенію, и онъ не только повторялъ ихъ образы и мысли, но даже выраженія [20]. Соглашая мотивы любимыхъ родныхъ и иностранныхъ поэтовъ со своими чувствами и съ лично пережитымъ, Лермонтовъ вскорѣ началъ достигать бо́льшей или меньшей оригинальности въ своей поэзіи, потому что постоянно вносилъ въ нее часть своей души, собственныя думы и душевныя движенія. Несомнѣнно, что основное настроеніе и самыхъ раннихъ стихотвореній Лермонтова, впервые обнародованныхъ нескоро послѣ смерти поэта, большею частію лишь въ послѣдніе годы, не было напускное. Иные скажутъ, какъ Шанъ-Гирей, что „скептицизмъ, мрачность и безнадежность“, характеризующіе большую часть произведеній Лермонтова съ 1829 г. по 1833 г., „въ дѣйствительности были далеки отъ него. Онъ былъ характера скорѣе веселаго, любилъ общество, особенно женское, въ которомъ почти выросъ и которому нравился живостью своего остроумія и склонностію къ эпиграммѣ; часто посѣщалъ театръ, балы, маскарады; въ жизни не зналъ никакихъ лишеній, ни неудачъ.... особенно чувствительныхъ утратъ онъ не терпѣлъ; откуда же такая мрачность, такая безнадежность? Не была ли это скорѣе драпировка, чтобы казаться интереснѣе, такъ какъ байронизмъ и разочарованіе были въ то время въ сильномъ ходу, или маска, чтобы морочить обворожительныхъ московскихъ львицъ?“ [21] Но, прежде чѣмъ

---

[20] Лермонтовъ, избиравшій „плѣнниковъ“, „корсаровъ“, „узниковъ“ въ герои первыхъ своихъ произведеній, выразился о своихъ первыхъ упражненіяхъ: „я какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ“. I, 75.

[21] Р. Обозр. 1890, № 8, стр. 728. То же говоритъ г. К(лючевскій)—см. статью его „Грусть“ въ „Русской Мысли“ 1891 г., № 7.

взводить такое обвиненіе, не слѣдуетъ ли отнестись довѣрчивѣе и внимательнѣе къ тому, что говоритъ поэтъ:

. . . отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.
Молю о счастіи бывало . . .
Дождался наконецъ—
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ!
И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ.

Понятно, что при такомъ душевномъ состояніи

. . . черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя [22].

Надо имѣть въ виду далѣе скрытность характера Лермонтова, прикрывавшаго веселостью самое грустное настроеніе [23].

Вопросъ долженъ, слѣдовательно, ставиться лишь о томъ, возможно ли было дѣйствительно въ *душѣ* юнаго поэта то мрачное настроеніе, которое не разъ выражается въ его поэзіи, какъ искренній вопль наболѣвшаго сердца?

Намъ кажется, что на этотъ вопросъ должно дать отвѣтъ положительный, если принять во вниманіе всѣ имѣющіяся передъ нами данныя для возстановленія психической жизни Лермонтова до оставленія имъ Московскаго университета. Мы видѣли, что обстоятельства жизни юнаго поэта должны были представлять ему жизнь далеко не въ одномъ розовомъ цвѣтѣ. Лермонтову пришлось испытать страшное нравственное потрясеніе вслѣдствіе тяжелой семейной драмы, разыгравшейся между его отцомъ и бабушкой, и, вѣроятно, слѣдуетъ вмѣстѣ съ г. Висковатовымъ усматривать признаніе самого Лермонтова въ словахъ одного изъ его драматическихъ

---

[22] I, 66 и 78.
[23] Ср. VI. 71.

героевъ, Юрія: „Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей....“ Довелось Лермонтову разочаровываться и въ дружбѣ, которой поэтъ такъ жаждалъ съ поступленія въ Московскій университетскій пансіонъ, не находя отрады въ домашнемъ кругу [24].

Въ отношеніи къ мрачному взгляду на міръ весьма важно было то, что, уже „кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ“, нашъ поэтъ зналъ печальное раздвоеніе въ самомъ себѣ. Съ одной стороны, „высокимъ сердце билось, въ душѣ горѣли лучи небеснаго огня“, а съ другой Лермонтовъ видимо весьма рано началъ испытывать глубокое недовольство собою:

. . . какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна—
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть она [25].

А такое раздвоеніе является однимъ изъ источниковъ міровой скорби [26].

---

[24] VI, 67—68 и 50—51.

[25] II, 334 и III, 49. Ср. I, 42:

Для меня бываетъ время:
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце (Богъ тому судья)
Жметъ невѣдомое бремя!....

или I, 222 (1831):

Не обнажай минувшихъ дней:
Въ нихъ не откроешь ничего ты,
За чтобъ меня любить сильнѣй...
Тебѣ открыть мнѣ было бъ больно,
Какъ жизнь моя пуста, черна,
. . . недостоинъ я участья . . .

[26] *Auerbach*, Deutsche Abende, Stuttgart, 1867, статья: „Der Weltschmerz mit Beziehung auf Nicolaus Lenau.

Будучи недоволенъ не только другими, но и собою, поэтъ, хотя по склонности къ идеализаціи могъ увлекаться иными личностями, вообще началъ презирать людей. Въ 1830 г. онъ писалъ:

Зачѣмъ такъ рано, такъ ужасно
Я долженъ былъ узнать людей? [27]

Уже въ тѣ ранніе годы, когда въ Лермонтовѣ пылалъ „жаръ любви къ родинѣ“, какъ и въ героѣ одной задуманной имъ драмы [28], поэтомъ овладѣвало негодованіе при видѣ печальной жизни отчизны, гдѣ

. . . . . душно кажется
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ,

и онъ готовъ былъ представить, что

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ....
И пища многихъ будетъ смерть и кровь...[29]

Да и общее созерцаніе жизни, неизбѣжныхъ въ ней утратъ и горестей увяданія, помимо всѣхъ личныхъ скорбей, повергало поэта въ глубокое раздраженіе, отравляло для него всѣ радости, дѣлало для него невозможнымъ полное и беззавѣтное увлеченіе даже любовью [30]. Уже тогда юношу одолѣвало убійственное представленіе о ничтожествѣ земнаго существованія, о томъ, что жизнь не даетъ счастья, что она—„горькій даръ“, и воображенію Лермонтова рисовались страшно мрачные образы смерти, въ виду которыхъ, говоритъ поэтъ,

. . . . изрекъ я дикія проклятья
На моего отца и мать—на всѣхъ людей, *и т. д.* [31];

земля казалась ему „гнѣздомъ разврата, безумства и печали“, а человѣкъ—„земнымъ червемъ, сыномъ праха и забвенья“ [32]. Мысль о смерти не разъ заявляетъ себя въ поэзіи юнаго Лермонтова съ

---

[27] I, 82.

[28] IV, 2—7; ср. VI, 54 и 32.

[29] I, 21 (ср. VI, 35—36); I, 116.

[30] I, 76—77.

[31] I, 73; IV, 166; I, 79—82. Стихотворенія Лермонтова съ названіями „Ночь“ г. Висковатовъ сближаетъ съ произведеніями Байрона (см., между проч., VI, 88), но ихъ слѣдуетъ сопоставлять также съ „Ночами“ А. де-Мюссе.

[32] I, 84. Ср. въ Гэмлетѣ II, 2, 320—321: „what is this quintessence of dust?“ и т. п.

силою, почти безпримѣрною въ писателѣ столь молодомъ, какъ, напр., въ стихотвореніи „Одиночество“:

Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ будто сны,
И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой. . . .
И вижу гробъ уединенной—
Онъ ждетъ; что-жъ медлить надъ землей?

Повидимому въ Лермонтовѣ не разъ выникала мысль о самоубійствѣ [33].

Уже въ годы юности (1829 и слѣд.) поэтъ говорилъ о „свѣтломъ призракѣ дней минувшихъ“, „былomъ счастьи“. Въ настоящемъ уже не было „веселости прекрасной“ [34], „безпечности, дружескихъ обѣтовъ и отваги“:

Въ сердцѣ ненависть и холодъ
Водворились! [35]
Мой духъ погасъ и состарѣлся . . .
. . . я теперь, какъ нищій, сиръ;
Брожу одинъ какъ отчужденный! [36]
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я [37].

Поэтъ уже испыталъ „отчаянья порывъ“ [38], былъ „измученъ“ „тоской и холодной, и нѣмой“ [39], былъ удручаемъ „грустью“ [40].

---

[33] I, 88—89; VI, 69, 83 и 101.
[34] III, 50.
[35] I, 37.
[36] Тамъ-же.
[37] III, 50.
[38] I, 38.
[39] I, 74 и I,42.
[40] I, 78.

Его тяготили „жизни сей оковы“ [41], и онъ какъ будто радостно готовъ былъ встрѣтить смерть. Онъ писалъ: [42]

Пора уснуть послѣднимъ сномъ,
Довольно въ мірѣ пожилъ я;
Обманутъ жизнью былъ во всемъ
И ненавидя и любя.

Даже наружность Лермонтова нѣсколько выказывала его душевное настроеніе. И. А. Гончаровъ, напр., такъ обрисовалъ Лермонтова-студента въ своихъ воспоминаніяхъ: „Онъ казался мнѣ апатичнымъ, говорилъ мало и сидѣлъ всегда въ лѣнивой позѣ, полулежа, опершись на локоть“ [43].

Соотвѣтственно преобладанію скорби и тоски въ настроеніи Лермонтова, онъ былъ почти съ перваго же момента своего творчества чуждъ „нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней“, забылъ „сторону свѣтлыхъ вдохновеній“ [44]. Въ лирикѣ его по преимуществу выражалось указанное меланхолическое настроеніе со всѣмъ субъективизмомъ, какому благопріятствуетъ этотъ родъ поэзіи. Въ драмѣ это настроеніе достигало нѣкотораго объективированія въ сюжетахъ мрачныхъ, иногда кровавыхъ. Наконецъ, въ эпикѣ поэтъ, душа котораго „съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала“, какъ и „въ умѣ своемъ

. . . . . создалъ міръ иной
И образовъ иныхъ существованье [45].

И съ той поры онъ не переставалъ во всю свою жизнь находить утѣшеніе въ созданіяхъ своей мечты:

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю [46].

---

[41] I, 88.

[42] I, 203; ср. I, 60.

[43] Вѣстникъ Европы 1887, № 4, „Изъ университетскихъ воспоминаній“ И. А. Гончарова, стр. 489.

[44] III, 49.

[45] I, 165.

[46] I, 73. Ср. I, 115 и IV, 117:

Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрывающи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.

Воображеніе поэта какъ бы двояко настраивалось согласно раздвоенію, которое онъ переживалъ и которое было причиною его мученій:

. . . . . я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ . . .
. . . . . всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ! [47]

Это свидѣтельство поэта о фантастичности и контрастахъ образовъ, наполнявшихъ его воображеніе, мы можемъ принять съ полнымъ довѣріемъ какъ въ силу того, что̀ намъ извѣстно о личномъ характерѣ Лермонтова, такъ и въ виду другихъ примѣровъ столь же пылкой поэтической фантазіи, извѣстныхъ намъ изъ исторіи поэзіи.

Итакъ, образы особыхъ существъ носились передъ воображеніемъ юнаго поэта. Конечно, эти образы не были созданы впервые его воображеніемъ: они были первоначально вычитаны Лермонтовымъ у другихъ и затѣмъ усвояемы его пылкимъ воображеніемъ, какъ болѣе или менѣе близко подходившіе къ личной душевной жизни поэта, къ раздвоенію, которое онъ испытывалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „населялъ таинственные сны“ тѣми „полными мукъ мгновеньями“, которыя онъ переживалъ въ „свѣтѣ“.

Въ поэзіи Лермонтова сохранился цѣлый рядъ набросковъ мрачныхъ сюжетовъ. Изъ этихъ поэтическихъ замысловъ Лермонтова вызрѣлъ преимущественно одинъ. Онъ представляетъ особый интересъ, какъ одно изъ самыхъ любимыхъ дѣтищъ поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

Очевидно, мечты были любовныя. Ср. извѣстное стихотвореніе „Первое января“ (1840 г.) (I, 286—287), гдѣ, между проч., читаемъ:

Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Г. Висковатовъ относитъ (VI, 28) эту мечту къ предмету первой любви Лермонтова, но это едва ли основательно.

[47] I, 165; ср. I, 56: Премудрой мыслью вникалъ
Я въ пѣсни ада, въ пѣсни рая....

какъ принадлежащій къ одной изъ самыхъ грандіозныхъ концепцій міровой литературы.

Сатана интересовалъ поэтическое творчество въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ и имѣетъ весьма длинную исторію въ литературѣ, не лишенную значительнаго интереса, если принять во вниманіе, что надъ поэтическою разработкою этого образа трудились не только народныя массы, но и такіе поэты первостепеннаго таланта, какъ Тассо, Мильтонъ, Гёте, Байронъ, не говоря о множествѣ второстепенныхъ, каковы Фондель, Лесажъ, Клопштокъ и др.

Бѣглый взглядъ на исторію сатаны въ литературѣ [48] можетъ обстоятельно разъяснить намъ, изъ какихъ элементовъ сложилась личность демона у Лермонтова, и есть ли что оригинальнаго въ этомъ образѣ у нашего поэта. Пройдемъ же спѣшно вдоль длинной поэтической галлереи образовъ демона, въ которыхъ послѣдній предстаетъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Оставивъ совсѣмъ въ сторонѣ болѣе древнія представленія о духѣ зла, мы ограничимся самыми краткими замѣчаніями о видоизмѣненіяхъ въ изображеніи его въ Европѣ новаго времени.

Въ средніе вѣка діаволъ долго былъ въ высшей степени грознымъ призракомъ, и одни, фантазія которыхъ подпадала болѣзненному страху, съ ужасомъ открещивались отъ рисовавшагося ихъ воображенію заклятаго врага Божія и противника всѣхъ стремящихся къ добру, и отъ этого тяжелаго кошмара не могли освободиться даже суровые аскеты, проводившіе всю жизнь въ подвигахъ благочестія и, казалось, вовсе не долженствовавшіе бояться врага рода человѣческаго; другіе же совсѣмъ преклонялись передъ мощью діавола и становились его почитателями. Діаволъ былъ героемъ множества легендъ, въ которыхъ являлся въ роли искусителя; между прочимъ, средневѣковая фантазія знала

---

[48] Къ сожалѣнію, г. Н. Котляревскій обошелъ эту исторію, давъ взамѣнъ ея въ своей книгѣ мало идущій къ дѣлу общій очеркъ смѣны типовъ демоническихъ мужчинъ и ангельской доброты женщинъ. Одинъ изъ лучшихъ этюдовъ по исторіи дьявола и различныхъ легендъ о немъ принадлежитъ *A. Graf*-у и озаглавленъ: Il Diavolo; мы имѣли передъ собою Terza edizione, Milano—Frat. Treves. 1890. См. еще *Roskoff*, Geschichte des Teufels, I—II Bd., Leipz., 1869; *Baissac*, Histoire de la diablerie chrétienne, I, Le diable, Paris, и *F. T. Hall*, The Pedigree of the Devil, Lond. 1883; *Ѳ. И. Буслаевъ*, Мои досуги, ч. II, М. 1886, „Бѣсъ“.

и о томъ, что діаволомъ были обольщаемы дѣвушки[49], между проч.— монахини. Былъ весьма распространенъ также мотивъ о преніи діавола съ ангеломъ за грѣшную душу [50]. Но къ концу среднихъ вѣковъ въ повѣстенкахъ потѣшнаго содержанія, каковы Fableaux, діаволъ выступилъ въ самой обыденной житейской обстановкѣ, являясь участникомъ нерѣдко глупыхъ и смѣшныхъ приключеній. Въ этихъ веселыхъ разсказцахъ въ тонѣ легкой насмѣшки выражается народное представленіе о діаволѣ, и послѣдній предстаетъ какъ чертенокъ-проказникъ, любящій помучить человѣка и пугнуть его, постоянно вмѣшивающійся въ дѣла людей, чтобы толкать ихъ ко злу, и нерѣдко при этомъ зло подсмѣивающійся. Діавола винятъ во всѣхъ неудачахъ и во всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ человѣка. Діаволъ отстаетъ-де отъ своей несчастной жертвы лишь въ томъ случаѣ, когда за послѣднюю вступятся Богородица и святые; онъ изобрѣтаетъ тысячи способовъ соблазнять человѣка и является въ различныхъ видахъ, между проч. и въ образѣ женщины; опасаясь, что жертва, которою онъ овладѣлъ, можетъ ускользнуть изъ его власти, діаволъ старается поскорѣе умертвить ее. Онъ обладаетъ острымъ и подвижнымъ умомъ, силенъ въ словопреніяхъ и отличный „логикъ“ [51]. Народная драма послѣднихъ столѣтій средневѣковья, впадая въ фривольность, также надѣлила діавола, получавшаго въ ней все болѣе и болѣе мѣста, ролью комика и интригана, смѣялась надъ нимъ и ставила его въ комическія положенія, при чемъ иногда онъ подвергался потасовкѣ изъ-за человѣческихъ душъ. Этотъ діаволъ одновременно и страшенъ и смѣшенъ. Наружность его получила видъ, какой приписывала ему грубая народная вѣра и вслѣдъ за нею средневѣковое искусство: черти

---

[49] О такихъ легендахъ XIII в. см. у *Л. Ю. Шепелевича*: Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры, вып I, Харьк. 1890, стр. 15—26. Подобная вѣра держалась и въ послѣдующее время. См., напр., *U. Molitor* (эта фамилія автора стоитъ въ концѣ книжки), Tractatus per vtilis de phitonicis mulieribus.—Ex Constan. Anno Domini. M. cccc. lxxxix. На одномъ изъ изображеній представлена женщина въ объятіяхъ дьявола, имѣющаго видъ мужчины.

[50] См., напр., у *Ѳ. Д. Батюшкова*: Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы, С.-Петербургъ 1891, стр. 192.

[51] См ст. *G. Schiavo:* „Fede e Superstizione nell'antica poesia francese. V. Il Diavolo“ въ „Zeitschrift für romanische Philologie“, XV (1891), s. 289—317. См. еще *Lenient,* La satire en France au moyen âge, Nouv. édit., Par. 1877, p. 89—90, 171 и слѣд., 400 и слѣд.

были снабжены рогами, когтями, хвостами и лошадиными копытами; они черны и т. п.[52].

На зарѣ Возрожденія Данте помѣстилъ Люцифера въ самомъ глубокомъ мѣстѣ преисподней, въ центрѣ вселенной, „тамъ, гдѣ льдомъ

Со всѣхъ сторонъ затерты духи злые,
Какъ пузырьки мелкая подъ стекломъ.

„Владыка царства вѣчныхъ слезъ“,

. . . . . возставъ на своего
Творца, такъ гнусенъ сталъ, какъ былъ прекрасенъ[53].

Въ „Morgante Maggiore“ Луиджи Пульчи дьяволъ Astarotte добръ, учтивъ, услужливъ и говоритъ съ полнымъ уваженіемъ о Богѣ и христіанской вѣрѣ. Въ поэмѣ Боярдо: „Влюбленный Роландъ“ діаволъ почти еще отсутствуетъ[54]. У Аріосто же онъ направляетъ Градасса въ походѣ на Францію[55]. Въ поэмѣ Тассо сатана воздвигаетъ въ Сиріи и Палестинѣ цѣлый рядъ помѣхъ крестоносцамъ, хотя въ то же время долженъ подчиняться чародѣю въ родѣ Ismeno,

Предъ коимъ самъ Плутонъ дрожалъ
На тартарскомъ престолѣ;
Исменъ, какъ царь, повелѣвалъ,
Располагалъ духами,
И разрѣшалъ ихъ и вязалъ
Волшебными словами.[56]

---

[52] О діаволѣ въ средневѣковомъ театрѣ см. у *Jusserand*, Le Théâtre en Angleterre, 1881, p. 50. О костюмѣ демоновъ см. еще въ статьѣ *Bapst*-а: „Etude sur les mystères au moyen âge“—Revue Archéologique, nov.-déc. 1891, p. 312, и отдѣльный оттискъ.

[53] Inf. XXXIV, 11—12, 28, 34—36:

Là, dove l'ombre tutte eran coperte,
E trasparèn come festuca in vetro...
Lo'mperador del doloroso regno...
S'ei fu sì bel com'egli è ora brutto,
E contra 'l suo Fattore alzò le ciglia;
Ben dee da lui procedere ogni lutto.

О демонологіи Данте см. *A. Graf*, Miti, Leggende e Superstizioni del Medio Evo, vol. II, Torino 1893, этюдъ: „Demonologia di Dante“.

[54] Есть у Боярдо дьяволъ Scarapino, но онъ не играетъ видной роли.

[55] Orl. Fur. XXVII.

[56] La Gerusalemme Liberata, C. II, ott. I: Ismeno

Fin ne la reggia sua Pluto spaventa,
E i suoi demon negli empi uffici impiega
Pur come servi, e li discioglie e lega!

Усвоивъ огромную власть діавольской силѣ, Тассо явился однимъ изъ выразителей того поворота вспять, который замѣчается во второй половинѣ XVI-го вѣка не только въ Италіи, но и въ Германіи.

Послѣ реформаціи діаволъ вновь началъ казаться могучимъ врагомъ. Лютеранство въ противоположность раціонализму гуманизма содѣйствовало усиленію вѣры въ личнаго діавола и его пособниковъ. Изображеніе діавола въ сатирѣ Фишарта „Jesuitenhüttlein“ было согласно съ общею видною ролью, какую послѣдователи реформаціи приписывали темной силѣ въ людскихъ бѣдствіяхъ. Протестантская публика XVI-XVII вв. съ ужасомъ созерцала на сценѣ, какъ въ сѣти діавола попалъ даже ученѣйшій докторъ Фаустъ.[57]

Въ половинѣ XVII-го в. голландскій католикъ Joost van den Vondel въ своемъ драматическомъ произведеніи о паденіи ангеловъ и человѣка („Luisevaer,“ 1654) представилъ гордаго, себялюбиваго, честолюбиваго и завистливаго Люцифера въ величавомъ видѣ героя, полнаго силы и мужества, выдвигая въ то же время въ немъ предостерегающій политическо-аллегорическій примѣръ.

Поэму Vondel-я зналъ, вѣроятно, Мильтонъ. Этотъ великій поэтъ и публицистъ первой англійской революціи и пуританства въ обрисовкѣ сатаны выказалъ огромную мощь таланта и сдѣлалъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ обычнымъ представленіемъ о врагѣ всякаго добра. Мильтонъ отрѣшилъ образъ демона отъ искаженій, которымъ подвергся этотъ типъ въ народной фантазіи, и, напротивъ того, усвоилъ Сатанѣ значительную возвышенность ума и величіе, такъ что Сатана является главнымъ лицомъ въ „Потерянномъ раѣ,“ а всѣ остальныя личности блѣдны по сравненію съ нимъ и отступаютъ на задній планъ. Поборникъ англійской революціи изобразилъ въ Сатанѣ неукротимо гордаго революціонера-республиканца, побѣжденнаго, но не сломленнаго, не пожелавшаго признавать высшій авторитетъ и предпочитавшаго царство въ аду рабству на небѣ. Сатана Мильтона, „непрестанно помышляя о тщетной борьбѣ съ небомъ“[58], надменно говоритъ: „Divided empire with heav'n's King I hold“[59]. Онъ надѣленъ качествами мощнаго начинателя и вождя революціи. Онъ гордъ, исполненъ пламенной ненависти и несокрушимъ въ своемъ мужествѣ.

---

[57] См. піесу Марло „Doctor Faustus“ и нѣмецкія театральныя представленія XVII в.

[58] Paradise lost, II, 8--9.

[59] Ibid. IV, 111.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не вполнѣ заглохло влеченіе къ добру: увидѣвъ невинную человѣческую чету, Сатана былъ тронутъ почти до слезъ. Онъ все-таки сохранялъ отпечатокъ своего прежняго величія. Онъ Богоподобенъ, какъ и Михаилъ, и не вполнѣ лишился своего прежняго блеска. Въ немъ все еще можно узнать перваго когда-то между ангелами. И въ то же время Сатана Мильтона громаденъ, и видъ его чудовищенъ и страшенъ [60]. Въ общемъ однако образъ энергичнаго, все преодолѣвающаго Сатаны внушаетъ удивленіе читателю поэмы Мильтона и, понятно, производилъ глубокое впечатлѣніе и оказалъ значительное вліяніе на поэтическое творчество. Онъ положилъ начало представленію Сатаны какъ бы съ чертами Промееѳел библейскаго вѣроученія и былъ первообразомъ гордаго и непримиримаго на всю вѣчность Байронова Люцифера [61].

Но на первыхъ порахъ такое опоэтизированіе Сатаны и оттѣненіе грандіозности его характера не могло еще вполнѣ возобладать надъ обычными вѣрованіями о немъ, и въ XVIII в. демонъ долго еще представалъ въ обрисовкѣ, согласной съ вѣковыми преданіями.

Вслѣдъ за Мильтономъ и Клопштокъ въ изображеніи Сатаны болѣе или менѣе возвратился къ библейскому представленію о демонахъ. Сатана и Абрамелехъ—лишь упорные противники Божіи. Но при этомъ, прославляя Бога, какъ отца любви, Клопштокъ отвергалъ вѣчность адскихъ наказаній, и у этого поэта отпадшій ангелъ Аббадона въ концѣ будетъ спасенъ и, призванный Спасителемъ, станетъ блаженнымъ, какъ и Сатана примиряется съ Богомъ у нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ. Кающійся Аббадона очень нравился сентиментальнымъ современникамъ Клопштока.

Демонъ Анамелехъ въ идилліи Гесснера „Смерть Авеля“—существо гораздо низшаго порядка, чѣмъ Сатана Мильтона и „глава духовъ“ Байрона, не имѣетъ ни смѣлости тѣхъ демоновъ, ни всего другаго, что внушаетъ удивленіе. Онъ трусливъ и дѣйствуетъ испод-

---

[60] По словамъ Мильтона, Сатана, олицетворявшій мощь зла, „равнялся называемому въ баснословіи чудовищному великому Титаниду, или сыну земли, ополчившемуся на Юпитера, Бріарею или морскому звѣрю Левіаѳану, котораго Богъ сотворилъ огромнѣйшимъ изъ всѣхъ плавающихъ въ пучинахъ океана“ (Ibid., I, 196—202).

[61] Вопросъ объ отношеніи поэмы Мильтона „Потерянный Рай“ къ цѣлому ряду поэтическихъ произведеній на ту же тему, между прочимъ, и къ Фонделеву, разработанъ уже обстоятельно. См. хотя бы замѣтку *L. Proescholdt*-а: „Eine neue Quelle Miltons“ въ Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte, I Bd. (1886), 81—84.

тишка. Такое изображеніе близко къ народнымъ представленіямъ о діаволѣ, которыя не разъ продолжаютъ выникать и въ творчествѣ новаго времени.

Какъ въ искушеніяхъ св. Антонія Фламандской школы діаволъ предстаетъ въ видѣ рогатыхъ чудовищъ, такъ и у Cazotte-a въ повѣсти: „Le Diable Amoureux. Nouvelle Espagnole“ (1772), которая читается и теперь, находимъ еще сплетеніе средневѣковыхъ мотивовъ: діаволъ, въ существѣ безобразный, искушаетъ Dom Alvare-a, для чего принимаетъ видъ прекрасной, обольстительной женщины и прибѣгаетъ также къ другимъ превращеніямъ. Повѣствованію приданъ аллегорическій смыслъ [62]. Діаволъ по прежнему являлся также героемъ мелкихъ шутливыхъ повѣствованій, какъ, напр., у Hagedorn-a [63].

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ XVIII в. онъ долженъ былъ воспринять въ себя скептическое настроеніе того времени, поднявшись, какъ представитель систематической насмѣшки и отрицанія, ступенью выше по сравненію съ средневѣковою своею ролью.

„Хромой бѣсъ“ Лесажа (1707 года), желавшаго дать широкую картину нравовъ Парижскаго общества, сталъ утонченнѣе бѣса той испанской сатирическо-аллегорической новеллы „Diablo

---

[62] Oeuvres badines et morales de M. Cazotte. Nouvelle Éd. Corrigeé & augmentée. T. IV, Londres 1788, p. 280—281: „Le petit ouvrage que l'on donne aujourd'hui réimprimé & augmenté ....fut inspiré par la lecture du passage d'un auteur infiniment respectable, dans lequel il est parlé des ruses que peut employer le démon quand il veut plaire et séduire. On les a rassemblées, autant qu'on a pu le faire, dans une allégorie où les principes sont aux prises avec les passions: l'âme est le champ de bataille; la curiosité engage l'action, l'allégorie est double, et les lecteurs s'en appercevront aisément“. Въ этомъ эпилогѣ указаны мотивы, заставившіе автора значительно измѣнить содержаніе повѣсти во второмъ изданіи, гдѣ герой устоялъ противъ искушенія. Въ 1-мъ изданіи (A Naples, 1772; на дѣлѣ то было Парижское изданіе), въ Avis de l'éditeur читаемъ, что это произведеніе „est très-moral“. „Il semble que l' Auteur ait senti qu'un homme qui a la tête tournée d'amour est déja bien à plaindre; mais que lorsqu'une jolie femme est amoureuse de lui, se caresse, l'obsède, le mène et veut à toute force s'en faire aimer, c'est le diable . . . le diable est bien malin; . . . il n'est pas toujours si laid qu'on le dit „(P. vij-viij). Ср. p. 137, 144 и въ особенности p. 112: „dans toutes les occasions où nous avons besoin de secours extraordinaires pour régler notre conduite, si nous les demandons avec force, dussions-nous n'être pas exaucés“ . . .

[63] Объ источникахъ этого разсказа см. въ ст. *Spiridion Wukadinović*-а: Die Quellen von Hagedorns „Aurelius und Beelzebub“ въ Vierteljahrsschrift für Literaturgeschichte, V, 4 (1892).

cojuelo“[64], которая послужила однимъ изъ источниковъ для французскаго романиста. У испанскаго новеллиста діаволъ только чародѣй и сатирикъ. У Лесажа Асмодей понятъ шире. Это—болѣе прочихъ извѣстный въ обоихъ мірахъ и самый занятой изъ всѣхъ бѣсовъ, такъ какъ ему очень много хлопотъ въ свѣтѣ, гдѣ онъ водворяетъ роскошь, всѣ новѣйшія моды, буйство, азартныя игры и химію, каруселн, танцовальныя и музыкальныя увеселенія, комедіи, устраиваетъ смѣшные браки и содѣйствуетъ разврату; это—демонъ сладострастья. Онъ изворотливѣе испанскаго и остроумнѣе въ обнаруженіи передъ своимъ спутникомъ, которому служитъ изъ благодарности, закулисной стороны человѣческой жизни; онъ зло и вмѣстѣ весело раскрываетъ всю изнанку этой жизни и людскую глупость. Онъ все видитъ, все знаетъ въ прошломъ и настоящемъ (но не въ будущемъ) и, переступая всѣ правила, смѣется надъ всѣми глупостями и пренебрегаетъ всѣми авторитетами.

Изъ-подъ пера Вольтера явилась надъ названіемъ „Бѣднаго чертенка“ („Le pauvre Diable“, 1758) одна изъ самыхъ удачныхъ и язвительныхъ сатиръ его.

Такой же поворотъ въ изображеніи демона замѣчается и въ нѣмецкой поэзіи второй половины XVIII в. Гёте въ письмѣ къ Шиллеру 1799 г. призналъ сюжетъ Мильтоновой поэмы изъѣденнымъ червями, и автору Фауста принадлежитъ преобразованіе и обновленіе типа демона, между проч. и въ направленіи Лесажа, а не только въ духѣ народныхъ представленій о цинически-пронырливомъ бѣсѣ. Библейскій демонъ съежился и сталъ насмѣшливымъ Мефистофелемъ. Послѣдній занятъ совращеніемъ съ пути истины одного изъ даровитѣйшихъ представителей рода человѣческаго, котораго старается завлечь въ свои сѣти искушенія, чтобы доказать, что и этотъ человѣкъ разстанется съ

---

[64] Новелла эта была написана въ 1641 г. испанскимъ драматургомъ Луисомъ Велесомъ де Гевара (род. между 1570 и 1574 гг.,ум. въ 1644 г.), который любилъ, между проч., демоническіе сюжеты.Наружность Асмодея описана у Лесажа такъ: бѣсъ представлялъ „une figure d'homme en manteau, de la hauteur d'environ deux pieds et demi, appuyé sur deux béquilles. Ce petit monstre boiteux avait des jambes de bouc, le visage long, le menton pointu, le teint jaune et noir, le nez fort écrasé; ses yeux qui paraissaient très petits ressemblaient à deux charbons allumés; sa bouche excessivement fendue était surmontée des deux crocs de moustache rousse et bordée de deux lippes sans pareilles“.

Богоподобіемъ, лишь только поставить его въ соприкосновеніе съ обольщеніями со стороны зла. Новою чертою въ демонѣ, изображенномъ Гёте, явилось отчетливое оттѣненіе дьявольскаго отрицанія: Мефистофель—„духъ, что вѣчно отрицаетъ“ [65] и издѣвается, и въ тоже время онъ подвластенъ чарамъ заклинаній. Онъ „не можетъ ничего уничтожить въ великомъ, и потому начинаетъ съ малаго“. Онъ сознается, что отъ того ему немного проку,—что онъ не можетъ ничего подѣлать съ этимъ „Нѣчто, несуразнымъ міромъ“ [66], считаетъ людей жалкими [67], но все-таки не прочь еще разъ доказать свое могущество надъ человѣкомъ, обуреваемымъ безграничными хотѣніями и не находящимъ удовлетворенія ни въ ближайшей дѣйствительности, ни въ познаваніи далекаго [68]. Во внѣшнихъ явленіяхъ своихъ Мефистофель не заключаетъ въ себѣ ничего чарующаго.

Демонъ вновь сталъ колоссальною фигурою подъ перомъ величайшаго поэта первой четверти настоящаго вѣка, Байрона, повліявшаго на весь цивилизованный міръ. Байронъ былъ могучимъ выразителемъ идей освобожденія, завѣщанныхъ интеллектуальнымъ и политическимъ движеніемъ второй половины прошлаго вѣка. Онъ протестовалъ противъ всякаго рода утѣсненія, духовнаго и политическаго, питалъ антипатію къ „тихому счастью безстрастнаго духа“, къ спокойнымъ и умѣреннымъ характерамъ, любилъ изображать сильныя страсти, гордыя стремленія, своенравныя натуры съ безпокойнымъ и скептически настроеннымъ умомъ, одержимыя мрачнымъ отчаяніемъ и горькимъ негодованіемъ, имѣлъ въ себѣ нѣчто „сатанинское“ („le sataniqne“), по выраженію Бодлэра, и Сатана явился однимъ

---

[65] Faust, I, 3, 984: Ich bin der Geist, der stets verneint!
Ср. ib., I, 4005: Auf Teufel reimt der Zweifel nur.
Мефистофель въ роли неумолимаго насмѣшника выступаетъ въ виршахъ, произнесенныхъ Гёте въ разговорѣ съ Luden-омъ въ 1806 г., и въ „Zahme Xenien“. Объ имени Мефистофеля см. неудовлетворительную, впрочемъ, ст. *A. Rudolf*-a: „Der Name Mephistopheles“ въ Archiv für das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen, LXII (1879), S. 289—318.

[66] Ib. 1006—1014.

[67] Ib. I, Prol., 55—56.

[68] Ib. 59—65.

изъ типическихъ представителей Байроновскаго протеста, что́ должно отнести отчасти ко вліянію Мильтона [69].

Образъ „врага Бога и человѣка“ представляетъ собою у Байрона въ высокой степени законченный типъ. Въ мистеріи „Каинъ“, лучшемъ изъ драматическихъ произведеній Байрона, возвышенномъ, трогательномъ, но полномъ горечи и чрезвычайной смѣлости, „господинъ духовъ (master of spirits“) является непримиримымъ врагомъ Бога и всего существующаго порядка. Онъ принадлежитъ къ числу душъ, которыя

. . . . . дерзаютъ наслаждаться
Своимъ безсмертьемъ и дерзаютъ также
Всесильному въ глаза смотрѣть и прямо
О томъ, что зло—не благо, говорить.[70]

Люциферъ, какъ и Каинъ, исполненъ недовольства существующимъ порядкомъ, горькаго негодованія, ненависти къ Всемогущему и не вѣритъ въ благость Божію. Рѣчи его дышутъ упорствомъ и сомнѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неукротимо гордъ. Все это находится въ связи съ его безпокойною натурой, отстаиваніемъ правъ и культомъ ума. Девизъ Люцифера сказался въ его совѣтѣ Каину:

Будь независимъ. Умъ свободный можетъ
Царить надъ міромъ. Умъ не ползать долженъ,
Но возвышаться гордо надъ землею.

Уча такъ Каина, сколь рѣзко отличается Люциферъ отъ Мефистофеля, который старался прежде всего подѣйствовать усыпляющими, чарую-

---

[69] Новѣйшій этюдъ—*F. Blumenthal-я*: Lord Byron's Mystery „Cain“ and ist Relation to Milton's „Paradise Lost“ and Gessner's „Death of Abel“ въ Städtische Ober—Realschule und Vorschule zu Oldenburg. Bericht über das 47. Schuljahr 1890—91. Авторъ игнорировалъ предшествующія монографіи объ источникахъ „Каина“, напр. *Schaffner*-а Lord Byron's „Cain“ und seine Quellen (Страсбургская диссертація 1880 г.). У Schaffner-а указаны монографіи о „Каинѣ“, предшествовавшія его диссертаціи.

[70] Souls who dare use their immortality,
Souls who dare look the omnipotent tyrant in
His everlasting face and tell him that
His evil is not good....

щими образами на чувство Фауста и побуждалъ послѣдняго отречься отъ умствованій и пуститься поскорѣе въ наслажденіе благами жизни:

Wir müssen das gescheiter machen,
Eh uns des Lebens Freude flieht.[71]

Люциферъ умѣетъ мастерски будить мучительныя сомнѣнія въ груди Каина и раздувать въ немъ протестъ противъ предполагаемой несправедливости Божіей. Вознесши Каина въ пространство міровъ, Люциферъ показалъ ему въ теченіе часа, какъ неизмѣримо великъ былъ міръ въ протекшія времена, какъ мелко и ничтожно настоящее и неутѣшительно будущее, и открылъ своему спутнику многія изъ тайнъ міротворенія и міровой жизни. На ряду съ высокими интеллектуальными дарованіями падшій ангелъ надѣленъ у Байрона небесной красотою и мало утратилъ изъ своей первоначальной лучезарности. Меланхолическій отпечатокъ несчастія, сообщенный его образу[72], внушаетъ участіе къ нему[73], и привлекательности діавола поддается не только Каинъ, но и Ада, которая говоритъ:

Пришельцу, что́ стоитъ передо мной,
Я отвѣчать не въ силахъ; не умѣю
Противиться и на него смотрю
Съ пріятнымъ, тайнымъ страхомъ; убѣжала бъ,
Но не могу. Его блестящій взглядъ
Сковалъ меня своей могучей силой;
Въ груди трепещетъ сердце . . . онъ страшитъ
И въ то же время ближе всё и ближе
Влечетъ къ себѣ[74] . . . .

---

[71] Faust, I, 3, 1085—1092 и 1464—1465.

[72] Сравнивая Люцифера съ ангелами, Ада говоритъ:

Не лучезаренъ ты, быть-можетъ, какъ они,
Но кажешься прекраснѣе ихъ и выше.

[73] Ада говоритъ: „ты кажешься несчастнымъ“, а Каинъ называетъ Люцифера „вѣчно грустнымъ“.

[74] . . . . . I cannot abhor him;
I look upon him with a pleasing fear;
And yet I fly not from him; in his eye
There is a fastening attraction which
Fixes my fluttering eyes on his; my heart
Beats quick; he awes me, and yet draws me near,
Nearer and nearer.

Ср. слова Ады: „Thou seem'st Like an ethereal night“ и проч.

Въ мистеріи Байрона „Heaven and Earth“ (Небо и земля)[75] лишь мелькомъ поминается Сатана. Творецъ

. . . . . отдѣлилъ могучаго его
Отъ духовъ остальныхъ и въ славу міроздавья
Оставилъ средь небесъ вращаться одного,
Подобно солнцу межъ туманными звѣздами.
. Онъ былъ прекраснѣй дня . . . .
О, небо и земля, кто кромѣ лишь Того,
Кто правитъ міромъ всѣмъ, кто силой и красою
Сравниться въ небѣ могъ съ могучимъ Сатаною?

Но

. . . . . его огненной волѣ
Было легче страдать, чѣмъ покорствовать долѣ.

Въ мистеріи „Небо и земля“ выведены ангелы, которые пали, поддавшись земной любви. Исходнымъ пунктомъ для Байрона послужило толкованіе повѣствованія 2-го ст. VI-й главы Книги Бытія въ такомъ именно смыслѣ и апокрифическая книга Эноха[76]. Въ разсматриваемой мистеріи изображена, между проч., взаимная любовь Аны и Аголибамы, принадлежавшихъ къ потомству Каина, и серафимовъ Азазіила и Саміазы; любовь земныхъ дщерей эти ангелы предпочитаютъ небесной святости и блаженству, пребыванію „межъ звѣздъ и престола“, Раю и счастью тысячъ лѣтъ, и съ наступленіемъ потопа хотятъ унести своихъ милыхъ на одну изъ планетъ, становясь открытыми мятежниками противъ Бога. Байронъ имѣлъ въ виду чисто „человѣчный интересъ“ („all the human interest“) этой исторіи, каковой онъ, по его собственнымъ словамъ, „старался сообщить даже ангеламъ“. Въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе въ этой мистеріи прекрасная, задумчивая, кроткая, невинная, покор-

---

[75] О ней см. диссертацію *G. Mayn*-а: Ueber Byron's „Heaven and Earth“, Breslau (1887). Написана эта мистерія въ октябрѣ 1821 г., напечатана впервые въ 1822 г.

[76] У Мильтона слѣды этой легенды—въ кн. V, ст. 447—448 „Потеряннаго Рая“ и въ кн. XI, ст. 622 и слѣд.

ная и любящая робко и съ полною преданностію, Ана. Она мало

. . . . . похожа на суровыхъ
И горделивыхъ Каина потомковъ,
За исключеньемъ дивной красоты,
Равно имъ всѣмъ ниспосланной отъ Бога.

Она—образецъ чистѣйшей женственности со всею нѣжностію чувства, присущею женщинѣ. Она любитъ Бога и относится къ Его волѣ съ покорностію,—не такъ, какъ ея сестра Аголибама и остальное потомство Каина. Ану страстно обожаетъ мечтательный и сентиментальный Іафетъ, но она задумчиво возводитъ свои взоры къ звѣздамъ и любитъ Азазіила, и послѣдній возноситъ ее съ собою въ вышнія сферы, со словами:

. . . . . Оставимъ, Ана, эту
Тюрьму изъ праха, созданную Богомъ,
Къ которой вновь стихіи подступаютъ,
Чтобъ превратить ее въ хаосъ, какъ было . . . .
Свѣтлѣйшій міръ чѣмъ этотъ мы увидимъ,
Гдѣ будешь ты дышать эѳиромъ жизни.

Но брачный союзъ небожителей съ дочерьми праха былъ невозможенъ и не могъ принести счастья ни тѣмъ ни другимъ, и о томъ пророчески говорятъ и Іафетъ, и Ной, и Рафаилъ [77].

Почти одновременно съ Байрономъ ту же тему о взаимной любви ангеловъ и дочерей земли разработалъ англійскій же поэтъ Томасъ Муръ въ поэмѣ „The Loves of the angels“, выпущенной въ свѣтъ до выхода Байроновой мистеріи. Мура плѣнила въ этой фабулѣ не только пригодность ея для поэтической обработки, но и возможность внесенія въ нее аллегорическаго смысла, прообразующаго судьбу души, лишающейся первоначальной чистоты и подпадающей наказаніямъ за гордость и дерзновенную попытку проникнуть во вну-

[77] Во второй, не написанной, части разсматриваемой мистеріи, Байронъ предполагалъ-было изобразить осужденіе ангеловъ и гибель ихъ спутницъ, поглощенныхъ въ концѣ концовъ волнами потопа.

шающія благоговѣніе тайны Божіи [78]. У Байрона исторія любви ангеловъ и дщерей человѣческихъ не развита вполнѣ: изображенъ лишь одинъ моментъ ея,—средній, тотъ, когда начиналась гибель Каинова потомства въ волнахъ потопа; у Мура же трое ангеловъ, любившихъ земныхъ дѣвъ, передаютъ полностію главнѣйшія обстоятельства своихъ отношеній съ этими дѣвами, включая и конецъ послѣднихъ, и чрезъ все это повѣствованіе сквозитъ довольно замѣтно аллегорическій смыслъ, указанный авторомъ въ предисловіи.—При сопоставленіи поэмы Мура съ Байроновой мистеріей явственно выступаетъ различіе міровоззрѣній того и другаго поэта. У Байрона постоянно проглядываетъ пессимизмъ какъ въ рѣчахъ почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ изображеніи ихъ судьбы. У Мура же ангелы, полюбившіе дщерей человѣческихъ, также наказаны Богомъ, но не ропщутъ на Него и не озлоблены противъ Него. Возлюбленная перваго ангела сразу становится блаженной, а третій ангелъ, носящійся въ пространствѣ вмѣстѣ со своею подругою подобно Дантовымъ Паоло и Франческѣ, будетъ принятъ со временемъ въ небо въ награду за вѣру въ Бога. У Мура, слѣдовательно, повѣствованіе не мрачно протестующее, а примиряющее съ приговорами Промысла, благо устрояющаго, мудраго и справедливаго.

Лишь самое отдаленное отношеніе къ сюжету Лермонтовскаго „Демона“ имѣетъ одинъ изъ эпизодовъ романа Мура Lalla Rook, именно—носящій заглавіе „Paradise and the Peri“, но интересно, что на сродный „Демону“ сюжетъ наталкивалъ Байронъ Мура въ письмѣ отъ 28 августа 1813 г. „Я придумалъ было—писалъ Байронъ—исторію, основанную на любви Пери къ смертному, нѣчто въ родѣ „Влюбленнаго бѣса“ Казотта, но въ болѣе филантропическомъ родѣ. Въ нее однако потребовалось бы вложить пропасть поэзіи, а по части нѣжнаго чувства я не мастеръ. Вотъ причина, въ связи съ нѣкоторыми

[78] In addition to the fitness of the subject for the poetry, it struck me also as capable of affording an allegorical medium, through which might be shadowed out (as I have endeavoured to do in the following stories) the fall of the Soul from its original purity -- the loss of light and happiness which it suffers, in the pursuit of this world's perishable pleasures—and the punishments, both from conscience and Divine justice, with which impurity, pride, and presumptuous inquiry into the awful secrets of God, are sure to be visited. The Loves of the angels, a poem, By Thomas Moore, Preface.

другими, побудившая меня отказаться отъ этой темы, которую я вамъ предлагаю единственно въ предположеніи, что вы могли бы ею воспользоваться“ [79].

Новый, весьма возвышенный и поэтичный, полетъ творческой фантазіи въ обработкѣ мотива о любви падшаго ангела къ женщинѣ сказался въ „мистеріи“ Альфреда де-Виньи „Éloa, ou la Soeur des anges“, написанной въ 1823 г. и вышедшей въ свѣтъ въ 1824 г.[80]: Элоа, сестра ангеловъ, происшедшая изъ слезы Спасителя, пролитой при видѣ умершаго Лазаря, [81] увлекаемая любопытствомъ, спустилась въ низшую сферу, гдѣ усилилось зародившееся въ ней ранѣе состраданіе къ Сатанѣ, и она согласилась раздѣлить скорбную участь послѣдняго. Въ задуманной, но не выполненной поэмѣ „Satan sauvé“ de Vigny хотѣлъ представить Сатану спасеннымъ любовью Элоа[82]. Этимъ вполнѣ выясняется возвышенная основная мысль поэмы de Vigny, оригинально внесенная имъ въ старую легенду [83]: поэтъ хотѣлъ символически представить всю глубину состраданія, къ какому способна высшая любовь, любовь невинной души, даже въ отношеніи къ крайнему злу, къ существу вполнѣ грѣховному, въ которомъ ангельская душа усматриваетъ лишь наиболѣе

---

[79] По мнѣнію г. Тр-н-скаго, „Сѣверный Вѣстникъ“ 1891, № 12, стр. 102, Лермонтовъ могъ обратить вниманіе на это мѣсто „Мемуаровъ“ Байрона, „которые онъ усердно перечитывалъ въ юные свои годы (1828 - 1832 гг.)“, и „первая идея поэмы „Демона“ была заимствована отсюда“. Послѣднее замѣчаніе, какъ вскорѣ увидимъ, не вѣрно; можно сказать только, что въ поэмѣ Лермонтова уцѣлѣлъ слѣдъ знакомства его съ поэмою Мура въ словахъ: „какъ Пери спящая мила“ и т. д.

[80] *Asselineau*, Bibliographie romantique, Trois. éd., Paris MDCCCLXXIV, p. 279. Первоначально de Vigny хотѣлъ дать своей поэмѣ заглавіе „Satan“.

[81] Ср. у Клопштока происхожденіе Аббадоны изъ улыбки Іеговы и перенесеніе молитвы Христа на небо. У нѣмецкаго поэта имя Элоа носитъ первый изъ ангеловъ, возвышеннѣйшій и наичаще посылаемый Богомъ для исполненія Его велѣній.

[82] Тогда исполнилось бы то, о чемъ пѣли хоры небесные при появленіи Элоа:

Quand elle aura passé parmi les malheureux,
L'esprit consolateur se répandra sur eux.

Poèmes par le comte Alfred de Vigny. Cinquième édition. Brux. MDCCCXXXIV, p. 85.

[83] Легенда о слезѣ Спасителя возникла еще въ средніе вѣка См. нашу монографію: „Сказаніе о св. Гралѣ“, К. 1877, стр. 197, прим. 2. Другія данныя для исторіи этой легенды будутъ указаны нами въ приготовляемой нами къ печати новой монографіи о Граалѣ.

достойное жалости изъ самыхъ несчастныхъ существъ [84]; далѣе, онъ задумывалъ показать и всю силу, присущую такому состраданію, возможность для послѣдняго переродить зло любовію. Идея эта, несмотря на недостатки и промахи въ художественномъ выраженіи ея [85], столь увлекала читателей, что поэма де-Виньи встрѣтила восторженные отзывы во Франціи [86] и не перестаетъ доселѣ находить весьма благосклонную оцѣнку.

Въ то самое время, когда слагалась поэма Лермонтова о демонѣ, послѣдній привлекалъ вниманіе и нѣмецкихъ романтиковъ. У нихъ Сатана получилъ особое истолкованіе въ смыслѣ міровой силы, какъ бы играющей творческимъ процессомъ [87]. Immermann, представившій драматическую обработку средневѣковаго сказанія о волшебникѣ Мерлинѣ, въ которой хотѣлъ соперничать съ Гётевскимъ Фаустомъ, удѣлилъ видное мѣсто въ своей миѳической драмѣ („Merlin, Eine Mythe“, 1832) Сатанѣ, который предстаетъ то какъ отвратительное чудище, то какъ „прекрасный князь міра“, провозвѣстникъ ликующей чувственности и чувственнаго наслажденія, богъ весны, сочетавающій

---

[84] Когда Элоа узнала исторію Люцифера,

La tristesse apparut sur sa lèvre glacée
Aussitôt qu'*un malheur* s'offrit à sa pensée..... (P. 86).
Et toujours dans la nuit un rêve lui montrait
Un Ange *malheureux* qui de loin l'implorait (P. 88) и т. п.

[85] Таковы, напр., подробности о небожителяхъ въ родѣ слѣдующей:

Un Ange eut ces ennuis qui troublent tant nos jours....
Éloa s'écartant de ce divin spectacle,
Loin de leur foule et loin du brillant Tabernacle,
Cherchait quelque nuage où dans l'obscurité
Elle pourrait du moins rêver en liberté (P. 86—87).

[86] В. Гюго, по выходѣ „Éloa“, помѣстилъ восторженный отзывъ о ней въ „La Muse Française“. Теофиль Готье назвалъ это произведеніе прекраснѣйшей поэмой, быть можетъ самой совершенной на французскомъ языкѣ. См. *Biré*, Victor Hugo avant 1830, Paris, Nantes 1883, pp. 317—324. De Vigny писалъ Гюго о своей поэмѣ: „Je le crois supérieur à tout ce que j'ai fait... Cette composition s'est beaucoup étendue sous mes doigts, elle renferme d'immenses développements“.

[87] Въ „Hexensabbath“ Тика читаемъ: „Und was ist Luzifer? Die Kraft, die die Welt, die Bewegung, das Leben der Natur, Geist und Strömung der Materie in Bewegung setzt und durch scheinbare Vernichtung schafft, und durch scheinbare Schöpfung vernichtet“.

въ себѣ пріятность съ величавостію[88]. Вопреки ученію Христа объ отреченіи отъ міра Сатана желалъ бы удержать пеструю, показную красоту на землѣ. Онъ овладѣлъ благочестивою, невинною дѣвушкой Кандидой, когда она, пришедши однажды къ знакомому отшельнику и оставшись за позднимъ временемъ почевать въ одной ближней пещерѣ, отошла ко сну, позабывъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Сатана надѣялся, что сынъ его отъ этой дѣвушки, Мерлинъ, явится противникомъ Христа и покорнымъ и крѣпкимъ орудіемъ демоническаго ученія; но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ, такъ какъ Мерлинъ унаслѣдовалъ на ряду съ чувственностію, демоническою мощью деміурга и обширнѣйшимъ, нечеловѣческимъ, знаніемъ, благочестіе и мягкій правъ своей матери, скорбѣвшей о своей участи и невинно погибшей послѣ рожденія сына, и потому мучился своимъ существованіемъ. Онъ былъ пророкъ, помышлявшій о спасеніи человѣчества, но не могшій осуществить своихъ идей, такъ какъ попытки его примирить чувственность и духъ были безуспѣшны. Мерлинъ хотѣлъ бы устранить произведенное Христомъ раздвоеніе въ мірѣ. Онъ признаетъ въ своемъ отцѣ, Сатанѣ, творца Деміурга, съ почтеніемъ называетъ его имя [89] и, самъ того не замѣчая, дѣйствуетъ ему въ руку, но не поддается сознательно внушеніямъ его и, чуждый эгоизма, вполнѣ отдающійся міровому цѣлому [90], поносимый Сатаною, до конца держится вѣры въ Бога. Мерлинъ весьма печально оканчиваетъ свою жизнь,

---

[88] *Immermann*, Merlin, eine Mythe, 683—686:

—Merlin: Ich grüsse dich, du schöner Fürst der Welt!
—Satan: So werd' ich stets den Adligen mich zeigen.
Die Missgestalt ist mir nur eigen
In der Plebejer Phantasie.

[89] Merlin, 756:

Was kümmert dich der Wahn der Laffen?
Du bist der Demiurgos, Schöpfer; wir erkennen,
Wir Wissenden dich an, und deinen Namen nennen
Wir achtungsvoll . . .

[90] Ibid., 1637—1654. Здѣсь Мерлинъ говоритъ о себѣ между прочимъ слѣдующее:

Weil ich denn ganz mich an das All verschenkt',
Hat sich das All in mich zurück gelenkt,
Und in mich wachsen, welken, ruhn und schwanken
Nicht meine, nein! die grossen Weltgedanken.

подпавъ, въ ослѣпленіи своей чувственности, чарамъ магическаго слова, которое самъ же открылъ своей возлюбленной. Наиболѣе оригинально въ этой трагедіи представленіе Сатаны какъ бы древнимъ, стѣсненнымъ въ своихъ правахъ, Титаномъ, родственнымъ кое въ чемъ гностическому Деміургу [91].

Разсмотрѣнное произведеніе Immermann-a врядъ ли было извѣстно Лермонтову, какъ не могли повліять на зарожденіе и развитіе идеи „Демона“ произведенія о Фаустѣ, явившіяся въ нѣмецкой литературѣ первыхъ 40 лѣтъ настоящаго вѣка, въ томъ числѣ „Фаустъ“ Ленау, въ мысли котораго въ 1832 г. также носилось „цѣлое гнѣздо юныхъ привидѣній“. Осталась, далѣе, безъ вліянія на Лермонтовскаго „Демона“ поэма Ламартина „La chute d'un ange,“ явившаяся позднѣе (1838), а также драматическая фантазія Крашевскаго „Szatan i kobieta“ (1841). Далекъ отъ основной идеи Лермонтовскаго „Демона“ и „Гимнъ Сатанѣ“ новѣйшаго итальянскаго поэта Кардуччи, у котораго въ лицѣ Сатаны олицетворена „непобѣдимая сила человѣческой мысли,“ а также „великое начало и душа всего сущаго,“ и который привѣтствовалъ въ Сатанѣ „ribellione“ и „forza vindice della ragione“ [92].

Въ нашей новѣйшей литературѣ А. С. Пушкинъ въ стихотвореніи „Демонъ“ (1824 г.), если не ошибаемся, одинъ изъ первыхъ изобразилъ

---

[91] Immermann такъ охарактеризовалъ своего Сатану: „Mein Satan ist nicht der Mephistopheles, der böse Lakai Gottes; er ist der alte berechtigte Titan, dem Unrecht geschehen, und hat etwas vom gnostischen Demiurgos.“ См. еще слова Мерлина Сатанѣ, V. 856 fgde:

Du kamst ja nur von ihm, und warst der Diener dessen,
Der dich zum Werke günstig auserkoren....
Er hat in dir sich als den Hass gesetzet,
Weil überschwenglich ihn die Liebe zog.... и т. п.

[92] Отрывки изъ „Фауста“ Ленау явились въ печати впервые въ 1835 г., цѣликомъ же вышло первое изданіе въ 1836 г. Русскій переводъ см. въ „Пантеонѣ Литературы“ 1892, №№ 1 и 2. Въ 1833 г. Ленау писалъ, что въ Мефистофелѣ онъ хотѣлъ отложить всю свою адскую матерію, которою тотъ уже „beladen wie ein Steinesel. Wenn er nur nicht überhaupt ein Esel ist“.—Гимнъ Кардуччи написанъ въ одну сентябрьскую ночь 1863 г., напечатанъ въ 1865 г. На русскомъ языкѣ о немъ можно прочесть въ статьѣ С. Г.: „Очерки новѣйшей итальянской поэзіи“, Вѣстникъ Европы 1883, № 5, стр. 229—231.

„злобнаго генія," который „тоской внезапной осѣнилъ" „часы надеждъ и наслажденій" поэта:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Быть можетъ, въ этомъ образѣ надо усматривать крайне рѣзкое обособленіе и наиболѣе яркое закрѣпленіе цѣлаго періода духовнаго развитія Пушкина, когда онъ впалъ въ юношеское разочарованіе и поддался скептицизму вопреки задаткамъ своей натуры, обладавшей неисчерпаемыми силами идеализма; быть можетъ, слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ г. Поливановымъ[93], что „Демонъ" Пушкина имѣетъ значеніе эскиза, который, будучи законченъ, остался отдѣльнымъ этюдомъ на пути созданія Онѣгина во II-й главѣ романа. Но весьма вѣроятно при этомъ, что Пушкинъ, при обрисовкѣ образа своего демона, имѣлъ въ виду черты Гетевскаго демона. Оттуда-то подробность объ искушеніи Провидѣнія клеветою. Не лишено, далѣе, значенія, что Веневитиновъ въ стихотвореніи, написанномъ, вѣроятно, послѣ Пушкинскаго „Демона," выразился о Гёте:

„Наставникъ нашъ, наставникъ твой".

Необходимо, наконецъ, признавать полное значеніе за тѣмъ изъясненіемъ, которое самъ Пушкинъ давалъ созданному имъ образу демона: „Въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго... Мало по малу вѣчныя противорѣчія существен-

---

[93] См. ст. г. *Поливанова*: „Демонъ Пушкина. На основаніи новаго пересмотра рукописей поэта" въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1886, № 8, стр. 827—850, и Сочиненія Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики, Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы, Т. I, М. 1887, стр. 141—145.

пости рождаютъ въ немъ сомнѣніе... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души. *Недаромъ великій Гёте называлъ вѣчнаго врага человѣчества духомъ отрицающимъ*... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ „Демонѣ“ олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ *пріятной* картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка“? Интересъ Пушкина къ „Фаусту“ Гёте доказывается написанною нашимъ поэтомъ „Сценою изъ Фауста“ (1825 г.), въ которой Кюхельбекеръ усматривалъ первоисточникъ основнаго настроенія „Героя нашего времени.“ По словамъ Бѣлинскаго, эта сцена—не что иное, какъ развитіе и распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его стихотвореніи „Демонъ.“

Пушкинъ, въ своей творческой выработкѣ образа демона, не остановился на однѣхъ отрицательныхъ чертахъ характера демона. „Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,“ презиравшій и ненавидѣвшій міръ, не вполнѣ утратилъ идеализмъ въ представленіи Пушкина. Въ стихотвореніи „Ангелъ“ (1827 г.) „мрачный и мятежный“ демонъ изображенъ въ тотъ моментъ, когда онъ узрѣлъ ангела, сіявшаго „въ дверяхъ Эдема:“

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.....

И демонъ призналъ, что для него не прошло безслѣдно созерцаніе лучезарнаго ангела:

Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Отсюда уже не далекъ переходъ къ тому представленію о демонѣ, которое найдемъ у Лермонтова.

Вотъ въ какихъ разнообразныхъ обрисовкахъ предстаетъ демонъ въ міровой литературѣ: онъ является то въ величавомъ видѣ вождя возстанія противъ неба въ началѣ міра или въ крупныхъ событіяхъ человѣческой исторіи (Книга Бытія, Данте, Тассо, Фондель, Мильтонъ, Клопштокъ), то какъ искуситель отдѣльныхъ личностей съ цѣлью завлечь ихъ въ сѣти ада, какъ искуситель, который, по выраженію Фауста, „не будучи въ силахъ разрушать великое, началъ разрушать по мелочамъ.“ (церковныя легенды, Марло, Кальдеронъ, Гёте), то въ

видѣ мелкаго интригана (повѣстенки и драмы среднихъ вѣковъ); въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ его изображали соблазнителемъ дѣвъ изъ желанія имѣть отъ нихъ сына, который могъ бы противопоставить отпоръ искупленію рода человѣческаго Христомъ (средневѣковые романы о Мерлинѣ и драма Иммерманна), или вообще изъ злостнаго умысла лишать небо лицъ, ему дорогихъ и угодныхъ (легенды объ искушеніи дѣвъ, поэма де Виньи); въ новѣйшее время діаволъ оказывается представителемъ протеста и отрицанія во имя глубокой мысли, которой исполненъ (таковы Люциферъ Байрона и отчасти Гётевскій Мефистофель и Пушкинскій демонъ).

Ознакомившись съ исторіею Сатаны въ міровой поэзіи, мы можемъ основательнѣе выяснить и оцѣнить образъ демона, созданный Лермонтовымъ.

Демонизмъ началъ занимать Лермонтова съ 15-тилѣтняго возраста (съ 1829 г.), если не ранѣе,—съ того времени, когда и нашъ юный поэтъ, проникшись недовольствомъ собою и всѣмъ остальнымъ, исполнился присущей Байронову Каину неудовлетворенности своимъ существованіемъ, боязни и ненависти къ смерти, которая должна прекратить это существованіе, призналъ, что жизнь не имѣетъ цѣны потому, что должно умереть, и пересталъ находить удовлетворительное объясненіе въ догмѣ преданія. Все это сближало Каина съ Люциферомъ, а нашего поэта съ тѣмъ и другимъ. Подобно Байронову Каину и Лермонтовъ началъ говорить, что Богъ создалъ человѣка только для страданій и смерти; и Лермонтовъ готовъ былъ усматривать въ людской судьбѣ дѣло Божіей несправедливости и протестовать противъ послѣдней подобно Люциферу и злымъ духамъ „Неба и Земли;“ и Лермонтовъ готовъ былъ восклицать столь же горестно, какъ Іафетъ, послѣдними словами котораго въ мистеріи „Heaven and Earth“ былъ возгласъ:

Why, when all perish, why must I remain? [94].

---

[94] См. выше и приведенное ниже заключеніе втораго очерка „Демона“ (III, 74). Въ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова и въ тѣхъ выдержкахъ, которыя мы заимствовали изъ нихъ, напр., въ замѣчаніяхъ о томъ, что Богъ создалъ насъ для мученій (ср. „Каинъ“, I, сц. 1, и „Небо и Земля“, слова хора смертныхъ въ концѣ), мы встрѣтили не разъ совпаденіе съ идеями героевъ Байрона, являвшихся въ своихъ рѣчахъ выразителями мыслей самого Байрона, что можно сказать, напр., о Люциферѣ и Каинѣ. Мы сочли излишнимъ отмѣчать всѣ эти совпаденія въ частностяхъ.

Понятно послѣ этого, какъ Лермонтовъ пришелъ къ созданію своего „Демона."

Самъ поэтъ о своемъ увлеченіи этимъ любимымъ его образомъ демона сообщаетъ слѣдующее:

[Бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ.]
Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно . . . И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.[95]

Очевидно, этотъ поэтическій образъ вызрѣвалъ въ воображеніи Лермонтова долго и постепенно.

Уже въ годъ составленія первой редакціи поэмы „Демонъ" (1829) поэтъ питалъ особый интересъ къ герою ея и началъ открывать въ себѣ демонизмъ. Въ стихотвореніи „Демонъ" Лермонтовъ говоритъ:

Собранье золъ—его стихія . . .
. . . . . унылъ и мраченъ онъ . . .
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь . . .[96]

Быть можетъ, вслѣдъ за Пушкинымъ[97], еще не возвысившись до гордаго отношенія Манфреда къ адской силѣ, Лермонтовъ надѣлилъ де-

---

[95] II, 334—335. Ср. въ стихотв. „В. Л." (1830: I, 89):

Нѣтъ, я не требую вниманья
На *грустный бредъ души* моей...

и въ посвященіи „Демона" В. А. Б. 1838 г. (III, 4):

И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ;
И примешь за игру иль сонъ воображенья
Больной души *тяжелый бредъ*....

[96] I, 45.

[97] См. разсмотрѣнное выше стихотвореніе послѣдняго „Демонъ" 1823 г. и примѣч. къ нему въ изд. Морозова, т. I, Спб. 1887, стр. 292—293.

мона особою ролью, какъ бы ролью древне-греческаго δαιμόνιον, духа, живущаго въ людяхъ, и вмѣстѣ значеніемъ голоса, немолчно смущающаго нашу душу указаніями на то, что есть мрачнаго, прискорбнаго и враждебнаго человѣку въ міропорядкѣ [98]. Лермонтовъ сдѣлалъ демона своимъ спутникомъ въ жизни и отчасти усвоилъ ему роль, какую Мефистофель игралъ въ отношеніи къ Фаусту. На первыхъ порахъ поэтъ не доходилъ еще до полнаго сближенія себя съ демономъ [99], хотя въ Лермонтовѣ, по его собственнымъ словамъ, съ самаго ранняго дѣтства жилъ „мятежный духъ," и нашъ поэтъ, имѣя шестнадцать-семнадцать лѣтъ, отличался уже „язвительно-насмѣшливой улыбкой" [100], и у него „былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ" [101]. Два года спустя послѣ первыхъ обнаруженій интереса къ демону Лермонтовъ опредѣлилъ еще яснѣе значеніе, какое должно было принадлежать демонизму въ его жизни:

И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня
И умъ мой озарять онъ станетъ
Лучемъ чудеснаго огня.
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметъ навсегда
И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда [102].

---

[98] Этотъ демонъ какъ бы то же, что геній въ другомъ стихотвореніи, написанномъ въ томъ же 1829 г. („Къ Генію": I, 31). О понятіи демоническаго см., между проч., у *A. Metz*-а: Über Wesen und Wirkung der Tragödie, Berl. 1886, S. 13-15 и примѣч. 3.— Изъ Байронова „Манфреда" имѣемъ въ виду заключительныя слова Манфреда къ духу въ послѣдней сценѣ этой поэмы.

[99] См. III, 49—50, посвященія 1-е и 2-е „Демона".

[100] Записки Хвостовой, 78.

[101] Тамъ-же, 90; ср. 241 о послѣднемъ времени жизни Лермонтова. И въ концѣ своей жизни Лермонтовъ выказывалъ въ себѣ, по словамъ Панаева, „иногда что-то сатанинское и Байроническое, пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже задоръ бретера".

[102] I, 218. Это стихотвореніе 1831 г. представляетъ, очевидно, передѣлку перваго, носящаго то же названіе: „Мой демонъ" и написаннаго въ 1829 г. (I, 45-46). Ср. въ поэмѣ Лермонтова 1830-31 г. обрисовку демона тѣми же чертами —Стихотвореніе А. С. Пушкина, напечатанное въ „Мнемозинѣ" 1824 г. и перепечатанное въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1825 г., также носило заглавіе: „Мой демонъ".

Въ томъ самомъ 1831 г., къ которому относится второе стихотвореніе съ заглавіемъ: „Мой Демонъ“, Лермонтовъ писалъ:

Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ [103].
Никто не дорожитъ мной на землѣ,
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ.
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся.... [104]

Въ 1832 г. Лермонтову не нравились люди обычные: „Всѣ люди— такая тоска: хоть бы черти для смѣха попадались“ [105]. Въ 1831—1832 гг. Лермонтовъ воплотилъ черты демонизма въ горбачѣ-Вадимѣ, героѣ неоконченной его повѣсти, въ которомъ изобразилъ отчасти собственную душевную жизнь. [106]

Сопоставляя себя съ образомъ демона, какой лелѣялъ въ своемъ воображеніи, Лермонтовъ открылъ по малу мало и въ самомъ себѣ много родственнаго этому неотступному спутнику людскихъ заблужденій, скорбей и горя. Въ посвященіи ко второй редакціи „Демона“ уже находимъ сближеніе автора съ демономъ [107], и дѣйствительно въ Лермонтовской поэзіи тѣхъ лѣтъ можно открыть немало тоновъ, сходныхъ съ настроеніемъ демона, какъ послѣдній изображенъ Лермонтовымъ. Въ нашемъ поэтѣ воплотилось отчасти самосознаніе вольнодумца XVIII-го вѣка, превозносившаго мощь разума, Вольтеровскій демонизмъ, гордая

---

[103] I, 218.
[104] I, 165.
[105] V, 383.
[106] V, 1 и III, 117.
[107] III, 55:

Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

апотеоза воли человѣка[108]. Мрачно настроенный поэтъ „цѣпь предубѣжденій умомъ свободнымъ потрясалъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ демонъ, „царь воздушный“, чувствовалъ себя одинокимъ въ мірѣ, „привыкнувъ съ давнишнихъ дней не открывать свои желанья“, хотя и „страшно жизни сей оковы намъ въ одиночествѣ влачить“, былъ гордъ и

. . . . . чуждъ для свѣта,
Но чуждъ за то и небесамъ![109]

По временамъ онъ, подобно падшему ангелу, подпадалъ увлеченію земными прелестями, и въ тѣ моменты онъ могъ сказать о себѣ:

Я не плѣненъ небесной красотой;
Но я ищу земнаго упоенья . . . .
И я къ высокому въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ![110] . . .

Но такія увлеченія не властвовали всецѣло поэтомъ; въ стихотвореніи „Прелестницѣ“ (1830) онъ говоритъ:

. . . передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви[111].

Скептически относился поэтъ и къ „высокому на землѣ:“

Повѣрь—великое земное
Различно съ мыслями людей:
Сверши съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злодѣй . . . .[112]

---

[108] V, 90: „Что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка?.... воля ... есть отпечатокъ Божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса.... О, если бы волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!“ („Горбачъ Вадимъ“).

[109] I, 88—89; „Толпѣ“ (1832): I, 228.

[110] I, 47. Ср. рѣчи Азранла III, 177, 179, 182.

[111] I, 72. Ср. III, 51: Ему желанья были чужды, и т. п.

[112] I, 76.

Не удивительно, что какъ въ демонѣ было „пусто, пусто, какъ въ пустынѣ“[113], такъ точно и въ поэтѣ водворилась „душевная пустота“[114], и въ душѣ его былъ такой же мракъ, какъ въ душѣ демона, которому „все горько сдѣлалось“[115]. Мрачно настроенное воображеніе рисовало крайне печальныя картины, и впечатлѣніе, какое онѣ вызывали, поэтъ выражаетъ въ словахъ:

Съ отчаяньемъ безсмертья долго, долго,
Жестокаго свидѣтель разрушенья,
Я на Творца ропталъ, страшась молиться,
И я хотѣлъ изречь хулы на небо....[116]

При видѣ смерти друзей,

. . . . . Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца ропталъ, страшась молиться!....[117]

Демонъ Лермонтова, „полонъ скуки непонятной, скоро кинулъ міръ развратный“, съ пренебреженіемъ относясь къ человѣческому обществу, въ которомъ нѣтъ постоянной любви; тамъ

. . . . . страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое—
Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь.[118]

Такъ и поэтъ находилъ, что

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви....[119]

---

[113] III, 176 и 51.

[114] Ib., 50.

[115] III, 52.

[116] I, 82. Ср. Байрона „Каинъ“, II, сц. II и выше прим. 31.

[117] I, 85.

[118] III, 82; 183; 88; 102, 36. Ср. „Каинъ“, II, сц. 1. О непостоянствѣ земной любви не разъ говорится въ поэзіи Лермонтова, напр. I, 69:

Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ?

[119] I, 273. Ранѣе Лермонтовъ говорилъ:

Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустаго сна.

Демонъ, „все на свѣтѣ презирая, жилъ, не вѣря ничему и ничего не принимая“ [120]. Лермонтовъ также постоянно противополагалъ свой индивидуальный міръ тиранніи общественныхъ предразсудковъ, пошлости „глупаго, надменнаго свѣта“. Какъ и Лермонтовъ, его Демонъ

Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душею жизнь ея обнялъ . . .

Онъ желалъ „въ толпѣ стихій мятежной сердечный ропотъ заглушить.“

Поэтъ готовъ былъ даже гадательно переносить себя въ ситуацію, совпадающую съ отношеніемъ демона къ Тамарѣ. Въ 1830 г. онъ писалъ къ неизвѣстной намъ личности:

Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ [121],

а въ 1831 г.:

Быть можетъ, въ странѣ, гдѣ не знаютъ обмана,
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану [122].

Довольно и этихъ выдержекъ, чтобы видѣть, какой интересный образчикъ поэтической иллюзіи представляетъ исторія замысла, приведшаго къ созданію перваго крупнаго поэтическаго произведенія Лермонтова и притомъ такого, надъ которымъ онъ наиболѣе работалъ, занимаясь имъ съ 15-лѣтняго возраста до конца жизни. Кажется, что въ теченіе своего продолжительнаго существованія въ литературѣ демонъ рѣдко встрѣчалъ до Лермонтова такого собрата въ средѣ людей, собрата, который въ такой мѣрѣ сживался бы съ дьявольскими думами и страданіями.

Образъ демона получилъ для юнаго поэта особый смыслъ, какъ олицетвореніе духа недовольства кратковременными радостями и эфемерными благами жизни и демоническаго пессимизма, котораго былъ исполненъ самъ поэтъ въ средній періодъ своей жизни. Это недовольство лишало Лермонтова полнаго счастія, но, при всей мучительности настроенія, въ которое повергало, было вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего поэта „лучемъ чудеснаго огня“, „озарявшимъ“ его „умъ“; оно сообщало его поэзіи энергію и значительный подъемъ.

---

[120] III, 52 и 56.

[121] I, 74. Ср. въ указанномъ выше стихотвореніи „Ангелъ“.

[122] I, 222. Ср. ниже (прим. 130) выраженіе Лермонтова о своей любви, какъ о „потерянномъ раѣ“.

Тотъ демонъ, котораго Лермонтовъ принялъ въ свои спутники, былъ обязанъ своею основною идеею отчасти Гетевскому, Байроновскому и Пушкинскому демону, какъ и самъ Лермонтовъ нѣсколько уподоблялся Гетевскому Фаусту разочарованіемъ даже въ наукѣ.

Но на ряду съ этимъ демонизмомъ въ душѣ поэта не умирала любовь[123], которая доставляла моменты отрады, хотя и кратковременной. Любовь представляла контрастъ демонизму въ его исключительности, но контрастъ, который не разъ уживался съ послѣднимъ въ литературномъ преданіи, и такъ какъ Лермонтову была особливо дорога его чистая любовь къ предмету его постоянной сердечной привязанности съ лѣтъ юношества и до могилы, то не удивительно, что его по преимуществу заинтересовали тѣ фабулы о демонѣ, въ которыхъ гордый врагъ Бога подпадаетъ любви къ смертной, плѣнившей его своею душевною и внѣшнею красотою, и ищетъ успокоенія въ этомъ чувствѣ. Не удивительно, что поэтъ занялся съ чрезвычайною любовію переработкою этихъ легендъ: онъ, какъ то свойственно великимъ поэтамъ, влагалъ въ избранный сюжетъ часть собственной души и, одолѣвая его, одолѣвалъ то, что тяготило его духъ[124]. Слова Лермонтова 1841 г. о демонѣ поэмы этого имени:

. . . . . и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами! [125]

должны быть принимаемы, какъ косвенное указаніе на автобіографическое значеніе поэмы „Демонъ“ [126], вполнѣ отчетливо выступающее въ

---

[123] Ср. 115—116.

[124] Ср. исторію созданія „Вертера“ Гёте: написавъ этотъ романъ, Гёте отдѣлался отъ Вертеризма. Недаромъ Лермонтовъ посвятилъ своего „Демона“ Варварѣ Александровнѣ Лопухиной (по мужу Бахметевой), которую любилъ постоянно. См. III, 4 и 94. Ср. посвященіе передъ вторымъ очеркомъ „Демона“ (III, 54—55); въ посвященіяхъ перваго очерка намекъ на любовь поэта есть, но-слабѣе (III, 49—50).

[125] II, 335.

[126] Ср. въ стихотвор. „Толпѣ“ 1832 г. (I, 228):

Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять.
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать.

концѣ втораго очерка ея (1830—1831), гдѣ Лермонтовъ говоритъ:

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.
Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни [127].

Въ 1841 г. поэтъ, склоняясь уже въ сторону Лесажевскаго представленія о бѣсѣ и возвысившись до болѣе реальнаго и зрѣлаго выраженія своихъ идей, могъ назвать свое любимое произведеніе „безумнымъ, страстнымъ, дѣтскимъ бредомъ“ [128], но, тѣмъ не менѣе, оно имѣло глубокое значеніе въ его творчествѣ даже въ пору большей зрѣлости его таланта и сохраняетъ крупную цѣну [129]: недаромъ поэтъ съ такою любовію и такъ долго работалъ надъ „Демономъ“, „кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ“.

Когда Лермонтовъ принялся за первые наброски своей поэмы, онъ зналъ уже и неукротимо гордаго Мильтонова Сатану, сатану-революціонера, который предпочелъ царство въ аду рабству на небѣ,

---

[127] III, 74. Ср. въ началѣ этого очерка, въ посвященіи, гдѣ читаемъ (III, 55):

Скажу ли—преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я тебѣ.

Далѣе слѣдуетъ то, что приведено въ примѣч. 107:

Какъ демонъ хладный и суровый, *и проч.*

Ср. заключительныя строфы стихотв. А. С. Пушкина: „Къ А. П. Керн“.

[128] См. II, 334 („Я прежде пѣлъ про демона иного“ *и проч.*) и примѣч. 95 и 125. Готовъ такъ же смотрѣть на „Демона“ и г. Н. Котляревскій.—Русскій переводъ Лесажа вышелъ въ трехъ частяхъ подъ заглавіемъ: „Хромоногій бѣсъ. Соч. Ле Сажа. Пер. Пасынкова Спб. 1832“. Въ „Сказкѣ для дѣтей“ бѣсъ названъ, впроч., однажды Мефистофелемъ.

[129] Такъ же точно и Гёте, написавъ „Вертера“, могъ смотрѣть потомъ на Вертеризмъ, какъ на пережитую точку зрѣнія, но никто не назоветъ „Вертера“ ребяческимъ произведеніемъ.

и Байроновскаго Люцифера, вѣчнаго врага Божія: и тотъ и другой величавы и въ самомъ паденіи не утратили первой красы. Оттуда-то, вѣроятно, чудная и вмѣстѣ страшная краса того демона, образъ котораго рано началъ тревожить душу поэта [130]. Зналъ Лермонтовъ и язвительнаго насмѣшника Мефистофеля [131], и демона, который являлся Пушкину. Были извѣстны Лермонтову, далѣе, и нѣкоторые другіе литературные образы демона. Юный поэтъ не убоялся состязанія съ корифеями творчества и вышелъ изъ этого состязанія съ торжествомъ, которое тѣмъ значительнѣе, что сюжетъ, которымъ онъ занялся, представлялъ особыя трудности въ нашъ вѣкъ нерасположенія къ символизму въ поэзіи [132].

---

[130] Въ не разъ уже цитованной нами „Сказкѣ для дѣтей“ 1841 г. Лермонтовъ такъ отличаетъ „великаго сатану“ отъ мелкихъ бѣсовъ (II, 335):

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ—
Не знаю.

Поэма Мильтона „Потерянный Рай“ вышла въ русскихъ переводахъ въ С.-Петербургѣ (съ пріобщеніемъ поэмы „Возвращенный рай,“ 4 части, 1824) и въ Москвѣ незадолго до возникновенія перваго замысла Лермонтовскаго „Демона“ и пользовалась большимъ успѣхомъ въ русской читающей публикѣ. Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ Мильтоновой поэмою, видно изъ одного выраженія его, относящагося къ 1830 г.: первую свою любовь Лермонтовъ назвалъ „потеряннымъ раемъ “(I, 111). См. также ниже примѣч. 154. Подробность о томъ, какъ демонъ влюбился въ монахиню, напоминаетъ повѣствованіе Мильтона о томъ, какъ Сатана, при видѣ невинности первой четы, полюбилъ ее, и эта любовь еще болѣе побудила его подчинить людей себѣ. У Мильтона есть также подробность о снахъ, которые навѣвалъ Сатана (С. III), и о состязаніи послѣдняго съ ангеломъ. Все это могло повліять на концепцію Лермонтовскаго „Демона“. Замѣтимъ еще, что не только Люциферъ Байрона грустенъ, но уже Сатана Мильтона испытывалъ „нескончаемую муку“, какъ груститъ до извѣстной степени и Люциферъ народной книги о Фаустѣ и Мефистофель въ драмѣ Марло.

[131] См. упоминаніе о Фаустѣ, относящееся къ 1830 г.: IV, 123. Мефистофель и Фаустъ являются также въ сатирѣ „Пиръ Асмодея“ 1830 г.: I, 145.

[132] Въ прошломъ столѣтіи Гёте въ письмахъ къ Шиллеру призналъ сюжетъ Мильтоновой поэмы „abscheulich, äusserlich scheinbar und innerhalb wurmstichig und hohl“. Авторъ новѣйшей оцѣнки поэзіи Лермонтова говоритъ о „Демонѣ“: „наше время не любитъ символовъ, не только субъективно-узкихъ, но и объективно-широкихъ, почему, читая эту поэму теперь, мы.... проходимъ мимо его главнаго героя съ какимъ-то предубѣжденіемъ или даже насмѣшкой“ (Н. Котляревскій, 66). Кажется однако, что этотъ приговоръ отъ имени „нашего времени“ слишкомъ преувеличиваетъ современную нелюбовь къ символизму въ поэзіи и въ частности отрицательное отношеніе къ „Демону“ Лермонтова.

Чѣмъ впервые было обращено вниманіе Лермонтова на сказаніе о любви демона къ смертной, притомъ обрекшей себя на служеніе Богу и соблюденіе дѣвства, мы точно не знаемъ [133]. Мы должны лишь ограничиться предположеніемъ, которое кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, именно—что исходнымъ пунктомъ поэмы Лермонтова о

Въ послѣднемъ предъ читателемъ выступаетъ символъ, но—весьма живой и понятный, имѣющій значеніе вполнѣ реальнаго существа, такъ какъ религіозное ученіе укореняетъ вѣру въ дѣйствительное его существованіе. Что до символизма вообще, то онъ врядъ ли можетъ быть отвергаемъ безусловно, и лишь крайности, вычурности и уродства, какими онъ отличается, напр., у нѣкоторыхъ современныхъ декадентовъ и символистовъ, неумѣстны и вредятъ въ поэзіи. Нельзя не признать вѣрными замѣчаній о символизмѣ, высказанныхъ Дидро еще въ прошломъ столѣтіи по поводу произведеній de La Grenée (См. „Salon de 1767“). Ср. еще статью *C. Meyer*-а: „Kunst und Symbol“ въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1891: № 330 (Beilage-Nummer 279) и др. Даже въ лирикѣ символизмъ является могучею формою выраженія, болѣе дѣйствующею, чѣмъ непосредственное изліяніе чувства поэта, и потому поэты любятъ высказывать свое чувство не прямо, а заставляя его просвѣчивать сквозь какой нибудь образъ природы или изображаемаго поэтомъ событія.

[133] Утвержденіе г. Висковатова, что уже въ дѣтствѣ Лермонтова „его умъ поразило повѣрье о томъ, что духъ зла можетъ вернуться къ добру, если будетъ любимъ непорочною дѣвой“, и что въ первыхъ очеркахъ „Демона“ „сквозитъ и другое Кавказское преданіе о демонѣ, полюбившемъ монахиню“ (III, 117), ничѣмъ не подкрѣплено. Ни откуда не видно, чтобы такія Кавказскія преданія были извѣстны Лермонтову въ 1829 г.: по крайней мѣрѣ, въ первомъ наброскѣ „Демона“ не видно никакого слѣда такихъ преданій о спасеніи падшаго ангела любовію невинной дѣвушки. Во второмъ очеркѣ „Демона“ изображена умирающая монахиня, шептавшая о демонѣ (III, 71):

Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты бъ могъ спастись, а погубилъ . . .

и, слѣдовательно, какъ бы знавшая „преданіе о возможности для „Демона“ возвратиться къ добру, какъ только онъ полюбитъ и будетъ любимъ непорочнымъ существомъ“,—преданіе, несостоятельно выводимое г. Висковатовымъ (III, 122) изъ словъ: „ужели небу я дороже всѣхъ“ и проч.; но тамъ же прямо упоминается о невозможности исправленія „злаго духа“ (III, 66):

. . . . . онъ перемѣнится
Не могъ бы. Это былъ лишь сонъ;
И поздно ль, рано ль пробудится
Навѣки долженъ былъ бы онъ.
Умѣло зло укорениться
Въ его душѣ съ давнишнихъ дней:
Добро не ужилось бы въ ней, *и т. д.*

Ср. III, 57, 75, 80 и 84—85. Соотвѣтственно тому и себя, сближая съ демономъ, поэтъ называетъ „чужимъ для небесъ“ (III, 74). Слѣдовательно, этотъ демонъ Лермонтова

демонѣ были произведенія сроднаго содержанія, не задолго до того явившіяся въ западной литературѣ; разумѣемъ поэмы: „Éloa“ Аль-

---

былъ похожъ на Сатану, соблазнившаго Элоа и лишь на мгновенье почувствовавшаго порываніе измѣниться въ своемъ существѣ. Таковъ же демонъ четвертаго очерка (см. III, 84—85). И въ пятомъ очеркѣ (1838 г.), по словамъ г. Висковатова (III, 96), „нѣтъ еще рѣчи Тамары, въ отвѣтъ на которую Демонъ произноситъ клятву. Въ этой рѣчи видно, что Тамара знаетъ повѣрье о томъ, что любовь непорочной дѣвы можетъ вернуть Демона къ добру. Словомъ, въ очеркѣ 1838 года ....Демонъ является еще искусителемъ, тогда какъ въ очеркѣ 1840 и 41 годовъ онъ дѣлаетъ попытку вернуться къ небесамъ, попытку безумную“. Если-бы вѣрно было это утвержденіе г. Висковатова о демонѣ послѣдняго очерка, то вотъ къ какому позднему времени пришлось бы отнести обнаруженіе идеи,источникъ которой г. Висковатовъ указываетъ въ Кавказскихъ „сказаніяхъ о горномъ или зломъ духѣ, полюбившемъ дѣвушку, грузинку“ (III, 119)! Самыми этими преданіями Лермонтовъ замѣтно воспользовался не ранѣе очерка 1838 г. Должно имѣть въ виду однако, что горный духъ грузинскихъ народныхъ сказаній не то, что демонъ, и послѣдній слабо выступаетъ въ этихъ сказаніяхъ. „Горнаго духа“ Лермонтовъ такъ и называетъ. Далѣе, самъ же г. Висковатовъ отмѣчаетъ, что до 1838 г. въ „Демонѣ“ „дѣйствіе происходило въ Испаніи“ (III, 94). Г. Висковатовъ (III, 117-118; ср. VI, 56-57) объясняетъ это тѣмъ, что „фантазія поэта въ то время была занята не Кавказомъ, а Испаніей,“ но это замѣчаніе не вполнѣ вѣрно въ своей исключительности и нисколько не подкрѣпляетъ тезиса г. Висковатова о томъ, что источникомъ „Демона“ послужили Кавказскія преданія. Замѣтимъ еще, что въ первомъ очеркѣ совсѣмъ даже не видно пріуроченія дѣйствія къ Испаніи (III, 52); тамъ говорится только:

Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ....

Что до перенесенія дѣйствія въ Испанію, то не слѣдуетъ ли спеціальную причину того искать въ одномъ изъ источниковъ, которые привели Лермонтова къ фабулѣ о любви демона къ монахинѣ? См., напр., легенду о благочестивой монахинѣ Юстинѣ, обработанную Кальдерономъ (1637 г.), о которой имѣется монографія: Calderon et Goethe ou le Faust et Le Magicien Prodigieux. Mémoire de Dr. Ant. Sanchez *Moguel*. Trad. par. J.-G. Magnabal, Paris. 1883 г.. Нѣмецкій переводъ этой драмы, принадлежавшій Gries-у вышелъ въ 1816 г. Интересно, что во второмъ очеркѣ „Демона“ Лермонтовъ называетъ своимъ источникомъ монастырскую легенду, „разсказъ таинственный“, который „перевелъ на свой языкъ“ „какой-то странникъ“ (III, 60—61). Укажемъ, кстати, по поводу значенія, какое усвояется дѣвушкѣ легендъ объ исторженіи ею изъ узъ ада, что въ одной изъ балладъ Вальтеръ-Скотта дѣвушка поцѣлуемъ возвращаетъ къ жизни своего брата, убитаго ея женихомъ и явившагося къ ней изъ ада. Баллада эта могла быть извѣстна Лермонтову и въ русскомъ переводѣ, вышедшемъ въ 1827 г. („Битва при Ватерлоо, сочиненіе Вальтера Скотта; съ присовокупленіемъ избранныхъ балладъ сего писателя, Москва“), но, конечно, мы не приписываемъ ей вліянія на замыселъ Лермонтова, приведшій къ созданію „Демона.“

фреда де-Виньи [134], отчасти „Marmion“ Вальтеръ-Скотта [135], и въ особен-

---

[134] Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ поэмою де-Виньи, свидѣтельствуетъ кромѣ отголосковъ ея въ „Демонѣ,“ на которые будетъ указано ниже, отвѣтъ Лермонтова А. Шанъ-Гирею, приведенный послѣднимъ: Р. Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 747. Не отражается ли знакомство Лермонтова съ Элоа въ „Горбачѣ-Вадимѣ,“ въ замѣчаніи объ Ольгѣ (V, 6): „это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ“?

[135] Къ „Демону“ Лермонтова имѣетъ нѣкоторое отношеніе тотъ эпизодъ „Марміона“, въ которомъ говорится о монахинѣ, (по переводу В. А. Жуковскаго:)

Отступницѣ, дерзнувшей снять
Съ себя монашества обѣтъ,
И, сатанѣ продавъ за свѣтъ
Всѣ блага кельи и креста,
Забыть Спасителя Христа,

и затѣмъ заживо погребенной по приговору безжалостнаго судилища. Что Лермонтовъ былъ знакомъ съ этимъ эпизодомъ, свидѣтельствуютъ тѣ стихи нашего поэта, которые составляютъ подражаніе слѣдующимъ соотвѣтствующимъ стихамъ „Марміона“, Canto II, XXXIII:

Even in the vesper's heavenly tone,
They seem'd to hear a dying groan,
And bade the passing knell to toll
For welfare of a parting soul.
Slow o'er the midnight wave it swung,
Northumbrian rocks in answer rung *и т. д.*

Въ концѣ поэмы Лермонтова „Исповѣдь“ (II, 10) находимъ:

И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной;
И въ храмъ высокій онъ проникъ....

Сравн. душевное состояніе монахини, изображенной въ этой поэмѣ, съ описаніемъ того, какъ Тамара, стоя въ храмѣ, помышляла не о молитвѣ, а объ иномъ. Уже въ концѣ „Исповѣди“ читаемъ слѣдующіе стихи (II, 11), которые, нашедши ихъ въ „Боярынѣ Оршѣ“, г. Спасовичъ считаетъ навѣянными сходнымъ мѣстомъ „Валленрода“ Мицкевича (Соч. В. Д. Спасовича, II, 358—359):

Когда-жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, ниль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!....
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

ности „The loves of the angels“ Томаса Мура[136]. Что до мистерій Байрона „Каинъ,“ изъ которой заимствованъ эпиграфъ ко второму очерку „Демона“ [137], „Небо и земля“, и драматической поэмы „Манфредъ“, то онѣ, какъ и нѣкоторыя другія произведенія, оказали второстепенное вліяніе на замыселъ Лермонтова рѣзкимъ выраженіемъ того общаго пессимистическаго взгляда на міръ и жизнь людей, которымъ пропитаны Каинъ, Люциферъ, Манфредъ и большая часть дѣйствующихъ лицъ мистеріи „Небо и земля“ [138], и представителемъ котораго въ поэмѣ Лермонтова является демонъ [139]. Такимъ образомъ „Демонъ“ Лермонтова составляетъ творческій сплавъ мотивовъ, оставшихся

---

[136] Какъ видно изъ приведеннаго выше свидѣтельства Шапъ-Гирея, Лермонтовъ читалъ Мура одновременно съ Байрономъ Совпаденія въ „Демонѣ“ Лермонтова съ поэмою Мура будутъ указаны ниже.

[137] Ш, 54.

[138] Даже архангелъ Рафаилъ у Байрона не чуждъ этого пессимистическаго взгляда.

[139] Объ отношеніи Лермонтовскаго „Демона“ къ Люциферу Байронова „Каина“ говорили уже не разъ. См., напр., *В. Водовозова*: Новая русская литература, второе, дополненное изд., Спб. 1870, стр. 234 и слѣд. Въ послѣднее время о томъ же говорилъ г. *Мартьяновъ* въ статьѣ: „Новыя свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ“, Историч. Вѣстникъ 1892, № 11, стр. 371—372. Ср. съ жалобою демона на тоску 1-й монологъ Манфреда и далѣе II, 1 Ш, 1. Краски, которыми Демонъ разрисовывалъ Тамарѣ ожидавшее ее блаженство, напоминаютъ отчасти слова перваго духа въ той же поэмѣ „Манфредъ“ и обѣщаніе Азазіила Анѣ въ концѣ мистеріи „Небо и земля“. Клятва Демона персдъ Тамарой нѣсколько сходна съ клятвою голоса въ 1-й сценѣ „Манфреда“.—Ср., далѣе, съ обрисовкою демона у Пушкина то, что говорится у Лермонтова (Ш, 82):

Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣніе,

и отношеніе обоихъ демоновъ къ природѣ. Аналогію къ той идеѣ о демонѣ, которую г. Висковатовъ считаетъ заимствованною изъ Кавказскихъ преданій, представляютъ слѣдующія слова влюбленнаго бѣса-женщины у Casotte-a (изд. 1772, p. 45): „A peine vous vis-je sous la voûte, cette contenance héroïque, à l'aspect de la plus hideuse apparition, décida mon denchant: *Si*, dis-je à moi-même, *pour parvenir au bonheur, je dois m'unir à un mortel*, prenons un corps“... Отмѣтимъ тамъ же еще нѣкоторыя подробности, представляющія аналогію Лермонтовскому „Демону“. Бѣсъ-героиня разсказа Cazotte-a, называющая себя „Fille du Ciel et des airs“ (p. 80), „Sylphe d'origine et le plus considérable d'entre eux“ (p. 94), выражаетъ слѣдующія гордыя мечты о счастіи, которое принесетъ ей и Альвару взаимная любовь: „Si je me réduis au simple état de femme, si je perds, par ce changement volontaire, le droit naturel des Sylphides & l'assistance de mes compagnes, je jouirai du bonheur d'aimer & d'être aimée. *Je servirai mon vainqueur*; je l'instruirai de la sublimité de son être, dont il ignore les prérogatives; *il nous soumettra* avec les éléments dont j'ai abandonné l'empire, *les esprits* de toutes les sphères. Il est fait pour être le Roi du monde

въ воображеніи автора отъ впечатлѣній, произведенныхъ цѣлымъ рядомъ произведеній, съ которыми ознакомился поэтъ; при этомъ главнымъ источникомъ вдохновенія было сближеніе, въ которомъ поэтъ приравнивалъ себя къ демону, подобно послѣднему хватаясь за свою любовь, какъ за единственный выходъ изъ демоническаго пессимизма.

Наиболѣе совпаденій представляетъ поэма Лермонтова съ названной поэмою Мура: въ исторіи *одного* демона у Лермонтова повторяются подробности печальныхъ любовныхъ исторій трехъ ангеловъ Мура.

Отмѣчая черты сходства обоихъ этихъ произведеній, должно начать съ того, что какъ ангелы Мура утратили небо не въ силу прямаго возстанія противъ Бога, а лишь изъ-за любви къ земнымъ дѣвамъ, такъ и героиня „Демона“ въ первомъ и второмъ очеркѣ этой поэмы вначалѣ была любима *ангеломъ* и любила его, и лишь потомъ влюбилась въ одного изъ демоновъ [140], при томъ далеко не главнаго [141].

Демонъ Лермонтова плѣнился Тамарой, пролетая надъ землею, какъ и первый ангелъ Мура. [142]

Демонъ смущалъ Тамару чарующими рѣчами, „мечтой пророческой и странной“, внушая ей „страсть безотчетную,“ „тоску и трепетъ“, навѣвая заманчивые сны, прежде чѣмъ предсталъ передъ нею. Такъ точно поступалъ съ красавицей, которую полюбилъ, и

& *j'en serai la Reine*, & la Reine adorée de lui“ (p. 95—96). Глядя на свою возлюбленную, Альваръ, между проч., думалъ (p. 97—98): „Pourquoi une femme ne seroit-elle pas faite de rosée, de vapeurs terrestres & de rayons de lumière, des débris d'un arc-en-ciel condensés?“—Что до эпизода объ умерщвленіи жениха Тамары, то нѣкоторую аналогію тому находимъ въ сказкахъ. Такъ, въ индійскихъ сказкахъ Somadeva Bhatta, изъ Кашемира, изданныхъ Brockhaus-омъ, и въ другихъ индійскихъ сказкахъ говорится о томъ, какъ одинъ демонъ или толпа демоновъ губили искателей руки принцессы. Въ русскихъ сказкахъ говорится о девятиголовомъ змѣѣ, умерщвлявшемъ женихов. И т. п.

[140] III, 50 („ангелъ любилъ смертную“) и 64.

[141] См. ниже.– Замѣтимъ, впрочемъ, что и въ мистеріи „Небо и земля“ Байрона дѣвы любятъ ангеловъ.

[142] One morn, on earthly mission sent,...
I saw, from the blue element и т. д.

The works of Thomas Moore etc. Leipsic 1826, p. 110—111. Ср. ниже заимствованіе Лермонтовымъ изъ исторіи третьяго ангела подробности о возникновеніи любви въ демонѣ подъ вліяніемъ услышанной имъ пѣсни дѣвы.

второй ангелъ Мура: онъ воспламенялъ фантазію дѣвы и возбуждалъ въ ней неясныя желанія въ снахъ и видѣніяхъ. Онъ говоритъ:

From the first hour she caught my sight,
I never left her—day and night
Hovering unseen around her way,
And mid her loneliest musings near,
I soon could track each thought that lay,
Gleaming within her heart, as clear
As pebbles within brooks appear....
It was in dreams that first I stole
With gentle mastery o'er her mind—
In that rich twilight of the soul,
When Reason's beam, half hid behind
The clouds of sense, obscurely gilds
Each shadowy shape that Fancy builds—
'Twas then, by that soft light, I brought
Vague, glimmering visions to her view....
Myself the while, with braw, as yet,
Pure as the young moon's coronet,
Through every dream *still* in her sight[143]..... и т. д.

Въ особенности монахиня Лермонтова своею „думой", „грустью скрытной", „печалью" (уже во второмъ очеркѣ), „невыразимою тоской, непзъяснимою заботой" походитъ на дѣвъ, которыхъ любили ангелы у Мура. Одна изъ послѣднихъ, Lilis, выказывала даже въ своей внѣшности чудное сочетаніе небеснаго и земнаго. Ея любовь объ-щала смѣшанныя услады обѣихъ сферъ:

All that the spirit seeks in heaven,
And all the senses burn for here! [144]

---

[143] Ibid., p. 122. Ср. выше въ прим. 84 о *снахъ* Элоа. Уже во второмъ очеркѣ „Демона" первоначально были слѣдующіе стихи (III, 61):

. . . дѣва - взоръ яснѣй лазури—
При шумѣ капель дождевыхъ
Согласовала съ воемъ бури
Игру печальныхъ струнъ своихъ.
Но съ той минуты, какъ нечистый
Къ ней приходилъ въ ночи тѣнистой,
Она молиться ужъ нейдетъ *и т. д.*

См. еще III, 64.

[144] Тамъ же.

Это была дѣвушка возвышенныхъ порываній. Она томилась жаждой все постигнуть на землѣ и на небѣ, хотя бы пришлось тотчасъ же послѣ того умереть. Она прониклась энтузіазмомъ, когда ангелъ началъ показывать ей чудеса міра, и стремленіе уносило ее все впередъ и впередъ, къ познанію тайнъ, недоступныхъ человѣческому разумѣнію [145]. Избранница перваго ангела была вполнѣ невинна, свободна отъ недостатковъ смертныхъ въ душѣ и тѣлѣ. Она была глубоко религіозна. Она мечтательно возводила взоры къ небу, неслась туда душой, желала бы быть духомъ звѣзды, особливо привлекавшей ее своимъ блескомъ и въ чистотѣ одиноко пребывавшей въ вышинѣ; эта дѣва хотѣла вознестись туда для того только, чтобы оттуда еще болѣе славить Единаго Вѣчнаго. Она полюбила Rubi не земною, а небесною любовью лишь за то, что онъ былъ ангелъ и принадлежалъ тому небу, къ которому она стремилась и возносила мольбы [146].

Демонъ предсталъ во-очію Тамарѣ въ монастырѣ. Второй ангелъ у Мура также явился Lilis „въ священномъ мѣстѣ, избранномъ ею для молитвъ, въ гротѣ изъ чистѣйшаго мрамора.“ [147]

Развязка поэмы „Демонъ“ отчасти представляетъ какъ бы сліяніе развязокъ любовныхъ отношеній перваго и втораго ангеловъ у Мура. Первый ангелъ пожелалъ однажды напечатлѣть поцѣлуй на устахъ Lea и едва произнесъ при этомъ таинственное слово заклинанія, которое должно было вознести его къ небу, слово, дотолѣ не выговаривавшееся ни передъ однимъ изъ существъ земли, какъ видъ Lea преобразился въ просвѣтленіи, и она поднялась къ звѣздѣ, къ которой столь часто уносилась прежде своею фантазіею, ангелъ же наоборотъ напрасно повторялъ мистическое слово—въ его устахъ оно не имѣло уже прежней силы, и онъ былъ обреченъ оставаться на землѣ[148]. Второй ангелъ лишился своей Lilis, когда предсталъ передъ нею, по ея просьбѣ, во всемъ блескѣ своего небеснаго величія; едва онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, какъ пламень, исходившій отъ ангела, сжегъ дѣ-

---

[145] P. 123 и 125. Ср. обѣщанія демона Тамарѣ (III, 88):

„Толпу духовъ моихъ служебныхъ“ *и проч.*

[146] P. 112. Ср. монахиню во второмъ очеркѣ „Демона“: III, 58, 63—64.

[147] P. 123.

[148] P. 115—116.

вушку, которая въ моментъ смерти напечатлѣла на его челѣ пламенный поцѣлуй[149].

Изъ исторіи третьяго ангела и смертной, которую онъ полюбилъ, въ поэму Лермонтова вошли отдѣльныя мысли, впрочемъ—нѣсколько переработанныя въ нашемъ „Демонѣ.“ Такъ, доводы демона о ничтожествѣ земныхъ благъ и чувствъ представляютъ нѣкоторое совпаденіе съ подобнымъ отзывомъ о земной любви у Мура[150],

---

[149] Р. 130—131. Ср. у Лермонтова (III, 37—38):

Могучій взоръ смотрѣлъ сй въ очи.
Онъ жегъ ее. . . . .
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ кровь ея проникъ. . .

Во второмъ и четвертомъ очеркѣ (III, 70 и 89):

Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня. . . . .

Ср. разсужденія г. Висковатова III, 130—131.

[150] У Мура читаемъ (P. 135):

Love was in every buoyant tone,
Such love, as only could belong
To the blest angels, and alone
Could, ev'n from angels, bring such song!
Alas, that it should e'er have been
The same in heaven at it is here,
Where nothing fond or bright is seen,
But it hath pain and peril near—
Where right and wrong so close resemble,
That what we take for virtue's thrill
Is often the first downward tremble
Of the heart's balance into ill и т. п.

У Лермонтова (III, 102 и 36):

Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья *и проч.*

Въ четвертомъ очеркѣ (III, 87) читаемъ:

Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга,
И власть надъ бѣдною землей,
Гдѣ носитъ все печать презрѣнья,
Гдѣ межъ людей съ давнишнихъ лѣтъ
Ни настоящаго мученья,
Ни счастья безъ обмана нѣтъ.

а равно объясненіе вознесенія Тамары въ рай тѣмъ, что

Она страдала и любила—
И рай открылся для любви,[151]

находитъ себѣ нѣкоторое соотвѣтствіе въ словахъ Мура:

. . . . . much doth Love
Transcend all Knowledge, ev'n in heaven!

Но есть и болѣе существенныя совпаденія. „Вдохновенная пѣвица"-монахиня Лермонтова напоминаетъ Наму Мура чудною игрою на лютнѣ („lute" и у Мура). Какъ о Zaraph-ѣ у Мура говорится:

'Twas first at twilight, on the shore
Of the smooth sea, he heard the lute
And voice of her he lov'd steal o'er
The silver waters *и т. д.*,

такъ и о демонѣ Лермонтова читаемъ въ первомъ и второмъ очеркахъ:

Однажды вечеромъ (въ первомъ очеркѣ: въ полночь) межъ скалъ.
И надъ сѣдой равниной моря . . .
Бѣглецъ эдема пролеталъ . . .
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ.

У Мура говорится:

. . . . . upon the golden sand
Of the sea-shore a maiden stand,
Before whose feet the expiring waves
Flung their last tribute with a sigh . . . ;

такъ и у Лермонтова во второмъ очеркѣ первоначально было (III, 60):

Какъ часто дѣва у окошка
Взирала на берегъ морской . . .
На морѣ вихри бушевали,
И волны синія вставали . . .

---

[151] III, 43. Въ образецъ совпаденій отдѣльныхъ выраженій отмѣтимъ у Мура (p. 122) „twilight of the soul", „This twilight world of hope and fear" (p. 135) и „сумерки души" у Лермонтова (см. ниже).

Наконецъ, *моральный* смыслъ, на который указываетъ Муръ въ переданной имъ исторіи ангеловъ, присущъ и повѣствованію Лермонтова, хотя болѣе или менѣе полное совпаденіе замѣчается въ одномъ лишь отношеніи—въ характерахъ и стремленіяхъ дѣвъ, изображенныхъ тѣмъ и другимъ поэтомъ: любовь этихъ дѣвъ къ неземнымъ существамъ приноситъ имъ самимъ озареніе и возноситъ ихъ надъ чисто земными помыслами.

Что до личности Лермонтовскаго демона, то онъ не походитъ на ангеловъ Мура, а равно и на ангеловъ Байроновой мистеріи „Небо и земля“, [152] представляющихъ сходство съ первыми. Онъ нѣсколько напоминаетъ „влюбленнаго бѣса“ Cazotte-a [153], близокъ къ Байронову Люциферу, но еще болѣе родства у него съ Сатаною Мильтона [154] и съ демономъ Альфреда де-Виньи, также оказавшимъ значительное воздѣйствіе на поэму Лермонтова.

Демонъ у Лермонтова, какъ и Сатана у де-Виньи, является искусителемъ дѣвы, невинная красота которой увлекаетъ его, какъ отблескъ неземной красы, и на мгновеніе въ душѣ того и другаго пробуждаются тѣ добрыя чувствованія, которыя когда-то наполняли ихъ душу [155]. Такимъ

---

[152] Равнымъ образомъ и Тамара не походитъ на Ану этой мистеріи: послѣдняя заявила, что она не менѣе любила бы Азазіила, если бы онъ и не былъ безсмертенъ.

[153] См. выше примѣч. 139.

[154] См. выше примѣч. 130. У Лермонтова—немало отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій, напоминающихъ „Пот. Рай“ Мильтона. Къ указаннымъ ранѣе реминисценціямъ отмѣтимъ еще III, 83, 85, 93 и 106. Въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ (1833 и 1838 гг.) читаемъ:

По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя...
Посла *потерянаго рая*
Улыбкой горькой попрекнулъ.

Выраженіе „посла потерянаго рая“ есть и въ концѣ втораго очерка (1830—31 гг. III, 74); первоначально въ томъ же очеркѣ были также стихи (III, 62):

Изгнанникъ помнитъ свѣтъ небесъ,
Огни *потерянаго рая* ...

Въ третьемъ очеркѣ читаемъ (III, 75):

Ты не найдешь *потерянный* свой *рай* ...

[155] Въ душѣ демона у де-Виньи подъ вліяніемъ любви добро чуть-было не восторжествовало надъ зломъ:

Qui sait? le mal peut-être eût cessé d'exister?

Какъ сказано уже выше, де-Виньи задумывалъ изобразить въ концѣ спасеніе Сатаны любовью Элоа. Вѣрованіе въ возможность исправленія для діавола ведетъ свое начало съ отдаленнаго времени. См. Graf, l. c., 422 и слѣд.

образомъ, въ то время какъ у Байрона и у Мура изображено увлеченіе ангеловъ земною красотою, приводящее ихъ къ забвенію небеснаго блаженства, которымъ они дотолѣ наслаждались, у де-Виньи и въ особенности у Лермонтова, наоборотъ, демонъ, плѣненный ангельскою красотою земной дѣвы, начинаетъ испытывать порывы къ возрожденію въ себѣ прежней чистоты духа. У нашего поэта эта мысль оттѣнена весьма отчетливо. Она выступала все замѣтнѣе и замѣтнѣе при послѣдовательныхъ обработкахъ поэмы, при чемъ и демонъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе поэтической красы, да и возлюбленная демона въ послѣдовательныхъ редакціяхъ становилась все выше и выше въ своей духовной организаціи. Какая громадная разница между дѣвою Азраила и монахинею перваго очерка съ одной стороны и Тамарою послѣднихъ редакцій „Демона“ съ другой! Лермонтовъ какъ бы хотѣлъ олицетворить въ своемъ демонѣ тяжесть исключительнаго сомнѣнія и отрицанія, невозможность для личности успокоиться на томъ и другомъ, и испытываемую ею и послѣ разочарованія потребность найти какое-нибудь положительное начало жизни хотя бы въ такомъ узкомъ ограниченіи послѣдняго, какъ любовь къ единому существу. Эта любовь, какъ скоро станетъ якоремъ спасенія, можетъ постепенно возвышать проникающуюся ею личность къ нравственному возрожденію, устраняя въ ней эгоизмъ гордаго отрицанія, коренящійся въ крайнемъ индивидуализмѣ. Понятно послѣ этого, что Лермонтовъ отличалъ своего демона отъ демона де-Виньи [156], какъ разнится своимъ нравственнымъ складомъ демонъ Лермонтова и отъ Байронова Люцифера.

---

[156] А. Шанъ-Гирей предлагалъ такой планъ „Демона“: „отнять у Демона всякую идею о раскаяніи и возрожденіи, пусть онъ дѣйствуетъ прямо съ цѣлью погубить душу святой отшельницы; чтобы борьба Ангела съ Демономъ происходила въ присутствіи Тамары, но не спящей; пусть Тамара, какъ высшее олицетвореніе нѣжной женской натуры, готовой жертвовать собой, переходитъ съ полнымъ сознаніемъ на сторону несчастнаго, но, по ея мнѣнію, кающагося страдальца, въ надеждѣ спасти его; остальное все оставить какъ есть, и стихъ:

Она страдала и любила,
И рай открылся для любви ....

спасаетъ эпилогъ. „Планъ твой, отвѣчалъ Лермонтовъ, недуренъ, только сильно смахиваетъ на Элоу, soeur des anges, Альфреда де-Виньи. Впрочемъ, объ этомъ можно подумать“. Русское Обозрѣніе 1890, № 8, стр. 747.

Еще болѣе различія замѣчается въ героиняхъ поэмъ Лермонтова и де-Виньи. Правда, Тамара, не будучи женщиной-ангеломъ, какова Элоа, все-таки по своей духовной организаціи была изъ существъ необычныхъ:

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ;
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ. [157]

---

[157] III, 43. Въ восхищеніи Лермонтова реальною высшею женской красотою отзывался платонизмъ. Вотъ какъ говорилъ поэтъ, описывая „подъ видомъ дѣвы горъ, созданіе земли и рая“: (II, 85—86):

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, въ движеньи черныхъ глазъ—
Все, что̀ такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что̀ встрѣчаемъ въ жизни только разъ--
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что̀ сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей.

Ср. стр. 108 и образъ Тамары. Ср. о „чисто идеальныхъ грезахъ“ Лермонтова у *А. Н. Гилярова:* Платонизмъ, какъ основаніе современнаго міровоззрѣнія въ связи съ вопросомъ о задачахъ и судьбѣ философіи, М. 1887, стр. 43 и слѣд. Г. Гиляровъ ссылается на стихотворенія: „Первое января“ и „Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски“. См. однако примѣч. 46-е выше. Въ стихотв. „Любовь мертвеца“ (1840), наоборотъ, видимъ мечту безъ платонизма:

Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узналъ ....
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ въ старину.

Ясно, какъ платоническія грезы Лермонтова имѣли исходный пунктъ въ дѣйствительномъ чувствѣ и сливались съ нимъ. Ср. еще стих.: „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“... (1841).—Интересный примѣръ обожанія только въ мечтѣ встрѣчается у Стендаля (Beyle-я), усиливавшагося „вообразить свою мечту“.

Въ этомъ отношеніи Тамара, будучи близка къ подругамъ ангеловъ Мура, не совсѣмъ далека и отъ Элоа. Первопачально уподоблялась она послѣдней и въ томъ, что демонъ завлекъ ее изображеніемъ прелести любви хотя бы и въ аду, на который вдобавокъ Богъ не обращаетъ вниманія (см. во второмъ очеркѣ):

Она. Насъ могутъ слышать!...
Дем. Мы одни!
Она. А Богъ?
Дем. На насъ не кинетъ взгляда.
Онъ небомъ занятъ, не землей!
Она. А наказанье, муки ада?
Дем. Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая!
Мнѣ рай вездѣ, гдѣ я съ тобой!

Далѣе, когда демонъ обольстилъ дѣву, „она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада“ [158]. Но потомъ между Элоа и Тамарою усматривается коренное различіе. Уже при первомъ знакомствѣ съ исторіею Сатаны состраданіе, являющееся одною изъ первыхъ ступеней любви, закралось въ душу Элоа, склонной къ милосердію по самой своей природѣ, по происхожденію изъ слезы, пролитой Христомъ при видѣ умершаго Лазаря. Кромѣ того Сатана прельщаетъ ангельскую дѣву Элоа у де-Виньи заманчивою разрисовкою утѣхъ любовнаго единенія, и ангельски-невинное существо, уже предварительно проникшись состраданіемъ, поддается приманкѣ этой неизвѣданной имъ прелести; никакихъ другихъ увле-

---

[158] Это находимъ въ первомъ очеркѣ „Демона“ (III, 50—51); во второмъ очеркѣ уже замѣчается нѣкоторый поворотъ къ Божію оправданію Тамары въ молитвѣ ангела, которому, казалось, сочувствовала и природа, „за душу грѣшницы младой“ (III, 73—74).— Замѣтимъ, для параллели, что и развязка народной нѣмецкой драмы о Фаустѣ—трагическая; у Лессинга же торжество Сатаны надъ Фаустомъ оказывалось преждевременнымъ, и на дѣлѣ этому торжеству не суждено было состояться по волѣ Бога, о чемъ возвѣстилъ ангелъ въ прологѣ; такимъ образомъ, у Лессинга предполагалась примиряющая развязка, какъ въ „Johann Faust, ein allegorisches Drama in 5 Aufzügen (1775, München) и у Гёте. Послѣдній однако хотѣлъ первоначально дать своей драмѣ развязку въ духѣ народной книги, что̀ доказываетъ *W. Gwinner* въ монографіи: Goethes Faustidee nach der ursprünglichen Conception aufgedeckt und nachgewiesen. Frankfurt a. Main, 1892.

кательныхъ обѣщаній Элоа не слышитъ отъ демона, потому что ничего лучшаго и не могъ онъ пообѣщать ей помимо того, что она уже знала и чѣмъ наслаждалась на небѣ. У Лермонтова рѣчи демона иныя. Демонъ не только противополагаетъ „повѣсти тягостныхъ лишеній, трудовъ и бѣдъ толпы людской“ [159] свою „безсмѣнную печаль,“ такъ что Тамара „невольно и съ отрадой тайной“ слушаетъ „страдальца“ [160], который не разъ

. . . . . передъ нею
Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любить и вѣровать не смѣя.
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ...[161];

помимо того Демонъ указываетъ Тамарѣ на все ничтожество и пошлость людской жизни, на то, что на землѣ

. . . нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить. [162]

Замѣчаніемъ о полной непрочности земныхъ привязанностей Демонъ заканчиваетъ внушеніе Тамарѣ того пессимизма, который можетъ быть присущъ всякому идеализму, извѣдавшему на опытѣ всѣ обманы и горечь жизни. Послѣ того Демонъ начинаетъ обольщать воображеніе Тамары картиною иного существованія, къ которому она „присуждена“, намекнувъ предварительно на высшую духовную организацію Тама-

---

[159] III, 101 и 32. Приводя выдержки изъ редакціи „Демона“, впервые напечатанной у г. Висковатова (III, 6—45) и признанной имъ за „окончательную обработку 1840—1841 гг.“, мы тѣмъ еще не заявляемъ свое согласіе съ мнѣніемъ г. Висковатова объ этомъ текстѣ. Хотя второе отдѣленіе И. Академіи Наукъ и приняло мнѣніе г. Висковатова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, № 5), но возраженія и сомнѣнія, высказанныя относительно находки г. Висковатова гг. Суворинымъ, Мартьяновымъ и др., не устранены, и вопросъ о послѣднемъ текстѣ „Демона“ все еще требуетъ разработки.

[160] III, 33—34.

[161] III, 95, 24.

[162] III, 102 и 36; ср. ib. 87. См. выше прим. 150.

ры, на то, что она не можетъ удовлетвориться ничтожнымъ жребіемъ людскимъ. Послѣднее было вѣрно угадано Демономъ, и его искусныя рѣчи достигли цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду. Сердцемъ Тамары не только овладѣваетъ глубокое состраданіе къ тому, кто казался столь несчастливымъ въ безсмѣнной и безконечной печали и мукахъ демонизма, которыхъ никакой другой поэтъ не передавалъ съ такою силою, какъ Лермонтовъ устами своего демона; Тамару увлекаютъ не только нечеловѣческій пылъ любви демона и сила „нездѣшней страсти," изливающаяся въ рѣчахъ, полныхъ чарующей прелести, „огня и яда," со „всѣмъ упоеньемъ безсмертной мысли и мечты"[163]; „полное гордыни" сердце Тамары окончательно плѣняютъ такія обѣщанія, очаровывающія слухъ, самое пылкое воображеніе и сердце, какъ слѣдующія:

Мы, дѣти вольнаго эѳира,
Тебя возьмемъ въ свои края,
И будешь ты царицей міра...
Пучину гордаго познанья
. . . . . *открою я тебѣ*...
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ...
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ...
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой...
Я дамъ тебѣ все, все земное...[164]

У Байрона и также у Мура изображено увлеченіе земною красотою до забвенія небесной. У Лермонтова видимъ наоборотъ увлеченіе красотою, сообщающее нѣкоторый нравственный подъемъ даже демону; Тамара же, подобно Lea и Lilis Мура, подпадаетъ любви въ порывахъ къ неземному счастію и высшему свѣту. Тамара поддается искушенію, но немедленно умираетъ, чтобы перейти въ тотъ самый горній міръ, мечта о которомъ плѣнила ее въ рѣчахъ де-

---

[163] Ш, 99, 30.

[164] Ш, 88—89, 102—104; 36—37. Ср. IV, 240, слова Владиміра въ пьесѣ „Странный человѣкъ": „Развѣ я повѣрю, чтобъ ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если бъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя".

мона, и за эту, вѣроятно, мечту вѣчная, Божественная правда приняла Тамару въ свою обитель, какъ приняла Маргариту и Фауста. Въ словахъ позднѣйшихъ очерковъ:

Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои.....
Она страдала и любила—
И рай открылся для любви[165],

не совсѣмъ ясно опредѣляется намъ причина Божія милосердія къ Тамарѣ. Оправданіе послѣдней заключается, надо думать, не исключительно въ томъ, что она въ силу нѣжности, свойственной женской натурѣ, руководилась по преимуществу любовію, но и въ другихъ ея душевныхъ движеніяхъ, приведшихъ къ торжеству искусителя. Тамара вняла мольбамъ демона не сразу, а съ душевной борьбой (отъ того „она страдала"), и уступила, стараясь обмануть себя клятвами его въ томъ, что онъ уже не врагъ Бога. Любовь Тамары къ демону была нѣсколько отлична отъ чисто-грѣховной

---

[165] III, 43 и 123; ср. выше пр. 156. Сомнѣнія помнаются и на предыдущей страницѣ. Г. Висковатовъ (III, 122) объясняетъ „сомнѣнія" Тамары и прощеніе, дарованное ей небомъ, такъ: „Тамара думаетъ, что, полюбивъ „Демона", она исполняетъ волю небесъ, почему и требуетъ съ него клятвеннаго обѣщанія въ его возвращеніи на путь добра.... Вотъ потому-то небо и прощаетъ Тамарѣ ея проступокъ, и ангелъ принимаетъ ея душу. Она преступаетъ не ради грѣховнаго увлеченія, а ради самыхъ высокихъ завѣтовъ любви. Ее влекло, быть можетъ, ошибочное, но все же возвышенное стремленіе служить благу людей, пресѣчь зло, представителемъ коего являлся ей Демонъ. Правда, она не вполнѣ довѣряетъ ему:

Ужель ни клятвъ ни обѣщаній
Нерушимыхъ больше нѣтъ?

Это крикъ послѣдняго ужасающаго сомнѣнія. Ей хочется вѣрить въ успѣхъ добра". См. еще III, 128. Должно замѣтить однако, что, склоняясь къ рѣчамъ демона, Тамара не имѣла полной увѣренности въ томъ, что совершала доброе дѣло. Даже въ ея послѣднемъ крикѣ, „мучительномъ", хотя и „слабомъ", слышались, на ряду съ любовію, „страданье" и „упрекъ съ послѣднею мольбой" (III, 38, 104). „Сомнѣнія" Тамары надо понимать въ смыслѣ „всегдашней борьбы" (III, 19) въ ея душѣ, борьбы, происходившей не только въ моментъ прямой встрѣчи съ демономъ, но и ранѣе, когда Тамара, „тоской и трепетомъ полна" (III, 19), была занята „беззаконною" или „безпокойною мечтой" (III, 95), когда ея „тревожныя мечтанія" были „къ *нему* обращены" (III, 24), когда сердце Тамары „молилось ему", т. е. Демону (III, 19), когда ей было все „предлогъ мученью" (III, 23). Во второмъ очеркѣ первоначально были стихи (III, 73):

Увы напрасныя моленья,
И *страстямъ* нѣтъ ужъ прощенья ...

Ср. выраженіе о Тамарѣ, какъ о „грѣшницѣ" (см. выше примѣч. 158 и ниже прим. 199).

ховной любви: въ любви Тамары съ чувствомъ сострадапія, хотя бы даже къ духу злобы, сливались и нѣкоторая надежда на обращеніе этого духа къ добру и идеалистическія увлеченія міромъ вышнимъ, и такая любовь могла возвести къ высшему спасенію, при чемъ восторжествовало добро надъ примѣсью зла, между тѣмъ какъ, по первоначальному замыслу Лермонтова, Демонъ всецѣло овладѣвалъ предметомъ своей страсти, измѣнившимъ ради діавола даже любившему монахиню и дотолѣ любимому ею ангелу, какъ и Элоа поддалась довольно скоро Сатанѣ, оставивъ міръ ангеловъ[166]. Такъ въ концѣ поэма Лермонтова стала отлична отъ произведенія де-Виньи, которое кажется нѣкоторымъ не вполнѣ яснымъ по своей идеѣ.[167]

---

[166] Несомнѣнно, что приведенная выше въ текстѣ втораго очерка (III, 69) сцена бесѣды Демона съ Тамарой у Лермонтова имѣетъ своимъ прообразомъ бесѣду Элоа съ Сатаною у de Vigny (p. 116—116):

„Viens!—M'exiler du Ciel?—Qu'importe, si tu m'aimes?
Touche ma main. Bientôt dans un mépris égal
Se confondront pour nous et le bien et le mal.
Tu n'as jamais compris ce qu'on trouve de charmes
A présenter son sein pour y cacher les larmes...
—Je t'aime et je descends. Mais que diront les Cieux?"....
Des plaintes de douleur, des réponses cruelles,
Se mêlaient dans la flamme au battement des ailes....
„J'ai cru t'avoir sauvé....
—Si nous sommes unis, peu m'importe en quel lieu"...

Ср. III, 69, 96 и 102. Но какъ прекрасно переработалъ заимствованную идею Лермонтовъ, сколь значительно поднялся онъ надъ своимъ оригиналомъ! Крупный недостатокъ разсматриваемой сцены de-Vigny хорошо указалъ *É. Faguet*, Dix-neuvième siècle, Par. 1892, p. 144—145: „Eloa est inférieure et presque infidèle à elle-même dans la dernière partie de son développement. Tant que le poète en est à cette conception de l'ange tombant par excès de sa pitié même, il est incomparable. Mais quand il amène Eloa en face de Satan, je ne sais si c'est moi qui ne comprends pas, mais il me semble que le poète perd de vue sa pensée même.... et quant à Eloa, ce n'est plus par pitié qu'elle tombe, c'est comme on tombe ordinairement".

[167] Ср. отзывъ *Sainte-Beuve*-а: Nouveaux lundis, VI, 408. См. однако выше. Основная мысль Элоа вяжется со слѣдующею общею мыслію, въ которой, по мнѣнію *Dorison*-а [Alfred de Vigny Poëte philosophe, Par. (1893), p. 6], de Vigny объединялъ указываемыя критикою противорѣчія его произведеній: „*Cinq-Mars*, *Stello*, *Servitude et Grandeur militaires* (on l'a bien observé) sont, en effet, les chants d'une sorte de poëme épique sur la désillusion, mais ce ne sera que de choses sociales et fausses que je ferai perdre et que je foulerai aux pieds les illusions; j'élèverai sur ces débris, sur cette poussière, la sainte beauté de l'enthousiasme, de l'amour, de l'honneur, de la bonté, la miséricordieuse et universelle indulgence qui remet toutes les fautes et d'autant plus étendue que l'intelligence est plus grande".

Изъ всего сказаннаго понятно, съ какими отмѣнами является у Лермонтова образъ демона, надъ которымъ работали вѣка и первую идею поэтической переработки котораго нашъ поэтъ заимствовалъ несомнѣнно изъ западно-европейской поэзіи. Демонъ Лермонтова не діаволъ лишь вѣковаго преданія, „духъ изгнанья“ [168], „гордости“, „отверженія и зла“[169]; „бѣглецъ Эдема“[170], „мрачный искуситель“[171], „злой духъ“[172], который „перемѣниться не могъ бы“[173], „лукавый“[174]; демонъ нашего поэта—не только обольщающій невинную душу чудными снами и искусными рѣчами величавый Сатана Мильтона; онъ не только „гордый духъ“[175], „мрачный духъ сомнѣнья“[176], „духъ безпокойный“[177], и вмѣстѣ „блиставшій неземной красой“[178], „царь познанья и свободы“[179] подобно Байронову Люциферу, „вѣчному противнику Бога“; соблазняя невинную дѣвственную душу, какъ въ „Элоа“ де-Виньи, демонъ Лермонтова чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ порывъ возвратиться къ воспоминаніямъ лучшихъ дней, что̀ не мыслимо для Байроновскаго Люцифера, хотя въ сущности такой переломъ въ характерѣ Демона былъ возможенъ для него не навсегда; онъ то-

---

[168] III, 50, 55, 6.

[169] III, 51, 74, 82 и 27.

[170] III, 52.

[171] Тамъ же и стр. 43.

[172] III, 59 и 67; „нечистый“—III, 61.

[173] III, 66.

[174] III, 67, 21 и 30.—Всѣ эти эпитеты встрѣчаемъ въ первыхъ двухъ очеркахъ Демона. Въ отношеніи къ этимъ редакціямъ вѣрно замѣчаніе г. Висковатова (III, 129). что „въ поэмѣ Лермонтова Демонъ отнюдь не является Сатаною, т. е. главнымъ владыкою и повелителемъ тьмы и зла“; но не таковъ Демонъ позднѣйшихъ очерковъ. Послѣдній называетъ себя „богомъ рабовъ“ своихъ „земныхъ“ (III,29), говоритъ о своей „власти“ (III, 29 и 35), своихъ „владѣній безконечности“ (ib., 30), о братьяхъ, ему „подвластныхъ“ (III, 35), обѣщаетъ сдѣлать Тамару „царицей міра“ (ib., 36) и сулитъ въ концѣ (ib. 88, 37):

Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ.

Въ одномъ мѣстѣ (III, 106) онъ прямо названъ „царемъ порока“; въ третьемъ очеркѣ (III, 75): „порока властелинъ“.

[175] III, 7.

[176] III, 43.

[177] III, 27; „духъ безпокойный, духъ порочный“—III, 97.

[178] III, 18.

[179] III, 29.

мится своимъ положеніемъ и очеловѣченъ до того, что испытываетъ „земныя мученія“, „земную страсть“ и

Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда.

У Лермонтова демонъ, „душой измученною болѣетъ,“ охваченный мечтою [180], еще въ большей степени, чѣмъ у всѣхъ предшествовавшихъ поэтовъ, приближенъ къ человѣческой душѣ съ высшими, но демоническими порываніями. Демонъ Лермонтова умѣетъ очаровывать эту душу, одновременно затрогивая струны самыхъ сильныхъ звуковъ и гордыхъ порывовъ и вызывая „чудной нѣжностью рѣчей“ отзвуки струнъ самыхъ нѣжныхъ. Образъ демона у нѣкоторыхъ поэтовъ сближали съ Промееемъ [181]; демонъ Лермонтова представленъ, какъ уже переживній время,

Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ.[182]

Демонъ нашего поэта близокъ къ человѣку, изстрадавшемуся отъ „надеждъ погибшихъ и страстей“[183]. Знаніе не принесло ему отрады, зло ради зла уже опостыло, „наскучило ему“[184]; прежняя жизнь съ ея злодѣйствами казалась ему уже страшно тяжелою:

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться [185] и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за *добро* [186] вознагражденья;

---

[180] III, 53, 56, 59, 62, 68, 80.

[181] *Graf*, Prometeo nella poesia, Torino-Roma 1880, p. 180 и слѣд. Второе изданіе этой монографіи вышло въ 1888 г.

[182] III, 6.

[183] III, 33.

[184] III, 6.

[185] и [186] Можно спросить, какое же наслажденіе испытывалъ Лермонтовскій демонъ и какое добро онъ творилъ? Очевидно, демонъ сливаетъ въ своемъ разсказѣ въ одну картину всю свою жизнь, начиная съ „дней райскаго блаженства“; ср. III, 50 и 53, 55 и 57.

Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все противъ воли ненавидѣть,
Все безотрадно презирать!... [187]

Вотъ это-то весьма яркое раскрытіе муки демонизма и составляетъ одну изъ крупныхъ заслугъ и одну изъ оригинальнѣйшихъ особенностей Лермонтовскаго „Демона," то новое, что внесъ Лермонтовъ въ тему, надъ которою работало столько вѣковъ. Безпросвѣтный эгоизмъ и отрицаніе не дали счастія, и Лермонтовскій демонъ въ иные моменты уже является

. . . . . любить готовый
Съ душой открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.— [188]
. . . . . и вновь
Въ нѣмой души его пустыню
Проникла молніей любовь,
И онъ опять постигъ святыню
И міръ добра и красоты.... [189]

„Полонъ жизни новой", онъ готовъ „гордо снять вѣнецъ терновый съ своей *преступной* (выраженіе самого демона) головы и все былое бросить въ прахъ" [190]. Все это можно бы слышать изъ устъ человѣка необычайной силы страстей и воли, и всего этого можно бы ожидать въ повѣствованіи о такомъ человѣкѣ, но не о демонѣ сложившихся обычныхъ представленій. Такимъ образомъ демонъ у Лермонтова поставленъ въ положеніе, которое гораздо драматичнѣе и интереснѣе обстановокъ, въ какихъ онъ являлся у предшествовавшихъ по-

[187] III, 100 (съ отмѣною въ предпослѣднемъ стихѣ, гдѣ стоитъ: „*стараться* все возненавидѣть") и 31. То же въ сущности испытывалъ уже „печальный" демонъ первыхъ очерковъ (ib. 51—52, 55—56, 62, 68—69, 75—76).

[188] III, 25, 52, 62, 63.

[189] III, 11.

[190] III, 30.

этовъ. Онъ—олицетвореніе демонизма, свойственнаго иной неугомонной человѣческой душѣ [191], тоже одолѣваемой стремленіемъ къ „познанью и свободѣ“ и вмѣстѣ „мрачнымъ духомъ сомнѣнья.“ Человѣкъ такой души ищетъ выхода изъ своего томительнаго состоянія, можетъ на непродолжительныя сравнительно мгновенья постигать „святыню любви, добра и красоты,“ но затѣмъ проклинаетъ иногда

Мечты безумныя свои,
И *остается вновь*[192] надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!....[193]

Затрогивая въ человѣческой душѣ стремленіе къ иной, высшей, участи, убаюкивая душу и обольщая гордыми, несбыточными мечтами и „соблазна полными рѣчами,“ при чемъ „всѣ чувства въ ней вдругъ кипятъ“, и такой демонъ, какъ Лермонтовскій, не дастъ отрады человѣку, какъ не утѣшилъ души Фауста, безгранично жаждавшаго познанія и другихъ высшихъ утѣхъ, язвительный скептикъ Мефистофель. Помимо послѣдняго не удовлетворенный Фаустъ нашелъ успокоеніе въ незатѣйливой и простой, но вполнѣ достигающей цѣли, практической дѣятельности на общую пользу и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ отказался отъ гордыхъ порывовъ къ божественному знанію и отъ жажды безграничнаго наслажденія прекраснѣйшими благами жизни. Гёте поставилъ демона въ соприкосновеніе съ высшею человѣческою мудро-

---

[191] Ср. I, 171:

Въ ангельской душѣ все чисто, въ демонской все зло;
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ.

[192] Мы позволили себѣ, для большаго соотвѣтствія съ предшествующимъ изложеніемъ, слегка измѣнить форму (не смыслъ) этого стиха.—Какъ понимать „безумныя мечты“ Демона, см. III, 96; ср. стихъ: „Исчезнулъ ясный рой мечтаній“ (III, 27) со стихами (ib., 25): „И входитъ онъ“ и проч., и III, 84:

Простите, краткія надежды
Любви, блаженства и добра.

Но, можетъ быть, мечты касались просто вѣчнаго обладанія Тамарою и счастія, которое могло быть принесено этимъ обладаніемъ.

[193] III, 43. Такое окончаніе помимо приведенной выше (примѣч. 133) выдержки изъ втораго очерка „Демона“ лучше всего другаго опровергаетъ предположеніе о той идеѣ, которую будто бы хотѣлъ провести Лермонтовъ въ послѣдней редакціи своего „Демона“. Ср. еще анекдотъ, приведенный у г. Мартьянова: Историч. Вѣстн. 1892, № 11, стр. 373.

стію, стремившеюся постигнуть жизнь и извѣдать все лучшее въ человѣческой жизни; Лермонтовъ—въ соприкосновеніе съ одной изъ душъ, не удовлетворяющихся обычнымъ пошлымъ существованіемъ, — такихъ, которыя поклялись „земныя страсти позабыть“ [194],

Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ. [195]

Такая личность, которой мысль и „сердце, полное гордыни“ [196], постоянно смущаютъ „неотразимая мечта“, таинственныя грезы и „чудныя видѣнья“ „пестрыхъ, странныхъ сновъ“, повергающія въ „тоску и трепетъ“, при чемъ „огонь по жиламъ пробѣгаетъ“ [197], въ концѣ концовъ можетъ не перенести „смертельнаго яда лобзанья“ демона—виновника этихъ грезъ, можетъ поддаться обаянію зла, но небо словами своего ангела, какъ бы примѣнительно къ изреченію Евангелія о прощеніи грѣшницѣ за ея великую любовь, оправдываетъ возвышенную натуру за ея „неземную любовь“ [198] и высшія стремленія, хотя бы въ порывѣ послѣднихъ ей пришлось пасть [199]. Такимъ образомъ,

---

[194] III, 53, 68; 86: „забыть волненіе страстей“.

[195] III, 43. Ср. стихъ:

Онѣ не созданы для міра,

и выше прим. 157. Ср. еще I, 106 („Эпитафія“):

Для чувствъ онъ жизни не щадилъ . . .
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.
И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей.

[196] III, 97 и 26.

[197] III, 64, 19 и 21.

[198] III, ib. У Гёте говорится о Фаустѣ (II, V, 7308—7309):

Und hat an ihm *die Liebe* gar
Von oben Theil genommen.

[199] Во второмъ очеркѣ (III, 73) монахиня названа „грѣшницей молодой“ (также и въ четвертомъ: III, 93), и первоначально говорилось о молитвѣ ангела за ея душу:

Увы! напрасныя моленья,
И страстямъ нѣтъ уже прощенья.....

Въ пятомъ очеркѣ (III, 97; ср. 26) Тамара названа „грѣшницей прекрасной“ и „грѣшницей младой“ (стр. 106). И въ окончательномъ, по мнѣнію г. Висковатова, текстѣ говорится о „проступкѣ“ Тамары и ея „грѣшной душѣ“ (III, 42).

въ концѣ развитія этого поэтическаго замысла и у Лермонтова какъ бы проводится идея, во имя которой получилъ небесное оправданіе Фаустъ у Гёте:

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.[200]

Итакъ, даже въ чистую, невинную душу юной дѣвушки, которой болѣе не плѣняетъ окружающая ее дѣйствительность, успѣваютъ проникать „соблазна полныя рѣчи“ демона и поселять въ ней „сомнѣнія“ [201]. Эти рѣчи могутъ всколебать дѣвственную душу и ея „женскія мечты“ грезами о необычномъ счастіи, и она, „покой навѣки погубя, невольно съ отрадой тайной“ прислушивается къ обольстительнымъ рѣчамъ [202] и становится не чуждой влеченій, сродныхъ демонизму. А что же сказать о людяхъ, которыхъ душевное состояніе вполнѣ предрасполагаетъ къ воспріятію внушеній демонизма? Они могутъ стать весьма близкими къ демону Лермонтова. Вѣдь искуситель Тамары

. . . не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ—о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь,—ни мракъ, ни свѣтъ! . . .[203]

Въ подобномъ состояніи бываетъ и человѣческая душа:

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.

---

[200] Faust, Zw. Teil, V-ter Akt, 7306—7307.

[201] III, 42 и 43. Ср. III, 11—о томъ, что уже въ моментъ, когда Демонъ впервые увидѣлъ Тамару, „порой темнили смутныя сомнѣнья ея небесныя черты“, и III, 104 о страшной улыбкѣ, застывшей на устахъ мертвой Тамары:

Что въ ней? Насмѣшка надъ судьбой,
Непобѣдимое *ль сомнѣнье?*

„Сомнѣнье“ присуще и демону: III, 6.

[202] Тамъ же, 34.

[203] Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Повѣренное по рукописямъ изданіе подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова, Томъ второй, Изд. Елизаветы Гербекъ, М. 1891, стр. 204. Г. Висковатовъ для послѣдняго стиха (III, 19) принялъ редакцію, встрѣченную имъ въ текстѣ, который онъ считаетъ послѣднею обработкою:

На день, на ночь, на мракъ, на свѣтъ!

Она сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.
Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни, и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ;
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ
И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ [204].

---

[204] II, 23 (1830—1831). Ср. I, 83:

. . . . . Страшнымъ полусвѣтомъ
Межъ радостью и горестью срединой
Мое тѣснилось сердце,

и I, 171 (1831 г.):

Есть время—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ самомъ себѣ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

См. еще III, 198 („Джулio“, 1830 г.):

Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ
Жметъ сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
Чтобы спастись отъ этой пустоты,
Воспоминаньемъ иль игрой мечты
Умножь одну или другую ты.

Очевидно, въ началѣ 30-хъ годовъ, къ которымъ относятся второй и третій очерки „Демона“, выраженное въ приведенныхъ выдержкахъ представленіе о порѣ „полусвѣта“, „сумерекъ“ въ человѣческой душѣ было одною изъ излюбленныхъ темъ Лермонтова. Нашъ

Такое настроеніе человѣческой души—порожденіе демоническаго недовольства:

Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,
Все, что ему еще завидно въ насъ. [205]

поэтъ унаслѣдовалъ эту тему отъ западноевропейскихъ поэтовъ. Такъ, уже у Гёте Мефистофель говоритъ Фаусту о Богѣ (I, 1428—1430):

Er findet sich in einem ew'gen Glanze,
Uns hat er in die Finsternis gebracht,
Und euch taugt einzig Tag und Nacht.

О „сумеркахъ души“ у Мура см. выше примѣч. 151. См. еще ниже въ примѣч. 206 выдержку изъ А. де Мюссэ.

[205] II, 23. Ср. выше предъ прим. 102 заключительную строфу стихотворенія „Мой Демонъ“ (I, 218). Иначе изобразилъ демона Печоринъ, профессоръ Московскаго университета въ началѣ 30-хъ годовъ. Онъ взглянулъ на демона съ аскетической точки зрѣнія и нѣсколько напоминаетъ въ этомъ отношеніи концепцію Иммермана. Напечатанное г. Тихонравовымъ [Русская Старина 1875, № 7 (т. XIII), стр. 454—455] стихотвореніе Печорина начинается словами:

Прочь, о демонъ лучезарный,
Демонъ счастья и любви!
Искуситель—міръ коварный!
Вспять страдальца не зови!

Ближе къ античному представленію о демонѣ, чѣмъ Пушкинское, Лермонтовское и Печоринское, было пониманіе демона у Гёте. Послѣдній разумѣлъ подъ этимъ образомъ прирожденную силу и свойства каждой личности, какъ это видно изъ стихотворенія „Urworte. Orphisch“, недалекаго по времени отъ указанныхъ выше стихотвореній нашихъ поэтовъ. Стихотвореніе Гёте было написано въ 1817 г., а напечатано впервые въ 1819 г. Въ 1820 г. Гёте прибавилъ объясненіе къ этому стихотворенію. По этому объясненію, демонъ стихотворенія „Urworte“ означаетъ „die nothwendige, bei der Geburt unmittelbar ausgesprochene, begrenzte Individualität der Person, das charakteristische, wodurch sich der Einzelne von jedem Andern, bei noch so grosser Aehnlichkeit, unterscheidet.“ Гёте готовъ былъ признать, что „angeborne Kraft und Eigenheit, mehr als alles Uebrige des Menschen

Это тягостное состояніе переживали въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, какъ увидимъ, многіе „сыны вѣка“ [206]. Хорошо извѣдалъ такую душевную муку и Лермонтовъ [207]. Его „Демонъ“ собралъ въ себѣ какъ въ фокусѣ различныя составныя части ранняго пессимистическаго настроенія поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ поэмѣ Лермонтова дана оригинальная переработка и сплавъ элементовъ демонизма, уловленныхъ и возсозданныхъ нѣкоторыми изъ лучшихъ западноевропейскихъ поэтовъ, при чемъ образъ демона у нашего поэта, не уступая замѣчательнымъ западноевропейскимъ обрисовкамъ этого типа, пріобрѣлъ новый интересъ и красу вслѣдствіе оттѣненія въ немъ такихъ чертъ, которыя выступали не столь отчетливо у другихъ поэтовъ.

Для Байрона Люциферъ былъ готовымъ традиціоннымъ образомъ, въ который наилучше могъ быть вмѣщенъ тотъ безотрадный пессимизмъ, какого былъ преисполненъ англійскій поэтъ. У Лермонтова демонъ столь же прекрасенъ, какъ у Мильтона и у Байрона, онъ одновременно и увлекаетъ своею красотою [208], и наводитъ

Schicksal bestimme . . . der Dämon freilich hält sich durch Alles durch, und dieses ist dann die eigentliche Natur, der alte Adam und wie man es nennen mag, der so oft auch ausgetrieben, immer wieder unbezwinglicher zurückkehrt . . . . allein Tyche lässt nicht nach und wirkt immerfort“.

[206] См. въ предисловіи „Исповѣди сына вѣка“ А. де Мюссэ о „сынахъ„ имперіи и внукахъ революціи“: „имъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ сумерекъ, который ни день, ни ночь“.

[207] I, 171: вслѣдъ за строфою, начинающеюся словами: „Есть время · леденѣетъ быстрый умъ“ и приведенною выше (прим. 204), читаемъ:

Я къ состоянью этому привыкъ . . .

[208] III, 18—19 и изданіе подъ ред. Болдакова, II, 204:

Пришлецъ туманный и *нѣмой*,
Красой блистая неземной . . .
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.

Ср. цитованное нами признаніе Лермонтова, относящееся къ 1841 г. (II, 335):

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, *нѣмой* и гордый онъ *сіялъ*
Такой *волшебно-сладкой красотою*,
Что было страшно . . . .

страхъ[209], какъ Байроновъ Люциферъ, и умѣетъ завлекать страстными рѣчами, какъ Сатана де-Виньи, но не столь мраченъ и непреклоненъ, и пессимизмъ его не столь исключителенъ, потому что то былъ пессимизмъ самого поэта-юноши, который не успѣлъ еще извѣриться во всемъ, хотя и показывалъ видъ вполнѣ разочарованнаго человѣка. У Байрона лишь вскользь говорится о грусти Люцифера. У Лермонтова демонъ—не только носитель зла, духа сомнѣнія и отрицанія, убивающаго пышныя грезы юности, не только олицетвореніе таинственнаго голоса, смущающаго душевный покой[210], но и воплощеніе тоски и грусти, являющейся результатомъ разрушенія гордыхъ надеждъ и радостныхъ упованій. Быть можетъ, не безъ вліянія образа Клопштокова кающагося Аббадоны [211] Лермонтовъ развилъ далѣе намекъ на безотрадное

См., далѣе, Ш, 28:

Онъ передъ скиниицей стоитъ:
Знакомой *блещетъ красотою*,
И утихающей грозою
Взоръ отуманенный блеститъ.

Въ бесѣдѣ съ О. А. Смирновой А. С. Пушкинъ выразился, что Мильтоновъ „Сатана"-не богословскій, онъ слишкомъ греческій" (Сѣверный Вѣстникъ 1893, № 5, стр. 179).

[209] Тамара говоритъ демону (Ш, 34):

Невольно страхъ въ душѣ рождаешь ...

[210] III, 98 и 28—29:

Я тотъ, ...
Чья мысль душѣ твоей шептала . . .
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ . . .
Я врагъ небесъ, я зло природы . . .

Въ текстѣ, который г. Висковатовъ считаетъ окончательнымъ, стоитъ еще:

Я богъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы.

[211] О знакомствѣ Лермонтова съ „Мессіадой" Клопштока свидѣтельствуютъ слѣдующіе стихи въ „Сашкѣ", относящіеся къ герою послѣдней поэмы (II, 207—208):

Что дѣлалъ Саша?—Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ,
Какъ Аббадона грозный новымъ адомъ
Напуганный, но помнящій Эдемъ,
Съ поникшею стоялъ онъ головою
И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей.

душевное состояніе и на проблескъ возможности раскаянія Сатаны, встрѣченный у де-Виньи [212], и сдѣлалъ „горькую муку“, тоску [213], грусть[214] и жажду счастія преобладающими чертами настроенія своего демона. Послѣдній ищетъ выхода и истинктивно угадываетъ вѣрно возможность

---

[212] О сѣтованіяхъ Сатаны см. знаменитыя строфы (p. 112—114), начинающіяся стихами:

Sur la neige des monts, couronne des hameaux,
L'Espagnol a blessé l'aigle des Asturies . . .

Сатана, между проч., говоритъ:

„Maudit soit le moment où j'ai mesuré Dieu!
„Simplicité du coeur! à qui j'ai dit adieu,
„Je tremble devant toi, mais pourtant je t'adore,
„Je suis moins criminel puisque je t'aime encore;
„Mais dans mon sein flétri tu ne reviendras pas! . . .
„Je souffre, et mon esprit par le mal abattu
„Ne peut remonter jusqu'à tant de vertu . . .
. . . . . J'aurais peut-être aimé!“

Къ стиху изъ „Элоа“, какъ бы намекающему на нѣкоторый проблескъ возможности нравственнаго возрожденія Сатаны и приведенному выше въ примѣч. 155, прибавимъ еще указаніе на слѣдующую (p. 114) обрисовку душевнаго состоянія Сатаны послѣ сѣтованій послѣдняго, отрывокъ изъ которыхъ только что приведенъ нами:

Le Tentateur lui-même était presque charmé,
Il avait oublié son art et sa victime,
Et son coeur un moment se reposa du crime.
Il répétait tout bas, et le front dans ses mains:
„Si je vous connaissais, ô larmes des humains!“

[213] Ш, 34, 68, 76.

[214] Ш, 98—99 и 29:

Я тотъ, ...
Чью *грусть* ты смутно отгадала . . .
И *грусть* на днѣ старинной раны
Вдругъ шевельнулася какъ змѣй.

Ср. Ш, 88:

И не захочешь *грусть* и волю
За рабство тихое отдать.

См. еще Ш, 18—19:

И взоръ его съ такой любовью,
Такъ *грустно* на нее смотрѣлъ. . . .
. . . . . онъ являлся ей
Съ глазами полными печали . . .

такого выхода—въ любви [215]. Лермонтовъ, слѣдовательно, предварилъ идею, которую де Виньи хотѣлъ-было развить во второй части „Элоа", —идею о великомъ воздѣйствіи чувства любви даже на демоническія натуры. Этимъ Лермонтовъ окончательно очеловѣчилъ демона, и въ такомъ изображеніи демонъ, испытывающій „умиленье", „земное первое мученье и слезы первыя", „позавидовавшій невольно неполнымъ радостямъ людей" [216], сталъ символомъ и какъ бы крайнимъ типомъ неудовлетворенности и тоски людской души, измученной зломъ, какое она встрѣчаетъ въ мірѣ, неудачами и неосуществимостію ея гордыхъ и безграничныхъ порывовъ, невзгодами и собственныхъ отрицаніемъ, души „пылкой",

Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Не знавшей власти надъ собой . . . [217],

но все-таки ищущей утѣшенія въ слѣдованіи голосу сердца и въ мистическихъ упованіяхъ и находящей свѣтлые, хотя и краткіе, моменты отрады въ чувствѣ любви. Любовь эта своимъ идеальнымъ мотивомъ успѣваетъ вызвать отвѣтное чувство даже въ душѣ, удалившейся отъ міра, которой внушаетъ слабую, не отрѣшенную отъ сомнѣнія, надежду на нравственное перерожденіе Демона [218]. Въ этомъ увлеченіи Тамара подобно Мильтоновой Евѣ является представитель-

---

[215] Ср. въ Lay of the Last Minstrel Вальтеръ-Скотта, гдѣ гордость и любовь выставлены, какъ противоположныя и сталкивающіяся душевныя силы. Гордость герцогини должна была смягчиться, и тогда только могла получить свободу любовь ея дочери. Уже въ самомъ началѣ поэмы горный духъ выразилъ идею, проходящую чрезъ все дѣйствіе:

No kind influence deign they (разум. the stars) shower
On Teviot's tide, and Branksome's tower,—
Till Pride be quell'd and Love be free.

„Love is still the Lord of all", говорится далѣе. Высокомѣріе порождаетъ сердечную пустоту, безпокойство, разладъ и вредъ, а любовь приноситъ счастіе. Въ Лермонтовскомъ демонѣ любовь преодолѣваютъ ненависть и злоба: Ш, 65, 85 и 27.

[216] Ш. 53, 76, 98 99 и 29.

[217] Ш, 71 и 90—91.

[218] Самъ поэтъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность для демони-

ницей нѣжнѣйшей женственности, въ ея возвышенныхъ влеченіяхъ не неприступной для обольщеній демонизма. Образъ ея говоритъ преимущественно нашему сердцу, герой же поэмы—Демонъ—ставитъ также интересную загадку нашему уму, выдвигая вопросъ вѣчной важности—объ источникѣ демонизма, свойственнаго человѣческой душѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Демонъ, несмотря на всю красу, какою надѣлилъ его Лермонтовъ, и несмотря на талантливость сообщенной ему обрисовки, все-таки остался нѣсколько шаблоннымъ поэтическимъ образомъ [219]. Онъ не заключаетъ въ себѣ причудливостей и нелѣпостей, въ которыя впадало иногда творчество поэтовъ романтики [220], но, тѣмъ не менѣе, не свободенъ отъ недостатковъ, которые были присущи этому литературному теченію съ его фантастичностію и неопредѣленными страстными порывами. Потому даже Лермонтовскій демонъ, повидимому полный индивидуальности, юношеской горячности и энер-

---

ческой натуры измѣниться къ лучшему. Не вѣрила вполнѣ демону и Тамара (см. выше примѣч. 165). Понимать стихи (III, 24) о Тамарѣ:

То думы радостной волна
Ее охватитъ, и былое
Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
И яснихъ сновъ душа полна.
Тѣснятся въ ней воспоминанья,
Изъ дѣтства ранняго сказанья
Родной и милой старины,

какъ прямое, по мнѣнію г. Висковатова (III, 19, прим. 39), указаніе на преданія, „говорившія о возможности Демона вернуться къ добру", невозможно, потому что эти стихи встрѣчаются только въ одной рукописи, которую г. Висковатовъ считаетъ послѣднею редакціею „Демона" (см. III, прим. 48 на стр. 24), какъ и стихи (III, 28):

Рыщило небо нашу встрѣчу,
Любовь и торжество мое.

[219] См., напр., слова де-Виньи объ образѣ Сатаны: „Quand un contempteur des dieux paraît, comme Ajax fils d'Oïlée, le monde l'adopte et l'aime; tel est Satan, tels sont Oreste et Don Juan".

[220] Правда, инымъ можетъ показаться изображеніе Демона, какъ существа, испытывавшаго въ теченіе нѣкотораго времени порывъ къ возвращенію въ прежнее состояніе душевной гармоніи, противорѣчащимъ основному характеру демонической натуры; но не должно забывать, что Лермонтовъ имѣлъ въ виду выставить въ своемъ Демонѣ преимущественно неудовлетвореніе своимъ существованіемъ, далеко однако отстоящее отъ полнаго раскаянія. Сверхъ того необходимо принимать во вниманіе сходную обрисовку демона у нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ поэтовъ, о которой см. выше.

гіи, въ сущности—общее мѣсто поэзіи, а не живой конкретный образъ, заимствованный изъ ближайшей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи поэму Лермонтова можно назвать вслѣдъ за самимъ поэтомъ „страстнымъ бредомъ“, но только не „безумнымъ“ и не „дѣтскимъ“.

Лишь по мѣрѣ того, какъ талантъ Лермонтова и изученіе имъ жизни становились зрѣлѣе, поэтъ находилъ и болѣе реальные образы и болѣе реальныхъ носителей демонизма и душевной истомы, составляющей „болѣзнь вѣка“, постигшую и Лермонтовскаго демона.

Н. Дашкевичъ.

ОТДѢЛЪ III.

МАТЕРІАЛЫ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

В. СТЕФАНОВИЧА (1697—1773).

Сообщилъ М. В.—Б.

Предлагаемые матеріалы для біографіи Василія Стефановича имѣютъ двоякій интересъ для южнорусской исторіи XVIII в. Они, во 1-хъ, нѣсколько дополняютъ наши очень скудныя свѣдѣнія о коммиссіи составленія свода малороссійскихъ законовъ за время гетманства Дан. Апостола и, во 2-хъ, еще разъ свидѣтельствуютъ о значеніи малороссійскихъ культурныхъ людей въ дѣлѣ насажденія научнаго образованія въ Россіи Петромъ В. и его сподвижниками. Нѣкоторое значеніе имѣютъ для внутренней исторіи Малороссіи и тѣ матеріалы, которые касаются обычной служебной дѣятельности Стефановича въ званіи сотника и полковаго судьи.

Дѣдъ В. Стефановича былъ Гадяцкимъ есауломъ и, убитый при погонѣ за татарами подъ Чигириномъ, былъ погребенъ въ Фастовской церкви. Отецъ—протопопъ Гадяцкій, умеръ въ шведскую „руину“ (т. е. Мазеповскую смуту) „безъ всякаго порока“ (безъ подозрѣнія въ измѣнѣ)“. В. Стефановичъ родился въ 1697 г.; учился сначала въ Кіевской Академіи, а потомъ въ Германіи, Австріи и Италіи; получивъ въ 1722 г. магистерскій дипломъ отъ Бреславльскаго университета, въ 1724 онъ вернулся въ отечество, именно въ Петербургъ, и былъ взятъ сначала къ самому Петру, а потомъ къ Меншикову въ переводчики; по смерти Петра В. участвовалъ въ изданіи въ Ревелѣ книги Ѳеофана Прокоповича о дѣятельности этого государя, затѣмъ совсѣмъ перешелъ къ Прокоповичу и былъ профессоромъ реторики и философіи въ его семинаріи.

Вызванный гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ, онъ въ 1729 г. оставилъ учительство въ семинаріи и былъ опредѣленъ „въ коммисію книгъ правныхъ“ (очевидно, за этимъ его и вызвалъ гетманъ); за тѣмъ произведенъ въ бунчуковые товарищи и назначенъ Лохвицкимъ сотникомъ. Все это произошло въ короткій промежутокъ времени—въ теченіе одного 1729 года и начала 1730; въ коммиссію по составленію свода законовъ онъ былъ назначенъ въ маѣ 1729 г. Между тѣмъ новый сотникъ поселился во своемъ сотенномъ городѣ (гдѣ имѣлъ свой домъ) и долженъ былъ тамъ на мѣстѣ заниматься переводомъ назначенной ему части источниковъ малороссійскаго права; въ дек. 1730 г. ему и другимъ его товарищамъ по коммиссіи двукратно предписано было гетманомъ явиться къ 1 янв. 1731 г. въ Глуховъ, для общаго совѣщанія по своду и редакціи законовъ. Члены коммиссіи, и въ томъ числѣ С—чъ, дѣйствительно, съѣхались во́-время въ Глуховѣ, гдѣ для занятій ихъ былъ отведенъ особый домъ; но, вѣроятно, они тамъ занимались недолго: въ маѣ С—чъ опять былъ уже въ своей сотнѣ, и оттуда вызванъ гетманомъ съ тѣмъ, чтобы отправить его въ Москву съ готовымъ уже переводомъ „правъ“ (о чемъ и самъ онъ заранѣе просилъ гетмана, имѣя свои частныя дѣла въ Москвѣ). Въ іюлѣ онъ отправился въ Москву, а въ сентябрѣ уже возвратился въ Глуховъ и оттуда—въ Лохвицу. Но, очевидно, работа, которую повезъ С—чъ въ Москву, не была окончательною; дѣло не только свода, но и перевода законовъ, продолжалось и потомъ: въ 1732 г. С—чъ долженъ былъ явиться въ Глуховъ съ порученною ему частію перевода; но не явился во́-время и получилъ отсрочку до 1 мая. Въ томъ же году мѣстомъ для засѣданій коммиссіи былъ назначенъ г. Прилуки, какъ болѣе центральный для съѣзда членовъ, и туда вызваны изъ полковъ писцы для работъ коммиссіи. На этомъ прекращаются свѣдѣнія о коммиссіи, сообщаемыя нашими матеріалами.

Въ послужномъ спискѣ своемъ С—чъ говоритъ, что онъ работалъ въ коммиссіи 6 лѣтъ, живя въ Глуховѣ; въ аттестатѣ же о службѣ говорится уже о 8 годахъ его дѣятельности въ коммиссіи; относится ли это свидѣтельство къ первому періоду работъ коммиссіи (1728—34 гг.), когда (какъ мы видѣли) С—чъ не жилъ въ Глуховѣ, а лишь пріѣзжалъ на короткіе сроки, или, быть можетъ, онъ вновь былъ призванъ въ коммиссію (въ 1734—38 гг.)? Въ спискахъ членовъ,

сообщенныхъ Маркевичемъ, въ числѣ именъ, значащихся на окончательномъ экземплярѣ перевода Саксон. Зерцала и Магдеб. права, и въ другихъ спискахъ членовъ коммиссіи, его имени не находимъ [1]). Въ матеріалахъ, собранныхъ А. Ѳ. Кистяковскимъ, имя Вас. Стефанова упоминается лишь одинъ разъ, и это упоминаніе относится къ 1731 г. [2]).

Повидимому, въ первоначальномъ составѣ коммиссіи онъ предсѣдательствовалъ: въ прошеніи, поданномъ въ Коллегію иностр. дѣлъ въ 1731 г., говорится, что онъ „съ товарищи“ уже два года въ Глуховѣ трудится; экономическія дѣла коммиссіи поручаются ему.

Ученый законовѣдъ не избѣжалъ, однако, и военной казацкой службы, совершилъ въ отрядѣ ген. Румянцева походъ подъ Хотинъ; ходилъ и противъ татаръ, когда они вторглись въ Миргородскій полкъ, и отразилъ ихъ за линію.

Съ 1750 г., со смерти Лубенскаго полковаго судьи Павловскаго, С—чъ исправлялъ должность судьи и въ сент. 1751 утвержденъ въ этой должности гетманомъ гр. Разумовскимъ. Скончался онъ въ 1773 г.

Служба его, можетъ быть, была небезупречна (подобно службѣ многихъ его малороссійскихъ современниковъ); въ дневныхъ запискахъ Як. Маркевича отмѣчено, что въ 1733 г., апр. 22, „Лохвицкій сотникъ и писарь его были привезены въ Глуховъ подъ карауломъ“; пожалованныя ему имѣнія въ с.с. Жабкахъ и Ригахъ были отобраны кн. Шаховскимъ.

Вас. Стефановичъ былъ женатъ на Маріѣ Ивановнѣ Гамалѣй, дочери Ивана Михайловича Гамалѣя (по указанію А. М. Лазаревскаго).

---

[1]) См. А. Ѳ. Кистяковскаго: „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ“, стр. 12—13, и Телпченка: „Очеркъ кодификаціи малорос. права“, Кіев. Стар., 1888 г., сентябрь.

[2]) А. Ѳ. Кистяковскій, ibid., стр. 10.

Печатаемые матеріалы составляютъ копіи пол. XVIII в.; они были найдены покойнымъ проф. У—та А. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ и хранятся въ Кіевск. центр. архивѣ.

Сообщилъ М. В.—Б.

I.

„Сказка“ о служебной дѣятельности В. Стефановича, представленная имъ самимъ по требованію гетмана гр. К. Г. Разумовскаго, —14 января 1762 года.

1762 года, генваря 14 дня. За силу его высокородия гп—дна асаула генералного Журавки, в силѣ высокого его графского сиятельства, ясневелможного высокоповелителного гп-дна, гп-дна Малия Россіи, обоихъ сторонъ Днепра и войскъ Запорожских гетмана и разныхъ ординовъ кавалера повелѣнія, в полковой Лубенской канцеляріи полученного ордера, судія полковій лубенскій Василь Стефановичъ в онои полковой канцеляріи сказкою показалъ:

1. Состоитъ ему, Василію Стефановичу, от роду лѣтъ шестьдесятъ пять; [1]) между тимъ, в давнихъ мимошедшихъ годахъ, учился онъ, Стефановичъ, академическихъ учений в Кіевѣ и, окончa тамо философію и богословію, з Кіева отлучась, былъ в Германіи, в Силезіи, Саксонѣи, Моравіи, в Богемѣи—в Пряги, в Австріи—в Виеннѣ, в Италѣи: в Медіалянѣ, в Венеціи и в Римѣ, и в другихъ знатнихъ мѣстахъ, а училъся в разныхъ академіяхъ тамо чрезъ шесть лѣтъ на своемъ коштѣ, для лутшой прислуги отечеству своему, и в цесарской Леопольдинской Вратиславской академіи произведенъ в магистри и учителемъ философіи и наукъ, на что и печатній ему въ 1722 году данъ за цесарскою печатю патентъ, и с оного переводъ сообщаетъ.

2. А в прошломъ, 1724, году, поворотясь, онъ, Стефановичъ, з иностранихъ государствъ, прибылъ в Санктпѣтербургъ к начинав-

[1]) Слѣдовательно, родился въ 1697 году.

шейся тогда тамо академіи, где сперва блженныя и вѣчнославныя памяти государемъ императоромъ Петромъ Великимъ, самодержцемъ всероссійскимъ, взятъ былъ в императорскій дворъ, а оттуду, на прошеніе князя Меншикова, от Его Величества опредѣленъ былъ к Меншикову по дѣлу Сапѣжанскому за должные ему от Сапѣги немаліе денги и за заложенные маетности Гори-Горки и Думбрована,— и протчие; по якому дѣлу з многочисленныхъ писямъ переводъ, а послѣ экстракти дѣлалъ; а потомъ и грамоты от Его Императорскаго Величества на латинскомъ язики писалъ до его высочества короля полского и до Рѣчи-посполитои и оніе грамоти переводилъ же, после чего и тіе маетности под россійское владѣніе были отдани, а дѣло отдано имѣется,—уповаетъ онъ, Стефановичъ,—в іностранныхъ дѣлъ коллегіи; при томъ же дѣлѣ замедлѣлъ онъ, Стефановичъ, даже до преставленія Его Императорскаго Величества от сего временнаго на вѣчное блаженство; а по преставленіи Его Величества, за неимѣніемъ еще тогда при академіи латинской типографіи, посиланъ былъ в Ревель и тамо на латинскомъ языкѣ печаталъ (и в исправки былъ) исторію преставленія и дѣйствъ Его Императорскаго Величества составу архіепископа Ѳеофана Прокоповича; и после, не пожелавъ быть при Меншикову, отлучилъся от двора и былъ при семинаріи у преосвященного Ѳеофана, архіепископа великоновгородскаго, гдѣ и реторики и философіи професcоромъ былъ, и оставилъ по себѣ достойныхъ учениковъ, якіе і в знатные люде произойшли; на тоже и данній от его преосвященства за рукою и печатю его патентъ сообщаетъ.

3. В прошломъ же 1729 году, позванъ будучи отъ покойного гетмана и кавалера Даніила Апостола, в Малую Россію прибылъ и дѣйствително уже в Малой Россіи вступилъ тогда ж в службу и первіе, того 729 году мая 9, указомъ войсковой енеральной канцеляріи опредѣленъ былъ в комисію книгъ правныхъ, а после от оного покойного гп—дна гетмана и кавалера Апостола в томъ же 729 году пожалованъ в бунчуковые товарищи и еще лохвицкімъ сотникомъ, на прошеніе тамошнихъ сотнянъ; да і еще з оного сотництва сіятелнѣйшимъ графомъ высокоповелителнимъ гп—дномъ, гп—дномъ Малія Россіи, обоихъ сторонъ Дніспра и войскъ Запорожскихъ гетманомъ и разныхъ ординовъ кавалеромъ, его сіятельствомъ Кирилломъ Григоріевичемъ Разумовскимъ пожалованъ полковимъ лубенскимъ судіею,

за обикновенними от всего полку Лубенского виборами; в якомъ чину и н-нѣ, онъ Стефановичъ, служитъ; на тіе же свои чини сообщаетъ подлинніе гетманскіе унѣверсали.

4. В тихъ же чинахъ будучи, онъ, Стефановичъ, служилъ по разнимъ нарядамъ и комендираціямъ, в походахъ: одномъ кримскомъ, а другомъ под Хотѣнемъ, под командою генерала Румянцова, у Днѣпра, за Переясловлемъ, при закритіи границъ; да проти Татаръ с тисячу команди былъ, когда они зѣмою были вторгнули в Миргородский полкъ и тогдаж прогнани на линѣи; откудѣ и позванъ былъ в Глуховъ, в коммисію книгъ правнихъ.

5. При той коммисіи книгъ правнихъ служилъ чрезъ шесть годъ, живучи в Глуховѣ.

6. Былъ же еще от покойного гетмана и кавалера Апостола опредѣленъ в главний комисариятъ і в ономъ служилъ при исправки комисарскихъ дѣлъ и при слѣдствіи об обидах в Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ, и содерживалъ самъ одинъ весма затрудненную тогда щетную коммисію, и тихъ полковъ полковихъ и сотеннихъ комисаровъ, ездячи по сотнямъ, за три года считалъ.

7. В 1731 году посиланъ былъ за войсковими нужними дѣлами до двора Ея Императорскаго Величества в Москву, в иностранних дѣлъ Коллегію; в якомъ походѣ и службѣ промедлѣлъ осмъ м-цей.

8. Сверхъ же того, в непрестаннихъ коммисіяхъ разних безпереривно служилъ, а іменно: 1) в розграниченіи полку Миргородского с Лубенскимъ; 2) в розграниченіи полку Лубенского с Гадяцкимъ; 3) за Днѣпромъ в коммисіи Глинской и Цибулевской, и Криловской, с бунчуковимъ товарищемъ Иваномъ Остроградскимъ і войсковимъ канцеляристомъ Базилевичемъ; 4) в полку Прилуцкомъ по дѣлу бывшого фелдмаршала Миниха за спорние земли между Ярошовкою и Карпиловкою и за границю Прилуцкого полку; 5) в коммисіи Хоружевскои за спорние землѣ с Недригайловцами и Смѣлянами; 6) в коммисіи Смѣлянскои за спорние землѣ козаков с монастыремъ Печерскимъ; 7) в коммисіи Роменской и Коровинской; 8) в коммисіи Бубновской и Мокіевской; 9) в коммисіи Глинской и Перекоповской; 10) на слѣдствіи о смертномъ убійствѣ и зажигательствѣ в селѣ Голѣнцѣ; 11) в коммисіи Сенчанскои дважди; 12) в коммисіи Оржицкой по дѣлу Славуя; 13) в коммисіи по дѣлу Мартосювъ в селѣ Івахникахъ; 14) в коммисіи Горошинской; 15) в ком-

мисіи за Глуховомъ, в селѣ Сопѣчахъ, за спорние землѣ между покойнимъ гетманомъ и кавалеромъ Апостоломъ и генералнимъ асауломъ Мануйловичемъ, былъ с тогдашнимъ генералнимъ асауломъ Лисенкомъ; і в другихъ меншихъ многочисленнихъ коммисіяхъ онъ, Стефановичъ, служилъ, якихъ всѣхъ и писать былоби много, да и спомнѣть обо всѣхъ за давность времены не можетъ; на вышепоказанние же свои службы онъ, судія Стефановичъ, и писменние види, якіе не сгорѣли, сискатся могли, самие подлинние сообщаетъ, а другіе во время пожара сгорѣли и ростаскани между другимъ его, Стефановича, имуществомъ; ибо в Лохвицѣ жилой его домъ трожди сгорѣлъ, однакож о вышепоказаннихъ его, Стефановича, службахъ и сама полковая Лубенская канцелярія засвидѣтельствовать можетъ з самихъ ея опредѣленій и нарадовъ, якож такіе комендираціи з болшой части от онои полковой канцеляріи произходили.

9. Между тими же его, Стефановича, службами з опредѣления полковой Лубенской канцеляріи, за неімѣниемъ тогда еще настоящого судіи, онъ же, Стефановичъ, і в полковой канцеляріи при правленіи колодничих и челобитческих дѣлъ служилъ по 751 годъ.

10. В прошломъ же 751 году, онъ, Стефановичъ, пожалованъ от его ясневелможносги, какъ вышей значиться, судіею полковимъ лубенскимъ, в томъ уже чину безотлучно при полковой резиденціи служитъ чрезъ одинадцять лѣтъ, не точию при правленіи судовихъ, колодничихъ и челобитческихъ дѣлъ, но при правленіи ежечасто полковой канцеляріи, какъ о томъ и самои генералнои канцеляріи небезизвѣстно есть з репортовъ и доношеній, отъ полковои канцеляріи посилаемихъ.

11. Онъ же, судія Стефановичъ, з отца, дѣда и прадѣда малоросіецъ; и его дѣдъ Тихонъ былъ полковій гадяцкій асаулъ и, вѣрно высокомонаршому Россійскому престолу служачи, не щадя живота своего, в погонѣ татаръ, неподалече от Чигрина, убитъ от них и привезенъ до Хвастова, в тамошній церквѣ погребенъ далече еще до шведской руини, а в коемъ году, онъ, Стефановичъ, за давностію знать не можетъ, а только тое слихалъ от отца своего и родного дяди, обозного генералного Якова Лизогуба; отецъ же его, Стефановича, былъ протопопъ гадяцкій, и в самую шведскую руину безвсякаго порока умре; да онъ же, Стефановичъ, и в близкомъ сред-

ствѣ находится с домомъ Лизогубовскимъ и Гамалѣевскимъ, в коихъ обоихъ домахъ и высокомонаршие грамоты имѣются на дворянство.

Судія полковій лубенскій Василь Стефановичъ.

II.

Дипломъ, полученный В. Стефановичемъ отъ философскаго факультета Бреславскаго университета,—3 іюля 1722 г.

Деканъ преславнаго факултету филозофскаго в преславномъ цесарскомъ и королевскомъ унѣверситетѣ Леополинскомъ Вратиславскомъ, езуицкомъ.

Отездя от насъ благородній и ученѣйшій гп—днъ Василій Стефановичъ, волнихъ наукъ и философіи магистеръ, похвалнимъ обикновеніямъ бывшаго его у насъ житія и ученій своихъ писменнаго свидѣтельства требовалъ; справедливому прошенію довлетваря и в дорогой цѣнѣ нами держимую добродѣтель и другимъ за слушность рекоммендуя, симъ свидѣтельствуемъ, что онъ в преславномъ университетѣ Леополинскомъ Вратиславскомъ, в филозофскихъ ученіяхъ, яко высочайшое достоинство филозофское, между первими первій получить заслужилъ, такъ и трудился съ превосходителними талентовъ его рекомендациями; для того достойнаго его аттестуемъ во всякомъ унѣверситетѣ допустить к богословскимъ ученіямъ; к тому же сакраментовъ (sic) и добродѣтелей и нравовъ, якіе от академій требуються на образъ другимъ, постоянно всецѣлое изъявилъ правителямъ удоволство; для того добродѣтелми и ученіемъ премного намъ себе, а черезъ насъ и другимъ учинилъ похвали достойнимъ, чего во вѣрность и сей патентъ, чина нашего печатю притисненній и собственною рукою нашею подписанній, ему данъ въ Вратиславѣ 3 дня м-ця іюля 1722 года.

Подлинній печатній подписано тако: Петръ Гордесъ, от соціетату езуитовъ факултету филозофскаго деканъ.

У сего патента болшая цесарская печать. (М. П.).

III.

Увольнительное свидѣтельство отъ должности учителя гимназіи, выданное В. Стефановичу архіеп. Θеофаномъ Прокоповичемъ,—11 января 1729 г.

Отпущенъ от насъ сего обявитель, Василей Стефановичъ, по его желанію, которой отъизжая просилъ насъ о свободномъ себѣ абшитѣ

со свидѣтельствомъ бывшаго ево при насъ жытия и службы; и мы на его прошение симъ обявляемъ, что служилъ онъ при насъ в домовой собственной нашей гимназіи учителемъ в реторикѣ и философіи и жилъ съ 724 по нынѣшній 729 годъ во всемъ своемъ правленіи честно, постоянно и неподозрительно, чего для ему, Стефановичу, и сей абшитъ от насъ, за подписаніемъ руки нашей, в Москвѣ данъ 1729 года генваря 11 дня.

На подлинномъ тако: Смиренній Ѳеофанъ, архіепископъ Великого Новаграда и Великихъ Лукъ.

У сего абшита, в вѣрное свидѣтельство, при подписаніи руки нашей, печать приложена (М. П.). Въ книгу записанъ № 9.

IV.

Приказъ гетм. Д. Апостола о назначеніи В. Стефановича въ число лицъ, которымъ порученъ переводъ законовъ нарусскій языкъ,—12 мая 1729 г.

П-не Стефановичъ! Поневажъ опредѣленъ в.м—сть отъ насъ для переводу, по указу Е. В., книгъ правнихъ на русскій язикъ, того ради в.м-сти при ономъ переводѣ быть и, якъ надлежитъ, з протчими опредѣленними особами полѣценное дѣло исправлять приказуемъ.

З Глухова мая 12 дня року 1729.

На подлинномъ тако: в.м-сти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Данило Апостолъ.

V.

Универсалъ гетм. Данiила Апостола объ опредѣленіи В. Стефановича бунчуковымъ товарищемъ,—6 нояб., 1729 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола [1]). Всѣмъ, кому би о томъ вѣдати надлежало, а особливе п-ну полковниковѣ, нынѣ наказному, а впредь совершенному гадяцкому, п.п. старшинѣ полковой тамошней и сотникамъ ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ п-нъ Василій Стефановичъ чрезъ суплѣку свою просилъ насъ, абисмо, его

---

[1]) Здѣсь и далѣе мы опускаемъ длинный и многословный титулъ гетмана.

под нашу протекцію и оборону принявши, велѣли ему службу войсковую отправовать под бунчуковымъ знакомъ. Мы прето, гетманъ, прошеніе его, п-на Василія, принявши, вѣдаючи-же ку таковой службѣ згодность и способность, окриваемъ его нашею гетманскою протекціею и под бунчуковымъ главнимъ нашимъ гетманскимъ знакомъ службу войсковую отправовать ему опредѣляемъ; за симъ, вѣдаючи о такой волѣ нашой, п-нъ полковникъ гадяцкій, нынѣ наказный, а впредь совершеній, п.п. старшина полковая, абы нѣвчомъ до него не интересовались; еслибы кто к нему имѣлъ якую претенсию, тотъ искалъ би у насъ, гетмана, з него суда и сатисфакціи, кромѣ поточнихъ справъ и маловажнихъ, упоминаемъ и рейментарско приказуемъ.

Данъ въ Глуховѣ ноября 6 д. 1729 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

VI.

Универсалъ гетм. Дан. Апостола о командированіи В. Стефановича въ полки Полтавскій, Гадяцкій и Миргородскій для ревизіи доходовъ и расходовъ,—5 декабря 1729 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола.—Панамъ полковникамъ: полтавскому и наказному гадяцкому, также п-намъ управляющимъ в полку Миргородскомъ и тихъ полковъ п-намъ старшинѣ полковой, сотникомъ, а особливе коммисарамъ полковимъ и сотеннимъ тамошнимъ и всѣмъ, кому би колвекъ о томъ вѣдати надлежало, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ учинилося намъ извѣстно, что комисаре означеннихъ Полтавского, Гадяцкого и Миргородского полковъ, полковие и сотенние, непропорціоналнимъ на консистентовъ провіянту и фуражу опредѣленіемъ и переборами людямъ чинятъ обиди и отягощения, якихъ переборовъ на нихъ немало взискатися можетъ, од чого обивателѣ поносятъ обиду и разоренне; теди в оній Полтавскій, Гадяцкій и Миргородскій полки ординовалисмо бунчукового товариша, п-на Василия Стефановича, которому, яко полѣцилисмо од вишеозначеннихъ комисаровъ полковихъ и сотеннихъ за прошедшіе и настоящій годи, сколко на тіи полки якихъ порознь опредѣлено было консистентовъ и сколко на оние, в якомъ полку и сотнѣ видано, на

которие м-сцѣ и годы, натурою-ль или денгами порцій и рацій, и по якимъ квитанциямъ, взять щотъ, и праведное-ль од нихъ везде было чинено в опредѣленіи консистентовъ расположенне и не было-ль где якого излишнего перебору, подлинно зревѣдовать и, все тое порядочно с обстоятельствомъ на писмѣ спорадивши, за рукою намъ подать ведомость; такъ же приказуемъ, абы кого онъ, п-нъ Стефановичъ, к полѣценному его дѣлу для подлинного о томъ изслѣдования востребуетъ, всякъ, а барзѣи комисаре полковие и сотенние, пред нимъ чинили сознаніе по самои сущой истиннѣ, нѣчего не утаевая; а п-нове полковники полтавскій и наказній гадяцкій, такъ же п-нове управляющіе в полку Миргородскомъ з п-нами старшиною полковою и сотниками свѣдчили ему, п-ну Стефановичу, надлежащое по его требованію в томъ полѣценномъ дѣлѣ помоществование, безъ противности и ослушания, приказуемъ; тутже докладаемъ, абы онъ же, п-нъ Стефановичъ, будучи в полкахъ у тои ревизіи, подлинно освѣдомилъся, не імѣется ли и од великороссійскихъ консистентовъ в переборѣ и в протчемъ обивателямъ якихъ обидъ, и, о томъ взявши такъ од коммисаровъ, яко и од самихъ тихъ, хто обиду имѣетъ, з якимъ доказательствомъ извѣстие, далъ намъ знати, предлагаемъ.

Данъ в Глуховѣ декабря 5 д. року 1729.

В подлинномъ тако: Звышеменованній гетманъ рукою власною (М. П).

VII.

Универсалъ гетм. Дан Апостола объ опредѣленіи В. Стефановича сотникомъ въ Лохвицу,—10 іюля 1730 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ п-ну полковниковѣ лубенскому з старшиною полковою, сотникомъ и всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежат иметъ: понеже в полку Лубенскомъ в сотнѣ Лохвицкой совершенного сотника нѣтъ, а от сотнянъ тамошнихъ подана намъ челобитная, за подписаниемъ войскового товариства и мѣщанъ, чтоб опредѣлить имъ совершенного сотника с кандидатовъ трохъ, ими вибраннихъ, а имено: п-на Василия Стефоновича, бунчукового товарища, да з козаковъ тамошнихъ Романа Яковлева и Петра Терещенка; того ради, по усмотрѣнію нашомъ, по прошенію атамановъ, товариства и мѣщанъ, яко з помя-

нутих трох кандидатовъ п-нъ Василій Стефановичъ в сотню Лохвицкую сотникомъ от нас опредѣленъ, и в томъ чину на вѣрность Е. И. В. виконалъ тутъ в Глуховѣ присягу, такъ по силѣ данной намъ высокомонаршой Е. И. В. жалованной грамотѣ, имѣючи власть всякіе воинскіе и гражданскіе в Малои Россіи устроевать порядки, его жъ, п-на Стефановича, на томъ сотничества Лохвицкого урядѣ властию нашою гетманскою утверждаемъ и чрезъ сей нашъ унѣверсалъ предлагаемъ, абы помянутой сотнѣ Лохвицкой атамания и товариство, его, п-на Василия Стефановича, знаючи за своего комендира, отдавали ему честь и послушание с обикновеннимъ повиновениемъ; онъ же взаемне долженъ з ними сотнянами своими обходитися чинно и порядочно, доволствуючи каждого въ нуждѣ его слушною росправою и сатисфакціею безобидно. Того ради и короговъ сотенную вручить ему при собрании товариства приказуемъ.

Данъ въ Глуховѣ юля 10 д. 1730 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

VIII.

Письмо полковника лубенскаго Петра Апостола къ В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, по дѣлу о раздѣлѣ крестьянъ между Криштоповичемъ и его мачихою,—1 декабря 1730 г.

Мой зичливій приятелю, пане сотнику лохвицкій! В дѣлѣ сотника сенчанскаго пана Івана Криштоповича з мачехою его, якая посилается до в.м. инструкция, по той в подѣлѣ имѣете управитись; а хотя в оной інструкціи в третомъ пунктѣ показано, что и изъ людей деревнѣ Лучки удѣлить мачесѣ сотниковой третую часть, однакъ, понеже и самому п-ну сотнику означенной деревни люде не крѣпки, ибо на оные унѣверсалу гетманского не імѣется, по дѣлу чинить предлагаемъ и за тимъ в.м. зичимъ здравствовать.

Данъ въ Лубняхъ 1730, 1 декабря.

На подлинномъ тако: В.м. зичливій приятель, Е. И. В. войска Запорожскаго полковникъ лубенскій Петръ Апостолъ.

IX.

Приказъ гетм. Д. Апостола В. Стефановичу явиться къ 1 янв. 1731 г. въ Глуховъ для перевода и свода Малороссійскихъ законовъ, —2 декабря 1730 г.

П-не сотнику лохвицкій! Сего декабря 1-го д. 1730 году получили ми предостойнѣйшую высокомонаршую Е. И. В., з коллегіи иностранныхъ дѣлъ присланную к памъ, грамоту, в которой изображено, что ежели малороссійскіе права, названние Маидебурскіе да Саксонскіе статути, на славянскій языкъ непереведени и из трехъ въ едно не сведени, то приказать бы намъ кому из духовнихъ и свѣцкихъ то дѣлать без упущенія времени с прилѣжаниемъ, о чомъ прошлого 1729 году из Святѣйшаго Правительствующаго Синоду к духовной власти указами особенно писано, и, какъ скоро возможно, то здѣлавъ, прислать в Москву и въ Коллегию иностранныхъ дѣлъ, намъ писать. Того ради якъ до прочихъ персонъ, для переводу и своду книгъ опредѣленнихъ, послани наши укази, такъ и до в. м-сти пишучи пилно предлагаемъ, абись в. м., по силѣ оной высокомонаршой грамоты и по двократкому указу нашому для означенного переводу и своду, приездилъ в Глуховъ слѣдующаго январія на первое число пребудущого 1731 году всеконечне, без жаднихъ одговорокъ, даби, за неприездомъ в.мстинимъ, в томъ дѣлѣ не учинилась остановка. А если би не імѣлъ в.м. на означенное число приехать, то нарочніи от насъ послани будутъ и з безчестием в. м-ти сюда припроводятъ, где, за припровоженіемъ его сюда, и убытки тимъ, которіе, к томужъ переводному дѣлу означены, завременно в Глуховъ прибудутъ, без битности в.м. тутъ станутъ жить и напрасно убиточаться, пополняти будешъ, обявляемъ.

З Глухова декабря 2 дня 1730 году.

На подлинномъ тако: В.м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гет. Данило Апостолъ.

X.

Повторительный приказъ гетм. Д. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ для занятій по своду и переводу законовъ къ назначенному сроку,—13 декабря 1730 г.

П-не сотнику лохвицкій! Сего декабря 2 дня 1730 году, по силѣ высокомонаршой Е. И. В. з Коллегіи іностранныхъ дѣлъ к намъ

присланной грамоти, писано от насъ до В.м., даби для переводу и своду книгъ правнихъ приѣздилъ в Глуховъ слѣдуючого января на 1 число предъидущого 1731 году всеконечно, без жадних отговорокъ, чтобъ, за неприездомъ в.м-ти, намъ в томъ дѣлѣ не учинилося остановки. А если би не імѣлъ на означенное число приехать, то нарочніи от насъ посланни будутъ, где, за припроваженіемъ его сюда, и убитки тимъ, которіе, к томужъ переводному дѣлу опредѣлени, завременно в Глуховъ прибудутъ и станутъ жить, и напрасно убиточиться, пополняти мѣетъ. Такъ и теперь, повторне до в.м. пишучи, предлагаемъ, абысь в.м. для означеннаго переводу и своду книгъ правних к означенномужъ числу приездилъ в Глуховъ непремѣнно, ибо сегожъ декабря 10 дня и его сиятельство г-днъ генералъ маіоръ сенаторъ и кавалеръ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской к намъ писалъ и требовалъ по вышепоказанной высокомонаршой грамотѣ исполнения немедлено.

З Глухова декаврия 13 д. 1730 году.

На подлиномъ тако: В.м-сти ласкавій Е. И. В. войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Данило Апостолъ.

XI.

Приказъ гетм. Дан. Апостола сотникамъ: глуховскому, кролевецкому, воронежскому и новомлинскому, чтобы посполитые ихъ сотенъ доставляли дрова для отопленія дома, отведеннаго для засѣданій коммиссіи свода законовъ,—9 января 1731 г.

Обычный титулъ гетмапа Д. Апостола. П-мъ сотникамъ: глуховскому, кролевецкому, воронежскому и новомлинскому, з ихъ урядами объявляемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: понѣже в опредѣленномъ для своду по указу Е. И. В. книгъ правних дворѣ на отопление избъ дровъ не имѣетъся; того ради, аби вышеозначение п.п. сотники з своихъ сотенъ приказали посполитими людми, в онихъ сотняхъ найдуючимися, дровъ, что потребно будетъ, до двору нашого Бѣлополовскаго, которій для оного своду правних книгъ опредѣленъ, вистатчити, и впредь до окончания того дѣла вистатчать и отдавать в томъ дворѣ сотниковѣ лохвицкому п-ну Василію Стефановичу, которій при вышеозначенномъ же переводѣ и сводѣ правних книгъ найдуеться.

Данъ в Глуховѣ генвара 9 дня 1731 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ рукою власною (М. П.).

XII.

Приказъ гетм. Данила Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ для отправки его въ Москву съ переводомъ законовъ,—9 мая 1731 г.

Пане сотнику лохвицкій! За полученіемъ сего нашего указу приказуемъ, абись в.м., всѣ свои домашние оставивши забави, якъ найскорѣй приездилъ к намъ в Глуховъ, отколь мѣстъ выправленъ быть до двору Е. И. В. с переводомъ части правнихъ книгъ, в Москву, понеже в.м. и самъ просилъ насъ, чтобъ ми чрезъ в.м-сти оній переводъ послали, при чемъ би и собственное свое дѣло могль в.м. тамъ, в Москвѣ, исправити; якое в.м.-тино немедленное прибитие и повторе пилно приказуемъ.

З Глухова мая 9 д. 1731 году.

На подлинномъ тако: В.м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостолъ.

XIII.

Паспортъ, выданный гетм. Даниломъ Апостоломъ В. Стефановичу при отправленіи послѣдняго въ Москву,—16 іюля 1731 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Обявляемъ симъ нашимъ пашпортомъ почтеннимъ господамъ воеводомъ, коммендантамъ и всякого чину в городахъ и селахъ великороссійскихъ, такожъ на заставахъ команду имѣючимъ, и всѣмъ, кому бы о томъ вѣдати надлежало, ижъ сотника лохвицкаго Василія Стефановича, отправившагося в дѣлахъ войсковихъ, проводяться на двохъ возахъ в Москву естние и питейние припаси, и даби в городахъ и селахъ великороссійскихъ тие припаси безъ задержания пропущано. Чего ради во увѣреніе, за рукою нашею гетманскою и печатю войсковою, сей пашпортъ данъ в Глуховѣ іюля 16 д. 1731 году.

На подлиномъ тако: Звитменованній гетманъ и кавалеръ рукою власною (М. П.).

XIV.

Паспортъ, выданный гетм. Даниломъ Апостоломъ В. Стефановичу, возвратившемуся изъ Москвы и ѣдущему въ Лохвицу,—18 сентября 1731 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Старшинамъ реймепту нашого, в городахъ и селахъ по тракту от Глухова до Лох-

вицъ обрѣтаючимъся, и всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежит иметь, симъ нашимъ ознаймуемъ пошпортомъ, ижъ прибувшій з Москви панъ Василій Стефановичъ, сотникъ лохвицкій, которій туда посиланъ былъ в войсковихъ дѣлахъ, простуетъ в домъ свой в Лехвицю, которому въ томъ пути дабы давано было подводъ чотири с проводникомъ безъ всякого задержания, приказуемъ.

Данъ в Глуховѣ сентеврия 18 д. 1731 году.

На подлинномъ тако: Звышменованній гетманъ и кавалеръ рукою власною (М. П.).

На оборотѣ листа читаемъ: „Свидѣтействовали: Обозній полковій Василь Кулябка. Писарь полковій Іаковъ Корнѣевичъ. Канцелярістъ Григорій Бѣлашъ.

XV.

Приказъ гетм. Дан. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, немедленно явиться въ Глуховъ съ тою частію книгъ законовъ, которая ему была поручена для перевода,—9 марта 1732 г.

П-не сотнику лохвицкій! Прошлого 1731 году, сентеврія 19 и октоврія 16 чиселъ, писано от насъ до опредѣленнихъ персонъ для переводу и своду книгъ правнихъ, дабы они означенние себѣ части, не опуская ничего, переводили не скоро и легко, но прилѣжно и весьма тщательно, а переведши привозили би в Глуховъ на срокъ другои недели настоящаго Великого поста для исправки и аппробаціи общей; а понеже и по сее время з о предѣленними имъ книгъ правнихъ частми они не поприездили в Глуховъ,—того ради поновително имъ сего на датѣ положенного числа от насъ писано, даби, за полученіемъ нашего указу, з означенними имъ книгъ правныхъ частми приездили в Глуховъ немедленно, где и В.м-сти з опредѣленною тихъ книгъ частию, для аппробаціи и своду онихъ книгъ вскорѣ надлежитъ быти; сего ради, абись, по полученіи сего указу, с тоею себѣ опредѣленною для переводу книгъ правнихъ частію, а барзѣй для аппробаціи и своду оних, приездилъ в Глуховъ со всякимъ поспѣшениемъ, пилно предлагаемъ.

З Глухова марта 9 1732 году.

На подлинномъ тако: В. м-ти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостолъ.

XVI.

Приказъ гетм. Дан. Апостола В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, явиться въ Глуховъ къ 1 мая (1732 г.) съ порученною ему для перевода частію законовъ, для общей справки ихъ, подъ угрозою штрафа за неявку,—17 марта 1732 г.

Пане сотнику лохвицкій! Писали ми ордерами пред симъ трикратне якъ до прочіихъ персонъ, которимъ для переводу и своду вручены части правнихъ книгъ, такъ и до в.м-ти, дабы оных книгъ правнихъ части опредѣленніе, со всякимъ тщательствомъ и с прилѣжностію переведши, привозили для общей справки до Глухова на термѣнъ минувшей другой недѣли сего Великого поста; а понеже по сее время по тимъ ордерамъ з ними переводними показанние для переводу опредѣленние персоны в Глуховъ не явились,—того ради мы, для наступающихъ святъ воскресенскихъ, тотъ приездъ всѣхъ онихъ персонъ отложивши до прійдучого м-ца мая 1 числа, (приказуемъ, абы) приездилъ в Глуховъ непремѣнно, на который срокъ и протчіимъ з ними переводамп персонамъ приездить велѣлисмо; а не імѣлъ бп в.м. на тое число сюда стать и переводъ свой привозить, за то в.м. останешся въ штрафѣ и в отвѣтствію, понеже то предлежитъ исполнить по указу Е. И. В., о что и повторе пилно упоминаемъ.

З Глухова марта 27 д. 1732 году.

На подлинномъ тако: В.м-сти ласковій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра гетманъ и кавалеръ Данило Апостолъ.

XVII.

Паспортъ, выданный гетм. Дан. Апостоломъ Стефановичу для проѣзда въ Прилуку, гдѣ, ради близости съѣзда, назначено засѣданіе коммиссіи по переводу и своду законовъ,—7 іюля 1732 г.

Обычный титулъ гетмана Д. Апостола. Старшинамъ рейменту нашого, в городахъ и селахъ обрѣтающимъся, объявляемъ симъ нашимъ пашпортомъ: понеже по указу нашомъ велено переводъ и сводъ книгъ правнихъ опредѣленнимъ к тому персонамъ сочинять ближайшого ради съѣзду в городѣ Прилуцѣ, того ради, аби сотниковѣ лохвицкому, п-ну Василію Стефановичу, едучому нынѣ з Глухова в полкъ

Лубенскій в городъ Лохвицю в домъ свой, а из дому его до Прилуки, и изъ Прилукъ в Глуховъ, если случай позоветъ, либо и в домъ к стамъ и оттуду возвратно в Прилуку, покамисть означенное дѣло окончиться, везде давано згродскихъ и уездныхъ подводъ чотири и козака в проводники, приказуем.

Данъ в Глуховѣ июля 7 д. 1732 году.

На подлиномъ тако: Звышменованный гетманъ и кавалеръ рукою власною (М.П.).

XVIII.

Увѣдомленіе гетм. Д. Апостола о томъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о присылкѣ писцовъ въ Прилуку, куда должны съѣхаться Стефановичъ и его товарищи, назначенные для перевода законовъ,—16 октября 1732 г.

Пане сотнику лохвицкій! Листомъ своимъ, сего октовр. 13 д. к намъ присланнимъ, пишешъ в.м. обявляючи, что время тое надходитъ, которого по указу нашему надлежитъ в.м. с товариши своими на срокъ подлугъ росписокъ в.м-тей ѣхать в Прилуку для повѣренного в.м-темъ дѣла; того для требовалъ в.м., даби от нас предложено было до п.п. полковниковъ о присилки писцовъ з добрими характерами в Прилуку, а найпаче тѣхъ, о которихъ в.м. в нашу войсковую Генералную канцелярію реестръ подалъ, на что предлагаемъ, что еще минувшаго августа 11-го предложено от насъ указомъ до п.п. полковниковъ, дабы они, не ожидая повторного от насъ указу, на якій срокъ ви мѣли востребовать, присилалъ бы всякъ съ п.п. полковниковъ двохъ писцовъ добрихъ з чистими характерами для переписки переводнаго дѣла, з харчевимъ припасомъ в Прилуку без умедлѣния; однакъ и теперь по требованію в.м-стиному в подтвержденіе до п.п. полковниковъ о присилки в Прилуку писцовъ, в реестрѣ в.м-стиномъ написанних, предложено.

З Глухова октября 16 д. 1732 году.

На подлинномъ тако: В.м-сти ласкавій Е. И. В. войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ Данило Апостолъ.

XIX.

Письмо лубенскаго полковаго судьи Семена Максимовича къ В. Стефановичу, сотнику лохвицкому, по дѣлу Роменскаго протопопа Павла Свѣта,—23 мая 1739 г.

М-цѣ пане сотнику лохвицкій, мой велце м-цѣвій пане свате и благодѣтелю! Пречестній отецъ протопопъ роменскій Павелъ Свѣтъ подалъ в полковую Лубенскую канцелярію под превысочайшимъ Е. И. В. именемъ челобитную на значкового полку Лубенскаго товарища Даніила Савоиска и его сыновъ в многихъ починеннихъ ему обидахъ, гвалтахъ и о протчемъ, з прилѣжнимъ словеснимъ прошеніемъ о учиненіи по тому челобитю безъволокитного слѣдствия и по силѣ правъ малороссійскихъ рѣшенія: а понеже, за нынѣшнею старшини и значковихъ товарищей в походъ отлучкою, оного слѣдствия весма поручить надежному нѣкому, мнѣ же самому, оставя многочисленнихъ в полковой канцеляріи дѣлъ, отлучиться никакъ не мощно; того ради велце прошу в.м. и пана, для прилѣжнаго его пречестности прошения, не отрекъ съехать в Хмелевъ и, пригласивъ к себѣ в присутствие значковаго товарища Ивана Залюбовского да суда полкового Лубенского писара Ѳедора Дергая, к которымъ о томъ посланы ордери, учинить о показанніхъ обидахъ, гвалтахъ и побояхъ с надлежащимъ обстоятельствомъ слѣдствіе, а по слѣдствію, если мощно будетъ, въ силѣ правъ рѣшение; если же оного рѣшенія зачимъ учинить будетъ не мощно, то, приложа мнѣние, прислать оное в полковую канцелярію; означенная же челобитная его пречестности, тако ж протести на ратушъ роменскую, якъ от его пречестности, такъ и от атамана Хмелевской сотнѣ великобубновскаго, поданние, и потому чиненное слѣдствіе, и осмотръ, бывшій в ратушу роменскомъ, над побитими от пана сотника роменского, в полковую канцелярію при писмѣ присланние, при семъ к в.м. м. пану сообщаю для оппроціи и за тѣмъ остаюсь по всегдашнему (в подлинномъ тако:) в.м. м. пану всезичливій сватъ и слуга судия Семенъ Максимовичъ.

Мая 23 д. 1739 году. Лубнѣ.

XX.

Универсалъ гетмана гр. К. Г. Разумовскаго о назначеніи В. Стефановича лубенскимъ полковымъ судьею,—14 сентября 1751 г.

Обычный титулъ гр. К. Г. Разумовскаго. Г-подамъ генералной

малороссійской старшинѣ, полковникамъ, а особливе полковнику лубенскому, старшинѣ полковой, сотникамъ того полку з урядами и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ унѣверсаломъ обявляемъ: пред симъ, по імѣвшомуся извѣстію, что судия полковій лубенскій Андрей Павловскій прошлого 1750 году декабря 20-го умре,—по данному от насъ генералной войсковой канцеляріи ордеру, в ту суддейства полкового лубенского должность от оной генералной канцеляріи опредѣленъ отставній лохвицкій сотникъ Василь Стефановичъ, до избрания на оное лубенское суддейство подлугъ правъ и малороссійскихъ обыкновеній кандидатовъ; а нынѣ, понеже полковникъ лубенскій з старшиною полковою и сотниками допошениемъ намъ представили, то по силѣ высокомонаршихъ указовъ, прежнимъ примѣромъ и обыкновеніемъ и общимъ согласіемъ, в тотъ суддейства полкового чинъ вибрали кандидатовъ з людей добрихъ, заслуженнихъ, в вѣрности неподозрителнихъ и того чина достойнихъ, показанного сотника Стефановича да пирятинскаго сотника Григория Корнѣевича, и что оніе того чина достойни, об опредѣленіи з ихъ едного в тотъ суддейства полкового чинъ просили нашего разсмотрения; для того мы, из онихъ представленнихъ намъ кандидатовъ усмотря быть того суддейского чина достойнимъ правившаго у судейства должность сотника Василя Стефановича, по данной намъ от Е. И. В. власти, опредѣляемъ упомянутого Стефановича в полкъ Лубенскій настоящимъ полковимъ судіею, симъ нашимъ унѣверсаломъ повелѣвая притомъ, дабы полковникъ лубенскій, старшина полковая, сотники того полку и значковие товариши и всѣ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, о такомъ нашемъ опредѣленіи вѣдая, оного Стефановича за настоящаго судію полкового признавалы и почитали; онъ же, судія полковій лубенскій Стефановичъ, в томъ чину суддейства полкового лубенского будучи, полковнику тамошнему, яко командиру своему, имѣетъ быть послушнимъ, а в должности своей поступать и исправляться радѣтелно и справедливо, доволствуя всякаго в судних дѣлахъ в силѣ малороссійскихъ правъ надлежащею и безволокитною росправою; чего во утверждение и сей нашъ унѣверсалъ з подписомъ нашимъ и при печаты національной ему, судіи Стефановичу, дать повелѣли; а оній Стефановичъ в томъ чину на вѣрность Е. И. В. к присяги зде приведенъ.

Данъ в Глуховѣ 1751 году сентября 14 д.

Оригиналній подписанъ тако: Гетманъ графъ К. Разумовскій (М.(національной)П.).

XXI.

Аттестатъ о безпорочной службѣ В. Стефановича, выданный ему изъ полковой Лубенской канцеляріи,—18 марта 1752 г.

Судия полковій лубенскій Василій Стефановичъ поданнимъ въ 1752 г. в полковую Лубенскую канцелярію доношеніемъ представилъ, что служитъ онъ уже двадцать чотири года и по всякимъ указнимъ нарядамъ отправлялъ службы, якъ в чину сотничества и бунчукового товариства, такъ и н-нѣ в чину полкового судейства вѣрно и радѣтелно, былъ же в коммисіи книгъ правнихъ при переводѣ и сводѣ ихъ чрезъ осмъ годъ на своемъ коштѣ въ Глуховѣ неисходно; за частими же указними нарядами чрезъ все вышеупомянутое время мало когда и в убогомъ его домишку обреталъся, ибо и за войсковыми общенародними дѣлами отправленъ былъ от покойного г-пдна гетмана и кавалера Апостола к двору Е. И. В. в иностраннихъ дѣлъ Коллегію, прожилъ немалое время в Москвѣ на своемъ же коштѣ, а особливо и в главномъ коммисаріятѣ трудилъся не мало, о чемъ всемъ и Генералной войсковой и полковой Лубенской канцеляріямъ не безвѣстно; и до того трудилъся в обученіи честнихъ наукъ чрезъ лѣтъ шестнадцять, в томъ числѣ и в Германіи и в Италіи прожилъ чрезъ шесть лѣтъ на его отца оставшомъся коштѣ, где и происведенъ в доктори наукъ и философіи в Леополдинской цессарской академіи; да і в Санктпѣтербурге производилъ учение реторики и философіи чрезъ пять лѣтъ; и на то все имѣются у его честние и достойние аттестати; хотя же, респектомъ взирая на его радѣтельние служби и труда, вышеупомянутій г-пднъ гетманъ и кавалеръ Апостолъ далъ былъ ему, судіи Стефановичу, в полку Лубенскомъ в сотнѣ Лохвицкой село Жабки, а в немъ пять десятъ дворовъ, да в селѣ Ригахъ опредѣлено было двадцятъ дворовъ, точию по представленіи (sic) его, гетмана, содержавший правление гетманское князь Шаховскій оние села Жабки и Риги от него судіи отобралъ; и село Жабки опосля отдано хоружому нѣжинскому Гривѣ, а Риги грузинцамъ [1]) отойшли; онъ же,

[1]) Грузинамъ (выходцамъ изъ Грузіи) при императрицѣ Аннѣ роздано было множество имѣній въ южной Малороссіи.

Стефановичъ, остался ни при чемъ, а производя по указамъ всегдашние долговременние радѣтелные служби, и, что по его женѣ взялъ былъ, все тое на оние служби истощилъ, и дачей никакихъ ни на персону, ни на рангъ его, противу другихъ собратій и сочиновниковъ его, весма ничего не имѣетъ, да и купленнихъ грунтовъ уже мало осталось, отчего онъ, Стефановичъ, пришелъ в скудность, и служить долѣе ему самому и дѣтямъ его, коихъ онъ уже изучилъ и к службѣ годнихъ зготовилъ, будетъ ни с чего; и просилъ онъ, Стефановичъ, в засвидѣтельствование тѣхъ своихъ службъ, что за оние высочайшой Е. И. В. милости и награждения достоинъ з полковой Лубенской канцеляріи аттестата. А понеже о вышпоказанних его, судіи Стефановича, службахъ и трудахъ, которие онъ порядочно и ревностно отправлялъ намъ, нижеподписавшимъся, доволно извѣсно, да и н-нѣ онъ, судия, по чину и должности своей в произвожденіи и отправленіи всякихъ судебнихъ челобитческихъ, колодничихъ и другихъ дѣлъ прилѣжние и неусипние труди имѣетъ и, при полковой резиденціи безотлучно у тѣхъ дѣлъ находясь, ижливается, и, какъ человѣкъ в імѣніи скудній, содержать себе по надлежащому без жадного опредѣленія крайнѣ не можетъ; того рады, яко за тѣ свои ревности и служби и труда онъ, судия полковий Стефановичъ, Высочайшей Е. И. В. милости и награжденія, по высокому... [1]) графа Кирилла Григориевича его сиятельства Разумовскаго благоусмотрению достоинъ, такъ ему, судіи Стефановичу, за подписомъ рукъ нашихъ данъ сей з полковой Лубенской канцеляріи в томъ аттестатъ.

В Лубняхъ 1752 года 18 д. марта.

На подлинномъ тако: Полковникъ лубенскій Петръ Апостолъ. Полковій лубенскій писарь Андрѣй Стефановъ. Асаулъ полковій лубенскій Григорій Манжовъ. Хоружій полковій лубенскій Іванъ Жуковскій (М.П.).

XXII.

Рапортъ гродскаго Лубенскаго суда Малороссійской коллегіи о смерти В. Стефановича, полковаго судьи,—19 марта 1773 г.

Въ Малороссійскую коллегію изъ гродскаго Лубенскаго суда репортъ. Прошлого м-ца февраля 12 дня, полковій лубенскій судія

[1]) Обычный титулъ гр. К. Г. Разумовскаго опущенъ.

Василій Стефановичъ, по приключившойся ему жестокой болезни, воліею Божіею умре, о чемъ в Малороссійскую коллегію судъ гродскій Лубенскій репортуетъ.

Полковій обозній Павелъ Кулябка. Полковій писарь Григорій Ковалевскій.

1773 года марта 19.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ

О МАЕТНОСТЯХЪ

КІЕВСКАГО ПОЛКА,

1729—1730 гг.

Сообщилъ Н. П. Василенко.

„Слѣдствіе о маетностяхъ“ было произведено въ 1729—1730 гг. и имѣло цѣлью, съ одной стороны, привести въ извѣстность общее число „маетностей“, розданныхъ и подлежавшихъ раздачѣ, а съ другой опредѣлить, согласно „рѣшительнымъ пунктамъ, даннымъ гетману Даніилу Апостолу“, права, на основаніи которыхъ владѣли „маетностями“ различныя лица и учрежденія. Съ этою цѣлью была образована особая коммиссія изъ генеральной старшины и полковниковъ, которая должна была заняться повѣркой свѣдѣній о маетностяхъ, имѣвшихся въ канцеляріи Министерскаго правленія. Повѣрка производилась сначала на мѣстѣ полковою старшиной, которая, принимая во вниманіе показанія старожиловъ и юридическихъ документовъ, дополняла или исправляла *ревизорскія книги;* коммиссія же, пользуясь добытыми этимъ путемъ свѣдѣніями, опредѣляла уже различные виды маетностей: наслѣдственныя, ранговыя, монастырскія, ратушныя и свободныя войсковыя. Въ случаяхъ сомнительныхъ рѣшалъ гетманъ по докладу коммиссіи. Такимъ образомъ „Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ“ заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе важныя данныя для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.

Къ сожалѣнію только, книги „Слѣдствія“ извѣстны намъ не по всѣмъ полкамъ. Книги Лубенскаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ, если не утеряны, должны, мы думаемъ, находиться въ архивѣ Сената, куда онѣ въ свое время были отосланы.

Изъ извѣстныхъ намъ книгъ „Слѣдствія“ до сихъ поръ не была ни одна напечатана. Въ настоящее время „Слѣдствіе Черниговскаго полка“ печатается А. М. Лазаревскимъ въ „Черниговскихъ губ. вѣдомостяхъ“ и выйдетъ отдѣльной книгой, а „Слѣдствіе Гадяц-

каго полка“ въ непродолжительномъ времени будетъ въ полномъ объемѣ напечатано нами въ „Полтав. губ. вѣдомостяхъ“ и отдѣльно.

Каждая книга „Слѣдствія“ состоитъ изъ двухъ частей: самаго слѣдствія и юридическихъ документовъ. Мы ограничиваемся пока печатаніемъ на страницахъ „Чтеній“ только „Слѣдствія“ Кіевскаго полка, надѣясь со временемъ выпустить въ свѣтъ и документы. „Слѣдствіе,“ въ свою очередь, распадается на три части: 1) данныя ревизорскихъ книгъ 1726 года, 2) повѣрка полковой старшины и 3) приговоръ коммиссіи. Первую и третью части мы печатаемъ цѣликомъ подъ заглавіями, какія даны имъ въ книгѣ „Слѣдствія“. Вторую же часть помѣщаемъ въ извлеченіяхъ въ видѣ примѣчаній къ третьей, съ которою она (вторая часть) во многомъ дословно сходна.

Рукопись, изъ которой мы заимствовали вышеуказанный матеріалъ, не подлинникъ, а современная ему копія; хранится она въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго, въ Кіевѣ.

К. Василенко.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка 1729—31 гг.

1. Справка изъ ревизіи о маетностяхъ Кіевскаго полка 1726 года, произведенная въ 1729 г.

По справке въ канцеляріи министерского правленія съ ревизорскими книгами, которая ревизія во всей Малой Россіи чинена въ 1726 г., по имянному блаженнія и вѣчнодостойнія памяти Ея Императорскаго Величества указу, Глуховского гварнизона оберафицерами, посланными изъ бывшой Малороссійской Коллегіи, какіе въ Малой Россіи обретаются местечка, сели и деревни, хутори, званіями каждая порознь, и что въ тѣхъ маетностяхъ дворового числа, и кто ими и по какимъ крепостямъ владеетъ, значится ниже:

Сотнѣ Козелецкой:

Сели *Данювка*—24, *Іламазди*—8, въ *Берлозахъ*—1, въ городе *Козелце*—5, въ *Опенкахъ*—5, въ *Лихольткахъ*—3,—итого 46 дворовъ; владѣетъ Кіевского полку Козелецкого монастира игуменъ Ѳеофанъ Степанскій съ братіею по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному 1709 году; а съ какихъ оние сели, о томъ въ ономъ унѣверсалѣ не показано.

Село *Красиловка*—8 дворовъ; владеетъ бывшого полкового канцеляриста Климентія Радича жена ево Марія по жалованной грамоте, данной мужу ея въ 7198 году [1]) въ вѣчное владеніе; при томъ мелница на рекѣ Острѣ объ одномъ коле мучномъ; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Село *Ничаговка*—55 дворовъ; владеетъ Кіевской войтъ Димитрей

[1]) 1690 года.

Полоцкой по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1715 году въ спокойное владеніе; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Село *Калита*—44 двора; владеетъ Кіевской полковникъ Танской по жалованной грамоте, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.

Село *Чемеръ*—56 дворовъ; владеетъ Кіевского полку полковой писаръ Григорій Немеровскій, данное отъ полковника въ 1725 году на урядъ писарства.

Село *Держанувка*—63 двора; владеетъ Кіевского полку полковій судія Ілія Жила по жалованной грамоте, данной въ 1719 году въ вѣчное владеніе.

Село *Вовчокъ*—60 дворовъ; во владеніи Кіево-Софійского монастиря по грамотѣ 1709 г., и оной грамоти исъ того монастира не обявлено.

Въ селѣхъ: *Новикахъ*—27, въ *Димеркахъ*—8, въ *Будищахъ*—24, въ *Сморшкахъ*—20, *Блудиомъ*—16, *Беркове*—15, *Тополяхъ*—23, итого 133 двора; оніе села принадлежали до ратуши Козелецкой по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данномъ въ 1718 году.

Деревня *Ставиская*—13 дворовъ; владеетъ Кіевского полку хоружій полковій Василій Харсѣка времянно, по приказу Кіевского полковника Танского.

Деревня *Шапъхи*—15 дворовъ; владеетъ Кіевского полку асаулъ полковій Евстафій Гречка по писму, изъ войсковой генералной канцеляріи данному въ 1727 году на урядъ эсаулства.

Села и деревнѣ при вышеписанной ревизіи въ сотнѣ Козелецкой опущеніе:

Села *Серединка* и *Надиновка* и деревни *Копачовъ* и *Съножатское*—во владѣніи монастира Елецкого Успенского Черниговского, а почему, о томъ известія ніетъ.

Село *Димерка* и деревня *Ржавецъ* и хуторецъ *Оксакувка* по написанному въ вѣдомости до сихъ поръ обретаються.

Сотнѣ Остерской:

Въ мѣстечке *Остре*—116; въ селѣхъ: *Гуте*—12, въ *Одинцяхъ*—8, въ *Булаховѣ*—12, въ *Савинѣ*—12; въ деревняхъ: *Волевачахъ*—8, въ *Вовчихъ-Горахъ*—5, въ *Упирахъ*—4; въ слободѣ *Старомъ Го-*

родъ подъ Остромъ—13,—итого 192 двора, принадлежащіе до ратуши Остерской.

Слободка подъ Остромъ—9 дворовъ; владеетъ Черникова полку ротмистръ Оедоръ Нестеренко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1716 году за службы его въ спокойное владеніе; и при томъ винница; а на какой урядъ оная слободка принадлежала, того не показано.

Селы: *Карпиловка* съ уѣздомъ—82, *Випо.изовки*—33, *Лутава*—23, *Косолювка*—30,—итого 168 дворовъ; во владеніи Богоявленского Братского Кіевского монастира; а почему оной монастиръ владеетъ, о томъ исъ того монастира не показано.

Село *Воропаевъ*—37 дворовъ; во владеніи Кіево-Печерского монастира съ 713 году; а почему оной монастиръ владеетъ, о томъ исъ того монастира не показано.

Въ селѣ *Евменке*—170 дворовъ; владеетъ гетмана Скоропадского жена по жалованной грамотѣ, данной мужу ея гетману Скоропадскому въ 1718 году въ вѣчное владеніе; мелница на рекѣ Деснѣ на бойдакахъ объ одномъ коле мучномъ, да винница; а на какой урядъ оное село Евменково принадлежало, того не показано.

Въ селѣхъ: *Карпокахъ*—9, въ *Лѣточкахъ Малихъ*—12, въ *Соболювки*—15,—итого 36 дворовъ; владеетъ Кіевского полку бунчуковій товарищъ Сергій Солонина по унѣверсалу гетмана ізмѣнника Мазепи, данному въ 1689 году до ласки войсковой; ко онымъ селамъ 2 мелницѣ на рекѣ Острѣ о двохъ колахъ мучнихъ да винница; а на какія уряди оніе села принадлежалы, того не показано.

Въ селѣ *Омеляновъ*—9 дворовъ; владеетъ Кіевской войтъ Димитрей Полоцкой, данное ему въ посессію для сооруженія церкви и по унѣверсалу гетмана Скоропадского въ 1713 году; а на какой урядъ оное село принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Буркахъ*[1])—29, *Котовъ*—50, *Олбинъ*—16, деревня *Савинка*—36, въ городѣ *Остръ*—24, въ деревнѣ *Гуте*—1,—итого 131 дворъ; владеетъ Кіевской полковникъ Танской по жалованной грамотѣ, данной на урядъ полковничества въ 1715 году.

---

[1]) Т. е. въ Боркахъ, Остерскаго уѣзда.

Въ селѣ *Коптеве*—25 дворовъ; владѣлъ бывшій бунчуковій товарищъ Данило Солонина по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1718 году до услугъ войсковихъ, а по смерти нынѣ владеетъ жена его Параскевія.

Въ селѣ *Тарасовъ*—21, *Дешкове*—14, *Архимове*—35,—итого 70 дворовъ; владеетъ Кіевского полку обозній Ѳедоръ Ханенко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1712 году за услуги войсковіе во владеніе.

Въ селѣ *Архимовъ*—3 двора; владеетъ бунчуковой товарищъ Семенъ Солонина по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному матеры ихъ Татіяне Петровой, жене Солониновой, въ 1714 году въ спокойное владеніе; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

Въ деревняхъ: *Песоцкомъ, Гладкомъ* и *Шуляках*—25, въ *Курганскомъ* и *Святенкомъ*, у *Брагинцяхъ*—12 [1]),—итого 37 дворовъ; владеетъ Кіевского полку асаулъ Николай Савенко по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1715 году въ спокойное владеніе, при которомъ винница.

Въ деревнѣ *Скрипчинъ*—10 дворовъ; владеетъ Кіевского полку ротмистръ Іванъ Кукуранъ по унѣверсалу полковника Танского, данному въ 1718 году за войсковіе услуги до ласки войсковой; а на какой урядъ оное село надлежало, того не показано.

Въ селѣ *Красиловцѣ*—18, въ деревнѣ *Сокиринѣ*—3,—итого 21 дворъ; владеетъ Носовской сотникъ Іванъ Прутянулъ по унѣверсалу полковника Танского, данному въ 1721 году въ свободное владеніе времянно, при которомъ винница.

Села *Церковища*—7 дворовъ; во владеніи Кіевского Софійского монастира по грамоте 1709 г.; и оной грамоти и съ того монастира не обявлено.

Села сотнѣ Остерской, при ревизіи оставленіе:

Села *Крехаевъ* и *Боденки* подъ монастиремъ Михайловскимъ Золотоверхимъ Кіевскимъ обретаются; а почему, известія не імеется.

---

[1]) Теперь Брегинчики (Брагинцы), Козелецкаго уѣзда.

Сотнѣ Носовской въ ратушнемъ ведомствѣ:

Въ местечке *Носовке*—471 дворъ; съ нихъ прежде сего збиралася стація гетману на булаву и кухню, а нынѣ оніе зборы збираються на ратушу Козелецкую.

Въ местечке *Носовке*—10 дворовъ; владеетъ бунчуковій товаришъ Семенъ Шаула по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1718 году въ спокойное владеніе; 3 мелницы на рекѣ Острѣ о трехъ колахъ мучныхъ, одно ступное; винница; а означенной бунчуковій товаришъ Шаула въ какомъ уряде обретается, того не показано.

Села *Казари*—106, *Ржавець*—32,—итого 138 дворовъ; владеетъ Кіевской полковникъ Антоній Танскій по жалованной грамоте, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.

Изъ описныхъ въ роздаче:

Село *Адамовка*—52 двора; владеетъ господинъ генералъ фонъ Вейзбахъ; 5 мелницъ о 10 колахъ мучныхъ.

Деревня *Киселевка*—8, село *Медведовка*—5,—итого 13 дворовъ; владеетъ Кіевского полку полковой судія Ілія Жила по жалованной грамоте, данной ему въ 7198 году [1]) въ вѣчное владеніе; ко оним принадлежащая на рекѣ Острѣ мелница о 2 колахъ мучныхъ да 1 коло валяшное.

Сотнѣ Кобыжской:

Въ местечке *Кобижче*—54 двора, надлежащіе до Кобижской ратуши.

Село *Свидовець*—32 двори; владеетъ значковій товаришъ Максимъ Циганчукъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1713 году отцу ево Павлу Циганчуку зъ ласки войсковой; а па какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Свидовець*—3 двора; владеетъ бывшого значкового товарища Семена Якимова жена ево Анастасія, Радіонова дочь, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1713 году мужу ея въ зуполное владеніе; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

---

[1]) 1690 году.

Село *Мокіевка* при вишеписанной ревизіи сотнѣ Кобыжской опущено.

Сотнѣ Бобровицкой:

Село *Бобровица*—31 дворъ; владеетъ Кіевскій полковникъ Танскій по жалованной грамоте, данной на урядъ полковничества.

Въ местечке *Бобровице*—16 дворовъ; владеетъ бывшого Нѣжинского протопопа Павла Яворского жена ево удова Марія; по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1716 году мужу ея, помянутому протопопу, въ спокойное владеніе; при томъ мелница вешняя на рекѣ Добролявкѣ.

Село *Ерославка*—68 дворовъ; во владеніи Видубицкого монастира по жалованной грамоте въ 718 году; и опой грамоти исъ того монастира не обявлено.

Въ селѣ *Сухинкѣ*—3 двора; владеетъ бунчуковій товаришъ Іванъ Забѣла по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному до ласки войсковой въ . . [1]) году; при томъ двѣ мелпици на рекѣ Бобровице о трехъ колахъ мучнихъ, о четвертомъ ступномъ; третая мелница на рекѣ Острѣ объ одномъ коле мучномъ; винница; а на какой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Заворичахъ* и деревни *Можецахъ*—23 двора; владеетъ бывшого бунчукового товариша Кирила Солонини жена ево вдова Домна по жалованной грамоте, данной свекру ея бунчуковому товаришу Якову Солонинѣ 7198 году [2]) во вѣчное владеніе; при томъ винница; мелница вешняая на рекѣ Гнезной объ одномъ коле мучномъ, да коло валяшное; а на какой урядъ оніе принадлежалы, того не показано.

Въ селѣ *Заворичахъ*—13 дворовъ; владеетъ бунчуковій товаришъ Ѳедоръ Солонина по жалованной грамоте, данной дѣду ихъ Якову Солонинѣ въ 7198 году [3]) во вѣчное владеніе; при немъ три мелници на рекѣ Гнезной о двухъ колахъ мучнихъ; другая на рекѣ Трубеже объ одномъ коле мучномъ, да объ одномъ валяшномъ; двѣ винници; а на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

[2]) 1690 г.

[3]) 1690 г.

Деревня *Бервиця*—6 дворовъ; владеетъ Бобровицкой сотникъ Костантій Василіевичъ по оддаче отъ полковника Кіевского Танского, времянно; при томъ винница; а на какой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ деревнѣ *Марковцяхъ*—11 дворовъ; владеетъ полковникъ Танскій по жалованной грамоте, а нынѣ оную отдалъ брату своему Михайлу Танскому на время; а на какой урядъ принадлежало, того не показано.

Въ селѣ *Мостищахъ*—58, въ *Семиполкахъ*—37, *Светомъ*—19, *Рудни*—39, въ слободки *Парнъ*—5, въ хуторе *Блудшемъ*—3,—итого 161 дворъ; владеетъ генералъ лейтнантъ и кавалеръ графъ Дивіеръ по указу Его Императорского Величества.

Сотнѣ Гоголевской:

Въ местечке *Гоголеве*—75 дворовъ, надлежащіе до ратуши Гоголевской.

Село *Свитилное*—59 дворовъ; владеетъ Кіевского полку полковникъ Танской по жалованной грамоте, данной ему на урядъ полковничества въ 1715 году.

Въ селѣ *Великой Старицъ*—42 двора; владеетъ Кіевского полку бывшого хоружего Івана Сулими жена ево Марія по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данному въ 1713 году мужу ея, помянутому хоружому Сулимѣ, на урядъ хоружества.

Села и деревни, при вишеписанной ревизіи въ сотнѣ Гоголевской опущеніе:

Село *Бобрикъ* во владѣніи Ѳедора Ханенка, обознего полкового Кіевского, обретается; а почему содержитъ, при сочиненной ревизіи не слѣдовано.

Сотнѣ Моровской:

Въ местечкѣ *Муровскъ*—57, въ селѣ *Соколовки*—36, въ деревняхъ *Руднъ*—17, въ *Коропъ*—6, въ хуторахъ *Бондарахъ*—7, въ *Сукачахъ*—4, въ *Самойловки*—7,—итого 134 дворы; во владѣніи Святого Софійского монастиря за митрополитомъ по жалованной грамотѣ 1700 году; а исъ какихъ оніе селы и деревни, того въ той грамоте не показано.

Село *Обухово* — 50 дворовъ; владеетъ Кіевского гварнизона брегадиръ и оберкомендантъ Григорій Наумовъ по присланному Его Императорского Величества изъ высокого Сената указу и по выписки, изъ Кіевской генералъ-губернатенской канцеляріи данной въ 1723 году; при томъ двѣ мелници о двохъ колахъ мучнихъ; а прежде сего на какой урядъ оное принадлежало, того не показано.

А вишписанніе монастирскіе местечка, села и деревни прежде сего на якіе уряди принадлежалы, того не показано.

И вишъписанніе местечка, села и деревни прежде настоящихъ урядниковъ хочай и написани за якими были урядниками, толкожъ по якимъ дачамъ, по грамотамъ ли монаршимъ или по унѣверсаламъ гетманскимъ, оніе содержалы, того за давностью ясно показать и уломнѣть не можно; а настоящіе урядники по якимъ дачамъ или крепостямъ нынѣ содержатъ, о томъ противъ каждимъ местечкомъ, селомъ и деревнею въ экстрактѣ ревизіалной книги показано и что такъ естъ свидѣтельствуемъ и росписуемся. Въ подлиномъ подписались: Его Императорского Величества войска Запорожского полковникъ Кіевскій Антоній Танскій; Ѳедоръ Ханенко обозній полку Кіевского; Илія Жила, судія полку Кіевского; Григорій Немеровскій, писаръ полковій Кіевскій; Остапъ Гречка, асаулъ полковій Кіевскій; Іванъ Прутянулъ, хоружій полковій Кіевскій; Сергій Солонина, сотникъ Остерскій; Константинъ Василіевичъ, сотникъ Бобровицкій; Семенъ Мандрика, сотникъ Кобыжскій.

Вишъписанное подлинное слѣдствіе по листахъ подписалъ писаръ полковій Кіевскій Григорій Немеровскій.

---

2. Виденіе монастирей разныхъ, въ Кіевскомъ полку обретаючихся, по семъ и по томъ боку Днѣпра лежачихъ маетностей, местечокъ, селъ и деревень, на которіе, почему содержатъ оніе монастирѣ, жадныхъ вѣдомостей не показали, слѣдствуетъ:

Маетности *Лавры Кіево-Печерскія*, по семъ боку Днѣпра обретаючіеся:

Село *Сорокошичи*—107 дворовъ; деревня *Новій Глибовъ*—34 двора; село *Старій Глибовъ*—34 двора; деревня *Окунковъ*—15 дворовъ; село *Ошитки*—44 двора; деревня *Новосюлки*—24 двора; село

Тарасовичи—41 дворъ; село *Сваромля* [1]) —39 дворовъ; село *Пуховка*—60 дворовъ; село *Дубечня Вишша*—23 двора; село *Дубечня Нижша*—19 дворовъ; село *Новосюлки*—14 дворовъ; въ селѣ *Макаровцы* и *Сухинцы*—52 двора.

Того-жъ монастира маетности, по томъ боку Днепра обретаючіеся:

Местечко *Василковъ*—435 дворовъ; деревня *Кожуховка*—40 дворовъ; деревпя *Боярка*—11 дворовъ; село *Безрадичи*—34 двора; деревня *Сувка*—24 двора; село *Романовка*—14 дворовъ; село *Пирогово*—59 дворовъ; село *Хотовъ*—51 дворъ;

Маетности монастира *Свято-Софійского*, по томъ боку Днепра обретаючіеся:

Местечко *Триполя*—144 двора, тамъ же подсусѣдковъ—9 дворовъ; село *Халепе*—52 двора; село *Витачевъ*—35 дворовъ; село *Долина*—41 дворъ, а подсусѣдокъ—1 дворъ; деревня *Козьевка*—24 двора; село *Красное*—25 дворовъ; деревня *Деревянка*—13 дворовъ; деревня *Черняховъ*—13 дворовъ; деревня *Гирмановка*—8 дворовъ; деревня *Жуковка*—12 дворовъ; местечко *Бѣлогородка*—39 дворовъ; деревня *Боярка*—18 дворовъ; село *Сусловичи*—49 дворовъ, тамъ же подсусѣдковъ—2 двора; деревня *Мархилювка*—8 дворовъ; деревня *Бодасевка Малая*—18 дворовъ; село *Енковичи*—49 дворовъ; село *Жиляне*—23 двора; деревня *Кудравецъ*—31 дворъ.

Маетности монастира *Троецкого Болницкого Печерского*, по семъ боку Днепра обретаючіеся:

Местечко *Броварѣ*—55 дворовъ; село *Красиловка*—30 дворовъ; село *Осокорки*—49 дворовъ; село *Троещина*—36 дворовъ.

Маетности монастира *Свято-Михайловского Золотоверхого* по семъ боку Днепра:

Село *Вышуровщина*—45 дворовъ.

Того-жъ монастира по томъ боку Днепра обретающіеся:

Село *Глеваха*—69 дворовъ; деревня *Борщаговка*—25 дворовъ; деревня *Борщаговка* другая—24 двора; село *Кроковщина*—27 дворовъ; деревня *Южовъ*—10 дворовъ; деревня *Даниловка*—13 дворовъ; деревня *Заборъ*—11 дворовъ; деревня *Кудравецъ*—9 дворовъ.

---

[1]) Т. е. Сваромье, Остерского уѣзда.

Маетности монастира *Свято-Николского Пустинного* Кіевского по семъ боку Днепра:

Слободка—8 дворовъ.

Того-жъ монастира маетности, по томъ боку Днепра обретающіеся:

Село *Гвоздовъ*—60 дворовъ; село *Гатное*—43 двора; слободка *Поликъ*—44 двора; деревня *Борщаговка*—5 дворовъ.

Маетности монастира *Свято-Богоявленского Братского*, по семъ боку Днепра обретающіеся:

На греблѣ *Шидловского*—16 дворовъ; въ деревнѣ *Угирахъ*—3 двора.

Того-жъ монастира, по томъ боку Днепра обретающіеся:

Село *Илиецкое*—54 двора; село *Мотовиловка*—30 дворовъ; мѣстечко *Стайки*—124 двора; деревня *Борщаговка*—13 дворовъ; село *Мостища*—22 двора; деревня *Котуры*—2 двора.

Маетности монастира *Свято-Михайловского Видубицкого*, по семъ боку Днепра обретающіéся:

Мѣстечко *Лѣтки*—177 дворовъ; деревня *Рожни*—34 двора; деревня *Свиногиди*—9 дворовъ; село *Лѣсники*—31 дворъ; слободка *Звѣринецъ*—37 дворовъ; деревня *Гута*—4 двора; село *Осокорки*—54 дв.

Монастира *Петропавловского Кіево-Подолского*:

Деревня *Борщаговка*—11 дворовъ.

Монастира *Кирилловского:*

Село *Плоское*—65 дворовъ.

Маетности монастира *Межигорского* по томъ боку Днепра:

Село *Петровци*—60 дворовъ; въ деревнѣ *Петровцѣ*—21 дворъ; село *Лютежъ*—14 дворовъ; въ деревнѣ *Демидовѣ*—3 двора; деревня *Бурки*—15 дворовъ; село *Вижъ-городъ*—30 дворовъ.

По семъ боку Днепра:

Въ деревнѣ *Одинцяхъ*—2 двора; село *Чернинъ*—41 дворъ; деревня *Злодиевка*—5 дворовъ; на *Юрковой греблѣ* подъ Острóмъ городомъ—36 дворовъ.

Монастира *Флоровского Девичого* Кіево-Подолского по томъ боку Днепра:

Село *Дмитровичи*—49 дворовъ; деревня *Дмитровичи*—37 дворовъ;

село *Бугаювка*—108 дворовъ; село *Подгорцы*—52 двора; село *Ходосувка*—24 двора.

Монастира *Богословского Девичого* Кіево-Подолского по томъ боку Днепра:

Село *Кренчи*—31 дворъ.

И на вишеписанніе всѣ местечка, села и деревни, почему показанніе монастирѣ владеютъ, крепостей зъ оныхъ монастирей не явилы, толко сказки далы.

Въ подлинномъ вѣденіи подписано по сему: Кіевскій полковникъ Антоній Танскій.

---

3. Виденіе полку Кіевского о маетностяхъ, по семъ и по томъ боку Днепра обретаючихся, въ местечкахъ, селахъ и деревняхъ до монастирей: Свято-Михайловского Видубицкого, Свято-Троицкого Золотоверхого, Свято-Николского Пустинного, Свято-Троицкого Кириловского, Свято-Флоровского Девичого, Свято-Богословского Девичого, наданныхъ или купленныхъ, и кто оными прежде владелъ, ниже сего слѣдствуетъ, году 1730 генвара 21 дня:

Монастира *Свято-Михайловского Видубицкого:*

Лѣтки местечко—177 дворовъ и деревню *Рожни*—34 двора—надалъ Всепресвѣтлѣйшій Государь Царъ и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ со всѣми до нихъ надлежащими угодіями въ року 7168[1]) декабра 31, а прежде оніе маетности во владеніи были гетмана Виговского.

Село *Лѣсники*—31 дворъ—со всѣми до его надлежащими угодіи надалъ гетманъ Петро Дорошенко въ року 1670, и на тое село имееться грамота жалованная Пресвѣтлѣйшихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, въ року 7198 [2]) іюля 21 дня данная.

Издревле (на) гору *Звѣринецъ* (37 дворовъ въ слободѣ Звѣринцѣ) зъ осадою и перевозомъ на Днѣпрѣ, наданніе князей Русскихъ и королей

---

[1]) 1660 г.

[2]) 1690 г.

Полскихъ имеются привиліе: круля Жегимонта, въ року 1628 августа 14 дня писанніи; другій привиліей короля Казѣмера, въ року 1608 (sic) октября 4 дня данній; и по тимъ правамъ имееться жалованная грамота Пресвѣтлѣйшихъ Государей и Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, въ року 7198 [1]) іюля 21 дня данная.

Село *Ярославку*, въ сотнѣ Бобровицкой—54 двора—зостаючую, надалъ бывшій гетманъ Іоаннъ Скоропадскій со всѣми до его принадлежащими угодіи въ року 1713 октября 9 дня; по его универсалу имееться грамота жалованная блаженнія и вѣчнодостойнія жизни Его Императорского Пресвѣтлѣйшого Величества Петра Перваго Императора, въ року 1718 ноября 26 дня данная; а прежде оное-жъ село Ярославка на его гетмана зоставала. И на всѣ прописанніе маетности монастира Свято-Михайловского Видубицкого имееться поважній универсалъ ясневелможного пана обоихъ сторонъ Днепра гетмана Даніила Апостола, виданній въ Глуховѣ въ року 1729 февраля 5 дня.

Маетности монастира *Свято-Михайловского Золотоверхого Кіевского.*

Грунтъ, де монастиръ зостаетъ, въ городѣ и за городомъ, з деревнею *Борщаговкою* и на Крещатику надъ самою Почайною,—наданіе фундатора князя Кіевского Михайла Святополка; и тіе грунта потвержани привилегіями круліевскими; первій привиліей короля Полского Жигмонта Первого року 1523 марта 21, вторій привиліей короля Жигмонта Августа року 1570 іюня 14 дня, третій привиліей короля Стефана року 1578.

Село *Глеваха* —69 дворовъ, купленная отъ Семена Гринкевича въ року 1563 декабря 24; и на тое жъ село иметься листъ ограниченній отъ князя Константина Константиновича Острозкого, воеводи Кіевского, року 1586 октября 2 дня.

Село *Юріевка*—10 дворовъ, купленная отъ Семена Мелешковича року 1563 априля 9 дня; и на тое село имеется потвержденіе отъ князя Костантина Костантиновича Острозкого, воеводи Кіевского, и ограничене року 1576 сентября 9 дня,

---

[1]) 1690 г.

Сѣнокосъ, прозиваемій *Короблище*, отъ короля Александра наданно, потверждено королемъ Августомъ Жигмонтомъ въ року 1572.

Земля Либедская и съ млиномъ, наданная отъ княгини Ірини, а потверждено и ограничено отъ князя Костантина Костантиновича Острозкого року 1576 сентеврія 9 дня.

Кудравецъ—9 дворовъ, за Пробитимъ валомъ, купленній отъ Андрея Янкевича, року 1559 августа 29.

Грунтъ Воведенскій, легованній отъ Василя Черевчіевича въ року 1622.

Гребля на ричь Веть, где и погребелное берется; а тое погребелное зачалося брати отъ Владимера Мономаха; а отъ Мономаха досталося въ дворъ пана Юрія Рожковского; а тотъ Рожковскій отдалъ на монастиръ Михайловскій и декретомъ трибуналнимъ Любелскимъ ствердилъ року 1602. И на сіи всѣ памѣтенніе грунта имеются привиліеи круліевскіе и княжіе и протчіихъ королей Полскихъ Владиславовъ.

Даниловка селище—14 дворовъ; до войни Хмелницкого належало до Оксака; а Хроковщина (Крюковщина?) до Василія Криницкого; а потимъ избиралися изъ тихъ селищъ приходи въ казну государственную по указамъ Его Царского Пресвѣтлого Величества; надалъ гетманъ Мазепа на монастирѣ въ року 1699 августа 22 дня.

Село *Вьигуровщина*—45 дворовъ; надано отъ гетмана Богдана Хмелницкого року 1654 мѣсяця мая дня 22 и по указу его жъ гетмана ограничено тое село Василіемъ Дворецкимъ, полковникомъ наказнимъ Кіевскимъ, року 1657 іюля 2 дня.

Футоръ, прозиваемій *Рижишинъ*, близко того жъ села Вѣгуровщини, отъ Маріи Рижовой Полоцковни, мещанки Кіевской, купленній августа 3 дня въ року 1693.

Озеро и сѣножати подъ тимъ же селомъ *Вьигуровщиною*, наданное отъ князя Костантина Костантиновича, воеводи Кіевского, року 1560 генваря 2 дня.

Сѣножать на *Оболонь*, наданная отъ Екатерини Статковичовой, року 1661 сентеврія 11 дня.

Село *Крихаевъ*—104 двора и *Боденки*—56 дворовъ, наданніе отъ покойного гетмана Іоанна Скоропадского мѣсто тихъ селъ, которіе отойшли за границу до Ляховъ, именно Княжичи и Блистовая; а до тихъ помененнихъ селъ прикупили за килко тисячей; а тіе села прежде ишли на власть полковника Кіевского Костантія Солонини,

а потимъ на гетмана Мазепу, и гетманъ Скоропадскій ствердилъ универсаломъ року 1713 генваря 19 дня.

Млини *Острицкіе*, наданніе въ войсковіе части отъ гетмана Демяна Многогрѣшного року 1671 генваря 4 дня, и потверждено универсаломъ протчихъ гетмановъ; а позосталіе части Хмелницкіе куплею до святой обители набытіе и универсаломъ покойного гетмана Скоропадского утвержденніе року 1713 мѣсяця августа 11 дня.

На той же греблѣ млинъ стоячій на грѣблѣ Остерской, наданній отъ пана Коробки, полковника Кіевского, и тимъ же универсаломъ гетманскимъ стверженъ року 1713 октоврія 3 дня.

И на сіе всѣ помянутіе маетности и грунта разніе и всѣ угодія, до нихъ принадлежащіе имеется Его Царского Пресвѣтлого Величества Алексея Михайловича потвердительная грамота лѣта отъ созданія міра 7162 (1656) августа 2 дня.

Вторая грамота Его жъ Царского Пресвѣтлого Величества Петра Алексеевича на всѣ тіи грунта со ограниченними уроками, данная въ року 1700 априля 1 дня.

Грамота Его Царского Пресвѣтлого Величества Петра Алексеевича, данная року 1716 февраля 4 дня.

Грамота Его жъ Императорского Величества Петра Второго, Імператора и Самодержца Всероссійскаго, данная року 1729 марта 31 дня.

Слободка, въ старомъ городѣ Острѣ найдуючаяся—19 дворовъ, въ которой дворы купленніе суть, едни отъ пана Василія Танского, а другіе отъ посполитыхъ людей, яковіе то всѣ стверженніе универсаломъ гетмана Скоропадского и монаршими грамотами.

Маетности монастира *Свято-Николского Пустинно Кіевского.*

Листъ короля его милости Александра на землю Борщувку—5 дворовъ, данній въ Шишкахъ сентабра 6 дня индикта 15.

Листъ короля Жегимонта, данній на тую жъ землю Борщувку, писанъ въ Вилнѣ марца 7 дня индикта 4.

Листъ Евстафія Дашкевича, на *Гвоздово* село—60 дворовъ—данній, писанъ въ Кіевѣ мѣсяця іюня въ 23 день индикта 2.

Листъ Богдана Ѳеодоровича Ілинского, намѣсника Путивлского, и зъ женою его Маріею княгинею, данній на село *Гатное*—43 двора, писанъ въ Мелне на рецѣ Семи въ лѣто 7008 (1500) мѣсяця февраля 1 дня, індикта 3.

Листъ короля Жегимонта Августа потвердителній на вишъ писанніи землы и села, за рукою королевскою и печатью привисистею, на пергаминѣ; писанъ въ Варшавѣ на сейме великомъ валномъ коромъ дня 30 мѣсяця мая лѣта Божого Нароженія 1570.

Листъ купчій, данній отъ Никити Григоріевича на землю, прозиваемую *Григоріевскую*, на которой слободка Николская—43 двора—поселенна; писанъ въ Вилнѣ іюня 15 дня индикта 1.

Листъ потвердителній на тую землю Григоріевскую короля Александра писанъ у Люблине марта 3 індикта 8.

Другій листъ потвердителній на тую землю короля Жегимонта писанъ въ Городне ноября 30 індикта 10.

На сіе жъ вишеписанніе маетности премощнѣйшіе Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества государственніе грамоти. Грамота Государя Алексѣя Михайловича, данная въ монастиръ, отъ созданія міра 7162 (1654) августа 31.

Грамота Государя Ѳеодора Алексѣевича, данная отъ созданія міра 7189 (1681) мѣсяця марта 20 дня.

Грамота Великихъ Государей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой княгини Софіи Алексѣевны, данная отъ созданія міра 7193 (1685) сентеврія 19.

Грамота другая Великихъ Государей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, данная отъ созданія міра 7202 (1694) генвара 11 дня.

Грамота великого Государя Петра Алексѣевича, данная въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 априля 21.

О сихъ всѣхъ прописаннихъ селахъ и деревняхъ монастира Свято-Николского Пустиножителного грамоти монаршіе обявляютъ.

Монастира *Свято-Рознесенского Флоровского* девичого маетности:

Село *Ходорувка*—24 двора, *Подгорцы*—51 дворъ, *Бугаювка*—108 дворовъ, *Берки*, *Селище* надани отъ королей полскихъ и ствержени привилегіями и гетманскими унѣверсалами Юрія Хмелницкого, наданній унѣверсалъ въ Чигиринѣ февраля дня 3 року 1660; гетмана Самойловича унѣверсалъ данъ въ Батуринѣ октоврія 6 року 1673, и протчіихъ гетмановъ обретаються унѣверсалы потвердителніе, и по тихъ унѣверсалахъ имеется грамота на оніе маетности потвердителная блаженно и вѣчнодостойнія памяти Великихъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой княгини и царевни Софіи Алексѣевни наданно отъ созданія міра 7198 (1690).

Село *Дмитровичи Великіе*—49 дворовъ и *Маліе*—37 дворовъ надала шляхцянка Игуменицка и въ ономъ монастирѣ Флоровскомъ ігуменіею зоставала и права свои шляхецкіи въ монастиръ вручила, и по тимъ правамъ шляхцянки имеется унѣверсалъ гетмана Богдана Хмелницкого потвердителній и жалованная грамота всемощнѣйшая монаршая блаженнія и вѣчнодостойнія памяти Алексѣя Михайловича, а чиселъ не положено, въ которихъ годахъ. Крепости, виданніе на прописанніе оніе маетности, нынѣшнего времени зъ посланнимы остаютъ въ Москвѣ.

Монастиръ Свято-Троецкій Кириловскій построенъ коштомъ благовѣрной княгини Маріи Всеволодовой, дщи короля Полского Казиміра, и отъ нея наданное село *Плосковье*, прозиваемое нынѣ Плоское—85 дворовъ, со всѣми принадлежащими угодіи; имеются виданніе привиліеи королей Полскихъ: привилей Жегимонта Августа короля Полского, данній въ року 1555 февраля 15; короля Жегимонта въ року 1605 (sic); привиліей Августа (sic) короля, данній року 1643; Михаила короля полского данній привиліей року 1670; и по тихъ привиліяхъ круліевскихъ и гетманскихъ унѣверсаловъ имеется потвердителная грамота всепресвѣтлѣйшихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, данная отъ созданія міра 7199 мѣсяца сентеврія 26 дня, а отъ Рожденія Христова 1691 года, а межоване тихъ земель 1697 мѣсяця августа 16 дня.

Село *Кренчи* —32 двора до монастира Богословского девичого надалъ шляхтичъ Богушъ Гулкевичъ Гліебовскій року 1576 мая 30 дня; и по томъ праву имеется унѣверсалъ гетмана Скоропадского, данній въ року 1720 февраля 15; вторій унѣверсалъ ясневелможного добродѣя пана гетмана обоихъ сторонъ Днѣпра Даніила Апостола, данній въ року 1729.

Деревня *Хамбъковъ* наданна блаженнія и вѣчнодостойнія памяти отъ пресвѣтлѣйшаго Его Царского Величества Императора Петра Перваго Чоботу, протопопу Бѣлоцерковскому, 1722 году мѣсяця сентеврія 30 числа.

На подлинномъ по листахъ подписано: Къ сей ривизиалной книги Кіевского полку Кіевской сотнѣ маетностей монастирскихъ Кіевского полку прапорщикъ полковій Іванъ Завадскій руку приложилъ.

Сотенній городъ *Остеръ* со всѣмъ своимъ посполствомъ, до города надлежитъ, въ ономъ дворового числа—98. *Свободное.*

Деревня *Новики*—11, село *Димерка*—9, деревня *Ржавецъ*—3, деревнѣ *Будища*—40, *Сморики*—19, *Влудшое*—19, *Верковъ*—17, *Тополь*—14,—итого 132 двора,— прежде войсковіе были, а минувшого 1718 году, для всякихъ тяжестей и малолюдствія, въ городѣ Козельцѣ имѣючогося, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, зъ разсмотренія полковниковъ Кіевскихъ, ратушу Козелецкому приданніе; а начавши отъ гетмана Богдана Хмелницкого до гетмана Скоропадского жадного унѣверсала гетманского оній ратушъ на показанніе села и деревнѣ не мѣлъ; толко въ силѣ пановъ гетмановъ и полковниковъ оніе села и деревнѣ були и, кому хотѣлы, оніе отдавали во владеніе; и теперъ оніе села и деревнѣ до ласки войсковой при ратуши Козелецкой обретаються, на что потвержателній унѣверсалъ ясневелможного пана гетмана Даніила Апостола, 1729 году виданній, имеетъ.—*Ратушнее.*

Маетности, прежде на уряды полковой старшины и сотниковъ надлежащіе, за прежнихъ гетмановъ во владѣніе монастырамъ разнимъ розданіе:

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Данювка*—26 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія полковника Кіевского Костантія Солонини, до монастира Свято-Григоревского Козелецкого было отдано и, по указу гетмана Самойловича, отъ оного монастира отобрато; зъ вѣдомства жъ полковника Кіевского Григорія Волского, для помочи во всякихъ нуждахъ ратушу Козелецкому придано было; а теперъ во владѣніи знову оного жъ монастира Георгіевского, за отдачею по унѣверсалу гетмана Скоропадского въ 1709 году, имееться.

Хуторѣ: *Гламазди*—8, *Берлазы*—3, въ городѣ *Козелцѣ*—6, *Опенки*—3, *Лихольтки*—5,—итого 25 дворовъ зъ грунтами, за собственніе монастирскіе деньги у обывателей разныхъ купленніе и подъсусѣдками-людми осажени.

Къ сотнѣ Остерской Софійского монастира:

Село *Церковища*—56 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія полковника Костантія Солонини, писаръ полковій

Кіевскій Петръ Домонтовичъ на урядъ писарства во владѣніи содержалъ, а по немъ знову у вѣдомствѣ жъ полкового правленія было; а теперъ Кіево-Софійскій монастиръ онымъ селомъ владѣетъ по грамотѣ, въ 1709 году виданной; и оной грамоти изъ того монастира не обявлено [1]).

Въ сотнѣ Моровской Софійского монастира:

Местечко *Моровскъ*—84 дворы, и въездное къ нему село *Соколовка*—26, и деревня *Рудня*—23, *Коропье*—9, и хуторѣ *Бондарь*—10, *Сукачь*—6,—итого 163 дворы—зъ давнихъ лѣтъ, якъ прежде бывшіе во владѣніи бѣскуповъ полскихъ, такъ потомъ во владѣніи Кіевского Свято-Софійского монастира отдани, которыми оной монастиръ по жалованной грамоте, въ 1700 году виданной, (владѣетъ) и оной грамоти изъ того монастира не обявлено.

Хуторъ *Самуйловка* въ козака сотнѣ Козелецкой Брилевича за собственніи денги монастирскіе законниками Софійскими со всѣми угодіями купленъ и во владѣніи оного-жъ монастира обретается.

Маетности, которіе прежде надлежалы на уряды, а при первой ревизіи оставлени.

Въ сотнѣ Гоголевской.

Село *Димерка*—95, *Богдановка*—29, *Рожовка*—18,—итого 142 дворы—прежде въ вѣдомствѣ полкового правленія были, а потомъ въ монастиръ Кіево-Печерскій во владѣніе пришли, и до сихъ поръ тимы селами оной монастиръ владѣетъ, а почему—о томъ крѣпостей зъ монастира Кіево-Печерского не обявлено.

Село *Русановъ*—67 дворовъ—въ вѣдомствѣ войскового правленія было, а потомъ Мазепина мати игуменія опустошѣлое людми осадила и въ своемъ владѣніи имѣла; а по ней гетманъ Скоропадскій на власть гетманства завладѣлъ; а потомъ оное жъ село къ монастиру Межигорскому гетманъ Скоропадскій былъ надалъ; а потомъ монастира дѣвицкого Ерданского законницы были завладѣли; а теперъ

---

[1]) И въ ономъ селѣ больше семидесятъ дворовъ подданнихъ імееться, которое прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

знову во владѣніи монастиря Межигорского обретаються; а почему, о томъ изъ оного монастира крѣпостей не показано.

Деревня *Плоское*—15 дворовъ—здавна войсковое было, а потомъ Яковенко, а по немъ Содовничій, сотникъ Гоголевскій, на власть сотничества Гоголевского оною владелы; а по нихъ Мазепина мати завладела; а по ней гетманъ Скоропадскій на власть гетманства завладѣлъ; а по своемъ владѣніи къ монастиру Межигорскому придалъ и до сихъ поръ тотъ монастиръ оною деревнею владѣетъ, а почему,— о томъ крѣпостей съ того монастира не показано.

Село *Красиловка*—30 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ монастиръ Троецкій Болницкій, не вѣдать, почему, онымъ завладѣлъ, ибо крѣпостей зъ оного монастира не показано.

Село *Серединка*, *Надиновка*, *Копачевъ* и *Сѣножатское* прежде войсковіе были, а потомъ гетманъ Многогрѣшній на монастиръ Свято-Успенскій Елецкій Черниговскій, съ набожности своей, село Серединку 1670 году унѣверсаломъ своимъ отдалъ; также село Надиновку онъ же, гетманъ, тоей же обытели Елецкой 1671 году унѣверсаломъ своимъ надалъ; а вишъписанніе обидвѣ села, такъ же и деревнѣ: Копачевъ и Сѣножатское гетмана Мазепи и покойного гетмана Скоропадского универсалами 1719 году, а найпаче высокомонаршими грамотами ствержено [1])

Въ подлинномъ экстрактѣ подпись:

Сіе слѣдствіе о маетностяхъ полку Кіевского, по крѣпостямъ владѣлческимъ и сознатію старожиловъ здѣланое, старшина енаралная и полковники слушалы и подписалися:

Яковъ Лизогубъ, енаралній обозній.—Судія войсковій енаралній Михайло Забѣла.—За енаралного писара правящій Михайло Турковскій.—Асаулъ войсковій енаралній Іванъ Мануйловичъ.—Асаулъ войсковій енералній Ѳедоръ Лисенко.—Хоружій енаралній Якимъ Горленко.—Бунчучній енаралній Іванъ Бороздна.—Ігнатій Галаганъ,

---

[1]) Названыя села „прежде войсковіе были, а потомъ гетманъ Многогрѣшній на монастиръ Успенскій Елецкій Черниговскій унѣверсаломъ своимъ во владѣніе отъдалъ, а якого году, о томъ подлинной вѣдомости не імѣется. И на оніе села помянутого монастира законники монаршую грамоту виправили, а якого году, и о томъ въ вѣдомости не показано.

полковникъ Прилуцкій, а въ мѣсто его, полковника, Дмитрій Василевъ писарь подписался.—Михайло Богдановъ, полковникъ Чернѣговскій.—Іванъ Хрущовъ, полковникъ Нѣжинскій.—Полковникъ Годяцкій Григорій Грабянка—Василь Тамара, полковникъ наказній Переяславскій.

Подленній экстрактъ по листамъ скрепилъ полковникъ Кіевскій Антоній Тапскій.—Канцеляристъ Ѳедоръ Данилевскій.

Два письма А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ, 1610 г.

I.

Письмо старшаго полковника Запорожскаго войска Андрея Стороженка къ канцлеру велик. княж. Литовскаго Льву Сапѣгѣ, отъ 30 мая 1610 г., изъ лагеря подъ г. Почепомъ, съ увѣдомленіемъ о своей готовности двинуться на помощь королю подъ Смоленскъ, съ просьбой о присылкѣ, взамѣнъ перваго неопредѣленнаго, другаго „приповѣднаго“ листа, въ которомъ были бы точно означены размѣръ и условія уплаты жалованья его отряду, состоящему изъ 10000 козаковъ, и съ обѣщаніемъ ожидать просимаго листа подъ Брянскомъ.

Wielmożny m-cziwy panie canclerzu Wielkiego X-a Litt., panie a panie nasz m-cziwy!

Jako napowolnieisze służby nasze do m-cziwey laski W.M-ci, naszego m-cżiwego pana, pilnie oddaiemy.

Nie mieszkaiąc po oddaniu lista W. M-szi, naszego m-cziwego pana, przes Je°mc pana Samuela Zienowicza do nas pisanego, nowo przes Je°mc pana Lukasza Isaikowskiego 28 may pod Poczapowem nastąpiło, w ktorym nam W.M-sc, nasz m-cziwy pan, roskazowac raczysz, abysmy się, iako narychley,do poslug Je° Kr. M-czi pod Smolensk spieszyli. Wprawdzie, wielmozny a m-cziwy panie, umysł nasz ieszcze s pierwszego ruszenia naszego s kurzenia na thim zasadzon iest y na thochmy ochotnie poszli, abychmy posługami naszymi, wedlug możnosci, Kr. Je° M. y Rze-pp. dogodzili, co się jusz czescią na pierwszym wstępie w ziemie Moskiewskiey za łaską Bozą y szczesliwym panowaniem Je° Kr. M-sci y porządną sprawą W.M-sci naszego m-cziwego pana, pokazało, sz czego się

nieprzyiaciel nie na zbyt cieszy, jakosz y do konca w posługach naszych przeciwko Kr. Je⁰ M-sci ustawac nie chcemy; thilko nas tho, wielmożny a m-cziwy panie, trwoży, że danina, od nas (za przyczyną W. M-sci, naszego m-cziwe⁰ pana) uproszona od Kr. Je⁰ M-sci (tho iest listh przypowiedny), nie iest warowana: nie naznaczono, iestli żold gotowy nam dawac będą; nie mianowano, po czemu na człowieka na czwierc; nie wyrażono, na wiele woiska, gdysz nas iest théras do dziesiące y daley tysięcy; naostatek, nie dołożono, na kim, na czym y na ktorim miescu thego ubogiego żoldu krwawego, po wykonaniu posługi, kto się żywym zostanie, upominac bychmy się mieli. Pokornie thedy a pokornie prosimy W. M-czi, naszego m-cziwego pana: racz, W. M-cz, nasz m-cziwy pan, tho Krolu Je⁰ M-czi przełożyc y sam m-cziwym przyczyncą bydz, żeby nas Je⁰ Kr. M-cz, według conditiey wyszmianowanych listem przypowiednym warowac raczył; co gdy odzierzemy, thym się więcey rozzarzy serce nasze do poslug Je⁰ Kr. M-czi y Rze-pp. y thym prędzei na mieisce, od W. M-czi naznaczone, do Krola Je⁰ M-sci pod Smolensk, dniem y nocą pospieszac się nie zaniechamy y thego listu przypowiednego pod Branskiem oczekywac będziemy. S tim, dai Panie Boże, abychmy o dobrym zdrowiu y szczesliwym powodzeniu W. M-czi, naszego m-cziwe⁰ pana, zawżdy słyszeli.

Dan s pod Poczapowa, 30 may anno D-ni 1610.

W. M-czi, naszego a m-cziwego pana, nanizsze sludzzy, Andrzey Storożenko, starszy połkownik, ze wszystkim rycerstwem woiska Je⁰ Kr. M-czi Zaporoskiego, mp.

—

Wielmoznemu panu Leonowi Sapiezie, canclerzowi Wielkiego X-a Litt., Mohylowskiemu, Pernawskiemu etc. staroscie, panu naszemu m-cziwemu.

II.

Письмо А. Стороженка къ Л. Сапѣгѣ такого-же содержанія,—отъ 2-го іюня 1610 года *).

Jasnie wielmożny a miłosciwy panie canclerzu Wielkie⁰ Xięstwa Litewskie⁰, panie a panie nasz wielce m-sciwy!

Służby y powolnosci nasze rycerske w W.M-sciwą łaskę W.M, nasze⁰ m-sciwe⁰ pana, iako naypilney, offiaruiemy.

Pisac W.M., nasz m-sciwy pan, do nas raczył przes Je⁰ M-sc pana Samuela Zienowicza y powtaraniem przes Je⁰ M sc pana Lukasza Jsaykowskiego, w ktorym nam W.M. dokladac raczy, abychmy na posługę Je⁰ Kr. M-sci pod Smolensk bez mieszkania sciągaly się. Powinnosc to nasza, wielmozny a miłosciwy panie, niesie, abysmy, według predsięwzięcia swe⁰, posługamy naszymy rycerzskymy Krolowi Je⁰ M-sci y Rzeczy-Pospolitey dogodzili, co się jusz po częsci za łaską Bozą y szczesliwym panowaniem Je⁰ Kr. M-sci y porządną sprawą W.M., nasze⁰ m-wego pana, pokazalo, s czego się nieprzyiaciel nie na zbyt cieszy, iakoz y do konca w posługach naszych przeciwko Krolia Je⁰ M-sci ustawac nie chcemy; thylko nas to, wielmożny a miłosciwy panie, trwoży, że danina, od nas (za przyczyną W.M., nasze⁰ pana m-go) uproszona od Krolia Je⁰ M. (to iest list przypowiedny), nie iest warowana: nie naznaczono, iesli żold nam gotowi dawac będą; nie mianowano, po czemu na czlowieka na

---

*) Оба эти письма однороднаго содержанія различаются лишь тѣмъ, что одно помѣчено 30 мая, а другое—2 іюня; въ первомъ отрядъ козаковъ опредѣляется въ 10000, а во второмъ—въ 15000 человѣкъ. Такое однообразіе въ содержаніи писемъ и разница въ цифрахъ могли произойти по слѣдующей причинѣ: А. Стороженко, отправивъ 30 мая къ Л. Сапѣгѣ своего гонца съ первымъ письмомъ, могъ 2 іюня получить извѣстіе, что гонецъ или захваченъ Московскими войсками или съ нимъ случилось что-либо въ дорогѣ, а по тому поспѣшилъ отправить второе письмо; въ этомъ послѣднемъ „старшему полковнику“ Запорожскому пришлось уже увеличить цифру козаковъ, потому что, въ промежутокъ времени между датами обоихъ писемъ къ нему могъ прибыть новый отрядъ козаковъ въ 5000 человѣкъ. Впрочемъ, второе письмо могло быть пущено вслѣдъ за первымъ и для большей увѣренности, что одно изъ нихъ дойдетъ непремѣнно по назначенію. А. Стороженко, по нашему мнѣнію, несомнѣнно является новымъ, неизвѣстнымъ доселѣ, вождемъ козаковъ, потому что эпитетомъ „старшій“ очень часто именовались ихъ гетманы, даже самъ Богданъ Хмельницкій. Указаніе это на новое имя тѣмъ болѣе важно, что въ спискѣ предводителей Запорожья за этотъ періодъ оказывается долгій пробѣлъ.

Разница въ правописаніи писемъ можетъ быть объяснена, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что они писаны хотя и подъ диктовку одного и того же А. Стороженка, но двумя разными лицами. *Примѣч. ред.*

czwierc; nie wyrażono, na wielie woyska, gdyż nas iest teras do piętnasta tysięcy woysca y dali; naostatek, niedołożono, nakim, naczym y na ktorym mieyscu te⁰ ubogiego żołda krwawego, po wykonaniu posługy, kto się żywy zostanie, upominac bychmy się mieli. Pokornie tedy a pokornie prosimy W.M., naszego m-go pana: racz W.M., nasz milosciwy pan, to Kr Je⁰ M. przełożyc y sam milosciwym przyczyncą byc, żeby nas Je⁰ Kr. M., według conditiey wyszmianowanych, listem przypowiednym warowac raczyl; co gdy odzierzymy, tym się więcey rozzarzy serce nasze do poslug Je⁰ Kr. M. y Rzeczy-Pospolitey y tym prędzey na miesce, od Kr. Je⁰ M. naznaczone, pod Smolensk, dniem i nocą pospieszac się nie zaniechami y te⁰ listu przypowiednego pod 'Branskem oczekiwac będziemy. S tym, day Panie Boze, abychmy o dobrym zdrowiu y szczęsliwym powodzeniu W.M., naszego m-go pana, zawżdy słyszeli.

Dan s pod Poczapowa, dnia 2 juny anno D-ni 1610.

W.M., naszego m-go pana, nanizsze słudzy Andrzey Storożenko, starszy połkownik, ze wszystkym rycerstwem Kr. Je⁰ Ms. woyska Zaporoskiego, mp.

—

Jasnie wielmoznemu Je⁰ M. panu Leonowi Sapize, kanclerzowi Wielkiego X-a Litewskiego, Mohyliewskiemu, Pernawskiemu etc. staroscie, panu naszemu miłosciwemu.

———

Zgodność powyższych odpisów z oryginałami poswiadcza.—W Poznaniu. 17 maja 1847.—Biblioteka publiczna hrabi Raczyńskich.—Józef Lukaszewicz (M. P.).

———

Оба эти письма суть копіи съ оригиналовъ, хранящихся въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани. Точность копій засвидѣтельствована извѣстнымъ библіотекаремъ этого богатаго книгохранилища Іосифомъ Лукашевичемъ 17 мая 1847 года.

Сообщилъ К. Стороженко.

4. Экстрактъ Кіевского полку о местечкахъ селахъ и деревняхъ.

По указу Ея Императорскаго Величества, ми, нижеподписавшіися, старшина енералная и полковники, слушавъ, приговорилы согласно: которіе маетности принадлежати мѣютъ на чини полковниковъ, старшини полковой и сотниковъ, а которіе по заслугахъ, и которіе въ вѣдомствѣ ратушей найдуються, а инніе сумнителніе суть и въ докладъ принадлежать, сымъ ниже слѣдуючимъ образомъ року 1731.

1 статья—Кіевского полку маетности, владѣеміи по высокомонаршимъ жалованнимъ грамотамъ и по унѣверсаломъ гетманскимъ за службы войсковіе по силѣ 8-го рѣшителного пункта [1]).

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Калита*—53 двори прежде войсковое было, а потомъ, по определенію полковника Солонины, Семенъ Кобилинскій, асаулъ полковій, на власть асаулства полкового держалъ; а по немъ Петръ Долинскій, писаръ полковій Кіевскій, владелъ; а по немъ, по определенію полковничомъ же, асаулъ полковій Кіевскій Романъ содержалъ; а потомъ зъ ласки войсковой змѣнникъ Мазепа Созонту Драбовскому далъ былъ; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій онымъ селомъ владеетъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, за многіе извѣсніе на службѣ Его Императорскаго Величества роненніе труди ему, полковнику Танскому, 1716 году виданномъ, также по грамотѣ государственной 1718 году іюля 7 дня ему, полковнику Танскому,

---

[1]) Изъ „Рѣшительныхъ пунктовъ“, данныхъ гетману Даніилу Апостолу въ 1728 году, въ 8-мъ говорится о томъ, что всякое законно пріобрѣтенное имѣніе козака или крестьянина должно переходить наслѣдственно отъ мужа къ женѣ и отъ отца къ дѣтямъ.

женѣ и дѣтемъ виданной, со всѣми къ оному селу принадлежащими угодіи владѣетъ. *По осмомъ пункту.*

Село *Держанувка*—62 двора—прежде войсковое было, а потомъ за службу войсковую Иліи Жилѣ по жалованной грамотѣ во вѣчное владеніе дано; и до сихъ поръ онъ, Жила, по той же грамотѣ, данной ему въ 1718 году во вѣчное владеніе, оным ссломъ владѣетъ [1]). *По осмомъ пункту.*

Село *Карасиновка*—8 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонины, на урядъ хорунжества полкового Кіевского Яковъ Горячка и Ілія Жила оное содержалы; а потомъ, по опредѣленію полковника Григорія Волского, асаулъ полковій, онъ же, Ілія Жила, по асаулству содержалъ; а по немъ Радичъ по жалованной грамоте, данной ему 7198 (1690) году во вѣчное владеніе, и теперъ жена его Марія Радичева по оной же грамоте владеетъ [2]). *По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Остерской:

Слободка подъ Остромъ—7 дворовъ—прежде войсковая была; а потомъ Ѳедоръ Нестеренко, Чосникова полку ротмистръ, оніе, вишъписанніе, двори скупивши, унѣверсаломъ гетманскимъ ствердилъ и теперъ онъ же, Ѳедоръ Нестеренко, по унѣверсалу гетмана Скоропадскаго, данному въ 1716 году, оными дворами владѣетъ также по утвержденію [3]). *По осмомъ пункту.*

Село *Карпоки*—21, деревнѣ *Литки Маліе*—13, *Соболовка*—21, итого 55 дворовъ—здавна войсковіе были, а съ 7198 (1690) году за службы войсковіе, по унѣверсалу змѣнника Мазепи, оными Сергій Солонина, товарищъ бунчуковій, до сихъ поръ владеетъ; а млинъ на рецѣ

---

[1]) И до сихъ поръ онъ, Жила, по написанному въ екстрактѣ ревизіялной книги, оным селомъ владеетъ; и оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

[2]) А мелница за собственніе денги куплена; и оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

[3]) *Слободка подъ Остромъ* прежде войсковая была, а потомъ за службы войсковіе, въ экстрактѣ ревизіялной книги по прописанному, Ѳедоръ Нестеренко, Часникова полку ротмистръ, оною завладѣлъ, и по тому до сихъ поръ при дому его тая слободка обретается; а вииниця за собственніе денги куплена; и оная слободка прежде ни подъ какими владѣлцами или подъ ратушемъ не была.

Острѣ въ селѣ Буркахъ; въ ономъ двѣ колѣ: едно мучное, другое валюшное; да на той же греблѣ половина млина, въ которомъ половина кола мучного, а половина валюшного; да на той же рецѣ на другой греблѣ, прозиваемой Великой, половина млина о едномъ колѣ мучномъ; и винница въ городѣ Острѣ; и оніе мелници и винница за собственніе денги куплени; а вишъписанніе селы и деревни ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не были.—*По осмомъ пункту.*

Деревнѣ *Тарасовъ*—17 и *Дешки*—13 дворовъ—прежде войсковіе были, а потомъ полковникъ Ѳедоръ Волскій за услуги войсковіе Ѳедору Ханенку, асауловѣ полковому, отдалъ и теперъ онъ же, Ѳедоръ Ханенко, обозній полковій, по унѣверсалу гетмана Скоропадского 1712 году да теразнѣйшаго пана гетмана Даніила Апостола 1728 году виданнихъ владеетъ за службы войсковіе [1]).—*По осмомъ пункту.*

Село *Коптевъ*—35 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую завладѣлъ онымъ; потомъ, по унѣверсалу гетманскомъ, владелъ Данило Солонина, товаришъ бунчуковій; а теперъ по оному жъ унѣверсалу, данномъ въ 1718 году отъ гетмана Скоропадского, сынъ его Солонина Александръ онымъ селомъ владѣетъ за службу войсковую [2]).—*По осмомъ пункту.*

Деревня *Савинка*—28 дворовъ—прежде войсковая была, а потомъ, по определенію полковничомъ же, на власть обозничества полкового обозній полковій Кіевскій Фалковскій содержалъ; а по немъ обозній полковій же Кіевскій Барановскій содержалъ; а потомъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій содержалъ; а теперъ Алексѣй Яковенко, сотникъ полковій Козелецкій, оною деревнею по унѣверсалу гетмана пана Данила Апостола, данномъ въ 1728 году за службу войсковую, содержитъ.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Носовской:

Въ местечку *Носовцѣ*—10 дворовъ; владеетъ бунчуковій товаришъ Семенъ Шаула, а въ оныхъ дворахъ подсусѣдки его на его жъ власномъ купленномъ грунтѣ поселеніемъ живуть; а теперъ онъ же, Шаула, по унѣверсалу гетмана Скоропадского, данномъ въ

---

[1]) И оніе села прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не были.

[2]) И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

1718 году, тими дворами владѣетъ; мелницъ три на рецѣ Острѣ и винница за собственніе денги куплены [1]).—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Кобыжской:

Село *Свидовецъ*—22 дворы—прежде войсковое свободное было, а въ 1713 покойного гетмана Скоропадского и 1727 годахъ нынѣшнего гетмана Даніила Апостола унѣверсалами отдано Павлу Циганчуку, бывшому обознему тогобочному Бѣлоцерковскому, въ награжденіе тогобочнихъ маетностей, по указу монаршомъ на томъ боку Днепра оставленнихъ; якимъ селомъ, по смерти отца своего Павла Циганчука, сынъ его Михайло Циганчукъ владѣетъ за помененного отца своего вѣрніи и радѣтелніи службы [2]).—*По осмомъ пункту.*

Село *Мокіевка*, прежде бывшая слободка, до полку Кіевского принадлежащая съ околичними угодіи, которая имѣлася прежде въ бывшого полковника змѣнника Мокіевского, а теперъ имееться во владеніи Кіевского полковника Антонія Танского, по даннихъ двохъ унѣверсалахъ покойного гетмана Ивана Ильича Скоропадского, якожъ и государственною высокомонаршою грамотою во вѣчное владѣніе ствержено, по которой силѣ послѣдователнѣ господина Даніила Апостола гетмана унѣверсаломъ ствержено 1728, а высокомонаршая грамота на оное село Мокіевку, виданна 1718 году іюля 7 дня ему, полковнику Танскому, женѣ его и дѣтемъ оное село Мокіевку во владѣніе утверждаетъ [3]).—*По осмомъ пункту.*

---

[1]) Оними десятми дворами хочай Семенъ Шаула, по унѣверсала гетманского ствержень, владѣетъ, еднакъ же въ тихъ добрахъ подсусѣдки его, на власномъ купленномъ его грунтѣ поселенніе, живутъ, а мелници і винница за собственніе денги куплени.

[2]) Село Свѣдовецъ з давнихъ лѣтъ въ вѣдомствѣ полковниковъ Кіевскихъ было, где оныхъ полковниковъ каждого и до днесь футори имеются; и до полковника Ѳедора Волского всѣ полковники опымъ селомъ на урядъ полковничій владѣли; а когда Кіевскій полковникъ Антоній Танскій прибылъ на полковничество Кіевское, въ ту пору для офицеровъ всѣхъ своихъ нескольких человѣка, видержавши оное село два года, на время для притулища, онымъ придалъ тамошнихъ людей на услугу; еднакъ же свой хуторъ неуступно и всякій статокъ содержалъ. А Павелъ Циганчукъ подступно, мимо вѣдома полковника и старшини полковой Кіевской, на оное село унѣверсалъ виправилъ, и теперь онымъ селомъ сынъ его Михайло владѣетъ.

[3]) Прежде поселенія оного тамошній грунтъ с полями принадлежалъ до полку Кіевского, гдѣ змѣникъ Мокіевскій хуторъ себѣ состроилъ былъ, когорымъ хуторомъ и протчіе полковники владѣлы; а потомъ, пришедши на полковничество Кіевское, полковникъ

Въ сотнѣ Бобровицкой:

Въ местечку *Бобровицѣ*—19 дворовъ, прежде войсковіе были, а потомъ протопопъ Нѣжинскій Яворскій, по умертвіи господарей и протчіихъ въ тихъ домахъ, оніе двори у поминовеніе къ себѣ привлащилъ и, мимо вѣдома полковника и старшини, унѣверсаломъ гетманскимъ покойнаго Скоропадского, себѣ во владѣніе даннимъ въ 1716, ствердилъ; и оными дворами до сихъ поръ жена его, протопопина, владѣетъ; а мелница и винница за собственніе денги куплени, а дворами почему владѣетъ крѣпости копіи не дала.—*По осмомъ пункту.*

Село *Сухинка*—3 дворы. Оное село зъ давнихъ лѣтъ по уизду сотнѣ Бобровицкой на власть полковничую ишло, которое полковникъ Костаптій Солонина унуку своему Івану Забѣлѣ, товаришевѣ бунчуковому, во владѣніе далъ; и онъ, Забѣла, зъ согласіемъ швагра своего Максима Почеки, попа Нѣжинского, оное село чернцямъ Кіевопечерскимъ во вѣчность продалъ; и теперъ чернцѣ Печерскіе владѣютъ; и мелница и винница за собственніе денги куплени, а почему оны владѣютъ крѣпостей не далы.—*По осмомъ пункту.*

Село *Заворичи*—17 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонини, владѣлъ судія полковій Кіевскій Незамай, а по немъ Яковъ Солонина по жалованной грамотѣ государственной, за службу войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе данной въ 7198 (1690) году; и теперъ по наслѣдію его имеетъ грамоту синъ его Якова Солонини, Кирило Солонина; и онымъ селомъ покойного Кирила жена его, Домникія, владѣетъ по вишъписанной государственной грамотѣ, въ 7198 (1690) году данной; а мелница и винница за собственніе денги куплени [1]).—*По осмомъ пункту.*

Антонъ Танскій виправилъ унѣверсалъ у покойного гетмана Скоропадского на оній грунтъ, прозиваемій Мокіевку, со всѣми къ нему принадлежащими угодія, и, по тому унѣверсалу людей тамъ заднѣпрскихъ осадилъ и всякіе пожитки съ немалимъ ежднвеніемъ, а іменно церковь, млинъ и греблю занялъ, чрезъ четири года роненнихъ устроилъ и содержалъ тое село, собою осаженное, годовъ четирѣ; и на тое високомонаршую грамоту виправилъ былъ, которую покойній Скоропадскій отнялъ, и селомъ онымъ завладѣлъ; якое село по немъ теперь во владѣніи ясневелможного п. гетмана Данііла Апостола обретается. Теперь же знову Кіевскій полковникъ Антоній Танскій помянутимъ селомъ Мокіевкою владеетъ, которые ему, женѣ и дѣтемъ его високомонаршею грамотою 1718 году (?) іюля 7 дня во владѣніе ствержено.

[1]) И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

Въ селѣ *Заворичахъ*—12 дворовъ; прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонини, завладѣлъ по жалованной грамотѣ государственной, за службу войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе данной въ року вишеизображонномъ; а теперъ оными дворами Ѳедоръ Солонина, товарищъ бунчуковій, владѣетъ по волѣ Кирила Солонини; ибо Кирило Солонина и отцу Ѳедорову Василію Солонинѣ оныхъ дворовъ, себѣ спадаючихъ, поссессиве братерства ради, уступилъ [1]).—*По осмомъ пункту.*

Село *Мостища*—39 дворовъ—зъ давнихъ лѣтъ, по уизду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ ишло; такъ же село *Семиполки*—44—Козелецкой, *Святое*—18—и слободка *Парня*—6—Остерской, *Рудня*—43—Гоголевской у *Блудшемъ*—3 двора Козелецкой же сотнѣ, оніе войсковіе были; а потомъ Григорій Волскій, полковникъ, оными всѣма селами, по жалованной государственной грамотѣ, владѣлъ; а потомъ его сынъ Ѳедоръ Волскій, полковникъ, по оной же грамотѣ владѣлъ; а потомъ госпожа генералша Кантакузина, а по ней генералъ Девіеръ владѣлъ; а потомъ генералъ-атютантъ господинъ Лопухинъ по указу Его Императорского Величества содержалъ; а теперъ госпожѣ генералшѣ Кантакузиной отъ господина генерала-атютанта Лопухина продажею во владѣніе пришло и до сихъ поръ въ ея владѣніи обретаються; а почему госпожа енералша владѣетъ, крѣпостей не показано [2]).—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Гоголевской:

Село *Сѣтилное*—53 дворы—прежде войсковое было; а потомъ, по унѣверсалу гетмана и змѣнника Мазепи, до ласки войсковой, Ѳедору Волскому было дано; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій

---

[1]) Въ селѣ Заворичахъ 13 дворовъ прежде войсковіе были, а потомъ, по опредѣленію полковника Солонины, судія полковій Кіевскій Незамай, а по немъ Яковъ Солонина владѣлъ по жалованной государственной грамотѣ, за службу его войсковую ему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе данной въ 7198 (1690 г.) году; а теперь онымъ Ѳедоръ Солонина, товарищъ бунчуковій, владѣетъ по волѣ Кирилла Солонины, и онъ, Ѳедоръ Солонина, напрасно росписался, якъ въ екстрактѣ ревизіялной книги явствуетъ, что по грамотѣ 13-ма дворами владѣетъ, ибо онъ таковой грамоти у себе не імеетъ, а мелници и винницы за собственніе денги куплени; и оное село ни подъ какими урядниками или подъ ратушею не было.

[2]) А прежде оніе села ни на какіе урядники или до ратушей не надлежалы.

онымъ селомъ владѣетъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, за многіе и вѣрніе на службѣ Его Императорскаго Величества роненніе труды ему, полковнику Танскому, въ 1713 году виданномъ; такъже по грамотѣ государственной 1718 іюля 7 дня, ему, полковнику Танскому, женѣ его и дѣтемъ виданной, со всѣми къ оному принадлежащими угодіи владѣетъ.—*По осмомъ пункту.*

Село *Старица*—20 дворовъ—прежде войсковая была, а потомъ змѣнникъ Мазепа онымъ завладѣлъ и матеры своей игуменіи во владѣніе и монастиру Вознесенскому паненскому, въ крѣпости Печерской обретаючемуся, придалъ былъ; и оное село хоружій енералній Иванъ Сулима випросилъ себѣ былъ у гетмана Скоропадского на время толко въ помощъ для сооруженія церкви; которымъ селомъ и теперъ жена его, хоружаго енералного, Марія владѣетъ по унѣверсалу, данному мужу ея, помянутому хорожому Сулимѣ, за службы войсковіе въ 1713 году, отъ гетмана покойного Скоропадского виданномъ и въ 1721 году по унѣверсалу его жъ, Скоропадского, владѣетъ [1].—*По осмомъ пункту.*

Село *Бобрикъ*—13 дворовъ—прежде войсковое было, а потомъ хоружій полковій Кіевскій Костантій Чекановскій, а по немъ Юрко, хоружій полковій же, на урядъ хоружества полкового содержали; а потомъ Ѳедоръ Ханенко, асаулъ полковій, за услуги войсковіе по унѣверсалу гетманскомъ содержалъ; и теперъ онъ же, Ѳедоръ Ханенко, по потвердителномъ унѣверсалу гетмана пана Даніила Апостола, въ 1728 году виданномъ, оное село Бобрикъ содержитъ [2].—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Остерской:

Село *Красиловка*—20 дворовъ—прежде войсковое было, потомъ за службы войсковіе по грамотѣ государственной обозній полковій Кіевскій Подтеребъ содержалъ; по немъ хоружій полковій Кіевскій Шумъ по унѣверсалу гетманскому на чинъ хоружества содержалъ, на что и подтвердителній унѣверсалъ гетмана Скоропадского въ 1719 году жена его зъ сыномъ Матвеемъ виданній имеетъ; а потомъ

---

[1]) И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

[2]) И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

и Иванъ Прутянулъ, хоружій полковій, оное село на урядъ хоружества содержалъ; а теперъ (съ 1730 г.) онымъ селомъ Ѳедоръ Лисенко, асаулъ войсковій енералній, владѣетъ по имеющейся высокомонаршей грамотѣ 171 (1663) году, виданной его дѣду Подтеребу, обозному полковому Кіевскому; а почему теперъ (владѣетъ) енералній войсковій асаулъ Ѳедоръ Лисенко, сказкою показано [1]).—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Козелецкой:

Деревня *Скрипчинъ*—8 дворовъ; оная прежде войсковая была, а потомъ на урядъ войтовства Козелецкого Александеръ Аксамитній, по немъ Стефанъ Ковтунъ, Парфенъ Ивановичъ и протчіе, съ опредѣленія полковниковъ Кіевскихъ, держалы; а потомъ Иванъ Кукуранъ на власть второго асаулства полкового содержалъ и теперъ содержитъ, а въ полку лантмилицкомъ служитъ [2]).—*По осмомъ пункту.*

На *Лузѣ*—8 дворовъ, ратушу Козелецкому прислушаючихъ; тамъ же Якова Борсука, атамана городового Козелецкого, на купленномъ его грунтѣ подсусѣдковъ—11; тамъ же попадѣ Валковской подсусѣдковъ же—2; тамъ же Антонію Виринскому, товаришевѣ войсковому, по опредѣленію полковничомъ данныхъ, крайне нищотныхъ—3 дворы.—*По осмомъ пункту.*

Въ сотнѣ Кіевской:

Село *Обуховъ*—дворовъ (число не означено), заграничное, прежде шляхетское владенія полского было, а потомъ опустѣлое зостало, которое змѣнникъ Мокіевскій людми осадилъ, будучи полковникомъ Кіевскимъ; и во время змѣни Мазепинской онымъ селомъ сіятелнѣйшій князь Димитрій Михайловичъ завладѣлъ, а послѣ Николаю Андреевичу Еренкову, коменданту Кіево-Печерскому, во владѣніе отдалъ; а по немъ сіятелнѣйшій князь Иванъ Юріевичъ Трубецкой онымъ селомъ владѣлъ же; а теперъ Кіевского гварнизона брегадиръ и оберъ-комендантъ Григорій Наумовъ онымъ селомъ владѣетъ по присланному Его Императорскаго Величества изъ високого Сената указу и по виписке изъ Кіев-

---

[1]) А винница за собственніе денги куплена; и оное село и деревня Сокиринъ—3 двора—прежде ни на какіе урядники или подъ ратушемъ не были.

[2]) И оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

ской генералъ губернской канцеляріи, данной въ 1723 году; при томъ же мелницъ двѣ о двухъ колахъ; а почему владѣетъ, оными, крѣпости не показано [1]).—*По осмому пункту.*

---

2 статія—полку Кіевского маетности, которіе, по силѣ 10-го пункта [2]), прилични на уряды.

Въ сотнѣ Козелецкой.

Село *Чемеръ*—59 дворовъ; оное село прежде войсковое было; а потомъ по ласцѣ полковника Константія Солонини, протопопъ Козелецкій Юрій содержалъ; а по немъ на власть судейства полкового Романъ Жила содержелъ же; а потомъ на урядъ писарей полковихъ Кіевскихъ, именно, Данила Солонини, по немъ Созонта Драбовского, потомъ Владимера Енкевича, потомъ же Василія Солонини ишло; а теперъ писаръ полковій Григорій Немировскій на урядъ писарства оное село содержитъ.—*По десятомъ пункту.*

Деревня *Ставиская*—15 дворовъ; оная деревня прежде войсковая была, а потомъ за службы войсковіе на власть атамановъ городовихъ Козелецкихъ ишла; потомъ, по опредѣленію змѣнника Мокіевского, во владѣніи прапорщика полкового Кіевского Петра Крозецкого была; послѣ знову на власть атамановъ городовихъ Козелецкихъ ишла; а потомъ, зъ ласки гетмана Скоропадского, протопопу Козелецкому Симеону Лясковскому во владѣніе была дана; а теперъ Василій Харсѣка, по опредѣленію полковничомъ, во владѣніи оное содержитъ [3]).—*По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Острицкой:

Село *Евминка*—164 дворы, притомъ слободка—30 дворовъ; здавна Костантій Солонина, полковникъ, по жалованной государственной грамотѣ оными владѣетъ; а по умертвіи, змѣнникъ Мазепа за-

---

[1]) Оное село ни подъ какими больше урядниками не было.

[2]) Изъ „Рѣшительныхъ пунктовъ" 1728 г. 10-й утверждаетъ за малороссійскими чинами ранговыя помѣстья, несправедливо розданныя гетманомъ И. Скоропадскимъ своимъ приближеннымъ.

[3]) И оная деревня прежде ни подъ какими владѣлцами, или подъ ратушемъ, и на урядниковъ другихъ за отдачею не была (То же сказано и о вышеозначенномъ с. Чемерѣ).

владѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій, послѣ жена его гетманша, а теперъ во владѣніи пана гетмана Даніила Апостола по грамотѣ государственной, 1730 году мая 26 дня виданной, владеетъ [1]).—*На булаву по грамотѣ 10-му пункту.*

Село *Бурки*—24, *Котовъ*—39, въ городѣ *Остръ*—25, въ *Гутѣ*—1; итого 89 дворовъ. Оніе дворы прежде войсковіе были, а потомъ змѣнникъ Мазепа Костантію Солонинѣ до ласки войсковой определилъ былъ; а потомъ змѣнникъ Мокіевскій и, по опредѣленію его, змѣнника Мазепи, на власть полковничую владѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій въ своемъ владѣніи имѣлъ; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій владеетъ. Село Котовъ прежде войсковое было, а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую завладѣлъ; а по немъ Ѳедоръ Волскій полковникъ; а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій по жалованной государственной грамотѣ, въ 1715 году виданной, владѣетъ [2]). Вишъписанніи дворы въ городѣ Острѣ зъ давнихъ лѣтъ на власть полковничую надлежать, и теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій владѣетъ по той же грамотѣ государственной [3]).—*По десятому пункту.*

Село *Пархимовъ*—33 дворы—прежде войсковое было, а потомъ, съ опредѣленія змѣнника Мокіевского, судія полковій Кіевскій Дворецкій на власть судейства содержалъ; потомъ, съ опредѣленія полковничого Петра Солонини, сотникъ Бобровицкій до ласки войсковой содержалъ же; а по немъ, по опредѣленію полковничомъ же, Ѳедоръ Ханенко, обозній полковій Кіевскій, на власть обозничую завладѣлъ и до сихъ поръ онъ, обозній Ханенко, тимъ селомъ по унѣверсалу гетмана пана Даніила Апостола, въ 1728 году виданномъ на власть обозничества, владѣетъ [4]). *По десятому пункту.*

---

[1]) А мелница и винница за собственніе денги куплени; и оное село прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не было.

[2]) Деревни Гута прежде войсковая была, а потомъ, зъ вѣдома полковничого до ратуша Острицкого прислушаетъ временно.

[3]) И вишеписанніе села прежде ни подъ какими урядниками или подъ ратушемъ не были.

[4]) Въ селѣ Пархимовѣ 3 двора; прежде были во владѣніи Семена Солонини, а теперь, яко собственніе и на собственныхъ грунтахъ обретаючіеся, подсусѣдки и инымъ людемъ зъ грунтомъ толко, а не саміе оные подсусѣдки, проданы; и оніе прежде до владѣнія чіего или до ратуши не подлежали.

Деревня *Пѣсочное*—11, *Гладкое*—6 и *Шуляки*—4 дворы,—прежде войсковіе были; а потомъ, по опредѣленію змѣнника Мокіевского, сотникъ Гоголевскій Рожанскій содержалъ; а по немъ Игнатъ, асаулъ полковій; а по немъ Савенко, асаулъ же полковій Кіевскій, на власть асаулства полкового содержалъ; а теперъ Евстафій Гречка на власть асаулства жъ оніе деревнѣ содержить по унѣверсалу гетмана Даніила Апостола, въ 1730 году виданному.—*По десятому пункту.*

Село *Олбинъ*—11 и *Гута*—13 дворовъ; прежде сего Яковъ Барановскій, обозній полковій Кіевскій, владѣлъ, а теперъ Матвѣй Шумъ, вторій асаулъ полковій Кіевскій, на власть асаулства по унѣверсалу гетмана Даніила Апостола, въ 1730 году виданномъ, владеетъ [1]). *По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Носовской:

Село *Козаръ*—94 и *Ржавецъ*—33, итого 127 дворовъ; оніе села прежде войсковіе были; а потомъ змѣнникъ Мокіевскій на власть полковничую содержалъ; потомъ Ѳедоръ Волскій, полковникъ Кіевскій, въ своемъ мѣлъ владѣніи; а теперъ владѣетъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій по жалованной грамотѣ, данной въ 1715 году на урядъ полковничества.—*По десятому пункту.*

Деревня *Киселювка*—7 дворовъ; оная прежде войсковая была; потомъ змѣнникъ Мокіевскій на свою власть полковничую былъ завладѣлъ, а потомъ Иліи Жилѣ, судіи полковому, по унѣверсалу гетмана Скоропадского 1712 году, на урядъ судейства данному; тамъ же хуторецъ съ трема млинами, за собственніе свои денги купленній, съ полями и пущею владеетъ [2]). *По десятому пункту.*

Въ сотнѣ Бобровицкой.

Село *Рудковка*—62 дворы—съ давнихъ лѣтъ, по уезду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ ишло, а потомъ покойній гетманъ Скоропадскій и гетманша Скоропадская вла-

---

[1]) Село Олбинъ прежде войсковое было, а потомъ, по опредѣленію полковничомъ, на власть обозничества полкового обозній полковій Кіевскій Фалковскій содержалъ, а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій онымъ владѣетъ (см. также прим. 19 и 20).

[2]) Объ этой деревнѣ сказано то же, что и о д. Гутѣ. См. прим. 2 на стр. 58.

дѣлы; а теперъ господинъ велможній панъ гетманъ Даніилъ Апостолъ по грамотѣ государственной, 1730 году мая 26 дня виданной, на булаву гетманскую владѣетъ. *На булаву гетманскую по 10-му пункту.*

Местечко *Бобровица,* въ ономъ—25 дворовъ; оное зъ давнихъ лѣтъ полковники Кіевскіе, именно Константій Солонина, Ѳедоръ Волскій на власть полковничую содержалы, а теперъ полковникъ Кіевскій Антоній Танскій оное местечко на власть полковничую содержитъ, ибо оное жъ мястечко со всѣми уездними селамя, нижей именно написанними, зъ давнихъ лѣтъ, по указомъ монаршимъ и гетманскимъ унѣверсаломъ, на власть полковничую ишли, съ которыхъ и теперъ иніе подъ разныхъ владѣлцовъ роздани.—*По десятому пункту.*

Село *Ярославка*—54 дворы; оное село зъ давнихъ лѣтъ, по уезду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ надлежащихъ ишло, а потомъ змѣнникъ Мазепа завладѣлъ былъ оным; а по немъ мати его Мазепина, игуменія, владела; а по ней гетманъ Скоропадскій владѣлъ же; а теперъ во владѣніи монастира Видубицкаго по унѣверсалу гетмана Скоропадского содержится; а унѣверсала на оное село не явлено —*По 10 пункту на урядъ полковничій надлежало.*

Деревня *Бервица*—15 дворовъ—зъ давнихъ лѣтъ, по уезду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ принадлежала; а полковники Кіевскіе, съ опредѣленія своего, сотникомъ Бобровицкимъ оную во владѣніе до ласки войсковой вступалы; и теперъ, съ опредѣленія полковника Антонія Танского, сотникъ Бобровицкій Костантій Василіевичъ владѣетъ; а винница за собственніе денги куплена.—*По десятому пункту.*

Деревня *Марковцы*—7 дворовъ—за давнихъ лѣтъ, по уезду селъ сотнѣ Бобровицкой, на власть полковниковъ Кіевскихъ надлежащихъ ишла; а теперъ, по ласцѣ полковника Кіевского Антонія Танского, братъ его Михайло Танскій оную деревню содержитъ.—*По десятому пункту.*

3 статя—полку Кіевского маетности, которіе надлежатъ въ докладъ ясневелможному пану гетману Данілу Апостолу, а именно:

Въ сотнѣ Козелецкой:

Село *Ничагувка*—59 дворовъ; а оное прежде войсковое было; потомъ, по опредѣленію полковника Солонини, на урядъ хоружества полкового Сергій Солонина держалъ; а по немъ обозній полку Кіевского Павелъ; а потомъ Павелъ, заставшій судіею полковымъ Кіевскимъ, содержалъ на власть судейскую; а теперъ войтъ Кіевскій Полоцкій, мимо вѣдомъ полковника и старшини полковой Кіевской, подступно виправивши унѣверсалъ гетмана Скоропадского, данній въ 1715 году, онымъ селомъ владеетъ и унѣверсала не обявилъ [1]). *По десятому пункту на урядъ судейства полкового, ибо судія на урядъ маетности опредѣленной не имеетъ.*

Село *Вовчокъ*—102 дворы; оное прежде войсковое было, а потомъ полковникъ Солонина по жалованной грамотѣ содержалъ; а по немъ змѣнникъ Мазепа въ своемъ владеніи имелъ; по немъ же гетманъ Скоропадскій содержалъ; а теперъ монастиръ Кіево-Софійскій оное село Вовчокъ въ своемъ имеетъ владеніи, почему—крѣпостей не явилы [2]). *По десятому пункту мнѣніемъ узналы на урядъ полковничій, ибо прежде Созонтій онымъ селомъ владѣлъ полковникъ.*

Въ сотнѣ Остерской:

Село *Воропаевъ*—39 дворовъ; оное прежде войсковое было, а потомъ полковникъ Кіевскій Костантій Солонина по жалованной грамотѣ на власть полковничую содержалъ; а по немъ во владеніи измѣнникъ Мазепа и мати его Мазепина, игуменія, содержалы; а теперъ во владеніи Кіево-Печерскаго монастира оное село Воропаевъ обретается; а почему, съ оного монастира крѣпостей не явилы [3]).

Село *Омеляновъ*—15 дворовъ; оное прежде войсковое было, а минувшого 1713 году, мимо вѣдомъ полковника и старшини полко-

---

[1]) Объ этомъ селѣ сказано тоже, что и о деревнѣ Гутѣ. См. прим. 2 на стр. 58.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibid.

вой Кіевской, войтъ Кіевскій Полоцкій оное село толко для сооруженія церкви въ гетмана Скоропадского випросилъ и, не сооруживши оной церкви, напрасно онымъ селомъ и до сихъ поръ владеетъ—почему, вѣдомости не явилъ [1]).

Село *Крихаевъ* —104 и *Боденки*—56 дворовъ,—прежде войсковіе были, а потомъ полковникъ Костантій Солонина по грамотѣ монаршой содержалъ, а, по умертвіи его, оними селами змѣнникъ Мазепа завладѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій въ своемъ имѣлъ владѣніи; а потомъ на монастиръ Золотоверхій Кіевскій во владѣніе онъ же, Скоропадскій, отдалъ; которими селами и до сихъ поръ монастиръ Михайловскій Золотоверхій Кіевскій владѣетъ по унѣверсалу гетмана Скоропадского, въ 1713 году виданномъ, и оного унѣверсала зъ оного монастира не обявлено [2]).

Село *Карпиловка*—83, *Виползовъ*—30, *Лутава*—22 и *Косачовка*—33,—итого 168 дворовъ; оніе прежде войсковіе были, а потомъ Костантій Солонина, полковникъ, онымъ владелъ и потомъ Трофиму Полтеребу, значному товаришевѣ войсковому, за службу его войсковую во владѣніе дали; а по немъ Григорій Карповичъ, полковникъ Кіевскій, въ своемъ имѣлъ владѣніи; а потомъ онъ же, Григорій Карповичъ, на прошеніе монаховъ Кіево-Братского монастира ордеромъ своимъ обывателемъ Карпиловскимъ приказалъ, абы до монастира Братского Карпиловскіи люде (на опалъ) возили дрова плотами; которій ордеръ монахи Кіево-Братского монастира взявши у змѣнника Мазепи по оному на село Карпиловку и уездніе села въ потвержденіе тѣхъ селъ унѣверсаломъ, мимо вѣдомъ полковника и старшины полковой, подступно виправили и до сыхъ поръ владеютъ, а почему—крѣпостей не показали.

Въ сотнѣ Носовской:

Село *Адамовка*—39 дворовъ; оное прежде войсковое было, а потомъ Мокіевскій змѣнникъ на власть полковничую завладѣлъ; а по немъ гетманъ Скоропадскій Іліи Жилѣ, судіи полковому Кіевскому, на урядъ судейства унѣверсаломъ опредѣлилъ; а теперъ генералъ-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

аншефъ фонъ—Вейзбахъ онымъ селомъ [1]) владеетъ, на которое змѣнникъ Мокіевскій грамоти государственной и унѣверсала гетманского не имѣлъ. Такъ же и мелницъ 5 о десяти колахъ мучныхъ, на Козерской греблѣ стоячіе, никогда и ни подъ какимъ образомъ до села Адамовки не надлежали; толко оніе, яко въ селѣ Козарѣ обрѣтаються, такъ полковникъ змѣнникъ Мокіевскій и покойній Ѳедоръ Волскій, содержачи на власть полковничества село Козаръ, и оными млинами владѣлы; а по Волскому послѣдователни на власть полковничества полковникъ Антоній Танскій оными мелницами съ 1712 по 1722 годи владѣлъ же, владѣючи селомъ Козаромъ, якъ въ дачахъ до села Козары принадлежащими угодіи помянутими мелницами владѣлъ же; а помянутого 722 году господинъ генералъ-аншефъ фонъ Вейзбахъ, принявши въ свое владѣніе село Адамовку, не въ дачи угодій, къ оному селу Адамовки принадлежащихъ, помянутими пятма мелницами,—невѣдомо, по якой претенсіи,—завладѣлъ и до сыхъ поръ владѣетъ, а почему—крѣпости не показано.

Въ Кіевской сотнѣ:

Село *Преварка*—82 дворы—прежде войсковое было и владѣли онымъ на урядъ полковничества полковники Кіевскіе, именно: Павелъ Яненко, по немъ Филипп'ъ, Многогрѣшного гетмана братъ; потомъ Костантій Солонина, по немъ Григорій Карповичъ, потомъ же змѣнникъ Мокіевскій оное село Преварку Процыковѣ, Кіевскому сотниковѣ, до ласки во владѣніи отдалъ; а теперъ Кіевскій войтъ Полоцкій владеетъ, а по якимъ крѣпостямъ—того не показано.—*На урядъ полковничества по десятому пункту.*

---

4 статя—полку Кіевскаго местечка, села и деревнь войсковіе свободніе, владѣльцамъ нерозданніе, съ которыхъ обыкновенно опредѣляются достойнимъ персонамъ въ награжденіе за службы ихъ войсковіе и на урядъ.

Противъ вишъписанной четвертой стати въ Кіевскомъ полку местечокъ, селъ и деревень войсковихъ свободнихъ, владѣлцамъ нерозданнихъ, толикое число имеется, именно въ сотняхъ: Носовской—

[1]) (будто измѣнничимъ).

484, Кобыжской—97, въ Гоголевской—45 дворовъ въ сотенныхъ городкахъ; въ которихъ городахъ при ратушахъ на владѣніе онихъ дворовъ крѣпостей не имееться:

Деревня *Шапъхи*—15 дворовъ—прежде на писара полковничого дворового ишло, а по умертвіи его теперъ свободная обретается [1]).

Хуторцѣ: *Святенькое, Курганское, Брегиницы*, а въ оныхъ имѣеться дворовъ—11; оніе теперъ свободніе обретаються, которіе прежде войсковіе были, а потомъ Николай Савенко, асаулъ полковій Кіевскій, владѣлъ [2]).

Сотнѣ Остерской: *Одинцъ*—22, *Савинъ*—10, *Упирь*—9, *Волевачь*—10, *Кошики*—10, *Волчая гора*—3, слободка *подъ Остромъ*—10, *Булаховъ*—12—итого 86 дворовъ войсковіе свободніе суть и, хочай оными ратушъ Острицкая дочастно вѣдаетъ зъ разсмотренія полковниковъ Кіевскихъ и старшини полковой, однакъ же крѣпостей гетманскихъ и полковничихъ на вишъписанніе дворы не имеютъ [3]).— *Свободніе.*

---

5 статя—полку Кіевского местечка, села и деревнь съ посполствомъ всѣмъ своимъ городовымъ, до ратуши Козелецкой прислушающіе:

Полковой городъ Козелецъ со всѣмъ своимъ посполствомъ городовимъ до ратуша Козелецкого принадлежитъ, въ ономъ дворового числа—384. *Свободній.*

---

[1]) Деревня Шапѣхи прежде войсковая была, а потомъ, по опредѣленію змѣнника Мокіевского, владѣлъ Грабовскій, сотникъ Козелецкій; а по немъ Василій Солонина, писарь полковій Кіевскій, по опредѣленію полковничомъ, владѣлъ, а теперь Иванъ Матвѣевичъ, писарь двору полковничого, за службу его войсковую и дворовую писарскую, по опредѣленію полковникомъ, владеетъ; а Евстафій Гречка, асаулъ полковій, по написанному въ экстрактѣ ревизіялной книги оною деревнею не владѣлъ, и оная прежде деревня ни подъ какими урядниками и подъ ратушемъ не была.

[2]) Хуторцѣ: Святенькое, Курганское, Брагинцы, также прежде войсковые были, а потомъ, по опредѣленію полковничомъ и по унѣверсалу гетманскомъ, по написанномъ въ экстрактѣ ревизіялной книги Николая Савенка, бывшого асаула, жена вдова оными хуторцями владѣетъ; и оніе села и хуторцѣ прежде ни подъ какими урядниками и подъ ратушемъ не были, а винница за собственніе денги куплена.

[3]) Въ назпанныхъ селахъ, „зъ вѣдома полковниковъ Кіевскихъ, для всякихъ нуждъ и напздовъ отправленія полкового до ратуша Остерского опредѣлени обиватели тамошніе; а оной ратушъ на оніе села и деревни жаднои крѣпости не імеетъ“.

РЕЛЯЦІИ

КІЕВСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА

за 1768 и 1769 гг.

Сообщилъ А. А. Андріевскій.

Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 годы.

Въ массѣ старыхъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ Кіев. Губернскаго Правленія безъ всякой описи, найдены были мною въ разное время остатки сборника „реляцій“ Кіевскаго генералъ-губернатора (собственно черновокъ ихъ), отправленныхъ на Высочайшее имя въ 1767, 1768 и 1769 годахъ; найденъ былъ и „журналъ“ этимъ реляціямъ, т. е. подробное ихъ оглавленіе. Въ этомъ журналѣ зарегистровано за 1767 годъ 30 номеровъ, но въ моихъ рукахъ оказалось ихъ 26; за 1768 г. изъ 86, записанныхъ въ журналѣ, реляцій найдено только 76, а за 1769 г. изъ 61 недостаетъ 14.

Многія реляціи сопровождались приложеніями, состоявшими изъ писемъ, полученныхъ генералъ-губернаторомъ, или донесеній, представленныхъ ему нарочно командированными имъ лицами; но, къ сожалѣнію, большей части этихъ приложеній не оказалось при найденныхъ мною реляціяхъ.

Имѣя въ виду, что реляціи эти, хотя и въ черновкахъ, представляютъ значительный историческій интересъ, онѣ списаны мною съ опущеніемъ лишь обычныхъ титулованій и такихъ же формулъ обращенія и заключенія, а равно безъ соблюденія орѳографіи подлинниковъ (что̀ въ данномъ случаѣ представлялось мнѣ совершенно излишнимъ), и наиболѣе важная для южно-русской исторіи часть ихъ помѣщается ниже.

Реляціи 1767 г. имѣютъ предметомъ исключительно пограничныя отношенія Россіи къ Крыму и представляютъ довольно цѣнный матеріалъ для знакомства съ дѣлами Крымскими, а отчасти и Запорожскими; реляціи 1768 г. касаются на половину дѣлъ Крымскихъ и Запорожскихъ, на половину дѣлъ Польскихъ; наконецъ, реляціи 1769 г. относятся, главнымъ образомъ, до дѣлъ, связанныхъ съ начавшимися тогда военными дѣйствіями. Въ настоящей книгѣ „Чтеній“ мы сообщаемъ только ре-

ляціи за 1768 и 1769 гг.; но такъ какъ онѣ имѣютъ нѣкоторую связь и съ реляціями за 1767 г., то, говоря о содержаніи первыхъ, сначала скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ.

Въ 1767 г. въ Крыму дважды произошла смѣна хановъ. Въ началѣ этого года ханъ Селимъ-Гирей былъ низложенъ Портою и на его мѣсто назначенъ былъ Арсланъ-Гирей, бывшій уже раньше Крымскимъ ханомъ и смѣненный въ 1756 г. (рел. за № 11). Но Арсланъ-Гирей, не побывавъ даже въ Крыму, умеръ въ Каушанахъ 19-го мая, а на ханство возведенъ былъ Максутъ-Гирей. Реляціи знакомятъ насъ съ настроеніемъ различныхъ Татарскихъ ордъ по случаю этихъ перемѣнъ, которыя, между прочимъ, послужили причиной того, что въ этомъ году не состоялся обычный съѣздъ пограничной коммиссіи для разбора взаимныхъ ссоръ и претензій между Запорожцами и Татарами, почему и отправленные въ маѣ мѣсяцѣ наши коммиссары надв. сов. Ефремовъ и кол. асессоръ Чугуевецъ (рел. за № 13) въ августѣ мѣсяцѣ возвратились обратно въ Кіевъ (рел. за № 23).

Для обычнаго развѣдыванія о Татарскихъ „обращеніяхъ“ въ 1767 г. посылались изъ Кіева нарочные толмачъ Андрей Константиновъ и капитанъ Бастевикъ, журналы которыхъ и прилагались къ реляціямъ, но изъ нихъ сохранился лишь одинъ журналъ Константинова (рел. за № 2), ѣздившаго въ августѣ 1766 г. съ цѣлію провѣдать о новыхъ слободахъ, устроенныхъ Татарами вблизи Русскихъ границъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя объ этихъ слободахъ, представляютъ значительный интересъ для исторіи колонизаціи края. Капитанъ Бастевикъ отправленъ былъ изъ Кіева 6-го марта съ цѣлію установить способъ переписки съ „пріятелемъ“ Якубомъ, сообщенія котораго представляли особую цѣну, почему о возможно болѣе частой перепискѣ съ нимъ и предписывалось генералъ-губернатору особыми рескриптами (рел. за №№ 4 и 8). Въ видѣ „приличнаго претекста“ Бастевику поручено было доставить поздравительное письмо хану. Такъ какъ ко времени пріѣзда Бастевика въ Крымъ произошла смѣна хана, то онъ остался ожидать въ Бахчисараѣ прибытія новаго хана (рел. за № 5); но этотъ новый ханъ умеръ, и въ Бахчисарай было привезено въ іюлѣ мѣсяцѣ тѣло его для торжественнаго погребенія на ханскомъ кладбищѣ, а Бастевику было предписано оставаться до пріѣзда Максутъ-Гирея, собирая разнаго рода свѣдѣнія о Крымскихъ дѣлахъ (рел. за № 18). Возвратился кап. Бастевикъ въ Кіевъ лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ отвѣтнымъ

письмомъ новаго хана (рел. за № 26) и въ томъ же мѣсяцѣ вторично былъ командированъ въ Крымъ съ новымъ „поздравительнымъ письмомъ".

Кромѣ посланныхъ въ Крымъ подъ разными предлогами нарочныхъ, свѣдѣнія о Крымскихъ дѣлахъ доставлялись въ 1767 году еще и другими лицами: Нѣжинскимъ купцомъ грекомъ Судаклеемъ (рел. за №№ 3, 7), „пріятелемъ" Якубомъ (рел. за №№ 15, 19, 23) и Могилевскимъ кореспондентомъ (рел. за №№ 10, 11, 23), а равно пребывавшимъ въ Запорожской Сѣчи асессоромъ Чугуевцемъ и кошевымъ атаманомъ (рел. за №№ 11, 21, 22 и 23).

Изъ реляцій этого года видно, что существенный интересъ сношеній Русскаго правительства съ Крымомъ представляло возстановленіе въ Крыму Русскаго консульства, о чемъ настаивалъ предъ Портою и находившійся въ Константинополѣ резидентъ Обрѣзковъ. Еще въ предшествующемъ 1766 году посланному въ Крымъ съ письмами къ хану, поручику Климовскому, генералъ-губернаторъ Глѣбовъ приказывалъ хлопотать о принятіи Русскаго консула, къ чему, повидимому, и склоненъ былъ ханъ Селимъ-Гирей. Съ тою же цѣлью, согласно высочайшему указу 16 апрѣля 1766 г., посылалъ Глѣбовъ и капитана Бастевика [1]), пріобрѣтшаго, по видимому, прочныя знакомства въ Крыму, при чемъ возлагались особыя надежды на содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ „пріятеля" Якуба. Объ этомъ же принятіи Русскаго консула поручено было и въ 1767 г. отъ генералъ-губернатора Воейкова „всекрайнѣйшее стараніе" приложить и „пріятелю" Якубу, и капитану Бастевику.

Не мало также заботъ вызывало улаживаніе отношеній войска Запорожскаго къ Едичкульской ордѣ, въ теченіе двухъ зимъ подрядъ вступавшей въ предѣлы Запорожскихъ владѣній и опустошавшей ихъ лѣса. Вызванныя этимъ „наглымъ поступкомъ" Едичкульцевъ претензіи Запорожцевъ не могли быть, однако, удовлетворены, такъ какъ самый съѣздъ пограничной коммиссіи для разбора этихъ претензій, за неприбытіемъ Татарскихъ коммиссаровъ, не состоялся. Объ этихъ претензіяхъ, въ виду необходимости разобрать ихъ при участіи Татарскихъ депутатовъ, сносился съ Крымскимъ ханомъ непосредственно и кошевой атаманъ Кальнишевскій (рел. за № 23).

---

[1]) См. „Записки Од. Общ. И. и Д.", т. XIV: „Матеріалы для исторіи Южно-русск. края", гл. XLI. Въ этой главѣ приведено обстоятельное наставленіе, данное по этому дѣлу кап. Бастевику.

Изъ реляцій 1768 г. мы видимъ, что разбирательство упомянутыхъ столкновеній встрѣтило серьезныя препятствія (рел. за № 42). Едичкульскіе татары, возмутившись противъ своего сераскеръ-султана, рѣшительно заявили чрезъ своихъ старшинъ, что они „по ханскому повелѣнію въ погр. коммиссію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ съ своей стороны собирать и высылать не намѣрены, равно какъ и по жалобамъ Запорожцевъ возвратить ничего не хотятъ, признавая учрежденную погр. коммиссію для нихъ излишнею и необычайною, а для избѣжанія отъ такихъ новостей и хлопотъ они лучше желаютъ на Кубань по прежнему переведены быть". Объ этомъ „взволнованіи" Едичкульцевъ генералъ-губернаторъ послалъ развѣдать особаго нарочнаго. Не смотря однако на это „взволнованіе" Едичкульцевъ и ихъ заявленіе, съѣздъ погр. коммиссіи состоялся и окончился благополучно къ обоюдному удовольствію (рел. за № 58), при чемъ, по требованію генералъ-губернатора, внесено было въ протоколы коммиссіи обязательство, чтобы какъ Запорожцевъ, такъ и Татаръ—всѣхъ безъ письменнаго вида „шатающихся не въ своихъ границахъ обостороннихъ подданныхъ—признавать за настоящихъ бродягъ".

Новый поводъ для жалобъ Запорожцевъ на Татаръ подалъ Едичкульскій сераскеръ-султанъ, устроивши свой перевозъ черезъ Днѣпръ и потребовавъ отъ Коша, чтобы Запорожцы не чинили никакихъ въ этомъ случаѣ Татарамъ препятствій. Генералъ-губернаторъ, представляя жалобу Запорожцевъ въ Коллегію Иностран. Дѣлъ, выражалъ свое мнѣніе, что такой „новости", какъ учрежденіе Татарского черезъ Днѣпръ перевоза, допускать не слѣдуетъ. На жалобу же Запорожцевъ о томъ, что Едичкульскіе татары уже послѣ съѣзда погр. коммиссіи вновь начали причинять имъ „своими наглыми нападеніями немалыя обиды и грабительства", Воейковъ, „уваживъ нѣжность нынѣшнихъ обстоятельствъ", предписалъ кошевому всячески воздерживать Запорожцевъ отъ ссоръ съ Татарами, не подавать самимъ повода къ раздору; въ случаѣ же Татары „къ явному нападенію на наши границы движенія чинить стали бъ", тогда кошевой долженъ немедленно репортовать и изготовить войско къ военнымъ дѣйствіямъ (рел. за № 65).

Въ виду ожидавшейся войны съ Турками представлялось важнымъ привлечь на свою сторону Едисонскую орду Татаръ, которая еще въ 1758 г. обращалась за протекціей къ Россіи, желая перейти

на Кубань, но тогда это было отклонено. Въ высоч. указѣ отъ 26-го іюня 1766 г. оберъ коменданту Ельчанинову предписывалось всячески воздерживать Едисонцевъ отъ перехода въ Русскія границы, „а буде присланы будутъ отъ нихъ въ Кіевъ нарочные съ новымъ прошеніемъ о принятіи ихъ въ наше подданство, то, выслушавъ ихъ предложенія или принявъ письма, немедленно ихъ назадъ отпустить безъ всякаго обнадеживанія и, сколько возможно, скрытно, а о прошеніи ихъ представить сюда и ожидать резолюціи".

Но теперь, въ 1768 г., обстоятельства измѣнились, и въ октябрѣ мѣсяцѣ Воейковъ получилъ высоч. указъ о томъ, чтобы чрезъ посылку нарочнаго искуснаго человѣка провѣдать о настроеніи Едисонской орды и, буде возможно, привлечь ее на свою сторону, вызвавъ въ ней прежнія заявленія относительно протекціи (рел. за № 72). Но Воейковъ выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ этого дѣла, такъ какъ „пронырливою и хитрою уловкою новаго хана всѣ Татарскія орды противъ подданныхъ В. И. В. такъ озлоблены и раздражены, что никому изъ бывшихъ въ Крыму и другихъ Турецкихъ мѣстахъ для купеческаго промыслу малороссіянъ и Запорожскихъ козаковъ свободнаго къ возврату проѣзда нѣтъ, но гдѣ на кого наѣдутъ, безъ разбору грабятъ и убиваютъ, слѣдовательно явные уже непріятельства производить начали". Тѣмъ не менѣе, во исполненіе высоч. указа, Воейковъ послалъ къ Едисонцамъ нарочныхъ съ письмами отъ асессора Чугуевца, котораго два родныхъ брата были въ той ордѣ „не изъ послѣднихъ мурзъ" (рел. за № 80). Нарочнымъ выдано было для подарка этимъ братьямъ Чугуевца по 50 червонцевъ.

Одинъ изъ посланныхъ эмиссаровъ былъ пойманъ 2-го января 1769 г. въ Балтѣ и только благодаря счастливой случайности вернулся въ Кіевъ съ довольно благопріятными о настроеніи Едисонцевъ извѣстіями (рел. 1769 г. за № 8): на запросъ крымскаго хана, „гдѣ лучше въ Россійскія границы впасть", Едисонскіе мурзы отвѣчали, что они „противъ Россіи войны вчать не намѣрены"; за это 10 изъ нихъ были посажены въ тюрьму, что вызвало общее въ Едисонской ордѣ неудовольствіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1769 г., по совѣту асессора Чугуевца, одинъ содержавшійся въ числѣ плѣнныхъ въ крѣпости св. Елисаветы едисонецъ Муса былъ отпущенъ на волю съ обѣщаніемъ ему хорошаго вознагражденія, если онъ доставитъ письма къ братьямъ Чугуевца и

другимъ мурзамъ. Муса поклялся исполнить это порученіе. Однако прошелъ и двойной срокъ, а Муса съ обѣщанными отвѣтами не возвратился (рел. 1769 г. за № 40).

Не мало свѣдѣній представляютъ реляціи 1768 г. и о настроеніи Запорожцевъ.

Отношеніе Запорожцевъ къ движенію гайдамакъ въ Польской украйнѣ представлялось не только Туркамъ, Татарамъ и Полякамъ, но и Русскимъ властямъ весьма подозрительнымъ, и сообщенное въ рел. за № 57 свѣдѣніе о томъ, что „Гардовой полковникъ съ гайдамаками полюбовно обходится", вызвало цѣлый рядъ ордеровъ къ кошевому атаману о воздержаніи Запорожцевъ отъ поддержки гайдамакъ.

Генералъ-губернаторъ, „зная, что Запорожское войско нѣсколько огорченнымъ себя признаваетъ по причинѣ земли, подъ Екатерининскую провинцію назначенной", высказалъ мнѣніе (рел. за № 73), что собственноручно подписанная государыней грамота „съ обнадеженіемъ монарше-материнскаго благоволенія и съ выхваленіемъ оказанной всегда при подобныхъ случаяхъ, каковы нынѣ, храбрости и вѣрности, великое всему войску придастъ ободреніе и немалую принести можетъ пользу".

Сообщая затѣмъ въ рел. за № 81 о томъ, что кошевой атаманъ прислалъ не распечатывая полученныя имъ отъ Крымскаго хана письма, склонявшія Запорожцевъ къ измѣнѣ, генер.-губерн. Воейковъ представлялъ свое „слабѣйшее мнѣніе, что всемилостивая грамота съ высокомонаршею апробаціею его поступка по сему случаю и съ обнадеженіемъ высоч. благоволенія за вѣрность великое ободреніе ему и всему войску Запорожскому придала бъ, ибо, если безпристрастно судить, то оное имперіи В. И. В. служитъ великою противъ Татаръ преградою".

Такая грамота и была дѣйствительно прислана къ генералъ-губернатору, который и отправилъ ее въ Запорожье съ секундъ-маіоромъ Воейковымъ (рел. 1769 г. за № 2), поручивъ ему „примѣчать и развѣдывать, въ какихъ мысляхъ войско Запорожское въ разсужденіи Е. И. В. находится". Грамота эта „принята съ подобающимъ благоговѣніемъ и въ прямыхъ Запорожцахъ немалое произвела дѣйствіе, кои, чувствуя монарше-матерную къ себѣ милость, великое оказывали удовольствіе". Любопытенъ приложенный къ рел. за № 5 репортъ сек. маіора Воейкова, довольно подробно изображающій ту церемонію,

съ какою принята была эта императорская грамота. Видно, что суровые сѣчевики въ потребныхъ случаяхъ могли быть мастерами и застольныхъ рѣчей.

Къ „приласканію“ Запорожцевъ побуждало, между прочимъ, по обстоятельствамъ времени, и полученное свѣдѣніе о томъ, что въ Запорожскую Сѣчь подосланъ французскій эмиссаръ Тотлебенъ, къ поимкѣ котораго и приняты были извѣстныя мѣры. 17-го декабря 1768 г. посланъ былъ въ Запорожскую Сѣчь для присматриванія, какъ „надежный и искусный офицеръ“, капитанъ Марковичъ, лично знавшій Тотлебена, состоявшаго прежде въ русской службѣ и командовавшаго „немалое время“ Донскими козаками (рел. 1769 г. за № 1). Въ бытность Марковича въ Запорожской Сѣчи, 26-го декабря, какъ донесъ объ этомъ командиръ Новосѣченскаго ретраншамента маіоръ Микулишинъ, „отъ собравшейся многочисленной подлости Запорожскихъ козаковъ, называемой сиромахами, ввечеру сдѣлано возмущеніе разломаніемъ тюрьмы и освобожденіемъ всѣхъ колодниковъ, съ намѣреніемъ всѣхъ своихъ старшинъ убить и имѣніе оныхъ разграбить, что и въ дѣйство производить начали; но кошевой съ старшиною имѣлъ случай укрыться въ ретраншаментъ, а имѣніе оныхъ разграблено и жилище разорено“. Но на другой день это „возмущеніе хорошимъ и отважнымъ поступкомъ капитана Марковича безъ дальнѣйшихъ слѣдствій усмирено и кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій со всею войсковою старшиною по прежнему возстановлены“ (рел. за № 3).

Надо думать, что это „возмущеніе“ было просто обычною обстановкою происходившихъ выборовъ, и въ репортахъ офицеровъ явилось преувеличеннымъ; тѣмъ не менѣе Воейковъ заявлялъ въ своей реляціи, что „сіе непріятное происшествіе, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ“, причинило ему немалую заботу.

Первое упоминаніе о происшествіи, послужившемъ въ концѣ концовъ для Турковъ поводомъ къ объявленію войны, т. е. о нападеніи на г. Балту и разореніи его, встрѣчаемъ въ рел. за № 42, а изъ рел. за № 46 видно, что по поводу этого происшествія Крымскій ханъ присылалъ въ Кіевъ къ генералъ-губернатору нарочнаго съ „суровымъ“ письмомъ. Получивши тогда же письмо и отъ резидента Обрѣзкова отъ 6-го августа о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Порту разореніе Балты, Воейковъ предписалъ всѣмъ находившимся въ его распо-

ряженіи войскамъ „быть въ готовности“ (рел. за № 50). Подтвержденіе свѣдѣній, полученныхъ отъ Обрѣзкова, Воейковъ имѣлъ и отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ (рел. за № 51). Тогда же явился въ Кіевъ нарочный отъ Очаковскаго паши съ ничего незначущимъ письмомъ, очевидно, лишь для того, „чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ развѣдать, какія по границѣ и въ здѣшней крѣпости войска находятся“ (рел. за № 53). Къ этому посланцу приставлены были во время пребыванія его въ Кіевѣ, „подъ видомъ безопасности и для посылокъ“, унтеръ-офицеръ и толмачъ, которымъ „найсильнѣйше подтверждено за всѣми его поступками и обхожденіемъ непримѣтнымъ образомъ присматривать“.

Извѣстіе о заключеніи резидента въ крѣпость Едикуль и объявленіи Портою войны Россіи привезъ въ Кіевъ изъ Константинополя 1-го ноября прапорщикъ Шеферовъ (рел. за № 68), котораго, какъ очевидца Константинопольскихъ событій, Воейковъ и отправилъ немедленно въ Петербургъ.

Изъ рел. за № 75 мы узнаемъ, что Воейковъ былъ крайне озабоченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самомъ Кіевѣ оставалось очень ничтожное количество войска, едва достаточное для содержанія карауловъ.

Какъ относилась мѣстная власть, въ лицѣ Кіевскаго генералъ-губернатора, къ движенію, поднятому Гонтой и Желѣзнякомъ, это видно изъ реляцій за №№ 22, 23, 28, 29, 34 и 41, а равно изъ цѣлаго ряда реляцій о судѣ надъ пойманными и доставленными въ Кіевъ гайдамаками (рел. за №№ 49, 54, 56, 59, 62 и 67). Особенно опаснымъ представлялось участіе въ гайдамацкомъ движеніи Запорожцевъ. Высоч. рескриптъ о производствѣ суда надъ Запорожскими козаками, захваченными въ плѣнъ при пораженіи гайдамацкихъ отрядовъ, полученъ былъ въ Кіевѣ 5-го августа, и тогда же въ Кіев. губ. канц. началъ производиться этотъ судъ съ „крайне возможнѣйшимъ прилежаніемъ и поспѣшеніемъ“ (рел. за № 29), а 3-го сентября генералъ-губернаторъ уже доносилъ, что судъ этотъ покончен и „приговоръ постановляется“ (рел. за № 54).

Такой же судъ надъ гайдамаками производился и въ крѣпости св. Елисаветы. Исполненіе приговора надъ ними рѣшено было произвести въ Орловской слободѣ противъ Татарской слободы Голты и для препровожденія ихъ туда были заготовлены подводы. Съ дѣломъ этимъ усиленно

торопились. Судившіеся въ Кіевѣ раздѣлены были на 4 группы, и первая изъ нихъ, въ количествѣ 70 человѣкъ, „при самозванцѣ Желѣзнякѣ“, отправлена была въ Орловскую слободу 12-го сентября (рел. за № 59), о чемъ генералъ-губернаторъ сообщилъ и Крымскому хану. Балтинскій воевода и Голтинскій каймаканъ приглашались особыми письмами „съ другими тамошними обывателями быть тому позорищу очевидными свидѣтелями, согласясь о двѣ экзекуціи съ состоящимъ у Орловскаго форпоста маіоромъ Вульфомъ“.

Изъ письма Воейкова къ гр. Панину отъ 22-го августа можно усмотрѣть, что о судѣ надъ пойманными Запорожцами онъ спѣшилъ „предварительно хана Крымскаго увѣдомить для умягченія первымъ до него дошедшимъ неосновательнымъ слухомъ раздраженнаго его духа“. Относительно исполненія приговоровъ Воейковъ въ томъ же письмѣ къ гр. Панину писалъ, что онъ намѣренъ „умножившуюся винныхъ толпу раздѣлить на четыре части, изъ коихъ три въ Елисаветградской провинціи при границѣ Турецкой, Польской и Сѣчи Запорожской наказаны быть имѣютъ, а одна при границѣ здѣшней у Васильковскаго форноста, гдѣ главный проѣздъ къ Бендеру, Молдавіи, Валахіи и Константинополю, ибо при сихъ мѣстахъ Турецкіе подданные купно съ Поляками всему происхожденію самовидцами быть могутъ“.

Въ Кіевѣ судили и приговаривали къ наказанію только Запорожцевъ; Польскіе же подданные, пойманные въ Польшѣ въ гайдамацкихъ отрядахъ, числомъ 130 человѣкъ, отправлены были въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ кн. Прозоровскому, съ объясненіемъ что „таковые слѣдуютъ преданы быть собственному ихъ отечества суду, то онъ ихъ отъ себя немедленно къ Польскому генералу гр. Браницкому отослалъ для должнаго имъ по законамъ республики наказанія“ (рел. за № 56).

Свѣдѣнія о Барской конфедераціи сообщаются впервые въ рел. за № 13, въ приложенномъ къ ней экстрактѣ изъ репортовъ поручика Роде и другихъ чиновъ, которые были отправлены „для развѣдыванія о польскихъ обстоятельствахъ“, а затѣмъ въ реляціяхъ за №№ 62, 67, 76, 82 и 84 Воейковъ сообщаетъ о доставленіи въ Кіевъ плѣнныхъ конфедератовъ, при чемъ настойчиво выражаетъ мнѣніе о необходимости, въ виду отношеній къ Турціи, удалить ихъ изъ Кіева во внутреннія губерніи. Первая партія плѣнныхъ конфедератовъ въ количествѣ 90 человѣкъ прислана была въ Кіевъ 18-го сентября; затѣмъ вторая состояла изъ 752 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были гр. По-

тоцкій, Чернецкій, Ордынскій и канцлеръ Краковскій гр. Шембекъ. Этимъ четыремъ вельможамъ отведенъ былъ на Печерскѣ особый домъ.

По разнымъ ходатайствамъ изъ послѣдней партіи очень скоро было освобождено изъ плѣна 52 человѣка.

Изъ оставшихся плѣнныхъ конфедератовъ по 27 ноября умерло въ Кіевѣ 114 человѣкъ.

Согласно высоч. указу отъ 22 ноября, всѣ плѣнные Поляки дворяне и оберъ-офицеры назначены были къ отправленію въ г. Казань, и объ этой отправкѣ ихъ говорится въ реляціяхъ 1769 г. за №№ 6, 10, 22, 25, 38 и 44. Изъ послѣдней отъ 27-го іюля видно, что всего отправлено въ Казань въ разное время изъ Кіева плѣнныхъ Поляковъ 887 человѣкъ, умерло въ Кіевѣ 33 и осталось въ госпиталѣ „слабыхъ“ 4 человѣка.

Реляціи 1769 г., кромѣ указанныхъ выше интересовъ (дѣлъ гайдамацкихъ, Запорожскихъ, пересылки плѣнныхъ) касаются еще извѣстныхъ сношеній съ славянскими народами, манифестъ къ которымъ печатался въ Кіевѣ въ Лаврской типографіи (рел. за №№ 19 и 24), и наконецъ причиненнаго Турками и Татарами разоренія Екатерининской и Елисаветинской провинцій (рел. за №№ 31 и 32).

Для отправленія къ турецкимъ славянамъ снаряженъ былъ въ Кіевѣ подполковникъ Каразинъ. Снабженный свидѣтельствомъ отъ архимандрита Кіево-Печер. лавры Зосимы, онъ долженъ былъ, доѣхавъ до послѣдняго пограничнаго форпоста, переодѣться въ иноческое платье и въ такомъ видѣ пробираться въ заранѣе намѣченныя мѣста. При себѣ онъ имѣлъ старый псалтырь, „въ доскахъ которой весьма непримѣтно скрыта грамота къ бану, одну деревяную фляшку, въ каковыхъ странствующіе тамошнихъ краевъ иноки для утоленія въ пути жажды обыкновенно воду держатъ; она сдѣлана двудонная и служитъ къ сохраненію посылокъ; одни четки и одинъ изъ простого дерева монашескій посохъ, въ коемъ вмѣстилось по 10 экземпляровъ манифеста на греческомъ, словено-сербскомъ и волоскомъ языкахъ“. Увѣдомляя о выѣздѣ Каразина 14-го марта изъ Кіева, генералъ-губернаторъ выражалъ свое мнѣніе, что-де удача этого предпріятія „подвержена немалой опасности“ (рел. за № 24).

Въ концѣ августа мѣсяца 1769 г. присланъ былъ въ Кіевъ отъ главнокомандующаго 1-ою арміей Черногорскій архимандритъ Григорій

Дреналовичъ, котораго велѣно было „отмѣннѣе другихъ содержать, производя ему на пищу по 50 к. въ день“ (рел. за № 49). Этотъ архимандритъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1768 г. посланъ былъ изъ Черногоріи отъ „секретнаго правленія“, между прочимъ, и въ Россію, чтобы „о настоящей истинѣ явшагося у нихъ Степана Малаго свѣдалъ“ [1]); но, испытавъ не мало разныхъ приключеній, попавши въ плѣнъ къ Туркамъ, онъ находился въ ихъ арміи подъ Хотиномъ, послѣ же пораженія Турокъ [2]), представленный главнокомандующему русскою арміей, отправленъ былъ въ Кіевъ. При реляціи за № 49, заключающей въ себѣ обстоятельное показаніе Дреналовича, приводится и копія написаннаго имъ въ Кіевѣ письма на родину къ членамъ „секретнаго правленія“, равно и переводъ того письма, которое онъ долженъ былъ годъ тому назадъ доставить императрицѣ.

——

Вмѣстѣ съ реляціями генералъ-губернатора найдены были мною и списаны три письма его (также черновки), адресованныя въ собственныя руки императрицы, относительно поведенія генерала Кречетникова въ Польской украинѣ, и нѣсколько писемъ къ гр. Панину.

29-го іюля 1768 г. Воейковъ получилъ высоч. рескриптъ за собственноручною подписью императрицы о томъ, чтобы онъ незамѣтнымъ образомъ „въ крайнемъ секретѣ“ провѣдалъ, какого рода имущество отправилъ уже въ своихъ обозахъ изъ Польши въ Россію генералъ Кречетниковъ, о которомъ громко говорили, что онъ, „ослѣпясь мерзкимъ и презрительнымъ корыстолюбіемъ, производитъ такіе себѣ нажиточные грабежи по тамошней землѣ, что уже многіе обозы съ пограбленнымъ оттуда выслалъ, а другіе и теперь для высылки же въ границы наши позадъ себя возитъ, что произвело уже в страхъ и роптаніе, да и къ нему самому публичное презрѣніе отъ самыхъ его подкомандныхъ“.

Воейковъ немедленно послалъ для развѣдыванія двухъ штабъ-офицеровъ, „на искусство и вѣрность которыхъ могъ совершенно по-

---

[1]) Принявъ Степана Малаго за императора Петра III, Черногорцы были, оказывается, крайне смущены письмомъ изъ Константинополя отъ резидента Обрѣзкова, который называлъ его самозванцемъ.

[2]) Объ этомъ пораженіи, по увѣдомленіямъ Могилевскаго пріятеля, сообщается въ рел. 1768 г за № 55 отъ 18-го октября.

ложиться", но они, возвратясь очень скоро, доложили, что объ обозахъ ген. Кречетникова „нигдѣ не малѣйше свѣдать не могли, развѣ непропущены ли иногда подъ именемъ какихъ либо полковыхъ тягостей на отдаленныхъ отсюда форпостахъ".

Между тѣмъ ген. Кречетниковъ, отозванный отъ команды, прибылъ 29-го августа съ двумя сыновьями въ Кіевъ, откуда на третій день (31-го августа) одинъ поѣхалъ въ Переяславль къ гр. Румянцеву.

Узнавши о слѣдованіи Кречетникова черезъ Васильковскій форпостъ, Воейковъ предписалъ директору таможни Туфанову, „яко скромному и вѣрному человѣку, съ пристойнымъ извиненіемъ и учтивостію, ссылаясь на свою инструкцію, настоять о осмотрѣ всего въ обозѣ возимаго". Опись всего найденнаго въ этомъ „небольшомъ" обозѣ, слѣдовавшемъ за самимъ Кречетниковымъ, и приложена къ письму Воейкова отъ 3-го сентября. Изъ этого письма оказывается, что за названнымъ генераломъ слѣдовалъ еще изъ м. Полоннаго „тяжелой обозъ", который предписано было тщательно осмотрѣть тому же Туфанову, но, что въ немъ найдено, изъ имѣвшихся у меня документовъ нельзя сдѣлать заключенія. Но достаточно краснорѣчива и опись „небольшого обоза", въ которомъ находилось, между прочимъ, 58 лошадей; изъ нея одной уже ясно, что слухи о грабежахъ генерала Кречетникова не были напраслиной. Масса серебряной посуды и такихъ товаровъ, какъ шелковыя матеріи, полотна, сукна, обои и т. п., нѣсколько штукъ часовъ и дорогихъ бездѣлушекъ, указываютъ на то, что генералъ не стѣснялся контрибуціями въ свою пользу.

Въ реляціяхъ 1768 г. за №№ 64 и 71 находимъ указаніе на то, что не только Кречетниковъ, но и другіе офицеры провозили изъ Польши „подозрительные обозы". Такъ ген. маіоръ Исаковъ задержалъ „экипажъ" поручика Кологривова, въ которомъ оказалось, между прочимъ, кромѣ 4 мальчиковъ и 2 дѣвочекъ, одна шляхтянка 13-ти и крещеная еврейка 14-ти лѣтъ, насильно выданныя Кологривовымъ замужъ за крѣпостныхъ его людей. Шляхтянку узнали въ крѣпости св. Елисаветы какіе-то два шляхтича и потребовали выдачи ея, какъ ихъ свойственницы. Генералъ-губернаторъ, узнавши объ этомъ, „экипажъ" Кологривова приказалъ задержать, а между тѣмъ, какъ поступить съ нимъ, испрашивалъ свыше резолюціи, ссылаясь на то, что „возвращеніе сей шляхтянки въ разсужденіи замужества

съ такими сопряжено затрудненіями, кои рѣшены быть не могутъ“ имъ самимъ. Получивъ 9-го ноября высоч. по этому поводу рескриптъ, Воейковъ предписалъ: „шляхтянку отдать родственникамъ ея, а прочихъ всѣхъ польскихъ подданныхъ, при Кологривова экипажѣ находящихся, отослать къ ген. маіору кн. Прозоровскому для поступленія съ ними по насылаемому изъ Воен. Коллегіи указу, экипажъ же его, Кологривова, по осмотрѣ, не найдется ли въ немъ чего чрезвычайнаго или подозрительнаго, въ деревню отпустить“.

——

Таково въ самомъ общемъ обзорѣ содержаніе найденныхъ мною документовъ. Писанные въ тѣ годы, когда совершались у насъ на югѣ весьма важныя событія, они, по всей вѣроятности, представятъ для занимающихся этою эпохой немало болѣе или менѣе цѣнныхъ подробностей.

А. Андріевскій.

Реляціи 1768-го года

А) По пограничнымъ съ татарами и турками дѣламъ.

1) О полученныхъ изъ заграницы извѣстіяхъ: о смѣнѣ Хотинскаго паши, о бунтѣ янчаръ, о появившихся въ Польшѣ фальшивыхъ деньгахъ и проч.,—отъ 7 февраля за № 2.

Изъ полученныхъ извѣстій отъ находящихся за границей конфидентовъ, кромѣ Якуба, отъ котораго давно никакого письма въ присылкѣ не было, болѣе ко всеподданнѣйшему донесенію не нахожу, кромѣ что по жалобамъ янчаръ Хотинскаго гарнизона Хотинской паша въ минувшемъ декабрѣ въ ссылку сосланъ, а опредѣленной на его мѣсто, не доѣзжая до рѣки Дуная, умре; что въ началѣ прошедшаго генваря между Хотинскими янчарами ночью великой сдѣлался бунтъ, въ которомъ главное намѣреніе было янчаръ агу живота лишить, по оной, свѣдавъ въ вечеру о семъ умыслѣ, помощью ночной темноты того избавился и, перешедъ черезъ Днѣпръ, въ Польскомъ мѣстечкѣ Жванцѣ скрылся; что въ Польской украинѣ явились подъ штемпелемъ Е. В. короля Польскаго фальшивыя деньги, жидами изъ Пруссіи туда вывезенныя и между народомъ разсѣянныя, отчего многіе изъ обывателей немалой понесли убытокъ; въ маетностяхъ воеводы Брацлавскаго князя Любомирскаго близь Шаргорода въ лѣсу жидами дѣлаются фальшивые рубли и полтины, такожъ турецкіе левки и орлянки, которые въ народъ разсѣеваются, съ каковыми въ Хотинѣ жидъ прошлаго генваря мѣсяца пойманъ и по приказу тамошняго правленія повѣшенъ; я не премину по сей причинѣ въ пограничную Васильковскую таможню и въ Новороссійскую губернію

подтвердить надлежащую предосторожность взять, дабы купцами, польскими обывателями или другими какими проѣзжими въ границы Вашего Императорскаго Величества фальшивыя деньги ввезены быть не могли; что Софійского и Нискаго округовъ болѣе тысячи фамилій сербовъ и болгаровъ, раздѣлясь на двѣ части, пробирались чрезъ Валахію и Молдавію въ Россію на поселеніе, изъ коихъ одна часть, по доносу Волоскаго господаря, присланною въ погоню командою назадъ возвращена, а другая чрезъ Молдавію въ Трансильванскія горы пробралась, и что моровое повѣтріе въ Валахіи и Молдавіи почти совсѣмъ утихло. А впрочемъ по пограничности обстоитъ все благополучно.

2) О журналѣ Бастевика, о сообщеніяхъ кош. атамана, о письмѣ Якуба,—отъ 4 апрѣля за № 9.

Отправленной по высоч. повелѣнію въ Запорожскую Сѣчь съ грамотою В. И. В. къ войску Запорожскому капитанъ Бастевикъ, какой мнѣ по обратномъ сюда прибытіи о развѣданіяхъ и примѣчаніяхъ въ сей его поѣздкѣ подалъ журналъ; оной въ подлинникѣ съ нѣсколькими моими ремарками при семъ всеподданнѣйше подношу [1]). А ко мнѣ отъ кошевого атамана болѣе ничего, кромѣ репорта о принятіи высоч. грамоты съ обыкновенною церемоніею, на мой къ нему ордеръ не отвѣтствовалъ, объявивъ только кап. Бастевику словесно, что впредь, по полученіи вѣдомости о убыткахъ, обстоятельно репортовать долженствуетъ. В. И. В. всемилостивѣйше изъ оного усмотрѣть изволите, какимъ образомъ кошевой атаманъ стараться намѣренъ загладить учиненной отъ войска Запорожскаго непристойной поступокъ и какіе отъ него и отъ войскового писаря, касательно разграниченія Запорожскихъ дачъ и земель Новороссійской губерніи отзывы были, равномѣрно и все то, что помянутой капитанъ въ Татарскихъ аулахъ отъ разныхъ Едичкульской орды ему знакомыхъ мурзъ, по причинѣ польскихъ безпокойствъ, свѣдать могъ.

---

[1]) Приложенія этого въ копіи не оказалось, равно какъ и упоминаемаго ниже письма Якуба.

А какъ о сихъ извѣстіяхъ въ полученномъ вчера чрезъ нарочнаго отъ пріятеля Якуба изъ Бахчисарая письмѣ обстоятельнѣе упоминается, то пріемлю смѣлость точной съ оного переводъ при семъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ В. И. В. раболѣпнѣйше представить [1]). Я, почитая содержаніе сего письма по нынѣшнимъ въ Польшѣ разглашеніямъ заслуживающимъ немалаго уваженія, запотребно разсудилъ пребывающимъ въ Константинополѣ В. И. В. министру тайн. сов. Обрѣзкову и повѣренному въ дѣлахъ канц. сов. Левашеву экстрактъ изъ оного и копію съ пунктовъ предварительно для того сообщить, чтобъ они, имѣя точное свѣдѣніе о томъ, благовременно надлежащія мѣры принять могли къ уничтоженію чинимыхъ съ ханской и польской стороны въ предосужденіе высоч. В. И. В. интересовъ представленій.

Между тѣмъ не премину подъ приличнымъ претекстомъ, во исполненіе высоч. повелѣнія, отправить въ Бахчисарай кап. Бастевика для подлиннаго развѣдыванія о всѣхъ тамошнихъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ слѣдствіяхъ и происхожденіяхъ, снабдя его и пристойными небольшой цѣны для агента Молдавскаго господаря и ханскаго доктора подарками.

3) Объ извѣстіяхъ Бастевика и купца Пищалки о Крымскихъ дѣлахъ, о просьбѣ Поляковъ Татарской помощи,—отъ 27 мая за № 17.

Отправленной въ Крымъ подъ приличнымъ претекстомъ къ хану Крымскому съ письмомъ, кап. Бастевикъ репортомъ отъ Никитинской заставы доноситъ,—что сколько онъ отъ тамошняго правящого комендантскую должность маіора Микулишина свѣдать и собою примѣтить могъ, въ Запорожской Сѣчи между козаками обстоитъ все тихо, а кошевой атаманъ къ нему между разговоромъ отзывался, якобы бы онъ отъ пріѣзжихъ изъ Польши всякого званія людей свѣдалъ, что въ разныхъ Польскихъ мѣстахъ Польское войско собирается; отъ пріѣзжихъ же изъ Крыму купцовъ и Запорожскихъ козаковъ увѣдомился, якобы отъ хана Крымскаго повелѣно Чумбулуской ордѣ быть во всякой къ походу готовности, дабы при первомъ востребованіи, куда приказано будетъ, немедленно выступить

[1]) Письма этого при реляціи нѣтъ.

могла; что въ Очаковъ, Бендеръ и Хотинъ будто по пяти тысячъ спаговъ и бошняковъ на умноженіе гарнизоновъ слѣдуетъ, но съ какимъ намѣреніемъ сіе умноженіе войска чинится, никто подлинной тому причины провѣдать не можетъ. А отъ прибывшаго изъ Крыму Полтавскаго купца Семена Пищалки онъ, кап. Бастевикъ, увѣдомился, что въ Крыму въ великомъ страхѣ всѣ Татары находятся, опасаясь какого-либо съ стороны войскъ В. И. В. противъ нихъ предпріятія. Въ заключеніе же вышеписанныхъ извѣстій прислалъ онъ письмо, полученное изъ Бахчисарая отъ двухъ пріятелей его Дмитрія Волкова и Степана Талера, отъ 29 марта, коимъ его, кап. Бастевика, увѣдомляютъ, что еще въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца прибылъ изъ Польши яко бы отъ князя Радивила посланникъ, шляхтичъ Каменца-Подольского, прозваніемъ Маковскій, съ жалобой на войско В. И. В., которое де въ Польшѣ находится и великое причиняетъ разореніе, прося у хана дачи имъ сорока тысячъ Ногайскихъ татаръ вспомогательнаго войска; но получа отъ хана отвѣтъ, что онъ на дачу такъ знатнаго числа войска собою поступить не можетъ, просилъ посланникъ о томъ Портѣ представить, токмо де еще никакой отъ Порты на оное представленіе резолюціи не воспослѣдовало; а между тѣмъ 28-го февраля еще два посланцы отъ него же будто, князя Радивила, къ хану присланы, кои купно съ первымъ ханскому визирю внушали, что В. И. В. войска стараются овладѣть крѣпостію Каменца-Подольскаго; по овладѣніи же оною, какъ Молдавія, такъ и Крымъ въ немалой опасности находиться будутъ; а если ханъ Крымской просимое отъ князя Радивила вспомогательное войско благовременно дать склонится и оное съ войскомъ Польскимъ, кое по обѣщанію и вспоможенія папы Римскаго яко бы уже до шестидесяти тысячъ человѣкъ простирается, соединится, то Поляки въ состояніи найдутся войскамъ В. И. В. вездѣ противиться и всю предвидимую опасность силою отвратить. Однако на все ихъ внушеніе отвѣтствовано, что, за неполученіемъ отъ Порты на ханское представленіе резолюціи, ничего въ томъ рѣшительного объявить нельзя, чего помянутые посланники съ крайнею нетерпѣливостію въ Бахчисараѣ ожидаютъ.

4) О поимкѣ бѣжавшаго изъ Константинополя грека Костаки,— отъ 29 мая за № 21.

Пребывающій въ Константинополѣ В. И. В. министръ тайн.

сов. Обрѣзковъ отъ 30 прошедшаго апрѣля письменно далъ мнѣ знать, что при отправленіи того числа отъ него сюда курьеровъ верховной визирь къ нему отозвался, яко одинъ грекъ, Константинопольскій житель Александра Костаки, нарочитой фамиліи, впадшій въ мотовство, скрытнымъ образомъ, набравъ у тамошнихъ купцовъ алмазными вещами и разными товарами на знатную сумму, отбылъ предъ семнадцатью днями на Черное море на одномъ суднѣ, нагруженномъ виномъ, ѣдущемъ въ Запорожскую Сѣчь или къ Темерниковскому порту, и сильно де его, резидента, просилъ писать куда надлежитъ, въ случаѣ появленія сего бѣглеца въ границахъ имперіи В. И. В., поймавъ поручить съ росписко̀ю хану Крымскому или кому изъ пашей, при границахъ команды имѣющихъ; почему отъ меня на состоящіе въ Кіевской и Новороссійской губерніяхъ форпосты, тако жъ войска Запорожскаго кошевому атаману, крѣпости св. Димитрія оберъ-коменданту генералъ-маіору Потапову и войска Донского въ войсковую канцелярію подтверждено: ежели оной бѣглецъ откроется, то, задержавъ его, увѣдомить о томъ Крымскаго хана или кого изъ пашей по способности и близости, при границахъ команды имѣющихъ, требуя присылки для взятья оного нарочныхъ, по прибытіи которыхъ со всѣмъ, что при немъ сыщется, за взятьемъ въ пріемѣ надлежащей росписки, тѣмъ нарочно присланнымъ препоручить.

5) О данныхъ бригадиру Черткову ордерахъ о томъ, какъ поступать съ Турками-выходцами,—отъ 7 іюня за № 24.

Въ какой силѣ отъ меня бригадиру Черткову на его репорты о выѣхавшихъ въ Елисаветградскую провинцію якобы съ намѣреніемъ принять православную вѣру двухъ Туркахъ предписано съ оными и съ выходящими впредь для того жъ Турками поступить, В. И. В. изъ поднесенныхъ при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ точныхъ съ моихъ ордеровъ списковъ [1]) всемил. усмотрѣть изволите, что возвращеніе одного служить можетъ Портѣ въ угодность, а увѣщаніемъ другого взята будетъ предосторожность отъ являющихся впредь подобныхъ бездѣльниковъ; такимъ образомъ отговорясь, отвратить всѣ нареканія Порты, кои по тому иногда произойти могли бъ.

---

[1]) Списковъ этихъ при черновой реляціи нѣтъ.

6) О принятіи Запорожцами предосторожностей противъ Татаръ,— отъ 7 іюня за № 27.

Каковъ отъ меня кошевому атаману Калнишевскому на доношенія его о чинимомъ якобы отъ нѣкоторыхъ интересныхъ ротмистровъ подчиненнымъ войску Запорожскому людямъ, живущимъ за Орелью, и о протчемъ, тако жъ на домогательство о скоромъ моемъ отсюда отправленіи для осмотру Екатерининской провинціи земель и разграниченія оныхъ съ Запорожскими ордеръ посланъ, В. И. В. изъ поднесенной при семъ копіи всемил. усмотрѣть изволите [1]).

Оной же кошевой атаманъ репортами отъ 3-го и 10-го минувшаго мая увѣдомилъ, яко бы въ Едисанской ордѣ нѣкоторое къ походу пріуготовленіе примѣчено, и что онъ для точнаго о томъ развѣдыванія отправилъ подъ приличными претекстами надежныхъ людей, а между тѣмъ приказалъ скрытнымъ образомъ и Запорожскимъ козакамъ быть во всякой готовности. Я, похваля сію его предосторожность, поручилъ ему по смежности съ Татарскими ордами прилежнѣйшее стараніе употребить, дабы о точномъ оныхъ намѣреніи благовременно свѣдать, а съ своей стороны удобвозможную, безъ малѣйшей однако огласки, по благоразумному его усмотрѣнію и въ пользу высоч. В. И. В. интересовъ съ подчиненнымъ ему войскомъ предосторожность взять и что впредь о семъ развѣдано будетъ, меня по-часту репортовать.

7) О письмахъ хана Крымскаго и сераскера Едичкульскаго и объ инструкціи пограничнымъ коммиссарамъ,—отъ 26 іюня за № 30.

Въ какой силѣ ханъ Крымской Максутъ-Гирей и Едичкульской сераскеръ Шебебъ-Гирей чрезъ нарочно посланнаго чиновника Алиакой-агу, жалуясь на причиненные имъ отъ Запорожцовъ обиды, ко мнѣ писали, какой имъ на оное отъ меня учиненъ отвѣтъ и какимъ образомъ вслѣдствіе того кошевому атаману поступить предписано, все оное В. И. В. изъ поднесенныхъ при семъ приложеній всемил. усмотрѣть изволите; а между тѣмъ я отправленнымъ въ пограничную коммиссію коммиссарамъ, надв. сов. Ефремову и асессору Чугуевцу, ордеромъ подтвердилъ удобможное стараніе приложить о прекращеніи въ нынѣшнемъ съѣздѣ всѣхъ прежнихъ ссоръ и неот-

---

[1]) Копіи такой при реляціи нѣтъ.

мѣнномъ внесеніи въ размѣняемомъ по окончаніи коммиссіи обыкновенномъ инструментѣ сего пункта: чтобъ „впредь никто изъ поддан-ныхъ обоихъ имперій не осмѣлился въ границы одной или другой стороны входить либо въѣзжать безъ письменного отъ своихъ началь-никовъ билета; а какъ скоро кто безъ оного пойманъ будетъ, такого, признавъ за злодѣя, подъ караулъ взять и немедленно о томъ ближ-нему начальнику знать дать для поступленія съ онымъ, яко съ пре-ступникомъ, по закопамъ", и о томъ съ обоихъ сторонъ для вѣдома подчиненнымъ обнародовать, дабы напослѣдокъ невѣдѣніемъ никто извиниться не могъ.

8) О слухахъ въ Крыму по поводу сбора Русскихъ войскъ подъ Полтавою,—отъ 26 іюня за № 31.

Какъ по нынѣшнимъ въ Польской украинѣ обстоятельствамъ раз-ные неосновательные въ границы В. И. В. входятъ слухи, о каковыхъ и отъ Копа Запорожскаго ко мнѣ частые присылаются репорты, то я, зная свойства Запорожскихъ козаковъ и потому воображая себѣ и легкомысленность ихъ, паче же разсуждая, что отъ подобныхъ пу-стыхъ разглашеній могутъ иногда родиться и непріятныя слѣдствія, стараюсь неосновательность оныхъ успѣхами войскъ В. И. В. надъ конфедератными возмутителями возможнѣйшимъ образомъ опровергать, доказывая кошевому атаману и всей старшинѣ пустоту тѣхъ разгла шеній, паче для того, чтобы они, входя въ лучшее уваженіе обсто-ятельствъ, могли нѣкоторымъ образомъ подлинное отъ неподлиннаго различить и, не повѣря всякому подлому духу, остерегаться отъ при-чиненія въ пограничности напраснаго людямъ востревоженія.

Между тѣмъ, получа на сихъ дняхъ отъ отправленнаго на по-граничную съ Татарами коммиссію надв. сов. Ефремова изъ Сѣчи из-вѣстіе, якобы назначеніе подъ Полтавою войскъ В. И. В. лагеря, въ разсужденіи того что оной противъ Крымской границы состояться имѣетъ, между Татарами поводъ къ сумнѣнію подало; но какъ сіе из-вѣстіе скоро послѣ того и присланнымъ отъ кошевого репортомъ под-тверждено, то я за сходственное призналъ о томъ г. ген.-аншефу и кав. гр. Румянцеву сообщить, а съ репорта кошевого, равно какъ и съ отправленнаго потому въ Кошъ Запорожскій отъ меня ордера при семъ В. И. В. на высоч. усмотрѣніе точные подношу списки [1]).

[1]) Этихъ списковъ не оказалось. Слѣдуетъ еще здѣсь упомянуть о реляціи съ препро-

9) О полученіи отъ кошевого атамана репорта объ удаленіи имъ съ Ейской и Чубурской косъ козаковъ-промышленниковъ,—отъ 12 іюля за № 37.

Высоч. В. И. В. рескриптомъ, отъ 18 августа 1767 года ко мнѣ присланнымъ, велѣно войска Запорожскаго кошевому атаману сильнѣйше подтвердить, чтобъ онъ не токмо находящихся на Чубурской и Ейской косахъ съ лодками промышленниковъ немедленно сослалъ за грубости и упорства ихъ и должное имъ учинилъ наказаніе, но и найстрожайше всѣмъ Запорожскимъ козакамъ запретилъ о невъѣздѣ впредь въ заказанные трактатами мѣста и о незаводѣ въ баріерныхъ мѣстахъ новыхъ селеній. Во исполненіе котораго повелѣнія на посланной отъ меня войска Запорожскаго кошевому атаману съ старшиною ордеръ, оной кошевой атаманъ отъ 3-го прошедшаго мая меня репортуетъ, что въ минувшую осень отправлена была отъ находящагося при Калміуской паланкѣ войска Запорожскаго полковника козацкая команда съ однимъ асауломъ, который де по возвращеніи въ оную паланку представилъ, что находившихся въ оныхъ баріерныхъ мѣстахъ на добычѣ рыбной войска Донского разныхъ станицъ козаковъ и прочихъ промышленниковъ, о коихъ и списокъ при объявленномъ ко мнѣ репортѣ приложенъ, со всѣми при нихъ имѣвшимися рыболовными снастьми и посудою, всѣхъ до единого, въ томъ числѣ и Запорожскихъ козаковъ, выслалъ; а дабы и впредь въ Ейскую и Чубурскую косы въѣзжающихъ высылано было, оному полковнику отъ Коша Запорожскаго найстрожайше предложено нарочныхъ надежныхъ старшинъ туда отправлять.

10) По рапорту Чугуевца о дѣлахъ Едичкульскихъ татаръ, о преслѣдованіи Запорожцами гайдамаковъ, о пріѣздѣ въ Очаковъ новаго паши и пр.,—отъ 29 іюля за № 42.

В. И. В. всеподд. доношу, что находящійся въ Запорожской Сѣчи, въ ожиданіи прибытія Крымскихъ коммиссаровъ на обыкновенной съѣздъ, кол. асессоръ Чугуевецъ рапортомъ отъ 15-го сего іюля предста-

---

вожденіемъ журнала Бастевика и привезеннаго имъ ханскаго письма (при черновой реляціи не оказавшихся),—отъ 12 іюля за № 35.

вляетъ, якобы Едичкульскіе татаре на своего сераскеръ-султана Шебебъ-Гирея вознегодовали за то, что онъ охотникамъ не дозволилъ за рѣку Бугъ перебраться на соединеніе съ Едисанцами; желая быть участниками въ Польскихъ обстоятельствахъ и учинясь ему ослушными, немалое число сей орды чрезъ Кинбурнъ на соединеніе съ Едисонцами перешло; а при томъ де старшины оной сераскеръ-султану объявили, что они по ханскому повелѣнію на пограничную коммиссію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ съ своей стороны собирать и выслать не намѣрены, ровно какъ и по жалобамъ Запорожцовъ возвратить ничего не хотятъ, признавая учрежденную пограничную коммиссію для нихъ излишнею и необычайною, а для избѣжанія отъ такихъ новостей и хлопотъ, они лучше желаютъ на Кубань по прежнему переведены быть. По такимъ Едичкульцовъ противностямъ и ослушанію сераскеръ-султанъ, отказавшись отъ командированія ими, со всѣмъ своимъ штатомъ въ Бахчисарай отправился. Послѣ чего Едичкульская орда паки по гайманамъ расположилась аулами и, въ крайнемъ замѣшательствѣ и несогласіи между собою находясь, немалые Запорожцамъ обиды дѣлать начала нападеніями и грабительствомъ, при чемъ два козака ранены. Но для укращенія такого ихъ взволнованія, слухъ носятся, яко бы отъ хана другой въ сію орду сераскеръ-султанъ присланъ быть имѣетъ.

Едисанская же орда въ собраніи по надъ Польскою границею находится во всякой воинской исправности, гдѣ выбѣгающихъ отъ безпокойства Поляковъ и ѣдущихъ за промысломъ въ Очаковъ Польскихъ обывателей убиваютъ, грабятъ и въ неволю берутъ, изъ каковыхъ пять человѣкъ, нашедши случай бѣгомъ спастись, прибѣгли въ паланку Гардовую, на лѣвомъ берегу рѣки Буга стоящую, и тамошнему полковнику Запорожскому о такомъ сихъ Татаръ съ Польскими обывателями поступленіи объявили.

Изъ Сѣчи за ушедшими въ гайдамацкія по разсѣянному слуху шайки въ Польскую украину козаками при шести полковникахъ и тридцати осьми куренныхъ атаманахъ разосланы команды въ степи до самой Польской границы и рѣкою Днѣпромъ къ Очакову для унятія и сыску своихъ куренныхъ козаковъ, яко же и для поимки возвращающихся оттуда съ добычею гайдамаковъ.

Для подлиннаго о помянутомъ Едичкульскихъ татаръ взволнованіи развѣданія посланъ быть имѣетъ отъ меня въ Крымъ нароч-

ной подъ приличнымъ претекстомъ къ агенту Молдавскаго господаря, и что имъ развѣдано будетъ, о томъ въ свое время В. И. В. донести не премину, а между тѣмъ о сихъ извѣстіяхъ г. генералъ-аншефу и кав. гр. Румянцеву отъ меня сообщено. Очаковской пріятель отъ 30-го прошедшаго іюля увѣдомляетъ, что въ Очаковъ новой трехъ-бунчучной паша, прозываемой Сары-Мустафъ 22-го іюля въѣздъ свой съ обыкновенною церемоніею имѣлъ, что новаго войска прибыло только около тысячи человѣкъ и 200 мастеровыхъ для починки крѣпости и постройки новаго мечета, и что послѣ нападенія гайдамаковъ на Балту Турки опасаться стали непріятельства съ Россійской стороны и для развѣдыванія отправили шпіономъ одного потурчившагося жида.

11) О полученномъ отъ хана письмѣ по поводу нападенія на Балту и объ отвѣтѣ на него,—отъ 22 августа за № 46.

Присланной сюда отъ хана Крымскаго съ письмомъ къ Елисаветградскому генералу нарочной Мегметъ-ага, по причинѣ учиненнаго на Балту и Голту отъ разбойнической въ Польшѣ шайки нападенія, вчера съ моимъ отвѣтомъ обратно отправленъ. Я пріемлю смѣлость, какъ переводъ съ ханскаго письма, такъ и точной списокъ съ моего къ нему отвѣта при семъ раболѣпнѣйше поднесть [1]).

В. И. В. всемил. усмотрѣть изволите, съ какою умѣренностію и объясненіемъ на суровое его письмо отъ меня отвѣтъ учиненъ, о содержаніи котораго я не преминулъ и пребывающаго въ Константинополѣ В. И. В. министра тайн. сов. и кав. Обрѣзкова увѣдомить, дабы и онъ съ своей стороны министерству Оттоман. Порты при случаѣ сходное учинить могъ изъясненіе. А для подлиннаго свѣдѣнія, какое дѣйство сей мой отвѣтъ возъимѣетъ, равно какъ и для примѣчанія въ Крыму обстоятельствъ, на сихъ дняхъ нарочной отъ меня съ увѣдомительнымъ къ хану письмомъ о окончаніи суда надъ разбойниками и объ отправленіи ихъ къ границѣ для наказанія посланъ быть имѣетъ.

12) Объ отобраніи пріятелемъ Якубомъ товаровъ у купца Бондарева въ счетъ своего пенсіона,—отъ 22 августа за № 47.

В. И. В. всеподд. доношу, что извѣстный Якубъ чрезъ купца Новороссійской губ. Крыловского шанца Ѳедора Бондарева къ надв.

---

[1]) Приложеній этихъ при черновой реляціи не оказалось.

сов. Никифорову письмо прислалъ, съ коего и съ приложенія къ оному при семъ точной переводъ, равно какъ и списокъ съ сказки реченнаго купца на высоч. усмотрѣніе рабо[л]ѣпнѣйше подносится [1]). Но какъ сія Якубова наглость совершенно страсть его къ сребролюбію оказываетъ, ибо не устыдился для насыщенія своего корыстолюбія отобрать насильно у подданнаго В. И. В. въ то самое время, когда оной для правосудія къ нему прибѣгнулъ, товаровъ на тысячу восемь сотъ шестьдесятъ девять рублевъ, еже учинитъ болѣе двугодового ему опредѣленнаго пенсіона, о выдачѣ котораго онъ, какъ В. И. В. изъ прежнихъ его писемъ вѣдомо, неоднократно уже домогался, а двугодовому пенсіону срокъ будущаго мая мѣсяца 20 числа кончится; слѣд. онъ не только заслуженное годовое, но и впредь за годъ же оного самовольно захватить осмѣлился, то я, разумѣя сію его ухватку, надв. сов Никифорову приказалъ въ отвѣтъ къ нему отписать, что такой его странной поступокъ съ скромностію и съ осторожностію, каковы онъ, Якубъ, для цѣлости своей наблюдать долженъ, ни мало согласоваться не можетъ, но паче его, Никифорова, во удивленіе привелъ, что онъ, Якубъ, будучи и безъ того уже отъ хана Крымскаго по доносу его непріятелей подозрѣваемъ, о чемъ прежними письмами знать давалъ, отважился такому человѣку, каковъ купецъ Бондаревъ, поводъ подать о преданности и перепискѣ его догадываться, чѣмъ онъ себя горшему подвергнуть можетъ несчастію, нежель предъ недавнимъ временемъ попался было, и потому онъ, Никифоровъ, яко истинной его пріятель, принужденъ былъ купцу Бондареву въ платежѣ по векселю его отказать, надѣясь тѣмъ вредную догадку его истребить, а ему, Якубу, дружески свой совѣтъ подаетъ впредь о такихъ поступкахъ крайнѣйше остерегаться, ибо купцы, яко обращающіеся въ торгу, тайности хранить не умѣютъ, обнадеживая его при томъ, что опредѣленной ему пансіонъ всегда по удобности времени доставляемъ быть имѣетъ, только бы съ его стороны переписка по прежнему съ неотмѣнною вѣрностію и ревностію продолжаема была.

13) О возмущеніи Порты причиненнымъ гайдамаками разореніемъ Балты и Голты и о принимаемыхъ по этому поводу предосторожностяхъ,—отъ 3 сентября за № 50.

Пребывающій въ Константинополѣ В. И. В. тайн. сов. Обрѣз-

[1]) Приложенія этого нѣтъ.

ковъ письмомъ отъ 6-го прошедшаго августа меня увѣдомилъ, что при учиненіи Портѣ представленія о нападеніи на Балту и Голту немалой команды изъ находящихся въ Польшѣ В. И. В легкихъ войскъ предъявлено, что убитъ одинъ салтанскій сынъ, одинъ мурза и до тысячи осьмисотъ всякого званія людей Турецкихъ подданныхъ, при чемъ, по происканъ однихъ, по неистовству другихъ и по невѣжеству третьихъ, оное такимъ ужаснымъ дѣломъ истолковано, что Порта, пришедъ въ запальчивость, едва не приняла резолюцію признать тотъ поступокъ за прямое мира нарушеніе и потому приказала къ войнѣ такія распоряженія и пріуготовленія дѣлать, которыя означивали, яко бы неминуемо и скоро война объявлена быть имѣетъ; ибо подъ претекстомъ приведенія подданныхъ ея въ безопасность отъ подобныхъ впредь непріятныхъ приключеній не только изъ провинцій въ Хотинъ, Бендеры и Очаковъ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ, но и изъ Константинополя 13-го минувшаго іюля Чернымъ моремъ въ Варну какъ янчаръ, такъ топчіевъ и другихъ артиллерійскихъ служителей, до двухъ тысячъ человѣкъ отправила, которые по сіе время въ опредѣленныя имъ мѣста чаятельно уже и прибыли, еже безъ сумлѣнія подало причины о такомъ намѣреніи Порты повсюду разнестись слуху, и что въ самомъ существѣ за то ручаться не можно, развѣ съ такимъ только изъятіемъ, сколько по обстоятельствамъ судить можно, что то намѣреніе оной не въ нынѣшнее лѣто произведется. Но по полученіи письма моего отъ 3-го іюля съ увѣдомленіемъ о существѣ Балтинскаго дѣла и по отобраніи у прапорщика Фатѣева, ѣхавшаго съ депешами чрезъ Балту и Дубосары, нужнаго свѣдѣнія, онъ не преминулъ надлежащее всему помянутому происшествію Портѣ учинить объясненіе, въ доказательство и опроверженіе дошедшихъ къ ней неосновавныхъ увѣдомленій и къ успокоенію причиненнаго оными возмущенія надъ мѣру скорою пылкостію. По такому его внушенію, хотя Порта ошибку свою въ толь легкомъ вѣроподаніи дошедшихъ до ней односторонихъ извѣстій и признавать начинаетъ, однако тамошняя махина, приведена будучи въ толь великое движеніе, въ какомъ она нынѣ, учиненныя уже распоряженія скоро и вдругъ отмѣнить не можетъ безъ явной для самого правленія опасности; почему де, не взирая на всѣ Порты при нынѣшнихъ ея подвигахъ даваемые ему сильные увѣренія о неотмѣнномъ ея намѣреніи и желаніи настоящую добрую дружбу съ высоч. дворомъ В. И. В.

ненарушимо продолжать, увѣщеваетъ меня имѣть на границахъ осторожность и попечительное бдѣніе, чтобъ на всякой случай готовымъ быть. О такомъ его ко мнѣ важномъ сообщеніи я не преминулъ г. генералу-аншефу и кав. гр. Румянцеву чрезъ нарочнаго знать дать для предосторожности, однакожъ безъ малѣйшей о томъ огласки, располагая по его усмотрѣнію и способности нѣкоторые полки его дивизіи по квартирамъ, ближе къ Новорос. губерніи, дабы, когда нужда потребуетъ, тѣмъ скорѣе границы В. И. В. защищены быть могли. А ген.-м. Исакову предписалъ въ Новороссійской губерніи непримѣтнымъ образомъ форпосты войсками пріумножить и удобвозможную отъ непріятеля имѣть предосторожность, а при томъ всѣмъ тамошнимъ полкамъ подтвердить, безъ малѣйшаго разглашенія и встревоженія, въ надлежащей быть исправности.

Равномѣрно и кошевому атаману подтверждено недреманную, по случаю Балтскаго и Голтовского приключенія, отъ Татаръ имѣть предосторожность, посылая для развѣдыванія въ околичности Татарскія нарочныхъ изъ старшинъ войска Запорожскаго о Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ.

14) По письму пріятеля Поповича о военныхъ приготовленіяхъ Порты на границахъ,—отъ 3-го сентября за № 51.

Находящійся при извѣстномъ Якубѣ писарь Яковъ, родомъ изъ Каменца-Подольскаго, прозываемой Поповичъ, вѣры православной Россійской, который прошлого году во время объѣзда моего Елисаветградской провинціи въ Орловскую слободу при Голтянскомъ каймаканѣ, а послѣ и одинъ у меня былъ, по единовѣрію желая служить В. И. В. извѣстіями о тамошнихъ обращеніяхъ, обѣщался съ знакомымъ ему капитаномъ Бастевикомъ переписку имѣть, а сей для лучшаго на то его преклоненія и надежности взялъ двухъ его братьевъ сюда въ Кіевъ, которые отданы въ Академію подъ его присмотромъ обучаться, отъ 20-го прошедшаго августа мѣсяца къ реченному капитану пишетъ, яко 10 числа того жъ мѣсяца прибылъ въ Балту нарочно отъ верховнаго визиря отправленный знатной чиновникъ для осмотру пограбленныхъ гайдамаками мѣстъ, Балты, Голты и Рашкова, равно какъ и для развѣдыванія, много ли при границѣ В. И. В. войска; который посланной изъ Голты внизъ по Бугу, ми-

нувъ Гардъ, всѣ форпосты записывалъ и положеніе осматривалъ; что староста Каневскій заподлинно въ Цареградѣ находится, которой якобы знатнымъ Туркамъ на Россійское войско сильно жалуется; что слухъ пронесся, будто Крымъ-Гирей ханъ паки на ханство возведенъ будетъ; что по всѣмъ Турецкимъ обращеніямъ примѣтить можно какую-либо опасность, паче потому, что они свои овечьи стада и протчій скотъ отъ границъ въ дальніе мѣста отганиваютъ, а зимовники свои истребляютъ; что предъ недавнимъ временемъ пришло въ Бендеры арнаутскаго войска до десяти тысячъ, кои съ крайнею поспѣшностію крѣпость починяютъ; въ Хотинъ и Очаковъ то жъ войска прибыли и крѣпости починиваютъ; въ новопостроенную на берегу Чернаго моря крѣпость Казыбей привезено на судахъ изъ Константинополя множество всякихъ военныхъ сбруй и припасовъ; пріѣхавшій изъ Константинополя Татарской ага Якубу заподлинно объявилъ, что султанскимъ указомъ вѣлено всѣмъ янчарамъ къ походу въ готовности быть; Ногайскіе Татары во всякой воинской исправности и къ походу готовности находятся, отъ которыхъ де при границѣ неоплошную имѣть надобно предосторожность.

Я видя, что сіи его извѣстія согласны съ полученными отъ тайн. сов. Обрѣзкова, разсудилъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ капит. Бастевику, который съ увѣдомительнымъ письмомъ къ хану Крымскому о окончаніи надъ разбойниками суда и объ отправленіи оныхъ отсюда къ Орловскому форпосту для наказанія на сихъ дняхъ посланъ быть имѣетъ, приказать чрезъ Балту въ Дубосары къ тамошнему воеводѣ Якубу для доставленія оному письма, коимъ приглашается быть очевиднымъ свидѣтелемъ исполненію приговоренной злодѣямъ за нападаніе на Балту и Голту казни, ѣхать, откуда, пользуясь симъ претекстомъ, прямѣйшимъ путемъ чрезъ Очаковъ и Кинбурнъ въ Бахчисарай слѣдовать можетъ, такъ для примѣчанія тамошнихъ обращеній, какъ и для свиданія съ рѣченнымъ Поповичемъ и склоненія оного къ частой перепискѣ, ибо на принципала его Якуба, какъ видно, ни въ чемъ положиться нельзя, когда онъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, въ какихъ переписка его нѣсколько и нужна, совсѣмъ замолчалъ.

15) По репорту кошеваго атамана о домогательствѣ Татаръ устроить на Днѣпрѣ свой перевозъ,—отъ 3-го сентября за № 52.

В. И. В. всепод. доношу, что кошевой атаманъ ко мнѣ представилъ, яко на рѣкѣ Днѣпрѣ нигдѣ и никогда учрежденныхъ перевозовъ ни Татарскихъ, ниже Турецкихъ не находилось, а были всегда одни только Запорожскихъ козаковъ перевозы, на коихъ, какъ Татары, такъ и Турки, овечьи стада, скотъ и другія надобности, по сосѣдственной дружбѣ, наймомъ и просьбою на одну и другую сторону Днѣпра переправляли и какъ оными, такъ и Очаковскими томбазами въ перевозѣ овецъ и прочаго довольствовались; а прошедшаго де августа мѣсяца въ первыхъ числахъ Едичкульской сераскеръ-султанъ Сагибъ присланными въ Кошъ сряду двумя письмами требовалъ, чтобъ войска Запорожскаго Ингульскому полковнику предписано было учрежденному на низу рѣки Днѣпра Татарскому перевозу никакого помѣшательства и запрещенія въ переправѣ Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ овецъ и скота не чинить; на которыя письма отъ Коша отвѣтствовано, что перевозу съ Татарской стороны быть не должно потому, что прежде того, по заключеніи вѣчнаго мира, никогда не бывало, да и въ трактатѣ о имѣніи Татарамъ на рѣкѣ Днѣпрѣ перевоза не упомянуто; по которой причинѣ, если паче чаянія еще реченной солтанъ о томъ домогаться сталъ бы, требовалъ отъ меня резолюціи, какой оному учинить отвѣтъ, предъявляя при томъ, что въ 1743 году такая жъ съ Татарской стороны попытка была, ибо тогда хотѣли они при урочищѣ Катяномъ и въ Казыкирменѣ учредить перевозы, но отъ Коша Запорожскаго Е. И. В. всепод. взнесена была просьба, на которую отъ 20-го сентября того жъ 1743 году высоч. къ войску Запорожскому прислана грамота токого точно содержанія, что всемил. опредѣлено Коллегіи Ин. Дѣлъ по тому разсмотрѣніе учинить и мнѣніе свое въ Сенатъ подать. Въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ отъ меня кошевому предписано, въ случаѣ неотступнаго настоянія отъ сераскеръ-солтана, въ учтивыхъ выраженіяхъ отвѣтствовать, что на такую новость, какова прежде не бывала, Кошъ Запорожскій, яко подчиненной вышнему правленію, собою дозволить не можетъ, а долженъ представить о томъ главной командѣ, отъ которой и резолюціи ожидать имѣетъ. А по моему слабѣйшему мнѣнію

кажется: если Татарамъ дозволить на Днѣпрѣ въ помянутыхъ мѣстахъ свои учредить перевозы, то такая новость для пограничности можетъ быть предосудительна и вредна, ибо Татары, получа чрезъ то свободныя руки, перевозить (будутъ) по своему произволу все, что хотятъ, слѣд. и партіи войскъ, и границы В. И. В. всегда въ опасности и безпокойствѣ находиться будутъ. Однако, по рабской моей должности, предая все сіе высоч. В. И. В. соизволенію, всепод. испрашиваю себѣ высоко-монаршаго повелѣнія, какою резолюціею по сему кошевого атамана снабдить.

16) О прибытіи посланца съ письмомъ отъ Очаковскаго паши,— отъ 3-го сентября за № 53.

Третьяго дня прибылъ сюда отъ Очаковскаго трехбунчучнаго паши Сары-Мустафы аги нарочной Бумонъ-баша съ письмомъ ко мнѣ, которому здѣсь ласковой пріемъ учиненъ, а при томъ объявлено, что по переводѣ и разсмотрѣніи содержанія письма съ дружескимъ отвѣтомъ вскорѣ отправленъ будетъ. А какъ изъ письма, съ коего при семъ В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ подношу переводъ, мною примѣчено, что оное посланному только для претекста дано, ибо настоящая посылка его знатно въ томъ только намѣреніи учинена, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ развѣдать, какія по границѣ и въ здѣшней крѣпости войска находятся, то отъ меня, какъ обыкновенно всѣмъ таковымъ пріѣзжимъ придаются подъ видомъ безопасности и для посылокъ по одному исправному унтеръ-офицеру и толмачу, приставленнымъ къ нему найсильнѣйше подтверждено за всѣми его поступками и обхожденіемъ непримѣтнымъ образомъ присматривать; а съ какимъ оной отвѣтомъ отправленъ будетъ, В. И. В. впредь донести не премину.

17) О состоявшихся засѣданіяхъ пограничной коммиссіи,—отъ 3-го сентября за № 55.

В. И. В. всепод. доношу, что изъ репортовъ находящихся въ Каменкѣ пограничныхъ коммиссаровъ Ефремова и Чугуевца явствуетъ, что и Татарскіе коммиссары къ съѣзду уже прибыли и два засѣданія по пограничнымъ дѣламъ имѣли, на коихъ съ нашей стороны по требованіямъ Татаръ снисхожденіе показано возвращеніемъ содер-

жавшихся, по предъявленію Запорожцовъ яко бы за смертоубивство Запорожскаго козака, въ Запорожской Сѣчи подъ карауломъ чабановъ со всѣми забранными у нихъ вещами и скотомъ, чѣмъ Татарскіе коммиссары весьма довольны были и обѣщали послѣ того при первомъ засѣданіи стараніе приложить о рѣшеніи всѣхъ жалобъ и ссоръ по самой справедливости къ удовольствію обоюдныхъ сторонъ подданныхъ; но исполнятъ ли они съ своей стороны данное обѣщаніе, время окажетъ, ибо по извѣстному оныхъ непостоянству на ихъ слова никогда утвердиться не можно. Итакъ, какой успѣхъ сія коммиссія въ нынѣшнемъ году возымѣетъ, о томъ В. И. В. впредь обстоятельно рабол'ѣпнѣйше донести не премину.

18) По репорту Соловкова о военныхъ приготовленіяхъ Турокъ и Татаръ и о потворствѣ гайдамакамъ со стороны Гардоваго полковника,—отъ 25-го сентября за № 57.

В. И. В. всеподд. доношу, что прибывшій сюда на сихъ дняхъ по выдержаніи карантина изъ Царяграда квартермистръ Соловковъ подалъ записку примѣчаніямъ и развѣдываніямъ, въ проѣздъ учиненнымъ, слѣдующаго содержанія: подъ Очаковымъ якобы за подлинно 18, а подъ Бендерами 13 тысячъ Турецкаго войска въ полѣ станомъ расположено; въ столичномъ Молдавскомъ городѣ Яссахъ Турецкой паша съ нѣсколькимъ числомъ войска прибылъ; что подъ рукою гласится, будто еще нынѣшнею осенью тѣ войска къ Балтѣ придвинутся для перезимованія въ той околичности; что Едисанской орды Татаръ, чему онъ, Соловковъ, самовидецъ, до нѣсколько тысячъ при обыкновенныхъ своихъ воинскихъ сбруяхъ во всякой готовности съ походными кибитками по степи въ разныхъ мѣстахъ кочуетъ; по которой причинѣ Балтинскимъ каймаканомъ онъ, Соловковъ, Татарскою стороною не отправленъ, опасаясь отъ необузданности Татаръ нанесенія ему какой либо обиды, но отъ Балты посланъ Польскою стороною до Орловскаго форпоста; о коихъ такожъ де слухъ носится, яко бы для перезимованія въ Польскую украину вступить имѣютъ съ намѣреніемъ противъ Россіи дѣйствовать; и что у города Сакчи построены три каменные магазина, каждый длиною по сту саженъ, а четвертый такой же строить начали; первые три наполняются привознымъ изъ Валахіи и околичныхъ мѣстъ всякаго рода хлѣбомъ,

куда безперерывной подвозъ оного продолжается, гдѣ и новыхъ печей сдѣлано 30, въ коихъ хлѣбъ пекутъ и въ сухари сушатъ. Я не преминулъ для подлиннѣйшаго о всемъ вышеписанномъ развѣданія изъ Елисаветградской провинціи подъ разными пристойными и непримѣтными претекстами отправить искусныхъ и надежныхъ людей въ Бендеры, Очаковъ, Кинбурнъ, новопостроенной у морского берега городъ Казыбей и въ Едисанскую орду, по возвращеніи коихъ о развѣданномъ оными В. И. В. раболѣпнѣйше въ свое время донести не укосню.

Сверхъ сего, оной же квартермистръ Соловковъ объявилъ, что во время держанія имъ карантина при Орловской слободѣ свѣдалъ онъ отъ прибывшихъ 3-го числа сего въ ханское село Голту изъ Очакова съ 60 человѣкъ Татаръ одобаши и барянтара (?), кои, переправясь черезъ рѣку Бугъ, стоящему на форпостѣ маіору Вульфу явились, отъ котораго ласково приняты и угощены были, яко они съ ферманомъ, которой и показывали, присланы въ село Голту для поимки шатающихся гайдамаковъ, куда они, слѣдуя отъ Гарду до Компанейской ставки, препровождаемы были стоящимъ при Гардѣ Запорожскимъ полковникомъ Иваномъ Головкою и командою его, которой имъ совѣтовалъ отъ того мѣста ханскою слѣдовать стороною, ибо онъ де, Головко, съ командою по близости, а иногда и въ виду ихъ поѣдетъ своею стороною съ тѣмъ, чтобы попадающихъ гайдамаковъ ловить; но въ самомъ дѣлѣ противное явилось, паче потому что, когда де одобаша съ командою, отдѣлясь отъ Запорожскаго полковника, поѣхалъ своею стороною къ Романовской долинѣ, гдѣ по извѣстіямъ гайдамаки укрывались, то оной никого тамо не засталъ, а нашелъ только недавно зарѣзанныхъ двухъ быковъ и нѣсколько хлѣбовъ, но притомъ по травѣ свѣжій слѣдъ примѣченъ, что тѣ гайдамаки въ бродъ на Запорожскую сторону перешли, знатно по тайному увѣдомлѣнію реченного полковника, который, по видимому, за гайдамаковъ обстаиваетъ и умышленно Запорожцовъ къ гайдамачеству побуждаетъ, чтобъ Турецкія деревни въ разореніе привесть, о чемъ онъ, одобаша, по обратномъ его въ Очаковъ прибытіи, своему пашѣ донести не преминетъ, яко помянутой Гардовой полковникъ съ гайдамаками полюбовно обходится. По окончаніи сего объявленія одобаша и барянтаръ (?) въ Голту возвратились и не мѣшкавъ къ Кодыму поѣхали для поимки шатающихся тамо гайдамаковъ. Я о всемъ вышеписанномъ чрезъ отправ-

леннаго отсюда 10-го числа сего въ Константинополь В. И. В. лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержанта Алексѣя Трегубова пребывающему при Портѣ Оттоман. тайн. сов. и кав. Обрѣзкову для того знать далъ, чтобъ онъ, вѣдая благовременно о сихъ въ близости границъ чинящихся пріуготовленіяхъ, чрезъ своихъ пріятелей о подлинности оныхъ тѣмъ скорѣе удостовѣриться могъ, а о послѣднемъ одобаша обстоятельствѣ при случаѣ министрамъ Порты сообщить въ состояніи былъ, что, по дошедшему до меня отъ упомянутаго маіора Вульфа о разговорѣ одобаши репорту, я кошевому атаману предписалъ немедленно Гардового полковника, другимъ исправнымъ старшиною смѣня и все сіе дѣло точнѣйше изслѣдовавъ по воинскимъ обрядамъ, оного наказать, доказывая тѣмъ, какое попеченіе съ нашей стороны при всякихъ случаяхъ употребляется къ ненарушимому соблюденію счастливо настоящаго между обоими имперіями вѣчномирнаго трактата; а г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцеву я также де о сихъ Соловкова примѣчаніяхъ и развѣданіяхъ для вѣдома сообщить не оставилъ.

19) Объ окончаніи съѣзда пограничной коммиссіи,—отъ 25-го сентября за № 58.

Изъ всепод. моей реляціи № 55 В. И. В. всемил. усмотрѣть изволили, что Татарскіе коммиссары въ пограничное мѣсто Каменку прибыли и уже два засѣданія съ нашими имѣли; а теперь пріемлю смѣлость раболѣпнѣйше донести, что сія коммиссія сверхъ чаянія благополучно въ нынѣшній годъ окончена, ибо кромѣ рѣшенія двугодичныхъ ссоръ и жалобъ, тожъ удовольствія нѣкоторыхъ претензій въ пользу обоюдныхъ подданныхъ, по данному отъ меня коммиссарамъ Ефремову и Чугуевцу наставленію, внесенъ въ обыкновенной инструментъ слѣдующаго содержанія новый пунктъ: всѣхъ безъ письменного отъ начальниковъ виду шатающихся въ не своей границѣ обосторонныхъ подданныхъ признавать за настоящихъ бродягъ и объ нихъ тотчасъ ближнимъ начальникамъ знать давать для учиненія таковымъ достойнаго по справедливости наказанія, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ перевода съ размѣненнаго инструмента [1]) всемил. усмотрѣть изволите, чѣмъ уповательно всѣ способы къ на-

[1]) Ни этого перевода съ инструмента, ни письма къ хану при черновой реляціи нѣтъ.

несенію одной или другой сторонѣ обидъ отъ своевольныхъ и хищничества жаждущихъ бродягъ пресѣченъ и смежнымъ народамъ лучшее спокойство и безпечность въ прожитіи доставлено быть можетъ. Я о семъ не преминулъ въ сосѣдопріятельскихъ терминахъ письменно отозваться къ хану Крымскому, съ котораго письма раболѣпнѣйше при семъ точную копію на высочайшее усмотрѣніе подношу.

20) По сообщенію резидента Обрѣзкова о продолжающихся военныхъ приготовленіяхъ Порты и Татаръ и о смѣнѣ верховнаго визиря,— отъ 4-го октября за № 63, изъ Кременчуга.

В. И. В. всепод. доношу, что по отправленіи моемъ изъ Кіева въ Новороссійскую губернію получилъ я на дорогѣ отъ пребывающаго при Портѣ Оттоман. В. И. В. тайн. сов. и кав. Обрѣзкова отъ 4-го сентября при экспедиціи къ высоч. В. И. В. двору слѣдующаго содержанія письмо: Татарскіе движенія инако почитать не должно, какъ слѣдствіями распоряженій и намѣреній Порты, учиненныхъ по причинѣ нападенія на Балту и Голту разбойнической шайки; а въ дополненіе тому даетъ знать, что военные пріуготовленія во всѣхъ частяхъ безъ изъятія съ непремѣннымъ жаромъ продолжаются: великіе провіантскіе магазины на Дунаѣ и въ Молдавіи заполняются; коммиссары для подчинки дорогъ до Дуная и приведенія въ состояніе дворцовъ и другихъ публичныхъ въ Адріанополѣ находящихся строеній уже опредѣлены, еже доказательствомъ служить можетъ взятому намѣренію для переселенія Турецкаго двора въ Адріанополь; а сіе самое почитать должно не только предвѣстникомъ, но и доводомъ принятой резолюціи въ войну вступить, да и по всѣмъ наружнымъ оказательствамъ съ Россійскою имперіей. Но сокровенные намѣренія согласны ли ль съ тѣми наружными оказательствами, оное еще непроницаемою есть тайностію, которую время объяснить можетъ. Въ Хотинѣ, Бендерахъ и Очаковѣ, по Константинопольскимъ извѣстіямъ, военныхъ людей отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ находится, для перезимованія которыхъ яко бы дѣйствительно уже и казармы строются. Минувшаго августа 25 числа верховной визирь смѣненъ, на мѣсто коего назначенъ Хютайской Харза паша, котораго прибытія въ Константинополь чрезъ нѣсколько дней ожидали, и тогда де безъ сум-

нѣнія откроется, какой сіи пріуготовленія и всѣ по тому произведенія оборотъ возьмутъ.

А между тѣмъ де съ нашей стороны въ разсужденіи такихъ отъ Порты по всѣмъ наружнымъ оказательствамъ противъ государства В. И. В. пріемлемыхъ пріуготовленій отнюдь оплошать не надлежитъ, но должно по воинскому правилу супротивные дѣлать распоряженія. Но какъ сіи о сильныхъ Турецкихъ воинскихъ пріуготовленіяхъ извѣстія и изъ пограничныхъ мѣстъ нашими пріятелями подтверждаются, съ такою еще прибавкою, что по указу Порты къ Волоскому и Молдавскому господарю лѣсъ для наведенія чрезъ рѣку Дунай моста не только уже заготовленъ, но и дѣйствительно къ Сакчѣ сплавливается, и провіантскіе магазины какъ въ Сакчѣ, такъ и въ Молдавіи, найсильнѣйшимъ образомъ и съ крайнею поспѣшностію заготовляются; а прибывшій съ сими депешами изъ Константинополя рейтарской команды прапорщикъ Фатѣевъ отъ Орловскаго форпоста, гдѣ онъ карантинъ выдерживать долженъ, репортомъ представляетъ, что въ проѣздъ его чрезъ Бендеры 16-го числа минувшаго прибылъ туда новой сераскеръ, въ которой день (невѣдомо, по какой причинѣ) между арнаутами и янчарами возмущеніе учинилось, и великая драка была, въ которой съ обоихъ сторонъ побито до 50, а ранено болѣе ста человѣкъ; всего при Бендерѣ войска, по объявленію тамошнихъ обывателей, двадцать тысячъ въ лагерѣ стоитъ, которой онъ самъ видѣлъ, и что провіантъ со всѣхъ сторонъ въ магазины свозятъ; а болѣе въ проѣздъ его отъ Константинополя до Орловскаго форпоста воинскихъ пріуготовленій онъ нигдѣ не видалъ и не примѣтилъ.

Я, по рабской моей должности, сколько количество подчиненныхъ мнѣ войскъ дозволило, непримѣтнымъ образомъ, безъ встревоженія обывателей, въ Елисаветградской провинціи и по границѣ оной удобвозможную предосторожность взять не преминулъ и о всемъ томъ и нынѣ отъ меня г. генералу-аншефу и кав. гр. Румянцеву для вѣдома сообщено.

21) По репорту кошеваго атамана о Татарскихъ грабительствахъ и угрозахъ Турокъ, а равно о данномъ по этому поводу ордерѣ кошевому,— отъ 3-го ноября за № 65, изъ Кременчуга.

Послѣ отпуска всеподд. моей реляціи № 63, какіе до меня отъ

кошеваго атамана о заграничныхъ Татарскихъ и Турецкихъ воинскихъ пріуготовленіяхъ извѣстія дошли, пріемлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ точной списокъ съ одного репорта и переводъ съ письма къ нему, кошевому, отъ Перекопскаго каймакана В. И. В. на высоч. усмотрѣніе при семъ подносить [1]). А какъ оной же кошевой атаманъ въ другомъ ко мнѣ доношеніи жалобу приноситъ, что Едичкульскіе татары уже по окончаніи нынѣшней коммиссіи вновь своими наглыми нападеніями Запорожскимъ козакамъ не малыя обиды и грабительства дѣлать начали, о коихъ онъ хотя, по глашенію постановленного обоюдными погран. коммиссарами инструмента, ближнимъ Татарскимъ начальникамъ и Едичкульскому сераскеръ-султану самому писалъ, прося по сосѣдственной дружбѣ о унятіи и прекращеніи Татарскаго самовольства и объ удовольствіи обиженныхъ возвращеніемъ заграбленнаго, однако нарочно посланные безъ отвѣта возвращались; по которой причинѣ требовалъ отъ меня наставленія, какимъ образомъ поступить, ежели Татаре грабительствами своими Запорожцовъ впредь обижать и разорять станутъ; то я, сообразивъ сію его жалобу съ содержаніемъ письма Перекопскаго каймакана и уваживъ нѣжность нынѣшнихъ обстоятельствъ, за пристойное разсудилъ кошевому атаману предписать, чтобъ онъ всему подчиненному войску найсильнѣйше подтвердилъ еще нѣкоторое время, до дальняго отъ меня ордера, сколько возможно, отъ ссоръ уклоняться, отнюдь никакого повода къ какому либо раздору не подавая, но при всякой отъ Татарской стороны обидѣ, по силѣ вышепомянутаго инструмента, ближнимъ Татарскимъ начальникамъ въ пристойныхъ и учтивыхъ выраженіяхъ письменно отзываться, требуя по сосѣдственной дружбѣ обиженнымъ правосуднаго удовлетворенія и о всемъ томъ по самой справедливости ко мнѣ репортовать, дабы я съ моей стороны, подкрѣпляя ихъ жалобы, о награжденіи убытковъ и о наказаніи самовольныхъ грабителей съ лучшею поважностію настоять могъ.

По второму доношенію, коего при семъ списокъ В. И. В. подносится, касательно Турецкихъ угрозъ нападеніемъ на границы В. И. В., какъ скоро рѣки льдомъ покроются, а особливо на Запорожское войско, ему кошевому слѣдующее присовокупить за потребное

---

[1]) Приложеній этихъ при черновой реляціи нѣтъ.

призналъ: искусство намъ доказало, что въ прежнюю съ Турками войну нападенія отъ Татаръ и Турокъ на Россійскія границы бывали, но съ Божіею помощію и храбростію Россійскихъ войскъ нападатели отъ большей части съ посрамленіемъ возвращались и Запорожскихъ козаковъ истребить имъ не удавалось; войска В. И. В. всегда готовы и въ состояніи наглостямъ достаточной отпоръ чинить; безразсудныя ихъ угрозы не важны, ибо извѣстно, изъ какой сволочи Татарское и Турецкое войско состоитъ; слѣд. гордостію надменнаго ихъ хвастовства страшиться и тревожиться нѣтъ причины; паче же когда онъ, кошевой атаманъ, моими ордерами предварительно уже предостереженъ и, какъ уповательно, на всякой случай съ подчиненнымъ ему войскомъ непримѣтнымъ образомъ себя пріуготовилъ, и для того торопиться не надлежитъ, но съ непремѣнною твердостію, осторожностію и прозорливостію должно всѣ оныхъ движенія и обороты примѣчать и приличными увѣщеніями стараться Татаръ отъ самовольныхъ набѣговъ отвращать, прося пограничныхъ Татарскихъ начальниковъ по сосѣдственной дружбѣ своихъ подчиненныхъ отъ того воздержать и до такой крайности войско Запорожское не доводить, чтобъ принуждено было отъ набѣговъ обороняться: ибо ему, кошевому атаману, найстрожайшее повелѣніе дано съ сосѣдами обходиться найдружественнѣйшимъ образомъ, что отъ него и всего Запорожскаго войска съ должнѣйшимъ повиновеніемъ и наблюдается; а если, паче чаянія, не взирая на всѣ сіи отзывы и умѣренность, Татаре, въ своемъ упорствѣ пребывая, къ явному нападенію на границы В. И. В. движенія чинить стали бъ, чего отъ кошевого по близости утаиться не можетъ, въ такомъ случаѣ тотчасъ чрезъ нарочнаго ко мнѣ бы репортовалъ и ближнимъ воинскимъ командамъ знать далъ, дабы по тому достаточнымъ наставленіемъ отъ меня снабдѣнъ быть могъ.

Елико же до каймаканскаго письма принадлежитъ, то рекомендовано ему на гладкіе и ласковые отзывы онаго отнюдь не полагаться, ибо новой ханъ Крымъ-Гирей, яко хитрой и предпріимчивой человѣкъ, можетъ быть сею приманкою думаетъ насъ засыпить и чрезъ то въ своемъ намѣреніи лучшій себѣ успѣхъ доставить.

Я не преминулъ, какъ о сихъ извѣстіяхъ, такъ и о данномъ кошевому атаману ордерѣ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову для вѣдома знать дать, дабы и онъ съ своей стороны сходно съ тѣмъ кошевому атаману предписать могъ; ибо въ разсужденіи прежнихъ об-

рядовъ и застарѣлыхъ обыкновеній Запорожскихъ козаковъ, кои мало о субординаціи пекутся, прежде времени ни къ какому предпріятію ихъ назначить нельзя: они въ состояніи, какъ жадные къ добычамъ, тотчасъ явные грабительства начать.

22) Объ извѣстіяхъ Могилевскаго пріятеля,—отъ 3-го ноября за № 66, изъ Кременчуга.

В. И. В. всеподд. доношу, что 29 минувшаго октября мѣсяца получено чрезъ Кіевъ отъ Могилевскаго пріятеля письмо, котораго переводъ экстрактомъ В. И. В. при семъ на высоч. усмотрѣніе рабо.ѣпнѣйше подношу. А какъ извѣстія его о заграничныхъ обстоятельствахъ съ сказками посланныхъ подъ разными претекстами въ Очаковъ и въ другіе Татарскіе мѣста для развѣдываній изъ Новорос. губ. нарочныхъ отъ большей части сходственны, то я о всемъ томъ г. ген. аншъ. и кав. гр. Румянцову для вѣдома сообщить не преминулъ; а помянутому пріятелю, по его прошенію, на проѣздныя издержки для приласканія тридцать рублевъ выданы и отъ канц. сов. Веселицкаго о прилежномъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ продолженіи кореспонціи писано съ такимъ при томъ найсильнѣйшимъ обнадеженіемъ, что вѣрныя его услуги безъ высоч. въ свое время награжденія всеконечно оставлены не будутъ.

23) По поводу рескрипта о посылкѣ нарочнаго въ Едисонскую орду для привлеченія ея въ Россійскую протекцію,—отъ 17-го ноября за № 72.

На высоч. В. И. В. секретный рескриптъ отъ 26-го минувшаго октября мѣсяца, мною съ глубоч. благоговѣніемъ 9-го числа сего ноября полученный, коимъ всемил. повелѣвается въ Едисанскую орду къ тѣмъ мурзамъ, кои въ 1759 году въ письмѣ къ тогдашнему калгѣ Хаджи-Гирей султану подписались, буде изъ оныхъ кто въ живыхъ есть, или къ ихъ сродственникамъ отправить подъ приличнымъ претекстомъ нарочнаго и способнаго человѣка для развѣданія настоящаго мыслей ихъ расположенія и чего отъ нихъ при войнѣ ожидать будетъ должно, а паче всего для припамятыванія и внушенія имъ прежней самопроизвольной ихъ поступи о присылкѣ нарочнаго съ прошеніемъ о дозволеніи имъ Россійско-императорской протекціи, уловляя тѣмъ и по на-

ступленіи войны ихъ доброжелательство, яко теперь то время настало, сдѣлать имъ съ высоч. В. И. В. дворомъ потребныя соглашенія и тѣмъ не только привесть себя на всегдашнее время въ безопасность, но пріобрѣсть и разныя выгоды, какихъ они ни отъ Порты Оттоман., ни отъ хана Крымскаго никогда имѣть не могутъ, и прочая,—дерзаю В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ всепод. донесть, что я по рабской моей должности и ревности крайнѣйше о томъ сокрушаюсь, что сіе всевысоч. о толь важномъ дѣлѣ повелѣніе предъ двумя мѣсяцами ко мнѣ не прислано, ибо скоропостижной поступокъ Порты возстановленіемъ въ Крымскіе ханы извѣстнаго Крымъ-Гирея и засаженіемъ въ Едикулъ В. И. В. министра, предзнаменующій явной съ Россійскою имперіей разрывъ, въ произведеніи онаго есть главнѣйшимъ мнѣ препятствіемъ, паче потому что пронырливою и хитрою уловкою новаго хана всѣ Татарскія орды противъ подданныхъ В. И. В. такъ озлоблены и раздражены, что никому изъ бывшихъ въ Крыму и другихъ Турецкихъ мѣстахъ для купеческаго промыслу малороссіянъ и Запорожскихъ козаковъ свободнаго къ возврату проѣзда нѣтъ, но гдѣ на кого наѣдутъ, безъ разбору грабятъ и убиваютъ, слѣд. явные уже непріятельства производить начали. Однако, Всемил. Государиня, при всемъ такомъ крайне затруднительномъ и весьма опасномъ состояніи для отправленія въ Едисанскую орду нарочнаго, я удобвозможное свое рабское стараніе употребить не премину къ сысканію надежнаго, знающаго Татарской языкъ, человѣка и, снабдя онаго достаточнымъ по сей коммиссіи наставленіемъ, туда отправить, о чемъ въ свое время В. И. В. обстоятельно донести долженствую.

24) О предписаніи кошевому атаману быть въ готовности къ оборонѣ противъ Татаръ и къ защитѣ Елисаветградской провинціи,— отъ 17-го ноября за № 73.

В. И. В. всемил. усмотрѣть изволили изъ всепод. моей реляціи № 65, какіе кошев. атаману Петру Калнишевскому по нынѣшнимъ важнымъ обстоятельствамъ даны наставленія; а теперь пріемлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что получа отъ помянутаго атамана рапортъ о бытіи всего Запорожскаго войска по воинскому онаго обряду во всякой къ походу готовности и о чиненіи безпрестанныхъ по границѣ разъѣздовъ для примѣчанія Татарскихъ движеній, кои

такожде, во всякой къ походу готовности находясь, равномѣрно по границѣ не въ маломъ числѣ разъѣзжаютъ и всякія подданнымъ В. И. В. непріятельства дѣлаютъ, грабя и убивая оныхъ, а Турецкое войско въ пограничныхъ крѣпостяхъ вновь сухимъ путемъ и водою приходящими янчарами, бошняками, арнаутами и спагами сильно умножается, въ добавокъ слѣдующее предписалъ о всѣхъ заграничныхъ извѣстіяхъ и Татарскихъ обращеніяхъ по близости безпосредственное имѣть сношеніе съ генераломъ-маіоромъ и кав. Исаковымъ и репорты свои чрезъ него ко мнѣ доставлять, ибо ему по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, на случай ожидаемаго отъ Татаръ нападенія на границы Елисаветградской провинціи, для выгаданія времени, яко совершенно положеніе той провинціи знающему, надъ собраннымъ въ оной небольшимъ корпусомъ войска команда поручена и достаточное дано наставленіе, какимъ образомъ съ подчиненными ему войсками въ охраненіе отъ разоренія поступать, и потому когда отъ реченнаго генералъ-маіора или отъ ближнихъ полковыхъ командировъ ему, кошевому атаману, чрезъ нарочныхъ о вступленіи непріятеля въ границы Елисаветградской провинціи знать дано и сильнаго вспоможенія истребовано будетъ, то бъ онъ, по извѣстной его и всего низоваго войска Запорожскаго къ службѣ ревности и вѣрности, удобвозможнѣйшую и самоскорѣйшую помощь подалъ, стараясь непріятелю, напавъ на онаго стылу и поставивъ посреди двухъ огней, храбрымъ по воинскому искусству сраженіемъ найчувствительнѣйшій причинить ударъ и тѣмъ не только дальновидному предпріятію онаго найвозможнѣйшимъ образомъ воспрепятствовать, но и съ помощію Божіею его къ выступленію изъ границъ принудить. А хотя о точномъ исполненіи всего предписаннаго отъ кошеваго атамана я рапортъ и получилъ, однако зная, что Запорожское войско нѣсколько огорченнымъ себя признаваетъ по причинѣ земли подъ Екатерининскую провинцію назначенной, то позвольте, Всемилостивѣйшая Государыня, здѣсь мое рабское слабѣйшее мнѣніе присовокупить: мнѣ видится, что въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ всемил. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ грамота съ обнадеженіемъ монарше-материнского благоволенія и съ выхваленіемъ оказанной всегда при подобныхъ случаяхъ, каковы нынѣ, храбрости и вѣрности, великое всему войску придастъ ободреніе и немалую принести можетъ пользу, ибо мое обнадеженіе на жалобу кошевого объ оставленіи

спорныхъ съ Запорожцами земель въ такомъ точно состоянiи отъ обывателей Екатерининской провинціи, въ какомъ оныя нынѣ, и о нечиненiи тамошнимъ отъ Коша зависящимъ поселянамъ никакого утѣсненiя Запорожскія козаки, можетъ быть, не столько уважаютъ.

25) По поводу письма Могилевскаго пріятеля о Турецкихъ приготовленіяхъ,—отъ 27-го ноября за № 79.

Какого содержанiя отъ Могилевскаго пріятеля на сихъ дняхъ получено письмо, изъ оного на высоч. В. И. В. усмотрѣніе при семъ съ глубоч. благогов. подношу экстрактъ, а изъ прочихъ заграничныхъ мѣстъ доходимые до меня извѣстія согласно подтверждаютъ сильные съ Турецкой стороны къ войнѣ приготовленія знатнымъ прибавленіемъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ разныхъ званій Турецкаго войска; а Татарскія орды около Волчьихъ водъ по Бугу и Ингулу и другихъ степныхъ рѣкъ въ близости границъ разъѣзжаютъ. Посланные отъ меня еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ капитанъ Бастевикъ и здѣшній мѣщанинъ съ письмомъ къ Очаковскому пашѣ и хану Крымскому донынѣ обратно не прибыли и никакого объ нихъ извѣстія нѣтъ, еже думать заставливаетъ, что они гдѣ-нибудь задержаны; а что впредь объ нихъ и о загранич. обстоятельствахъ до меня доходить будетъ, В. И. В. раболѣпнѣйше донести не укосню.

Приложеніе: Переводъ экстрактомъ письма пріятеля Могилевскаго отъ 27-го октября 1768 г. изъ Яссъ.

Увѣдомляю васъ, что послѣ письма моего къ вамъ, изъ Кіева отправленнаго, я для провѣдываній прямо въ Яссы поѣхалъ, гдѣ засталъ еще немалую команду спаговъ, къ Хотину слѣдующихъ; сіи спаги были въ Бендерѣ, но послѣ драки, которая между ими и янчарами тамъ происходила, опасаясь Бендерской паша, чтобъ, по вкоренившейся между ими враждѣ, еще какое зловредное междоусобіе не произошло, приказалъ спагамъ слѣдовать къ Хотину. Проводъ ихъ чрезъ Молдавію обывателямъ великое разореніе причинилъ: всѣ села остались впустѣ, ибо люди, видя неукротимое оныхъ варварство, ретировались въ горы. Свирѣпость и насильство ихъ до того простирались, что и въ городѣ Яссахъ не только мѣщанъ грабили, но и знатныхъ тамошнихъ бояръ и чиновниковъ не уважали, отчего и дворъ тамошняго господаря на нѣсколько дней былъ запертъ.

Здѣсь заподлинно увѣряютъ, что пять пашей съ войскомъ къ границѣ идутъ. Одинъ Татарскій султанъ, съ 15 тысячъ Татаръ слѣдующій подъ Хотинъ, прибылъ къ Пруту рѣкѣ, расположился на время въ Кишиновѣ, Херловѣ и той околичности, котораго конфедераты съ нетерпѣливостію ожидаютъ при Хотинѣ, отзываясь, что съ сими Татарами намѣрены они въ Польшу вступить.

Молдавскій господарь получилъ отъ Порты фирманъ, чтобъ онъ и прочее знатное дворянство, тожъ начальные чиновники, свои фамиліи въ Царьградъ отправили. Предъ нѣсколькими днями, хоть здѣсь явно поговаривать стали о арестованіи Россійскаго министра въ Константинополѣ, однако нѣкоторые изъ здѣшнихъ мѣщанъ по ихъ разсудку о подлинности того сомнѣваются.

Изъ Польскихъ конфедератовъ нѣсколько партій въ Польшу вошли, избравъ въ Цекиновкѣ, Могилевѣ и Рашковѣ, какъ чинсовые помѣщичьи доходы, такъ и таможенные казенные сборы, тожъ ограбивъ обывателей, возвратились подъ Хотинъ.

О Черногорцахъ пріѣзжіе изъ тѣхъ околичностей въ Яссы купцы увѣряютъ, что надъ Турками великіе вездѣ удерживаютъ авантажи; только подтверждаютъ, что многочисленное Турецкое войско противъ нихъ ополчается и къ нимъ слѣдуетъ.

26) Объ отправленіи съ нарочными писемъ въ Едисанскую орду,— отъ 1-го декабря за № 80.

В. И. В. съ глубочайшимъ благоговѣніемъ всеподд. доношу, что, во исполненіе высоч. секретнаго отъ 26-го октября указа, коимъ всемил. мнѣ повелѣно подъ приличнымъ претекстомъ къ Едисонцамъ послать нарочнаго способнаго человѣка для развѣдыванія настоящаго мыслей ихъ расположенія и чего отъ нихъ при войнѣ ожидать будетъ должно, а паче всего для припамятыванія и внушенія имъ, уловляя тѣмъ и по наступленіи войны ихъ доброжелательство, что приближается теперь время сдѣлать имъ съ высоч. дворомъ В. И. В. потребныя соглашенія и тѣмъ не только привесть себя на всегдашнее время въ безопасность, но пріобрѣсть и разныя выгоды, какихъ они отъ Порты, ни отъ хана Крымскаго никогда имѣть не могутъ,—я, сообразуясь съ нынѣшними весьма критическими обстоятельствами и предвидя со всѣхъ сторонъ встрѣчающіяся неудобности, сопряженныя съ великими затрудненіями, по многимъ размышленіямъ и уваженіямъ призналъ сходственнѣйшимъ слѣдующее средство: вспомня, что асес-

соръ Чугуевецъ Едисанской орды мурзынской сынъ, непримѣтнымъ образомъ спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ кого изъ Едисанскихъ мурзъ, и услыша отъ него, что по долговременной бытности его въ Запорожской Сѣчи, а напослѣдокъ немалое время и войсковымъ писаремъ, многихъ изъ оныхъ знаетъ, сверхъ же того и два родные его братья въ той ордѣ не изъ послѣднихъ мурзъ, съ коими онъ, будучи въ Запорожскомъ войскѣ, не только часто видался, но и переписывался, да и послѣ того во время пограничныхъ по Татарской коммиссіи съѣздовъ случай имѣлъ съ ними видаться,—я, справясь съ именнымъ спискомъ, присланнымъ при высоч. рескриптѣ, нашелъ, что оба его брата подписаны. Итакъ, нимало не мѣшкавъ, сочинено письмо, съ котораго при семъ В. И. В. на высоч. усмотрѣніе точный подношу списокъ; оное переведено на Турецкой языкъ; а между тѣмъ стараніе приложено сыскать двухъ человѣкъ для отправленія съ оными, ибо одинъ братъ его живетъ близь Каушанъ, а другой отъ Балты въ лѣвую сторону въ степи. Одно поручено толмачу здѣшней губерніи Христофору Григорову, который въ Каушанахъ родного дядю имѣетъ, куда онъ, яко бы для свиданія съ онымъ, изъ Польши, а не отъ здѣшняго мѣста, да и за пашпортомъ польскаго шляхтича, ѣдетъ; и доставленіе другаго случившійся здѣсь переводчикъ Запорожской Сѣчи грекъ Андрей Дмитріевъ Кантарджи на себя взялъ; при отправленіи дано каждому на проѣздъ, выключая прогонныя, по 30 р., а сверхъ того по 50 червонныхъ, которые вмѣсто подарка именемъ асессора Чугуевца каждому брату посланы; но чтобъ вдругъ столь серьезными и важными письмами они грубому народу, каковъ Татарской, въ глаза не показались, снабдены другими лаконическаго штиля отъ того жъ асессора Чугуевца грамотками, въ коихъ о подаркѣ упоминается. Сіи притязательную силу въ себѣ заключающія грамотки должны настоящимъ предшествовать письмамъ и къ удобнѣйшей оныхъ подачѣ надежнѣйшимъ служить поводомъ.

Такимъ образомъ, Всемил. Государыня, снабдя ихъ достаточнымъ наставленіемъ и обнадежа высоч. В. И. В. милостію, въ надлежащій путь отправилъ; а возымѣетъ ли сія посылка какой успѣхъ, время окажетъ, ибо другимъ образомъ оную, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, учинить никакого способа изыскать не могъ.

27) О полученныхъ изъ Сѣчи чрезъ старшину Іоржа Татарскихъ письмахъ, возбуждающихъ Запорожцевъ къ измѣнѣ,—отъ 1-го декабря за № 81.

Каковы мною изъ Запорожской Сѣчи отъ кошевого атамана чрезъ войскового старшину Василя Іоржа, которой для того сюда присланъ, чтобъ и словеснымъ объявленіемъ о имѣвшемъ въ Крыму съ Калгою-султаномъ разговорѣ сказку свою подтвердить могъ, получены рапорты съ приложеніями, съ оныхъ по важности содержаній точные списки, а съ Татарскихъ писемъ переводы съ глубоч. благоговѣніемъ В. И. В. при семъ подъ буквами: а, б, в, г, д, е, ж, z и з, всепод. подношу [1]). В. И. В. изъ оныхъ между онымъ всемил. усмотрѣть изволите ухищренное покушеніе новаго хана Крымъ-Гирея къ преклоненію на свою сторону кошевого атамана со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, равно какъ похвальный поступокъ кошевого присылкою полученныхъ писемъ ко мнѣ не распечатавъ ни одного, тожъ и взятую предосторожность содержать нарочно присланнаго Татарина подъ политичнымъ присмотромъ, дабы не могъ имѣть способа о томъ съ другими изъясниться. Истинно, Всемил. Государыня, сей его при нынѣшнихъ обстоятельствахъ по рабской его должности учиненный поступокъ заслуживаетъ В. И. В. всевысоч. благоволеніе. Я дерзаю В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ всепод. мое слабѣйшее мнѣніе представить, что всемил. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ грамота съ высокомонаршею аппробаціею его поступка по сему случаю и съ обнадеженіемъ высоч. благоволенія за вѣрность, великое ободреніе ему и всему войску Запорожскому придало бъ, ибо если безпристрастно судить, то оное Имперіи В. И. В. служитъ великою противъ Татаръ предградою. Я, о сей съ Татарской стороны учиненной (попыткѣ?) и о предвидимой Запорожской Сѣчи опасности г. генералу-анш. и кав. гр. Румянцову сообща, мое слабое мнѣніе представить не преминулъ о снабдѣніи Новосѣченскаго ретранжамента по своему разсмотрѣнію нѣкоторымъ числомъ канонеровъ, въ коихъ, по доношенію кошевого, крайній тамо недостатокъ, ибо сей ретранжаментъ Запорожской Сѣчѣ къ немалой оборонѣ служить можетъ.

---

[1]) Приложеній этихъ при черновой реляціи не было, конечно потому, что они были отправлены съ подлинникомъ.

Впрочемъ, что принадлежитъ до заграничныхъ сильныхъ непріятельскихъ пріуготовленій, со всѣхъ сторонъ на прежнемъ основаніи подтверждаются, и что Татары съ двухъ яко бы сторонъ на границы В И. В. нападенія сдѣлать намѣрены—съ Елисаветградской стороны и съ Крымской степи.

28) О заявленіяхъ Запорожца Іоржа о подущеніи ханомъ Кубанцевъ, объ удаленіи Татаръ изъ своихъ кочевій,—отъ 1-го декабря за № 83.

Уже по окончаніи предыдущихъ моихъ всепод. реляцій помянутый войсковой старшина Іоржъ словесно мнѣ объявилъ, что свѣдалъ онъ отъ надежной руки въ Крыму, яко Крымъ-Гирей ханъ, получа моремъ немалую денежную казну, отдѣлилъ изъ оной знатную часть и послалъ при одномъ Татарскомъ старшинѣ въ Кубань для склоненія Кубанцовъ, а стараніемъ сихъ и часть смежныхъ къ тому Черкесовъ, напасть совокупно съ той стороны на Донскихъ козаковъ; такожъ де въ обратномъ пути изъ Крыма примѣтилъ онъ, что всѣ Татары изъ прежнихъ своихъ у гайматовъ кочеваній вышли къ Азовскому морю, гдѣ по берегу онаго и расположились, а съѣстные свои припасы, яко то всякого рода хлѣбъ въ ямахъ и сѣно въ стогахъ, оставили въ прежнихъ мѣстахъ по близости границъ Запорожскихъ дачъ единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ при начатіи своихъ набѣговъ въ тѣхъ мѣстахъ имѣть могли свои отдохновенія и запасаться нужнымъ къ пропитанію на произведеніе и долѣе своего непріятельства.

29) По поводу рескрипта о притворномъ доброжелательствѣ Крымъ-Гирея,—отъ 21-го декабря за № 85.

Высоч. В. И. В. рескриптъ отъ 24 прошед. ноября мѣсяца, коимъ мнѣ всемил. повелѣвается, во уваженіе поступка Крымъ-Гирея хана, который начало своего правленія ознаменилъ скорымъ и добровольнымъ за конвоемъ отпускомъ изъ Перекопа задержанныхъ въ Крыму В. И. В. подданныхъ, равно какъ и готовности выпроводить такимъ же образомъ и прочихъ въ Крыму оставшихся, съ представленіемъ въ тожъ время удовлетворенія за всѣ отъ Татаръ учиненные обиды и убытки, до вящаго впредь объясненія прямыхъ тому

обстоятельствъ, взаимною соотвѣтствовать учтивостію и прочая, я съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился. Но какъ между тѣмъ и еще до полученія сего В. И. В. высоч. рескрипта изъ рапорта кошевого атамана и другихъ чрезъ старшину Василья Іоржа ко мнѣ присланныхъ піесъ, какъ въ моей всепод. реляціи № 81 упомянуто, явно открылось, что реченнаго хана поступокъ былъ только ухищренною попыткою для преклоненія Запорожскаго войска на свою сторону, то и попеченіе мое о заимствованіи собою рѣшилось, ибо и безъ того здѣсь въ Кіевѣ и во всей Новороссійской губерніи никого изъ Татаръ или Крымскихъ жителей не находится.

Елико до предосторожности отъ повѣтренной болѣзни въ разсужденіи близости Турецкихъ войскъ принадлежитъ, то отъ меня, хотя объ оной по извѣстіямъ нигдѣ не слышно, стоящимъ по ввѣренной мнѣ границѣ на пропускныхъ форпостахъ командирамъ найсильнѣйше подтверждено рачительнѣйше того наблюдать, чтобъ безъ выдержанія полнаго карантина и надлежащаго по инструкціи докторскаго или лекарскаго осмотра и свидѣтельства никто изъ Турецкихъ или Польскихъ мѣстъ въ Имперію В. И. В. впущенъ быть не могъ.

30) О сообщеніи Якова Попова о недоброжелательствѣ Якуба и письмѣ его къ конфедератамъ,—отъ 21-го декабря за № 86.

Находившійся при Дубосарскомъ воеводѣ Якубъ-агѣ писарь Яковъ Федоровъ Поповъ, о коемъ В. И. В. отъ меня реляціею подъ № 51 всепод. донесено, по дѣйствительномъ узнаніи Якубова недоброжелательства къ Россійской имперіи и въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, 23 числа прош. ноября изъ Каушанъ выѣхалъ и чрезъ Елисаветградскую провинцію сюда прибылъ съ намѣреніемъ остаться вѣчно въ службѣ В. И. В.; а какое между тѣмъ по приказу моему о нынѣшнихъ ханскихъ пріуготовленіяхъ къ нападенію на границы В. И. В. и другихъ сопряженныхъ съ тѣмъ обстоятельствахъ онъ мнѣ подалъ объясненіе, подлинникъ онаго за его рукою, купно съ переводомъ Якубова письма къ маршалкамъ конфедераціи, В. И. В. при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ на высочайшее подношу усмотрѣніе; а точной списокъ онаго для вѣдома и предосторожности г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову отъ меня сообщенъ, ибо новѣй-

шими изъ заграницы извѣстіями подтверждается, что Крымъ-Гирей ханъ, изъ Каушанъ выѣхавъ, въ Бендеръ прибылъ, а оттуда къ Балтѣ слѣдовать имѣетъ. Впрочемъ, Всемил. Государыня, на границѣ здѣшней и Новорос. губ., за помощію Божіею, обстоитъ благополучно, и какая Елисаветградской провинціи войсками В. И. В. по возможности къ супротивленію непріятельскимъ набѣгамъ предосторожность взята, о томъ къ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову сообщено.

Въ Кіевскомъ воеводствѣ паки новая проявилась гайдамацкая шайка, которая такимъ же образомъ свирѣпствуетъ, какъ и первая, но изъ оной до пѣсколько чѣловѣкъ посланною отъ г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцова командою уже переловлено, а для скорѣйшаго истребленія сей зловредной толпы отъ меня эскадронъ гусаръ и два эскадрона пикинеръ изъ ближнихъ Елисаветградскихъ мѣстъ туда жъ командированы, объ успѣхѣ коихъ во свое время В. И. В. всеподд. донести долженствую.

Б) По пограничнымъ съ Польшей дѣламъ.

1) По доношенію капитана Плеца о собирающихся для нападенія на Россійскія войска партіяхъ,—отъ 12-го марта за № 5.

Третьяго дня въ вечеру получилъ я отъ находящагося въ польскомъ мѣстечкѣ Житомирѣ Бѣлозерскаго пѣх. полку кап. Сигизмунда Плеца доношеніе отъ 4-го сего марта, которымъ представляетъ, что отправленъ онъ отъ генерала-маіора и кав. Кречетникова съ состоящею въ 85 человѣкъ Донскихъ козаковъ командою въ помянутое мѣстечко, которому велено по нынѣшнему яко бы со всѣхъ сторонъ великихъ Польскихъ партій противъ войскъ В. И. В. собранію воинскую имѣть осторожность, ибо изъ изданныхъ отъ нихъ на супротивныхъ манифестовъ явствуетъ противное ихъ съ Россійскимъ войскомъ обращеніе. Вслѣдствіе чего, объявляя, что у козаковъ команды его недостаточно пороха и свинца, требовалъ отсюда оными снабденъ быть. По которой причинѣ вчерашняго дня отпущено отъ здѣшняго артиллерійскаго правленія на каждаго человѣка по фунту пороху и по половинѣ фунта свинцу. Но какъ о семъ противномъ въ Польшѣ предпріятіи отъ генералъ-маіора Кречетникова никакого извѣстія нѣтъ, то и подлинность онаго кажется немалому подвержена су-

млѣнію, ибо по безпредѣльной вольности Польской часто неосновательные въ Польшѣ разсѣваются разглашенія; однако съ моей стороны стараніе употреблено будетъ о точномъ о семъ развѣданіи и, что между тѣмъ до меня дойдетъ, В. И. В. безъ упущенія времени донести не премину.

2) О полученныхъ изъ Польши увѣдомленіяхъ о собирающихся партіяхъ войскъ,—отъ 3-го апрѣля за № 8.

В. И. В. изъ всепод. моей реляціи, отъ 12-го марта подъ № 5, всемил. усмотрѣть изволили о собираніи яко бы въ Польской украинѣ нѣкоторой изъ недоброжелательныхъ Поляковъ противной партіи и что я для точнаго разведанія всѣхъ потому происхожденій удобвозможное стараніе употреблю. Вслѣдствіе чего отъ меня нарочный искусный офицеръ отсюда въ тѣ мѣста и отправленъ былъ, который, сего дня возвратясь, словесно мнѣ объявилъ, что подъ предводительствомъ гр. Красинскаго въ Барѣ, Браилѣ, Хмѣльникѣ, Каменцѣ-Подольскомъ и въ Улановѣ только до двухъ тысячъ Поляковъ понынѣ собрано, да и то отъ большой части изъ самой подлости. Но какъ между тѣмъ и курьеръ отъ находящагося въ Польшѣ съ войскомъ В. И. В. генералъ-маіора Кречетникова, слѣдующій къ высоч. В. И. В. двору, съ депешами сюда прибылъ, то я по рабской моей должности преминуть не хотѣлъ чрезъ оного предварительно о сихъ развѣдываніяхъ всепод. вкратцѣ донести, а пространнѣе со всѣми до того касающимися обстоятельствами по полученнымъ какъ изъ Крыму, такъ и изъ Польши, подлиннымъ извѣстіямъ не продолжительно чрезъ нарочнаго В. И. В. всепод. доносить долженствую.

3) По репорту полк. Чорбы о сборищахъ Поляковъ въ г. Барѣ,—отъ 4-го апрѣля за № 10.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 12 сего мѣсяца касательно извѣстія о собираніи въ украинѣ Польской нѣкоторыхъ партій якобы противу находящихъ въ Польшѣ В. И. В. войскъ пріемлю смѣлость раболѣпнѣйше донести, что отъ командующаго полками Елисаветградской провинціи полковника Чорбы отъ 15 и 17 прошлаго марта получены репорты, коими объявляетъ, что стоящій при Сентовскомъ форпостѣ поручикъ Маріоновичъ и бывшій въ Польскомъ мѣстечкѣ Звенигородкѣ капи-

танъ Палаловъ репортомъ къ нему представили: первой, что одинъ Польской шляхтичъ ему заподлинно сказывалъ, яко бы въ Барѣ уже до нѣсколько тысячъ Поляковъ собралось и еще повсядневно число оныхъ прибавляется, отзываясь, будто не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли къ границамъ сближаться имѣютъ для разоренія оставшихся въ Польской сторонѣ по границѣ православныхъ церквей; а послѣдній, что отъ разныхъ Польскихъ шляхтичей то жъ слышалъ, съ такимъ только присовокупленіемъ, что староста Снятинской Потоцкой въ Барѣ не малое число вольницы набралъ и продолжительно еще набираетъ для употребленія оной яко бы противъ Е. В. короля Польскаго. А хотя я прямо отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. посла князя Репнина и отъ другихъ въ Польшѣ находящихся воинскихъ командировъ никакого о семъ предувѣдомленія не имѣю, слѣд. и причина была о подлинности сихъ разглашеній сумнѣваться, паче же при границахъ, предосторожность крайне необходимою, нарочного и искусного офицера въ Польшу подъ приличнымъ претекстомъ отправилъ для развѣдыванія о подлинности сего разглашенія, по возвращеніи котораго о всемъ томъ, что провѣдано будетъ, В. И. В. всеподд. донести не премину. А между тѣмъ помянутому въ началѣ полк. Чорбѣ найсильнѣйше подтверждено стараніе употребить непримѣтнымъ образомъ, безъ малѣйшаго встревоженія, привѣсть подчиненные ему Елисаветградской провинціи полки въ надлежащую воинскую исправность къ отвращенію всякихъ случиться могучихъ шалостей и набѣговъ и для осторожности имѣть по границѣ непрестанные разъѣзды, тако же надежныхъ людей подъ разными претекстами въ Польшу посылать для вывѣданія настоящей причины таковому собранію и обращенію, о чемъ отъ меня и ген.-анш. и кав. гр. Румянцову для вѣдома сообщено.

Но какъ нарочно посланной офицеръ вчера обратно прибылъ и о всемъ развѣданномъ мнѣ подалъ рапортъ, то я оной, купно съ переводами двухъ манифестовъ, при семъ В. И. В. въ глубоч. благоговѣніемъ раболѣпнѣйше подношу.

4) Съ приложеніемъ экстракта письма Могилевскаго пріятеля, и сказки шляхтича Рожи,—отъ 20-го апрѣля за № 12.

Послѣ отправленія всеподд. моихъ реляцій отъ 4 сего апрѣля, получено письмо изъ Могилева отъ тамошняго пріятеля о продолжающемся въ

Польской украинѣ замѣшательствѣ и о нѣкоторыхъ въ погранич. Турецкихъ крѣпостяхъ перемѣнахъ, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ экстракта всемил. усмотрѣть изволите.

Какую жъ между тѣмъ вышедшій изъ Польши шляхтичъ Герасимъ Рожа мнѣ о тамошнихъ обстоятельствахъ и о своемъ намѣреніи подалъ сказку, съ оной точный списокъ съ ремаркомъ при семъ всеподд. подносится, купно съ переводами полученныхъ изъ Польши Краковскаго бискупа Салтыка манифеста и нѣкоторыхъ до отправленнаго отъ меня о сей конфедераціи при реляціи № 10 манифеста принадлежащихъ пунктовъ и съ копіею репорта Елисаветградскаго пикинернаго полку порутчика Черниченка, съ ремарками жъ [1]).

А сверхъ того пріемлю смѣлость раболѣпнѣйше донести, что прибывшіе обратно отъ Бендеръ два человѣка малороссійскихъ козаковъ, кои отправленнымъ въ Константинополь прошлого марта мѣсяца съ депешами куріерамъ по обыкновенію для провожанія отъ Васильковскаго форпоста до Бендеръ приданы были, словесно жалобу принесли, что на возвратномъ пути въ Брацлавскомъ воеводствѣ шайкою злонамѣренной партіи, знатно для грабительства разъѣзжающею, остановлены и по великимъ угрозамъ ограблены, такъ какъ и многіе изъ подданныхъ В. И. В. въ Польшѣ для торговаго промыслу находящіеся купцы. Проѣхавшій же третьяго дня по партикулярному дѣлу чрезъ здѣшнее мѣсто, за пашпортомъ ген.-пор. кн. Любомирскаго, въ Черниговъ Польскій шляхтичъ Шатило увѣрялъ, что о такомъ въ Польской украинѣ грабительствѣ и безчеловѣчныхъ поступкахъ злонамѣренной партіи надъ всякаго званія людьми, не обходя и самихъ Поляковъ, онъ не только слыхалъ, но и самъ въ крайней опасности находился.

А какъ Польскіе обстоятельства по всѣмъ извѣстіямъ отъ дня въ день серьезнѣе становятся и немалаго заслуживаютъ уваженія, паче потому что злонамѣренныхъ Поляковъ шайка такъ добровольно съ нею соединяющимися, какъ и насильно нахватанными всякого званія людьми, не только пріумноживаться стала, но и дѣйствительно противъ своихъ собратьевъ, кои Е. В. королю Польскому благонамѣренны, и противъ находящихся въ Польшѣ В. И. В. войскъ непріятельски поступать начали, чѣмъ проѣздъ отсюда чрезъ Польшу до Бендеръ и до тѣхъ мѣстъ, гдѣ командующій корпусомъ В. И. В.

[1]) Послѣднихъ двухъ приложеній при реляціи нѣтъ.

войскъ ген.-маіоръ Кречетниковъ находится, не только опаснымъ сдѣланъ, но и почти совсѣмъ пресѣченъ, то я за нужно призналъ отправленнымъ съ депешами и съ казенными вещами къ тайн. сов. и кав. Обрѣзкову въ Константинополь рейтару и толмачу приказать чрезъ Новороссійскую губернію на Орловской форпостъ, а оттуда чрезъ Татарскія слободы, отнюдь не занимая Польши, въ Бендеръ слѣдовать, подтвердивъ стоящему въ Орловскомъ форпостѣ маіору Вульфу истребовать по сосѣдственной дружбѣ отъ Голтянского каймакана для провожденія оныхъ до Бендеръ одного или двухъ человѣкъ Татаръ, а Бендерского пашу, съ коимъ я по случаю отправленія куріеровъ всякой мѣсяцъ переписываюсь, просилъ такъ объ отправленіи сихъ по прежнимъ примѣрамъ въ Константинополь, какъ и о снабденіи возвращающихся оттуда обыкновеннымъ конвоемъ чрезъ Татарскіе, Оттаман. Портѣ принадлежащія, мѣста до самой Голтвы, которая у рѣки Буга супротивъ Орловскаго форпоста, давъ ему при томъ знать, что я сію перемѣну въ отправленіи куріеровъ по той причинѣ нынѣ предпринялъ, что въ подчиненной вѣдомству моему Новороссійской губерніи для способнѣйшей ѣзды куріеровъ обыкновенная до Орловскаго форпоста почта учреждена.

Для доставленія же отвѣта вышепомянутому ген.-маіору Кречетникову, которой меня письмомъ отъ 27 прошлаго марта просилъ по имѣющейся у меня заграничной перепискѣ о Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ, сколько мнѣ свѣдомо, ему сообщить, изыскиваю надежнаго человѣка изъ живущихъ по близости границъ Польскихъ подданныхъ, а сыскавъ увѣдомлю, что разсѣянный отъ злонамѣренной партіи слухъ, яко бы Татарскаго и Турецкаго войска нѣсколько уже тысячъ дѣйствительно съ оною соединилось для совокупнаго противъ Е. В. короля Польскаго и В. И. В. въ Польшѣ находящагося войска содѣйствованія, совсѣмъ неоснователенъ, ибо изъ всего обстоятельства и состоянія помянутой шайки легко заключить можно, что сія ухватка употреблена единственно для приведенія благонамѣренныхъ Поляковъ въ робость и для способнѣйшаго тѣмъ оныхъ въ свою сторону преклоненія. Впрочемъ, что касается до взятія на ввѣренной мнѣ границѣ надлежащей предосторожности, то я не преминулъ, какъ въ подчиненные мнѣ Новороссійской губерніи гусарскіе и пикинерскіе полки, такъ и на протчіе моего вѣдомства форпосты данные предъ симъ по сей же причинѣ ордера вновь найсильнѣй-

шимъ образомъ подтвердить и ген.-анш. и кав. гр. Румянцову о всемъ томъ для вѣдома сообщить.

Приложенія: а) Экстрактъ изъ письма Могилевскаго пріятеля отъ 23-го марта 1768 г.

Въ Хотинъ прибылъ новый паша, прозываемый Келехъ, а въ Очаковѣ ожидаютъ прибытія паши Куприли-оглу. Въ Молдавіи на р. Прутѣ близь слободы Кишнова селятся выходящіе изъ Польши раскольники великимъ числомъ, кои опасаясь, чтобъ при выступленіи Россійско-императорского войска изъ Польши они по прежнему примѣру забраны не были, изъ Польши туда убѣгаютъ. Въ Бендерѣ заведены два большіе магазина: одинъ наполняется провіантомъ изъ Бендерского округа, а другой—подвозомъ изъ Молдавіи. Въ Польскомъ мѣстечкѣ Барѣ недавно сдѣлалось возмущеніе, къ которому со всѣхъ сторонъ мелкое шляхетство собирается въ такомъ намѣреніи, чтобъ сдѣлать новую конфедерацію подъ предводительствомъ Снятинскаго и Варецкого старостъ, такожъ и другихъ знатныхъ ихъ сообщниковъ; по которой причинѣ послана изъ Бара знатная команда для преклоненія всѣхъ по Днѣстровской границѣ въ околичности Могилева стоящихъ на форпостахъ Польскихъ хоронгъ къ соединенію, изъ которыхъ иные добровольно, а другіе насильно къ возмутителямъ пристали, оставивъ всѣ пограничные форпосты безъ карауловъ; сказываютъ, что уже нѣсколько тысячъ въ Барѣ всякой сволочи собрано, а что отъ нихъ далѣе послѣдуетъ, время окажетъ.

Слухъ пронесся, что въ Очаковъ прибыть имѣетъ чрезъ краткое время нѣсколько конницы, называемой спаги, съ немалымъ числомъ работниковъ для исправленія крѣпости. Поляки увѣряютъ, что повсядневно ожидаютъ на присоединеніе къ конфедераціонному войску нѣсколько тысячъ Татаръ, отзываясь, что они для того чрезъ нарочного посланника немалую сумму денегъ къ хану Крымскому уже послали, которые деньги ханомъ дѣйствительно взяты, а въ отвѣтъ посланнику сказано, что онъ ту сумму принялъ, яко собственно по старой нѣкакой будто на Польскую украину претензіи ему принадлежащую, за которую никакого войска имъ дать не намѣренъ, а если они ему еще толикую жъ сумму пришлютъ, то тогда имъ войска дать не отречется.

б) Сказка шляхтича Рожи.

1768 году, апрѣля 8-го дня, вышедшій изъ Польши тамошній шляхтичъ Герасимъ, Матвѣевъ сынъ, Рожа въ Кіевской губерн. канц. сказалъ:

Родомъ онъ Брацлавскаго воеводства города Ружина, вѣры греческаго исповѣданія; отецъ его былъ Польскихъ оного жъ воеводства войскъ

полковникомъ, а онъ при тѣхъ же войскахъ былъ хоружимъ и сотникомъ; а какъ увидѣлъ, что собирается конфедерація въ г. Барѣ, по разглашенію яко бы стараніемъ гр. Красинскаго, кн. Чертористскаго, гр. Потоцкихъ и старосты Каневскаго, противъ православной вѣры Россійскаго исповѣданія, къ которой конфедераціи и его принуждали, то онъ, не хотя вѣру свою перемѣнить, взялъ намѣреніе прибѣгнуть къ престолу всерос. императрицы, яко защитницѣ всего благочестія, желая вѣчно остаться въ Россійской имперіи; по которой причинѣ, оставивъ домъ, жену и дѣтей, пріѣхалъ сюда въ Кіевъ. Конфедераціоннаго войска по отъѣздъ его, а именно, по 3 число сего апрѣля, въ собраніи было безъ мала девять тысячъ конницы всякаго сброду съ ружьями и безъ ружей, коимъ по разсмотрѣнію даютъ по нѣсколько денегъ для пріохочиваиія, чего ради со всѣхъ сторонъ всякіе бродяги стекаются; и какъ скоро кто въ войскѣ явится, то принужденъ по нѣкоторой особливой формѣ присягу учинить идти и служить по повелѣнію конфедераціи, сколько она продлится; а сверхъ сего разглашаютъ, яко бы Татары и Турки на помочь конфедераціи пришлются, но онъ самъ того не видалъ, чтобъ кто изъ сихъ войскъ къ конфедераціи присовокупился. Всѣ начальники собраннаго въ Барѣ войска хвалятся, что хотятъ напасть на стоящее въ Польшѣ Россійское войско. За провіантъ и фуражъ обывателямъ, которые оной привозятъ изъ околичности, плотютъ готовыми деньгами безобидно для приласканія къ большему привозу; итакъ люди и лошади въ пропитаніи и корму никакого недостатка не имѣютъ. А между тѣмъ, по Польскому ихъ обычаю, хвастаютъ межъ собою, что конечно Кіевъ будетъ опять ихъ. Болѣе онъ, Рожа, къ показанію ничего не знаетъ.

в) Ремаркъ на сказкѣ шляхтича Рожи.

Хотя сей шляхтичъ и объявилъ свое намѣреніе такимъ образомъ, однако по обстоятельствамъ при границѣ всякому, особливо же незнакомому человѣку, вѣрить нельзя, и для того отведена ему квартира и приказано непримѣтнымъ образомъ за его поступками примѣчать; а въ разсмотрѣніи того, что онъ никакого пропитанія не имѣетъ, приказано отъ меня производить ему кормовыхъ денегъ по десяти копѣекъ на день до полученія высоч. о немъ резолюціи, ибо онъ желаетъ въ пикинерные полки опредѣленъ быть.

5) О Польскихъ замѣшательствахъ, о посылкѣ въ Крымъ кап. Бастевика, и съ экстрактомъ изъ репортовъ лицъ, отправленныхъ въ Польшу для разъѣдыванія,—отъ 3-го мая за № 13.

Прежними моими всепод. реляціями В. И. В. раболѣпнѣйше до-

нести не преминулъ, что по причинѣ учинившагося въ Польской украинѣ возмущенія предписано было отъ меня командующему полками Елисавстградской провинціи полковнику Чорбѣ быть во всякой воинской исправности и удобвозможную по границѣ имѣть предосторожность, посылая по способности нарочныхъ для развѣдыванія. А теперь съ глубоч. къ стопамъ В. И. В. поверженіемъ пріемлю смѣлость сочиненный изъ репортовъ возвратившихся отъ посылки нарочныхъ экстрактъ при семъ на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всеподд. поднесть.

Посланный отсюда прямо чрезъ Васильковъ нарочный съ письмомъ къ генералъ-маіору и кав. Кречетникову еще не возвратился, но отъ прибывшаго 28 числа прошлаго мѣсяца изъ Бреславля съ товарами прикащика Черниговскаго купца Янки заподлинно свѣдалъ, что по обыкновенному отъ Бреславля тракту Польшею до м. Новаго Константинова, которое уже Польской украины, онъ въ свободномъ проѣздѣ никакого препятствія не имѣлъ, а въ семъ послѣднемъ мѣстѣ всѣ лошади у него Польскою партіею заграблены были, которые по неотступному его прошенію и домогательству приказомъ региментаря Бабинскаго отысканы и ему возвращены. 17-го числа прошлаго мѣсяца прибылъ онъ въ Полонное, мѣсто укрѣпленное, принадлежащее В. И. В. генералу-порутчику кн. Любомирскому, разстояніемъ отсюда тридцать миль, гдѣ В. И. В. ген.-маіоръ и кав. Кречетниковъ съ корпусомъ своимъ тогда находился, у котораго онъ явясь требовалъ наставленія, что ему для безопасности предпринять; на что ему сказано дня два отдыху взять, а потомъ далѣе отъѣхать можетъ. На другой день, т. е. 18 числа, подъ тѣмъ мѣстомъ было между Поляками и частію войска помянутого генерала сраженіе, въ коемъ Польское войско съ немалымъ урономъ прогнано. Итакъ онъ, получа отъ генералъ-маіора Кречетникова позволеніе, къ Василькову разными мѣстами, не держась настоящей дороги, слѣдовалъ, куда 27 прошедшаго апрѣля и прибылъ.

Въ разсужденіи продолжающихся такимъ образомъ въ Польской украинѣ замѣшательствъ, кои по смежности границъ немалаго заслуживаютъ уваженія, я во всѣ вѣдомству моему всемил. подчиненныя мѣста вновь ордерами найсильнѣйше подтвердилъ недреманную имѣть предосторожность, дабы отъ набѣговъ злонамѣренной Польской

шайки границы В. И. В. какого предосужденія или вреда понести не могли, и ген.-анш. гр. Румянцову о всемъ томъ обстоятельно для вѣдома сообщилъ.

А между тѣмъ, съ какимъ претекстомъ отправленъ отъ меня къ хану Крымскому Максутъ-Гирею капитанъ Бастевикъ, В. И. В. изъ поднесенной при семъ копіи съ письма къ хану [1]) всемил. усмотрѣть изволите. Я не преминулъ посланнаго всемил. мнѣ повелѣннымъ образомъ снабдить и небольшими въ двухъ бѣльихъ мѣхахъ и двухъ фунтахъ зеленаго чаю состоящими подарками, которые онъ своимъ именемъ тамошнимъ пріятелямъ учинить имѣетъ для вящаго къ себѣ приласканія. Такожде отправленъ съ нимъ изъ здѣшнихъ жителей одинъ надежный и проворный грекъ, знающій по турецки, гречески и волоски, которого кап. Бастевикъ агенту Молдавскаго господаря представить имѣетъ съ тѣмъ, что оной по требованію его, агента, сысканъ, и впредь къ нему, яко купецъ, беззазорно являться будетъ для полученія отъ него обѣщанныхъ извѣстій; а чтобъ посылка сего купца примѣчена быть не могла, то приказано ему два или три дни послѣ кап. Бастевика въ Бахчисарай въѣхать и на особливой квартирѣ стать. Обоимъ симъ нарочно посланнымъ поручено найприлежнѣйшее стараніе приложить для развѣдыванія всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ; а сверхъ того, по наставшему сроку къ съѣзду на Крымской границѣ коммиссаровъ для разбиранія между обоюдными подданными ссоръ и жалобъ, здѣшней стороны коммиссары отъ меня съ достаточнымъ наставленіемъ отправлены.

На послѣди, рабской моей должности признаваю и о семъ В. И. В. всепод. донести, что я въ немаломъ сумнѣніи нахожусь, не перехвачены ль ипогда слѣдующія изъ Константинополя съ обыкновенными ко двору В. И. В. мѣсячными депешами куріеры, ибо они всегда къ Васильковскому форпосту пріѣзжали въ первыхъ числахъ всякаго мѣсяца, а нынѣ уже другой тому мѣсяцъ какъ сверхъ обыкновеннаго никто изъ Цареграда съ депешами не прибылъ; о чемъ хотя отъ меня и стараніе прилагается чрезъ нарочно въ Польшу отправленныхъ заподлинно развѣдать, но до сихъ поръ ничего о томъ точнаго получить не могъ.

---

[1]) Копіи этой при реляціи нѣтъ.

Приложеніе: Экстрактъ изъ репортовъ отправленныхъ для развѣдыванія о Польскихъ обстоятельствахъ въ Польскую украину Чернаго гусарскаго полку поручика Раде и другихъ чиновъ.

Въ м. Умани видѣлъ онъ, Раде, четырехъ товарищей Украинской противной партіи, кои прибыли туда будто для занимания квартиръ и пріуготовленія фуража; а главная ихъ коммиссія въ томъ состоитъ, чтобъ преклонить тамошній гарнизонъ гр. Потоцкаго со всею артиллеріею и амуниціею, равно какъ и находящихся въ службѣ его козаковъ купно съ прочими подданными на соединеніе съ конфедератнымъ подъ командою маршалка Пулавскаго и старосты Варецкаго войскомъ, которое въ Барѣ собирается. Тамошній Уманскій губернаторъ Младановичъ предостерегъ его, что онъ съ своимъ пашпортомъ свободно далѣе проѣхать не можетъ, для того что всему войску Украинской партіи повелѣно Россійскихъ подданныхъ, не взирая на пашпорты Россійскихъ генераловъ, вездѣ ловить и командѣ представлять.

Въ Умани онъ самъ видѣлъ, что кузнецы готовятъ пушечныя ядра, картечи и другіе до артиллеріи принадлежащіе снаряды, разглашая яко бы по прибытіи украинской партіи они противиться намѣрены и отнюдь съ оною соединиться не желаютъ; однако онъ видѣлъ тамо нѣсколькихъ Польскихъ законниковъ, которые по папскому повелѣнію отъ Польскихъ епископовъ присланы для увѣщанія всего въ Уманскомъ повѣтѣ живущаго шляхетства на соединеніе съ Украинскою партіею, въ чемъ многіе уже секретно и къ присягѣ приведены.—Прибывъ въ с. Егупецъ, заѣхалъ онъ по знакомости къ знатному тамошнему шляхтичу, подчашему Косткѣ Ордынскому, которой ему въ довѣренности объявилъ, что маршалъ конфедераціи гр. Красинскій къ нему ласковое письмо прислалъ, увѣщевая его пристать къ войску партіи Украинской и принять главную команду надъ Побережскими, Бершадскими и Уманскими шляхтичами и козаками; но онъ де, Ордынской, яко благонамѣренной сынъ отечества, хотя отъ того отказался, извиняясь старостію и слабостію здоровья, однако сумнѣвается, чтобъ по его желанію сдѣлалось, а въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ противъ воли своей къ нимъ пристать и присягу учинить, присовокупивъ къ тому, что сія конфедерація сдѣлана единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ, собравъ довольное число войска, идти противъ Россійскаго въ Польшѣ находящагося корпуса для выгнанія оного яко бы за учиненную въ отечествѣ ихъ обиду взятьемъ четырехъ магнатовъ подъ караулъ, и что де въ великой постъ подъ Новымъ Константиновымъ партія Польская съ Россійскими ка-

рабинерами и Донскихъ козаковъ полками уже непріятельства начала, гдѣ четыре человѣка знатныхъ Польскихъ шляхтичей и до тридцати человѣкъ рядовыхъ побито, а Россійскіе также не безъ урона оттуда ретировались. По чемъ онъ, поручикъ Раде, его, Ордынскаго, просилъ для свободнаго далѣе проѣзда пашпортъ его надписать, что имъ, Ордынскимъ, и учинено; съ которымъ пашпортомъ онъ, переправясь чрезъ р. Бугъ, прибылъ въ м. Ладыжинъ, котораго губернаторъ, прозваніемъ Кастели, ему объявилъ, что за два дни предъ пріѣздомъ его прислано было немалое число войска Украинской партіи, которое разными угрозами его принудили присягать на соединеніе съ оною и, взявъ нѣсколько человѣкъ изъ его козаковъ вооруженныхъ и, сколько нашли, ружей, пороху и свинцу, уѣхали, а ему приказали съ достальными, въ вѣдомствѣ его состоящими, козаками во всякой быть готовности, куда повелѣно будетъ, слѣдовать. Но въ самое то время, какъ сей разговоръ продолжался, прибыли къ нему помянутой партіи два товарища съ тридцатью человѣками козаковъ, отъ коихъ губернаторъ его, Раде, въ удобномъ мѣстѣ скрылъ; а какъ тѣ товарищи уѣхали, губернаторъ ему сказалъ, что въ первый день Пасхи Поляки напали на стоящихъ въ м. Винницѣ Донскихъ козаковъ, кои ретировались къ м. Яневу, но, не доѣхавъ до оного, сразились, гдѣ Донцами побито и ранено немалое число гусаръ-Поляковъ, козаковъ и линканъ Украинской партіи; между убитыми находится и одинъ липканской полковникъ, а другой, прозваніемъ Муха, съ прочими Поляками плѣненъ.

Слѣдуя къ м. Тульчину, наѣхалъ онъ въ с. Михайловкѣ на партію Польскую, которая его остановивъ спросила, куда ѣдетъ и за чьимъ пашпортомъ, а какъ усмотрѣла надпись вышереченнаго Ордынского, его отпустила. Въ Томашполѣ жидъ-арендарь ему объявилъ, что онъ предъ его туда пріѣздомъ изъ Могилева возвратился, къ которому городу, въ бытность его тамо, маршалъ конфедераціи гр. Красинскій съ нѣсколькими тысячами войска прибылъ, но находящійся въ Могилевѣ съ гарнизономъ и съ артиллеріею гр. Потоцкаго маіоръ Мейсенъ оного въ городъ впустить не хотѣлъ; однако, увидя, что приказано городъ зажечь, сдался и на соединеніе присягу принесъ. Итакъ, гр. Красинскій, взявъ маіора съ гарнизономъ и съ артиллеріею къ себѣ и отобравъ изъ своего корпуса три тысячи человѣкъ, при Могилевѣ остался, а протчее войско послалъ въ Немировъ, Житомиръ, Летичевъ и Прилуку. Послѣ чего будто онъ же, гр. Красинскій, немалое число денегъ къ Татарамъ отправилъ изъ той суммы, которая отъ папы римскаго на вспоможеніе дана, прося Татаръ на соединеніе съ нимъ, гдѣ онъ ихъ и ожидать имѣетъ; что отъ королевскаго таможеннаго управителя всю наличную казну забралъ и что заподлинно весь

Каменца-Подольскаго гарнизонъ и прочее регулярное и нерегулярное Польской республики въ Украинѣ находящееся войско уже къ конфедератамъ пристало и присягу въ вѣрности принесло, чѣмъ число сего войска знатно умножилось, отъ котораго немалую часть въ городъ Полоновъ отправить намѣрены для поиску надъ стоящимъ тамо Россійскимъ войскомъ.

Протчихъ же извѣстія хотя съ сими нѣсколько и согласны, однако съ немалымъ увеличиваніемъ числа войскъ Украинской партіи наполнены въ разсужденіи того, что будто уже вся Польская украина, исключая только Уманскую губернію, къ конфедераціи приступила и присягою согласно дѣйствовать утвердила, почему многіе изъ Поляковъ заподлинно увѣряютъ, яко бы не въ продолжительное время конфедераты на Новороссійскую губернію нападеніе сдѣлать намѣрены.

6) О дѣйствіяхъ Кречетникова и присылкѣ имъ одного арестанта, покушавшагося на жизнь примаса, и двухъ офицеровъ за деньгами и артиллерійскими припасами,—отъ 8-го мая за № 14.

Вчера получилъ я отъ находящагося въ Польшѣ съ корпусомъ войскъ В. И. В. ген.-маіора и кав. Кречетникова репортъ изъ Жулквы отъ 15-го прошлаго апрѣля, коимъ представляетъ, что по сообщенію къ нему отъ чрезвычайнаго и полномоч. посла кн. Репнина взятый въ злодѣйскомъ умыслѣ противъ нынѣшняго примаса и содержанный подъ секретнымъ карауломъ при корпусѣ его арестантъ, которому по подлородію производилась только солдатская порція, отправленъ ко мнѣ для отсылки въ Сибирь на поселеніе или куда повелѣно будетъ, прося при томъ, чтобъ оный какъ въ Кіевѣ содержанъ, такъ и въ Сибирь отвезенъ былъ подъ крѣпкимъ карауломъ, дабы никто, и паче изъ Поляковъ, его увидѣть и въ дорогѣ побѣгу учинить не могъ. Я приказалъ онаго принять и подъ крѣпкимъ карауломъ въ здѣшней крѣпости секретно содержать, производя ему въ ежедневную пищу солдатскую порцію до полученія отъ В. И. В. всевысоч. повелѣнія, куда и съ какимъ письменнымъ видомъ онаго отправлять.

Съ симъ репортомъ и арестантомъ присланы отъ него два подпорутчика при достаточномъ до границъ конвоѣ, который отъ границы паки обратно отпущенъ. Одному изъ сихъ субалтернъ-офицеровъ велѣно отсюда ѣхать въ Лубны для принятія и отвозу сорока тысячъ рублевъ въ Польшу къ корпусу, а другому—для принятія жъ изъ

здѣшняго магазина немалаго числа пороху, свинцу, ядръ, картечъ и другихъ артиллерійскихъ припасовъ и для поспѣшнаго оныхъ въ корпусъ доставленія. А какъ для препровожденія толь знатныхъ отправленій, т. е. денежной суммы и немалаго количества артиллерійскихъ припасовъ, достаточный конвой надобенъ, то за неимѣніемъ въ здѣшнихъ гарнизонныхъ баталіонахъ, по причинѣ содержанія ими форпостовъ и другихъ раскомандированій, довольнаго числа строевыхъ солдатъ, отъ меня ген.-анш. и кав. гр. Румянцову вчерась чрезъ нарочный штафетъ сообщено приказать изъ стоящаго здѣсь для содержанія караула дивизіи его Бѣлевскаго полку до двухъ сотъ человѣкъ для препровожденія пороха и протчихъ артиллерійскихъ припасовъ нарядить и для отправленія казны толикое жъ число или по его благоразсмотрѣнію изъ другаго въ близости къ здѣшнему мѣсту находящагося полку сюда прислать, дабы тѣмъ удобнѣе и безопаснѣе сіи два транспорта до надлежащаго мѣста, а именно до Житомира, разстояніемъ отъ границы 12 миль, препровождены быть могли, ибо по всѣмъ до меня дошедшимъ извѣстіямъ проѣздъ чрезъ Польскую украину крайне опаснымъ сдѣлался.

Касательно же Польскихъ обстоятельствъ онъ ген.-маіоръ Кречетниковъ упоминаетъ, что въ Польской украинѣ немалыя замѣшательства противъ послѣдняго сейма оказались, и уже дважды возмутителями на козаковъ корпуса его нападенія сдѣланы, однако съ крайнимъ ихъ самихъ урономъ, ибо на мѣстѣ сраженій побиты болѣе 300, а въ полонъ взято до 100 человѣкъ шляхетства и другихъ изъ надворныхъ людей; съ его же стороны при обоихъ сраженіяхъ убитъ только одинъ козакъ и трое ранены; что тѣми днями онъ приказалъ войскамъ команды его атаковать находящіеся въ разныхъ мѣстахъ сборища возмутителей для разогнанія и разрушенія оныхъ, по которой причинѣ и онъ, ген.-маіоръ Кречетниковъ, 18 или 19 числа прош. апрѣля мѣсяца изъ Жулквы выступить имѣлъ для сближенія къ Житомиру, отъ котораго не далѣе 12 миль находиться намѣренъ.

Вышепомянутые два подпорутчика объявили, что два курьеры, кои отъ ген.-маіора Кречетникова съ репортами и доношеніями въ военную В. И. В. коллегію отправлены были, между Житомиромъ и здѣшнею границею, неподалеко отъ г. Радомышля, въ коемъ уніятскій митрополитъ Кіевской Володкевичъ пребываніе свое имѣетъ, перехвачены реченнаго митрополита управителемъ Каменскимъ, который

со ста козаками на нихъ напалъ, изъ бывшихъ при нихъ шести человѣкъ конвойныхъ козаковъ одинъ убитъ, курьеръ одинъ раненъ, три человѣка козаковъ бѣгомъ спаслись, а два съ курьерами въ ближній къ Радомышлю замокъ отвезены, гдѣ подъ крѣпкимъ карауломъ и содержатся.

Изъ Константинополя никого еще съ обыкновенными депешами нѣтъ и подлиннаго о перехваченіи слѣдовавшихъ оттуда рейтаръ извѣстія не получено.

Какая отъ прибывшаго вчера изъ Бреславля съ товарами Полтавскаго купца Марченка прикащика о Польскихъ обстоятельствахъ взята сказка, съ оной точной списокъ В. И. В. на всевысоч. усмотрѣніе съ глубоч. благоговѣніемъ при семъ подношу [1]).

7) О вышедшемъ изъ Польской украины атаманѣ Сухининѣ съ 62 козаками,—отъ 8-го мая за № 15.

Командующій Елисаветградскими полками полковникъ Чорба присланнымъ отъ 3-го сего мая репортомъ доноситъ, что явился у него того жъ числа вышедшій изъ Польской украины казацкій атаманъ Климъ Сухининъ съ козаками доброконными и вооруженными всего числомъ 62 человѣка и сказкою объявилъ, что они, яко причетники вѣры православнаго Россійскаго исповѣданія, не хотя по нынѣшнимъ въ Польшѣ замѣшательствамъ противъ единовѣрныхъ Россійскихъ войскъ съ Поляками служить, прибѣжище свое взяли къ Россійскому престолу, желая В. И. В. служить и вѣчно въ подданствѣ остаться, какъ изъ сказки, съ которой точной списокъ при семъ всеподд. подносится [2]), обстоятельно явствуетъ; котораго атамана со всѣми козаками онъ ласково принявъ въ 12-й ротѣ Чернаго гусарскаго полку по квартирамъ расположилъ, а лошадей у нихъ, подъ претекстомъ лучшаго присмотру, въ роту на кормъ отдалъ; тожъ для предосторожности и ружье у нихъ отобралъ, а для пропитанія приказалъ изъ тамошняго магазина имъ провіантъ производить. Я, аппробовавъ поступокъ и взятую съ сими выходцами предосторожность, приказалъ ему и впредь при подобныхъ случаяхъ равномѣрнымъ образомъ по-

---

[1]) Списка этого при реляціи нѣтъ.

[2]) Сказки этой при реляціи нѣтъ.

ступать, а между тѣмъ всеподд. должности моей быть разсудилъ В. И. В. всенижайше доложить, если таковые выходцы умножаться стали бъ, то повелѣно ль будетъ оныхъ принимать и въ Елисаветградскую провинцію, по ихъ желанію, селить и особою ль слободою или между другими поселянами вмѣщать, ибо уповательно, что многіе изъ живущихъ въ той околичности православнаго исповѣданія козаки, укрываясь отъ Польскаго замѣшательства, на поселеніе и въ службу В. И. В. выходить станутъ.

8) По репортамъ Кречетникова о семи сраженіяхъ и присылкѣ артиллерійскихъ припасовъ,—отъ 29-го мая за № 16.

Послѣ отправленія въ корпусъ ген.-маіора и кав. Кречетникова требованнаго имъ количества артиллерійскихъ припасовъ и денежной казны съ двуротнымъ Бѣлевскаго пѣх. полка и 50 человѣкъ малороссійскихъ изъ резервныхъ на форпостахъ козаковъ для безопаснаго препровожденія до Житомира деташементомъ, о которыхъ всениж. моею реляціею отъ 8 сего мая В. И. В. всеподд. донесено, получилъ я отъ него еще два репорта: одинъ чрезъ посланнаго къ нему отъ меня съ письмомъ о заграничныхъ обстоятельствахъ жида отъ 14 сего мая, а другой чрезъ присланнаго отъ него четвертаго гренадерскаго полку порутчика отъ 21-го сего жъ мѣсяца; первымъ изъ Любара увѣдомляетъ меня, что по Польскимъ замѣшательствамъ съ войсками ввѣреннаго ему корпуса уже семь сраженій было, на коихъ возмутители съ немалымъ урономъ прогнаны и уже убитыми болѣе двухъ тысячъ Поляковъ счисляется, а въ полонъ до 500 человѣкъ взято, и что онъ, собравъ весь свой корпусъ, имѣетъ дѣйствовать противъ оныхъ всѣми силами, но какъ они въ поле не выходятъ, а жмутся все въ замкахъ и городахъ, то должно болѣе артиллеріею дѣйствовать; по которой причинѣ требовалъ вновь изготовленія и отправленія къ нему нѣсколькаго количества артиллерійскихъ зарядовъ; а вторымъ изъ подъ Бердичева, увѣдомляя меня о неприбытіи къ нему перваго транспорта съ артиллерійскими припасами и съ денежною казною, вновь требуетъ еще къ нему отправленія потребныхъ къ имѣющейся у него артиллеріи зарядовъ и протчихъ надобныхъ припасовъ, тако жъ одного искуснаго артиллерійскаго офицера и 15 человѣкъ канониpовъ, безъ коихъ онъ возмутителей, кроющихся въ замкахъ и укрѣпленныхъ

мѣстахъ, выжить а разгонять за трудно признаваетъ; а для безопаснаго препровожденія сего новаго транспорта до помянутаго Бердичева, разстояніемъ отсюда 180 верстъ, просилъ меня къ присланнымъ съ реченнымъ порутчикомъ ему человѣкомъ Донскихъ козаковъ придать сто человѣкъ пѣхоты. Я, признавая сіе его требованіе интересу В. И. В. весьма нужное, сообщилъ находящемуся здѣсь артиллеріи генералу-маіору Ливену, къ которому и отъ ген.-маіора Кречетникова прямо о томъ же требованіе прислано; но хотя оной увѣдомилъ меня, что при здѣшнемъ артиллерійскомъ магазинѣ требуемыхъ по колибру зарядовъ въ готовности нѣтъ, однакожъ, какъ скоро возможно, стараніе приложитъ то число заготовить, кое къ завтрему поспѣетъ и дѣйствительно отправлено быть имѣетъ.

А между тѣмъ В. И. В. всепод. доношу, что прибывшій сюда вчера изъ подъ Бердичева Ахтырскаго гусарскаго полку маркитантъ для покупки надобныхъ съѣстныхъ припасовъ сказкою объявилъ, что 24 числа онъ съ первымъ транспортомъ встрѣтился въ 15 верстахъ отъ Бердичева, который того жъ дня дѣйствительно къ корпусу ген.-маіора Кречетникова прибылъ, и что въ Бердичевскомъ каменною стѣною, рвомъ и валомъ укрѣпленномъ кляшторѣ до двухъ тысячъ возмутителей находится, кои по отъѣздѣ его оттуда еже сдаться не хотѣли.

Если что вновь отъ реченнаго ген.-маіора Кречетникова примѣчанія достойнаго до меня дойдетъ, то я по раболѣпнѣйшей моей должности о всемъ томъ въ свое время всепод. донести не премину.

9) О перехваченныхъ Поляками Константинопольскихъ депешахъ,— отъ 29-го мая за № 19.

Каковы отъ одного въ Польшѣ пріятеля на сихъ дняхъ ко мнѣ присланы съ публикованныхъ вновь на Польскомъ языкѣ отъ маршалка Красинскаго и отъ региментаря Щенявскаго универсаловъ копіи, съ оныхъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подношу переводы [1]).

А между тѣмъ пріемлю смѣлость всепод. донести, что я чрезъ нарочно прибывшаго изъ Польши м. Васильковецъ обывателя заподлинно свѣдалъ, яко отправленные изъ Константинополя съ мартов-

[1]) Копій этихъ переводовъ при черн. реляціи нѣтъ.

скими депешами рейтарской вахмистръ Гребенкинъ и толмачъ неподалеко м. Погребищъ перехвачены, депеши и посылки у нихъ отняты и они по нѣсколько-временномъ въ Погребищахъ подъ крѣпкимъ карауломъ содержаніи двѣнадцатый тому день, какъ маршалкомъ Пулавскимъ въ Прилуки отвезены; гдѣ подъ карауломъ содержатся, и потому я не преминулъ о перехваченіи сихъ курьеровъ съ мартовскими депешами пребывающему при Портѣ Оттоман. В. И. В. резиденту тайн. сов. и кав. Обрѣзкову знать дать, чтобъ онъ для безпрерывнаго по доношеніямъ его дѣлъ теченія, при первомъ оттуда отправленіи дупликатъ тѣхъ депешъ въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ послалъ.

10) О письмѣ епископа Переяславскаго Гервасія съ жалобой жителей м. Жаботина на Поляковъ,—отъ 29-го мая за № 22.

Епископъ Переяславскій Гервасій присланнымъ ко мнѣ на сихъ дняхъ письмомъ и промеморіею въ Кіев. губерн. канц. изъ его консисторіи съ приложеніемъ при оной Польскаго мѣстечка Жаботина содержащихъ вѣру греческаго исповѣданія обывателей доношенія касательно причиняемыхъ имъ отъ Поляковъ разореній требовалъ о учиненіи тѣмъ по единовѣрію въ ихъ обстояніи защищенія, на которое отъ меня отвѣтствовано, чтобъ онъ адресовался о семъ дѣлѣ по командѣ въ Св. Правител. Синодъ или въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ, по чему и означенное доношеніе, съ коего при семъ подносится копія, обратно къ нему отправлено.

11) Объ извѣстіяхъ полк. Чорбы объ обращеніи къ нему за защитой отъ гоненій со стороны Польскаго правительства и доставленіи выходящимъ изъ Польши покровительства,—отъ 7 іюня за № 23.

Послѣ отпуску всенниж. моихъ реляцій отъ 29-го прошедшаго мѣсяца получено письмо отъ Очаковскаго пріятеля отъ 25-го апрѣля, съ котораго переводъ при семъ на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всеподд. подношу, а между тѣмъ пріемлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ донести: командующій Елисаветградскими полками полк. Чорба репортомъ представилъ, что явились у него прошлаго мая 28 числа м. Чигирина генеральной писарь Высоцкой, Медвѣдовской полковникъ Квасневскій и Крыловскій староста Кострицкій съ такимъ именно объявленіемъ:

яко подъ видомъ конфедератной партіи, какъ въ помянутой, такъ и въ прочихъ губерніяхъ Польской украины, изъ обывателей еще и другая разбойническая шайка проявилась, которая гайдамацкимъ образомъ великіе грабительства и смертоубійства благонамѣреннымъ обывателямъ дѣлаетъ по которой причинѣ они принужденными себя видѣли для сохраненія жизни съ фамиліями и со всѣмъ имуществомъ въ границахъ В. И. В. прибѣжище взять, прося до тѣхъ поръ, пока взбунтовавшійся народъ умирится и прежняя въ ихъ сторонѣ тишина возстановлена будетъ, дозволить имъ пробыть въ шанцахъ Желтаго гусарскаго полку. Вслѣдствіе чего отъ меня предписано: прибѣгающихъ въ такомъ намѣреніи подъ защиту В. И. В. къ форпостамъ Елисаветградской провинціи Польскихъ шляхтичей и обывателей въ разсужденіи сосѣдственной дружбы благопріятно принимать и, гдѣ кто жить пожелаетъ, безпрепятственно позволять, не чиня никому отнюдь никакой обиды или огорченія, а въ какое мѣсто кто именно, когда и въ коликомъ числѣ обоего пола людей изъ сихъ выходцовъ прибѣгать будетъ, меня о томъ немедленно репортовать. Стоящимъ же на форпостахъ по лѣвому берегу р. Днѣпра, начавъ отъ Переяславскаго полку, внизъ по реченной рѣкѣ до Новороссійской губерніи штабъ офицерамъ отъ меня предписано, что бъ въ случаѣ исканія Польскимъ шляхетствомъ или обывателями равномѣрнаго покровительства, имъ въ границы входить безпрепятственно дозволять и о томъ ко мнѣ для вѣдома репортовать, а отъ ген.-анш. и кав. гр. Румянцова резолюціи требовать, гдѣ онымъ жить дозволено будетъ.

12) Объ отправленіи къ ген. Кречетникову полу-картаульнаго единорога,—отъ 7 іюня за № 26.

Въ прибавокъ къ всениж. моей реляціи № 16 о заготовленіи и отправленіи требуемыхъ ген.-маіоромъ и кав. Кречетниковымъ артиллерійскихъ припасовъ всепод. В. И. В. доношу, что при самомъ того транспорта отсюда выступленіи получилъ я отъ него жъ чрезъ нарочно присланнаго изъ подъ Бердичева порутчика отъ 25 прошедшаго мая репортъ съ требованіемъ одного полу-картаульнаго единорога съ довольнымъ числомъ бомбъ и зарядовъ, увѣдомляя, что кляшторъ, въ коемъ до двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ сына маршалка Пулавскаго возмутителей затворилось, каменною стѣ-

ною такъ укрѣпленъ, что безъ онаго орудія, повидимому, ихъ къ сдачѣ принудить нельзя, которое такожде артиллеріи ген.-маіоромъ Ливенымъ при помянутомъ томъ транспортѣ 1-го числа сего отсюда къ нему и отправлено.

13) Объ усиленіи шаекъ въ Уманской и Смѣлянской губерніяхъ,— отъ 11-го іюня за № 28.

Въ прибавокъ ко всепод. моей реляціи № 23 о проявившейся въ Уманской и Смѣлянской губерніи разбойнической шайкѣ В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что сія шайка между тѣмъ бѣглецами возмутительной Барской партіи и другими Польскими изъ обитателей бродягами столько умножилась, что немалое число шляхетства Польскаго съ фамиліями для спасенія живота подъ покровъ В. И. В. прибѣгать стало, кои по даннымъ отъ меня ордерамъ вездѣ на форпостахъ по сосѣдственной дружбѣ пріятно принимаются и въ границы В. И. В. отпускаются.

Отправленной въ Крымъ при кап. Бастевикѣ нарочный для опознанія съ агентомъ Молдавскаго господаря въ Бахчисараѣ вчера обратно прибылъ, который всѣ тѣ вѣдомости, о коихъ Очаковской пріятель знать далъ, подтвердилъ, а именно, о прибавленіи въ пограничныхъ крѣпостяхъ Турецкаго войска, о чемъ кап. Бастевикъ репортомъ доноситъ, съ котораго подношу В. И. В. при семъ на высоч. усмотрѣніе копію [1]).

14) Объ умножившейся въ Польской украинѣ гайдамацкой шайкѣ и объ отправленіи для ея истребленія карабинер. Москов. полка и др. командъ,—отъ 26-го іюня за № 29.

В. И. В. всепод. доношу, что по самовѣрнѣйшимъ отъ всей пограничности и отъ прибѣгающихъ подъ защиту В. И. В. Польской украины шляхтичей и другихъ чиновныхъ людей извѣстіямъ, яко разбойническая шайка, о которой В. И. В. отъ 7-го іюня подъ № 23 и отъ 11-го подъ № 28 съ глубоч. благоговѣніемъ донесено, подъ именемъ гайдамаковъ, употребляя разные ложно-вымышленные предъявленія, яко бы по указу въ Польшу противъ конфедератовъ вступали для преклоне-

[1]) Репорта этого при реляціи не оказалось.

нія Польскихъ мужиковъ въ свою сторону, такъ умножилась, что всѣ города и мѣстечки Смѣлянской, Уманской, Чигринской и Каневской губерніи не только оною разграблены, всѣ Поляки, духовные, жиды и Польскіе законники, кои въ тѣхъ мѣстахъ находились, безчеловѣчно измучены, а нѣкоторые и убиты; но продерзость оной и злость до такой уже крайности дошла, что осмѣлилась, разъѣзжая по надъ самою границею, стоящимъ на форпостахъ командамъ грозить о невпущеніи въ границу прибѣгающихъ подъ защиту В. И. В. Польскихъ шляхтичей и другихъ чиновъ Поляковъ. Но какъ между тѣмъ, получа изъ Бѣлой Церкви отъ тамошняго коменданта подполковника Карбовскаго чрезъ двухъ порутчиковъ того гарнизона письмо просительное, съ коего при семъ точной подношу списокъ [1]), о дачѣ малолюдному гарнизону помощи и о взятіи той крѣпости со всѣмъ гарнизономъ отъ набѣговъ сихъ разбойниковъ въ защищеніе В. И. В., то я, имѣя неусыпное попеченіе о спокойствіи всевысочайше ввѣренной мнѣ границы и уважая того, чтобъ Бѣлоцерковская крѣпость, яко пограничная и отъ Василькова разстояніемъ съ небольшимъ 30 верстъ отстоящая, помянутыми гайдамаками такъ легко овладѣна быть не могла, по рабской моей должности слѣдующее безъ упущенія времени учинилъ распоряженіе: за неимѣніемъ въ здѣшнемъ мѣстѣ никакихъ другихъ войскъ, ибо всѣ гарнизонные баталіоны на форпостахъ раскомандированы, отправилъ 20 числа сего изъ присланныхъ сюда для содержанія караула ротъ при одномъ капитанѣ всѣхъ чиновъ 62 человѣка на сикурсъ въ Бѣлую Церковь, а на подкрѣпленіе главнаго Васильковскаго форпоста, гдѣ и таможня учреждена, при одномъ порутчикѣ всѣхъ чиновъ 55 человѣкъ; для истребленія жъ и поимки реченныхъ гайдамаковъ командировано отъ меня изъ Елисаветградской провинціи тамошнихъ гусарскихъ полковъ три комплектные эскадрона при одномъ исправномъ штабъ-офицерѣ, которому велѣно, вступя въ Польшу, слѣдовать вышепомянутыми губерніями, пробираясь къ Бѣлой Церкви и въ слѣдованіи наблюдая воинскую дисциплину, обыкновенный порядокъ и предосторожность, удобвозможнѣйшее употребить стараніе къ истребленію гайдамаковъ и усмиренію взволновавшейся подлости Польскихъ мужиковъ, почасту меня о про-

[1]) Списка этого при черн. реляціи нѣтъ.

исхожденіяхъ репортуя; по сближеніи же къ Бѣлой Церкви о его экспедиціи тамошнему коменданту и посланному отсюда съ деташаментомъ капитану знать дать и меня немедленно о томъ репортовать.

При чемъ увѣдомясь заподлинно, что главной затѣйщикъ сего безпокойства и начальникъ разбойнической шайки есть Запорожецъ, называющійся Максимъ Желѣзнякъ, нѣсколькими другими Запорожскими козаками подкрѣпленный, не преминулъ пристойнымъ образомъ предписать и кошевому атаману, съ котораго ордера при семъ всеподд. подношу копію [1]). А между тѣмъ, о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ сообща г. ген.-анш. гр. Румянцову, я требовалъ для скорѣйшаго искорененія разбойнической шайки и усмиренія сбунтовавшихся Польскихъ мужиковъ благоразсмотрительнаго и съ его стороны соспособствованія, съ коего сообщенія при семъ на всевысоч. усмотрѣніе равномѣрно подношу копію; вслѣдствіе чего онъ, г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцовъ, меня увѣдомилъ, что стоящему въ Переяславѣ Московскому карабинерному полку отъ него ордеръ данъ немедленно чрезъ Днѣпръ переправиться въ Каневъ и стараться всю ту околичность даже до Бѣлой Церкви истребленіемъ разбойниковъ очистить.

Но какъ напослѣдокъ до меня и такое дошло извѣстіе, что неподалеко отъ Елисаветградской провинціи, въ Мотренинскомъ лѣсу, гдѣ и небольшой Мотронинскій монастырь Переяславской епархіи находится, первое сборище сіи разбойники имѣли и, собравъ довольную тамо шайку, свое злодѣйство и разбои начали, оставивъ свое гнѣздо въ томъ лѣсу и монастырѣ, куда все пограбленное отправляютъ, то я не преминулъ ордеръ послать изъ стоящихъ въ Елисаветградской провинціи компанейскихъ полковъ при одномъ исправномъ начальникѣ сто человѣкъ компанейцовъ немедленно отправить для занятія и истребленія того ихъ гнѣзда; а къ Переяславскому епископу Гервасію письмомъ отозвался съ своей стороны начальнику того монастыря найстрожайше предписать такимъ злодѣямъ отнюдь никакого пристанища не давать и всѣми мѣрами стараться сіе, духовенству немалое предосужденіе наносящее, зло пристойными духовными поученіями и увѣщеваніемъ, какъ найскорѣе, отвратить и истребить.

---

[1]) Копіи этой, равно какъ и упоминаемой ниже, при черновой реляціи не имѣлось.

Всемилостивѣйшая Государыня! Я уповаю, что сія зловредная разбойническая шайка, видя себя такимъ образомъ войсками В. И. В. окружена и преслѣдуема, принуждена будетъ покориться или разбѣжаться, а Польскіе мужики, отъ оной отставъ, въ прежнее придутъ послушаніе. Итакъ, что по сему произойдетъ, я въ свое время В. И. В. паболѣпнѣйше доносить не упущу.

При самомъ окончаніи сего полученъ репортъ отъ командированнаго въ Бѣлую Церковь капитана при письмѣ тамошняго коменданта, что команда 28 числа сего мѣсяца благополучно туда прибыла и въ крѣпости расположена, съ коего письма и съ присланнаго коменданту отъ начальника разбойнической шайки атамана увѣщанія о сдачѣ крѣпости на высоч. усмотрѣніе съ глубоч. благоговѣніемъ подношу копіи [1]).

15) По увѣдомленіямъ конфидентовъ объ умноженіи на границахъ Татарскаго войска и бѣгствѣ нѣкоторыхъ Поляковъ въ Молдавію,— отъ 26-го іюня за № 32.

Пріемлю смѣлость В. И. В. поднесть при семъ переводы съ письма пріятеля Якуба и съ приложенія къ оному съ моимъ ремаркомъ на всевысоч. В. И. В. усмотрѣніе; а при томъ всепод. доношу, что Могилевскій пріятель отъ 2-го сего іюля письмомъ своимъ, чрезъ Татарскія слободы для безопасности отправленнымъ, то жъ самое подтверждаетъ, съ такимъ только прибавленіемъ, что нѣкоторые изъ знатныхъ Поляковъ, а именно: староста Каневскій, подчашій Новогородскій и другіе съ ними, въ Молдавію ретировались и живутъ въ Ботушанахъ; но на долго-ль имъ дозволено будетъ тамо пробыть, неизвѣстно, ибо слухъ носится, что Молдавскій господарь имъ пристанища дать не хочетъ, паче потому, что прибѣгшіе въ Хотинъ подъ защищеніе тамошняго паши Польскіе конфедераты всѣ оттуда по указу отъ Порты высланы; что въ Бендеры прибылъ на смѣну прежняго паши изъ Анатоліи трехъ-бунчучный паша и что Татары великіе по границѣ Польской чинятъ разъѣзды, спрашивая обывателей, нѣтъ ли въ близости регулярнаго Россійскаго войска или козаковъ, опасаясь впаденія

---

[1]) Копіи этой, равно какъ и упоминаемаго ниже въ рел. за № 32 (№ 15) перевода при черновыхъ реляціяхъ нѣтъ.

въ ихъ слободы и аулы, да и что стоящіе изъ прибывшихъ вновь войскъ по Днѣстру Турецкія команды разглашаютъ, яко бы они для того по границѣ разставлены, чтобъ Польскихъ конфедератовъ въ свои границы не впускать.

16) О нападеніи гайдамакъ на Голту,—отъ 12-го іюля за № 33.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 26 прошедшаго мѣсяца подъ № 29 пріемлю смѣлость В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что по полученіи отъ стоящаго у Орловскаво форпоста маіора Вульфа репорта, яко 24 минувшаго іюля разбойнической въ Польшѣ шайки нѣсколько человѣкъ, подъ именемъ Запорожцевъ, подъѣхавъ къ пограничной Татарской слободѣ Голтѣ, поселенной на правомъ берегу р. Буга при устьѣ р. Синюхи, противъ Орловской слободы, требовали отъ тамошняго Татарскаго намѣстника выдачи укрывшихся Польскихъ шляхтичей и жидовъ; но, не получа оныхъ, отважились на ту слободу напасть и не только двухъ Польскихъ шляхтичей и семь человѣкъ жидовъ, кои въ оной слободѣ скрылись, но и изъ поселенныхъ тамо жидовъ же, не видя никакого супротивленія, трехъ человѣкъ убить, а потомъ, разграбивъ все оныхъ имѣніе, въ Польшу возвратились; по дошедшимъ же отъ проѣзжихъ купцовъ извѣстіямъ и на м. Балту, въ коемъ пріятель Якубъ находился, яко бы такое жъ нападеніе было, гдѣ разбойническая шайка, какъ слухъ носится, будто съ Татарами сраженіе имѣла,—я, взирая на такое обстоятельство, запотребно разсудилъ тотчасъ къ обрѣтающимся при Крымской границѣ комиссарамъ, Ефремову и Чугуевцу, чрезъ нарочнаго предписать, чтобъ они немедленно Татарскимъ коммиссарамъ формальнымъ образомъ о всемъ обстоятельствѣ сихъ разбойниковъ объявили и, по сосѣдственной дружбѣ отъ такихъ наглостей ихъ предостерегая, сосѣдопріятельски отъ нихъ требовали: если помянутые разбойники, преслѣдуемы будучи отъ Россійскихъ воинскихъ командъ, искать стали бъ прибѣжища у Татаръ, онымъ того отнюдь не дозволять, а поступать съ ними, какъ съ злодѣями, общій въ пограничности покой нарушающими; а когда Крымскіе коммиссары еще къ границѣ не прибыли, то бъ о всемъ томъ безъ упущенія времени въ благопристойныхъ и учтивыхъ терминахъ по близости сераскеръ-султану Шебебъ-Гирею, яко главному командиру всей той пограничности, чрезъ нарочнаго знать дали.

Я не преминулъ о семъ разбойническомъ отважномъ происшествіи пребывающимъ въ Константинополѣ В. И. В. министрамъ тайн. сов. и кав. Обрѣзкову и канц. сов. Левашову сообщить, дабы они съ своей стороны, по дошедшимъ иногда изъ Крыму не складнымъ о томъ извѣстіямъ, яко же и сочиняемымъ по таковымъ отъ недоброжелателей вреднымъ толкамъ, съ достаточными и вѣроятными доказательствами опровергать въ состояніи были.

Между тѣмъ отъ разбойнической партіи, которая между здѣшнею границею и Бѣло-церквою съ нѣсколькихъ дней шаталася подъ предводительствомъ яко бы Запорожскихъ атамановъ Никиты Швачки и Андрея Журбы, знатно свѣдавъ о командированіи В. И. В. войскъ для поимки и истребленія ихъ, три человѣка Запорожскихъ козаковъ, изъ коихъ одинъ былъ около года на послушаніи въ Мотренинскомъ монастырѣ, другой ѣхалъ для продажи рыбы, а третій для покупки овецъ, по увѣщанію къ той шайкѣ пристали, съ письмомъ ко мнѣ присланы, увѣдомляя, яко бы они по указу и по повелѣнію кошевого въ Польшу вступили для люстрированія оной отъ Поляковъ и жидовъ; слѣд. они не самовольно поступаютъ, какъ объ нихъ думаютъ. Я, двухъ отъ нихъ оставивъ здѣсь подъ присмотромъ, одного на удачу обратно отпустилъ съ запискою, чтобъ немедленно меня увѣдомили, по какому именно указу и повелѣнію или же наущенію они такіе богупротивные и безчеловѣчные разбои и убійства производятъ, и чтобъ всеконечно отъ такого звѣрства отстали, инако же всѣ крайней погибели подвергнутся; а посланному, обѣщавъ награжденіе, приказалъ словесно въ шайкѣ разсѣять не слушаться атамановъ, кои, ихъ, яко простыхъ людей, обманывая, совершенную имъ приготовляютъ гибель, ибо со всѣхъ сторонъ войска В. И. В. командированы для истребленія ихъ, почему бы они, не доведя себя до такой крайности, лучше принесли повинную и покорились. А что по сему произойдетъ, В. И. В. въ свое время донести не оставлю.

17) О поимкѣ 101 человѣка гайдамакъ и атамановъ ихъ Неживаго и Желѣзняка,—отъ 12-го іюля за № 34.

В. И. В. всеподд. доношу, что изъ полученныхъ отъ правящаго бригадирскую должность надъ полками Елисаветградской провинціи полковника Чорбы рапортовъ явствуетъ, яко по учиненію распоряже-

нія о поимкѣ и истребленіи гайдамацкой въ Польшѣ шайки въ разныя времена собою на форпостахъ явились и посланными командами по 8 число сего мѣсяца пойманы сто одинъ человѣкъ, кои всѣ въ Елисаветградской провинціи подъ карауломъ содержутся. Между оными находится и одинъ атаманъ, прозываемый Семенъ Неживой, который, яко Польскій подданный, съ особливою немалою шайкою Чигринъ, Медвѣдовку и всю ту околичность разбивалъ и многихъ Поляковъ и жидовъ убивалъ. Съ другой стороны, Каргопольскаго карабинернаго полку отъ полковника Гурьева, который отъ корпуса ген.-маіора Кречетникова посланъ для поимки и разогнанія гайдамаковъ, рапортъ полученъ, что онъ, наѣхавъ на таковую разбойническую въ 735 человѣкъ состоящую шайку, оную атаковалъ и всѣхъ, не упустя ни одного, взялъ, а по отобраніи у нихъ оружья и пушекъ Польскихъ подданныхъ отослалъ по приказу къ Польскому генералу гр. Браницкому, который съ войскомъ около Каменца-Подольскаго расположился, достальныхъ же Запорожцовъ 73 человѣка при конвоѣ, забивъ всѣхъ въ колодки, отправилъ сюда, кои приведены и подъ караулъ отданы, въ которомъ числѣ находится и главный всей разбойнической шайки начальникъ Максимъ Желѣзнякъ, котораго допросъ при семъ на высоч. усмотрѣніе всеподд. подношу; но въ разсужденіи того, что они не имѣютъ чѣмъ себя пропитать, отъ меня опредѣлено изъ имѣющейся при губ. канц. на чрезвычайные расходы суммы производить каждому на пищу въ день по двѣ копѣйки. А какъ присылка таковыхъ гайдамаковъ сюда и въ Новороссійскую губ. до совершеннаго истребленія уповательно отъ дня въ день прибавляться станетъ, то пріемлю смѣлость съ глубоч. благоговѣніемъ испрашивать себѣ высоч. указа, что повелѣно будетъ съ оными предпринять.

Кошевой же атаманъ на посланный къ нему отъ меня ордеръ репортуетъ, что по справкѣ въ Кошѣ Запорожскомъ яко бы заподлинно оказалось, что въ той гайдамацкой шайкѣ настоящаго Запорожскаго козака ни одного нѣтъ, но всѣ де изъ наймитовъ, кои у Запорожцовъ при рыболовляхъ и зимовникахъ работывали, безъ вѣдома отлучась, для добычи и корысти къ той шайкѣ приставали и, называясь Запорожцами, многихъ къ себѣ изъ Польскихъ подданныхъ преклоняли. Однако съ его стороны найсильнѣйше стоящимъ по границѣ Запорожскимъ полковникамъ подтверждено стараніе приложить таковыхъ гайдамаковъ, гдѣ бы они ни явились, ловить и подъ карауломъ въ Кошъ для наказанія посылать.

18) О поимкѣ атамановъ Швачки и Журбы и донесеніяхъ ген.-маіора Подгоричани и полк. Чорбы,—отъ 29-го іюля за № 41.

В. И. В. изъ прежнихъ моихъ всепод. отъ 12 сего мѣсяца реляцій подъ № 33 и 34 всемил. усмотрѣть изволили, какой успѣхъ отъ войскъ В. И. В. надъ разбойническими въ Польской украинѣ шайками одержанъ; а теперь пріемлю смѣлость въ прибавокъ тому слѣдующее раболѣпнѣйше донести: командированный по сообщенію моему отъ ген.-аншеф. гр. Румянцова въ Каневское староство полковн. Протасовъ съ Москов. карабинер. полкомъ и 150 человѣкъ Малорос. козаковъ для поимки и истребленія свирѣпѣющихъ въ той околичности подъ предводительствомъ двухъ атамановъ Журбы и Швачки разбойниковъ репортомъ отъ 9-го сего мѣсяца увѣдомилъ, что, раздѣля полкъ на два деташамента, съ однимъ атаковалъ онъ атамана Журбу, который въ Польскомъ селѣ Блощинецъ находился, и по нѣсколькомъ отъ оного супротивленіи взялъ 64 человѣка; той шайки атаманъ Журба и до 30 человѣкъ его сообщниковъ побиты въ сраженіи; подполковникъ же Бринкъ, напавъ подъ м. Богуславомъ на атамана Швачку, его со всею шайкою, въ 73 человѣкахъ состоящею, безъ сопротивленія взялъ, кои всѣ 137 человѣкъ сюда присланы съ шестью значками, двумя мѣдными и одною чугунною пушкою, да пятью желѣзными гаковницами и съ нѣсколькими пограбленными вещами. Всѣ сіи гайдамаки подъ караулъ посажены, а вещи на сохраненіе отданы, между коими находятся 130 человѣкъ Польскихъ подданныхъ изъ разныхъ мѣстечекъ, селъ и деревень. Но какъ число сихъ арестантовъ въ здѣшней крѣпости умножилось, то дерзаю у В. И. В. всевысоч. себѣ испрашивать повелѣнія, что съ оными предпринять.

Между тѣмъ отъ ген.-маіора Подгоричани изъ м. Монастырище Ахтыр. гусар. полка съ порутчикомъ Чалиновичемъ при репортѣ отъ 9 сего жъ іюля присланы 39 человѣкъ сказывающихся Запорожцами, кои посланными отъ него разъѣздами въ разные времена взяты.

Изъ полученнаго вчера отъ полк. Чорбы репорта явствуетъ, что посланная для истребленія шайки атамана Неживого гусарская, компанейская и пикинерная команда подъ предводительствомъ гусарскаго порутчика Вуича, наѣхавъ оную въ лѣсу, по многомъ увѣщаніи къ сдачѣ склонить не могла, но, учиня на оную нападеніе, 38 человѣкъ

гайдамаковъ побила, а 14 поймала, прочіе жъ, по сказкамъ пойманныхъ, 48 человѣкъ въ лѣса разбѣжались; при которомъ сраженіи гусаръ, пикинеръ и компанейцовъ убито 9, ранено 8 человѣкъ.

Въ здѣшней пограничности и около Бѣлой Церкви вновь небольшія шайки разбойниковъ шататься начали, о поимкѣ коихъ расположившемуся по ордеру ген.-маіора Кречетникова съ Москов. карабинер. полкомъ въ мѣстечкахъ Теплицахъ, Махновкѣ и въ Умани полк. Протасову отъ меня предписано; а г. ген.-анш. гр. Румянцову о всемъ вышеписанномъ сообщено для учиненія съ своей стороны надлежащаго о поимкѣ оныхъ распоряженія.

19) Объ отсылкѣ высоч. грамоты къ кошевому атаману съ кап. Бастевикомъ,—отъ 29-го іюля за № 43.

Высоч. В. И. В. два рескрипта отъ 11-го сего іюля съ двумя приложеніями, съ грамотою В. И. В. къ войску Запорожскому и съ печатными манифестами, чрезъ куріера сержанта князя Сибирскаго съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣній, кап. Бастевикъ, яко надежный офицеръ, съ грамотою въ Запорожскую Сѣчь, давъ ему достаточное всемил. повелѣннымъ образомъ наставленіе и особый отъ меня къ кошевому атаману, въ сходство содержанія высоч. грамоты, ордеръ, отправленъ; г. ген.-анш гр. Румянцову сочиненная на Польскомъ языкѣ форма обязательнаго письма по точному содержанію высоч. рескрипта послана; печатные манифесты въ Бѣлую Церковь къ тамошнему коменданту подполков. Карбовскому для разсѣянія оныхъ въ околичныхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, къ полковнику Моск. карабинер. полку., въ Новороссійскую губернію къ полк. Чорбѣ и къ ген-маіору Кречетникову для такового жъ въ Польской украинѣ находящимися въ разъѣздахъ командами разсѣянія посланы; а какое оные въ народѣ дѣйствіе возъимѣютъ, по полученнымъ впредь вѣрнымъ о томъ извѣстіямъ В. И. В. раболѣпнѣйше донести не оставлю.

Елико жъ принадлежитъ до Польскихъ въ Елисаветградскую провинцію выходцевъ, то я не премину высоч. В. И. В. повелѣніе по раболѣпнѣйшей моей должности пайревнительнѣйше исполнить.

20) По поводу записки кап. Бастевика о врученіи имъ кошевому атаману высоч. грамоты,—отъ .... августа за № 45.

Посланный въ Запорожскую Сѣчь съ высоч. В. И. В. грамотою кап. Бастевикъ, прибывъ обратно, подалъ мнѣ веденную въ бытность его тамо поденную въ примѣчаніяхъ записку. Я пріемлю смѣлость сочиненную изъ оной выписку при семъ съ глубоч. поднесть благоговѣніемъ [1]), изъ которой В. И. В. всемил. усмотрѣть изволите, съ какими выраженіями по прочтеніи войсковымъ писаремъ высоч. грамоты отъ кошевого атамана предстоящимъ Запорожскимъ козакамъ говорена рѣчь и какіе вопреки отъ нѣкоторыхъ козаковъ были отзывы. Но какъ я по слабому моему смыслу признаваю себя не въ состояніи выникающее изъ разнорѣчія обоихъ сторонъ сумнѣніе достаточно и основательно судить, дабы въ оправданіи одного или въ обвиненіи другихъ предъ В. И. В. не погрѣшить, то предаю все оное глубоч. В. И. В. просвѣщенію и высоч. соизволенію, раболѣпнѣйше присовокупляя, что хотя кошевой атаманъ репортомъ мнѣ и представилъ, яко посланные въ силу моего ордера въ разъѣзды Запорожскіе полковники съ командами возвратясь объявили, что нигдѣ въ Сѣчи и по пограничности шатающихся козаковъ, ниже сбирающихся бродягъ, не наѣзжали, однако въ разсужденіи того, что приведенные на сихъ дняхъ сюда подъ карауломъ изъ пойманныхъ въ Польшѣ семидесяти человѣкъ разбойниковъ допросами показали, яко они, 29-го минувшаго іюня въ Запорожской Сѣчи зимовникахъ собравшись и на разныя раздѣлясь шайки, въ Польшу для грабежа пошли,—отъ меня вновь ему найсильнѣйшимъ образомъ предписано, удобвозможное стараніе употребить къ всеконечному пресѣченію выхода козаковъ изъ Запорожской Сѣчи въ Польшу для отвращенія наносимаго тѣмъ всему войску Запорожскому безславія и нареканія.

21) О присланныхъ ген.-маіоромъ Кречетниковымъ въ Кіевъ арестантахъ,—отъ 22-го августа за № 48.

Отъ обрѣтающагося въ Польской украинѣ съ корпусомъ В. И. В. войскъ ген. маіора Кречетникова при репортѣ сего мѣсяца 12 числа

[1]) Выписки этой при черновой реляціи не было.

87 человѣкъ арестантовъ, между коими одинъ конфедератскій ротмистръ, прозваніемъ Поморскій, и другой уніятскаго митрополита Володкевича коммиссаръ шляхтичъ Каминскій были; но какъ сей послѣдній, не доведя еще сюды въ Польшѣ, въ ночи противъ 8 числа сего мѣсяца купно съ дезертиромъ Курнинскаго полку солдатомъ Ивановъ Марковымъ бѣжалъ, а о ротмистрѣ Поморскомъ, которой по письму чрезвыч. и полномоч. посла кн. Репнина къ нему, ген.-маіору Кречетникову, назначенъ для пересылки въ Сибирь, съ такимъ при томъ увѣдомленіемъ, чтобъ его здѣсь подъ крѣпч. содержать карауломъ до полученія отъ В. И. В. на отправленіе онаго въ Сибирь высоч. повелѣнія; то я пріемлю смѣлость всепод. доносить, что помянутый Поморскій здѣсь подъ крѣпкимъ содержаться имѣетъ карауломъ до полученія объ отсылкѣ его въ Сибирь высоч. указа, а о сыскѣ Каминскаго хотя по уходѣ его для поимки партіи и разосланы были, однако онаго сыскать на могли; елико же до дезертировъ и разбойниковъ принадлежитъ, то надъ первыми обыкновенной по воинскимъ обрядамъ, а надъ послѣдними по законамъ и высоч. указу судъ производился, и каждый по мѣрѣ преступленія наказанъ и въ ссылку сосланъ быть имѣетъ.

22) О производствѣ суда надъ попавшимися въ гайдамацкой партіи Запорожцами,—отъ 22-го августа за № 49.

Высоч. В. И. В. рескриптъ за собственноручнымъ подписаніемъ отъ 24 минувшаго іюля я 5-го числа сего мѣсяца съ глубоч. подобострастіемъ получить удостоился, на который симъ раболѣпнѣйше доношу, что во всепод. исполненіе высоч. повелѣнія тотчасъ надъ всѣми сюда изъ Польши присланными Запорожскими козаками предписаннымъ въ указѣ В. И. В. Коллегіи Иностран. Дѣлъ образомъ въ здѣшней губ. капц. судъ производить начали, который съ крайне возможнѣйшимъ прилежаніемъ и поспѣшеніемъ продолжается, но за немалымъ оныхъ числомъ еще не оконченъ, а по окончаніи на сихъ дняхъ и формальный приговоръ на основаніи законовъ постановленъ быть имѣетъ. Но какъ и въ крѣпости св. Елисаветы нѣсколько человѣкъ такихъ же Запорожцевъ подъ карауломъ содержится, то отъ меня чрезъ нарочнаго бригадиру Черткову найсильнѣйше предписано и надъ оными по силѣ указа судъ производить и формальный постановить приговоръ,

пріуготовя ихъ къ подлежащему наказанію. Итакъ иного мнѣ не остается, какъ по окончаніи суда и всепод. исполненіи всевысоч. В. И. В. повелѣнія обстоятельное о производствѣ и объ отправленіи для наказанія учинить доношеніе.

23) Объ окончаніи суда надъ Запорожцами,—отъ 3-го сентября за № 54.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи (№ 49) пріемлю смѣлость В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ донести, что судъ надъ содержащимися здѣсь злодѣями по высоч. повелѣнію уже оконченъ и приговоръ постановляется, а между тѣмъ для скорѣйшаго доставленія первой партіи къ назначенному въ Орловской слободѣ мѣсту, противъ Татарской слободы Голты, въ разсужденіи дальняго разстоянія, отъ меня ген.-аншт. гр. Румянцову сообщено по тракту до Кременчуга подводы заготовить приказать; по отправленіи жъ оныхъ В. И. В. обстоятельно о всемъ производствѣ и рѣшеніи паболѣпнѣйше донести не укосню.

24) Объ отправленіи пойманныхъ гайдамакъ въ Польшу къ гр. Браницкому и присылкѣ Едичкульскими татарами своихъ коммиссаровъ въ пограничн. коммиссію,—отъ 25-го сентября за № 56.

Во всепод. исполненіе В. И. В всевысоч. повелѣній, данныхъ мнѣ двумя рескриптами отъ 30-го минувшаго августа, пріемлю смѣлость В. И. В. паболѣпнѣйше донести, что содержавшіеся здѣсь подъ карауломъ, войсками В. И. В пойманные въ Польшѣ въ разбойничествѣ, Польскіе подданные, всего 130 человѣкъ, при пристойномъ конвоѣ къ ближнему отъ границъ стоящаго въ Польшѣ корпуса командиру ген.-маіору князю Прозоровскому отправлены съ такимъ именно предписаніемъ, что какъ таковые слѣдуютъ преданы быть собственному ихъ отечества суду, то бъ онъ ихъ отъ себя немедленно къ Польскому генералу-регименгарю гр. Браницкому отослалъ для должнаго имъ по законамъ республики наказанія; въ равной силѣ отъ меня ген.-маіору и кав. Исакову съ содержащимися въ Елисаветградской провинціи подобными Польскими подданными, коихъ по рапортамъ 45 человѣкъ, поступить подтверждено; а находящимся въ Польшѣ для истребленія разбойнической шайки воинскимъ Елисаветград-

ской провинціи командамъ, тожъ и Москов. карабинер. полка полковнику Прогасову ордерами предписано, случающихся впредь между пойманными разбойниками Польскихъ подданныхъ, не отправляя сюда, прямо отъ себя съ пристойнымъ конвоемъ отсылать къ реченному гр. Браницкому.

Елико же принадлежитъ до Едичкульскихъ татаръ, кои по негодованію на своего прежняго султана, признавали погранич. коммиссію для нихъ излишнюю и необычайную и не хотѣли на оную съ своей стороны по ханскому повелѣнію депутатовъ, жалобщиковъ и виновныхъ высылать, также и ничего возвращать по жалобамъ Запорожцевъ, желая лучше для избѣжанія такихъ новостей и хлопотъ по прежнему на Кубань переведены быть, то я о всемъ томъ тогда жъ пребывающему въ Константинополѣ В. И. В. министру тайн. сов. и кав. Обрѣзкову обстоятельно знать далъ. Но какъ послѣ того для успокоснія помянутыхъ Едичкульцовъ новый султанъ по ихъ выбору изъ трехъ представленныхъ отъ нихъ кандидатовъ султанъ Сагибъ сераскеромъ къ нимъ присланъ, то отъ сей орды не только коммиссары, но и депутаты, жалобщики и виновные въ коммиссію присланы, которая, какъ въ слѣдующей моей всеподд. реляціи подъ № 57 обстоятельно всенижайше донесено, съ изрядным успѣхомъ и окончена.

Кошевому атаману при отправленіи ордера о командированіи при старшинахъ въ разныя мѣста партій и разъѣздовъ для сыску ушедшихъ куренныхъ козаковъ въ гайдамацкія шайки и пресѣченія ихъ выхода въ Польшу, равно какъ и для поимки оттуда возвращающихся гайдамаковъ найточнѣйше предписано крайне того наблюдать, чтобъ въ Татарскія границы не входить; если же паче чаянія случиться могло бъ, что на отверстой степи Татарскія партіи, увидя Запорожскихъ, подослали бъ спросить, въ какомъ намѣреніи разъѣздъ ихъ чинится, то съ подобающею вѣжливостію объявили бъ оному точную причину ихъ командировки; а хотя бъ имъ иногда отъ необузданныхъ Татаръ и поводъ поданъ былъ къ какой либо ссорѣ, то всячески стараться отъ оной уклониться и отнюдь ничѣмъ Татаръ раздражать не осмѣливаться; о чемъ и послѣ того отъ время до времени по причинѣ гайдамаковъ отправленными отъ меня ордерами кошевому атаману найсильнѣйшіе чинены подтвержденія.

25) Объ отправленіи осужденныхъ гайдамакъ къ Орловскому форпосту и объ увѣдомленіи о томъ хана Крымскаго и воеводы Балтскаго,—отъ 25-го сентября за № 59.

Въ дополненіе къ прежнимъ моимъ всепод. реляціямъ подъ №№ 49 и 54 В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ рабо[л]ѣпн[ѣ]йше доношу, что въ силу высоч. повелѣнія надъ содержанными здѣсь злодѣями по окончаніи суда и подписаніи приговора всѣ осужденные по мѣрѣ ихъ вины разбойники на четыре части раздѣлены, изъ коихъ 70 при самозванцѣ Желѣзнякѣ въ Орловскую слободу съ пристойнымъ конвоемъ на подводахъ 12-го числа сего для скорѣйшаго туда доставленія отправлены; о чемъ отъ меня къ хану Крымскому чрезъ кап. Бастевика въ сосѣдопріятельскихъ терминахъ для вѣдома писано, какъ В. И. В. изъ подносимой при семъ копіи того письма всемил. усмотрѣть изволите.

Съ симъ капитаномъ отправлено отъ меня и къ Балтянскому воеводѣ письмо, коимъ оный приглашенъ съ Голтянскимъ каймаканомъ и съ другими по его произволу тамошними обывателми быть тому позорищу очевиднымъ свидѣтелемъ, согласясь о днѣ экзекуціи съ стоящимъ у Орловскаго форпоста маіоромъ Вульфомъ, которому отъ меня о томъ такожде предписано.

При семъ отправленіи кап. Бастевику приказано для способн[ѣ]йшаго развѣданія о Турецкихъ обращеніяхъ и примѣчанія воинскихъ пріуготовленій отъ Балты по недалекому разстоянію ѣхать въ Очаковъ къ тамошнему трехъ-бунчучному пашѣ подъ видомъ доставленія оному служащаго ему претекстомъ къ сей поѣздѣ моего письма, съ коего при семъ на высоч. усмотрѣніе подносится точной списокъ [1]); а изъ Очакова велѣно ему прямымъ путемъ слѣдовать чрезъ Кинбурнъ въ Бахчисарай, которымъ объѣздомъ онъ о всѣхъ въ той сторонѣ Турецкихъ обращеніяхъ свободно развѣдать можетъ. Я придалъ ему отсюда и одного надежнаго человѣка, котораго онъ съ отвѣтомъ пашинскимъ изъ Очакова ко мнѣ немедленно отправить имѣетъ для скорѣйшаго увѣдомленія о всемъ томъ, что имъ въ пути развѣдано и примѣчено.

---

[1]) Списка этого, какъ и упомянутой выше копіи письма къ хану, при черновой реляціи нѣтъ.

Что принадлежитъ до прочихъ трехъ разбойническихъ партій, то и оныя къ назначеннымъ мѣстамъ для наказанія уже отправлены, о чемъ обстоятельно съ приложеніемъ копіи приговора въ Коллегію В. И. В. Иностран. Дѣлъ отъ сего числа рапортовано.

26) О присланныхъ въ Кіевъ конфедератахъ,—отъ 25-го сентября за № 62.

В. И. В. пріемлю смѣлость всеподд. донести, что 18-го числа сего мѣсяца Бѣлевскаго пѣхотнаго полку съ капитаномъ Тюнинымъ присланы сюда изъ Польши подъ конвоемъ 90 человѣкъ Польскихъ конфедератовъ, въ которомъ числѣ 78 человѣкъ шляхтичей, а остальные 12 простые козаки и жолнеры, такожъ 16 разбойниковъ изъ Запорожцовъ, одинъ секретной арестантъ попъ Марекъ и 20 человѣкъ дезертировъ, всего 137 человѣкъ, изъ коихъ по письму пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. полномоч. посла и кав. кн. Репнина къ ген.-маіору Кречетникову рекомендовано Польскихъ шляхтичей содержать здѣсь подъ карауломъ до высоч. В. И. В. повелѣнія, довольствуя пищею приличною ихъ званію, козаковъ и жолнеровъ содержать на солдатской порціи, а попа Марека такъ секретно, чтобъ никто его не видалъ до полученія отъ В. И. В. о немъ высоч. указа. Всѣ сіи арестанты здѣсь подъ надлежащее смотрѣніе приняты и содержаны быть имѣютъ по вышепомянутому отъ полномоч. посла кн. Репнина ген.-маіору Кречетникову предписанію. Но какъ между шляхтичами два чиновные Ларшъ (?) Ждановскій и Фердинандъ Волынецкій объявили, что они хотятъ содержать себя на собственномъ своемъ иждивеніи, то достальныхъ 76 человѣкамъ опредѣлено отъ меня въ день на пищу производить имъ по пропорціи денежную дачу, жолнерамъ же и козакамъ по двѣ копѣйки, а попу Мареку такъ какъ и содержащемуся здѣсь безъизвѣстному арестанту, о коемъ реляціею моею № 14 всеподд. донесено, на день по три копѣйки; Запорожцовъ же велѣно по высоч. указу какъ и прочихъ судить, а надъ дезертирами обыкновенной держать кригерехтъ.

Приложеніе: При этой реляціи отъ того же 25-го сентября находится слѣдующе письмо въ собственныя Е. И. В. руки:

В. И. В.! Съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что по отправленіи

всѣхъ разбойниковъ къ назначеннымъ мѣстамъ для наказанія, въ исполненіе всевысоч. В. И. В. за собственноручнымъ подписаніемъ указа отъ 2-го прошедшаго іюня, на сей недѣлѣ отправиться имѣю въ Новороссійскую губ. для осмотру противъ прошлогодняго другой половины губерніи даже до Бахмута. А какъ по нынѣшнимъ Татарскимъ обстоятельствамъ быть мнѣ въ близости границъ кажется небезполезно, то я для всякихъ случиться могущихъ секретныхъ переписокъ и прочихъ по тому произведеній канц. сов Веселицкаго съ собою взялъ. И что отъ время до времени о тамошнихъ пограничныхъ обстоятельствахъ до моего свѣдѣнія доходить будетъ, В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доносить не укосню.

27) Объ отправленныхъ поручикомъ Кологривовымъ изъ Польши въ его экипажѣ шляхтянки и еврейки, выданныхъ замужъ за крѣпостныхъ людей,—отъ 4-го октября за № 64, изъ Кременчуга.

Г. ген.-маіоръ и кав. Исаковъ рапортомъ ко мнѣ представилъ, что при отправленномъ изъ Польши чрезъ Елисаветградскую провинцію Твер. карабинер. полку порутчика Кологривова экипажѣ находятся одна Польская шляхтянка тринадцати и крещеная жидовка четырнадцати лѣтъ, четыре мальчика и двѣ дѣвочки, изъ коихъ шляхтянка и крещеная жидовка имъ, Кологривовымъ, насильно за крѣпостными его людьми въ замужество отданы и съ прочими въ деревню его отосланы; но шляхтянка двумя изъ проживающихъ подъ высоч. В. И. В. защищеніемъ въ Елисаветградской провинціи Польскими шляхтичами узнана, кои поданнымъ прошеніемъ, объявляя оную ближнею ихъ свойственницею, требовали выдачи ея на ихъ попеченіе; а какъ возвращеніе сей шляхтянки въ разсужденіи замужества съ такими сопряжено затрудненіями, кои мною рѣшены быть не могутъ, то я по раболѣпнѣйшей моей должности пріемлю смѣлость, В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всеподд. о томъ донеся, высоч. себѣ попросить указа, что повелѣно будетъ съ оною шляхтянкою и съ прочими при экипажѣ порутчика Кологривова находящимися, въ Польшѣ взятыми мальчиками и дѣвочками предпринять, ибо до полученія В. И. В. высоч. повелѣнія оной экипажъ съ людьми въ крѣпости св. Елисаветы задержанъ.

28) О доставленіи въ Кіевъ 752 плѣнныхъ конфедератовъ,—отъ 3-го ноября за № 67, изъ Кременчуга.

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доношу, что полковникомъ

Панинымъ, который по ордерамъ гг. ген.-маіоровъ гр. Апраксина и кн. Прозоровскаго съ Нижегор. карабинер. полкомъ для препровожденія плѣнныхъ конфедератовъ и гайдамаковъ изъ Польши командированъ былъ, 19-го числа прошлаго октября мѣсяца приведено въ Кіевъ 752 человѣка, между коими графъ Потоцкій маршалокъ Сандомирскій, стольникъ Чернецкій маршалокъ Краковскій, подчашій Ордынскій предводитель Барскій и графъ Шембекъ канцлеръ Краковскій, знатныхъ шляхтичей 8, разнаго шляхетства 185, маіоръ одинъ, оберъ-офицеровъ 18, рядовыхъ 425, гайдамаковъ 180 и 11 человѣкъ дезертировъ, кои въ Кіевѣ плацъ-маіоромъ приняты, въ Печерской и Старокіевской крѣпостяхъ къ содержанію подъ карауломъ распредѣлены; первымъ четыремъ отведенъ въ Печерской крѣпости домъ, другіе помѣщены въ казармахъ, а больные въ лазаретахъ; но какъ отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. посла кн. Репнина и отъ помянутыхъ генераловъ-маіоровъ, по сколько на продовольствіе шляхтичей и офицеровъ каждому въ день денегъ производить, мнѣ знать не дано, то отъ меня Кіевск. губ. канцеляріи предложено шляхтичамъ, кромѣ четырехъ первыхъ, кои безъ сомнѣнія своимъ иждивеніемъ продовольствоваться будутъ, на каждаго въ день по 5, а рядовымъ по 2 копѣйки производить до полученія отъ В. И. В. высоч. о томъ повелѣнія, а если между оными арестантами такіе найдутся, кои въ разсужденіи зимняго времени нужду въ одеждѣ и обуви имѣть будутъ, таковыхъ оною снабдить. Надъ гайдамаками формальный судъ по высоч. В. И. В. указу производить, а надъ дезертирами кригерехтъ держать.

Изъ полученнаго жъ вчера отъ г. ген.-маіора кав. и Кіев. оберъ-коменданта Ельчанинова репорта явствуетъ, что присланныхъ изъ Польши арестантовъ всѣхъ содержится въ Печерской и Старокіев. крѣпостяхъ 908 человѣкъ и что изъ приведенныхъ Нижегородскимъ полкомъ Польскихъ рядовыхъ больныхъ 36 человѣкъ померло.

29) О прибытіи изъ Константинополя прапорщика Шеферова съ важными извѣстіями,—отъ 3 ноября за № 68, изъ Кременчуга.

Третьяго дня возвратившійся изъ Константинополя прапорщикъ Шеферовъ подалъ мнѣ отъ пребывающаго въ Варшавѣ В. И. В. полномочнаго посла и кав. кн. Репнина письмо, съ котораго при семъ точной списокъ, купно съ сказкою его, Шеферова, на высоч.

усмотрѣніе В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ подносится [1]). А какъ ген.-маіоръ кн. Прозоровскій меня чрезъ него жъ, Шеферова, увѣдомилъ, что, по ордеру помянутаго посла кн. Репнина, долженъ меня обстоятельно о всѣхъ Турецкихъ предпріятіяхъ и обращеніяхъ увѣдомить, однако, не хотя задержать курьера Шеферова, обѣщалъ на другой день нарочнаго съ тѣмъ ко мнѣ отправить, то я, усмотря важность объявленную прапорщикомъ Шеферовымъ, тотчасъ чрезъ нарочнаго г. ген.-анш. гр. Румянцову оную сообщилъ, прося о принятыхъ по тому съ подчиненными ему войсками мѣрахъ для цѣлости границъ меня немедленно увѣдомить, дабы и я сходно съ тѣмъ и свои распоряженія по количеству подчиненныхъ мнѣ войскъ въ Новороссійской губерніи учинить въ состояніи былъ. А при томъ свѣдавъ отъ реченнаго прапорщ. Шеферова, что изъ Варшавы отъ упомянутаго г. посла кн. Репнина В. И. В. о взятіи тайн. сов. Обрѣзкова въ Едикуль и о объявленіи отъ Порты противъ Россійской Имперіи войны чрезъ нарочнаго уже донесено, рабскимъ моимъ доношеніемъ о томъ до полученія отъ кн. Прозоровскаго обѣщаннаго увѣдомленія смѣлость принялъ поудержаться, а теперь, получа оное, дерзаю В. И. В. точные списки съ его рапорта и приложеній на высоч. усмотрѣніе при семъ рабол. подносить и прапорщ. Шеферова, придавъ ему рейтара Ѳедорова, съ сими важными доношеніями для того отправить, что онъ, яко самовидецъ всему въ Цареградѣ происшествію, словесно обо всемъ донести можетъ. А между тѣмъ главнѣйшее мое упражненіе и попеченіе по раболѣпнѣйшей должности состоять имѣетъ въ томъ, какимъ бы лучше образомъ подчиненное мнѣ войско, сносясь съ г. ген.-анш. гр. Румянцовымъ, яко главнымъ командиромъ всей Украинской дивизіи, кордономъ распредѣлить для цѣлости границъ и достаточнаго отпору случиться могущимъ набѣгамъ, о чемъ впредь В. И. В. съ глубоч. поверженіемъ донести не укосню.

30) О томъ, какъ поступлено съ экипажемъ поручика Кологривова,— отъ 17-го ноября за № 71.

Во всеподд. исполненіе высоч. В. И. В. рескрипта отъ 27 прош. октября, полученнаго мною въ 9 день сего мѣсяца, отъ меня ген.-м.

---

[1]) Списка этого, какъ и упоминаемыхъ ниже копій, при черновой реляціи не было.

Исакову предписано: шляхтянку отдать родственникамъ ея; Польскихъ подданныхъ, при Кологривова экипажѣ находящихся, отослать къ ген.-маіору кн. Прозоровскому для поступленія съ ними по посылаемому изъ военной В. И. В. коллегіи указу; экипажъ же его, Кологривова, по осмотрѣ, не найдется ли въ немъ чего чрезвычайнаго или подозрительнаго, въ которомъ случаѣ найденное оставя подъ охраненіе, въ деревню отпустить и о томъ обстоятельно меня репортовать для всепод. В. И. В. донесенія.

31) О требованіи отъ гр. Румянцова нѣкотораго числа войска для г. Кіева и о другихъ мѣрахъ для защиты границъ,—отъ 17-го ноября за № 75.

В. И. В. всепод. доношу, что по учиненіи возможнаго на случай частаго въ Елисаветградской провинціи Татарскаго нападенія изображеннаго предыдущею рабскою моею реляціею распоряженія, не взирая на слабость мою здоровья, кое по выдержанной въ Кременчугѣ жестокой горячкѣ еще не совсѣмъ возстановлено, по раболѣпнѣйшей моей должности спѣшилъ сюда пріѣхать для учиненія и въ здѣшнихъ крѣпостяхъ удобвозможнаго распоряженія. Но какъ въ разсужденіи немалыхъ здѣшнихъ двухъ крѣпостей у меня не болѣе войска находится присланныхъ для держанія обыкновеннаго караула изъ полковъ Украинской дивизіи десяти ротъ мушкатерскихъ, кои на содержаніе всѣхъ нужныхъ по одной Печерской крѣпости постовъ и стереженія приведенныхъ сюда изъ Польши нѣсколько сотъ плѣнныхъ конфедератовъ едва достаточны, а въ первомъ канонирскомъ полку за раскомандированными ротами съ небольшимъ четыреста человѣкъ состоитъ, кои такожде обыкновенный въ полку и въ верхней Кіевской крѣпости содержутъ караулы, ибо здѣшніе гарнизонные баталіоны по отдаленнымъ отсюда крѣпостямъ здѣшняго вѣдомства и по форпостамъ раскомандированы, отъ коихъ не болѣе здѣсь въ остаткѣ какъ 300 человѣкъ, то я не преминулъ о всемъ томъ ген.-анш. гр. Румянцову сообщить съ испрошеніемъ присылки, по его разсмотрѣнію, изъ расположенныхъ по ту сторону Днѣпра ближнихъ полковъ его дивизіи на первой случай хотя только одного пѣхотнаго, а для ближнихъ разъѣздовъ одного коннаго полку; въ разсужденіи же здѣшней отъ Днѣпра по Польской границѣ и до Кіева немалой

околичности, въ которой, включая нижній городъ Кіевъ и Печерскій фортстатъ, весьма-многочисленный обоего пола народъ обитаетъ, который ничѣмъ инымъ не прикрытъ, какъ одними весьма малолюдными форпостными командами, я мое слабое мнѣніе г. ген.-анш. и кав. гр. Румянцову сообщилъ, что не худо было бы, съ форпостовъ снявъ, гарнизонныхъ солдатъ отпустить въ баталіоны, а форпосты знатнымъ числомъ доброконныхъ и вооруженныхъ малорусскихъ козаковъ умножить и оныхъ такъ расположить, чтобъ на тѣхъ форпостахъ, гдѣ пропуски бываютъ, не менѣе ста, въ Васильковѣ, яко главномъ постѣ, не менѣе трехсотъ, а на прочихъ не менѣе 50 человѣкъ было, приказавъ всѣмъ по вѣрнѣйшемъ свѣданіи о сближеніи на какой-либо форпостъ непріятеля, по увѣдомленіи о томъ чрезъ нарочныхъ главную команду, къ тому форпосту немедленно собраться и непріятелю возможной отпоръ чинить, въ случаѣ же превосходной силы ретироваться въ добромъ порядкѣ подъ здѣшнія пушки, ибо конница удобнѣе пѣхоты отступать можетъ. Всѣхъ поселянъ предостеречь, чтобъ они, при первомъ извѣстіи о сближеніи непріятеля къ границѣ, женъ, дѣтей и лучшіе пожитки за р. Днѣпръ переправили въ ближніе укрѣпленные мѣста. Для пѣхотныхъ полковъ, по прежнимъ воинскимъ съ Турками обрядамъ, рогатки полкамъ заготовить въ Малой Россіи обывателями; всѣ мѣстечки, кои укрѣплены были, починить, ибо оные во время непріятельскихъ набѣговъ народу убѣжищемъ служить могутъ. Но какъ все сіе зависитъ отъ повелѣній и распоряженій г. ген.-анш. гр. Румянцова, то отъ меня оное предано благоразсмотрительному его разсужденію; а между тѣмъ, сколько принадлежитъ до распоряженій по здѣшнимъ двумъ крѣпостямъ, я неутомленное имѣю попеченіе все по крайней возможности въ надлежащее оборонительное привесть состояніе.

32) Объ отправленіи конфедератовъ изъ Кіева,—отъ 17-го ноября за № 76.

В. И. В. всепод. доношу, что по насланнымъ отъ находящагося въ Польшѣ съ войсками В. И. В. ген.-поруч. и кав. Салтыкова и отъ пребывающаго въ Варшавѣ полномоч. посла кн. Репнина къ бывшему въ препровожденіи плѣнныхъ конфедератовъ до Кіева съ карабинер. полкомъ полковнику Панину отъ разныхъ чиселъ ордерамъ изъ со-

держащихся здѣсь подъ карауломъ конфедератовъ отпущено на волю, по взятіи съ нихъ рецессовъ и реверсовъ, 52 человѣка по приложенному при семъ списку. Но какъ содержаніе достальныхъ и въ нынѣшнее время здѣсь не только въ тягость, но и опасно, то не соизволено ль будетъ ихъ отсюда отдалить во внутреннія мѣста, на что испрашиваю себѣ высоч. указа.

33) Съ напоминаніемъ о необходимости отправить плѣнныхъ конфедератовъ изъ Кіева во внутрь Имперіи,—отъ 1-го декабря за № 82.

Вслѣдствіе всеподд. моей отъ 17-го ноября реляціи дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше напомянуть, что содержаніе въ Кіевѣ подъ карауломъ присланыхъ изъ Польши конфедератовъ въ нынѣшнее время здѣсь не только въ тягость, но и опасно, которыхъ не соизволено ль будетъ отсюда во внутреннія мѣста отдалить, испрашиваю себѣ высоч. указа. Съ оныхъ же конфедератовъ, послѣ всениж. отъ меня о умершихъ 36 человѣкахъ донесенія, по 27 число сего декабря умерло жъ 78 человѣкъ.

34) Объ отправкѣ плѣнныхъ конфедератовъ изъ Кіева въ Казань,—отъ 21-го декабря за № 84.

Во всеподд. исполненіе всевысоч. В. И. В. имен. за собственноручнымъ подписаніемъ указа отъ 22 минувшаго ноября, коимъ всемил. мнѣ повелѣвается содержащихся здѣсь въ Кіевѣ изъ Польскихъ конфедератовъ плѣнныхъ въ Казань для такого жъ содержанія съ достаточнымъ конвоемъ отправить, дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что какъ дача конвоя и заготовленіе потребнаго числа подводъ въ Малой Россіи по прямѣйшему тракту къ Казани зависитъ отъ распоряженія г. ген.-анш. гр. Румянцова, то я не преминулъ о всемъ томъ его сіят-ву сообщить; а между тѣмъ получилъ я отъ упомянутаго графа при письмѣ копію со всевысоч. В. И. В. имен. указа, коимъ всемилостивѣйше повелѣвается плѣнныхъ конфедератовъ, по общему съ нимъ согласію, отсюда отправить, а именно: дворянъ всѣхъ и оберъ-офицеровъ до времени въ Казань, а рядовыхъ распредѣлить въ службу, въ чемъ по всеподданной моей должности, по сношенію съ нимъ г. ген. гр. Румянцовымъ, что за найспособнѣйше найдемъ, точное исполненіе учинить и В. И. В. во свое время раболѣпнѣйше донести не преминемъ.

Реляціи 1769-го года

по пограничнымъ съ Польшей, Крымомъ и Турціей дѣламъ.

1) О присматриваніи въ Запорожской Сѣчи за подосланнымъ туда эмиссаромъ Тотлебеномъ,—9 января за № 1.

Всевысочайшій В. И. В. именой за собственноруч. подписаніемъ указъ отъ 17-го истекшаго декабря мѣсяца о взятіи надлежащей предосторожности въ Запорож. Сѣчи отъ интригъ подосланнаго туда отъ Франціи эмиссара Тотлебена, который изъ службы В. И. В. выгнанъ, по употребленіи всевозможныхъ мѣръ и способовъ къ поимкѣ онаго, я съ глубоч. благоговѣніемъ того жъ мѣсяца 31 числа получить удостоился, на который В. И. В. всепод. доношу: какъ скоро только я изъ Польши отъ ден.-поруч. Салтыкова о томъ увѣдомленъ былъ, то того жъ числа ордеромъ ген.-м. Исакову отъ меня подтверждено: немедленно исправнаго и надежнаго офицера, знающаго персонально Тотлебена, туда отправить, давъ ему достаточное, по моему предписанію, наставленіе по рилежнѣйшемъ присматриваніи между тамошнимъ народомъ помянутого эмиссара, которой безъ сумнѣнія не въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, но можетъ быть въ польскомъ или козацкомъ платьи, для свободнѣйшаго своей роли игранія, между Запорожцами шататься будетъ; а по примѣтѣ и дѣйствительномъ опознаніи онаго явиться ему у кошевого атамана и подать оному мой ордеръ, коимъ кошевому найсильнѣйше рекомендовано его, Тотлебена, тотчасъ арестовать и подъ крѣпч. карауломъ съ помянутымъ офицеромъ къ ген.-м. Исакову отправить; а сему предписано подъ такимъ же карауломъ онаго сюда ко мнѣ прислать. Вслѣдствіе чего кап. Марковичъ 17 числа минувшаго мѣсяца въ Сѣчь и отправленъ, гдѣ и понынѣ находится; но, знатно, помянутой эмиссаръ еще туда не прибылъ.

Я о сей французской интригѣ и Донскаго атамана Ефремова предостеречь не преминулъ, паче для того, чтобъ Тотлебенъ, яко командовавшій немалое время Донскими козаками, имѣя многихъ изъ оныхъ знакомыми, не отважился иногда на Донъ въ ихъ станицы ѣхать для разсѣянія своихъ плевелъ между тамошнею подлостію, которая авантажными посулами и блескомъ злата легко на всякое предпріятіе преклонена быть можетъ.

2) Объ отправленіи въ Запорожскую Сѣчь высоч. грамоты съ маіоромъ Воейковымъ,—9 января за № 2.

В. И. В. высоч. рескриптъ отъ 19 минувшаго декабря, со вложенною всевысоч. грамотою къ Запорожскому войску и съ копіею оной для моего свѣдѣнія, я 29-го того жъ мѣсяца исправно получить удостоился. Во всепод. исполненіе В. И. В. повелѣній, по неимѣнію здѣсь въ гарнизонѣ и при губ. канц. для такой посылки надежныхъ офицеровъ, ибо кап. Бастевикъ еще у хана Крымскаго въ полону, оная В И. В. грамота при моемъ письмѣ, съ котораго здѣсь точная копія подносится, отправлена чрезъ секундъ-маіора Воейкова, снабдѣннаго достаточнымъ наставленіемъ примѣчать и развѣдывать, какое по полученіи возымѣетъ дѣйствіе и въ какихъ мысляхъ войско Запорожское въ разсужденіи В. И. В. нынѣ находится; а что имъ примѣчено и развѣдано будетъ, В. И. В. въ свое время раболѣп. донести долженствую.

3) О происшедшемъ въ Сѣчи бунтѣ и усмиреніи онаго кап. Марковичемъ,—отъ 3 января за № 3.

Послѣ отправленія упомянутаго въ предыдущей рабской моей реляціи сек.-м. Воейкова въ Запорож. Сѣчь, на третій день получилъ я отъ ген.-м. Исакова репортъ изъ крѣпости св. Елисаветы отъ 30 числа прош. декабря, который, по репорту къ нему отъ находящагося въ Новосѣченскомъ ретранаментѣ маіора Микулишина, мнѣ знать далъ, что 26 того жъ мѣсяца въ Сѣчи отъ собравшейся многочисленной подлости Запорож. козаковъ, называемой сиромахами, въ вечеру, по пробытіи уже тапты (sic), сдѣлано возмущеніе разломаніемъ тюрьмы и освобожденіемъ всѣхъ колодниковъ, съ намѣреніемъ всѣхъ своихъ старшинъ убить и имѣніе оныхъ разграбить, что и въ дѣйство производить начали; но кошевой съ старшиною имѣлъ случай укрыться въ

ретранаментъ, а имѣніе оныхъ разграблено и жилище разорено. Правда, сіе непріятное происшествіе, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, немалую мнѣ заботу причинило. Я объ ономъ, не взирая на то, что отъ ген.-м. Исакова прямо чрезъ нарочнаго ген.-анш. гр. Румянцову репортовано, ни мало не мѣшкавъ, и отъ себя съ нарочнымъ знать далъ и мои по тому мысли о скорѣйшемъ такого взволнованія успокоеніи посылкою туда деташемента сообщилъ. Но изъ полученнаго отъ 2 числа помянутаго жъ ген.-м. Исакова репорта и приложеній къ оному, съ коихъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подносятся точныя копіи, усмотрѣлъ я, что возмущеніе подлости хорошимъ и отважнымъ поступкомъ случившагося тамо Желт. гусар. полку капитана Константина Марковича, которой для примѣчанія Тотлебена по моему ордеру туда отправленъ, какъ всеподд. моею реляціею № 1 В. И. В. донесено, 27-го числа того жъ декабря безъ дальнѣйшихъ слѣдствій усмирено, и кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій со всею войсковою старшиною по прежнему возстановлены, о чемъ я немедленно г. ген.-анш. гр. Румянцова чрезъ нарочного увѣдомилъ [1]).

4) О возвращеніи изъ Сѣчи сек.-маіора Воейкова съ приложеніемъ экстракта изъ его репорта,—отъ 19 января за № 5.

Вслѣдствіе рабской моей реляціи № 2 отъ 9 сего января, В. И. В. съ глубоч. благовѣн. всеподд. доношу: отправленный отъ меня въ Запорож. Сѣчь со всевысоч. грамотою сек.-м. Воейковъ обратно прибылъ. Я дерзаю точную копію съ его репорта и присланное ко мнѣ войска Запорож. доношеніе В. И. В. раболѣпнѣйше при семъ подносить [2]). Изъ перваго всемил. усмотрѣть изволите, яко грамота В. И. В. принята съ подобающимъ рабскимъ благоговѣніемъ и въ прямыхъ Запорожцахъ немалое произвела дѣйствіе, кои, чувствуя В. И. В. монарше-матернюю безъ всякихъ заслугъ къ себѣ милость, великое оказывали удовольствіе; и кошевой атаманъ, имѣя неусыпное попеченіе доискаться точной причины бывшаго бунта и главныхъ онаго заводчиковъ,

[1]) Далѣе слѣдуетъ краткая реляція лишь о полученіи донесеній Могилевскаго пріятеля и князя Прозоровскаго отъ 9 января за № 4; самыхъ же при ней донесеній не оказалось.

[2]) При чернов. реляціи имѣется только приводимый ниже экстрактъ изъ репорта Воейкова.

требуетъ присылки въ Сѣчь регулярнаго войска команды, которая уповательно уже туда и прибыла, ибо отъ командующаго второю арміею г. ген.-аншъ. гр. Румянцова одинъ пѣхотн. баталіонъ туда уже командированъ. Впрочемъ, реченный маіоръ словесно мнѣ объявилъ, что Татарскаго войска Едичкульской орды десять тысячъ стоитъ при урочищѣ Рогачикѣ противъ Сѣчи за р. Днѣпромъ, разстояніемъ отъ Сѣчи около 4 верстъ; однако по 12 число сего р. Днѣпръ въ той сторонѣ еще льдомъ не покрыта была; на обороты коихъ отъ Запорожцовъ удобовозможно примѣчаніе дѣлается, и крайняя осторожность наблюдается; и какое отъ нихъ движеніе впредь учинено будетъ, о томъ по полученіи извѣстія всеподд. донести не премину.

Приложеніе: Экстрактъ изъ репорта, поданнаго сек.-м. Воейковымъ, 17-го января 1769 г.

По прибытіи моемъ въ Новосѣченской ретранжаментъ 7-го января и обвѣщаніи кошевому атаману Петру Калнишевскому объ отправленіи моемъ изъ Кіева для доставленія ему всевысоч. Е. И. В. грамоты, встрѣченъ я по обыкновенію кошевымъ, всею старшиною, духовенствомъ и многимъ числомъ козаковъ у самыхъ воротъ, гдѣ у меня грамота съ великимъ почтеніемъ принята и несена кошевымъ атаманомъ до самой церкви, въ дверяхъ оной отдана войсковому писарю, которымъ всему собранному войску вслухъ читана; а по окончаніи кошевой атаманъ, прослезясь, войску, котораго въ собраніи было болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, слѣдующее говорилъ: сколько сія Е. И. В. войску Запорожскому безъ всякихъ заслугъ оказанная монарше-матерняя милость велика, столько больше каждый вѣрно присяжный войска Запорож. козакъ долженъ стараться, паче же при нынѣшнемъ обстоятельствѣ, противъ главнаго врага рода христіанскаго жертвованіемъ своей жизни оную заслужить. Послѣ сего все собраніе въ церковь вошло и, по отпѣтіи молебна за здоровье Е. И. В., приглашено было къ кошевому въ курень, гдѣ такожде отъ кошевого нѣсколькократно прежніе слова всей старшинѣ, атаманамъ и козакамъ въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ повторены.

Въ бытность мою тамъ по 12 число сего м-ца я примѣтить могъ, что всевысоч. грамота генерально всѣхъ тамошнихъ обывателей, т. е. настоящихъ Запорожскихъ козаковъ, кои повидимому всѣ благонамѣрены, гораздо тронула, ибо они о сей монаршей милости между собою съ великимъ удовольствіемъ отзывались, въ чемъ меня и старшина Ляхъ найсильнѣйше увѣрялъ. А между тѣмъ кошевой атаманъ мнѣ открывался, что по бывшему

отъ сиромахъ взволнованію онъ крайне необходимымъ признаваетъ имѣть въ Сѣчи для своего подкрѣпленія и ободренія благонамѣренныхъ козаковъ нѣсколько регулярнаго войска, при которомъ онъ гораздо смѣлѣе и поважнѣе поступить могъ бы не только въ сысканіи, но и строжайшемъ по ихъ воинскимъ обрядамъ наказаніи зачинщиковъ бывшаго бунта, ибо такихъ злодѣевъ, особливо по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, безъ упущенія времени наказать и совсѣмъ искоренить должно.

5) Объ отправленіи плѣнныхъ конфедератовъ въ Казань,—отъ 19 января за № 6.

Во всениж. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія объ отправленіи содержащихся здѣсь польскихъ плѣнныхъ въ Казань всепод. доношу, что по общему согласію съ командующимъ второю арміею ген.-анш. гр. Румянцовымъ транспортъ оныхъ не только учрежденъ, но и сего мѣсяца 17 числа начался слѣдующимъ образомъ, а именно: по количеству здоровыхъ раздѣлены они на четыре партіи, въ каждой считается по сту человѣкъ; партія за другою слѣдовать имѣетъ чрезъ три дни, для того чтобъ заготовленныя подъ первую тридцать пять подводъ успѣли оборотъ сдѣлать къ отвозу послѣдующихъ, чѣмъ обывателямъ по тракту съ поставкою другихъ подъ оныя повозокъ не малое сдѣлано быть можетъ облегченіе. Всѣ плѣнные снабжены потребнымъ платьемъ и обувью въ разсужденіи зимняго времени. При каждой партіи отправляется одинъ оберъ-офицеръ съ довольнымъ конвоемъ, снабженный на всякой предвидимый случай достаточнымъ наставленіемъ, то къ и по разсчету на платежъ прогонныхъ и продовольствованіе пищею до Казани деньгами; а губернатору того мѣста чрезъ нарочнаго предварительно о всевысоч. В. И. В. соизволеніи касательно принятія и содержанія сихъ плѣнныхъ отъ меня знать дано. Итакъ, по отправленіи отсюда сихъ арестантовъ, не премину всенижайше донести, въ какую сумму содержаніе оныхъ здѣсь и отправленіе до Казани казнѣ В. И. В. стало.

6) О трехъ секретныхъ арестантахъ,—отъ 19 января за № 7.

В. И. В. всепод. доношу, что присланный изъ Польши отъ ген.-м. Кречетникова секретный безъимянный арестантъ, о коемъ В. И. В. прошлаго году реляціею № 14 раболѣпн. донесено, на сихъ дняхъ умре,

а остался одинъ секретной же арестантъ Марекъ, котораго до указу В. И. В. здѣсь подъ строжайшимъ карауломъ на солдатской пищѣ содержать велѣно; такожде одинъ черногорецъ, о которомъ В. И. В. прошлаго жъ году реляціею № 61 всениж. донести не преминулъ. Я дерзаю у В. И. В. при напамятованіи о сихъ двухъ арестантахъ съ глубоч. благоговѣніемъ испросить себѣ всевысоч. указа, не повелѣно ль будетъ и оныхъ куда либо далѣе отсюда отправить.

7) О возвращеніи одного изъ посланныхъ къ Едисанскимъ мурзамъ эмиссаровъ и привезенныхъ имъ свѣдѣніяхъ,—отъ 19 января за № 8.

Съ глубоч. благоговѣніемъ В. И. В. всепод. доношу, что одинъ изъ отправленныхъ къ Едисанскимъ мурзамъ эмиссаръ третяго дня возвратился, который по несчастію разъѣздомъ Турецкимъ въ околичности Балты 2 сего м-ца пойманъ и за шпіона ханскому сыну сераскеръ-султану въ Балтѣ представленъ; и какъ оной снабденъ былъ отъ одного польскаго шляхтича къ находящемуся въ томъ же мѣстѣ маршалку конфедераціи Оранскому рекомендательнымъ письмомъ для прикрытія своей посылки, то отъ сераскеръ-султана къ реченному Оранскому подъ карауломъ посланъ, отъ котораго такожде Туркамъ отданъ былъ, однако, послѣ трехъ-дневнаго подъ строжайшимъ карауломъ содержанія, допроса и обыска, хитрою и весьма искусною выдумкою въ Польшу ушелъ, откуда возвратясь сюда, показалъ, что (въ) Польской Балтѣ замокъ для хана Крымскаго, который въ Турецкую Балту на другой день послѣ отъѣзда его оттуда, т. е. 6 сего января, прибыть имѣлъ, очищаютъ и исправляютъ; войска Турецкаго онъ болѣе какъ съ тысячу человѣкъ, да и то тамошнихъ околичностей обывателей, при сераскеръ-султанѣ не видалъ, а Татаръ по сказкамъ съ небольшимъ тридцать тысячъ при ханѣ и сераскеръ-султанѣ находится, которые раздѣлены быть имѣютъ на три части: первая съ сераскеръ-султаномъ назначена на границы В. И. В. чрезъ Орловскій форпостъ, другія же двѣ съ ханомъ вступятъ въ Польшу яко бы къ Умани, но, оттуда куда поворотятъ, неизвѣстно; что ханъ Крымскій призывалъ къ себѣ Едисанскихъ и Буджац. мурзъ для совѣту, отъ которыхъ требовалъ мнѣнія, какимъ образомъ съ Россіею войну продолжать и гдѣ лучше въ Россійскія границы впасть, которые, по согласію Хаджи-Капланъ-мурзы, хану Крымскому сказали, что они безъ явной причины про-

тивъ Россіи войны вчать не намѣрены; чѣмъ ханъ оскорбясь велѣлъ 10 мурзъ въ тюрьму посадить, кои и по нынѣ содержутся, отчего въ тѣхъ ордахъ неудовольствіе и роптаніе произошло, а потому и нѣкоторой видъ къ мятежу оказывается, еже и отъ протчихъ нарочно для развѣдываній посланныхъ подтверждено, какъ В. И. В. изъ поднесеннаго при семъ экстракта всемил. усмотрѣть изволите [1]).

Съ другой стороны, асессоръ Чугуевецъ и Запорожскій переводчикъ Андрей Константиновъ увѣдомляютъ, что три надежные человѣка изъ посланныхъ въ Едисанскую орду эмиссаровъ, а именно къ Хаджи-Капланъ-мурзѣ и Бей-мурзѣ, Чугуевцова брату, и къ Джай-Темиръ-мурзѣ, еще не возвратились; однако они великую надежду имѣютъ къ нѣкоторому успѣху въ ввѣренной имъ коммиссіи, а что между тѣмъ по оной произойдетъ, В. И. В. въ свое время донести долженствую.

Я не преминулъ о всѣхъ сихъ Татарскихъ и Турецкихъ обращеніяхъ и сближеніи къ границамъ отъ меня главнокомандующимъ обѣими В. И. В. арміями ген.-аншефамъ сообщить, чѣмъ и въ-предь, сколько до меня доходить будетъ, продолжать не оставлю.

8) Объ отправкѣ трехъ партій плѣнныхъ поляковъ въ Казань, о требованіи Репнина освободить пятерыхъ шляхтичей,—отъ 28 января за № 10.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія объ отправленіи плѣнныхъ конфедератовъ, раболѣпн. доношу, что по отпускѣ сего три партіи, въ каждой по сто человѣкъ, всениж. реляціею № 6 донесеннымъ образомъ отсюда уже въ Казань посланы, а четвертая къ завтрему готовится, послѣ которой и знатные шляхтичи, всего четыре человѣка, туда жъ препровождены быть имѣютъ. Но какъ между тѣмъ отъ ген.-поруч. кн. Репнина получены два письма отъ 11 и 8 числа сего м-ца, коими требуетъ освобожденія и выпуску заграницу плѣнныхъ шляхтичей, а именно: Каминскихъ двухъ, Бѣлецкаго, Мечниковскаго и Рыльскаго, всего пяти человѣкамъ, если оное всевысоч. В. И. В. повелѣніямъ противно не будетъ, то я, уважая силу сего выраженія, безъ всепод. В. И. В. о томъ доклада, помянутыхъ шляхтичей осво-

---

[1]) Экстракта этого при чернов. реляціи нѣтъ.

бодить не осмѣлился, но оставилъ оныхъ здѣсь на прежнемъ содержаніи до полученія высоч. В. И. В. указа: въ отечество ли ихъ отпустить или вслѣдъ за другими въ Казань отправить?[1])

9) Объ отправленіи ко Двору черногорца Плавковича и писаря Якова Ѳедорова,—отъ 14 февраля за № 13.

В. И. В. высоч. два рескрипта отъ 27 минувшого генваря объ отправленіи по Двору В. И. В. содержащагося здѣсь подъ карауломъ черногорца бывшаго Аѳонской горы игумена Плавковича и прибывшаго изъ Каушанъ писаря Дубоссарскаго воеводы Якуба я 6 числа сего м-ца исправно получить удостоился, на которые съ глубоч. благовѣніемъ В. И. В. всепод. доношу: черногорецъ отъ ареста освобожденъ, и чрезъ канц. сов. Веселицкаго высоч. милость ему объявлена; но по причинѣ выдержанной имъ въ арестѣ болѣзни, отъ которой еще въ слабомъ находится состояніи, просилъ онъ отвесть ему пристойную квартиру, придать для услуги человѣка и дозволить здѣсь до выздоровленія пробыть, чѣмъ и удовольствованъ, а по выздоровленіи повелѣннымъ образомъ отсюда отправленъ быть имѣетъ; елико же до писаря Якова Ѳедорова принадлежитъ, то оной по исправленіи своихъ къ продолженію пути надобностей, принятіи 20 рублевъ на проѣздъ и снабденіи двумя для препровожденія рейтарами при семъ къ высоч. В. И. В. Двору отправленъ.

10) Объ извѣстіяхъ отъ ген.-м. Исакова о дѣйствіяхъ его противъ Татаръ,—отъ 14 февраля за № 14.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи отъ 3 сего февраля о непріятельскихъ обращеніяхъ, пріемлю смѣлость В. И. В. всепод. донести, что ген.-м. Исаковъ отъ 9 сего же м-ца изъ Архангельска репортуетъ, яко непріятель уже въ Балту возвратился, и одинъ султанъ съ частію Татаръ на Кривое озеро отпущенъ, а достальное войско по извѣстіямъ такожде къ своимъ жилищамъ распущено быть имѣло; что командированный съ деташементомъ легкихъ войскъ вслѣдъ за непріятелемъ для поисковъ

[1]) Слѣдуетъ упомянуть здѣсь еще о реляціи съ препровожденіемъ экстракта журнала ген.-м. Исакова о дѣйствіяхъ противъ непріятелей (копіи же этого экстракта при чернов. реляціи нѣтъ),—отъ 3 февраля за № 12.

полковникъ кн. Багратіонъ, возвратясь къ корпусу, репортовалъ, яко бы за весьма скорымъ слѣдованіемъ Татаръ къ своимъ границамъ онъ съ деташементомъ, сколько ни старался, ихъ достигнуть не могъ, и удалось только однимъ его передовымъ партіямъ на непріятельскій аріергардъ напасть и нѣсколько человѣкъ побить; что преслѣдуемый непріятель потерялъ четырехъ верблюдовъ и нѣкоторое число скота, такожде освобождено изъ плѣну нѣсколько человѣкъ Россійскихъ и Польскихъ подданныхъ, и что посланная для подлиннѣйшаго о непріятелѣ развѣданія небольшая партія, возвратясь, объявила, что до самой Саврани доѣзжала, и непріятеля нигдѣ не нашла, ибо оный уже въ Балту прибылъ; почему онъ, ген.-м. Исаковъ, весь свой корпусъ въ провинціи кордономъ расположилъ и форпостнымъ командирамъ паисильнѣйше подтвердилъ удобвозможную предосторожность по границѣ имѣть и сверхъ обыкновенныхъ разъѣздовъ частыя партіи заграницу посылать для развѣдыванія о непріятелѣ.

11) О прибытіи изъ плѣна кап. Бастевика,— отъ 14 февраля за № 15.

Вчера прибылъ сюда арестованный еще въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Каушанахъ бывшимъ Дубоссарскимъ воеводою Якубомъ кап. Бастевикъ, который объявилъ, что онъ съ бывшими при немъ здѣшнимъ мѣщаниномъ и семью конвойными козаками, по приказу ханскому, спустя три дня послѣ выступленія онаго съ войскомъ изъ Каушанъ къ Балтѣ однимъ мурзою и тремя Татарами подъ карауломъ чрезъ Ясы въ Хотинъ къ тамошнему пашѣ отправленъ былъ съ такимъ предписаніемъ, чтобъ Хотинскій паша чрезъ нарочнаго о освобожденіи его увѣдомилъ Польскаго генералъ-маіора и крѣпости Каменца-Подольскаго коменданта, требуя отъ него присылки къ границѣ команды для принятія въ свое охраненіе, а въ пріемѣ и доставленіи его съ находящимися при немъ въ ближнюю Россійскую команду надлежащей росписки, что реченнымъ комендантомъ охотно и учинено. Какіе же онъ, Бастевикъ, будучи подъ арестомъ въ Каушанахъ и въ проѣздѣ до Каменца-Подольского, примѣчанія сдѣлалъ и что о непріятельскихъ предпріятіяхъ развѣдать могъ, всему тому сочинлетъ обыкновенную поденную записку, которую немедленно къ В. И. В. при рабскомъ моемъ доношеніи отправить долженствую.

12) О напечатаніи въ Кіево-Печерской Лаврѣ манифестовъ къ славянскимъ народамъ,—отъ 4 марта за № 19.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. именного за собственноруч. подписаніемъ повелѣнія отъ 23 минувш. генваря, раболѣпн. доношу, яко манифесты на трехъ языкахъ изъ печати уже вышли; и напечатано оныхъ на каждомъ языкѣ по 130, изъ коихъ главнокомандующимъ арміями В. И. В. отослано: первому по 70 экземпляровъ, а на греческомъ 55; второму по 30, а на греческомъ 25; достальные же отданы будутъ подполковнику Каразину, который на сихъ дняхъ отсюда отправиться имѣетъ, ибо и свидѣтельство уже ему отъ здѣшняго архимандрита дано.

Приложеніе: Копія свидѣтельства монаху Симеону на свободный пропускъ его въ заграничные монастыри.

Святыя великія чудотворныя Лавры Печерскія Кіевскія архимандритъ Зосима Валькевичъ.

Всѣмъ чтущимъ и слышащимъ сіе правовѣрнымъ христіаномъ, желая отъ дому Богоматери сея св. Лавры благословенія, извѣстно творимъ, что предваритель сего Словено-сербской націи Далматской уроженецъ, Венеціанской республики подданный, Симеонъ Путнинъ, прибывъ въ 1765 году по обѣщанію своему изъ отечества въ нашу Лавру для поклоненія св. мощамъ, принялъ въ оной по собственному изволенію чинъ монашеской, а нынѣ возжелалъ для спасенія души своей путешествовать заграницу въ другія св. мѣста; того ради мы всѣхъ христіанскихъ земель и областей начальниковъ, духовныхъ и мірскихъ, смиренно молимъ оному монаху Симеону въ пути его чинить свободной пропускъ и дозволить пребываніе въ монастыряхъ съ христіанскимъ призрѣніемъ, за что да воздастъ имъ Господь Богъ, въ Троицѣ прославляемый. Писася сіе въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ и нашею рукою и печатью лаврскою утверждено марта 26 дня 1766 г. (?).

13) О поискахъ кошевого атамана за непріятелемъ,—отъ 4 марта за № 20.

В. И. В. всепод. доношу, что выступившій за Днѣпръ 3 числа прош. февраля для поиска надъ Крымскою и Едичкульскою подъ предводительствомъ Калги-султана набѣги на границы В. И. В. въ Терскую и Бахмутскую стороны дѣлавшими ордами кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій съ старшиною и доброконными козаками, какъ изъ репорта сек.-м. Микулишина отъ 13 того жъ февраля видно, не

встрѣтясь съ непріятелемъ и не нагнавъ онаго, но удовольствуясь однимъ только сожженіемъ свезеннаго Татарами немалаго въ аулы запаса сѣна, 12 февраля обратно въ Запорож. Сѣчь прибылъ, а на другой день, свѣдавъ, что посланная внизъ по Днѣпру для поиску жъ въ Татарскіе аулы Запорожская пѣхотная партія еще не возвратилась, немедленно въ подкрѣпленіе немалую конную и пѣхотную команду туда жъ послалъ; но возъимѣетъ ли оная какой успѣхъ, о томъ въ свое время В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ донести не укосню.

14) О присланныхъ княземъ Голицынымъ плѣнныхъ,—отъ 4 марта за № 21.

Отъ командующаго первою В. И. В. арміею генерала кн. Александра Мих. Голицына въ разные числа присланы ко мнѣ плѣнные два турка, одинъ волохъ, одинъ польской ксендзъ Войцехъ Островскій и одинъ полякъ, коихъ велѣно содержать здѣсь подъ карауломъ до всевысоч. В. И. В. указа, производя ксендзу противъ лучшихъ конфедератовъ на пищу, а протчимъ по три коп. въ день; да плѣненныхъ подъ м. Круты поляковъ 125 и дезертировъ 4 человѣка, съ тѣмъ чтобъ конфедератовъ отправить въ Казань, а съ дезертирами поступать по военному правилу. Сверхъ же того мнѣ знать дано, что отъ находящагося въ Польшѣ генерала-маіора кн. Прозоровскаго отправлено нѣсколько человѣкъ молдавцовъ по ихъ желанію въ Елисаветгр. провинцію на поселеніе; о принятіи и помѣщеніи оныхъ въ тѣ селенія, кои ближе къ Днѣпру, отъ меня предписано. Но какъ статься можетъ, что и впредь многіе изъ молдавцевъ и тамошнихъ пограничныхъ поселянъ, убѣгая отъ Турецкаго гоненія и опасностей войны, по единовѣрію прибѣгать будутъ подъ защиту В. И. В., желая селиться въ Елисаветгр. провинціи, то пріемлю смѣлость предварительно у В. И. В., какъ на сіе, такъ и ежели болѣе Турецкихъ плѣнныхъ сюда изъ арміи присланы быть имѣли бъ, куда оныхъ отправлять, всемил. испрашивать указа, ибо содержаніе сихъ послѣднихъ въ здѣшней погранич. крѣпости было бы только въ тягость здѣшнему малолюдному гарнизону.

15) О требованіи кн. Репнина освободить нѣкоторыхъ плѣнныхъ конфедератовъ,—отъ 4 марта за № 22.

В. И. В. дерзаю всепод. донесть, что изъ находившихся здѣсь

конфедератовъ отправлено понынѣ въ четырехъ партіяхъ 390 человѣкъ, а затѣмъ остались здѣсь больные, кои по выздоровленіи такожде отправлены быть имѣютъ. Но какъ между тѣмъ отъ обрѣтающагося въ Варшавѣ В. И. В. полномоч. посла кн. Репнина я вдругъ чрезъ нарочнаго три письма отъ разныхъ чиселъ прошлаго генваря получилъ, коими требуетъ, по домогательству тамошнихъ знатныхъ пріятелей, освобожденія нѣсколькихъ шляхтичей отъ конфедератовъ; если оное всевысоч. В. И. В. соизволенію противно не будетъ, изъ коихъ большая часть уже въ Казань отправлена, то я за сходственно призналъ тѣхъ шляхтичей, кои отсюда еще не усланы, оставить здѣсь до полученія отъ В. И. В. высоч. указа, освободить ли ихъ или нѣтъ, о чемъ и помянутаго полномоч. посла увѣдомить не оставилъ.

16) Объ отправленіи изъ Кіева подп. Каразина съ манифестами,—отъ 27 марта за № 24.

В. И. В. отъ 4 марта сего всеподд. донесено, яко манифесты изъ печати вышли .... а теперь съ глубоч. благоговѣніемъ присовокупить осмѣливаюсь, что помянутый подполковникъ, по исправленіи надобной ему одежды и протчаго, что до безопаснѣйшаго продолженія его странствованія къ г. Букурешты принадлежало, 14 числа сего жъ мѣсяца отсюда въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи по почтѣ отправился и слѣдовать имѣетъ на Летичевъ, оставляя Каменецъ-Подольскій гораздо влѣво, дабы иногда конфедератамъ или Турецкимъ по Днѣстру разъѣздамъ не попасться. А у послѣдняго войскъ В. И. В. форпоста намѣренъ онъ командиру онаго оставить свое платье и, переодѣвшись въ иноческое, въ образѣ монаха чрезъ Галицкій уѣздъ пробираться къ пустынному монастырю, называемому Великій Скитъ, который въ реченномъ уѣздѣ на самой границѣ, въ горахъ, противъ того мѣста, гдѣ къ Трансильваніи Молдавія примкнула. При себѣ явного имѣетъ: данное ему отъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры письменное свидѣтельство; одну старую псалтырь, въ доскахъ которой весьма непримѣтно скрыта грамота къ бану; одну такую деревянную фляшку, въ каковыхъ странствующіе тамошнихъ краевъ иноки для утоленія въ пути жажды обыкновенно воду держатъ; она сдѣлана двудонная и служитъ къ сохраненію посылокъ; одни четки и одинъ изъ простого дерева монашеской посохъ, въ коемъ умѣстилось по 10 экзем-

пляровъ манифеста на Греческомъ, Словено-сербскомъ и Волоскомъ языкахъ. По прибытіи его въ семъ приборѣ въ помянутый пустынный монастырь выпросить намѣренъ у тамошняго начальника, яко состоявшаго подъ вѣдомствомъ знаменитаго въ Молдавіи Сочавскаго монастыря, одного себѣ спутника для препровожденія до онаго, откуда онъ посредствомъ и способствованіемъ архимандрита уповаетъ безопасно препровожденъ даже быть до г. Букурешта или до того мѣста, гдѣ баш Кантакузенъ находиться будетъ. В. И. В. изъ сего моего всеподд. доношенія всемилост. усмотрѣть изволите, что сей посланной въ бытность его здѣсь, уважая критическія обстоятельства и нѣжность своей коммиссіи, старался все то, елико до безпечнаго продолженія его пути и скрытія своего предпріятія касаться могло, найлучше распорядить, избирая ближайшіе способы, каковы только придуманы быть могли, въ свою предосторожность; но со всѣмъ тѣмъ удача въ его предпріятіи кажется подвержена немалой опасности и зависитъ отъ жребія, которой со временемъ откроется.

17) О полученіи указа относительно отправленія изъ Кіева плѣнныхъ,—отъ 28 марта за № 25.

В. И. В. высоч. именной за собственноруч. подписаніемъ указъ отъ 7 сего марта, коимъ всемилост. повелѣвается: Турецкимъ плѣннымъ до дальняго повелѣнія производить въ день на пропитаніе каждому по три коп.; плѣнныхъ Польскихъ конфедератовъ, сколь скоро поумножится, отсылать по прежнимъ примѣрамъ въ Казань, съ увѣдомленіемъ тамошняго губернатора, годныхъ ко службѣ опредѣлять въ гарнизоны, а протчихъ отсылать далѣе въ Сибирь, препровождая оныхъ отсюда небольшими командами изъ гарнизона и приказывая на помочь онымъ отъ селенія до селенія достаточное число провожатыхъ давать; Турецкихъ и Татарскихъ плѣнныхъ, когда оныхъ нарочито соберется, отсылать съ равными прикрытіями въ Москву, требуя отъ тамошняго губернатора отправленія оныхъ далѣе въ Архангельской городъ точно тѣмъ образомъ, какъ оные къ нему приводимы будутъ, и чтобъ Молдавскихъ выходцовъ, кои добровольно являться станутъ, принимать съ ласкою и дѣлать имъ всякое нужное вспоможеніе, давая имъ для жилища мѣста въ Новороссійской губ., наипаче же въ Екатеринин. провинціи, и проч.,—я удостоился 24 сего жъ м-ца съ глубоч. получить благоговѣніемъ, по которому точнѣйшее исполненіе чинить и въ свое время В. И. В. всеподд. доносить не премину.

18) По репорту ген.-м. Лебеля о появившихся въ Смьлянскомъ, Ковельскомъ и Уманскомъ уѣздахъ гайдамакахъ,—отъ 12 апрѣля за № 27.

Пріемлю смѣлость В. И. В. всеподд. донести, что, получа отъ посланнаго главнокомандующимъ второю арміею ген. гр. Румянцовымъ въ Елисаветгр. провинцію на смѣну ген.-м. Исакову для командованія тамошними войсками ген. м. Лебеля извѣстіе отъ 22 прошлаго марта, яко изъ проявившихся по близости Новорос. губ. въ Смѣлянскомъ, Канев. и Уман. уѣздахъ Украины Польской вновь подъ разными затяжчиками гайдамацкихъ шаекъ Черн. губ. полку капитаномъ Эрделіемъ одна подъ с. Лебединымъ атакована, нѣсколько человѣкъ изъ оной побиты и десять въ полонъ взяты, а прочіе въ лѣсъ разбѣжались, при которомъ сраженіи одинъ только гусаръ убитъ и одинъ прапорщикъ раненъ; что кошевой атаманъ его, генералъ-маіора, увѣдомилъ, яко 30 человѣкъ Запорожцевъ изъ Коша самовольно отлучились знатно для гайдамачества, и что по выступленіи пѣх. полковъ изъ той провинціи гайдамаки изъ необузданныхъ Запорожцевъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и слободахъ небольшими толпами являться стали безъ сомнѣнія для подговору изъ тамошнихъ поселянъ къ пріумноженію своихъ разбойническихъ шаекъ бездѣльниковъ,—и предвидя, что отъ такого злодѣйскаго сборища немалое бѣдствіе всей провинціи и смежности нанесено быть можетъ, немедленно какъ ему генералу-маіору, такъ и Новорос. губ. канцел. найсильнѣйше предписалъ: всѣмъ начальникамъ селеній приказать найстрожайше подчиненнымъ подтвердить, чтобъ подъ опасеніемъ найжесточайшаго истязанія и наказанія отнюдь никто не дерзнулъ присоединяться къ такимъ мерзкимъ злодѣйскимъ шайкамъ, которыя войсками В. И. В. всемѣрно истреблены будутъ, ибо по поимкѣ уже никакія отговорки и резоны таковымъ въ оправданіе и извиненіе служить не могутъ; и между тѣмъ бы по общему условію всѣ удобвозможныя мѣры и способы употребили не только къ благовременному отвращенію непріятныхъ слѣдствій, кои въ селеніяхъ той провинціи отъ разбойническихъ шаекъ произойти могли бъ, но и къ совершенному оныхъ искорененію, употребя на то, если необходимость востребуетъ, за неимѣніемъ пѣх. полковъ, по усмотрѣнію и нѣсколько пѣхоты изъ гарнизонныхъ крѣпости св. Елисаветы баталіоновъ, и что по тому происходить будетъ, меня репортовать.

Я не преминулъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и обоимъ главнокомандующимъ арміями генераламъ сообщить въ намѣреніи, что можетъ быть и они, съ своей стороны, какія либо мѣры и способы для скорѣйшаго истребленія тѣхъ злодѣевъ принять не оставятъ.

19) О набытіи Татаръ на Елисаветградскую провинцію,—отъ 12 апрѣля за № 28.

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всеподд. донести осмѣливаюсь, что въ присланныхъ изъ канц. Новорос. губ. вѣдомостяхъ о учиненномъ нашествіи Татаръ въ границы В. И. В. обывателямъ Елисаветградской провинціи, Луганскаго пикинернаго и Бахмутскаго коннаго полковъ урону хотя и показано въ плѣнъ взятыми обоего пола людьми въ Елисаветгр. провинціи 498, а побитыми обоего пола 345 человѣкъ, сожженіемъ четырехъ церквей, 1138 домовъ и пяти мельницъ, въ Луганскомъ пикинерномъ и Бахмутскомъ конномъ полкахъ обоего жъ пола плѣнными 364, побитыми только 12 человѣкъ; однако, что принадлежитъ до числа плѣнныхъ Елисаветградской провинціи, еже ничего подлиннаго показать не можно, потому что во время тревоги многіе изъ тамошнихъ обывателей, оставя свои жилища, въ разные Заднѣпровскія и Польскія мѣста безъ вѣдома переходили, ибо, по выступленіи уже непріятеля изъ помянутой провинціи, нѣсколько изъ таковыхъ безъизвѣстныхъ, кои въ плѣнныхъ полагались, въ свои жилища возвратились; изъ чего явно оказывается, яко Татары въ великомъ страхѣ находились отъ войскъ В. И. В., что они по прежнимъ примѣрамъ и ихъ обыкновенію не отважились на дальнѣйшія грабительства и разоренія тѣхъ краевъ.

20) Съ извѣстіемъ о смерти хана Крымъ-Гирея,—отъ 12 апрѣля за № 29.

В. И. В. съ глубоч. благовѣніемъ доношу, что отъ прибывшаго сюда вчера изъ Ясъ мѣщ.-волошенина Сандула, который отъ несносныхъ Турецкихъ наглостей и разореній оттуда въ послѣднихъ числахъ прошлаго марта мѣсяца ушелъ, свѣдано, что предъ симъ его изъ Ясъ выѣздомъ извѣстіе получено, яко бы Татарскій ханъ Крымъ-Гирей въ Каушанахъ умре, еже поводъ подало въ Ясахъ къ разсужденіямъ, что сіе неожиданное приключеніе сдѣлать можетъ немалую въ Турецкихъ военныхъ предпріятіяхъ разстановку; однако о подлинности сего увѣ-

риться еще не можно, то ожидаю отъ Могилевскаго пріятеля подтвержденія, о чемъ впредь В. И. В. рабо́лѣпнѣйше донести долженствую.

21) По увѣдомленію кошевого атамана о поимкѣ Запорожскою партіей на Очаковской степи Турецкаго разъѣзда и о показаніяхъ плѣннаго булюкъ-баши,—23 апрѣля за № 30.

Кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій отъ 3 сего апрѣля увѣдомляетъ, яко изъ отправленныхъ Запорожскихъ пѣшихъ партій на большихъ лодкахъ, называемыхъ дубахъ, внизъ по Днѣпру для учиненія надъ непріятелемъ возможныхъ поисковъ одна, состоящая въ 150 человѣкахъ, приплывши на шести дубахъ къ Очаковскому округу, вышла на берегъ и, пользуясь ночною темнотою, степью къ Очакову пошла съ намѣреніемъ нечаянно напасть на стоящихъ по извѣстію подъ Очаковомъ арнаутовъ; но между тѣмъ, встрѣтясь съ Турецкимъ Бешлійскимъ разъѣздомъ начальника оного булюкъ-башу Османъ-агу въ полонъ взяла, весь разъѣздъ разбила и въ добычу 16 лошадей получила; а какъ отъ плѣннаго булюкъ-баши свѣдано, что стоящіе подъ Очаковомъ арнауты всѣ въ крѣпость введены, то оная къ своимъ дубамъ возвратилась и, отправя булюкъ-башу съ тремя козаками въ Кошъ Запорожскій, вознамѣрилась при помощи Божіей подъ г. Кинбурнъ для такого жъ поиска идти. Приведшіе плѣннаго три козака въ Кошъ объявили, яко оный каждому изъ нихъ за свою свободу сулилъ по сто левковъ, по парѣ платья и по парѣ лошадей, въ чемъ и булюкъ-баша признался; однако они, какъ вѣрноприсяжные В. И. В. подданные, присягу и вѣрность свою тѣмъ нарушить не хотѣли. Реченный булюкъ-баша Османъ-ага въ Войсковой канцеляріи допрашиванъ и слѣдующее объявилъ: прошедшаго-де марта 22 дня онъ въ ночномъ разъѣздѣ отъ Очакова разстояніемъ около 40 верстъ козаками разбитъ и плѣненъ; по повелѣнію трехъ-бунчучнаго Очаковскаго паши для разъѣздовъ два Бешлійскіе пикета, каждый изъ десяти бешліевъ и одного булюкъ-баши состоящій, къ балкѣ Парутиной высланы, и болѣе въ околичности Очакова никакихъ отводныхъ карауловъ нѣтъ; онъ, будучи въ разъѣздахъ, нигдѣ никакихъ Ногайскихъ Татаръ не видалъ; въ Очаковѣ разныхъ войскъ счисляется до двадцати тысячъ; минувшаго марта въ среднихъ числахъ извѣстіе получено, что Крымскій ханъ Крымъ-Гирей въ Каушанахъ по нѣсколько-дневной болѣзни умре, съ которою вѣдомостью Очаковскій паша двухъ Татаръ

къ султану въ Царьградъ отправилъ; предъ нѣсколькими днями хотя надъ всѣмъ пограничнымъ Турецкимъ войскомъ, т. е. надъ Очаковскимъ, Бендерскимъ и Хотинскимъ трехъ-бунчучными, да Исмаильскимъ и Браильскимъ дву-бунчучными пашами, опредѣленъ главнымъ сераскеромъ прозываемый Мулдаванжи паша, однако послѣ смерти Крымъ-Гирея-хана всѣ Турецкія войска остались при своихъ мѣстахъ и никакого движенія имѣть не будутъ до повороту помянутыхъ отъ Очаковскаго паши отправленныхъ къ султану двухъ татаръ; въ прибавокъ къ находящимся нынѣ по границѣ Турецкой, а именно, въ Очаковѣ, Хотинѣ, Бендерахъ, Исмаилѣ и Браиловѣ, войскамъ ожидаютъ до нѣсколько тысячъ Турецкой пѣхоты изъ Анатоліи и конницы изъ Румеліи; по сю сторону р. Буга нигдѣ никакихъ Татарскихъ войскъ на Очаковской степи нѣтъ; въ Крымъ, сверхъ тамошнихъ Татаръ, только двѣ Ногайскія орды, т. е. Едичкульская и Джамбулуцкая, введены, коихъ считаюхъ до 80 тысячъ; симъ двумъ ордамъ Крымъ-Гирей-ханомъ велѣно было во все время настоящей войны расположиться на житье съ ихъ аулами внутрь Крыма за Перекопомъ при селахъ, а скотъ свой при чабанахъ пасти по сю сторону Перекопа на степи; всѣ Турецкіе города, по границѣ и близь оной лежащіе, артиллеріею, канонирами, всѣми воинскими припасами и сбруями весьма обильно запасены; отъ пріѣхавшихъ недавно изъ Крыму въ Очаковъ Татаръ онъ, Османъ-ага, заподлинно свѣдалъ, яко тамошнее войско въ провіантѣ и фуражѣ немалой недостатокъ терпитъ, такъ что по мѣстамъ люди съ голоду умираютъ, а лошади падать стали. О всѣхъ сихъ извѣстіяхъ главнокомандующимъ обѣими арміями В. И. В. генераламъ я сообщить не преминулъ, чѣмъ и впредь безпосредственно всемил. мнѣ повелѣннымъ образомъ продолжать долженствую.

22) О причиненныхъ непріятельскимъ нашествіемъ Елисаветградской и Екатеринославской провинціямъ разореніяхъ,—отъ 23 апрѣля за № 31.

В. И. В. всевысоч. указъ за собственноруч. подписаніемъ отъ 30-го прош. марта я съ глубоч. подобострастіемъ сего мѣсяца 17 ч. получить удостоился. Во всепод. исполненіе монаршаго повелѣнія дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше донести, что хотя я во всениж. моей реляціи № 28 и упомянулъ о причиненномъ нашествіемъ непріятельскимъ

въ границѣ В. И. В. обывателямъ Елисаветгр. и Екатеринин. провинціи уронѣ, по первымъ изъ Новорос. губ. канц. присланнымъ вѣдомостямъ; но въ разсужденіи того, что тѣ вѣдомости сочинены были скоро послѣ выступленія непріятеля, слѣд. въ такое время, когда подданные В. И. В., въ помянутыхъ провинціяхъ обитающіе, отъ набѣговъ еще нѣкоторымъ образомъ въ разстройкѣ находились, почему и точнаго ничего положить было невозможно, то отъ меня найсильнѣйше предписано посылкою вновь исправныхъ штабъ или оберъ-офицеровъ всѣ тѣ мѣста, до коихъ непріятель свои набѣги простиралъ, найсправедливѣйше свидѣтельствовать и, точную всему урону сочиня вѣдомость, ко мнѣ прислать, дабы я въ состояніе приведенъ быть могъ В. И. В. обо всемъ обстоятельно и аккуратно донести. Вслѣдствіе чего, какова вѣдомость сек.-м. и земскимъ коммиссаромъ Грачовымъ сочинена и ко мнѣ на сихъ дняхъ прислана, съ оной точный перечень В. И. В. на высоч. усмотрѣніе при семъ съ глубоч. благоговѣніемъ всеподд. подношу; а при томъ осмѣливаюсь примѣтить, что реченный сек.-маіоръ въ репортѣ своемъ изъясняется, яко, не взирая на употребленное отъ него стараніе, сколько можно, справедливѣе и основательнѣе весь уронъ описать, однако въ томъ никоимъ образомъ успѣть не могъ, паче потому, что онъ принужденъ былъ по сказкамъ пріѣзжихъ въ разоренныя слободы для взятья оставшаго хлѣба сосѣдей число обоего пола плѣнныхъ въ вѣдомость вносить, зная заподлинно, что изъ обывателей многіе во время тревоги, ища своего спасенія, въ разные укрѣпленные мѣста, за Днѣпръ и въ Польшу, кому какъ способнѣе казалось, ретировались; изъ таковыхъ въ Польшу убѣгшихъ Чернаго гусар. полку шанца Өерварскаго ротной священникъ, со всѣмъ семействомъ и церковною утварью въ с. Бирки ретировавшійся, считается Татарами изрубленный, а семейство его и все имущество плѣненное. Онъ то-жъ самое разумѣетъ и о скотѣ, коего по селамъ и ротамъ, близь которыхъ непріятель слѣдовалъ, нынѣ много оказывается и хозяевамъ по опознаніи возвращается. Чего де ради справедливаго описанія до тѣхъ поръ ни людямъ, ни скоту, сдѣлать не можно, пока обыватели изо всѣхъ мѣстъ въ прежніе свои селенія не возвратятся. Такое жъ точно обстоятельство и съ причиненнымъ въ Екатерининской провинціи уономъ усматривается, какъ изъ перечня поднесенной при семъ вѣдомости явствуетъ. Однако, Всемил. Государыня, канц. Новорос. губ. отъ меня найсильнѣйше подтверждено

достойныхъ и исправныхъ штабъ или оберъ офицеровъ для точнѣйшаго освидѣтельствованія и справедливѣйшаго описанія всего урона немедленно вновь отправить[1]), о чемъ въ свое время В. И. В. всепод. донести долженствую.[2])

23) О приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветградской провинціи,—отъ 23 апрѣля за № 32.

Всевысоч. В. И. В. указъ за собственноруч. подписаніемъ отъ 31 прош. марта, коимъ всемил. аппробовать изволите главнокомандующаго второю арміею генерала гр. П. А. Румянцова обще со мною положеніе о приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветгр. провинціи въ нынѣшнее военное время, всевысоч. повелѣвая, по общему насъ обоихъ усмотрѣнію способнаго времени, и дѣйствительное по всѣмъ онаго пунктамъ сдѣлать исполненіе, съ наблюденіемъ только двухъ уваженій и пр.,—я сего мѣсяца 13 числа съ глубоч. благоговѣніемъ получить удостоился; на которой В. И. В. всепод. доношу, что по рабской моей должности я не премину всѣ удобвозможныя мѣры и способы употреблять къ скорѣйшему и точнѣйшему исполненію всевысоч. монаршихъ повелѣній касательно переведенія Елисаветгр. пикинер. полку и поселенцевъ онаго въ удобнѣйшіе по Днѣпру мѣста и укрѣпленные гусарскіе шанцы, по общему съ главнокомандующимъ второю арміею генераломъ гр. Румянцевымъ; и теперь отъ меня бригадиру Черткову предписаніе прислать точное извѣстіе о незаселенныхъ по близости къ Днѣпру и по оному подъ пикинерныя роты, тожъ и подъ гусарскіе шанцы отведенныхъ земель, дабы тѣмъ удобнѣе сей переводъ располагать можно было, не нанося обывателямъ никакого утѣсненія, а какимъ образомъ граница по расположеніи поведена будетъ, тому сочиня аккуратную карту съ обстоятельнымъ всему описаніемъ, при всепод. моемъ доношеніи В. И. В. на всевысоч. благоволеніе поднесть не укосню.

---

[1]) По приложенному при этой реляціи перечню значится: по Елисаветградской провинціи взято въ плѣнъ муж. п. 624 и жен. 559 душъ; порубленныхъ и дѣйствительно найденныхъ и погребенныхъ муж. 100, жен. 26; отогнано непріятелемъ рогатаго скота 13,567, овецъ и козъ 17,100, лошадей 1557; сожжено церквей 4, мельницъ водяныхъ 3, вѣтряныхъ 3, домовъ 1190, винокурень 1; сгорѣло въ домахъ разнаго хлѣба четвертей 6377, копъ 920, мѣшковъ 70, сѣна пудовъ 10,817, копицъ 1883, скирдъ 73½; подожжено, но недогорѣло избъ 53.

[2]) Упомянемъ еще реляцію отъ 23 апрѣля за № 33, заключающую въ себѣ повтореніе того же вопроса, который представленъ въ реляціи за № 22,-относительно освобожденія, по письму кн. Репнина, нѣкоторыхъ плѣнныхъ конфедератовъ.

24) Объ отправленіи изъ крѣпости св. Елисаветы плѣннаго татарина Мусы къ Едисанскимъ мурзамъ съ письмомъ ас. Чугуевца,—отъ 17 мая за № 34.

В. И. В. прежними моими всепод. реляціями: № 80 отъ 1-го декабря прош. года и № 8 минувш. генваря отъ 19 числа, паболѣпнѣйше донесено о всѣхъ тѣхъ способахъ, кои для доставленія Едисанскимъ мурзамъ сочиненнаго, въ силу высоч. рескрипта отъ 26 октября прош. года, циркулярнаго отъ имени асессора Чугуевца письма мною употреблены. Но какъ отправленные тогда два эмиссара Татарскими къ нападенію въ границы В. И. В. движеніями въ исправленіи порученнаго имъ дѣла воспрепятствованы и безъ успѣха возвратиться принуждены были, то теперь по рабской моей должности признаваю съ глубоч. благоговѣніемъ о слѣдующемъ всепод. донести.

Когда, по вытѣсненіи уже Татаръ изъ Елисаветградской провинціи, я о исполненіи высоч. повелѣнія посылкою вновь эмиссаровъ въ Едисанскую орду помышлялъ и въ разсужденіи обстоятельствъ удобныхъ способовъ и средствъ изыскивать старался, ас. Чугуевецъ мнѣ представилъ, что иного средства къ доставленію братьямъ его и другимъ мурзамъ писемъ сыскать не можно, развѣ освобожденіемъ содержащагося въ крѣпости св. Елисаветы плѣннаго едисанца, прозываемаго Муса, обнадежа его великими авантажами и денежнымъ награжденіемъ, если онъ, вруча тѣ письма вѣрно, съ отвѣтами возвратится. Я, уваживъ сіе его представленіе, сообщилъ оное командующему второю арміею генералу гр. П. А. Румянцову, требуя его въ томъ совѣта, которой, признавъ за сходственно отважить одного плѣннаго на опытъ для толь полезнаго дѣла, снабдилъ переводчика Константинова ордеромъ для освобожденія реченнаго плѣннаго, съ чѣмъ оной переводчикъ въ крѣпость и отправленъ. Между тѣмъ ас. Чугуевецъ рапортомъ ко мнѣ представилъ, что, по таковому переводчика Константинова къ нему, содержащійся въ крѣп. св. Елисаветы Едисанской орды плѣнный, прозываемый Муса, знающій Турецкаго письма, по многому постороннимъ образомъ испытанію явясь расторопнымъ и свѣдомымъ о всѣхъ въ реестрѣ подписанныхъ Едисанскихъ и Буджацкихъ мурзахъ, на учиненный ему вопросъ, доставитъ ли онъ вѣрно письма къ братьямъ ас. Чугуевца и другимъ мурзамъ и возвратится ли съ отвѣтами, за что обнадеженъ не только великими авантажами,

но и прельстительнымъ по ихъ сребролюбію денежнымъ награжденіемъ, не только охотно исполнить обѣщалъ, но и по ихъ закону предъ двумя его въ крѣпости оставшими товарищами добровольною присягою обязался о точномъ всего исполненіи, назнача и возвращенію своему двойной срокъ, а именно по превожденіи за границу въ 20 дней; если же къ тому времени за какимъ непредвидимымъ препятствіемъ или отлучкою мурзъ не поспѣетъ, то столько жъ еще дней прибавилъ на другой срокъ, въ чемъ и товарищи его поручились, подвергая себя за неустойку жесточайшему истязанію. На семъ основаніи хотя 9 числа минувшаго апрѣля оный съ письмами отправленъ и за р. Бугъ толмачемъ Христофоромъ препровожденъ, однако возвращеніе его, не взирая на сильное его обязательство, еще сумнѣнію подвержено. Итакъ, время окажетъ, какую сей опытъ возымѣетъ удачу. А по нынѣшнимъ Едисанскихъ и Буджацкихъ Татаръ обстоятельствамъ, кои лишась такого хана, на котораго хитрость и храбрость въ своихъ успѣхахъ они много полагались, и въ разсужденіи примѣченной, какъ гласится, въ Туркахъ робости, нанесенной побѣдоноснымъ В. И. В. оружіемъ при первоначальныхъ воинскихъ произведеніяхъ, если тѣ письма мурзамъ доставлены, то легко статься можетъ, что Едисанцы и Буджацкіе Татары возымѣютъ предлогъ къ помышленію о своей безопасности. Однако мое сумнѣніе и о семъ не прежде разрѣшится, какъ съ окончаніемъ вышепомянутыхъ сроковъ. Ежели же что либо до меня дойдетъ, то В. И. В—ву безпосредственно донести долженствую.

25) О военныхъ успѣхахъ Запорож. козаковъ надъ Татарами и о разбитіи ими четырехъ Турецкихъ судовъ,—отъ 26 іюня за № 37 [1]).

Кошевой атаманъ Петръ Калнишевскій присланными ко мнѣ въ одно время отъ разныхъ чиселъ прош. мая репортами объявляетъ, яко находящіяся за границею въ разъѣздахъ и для поиска Запорожскія пѣшія и конныя команды въ разныя времена слѣдующіе надъ Татарами одержали авантажи. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ два раза подъ

---

[1]) Упомянемъ еще о реляціяхъ: первой, отъ 17 мая за № 35, о полученіи рескрипта объ охраненіи границъ отъ Польскихъ мятежниковъ, и второй, отъ того же числа за № 36, о препровожденіи перевода къ письму Могилевскаго пріятеля (копіи перевода при черновыхъ реляціи нѣтъ).

самый Кинбурнъ одна пѣшая команда подходя отогнала пасущійся въ полѣ рогатый скотъ и лошадей числомъ болѣе семисотъ штукъ. Въ оба раза погоня для выручки скота и разбитія козаковъ отъ Кинбурна выслана была: въ первый 400, а въ другой 500 Ногайскихъ Татаръ, кои, нагнавъ козаковъ, до самого Днѣпра въ безпрестанномъ преслѣдовали сраженіи; но, первая, потерявъ до ста человѣкъ, а вторая до полутораста убитыми, принуждены были назадъ возвратиться, оставивъ всю добычь и пойманнаго Джамбулуцкой орды Булумбежскаго бешлійскаго одабашу Джармамбета козакамъ, кои ни одного человѣка съ своей стороны не потеряли. Сей бешлійскій одабашъ Джармамбетъ сказкою показалъ, что предъ его изъ Очакова выѣздомъ прибыло къ Очакову изъ Царяграда шесть галіотовъ съ военными людьми и припасами, изъ коихъ два оставлены при Очаковской крѣпости, а четыре по пашинскому повелѣнію при первой способной погодѣ отплыть имѣли въ Крымъ; что на мѣсто умершаго Крымъ-Гирея хана возведенъ Арсланъ-Гирея-хана сынъ Девлетъ-Гирей, отъ котораго въ Бахчисарай отправленъ калга-султаномъ Сабашъ-Гирей; что бывшіе при Очаковѣ конные арнауты, по приказу сераскера паши, выступили къ Хотину, а Едисанская орда расположилась отъ Очакова по-надъ р. Бугомъ, простираясь до Кодыма, и что новый Татарскій калга-султанъ Сабашъ-Гирей приказалъ всѣмъ въ Крыму находящимся Татарамъ добрыми лошадьми запастись, а изнуренные зимнимъ походомъ для поправленія въ поле пустить. Въ первыхъ числахъ мая пѣшею жъ козацкою командою на Крымской степи отъ урочища Качкари, по убитіи супротивившихся чебановъ, четыре тысячи овецъ въ добычь взято. Въ среднихъ того жъ мѣсяца числахъ конная во стѣ двадцати человѣкахъ команда, паѣхавъ въ разъѣздѣ на Крымской степи въ Черной долинѣ болѣе тысячи человѣкъ Татаръ, съ оными сразилась и, побивъ изъ нихъ около трехсотъ, достальныхъ разогнала, при чемъ въ добычу получено болѣе пятисотъ лошадей, не потерявъ съ своей стороны ни одного козака, только ранено восемь человѣкъ.

Въ прибавокъ сему полученъ отъ сек.-маіора Микулишина изъ Новосѣченскаго ретрапжамента репортъ отъ 13 сего іюня, что отправленная отъ Коша войска Запорож. на судахъ козацкая команда сего мѣсяца 7 числа, плывучи внизъ Днѣпра, встрѣтилась въ своихъ дачахъ съ десятью Турецкими небольшими судами; на каждомъ изъ оныхъ

было по сороку и болѣе Турокъ, изъ которыхъ Запорожцы четыре судна совсѣмъ разбили, Турокъ и командира ихъ побили, а пушки въ воду потопили и, взявъ въ добычу четыре знамена и десять человѣкъ Турокъ въ полонъ, по разогнаніи достальныхъ шести судовъ, въ Сѣчь возвратились; въ которомъ сраженіи козаковъ десять человѣкъ побито, а двѣнадцать ранено; и что того жъ 13 числа взятые знамена и десять человѣкъ плѣнныхъ отправлены къ командующему второю арміею генералу гр. Румянцову.

26) О полученіи рескрипта относительно плѣнныхъ конфедератовъ и о числѣ отправленныхъ въ Казань,—отъ 26 іюня за № 38.

В. И. В. высоч. рескриптъ отъ 6-го сего іюня по поводу всепод. моихъ реляцій №№ 22 и 33 относительно оставленныхъ здѣсь по письму князя Репнина нѣкоторыхъ шлятхичей изъ плѣнныхъ конфедератовъ я въ свое время получить удостоился, въ силу котораго точное исполненіе учинить не премину. А между тѣмъ осмѣливаюсь всепод. донести, что по сіе число всякаго званія и чина плѣнныхъ конфедератовъ разными партіями отсюда въ Казань отправлено 777 человѣкъ, и что собранная изъ выздоровѣвшихъ больныхъ и вновь изъ Польши присланныхъ мятежниковъ во стѣ тринадцати человѣкахъ партія туда жъ отправлена быть имѣетъ.

27) Объ отправленіи къ гр. Румянцову переводчика Константинова и толмача Григоровича,—отъ 26 іюня за № 39.

Во всепод. исполненіе высоч. В. И. В. рескрипта отъ 31 мая, полученнаго мною 17 сего іюня, съ раболѣпнѣйшимъ благоговѣніемъ доношу, что по предварительному требованію главнокомандующаго второю арміею гр. Румянцова снабдить его искуснымъ Турецкаго и Татарскаго языковъ переводчикомъ для переводовъ случающихся писемъ и однимъ или двумя тѣ жъ языки знающими толмачами, за неимѣніемъ при здѣшней губерніи таковыхъ достаточно Турецкій и Татарскій языки знающихъ, кромѣ секретаря Равича, котораго по надобности въ здѣшнемъ пограничномъ мѣстѣ отсюда отлучить не можно, отправленъ къ нему, гр. Румянцову, бывшій чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Сѣчи Запорожской переводчикомъ Сумскаго слободскаго полку обыватель Андрей Дмитріевичъ, сынъ Константиновъ, которой еще прошедшаго года въ

ноябрѣ мѣсяцѣ съ даннымъ ему отъ кошевого атамана аттестатомъ о прилежномъ исправленіи его должности и добропорядочныхъ поступкахъ у меня явился и котораго я, въ разсужденіи частаго его съ Татарами обхожденія и знакомства съ Едисанскими и Буджацкими мурзами, употребилъ съ ас. Чугуевцомъ по Едисанскому дѣлу, о коемъ въ слѣдующей при семъ подъ № 40 реляціи обстоятельнѣе изъяснено будетъ; а толмачъ посланъ изъ здѣшнихъ только одинъ Христофоръ Григоровичъ, ибо и при здѣшней губ. канц., за задержаніемъ въ Цареградѣ пяти и за отдачею главнокомандующему первою арміею князю Голицыну двухъ человѣкъ, нынѣ только четыре человѣка на лицо, да и тѣ престарѣлые и слабые.

28) О невозвращеніи посланнаго къ Едисанцамъ плѣннаго татарина и о запискѣ ас. Чугуевца по Едисанскому дѣлу,—отъ 26 іюня за № 40.

Вслѣдствіе всепод. моей реляціи № 34 относит. ввѣреннаго мнѣ обще съ командующимъ 2-ою арміей гр. Румянцовымъ Едисанскаго дѣла, дерзаю съ глубоч. благоговѣніемъ донести: при усмотрѣніи моемъ, что отпущенный изъ крѣп. св. Елисаветы татаринъ по истеченіи и двойного уже срока не возвратился, ас. Чугуевцу предписалъ явиться у гр. Румянцова, который, съ ввѣренною ему второю арміею находясь въ близости Татарскихъ границъ, удобные возымѣетъ случаи къ предпринятію и употребленію способныхъ по тому мѣръ, и, учиня обстоятельное о всемъ представленіе, требовать повелительнаго наставленія; на что какой я отъ ас. Чугуевца получилъ репортъ и при ономъ записку, съ обоихъ при семъ на высоч. усмотрѣніе В. И. В. подношу точныя копіи [1]).

29) О присланныхъ въ Кіевъ плѣнныхъ Туркахъ,—отъ 26 іюня за № 41.

В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ всепод. доношу, что по сіе число въ разныя времена прислано отъ команд. первою арміею кн. Голицына военноплѣнныхъ Турковъ одинъ порутчикъ, 45 человѣкъ рядовыхъ, двѣ женщины и одна дѣвка, которымъ при семъ именной подношу списокъ, а вчера привезено изъ взятыхъ у Турокъ пяти пушекъ, три мѣдныя а двѣ чугунныя, да пара бубновъ и два барабана. Я не

[1]) При черн. реляціи копіи нѣтъ.

премину, по отправленіи конфедератовъ въ Казань, въ силу всевысоч. В. И. В. имен. указа, и плѣнныхъ Турокъ отправить чрезъ Москву въ Архангельскъ, ибо содержаніе оныхъ въ здѣшней крѣпости по нынѣш. воен. обстоятельствамъ, въ разсужденіи немалаго для карауловъ расхода людей, всему гарнизону въ тягость становится. Но какъ въ присланныхъ при сообщеніяхъ отъ него жъ ген. кн. Голицына о военноплѣнныхъ спискахъ показаны такими же плѣнными 12 человѣкъ волоховъ, три армянина, два раскольщика и одинъ жидъ, коихъ рекомендовано содержать на основаніи протчихъ плѣнныхъ, то я дерзаю съ глубоч. благоговѣніемъ всевысоч. себѣ испрашивать повелѣнія, отсылать ли и оныхъ съ Турками въ Архангельскъ, или въ другое какое мѣсто.

29) О числѣ отправленныхъ изъ Кіева въ Казань плѣнныхъ,—отъ 17 іюля за № 44.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. повелѣнія, по отпускѣ сего, отправлено въ Казань разными партіями изъ содержавшихся въ здѣш. крѣпости плѣнныхъ мятежниковъ всего 887 человѣкъ; изъ больныхъ, кои въ гарнизонныхъ госпиталяхъ пользуемы были, померло въ разныя времена 133, а затѣмъ осталось еще здѣсь слабыхъ всего 4 человѣка.

30) О доставленныхъ Могилевскимъ пріятелемъ свѣдѣніяхъ объ арміи визиря,—отъ 17 іюля за № 46.

Имѣя неусыпное попеченіе о исполненіи всевысоч. повелѣній В. И. В., поручено было Могилевскому пріятелю отправить вѣрныхъ людей въ главную Турецкую армію и въ Константинополь для развѣданія какъ о тамошнихъ обстоятельствахъ, такъ о состояніи и числѣ главной подъ предводительствомъ верховнаго визиря арміи, который отъ 28 числа минув. мѣсяца увѣдомляетъ, что одинъ изъ отправленныхъ отъ него въ армію верх. визиря, прибывъ обратно, слѣдующее объявилъ: засталъ онъ визиря въ Молдавіи между Хотиномъ и Бендеромъ при такъ наз. Могилѣ Робіи со всею арміею въ числѣ ста пятидесяти тысячъ Турковъ, откуда отправленъ Румелійскій сераскеръ съ осмью пашами съ шестьюдесятъ тысячами Турецкой пѣхоты и конницы и съ частью артиллеріи къ Хотину. При главной визирской

арміи, сколько примѣтить было можно, находилося девяносто большихъ орудіевъ разнаго колибра, между оными и такіе видѣлъ, подъ коими до 20 и болѣе паръ воловъ въ упряжкѣ. Въ Хотинѣ женскаго полу и малолѣтнихъ дѣтей, сказываютъ, не осталось:-всѣ за рѣку Дунай высланы. Въ сей крѣпости дороговизна великая: фунтъ печенаго хлѣба продается по шести коп. Гарнизонъ Хотинскій въ худомъ состоянiи, ибо немалая часть онаго отъ горячки померла. Верх. визирь съ своею арміею намѣренъ былъ 28 прош. іюня отъ Робіи Могилы къ Бендерамъ слѣдовать, куда квартирмейстеры для означенія лагеровъ и постройки при оныхъ печей впередъ отправлены. Армія его по отдѣленіи корпуса къ Хотину, какъ гласится, составляетъ 90 тысячъ человѣкъ пѣхоты и конницы Турецкой подъ командою 12 пашей, при которой артиллеріи 80 большихъ и малыхъ орудіевъ находилось. Изъ Молдавіи собрано двѣ тысячи фуръ для подвозу всякихъ къ арміи надобностей. Молдавскій господарь по визирскому повелѣнію скованъ въ желѣза, а на мѣсто его назначенъ Константинъ Маврокордатъ. Къ Хотину сверхъ вышепомянутаго корпуса командированъ былъ одинъ Татарскій султанъ съ тридцатью тысячами Татаръ, но выступилъ ли туда или нѣтъ, неизвѣстно; а сіе подлинно, что въ Молдавіи великое число христіанъ ими порублено, многіе села разорены и молодые люди поплѣнены; при тѣхъ Татарахъ находился съ конфедератами маршалъ Красинскій, которому приданъ Дубосарскій гетманъ Якубъ-ага, а Крымскій ханъ въ Бендерахъ. Изъ партіи Турецкихъ охотниковъ, кои чрезъ Днѣстръ переходить и на армію В. И. В. напасть отважились, какъ сказываютъ, мало возвратилось, ибо сверхъ побитыхъ многіе въ рѣкѣ потонули. Другой нарочно посланный по возвратѣ все вышеписанное подтвердилъ и съ такою только отмѣною, яко командированному къ Хотину съ Татарами султану велѣно до дальняго повелѣнія остановиться, а Румелійскій сераскеръ Ахмедъ паша съ корпусомъ въ походъ къ Хотину выступилъ; что господарю Конст. Маврокордату велѣно въ Букурешты слѣдовать, а бывшему тамо въ Ясы прибыть, и что верх. визирь свой походъ къ Бендерамъ отмѣнилъ, а слѣдовать имѣетъ къ Очакову. Въ Константинополь еще нарочнаго не отправилъ, а обѣщаетъ объ отправленіи стараніе употребить.

Всемил. Государыня! Я всѣ сіи извѣстія тотчасъ по полученіи обоимъ арміями В. И. В. командующимъ генераламъ сообщилъ, чѣмъ и впредь продолжать не премину.

31) Съ сообщеніемъ о числѣ наличныхъ плѣнныхъ Турокъ и съ вопросомъ, что̀ дѣлать съ плѣнными Волохами, Болгарами и Греками,—отъ 3 сентября за № 48.

Послѣ отпуску всепод. моей реляціи № 41[1]) относительно приведенныхъ сюда изъ первой арміи плѣнныхъ Турковъ въ разныя числа дослано еще Турковъ 45 человѣкъ, турчанка одна съ двумя малолѣтними сыновьями, Волоховъ 12, Грековъ 4, Булгаровъ 18 и жидъ одинъ, коихъ нынѣ, за исключеніемъ умершихъ, содержится здѣсь всего на все Турокъ 79, двѣ замужнія турчанки, одна дѣвка и два мальчика, Волоховъ 32, Грековъ 5, Булгаровъ 22, Армянъ 3, раскольниковъ 2 и жидовъ 2; а между тѣмъ померло обыкновенными болѣзньми Турокъ 21, турчанка одна, Волоховъ 4, Булгаровъ 4 и Грекъ одинъ. Что принадлежитъ до плѣнныхъ Турковъ, то оные всевысоч. повелѣннымъ мнѣ образомъ сими днями отправлены быть имѣютъ къ Архангельскому городу, а Волохи, Греки, Булгаре, Армяне, раскольники и жиды останутся здѣсь до полученія отъ В. И. В. высоч. указа, что съ оными предпринимать повелѣно будетъ, ибо на сообщеніе мое о Волохахъ, Грекахъ и Булгарахъ, жалующихся, что они не плѣнные, но по единовѣрію явшіеся собою и прибѣгшіе подъ всевысоч. защищеніе отъ главнокомандующаго первою арміею кн. Голицына мнѣ отвѣтствовано, яко онъ объ нихъ ничего рѣшительнаго мнѣ сказать не можетъ, п. ч. хотя де оные и не плѣнные, однако, по нѣкакому яко бы въ разсужденіи нынѣшней войны подозрѣнію, думаетъ онъ, что ихъ еще здѣсь удержать надобно, а притомъ поручилъ мнѣ объ нихъ В. И. В. всепод. представить и всевысоч. себѣ испросить повелѣнія. Но если В. И. В. всемил. угодно вѣдать, какимъ образомъ въ прошедшую съ Турками войну съ подобными людьми поступлено было, то я съ глубоч. благоговѣніемъ, сколько извѣстно, осмѣливаюсь раболѣпнѣйше донести, что оные, какъ въ разсужденіи единовѣрія, такъ и для приласканія прочихъ ихъ одноземцовъ, принимаемы бывали со всякимъ пріятствомъ и по собственному желанію опредѣлялись иные въ Молдав. гусар. полкъ, которой тогда жъ изъ нихъ учрежденъ, другимъ позволялось селиться въ Малой Россіи и въ Слободскихъ полкахъ, а нѣ-

[1]) Упомянемъ еще о реляціи, отъ 17 іюля за № 47, съ представленіемъ копіи репорта Запорож. старшины Филиппа Стягайла о разбитіи Турокъ на Днѣпрѣ, о которомъ донесено въ реляціи за № 37 (копіи этой при чернов. реляціи нѣтъ).

которые для своего пропитанія нанимались у партикулярныхъ людей во услуженіе; подъ карауломъ же, какъ нынѣ, равно съ плѣнными никогда содержимы не были. Итакъ, мнѣ иного не остается, какъ всевысоч. В. И. В. соизволенія объ нихъ ожидать и именной всѣмъ плѣннымъ Туркамъ списокъ съ раболѣпнѣйшимъ подобострастіемъ при семъ поднесть, а при томъ всепод. донести, что нѣкоторые изъ сихъ плѣнныхъ Турковъ отзываются, что имѣютъ желаніе крещеніе принять и вѣчно остаться въ Имперіи В. И. В.; и какъ оные самобѣднѣйшіе люди, то съ глубоч. благ. всевысоч. себѣ испрашиваю указа, что повелѣно будетъ съ оными дѣлать и какое для пропитанія на первой случай имъ учинить награжденіе.

32) О присланномъ въ Кіевъ изъ первой арміи Черногорскомъ архимандритѣ Григоріи Дреколовичѣ, съ приложеніемъ переводовъ писемъ, бывшихъ у него—отъ 3 сентября № 49.

Усмотря изъ репорта стоящаго въ Польскомъ городѣ Полонномъ бригадира Баннера, яко между присланными изъ первой арміи плѣнными и явившимися собою разныхъ народовъ людьми находится Черногорскій архимандритъ Григорій Дреколовичъ, котораго отъ главнокомандующаго арміею генерала велѣно отмѣннѣе другихъ содержать, производя ему на пищу по 50 к. въ день, и вспомня, что высоч. В. И. В. рескриптомъ отъ 14 марта прошлаго 1768 г., при которомъ приложены переводы съ полученныхъ въ Вѣнѣ полномочнымъ В. И. В. министромъ кн. Голицынымъ отъ Черногорскихъ архимандритовъ писемъ, о подобномъ имени упоминается, поручилъ канцеляріи совѣтнику Веселицкому видѣться съ нимъ и искуснымъ образомъ вывѣдать, какой онъ человѣкъ, откудова, какимъ случаемъ, зачѣмъ и давно ль къ арміи В. И. В. прибылъ; на которые вопросы отвѣтствовалъ, что онъ Черногорскій архимандритъ Григорій Дреколовичъ есть тотъ самой, которой прошлаго году въ февралѣ мѣсяцѣ отъ общества Черногорскаго и Бердянскаго изъ секретнаго правленія, безъ вѣдома Малого Степана, отправленъ былъ въ Вѣну къ цесарю и въ Россію къ В. И. В. съ самонужнѣйшими письмами. Посылка его въ томъ только состояла, чтобъ по поднесеніи писемъ о настоящей истинѣ явшагося у нихъ Степана Малого свѣдать, ибо присланнымъ изъ Константинополя отъ обрѣтавшагося тамо В. И. В. министра тайн. сов. Обрѣзкова къ

Черногорскому начальству письмомъ оной подозрительнымъ показанъ. Въ семъ намѣреніи онъ къ цесарской границѣ въ Землинъ прибылъ, гдѣ нашелъ въ карантинѣ Пекскаго патріарха Василя Ивановича Беркича, архимандрита Аввакума, посланнаго отъ Малого Степана, невѣдомо, съ какою коммиссіею, гдѣ и онъ, Дреколовичъ, въ карантинъ принятъ, откуда дважды къ пребывающему въ Вѣнѣ В. И. В. полномочному посланнику кн. Голицыну писалъ, прося о исходатайствованіи ему скораго пропуску, ибо онъ съ самонужнѣйшимъ секретомъ отправленъ. Но между тѣмъ по цесарскому повелѣнію онъ изъ Землина обратно высланъ. По возвратѣ же его въ Черную Гору Степанъ Малой въ томъ достоинствѣ и власти, какъ онъ по свидѣтельству нѣкоторыхъ у нихъ принятъ, подвластныхъ ему воиновъ обучалъ и нужныя учрежденія дѣлалъ къ войнѣ съ Турками; а прошедшаго августа 13 числа, по сближеніи Турецкой арміи подъ командою Румелійскаго сераскера Мелаихъ-Мегметъ-паши, у нихъ сраженія начались, которыя по 2 число сентября ежедневно въ небольшихъ партіяхъ продолжались, и 3-го сентября главная битва была, въ которой Турки совершенно поражены, разбиты и прогнаны съ большимъ урономъ. А прибывшаго послѣ того съ Бошняцкимъ корпусомъ Бошняцкаго визиря Селихтору-Мегметъ-пашу 19-го того жъ сентября равномѣрно разбили и прогнали, получа въ обоихъ сихъ главныхъ битвахъ великую добычь. Того жъ сентября 24 числа разбили и Венеціанскій корпусъ на Будванскомъ полѣ, а 26-го, будучи онъ, Дреколовичъ, съ архіереемъ Черногорскимъ Арсеніемъ Пламенацомъ въ монастырѣ Майнескомъ, ночью нечаянно прибывшею Венеціанскою командою плѣненъ, въ Будву отвезенъ, отъ архіерея Пламенаца отлученъ и въ Турецкій городъ Баръ привезенъ и тамошнему Турецкому начальству отданъ, откуда подъ крѣпчайшимъ карауломъ въ Царьградъ препровожденъ, гдѣ десять дней разными образы изъ злобы мучимъ былъ, чтобъ письмо написалъ къ Черногорскому начальству съ Турками помириться, которое онъ, не могучи по человѣчеству болѣе мученія стерпѣть, принужденнымъ нашелся такого содержанія написать, чтобъ Черногорцы съ Турками вѣчной миръ на такихъ заключили кондиціяхъ, чтобъ между ими дружба на вѣчныя времена ненарушимо сохранена и продолжаема была, и они бъ, на своихъ правахъ, преимуществахъ и обыкновеніяхъ пребывая, подъ Турецкою протекціею состояли и во все время свободную въ Турецкой области ко-

мерцію производили, а за такую къ нимъ султанскую милость дозволили бъ Туркамъ крѣпость у подошвы Черной Горы съ морской стороны построить; которое письмо съ нарочнымъ въ Черную Гору и отправлено, а онъ изъ темницы освобожденъ и верховному визирю представленъ, отъ котораго ласково принятъ, пятидесятью червонными подаренъ и на пищу по одному левку въ день опредѣлено, а послѣ того къ Румельскому пашѣ Мелаихъ-Мегмету въ Софію отправленъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ при немъ находился до того времени, пока Турки армію В. И. В. побѣдятъ, ибо сей же паша, по одержаніи побѣды, наряженъ былъ съ частію войска къ Черной Горѣ для трактованія о мирѣ на вышеписанныхъ кондиціяхъ и построенія тамо крѣпости,— при которомъ все время находился даже до прибытія Турецкаго войска подъ командою его подъ Хотинъ, гдѣ по разбитіи Турковъ онъ, Дреколовичъ, съ тою Турецкою толпою, которая въ Хотинъ ретировалась, въ крѣпость вошелъ, а по нѣсколькихъ дняхъ, сыскавъ удобной случай, оттуда бѣжалъ и къ арміи В. И. В. прибѣгъ, гдѣ генералъ-маіоромъ Черноевичемъ опознанъ и къ главнокомандующему генералу представленъ, которому о своемъ приключеніи вкратцѣ донесъ, а между тѣмъ отправленъ въ Кіевъ съ такимъ увѣреніемъ, что оттуда онъ не только въ свое отечество писать можетъ, но и всевысоч. В. И. В. указа здѣсь ожидать имѣетъ.

На другой день, въ вечеру, по предварительной обсылкѣ, имѣетъ ли канц. сов. Веселицкій время дозволить ему съ нимъ видѣться, пришедъ навѣдался, можно ли ему письмо въ Черную Гору къ тамошнему начальству написать и какимъ образомъ оное скорѣе и вѣрнѣе туда дойдетъ; на что ему отвѣтствовано, что о вѣрномъ доставленіи онаго по почтѣ чрезъ Вѣну никакого сумнѣнія нѣтъ, если отправленіе того онъ ему, сов. Веселицкому, повѣритъ, чѣмъ онъ и доволенъ былъ, обѣщавъ на другой день письмо принести, а между тѣмъ отзываться сталъ, что онъ, видя пріятство его, Веселицкого, къ себѣ и будучи свѣдомъ о происхожденіи его, изъ Далмаціи, яко одноземцу, буде любопытствовать хочетъ, можетъ ему сообщить копію съ того инструмента, какимъ образомъ и съ какими кондиціями Степанъ Малой у нихъ принятъ, равно какъ и съ письма, съ которымъ же прошлаго году въ февралѣ мѣсяцѣ изъ секретнаго Черногорскаго и Бердянскаго правленія къ В. И. В. отправленъ былъ, и получа въ отвѣтъ, что онъ съ удовольствіемъ тѣ піесы читать будетъ, отошелъ

въ квартиру. Итакъ, на другой день, поутру прислалъ чрезъ приставленнаго къ нему для присмотру солдата письмо отверстое для отправленія, прося запечатать оное въ своемъ кувертѣ и надпись сдѣлать италіанскую, тако жь и двѣ копіи съ помянутыхъ піесъ, которыя при семъ въ подлинникѣ съ переводами на всевысоч. усмотрѣніе В. И. В. всеподданнѣйше подносятся.

А онъ здѣсь подъ непримѣтнымъ присмотромъ до высоч. В. И. В. объ немъ указа содержанъ быть имѣетъ во всякомъ въ пропитанія довольствѣ. Но какъ письмо его, кое онъ отдалъ для отправленія въ Черную Гору, наполнено аллегоріею, то приказалъ я сов. канц. Веселицкому непримѣтнымъ и ласковымъ разговоромъ его до того довести, чтобъ онъ ему темные свои отзывы объяснилъ для разрѣшенія того сомнѣнія, которое онъ въ томъ письмѣ находитъ, что и учинено, какъ В. И. В. изъ ремарковъ всемилостивѣйше усмотрѣть изволите. Между тѣмъ же канц. сов. Веселицкій въ предосторожность ему совѣтовалъ о имѣвшемъ съ нимъ разговорѣ никому ни слова не открываться, ибо онъ, какъ благоразумный человѣкъ, самъ догадаться можетъ, какое изъ такого откровенія неразсудливые люди сдѣлать могутъ заключеніе, особливо же въ пограничномъ мѣстѣ, гдѣ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ всякій любопытствомъ зараженъ и по своему смыслу нескладные разсѣевать можетъ толки.

Приложенія:

а) Переводъ письма архимандрита Григ. Дреколовича.

Преосвященнѣйшій г. митрополитъ Савва, пресвѣтлый г. воевода Илія, мой по крови братъ, превозвышенный г. губернаторъ и око, всѣ сердари, начальники, прочіе витези и благородичи нашей земли, здравствовать вамъ желаю въ нашу радость во славу Бога на лѣта многа!

Только двумя словами даю знать всѣмъ вамъ, что Богъ меня изъ рукъ князя Венеційскаго и султана Турецкого крѣпостію Россійской императрицы избавилъ. Нынѣ я живъ и здоровъ, въ г. Кіево-Печерскомъ находясь, ожидаю милостиваго указа; *а предателя моего теперъ не упоминаю, хотя и знаю кто*[1]), но когда прибуду къ вамъ, естли я Дреколовъ внукъ, тогда онъ узритъ. *Дѣла, которыя Богъ началъ у васъ производить, да бу-*

[1]) Симъ онъ думаетъ Степана Малого, ибо Венеціане безъ его увѣдомленія знать не могли, гдѣ онъ находится. Примѣч. подлин.

дутъ благополучны[1]). Помните труды мои, которые я денно и ночно съ вами имѣлъ, то жъ страданіе, кое терплю по чужимъ странамъ; слезами, которые я въ моемъ мученіи пролилъ, всѣхъ бы васъ обмылъ. Только всѣ вы *держитесь того обѣта, которой мнѣ дали на Земскомъ полѣ іюня 29 дня 1768 г.; теперь время настало всѣмъ полезное; осмотритесь хорошо*[2]); ибо когда вы меня въ Вѣну къ Цезарю и въ Россію отправили для разсмотрѣнія и исправленія дѣла, тогда, повидимому, не было сужено, а теперь самъ Богъ судилъ. *Я надѣюсь все исправити и совершити, да и думаю, что довольно уже и совершено*[3]), только будьте послушны; *а что намъ Степанъ Малый подтвердилъ,-уповаю, здѣсь и болѣе подтвердится и укрѣпится*[4]). Никто, какъ Богъ! Поздравьте Малого Степана и скажите ему, что я живъ и надѣюсь скоро мою землю и братьевъ посѣтить во всякомъ благополучіи. Поздравьте старую матерь и всѣхъ Черногорцевъ и Бердянъ; пускай не жалѣютъ драгоцѣнную свою кровь и крѣпость. Поклонитесь италіанскимъ господамъ и экстраординарію, и при томъ объявите имъ, что Турецкій царь меня не умертвилъ, но я живъ, а сердарю Василію поручаю, чтобы Богу молился и *гостей бы благопріятно встрѣчалъ*[5]). Итакъ, предая васъ и себе защищенію святыхъ и Бога живаго, есмь вашихъ свѣтлостей смиренный слуга и братъ архимандритъ Черногорскій, экзархъ Константинопольскій, Григорій Дреколовичъ.

Въ Кіево-Печерскомъ городѣ, августа 26 д. 1769 г.

Г. патріарха цѣлую, Арсенія владыку поздравляю, такожде Ѳеодосія, Руфима, а Стефана сладчайше поздравляю жъ.

б) Переводъ письма къ Государынѣ Императрицѣ Черногорскаго и Бердянскаго обществъ.

В.И. В.! Общества нашего Черногорскаго и Бердянскаго изъ секретнаго правленія рабы смиренные, прибѣгаемъ къ монаршему Вашему мило-

---

[1]) Подъ симъ разумѣетъ онъ начатую съ Турками войну, въ которой Богъ имъ помогъ врага побѣдить.

[2]) Обѣтъ состоялъ въ присягѣ на св. Евангеліи, чтобъ одинъ другого не выдалъ, но всякой бы за отечество и вѣру до послѣдней капли крови подвизался. Время полезное потому настало, что съ Россійской императорской стороны Туркамъ война объявлена и непріятель уже нѣсколько и пораженъ.

[3]) Подъ симъ разумѣетъ онъ точное свѣдѣніе получить о Степанѣ Маломъ.

[4]) Здѣсь увѣряетъ онъ, что Рос. имп. дворъ, по единовѣрію и свѣдомому ихъ къ оному усердію и преданности, не только все то подтвердить изволитъ, что Степанъ Малый имъ подписалъ, но и болѣе милости имъ окажетъ.

[5]) Онъ въ арміи Рос. имп. слышалъ, что въ Черную Гору отправленъ одинъ полковникъ и что можетъ быть въ пользу ихъ еще какая помощь туда пошлется, и для того рекомендуетъ гостей встрѣчать. Всѣ примѣч. подлин.

сердію и, припадая чрезъ сего посланника нашего, архимандрита Григорія Дреколовича, къ В. И. В. отправленнаго для объявленія нашей крайней нужды и о случившемся въ нашей сторонѣ происшествіи, доносимъ, что по прибытіи къ намъ одной особы со свидѣтельми, доказующими, яко оная есть Петръ Федоровичъ, императоръ Третій Россійскій, наше общество усердно его приняло и, высокой его власти подвергшись, всю нашу вольность въ его руки предало; но получа нынѣ извѣстіе отъ Вашего посланника изъ Царяграда, что онъ не тотъ и чтобъ мы его отъ себя отогнали, еже насъ въ великое привело сомненіе, не зная въ томъ настоящей правды и истины, ибо хотя мы и усматриваемъ въ немъ многую нашу пользу и добрые поступки, однако, о тайностяхъ великихъ государствъ не будучи свѣдомы, опасаемся, чтобъ не попасть въ погрѣшеніе ни противъ Е. И. В. Петра Федоровича, ниже противъ всероссійскаго В. И. В.; а какъ нынѣ западные государи въ нѣкакомъ смущеніи, и султанъ Турецкой намъ войскомъ грозитъ, противъ котораго мы всегда готовы за всероссійскій дворъ воевати, то для совершеннаго разрѣшенія сего нашего сомнѣнія посылаемъ изъ секретнаго нашего правленія брата нашего вышреченнаго архимандрита, чтобы онъ, отъ В, И. В. принявъ самую истину сего обстоятельства, по возвратѣ своемъ оную намъ предалъ, въ чемъ мы его не только совершенно уполномочиваемъ, но и волю нашу ему препоручаемъ. Итакъ, что сей вышепомянутой нашъ братъ у В. И. В. совершитъ, мы все оное здѣсь точно исполнять не преминемъ. Извольте только съ нимъ прислать къ намъ одну повѣренную особу для нашей пользы. Мы теперь съ моря хотя и заперты, однако ожидаемъ всемилостивѣйшаго указа.

В. И. В. рабы вѣчные и вѣрные:

Смиренный митрополитъ Сава Петровичъ.

Повелитель и воевода Илія Дреколовичъ.

Губернаторъ Іоко Станитинъ.

Сердарь Андрей Ерселиковичъ. Сердарь Моисей Пламенацъ.

Князь Ѳома Дреколовичъ. Сердарь Василій Дреколовичъ.

На Станевичахъ. Изъ нашего секретнаго Черногорскаго правленія. Февраля 7-го дня 1768 года.

в) Переводъ письма Черногорскаго и Бердянскаго обществъ къ Императору Петру III.

Благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь императоръ всероссійскій Петръ Третій, нашъ милостивѣйшій монархъ и государь!

Мы, общества Черногорскаго и Бердянскаго воеводы, губернаторъ, сердары, князья, властители, такъ военные, какъ и духовные, всѣ

В. И. В. кланяемся, а при томъ прославляемъ Бога, сподобившаго насъ того у себя видѣти и приняти, чего отцы и дѣды наши не удостоилися; толь милостивъ Богъ нашъ, что сподобилъ насъ вашимъ монаршимъ пришествіемъ освятити. Благословенъ буди отнынѣ и во вѣки! Вотъ, всемил. импер. величеству буди здравствовати между нами, какъ въ своемъ домѣ; все наше движимое и недвижимое имѣніе предаемъ В. И. В. и обѣщаемся, когда въ войну вступишь, за тебя умереть и кровь свою проливать, а ежели бы кто въ измѣнѣ противъ васъ найденъ и уличенъ былъ, оной отъ насъ смертію казненъ будетъ. Итакъ, повелѣвайте нами правдою и истиною. Только общество наше проситъ у В. И. В., чтобъ наши границы учреждены и поставлены были отъ Острога до Калашина, Жупанъ и Гроова; до Рисна съ стороны Босніи, а отъ Мойна моремъ до устья рѣки Бояны, оттуда до Задра и всею Шарою горою на Плавъ до Комарона; и вся земля наша была бъ вольна отъ васъ и послѣ васъ; а нашъ столичный городъ Скадоръ да будетъ свободная наша республика, и никтобы изъ иностранныхъ у насъ судьею не былъ, развѣ одинъ верховный членъ, и гдѣ бы нашъ черногорецъ въ вашей державѣ, которую вамъ Богъ подастъ, ни поселился, да имѣетъ всякую вольность въ прожитіи; а мы съ вами воевати будемъ дондеже желаемаго постигнете, по потомъ никогда насъ да не изпуряете. Во утвержденіе чего В. И. В. все сіе своеручно нынѣ намъ подписать и Бога клятвеннымъ обѣщаніемъ въ соблюденіи того порукою намъ дать изволите. Итакъ, общество ожидать будетъ В. И. В.... (не достаетъ въ документѣ окончанія).

33) О перешедшемъ подъ Россійскую протекцію Польскомъ порутчикѣ фонъ-Витенѣ,—отъ 3 сентября за № 50.

В. И. В. пріемлю смѣлость съ глубоч. благогов. раболѣп. донесть, что прош. августа м-ца, явясь здѣсь, прибывшій изъ Польши порутчикъ фонъ-Витенъ объявилъ, что онъ, бывъ въ настоящемъ часу въ службѣ у стражника Литовскаго Поцея, а потомъ у графа Юдицкаго, каштеляница Минскаго, и примѣтя де его, принципаля, къ конфедератамъ склонность и по прочимъ притѣсненіямъ, яко диссидентъ, прибѣгъ подъ высоч. покровъ и защищеніе В. И. В., желая быть въ воинской службѣ, и просилъ освободить оставленную въ Польшѣ жену его съ пожитками, о чемъ для пространнѣйшаго усмотрѣнія подношу здѣсь взятой съ него сказки точную копію. Между тѣмъ Жмудскій староста Ходкевичъ и помянутой графъ Юдицкой, чрезъ нарочно присланныхъ ко мнѣ письменно объявляя, что онъ, Витенъ,

задолжалъ тамо болѣе тысячи рублей и, забравъ нѣсколько разныхъ вещей, бѣжалъ въ Россію, требуютъ выдачи его съ однимъ рядовымъ на Польскую сторону обратно, на что отъ меня симъ вельможамъ отвѣтствовано, что какъ оной офицеръ взялъ прибѣжище подъ протекцію В. И. В., то я, не будучи въ состояніи его безъ высоч. соизволенія отсюда къ нимъ отправить, В. И. В. всепод. о томъ доносилъ съ испрошеніемъ указа, по полученіи котораго ихъ увѣдомить не премину. А между тѣмъ оной офицеръ здѣсь подъ непримѣтнымъ присмотромъ содержится.

Приложеніе: Показаніе фонъ-Витена.

1769 г. августа 17 дня, вышедшій изъ Польши порутчикъ фонъ-Витенъ въ Кіев. губ. канц. сказалъ:

Родомъ изъ Пруссіи, помѣстья Волинина, лютерскаго закона, въ службѣ Прусской находился 14 лѣтъ въ полку Альтъ-Плотеновомъ; въ 1762 году, по окончаніи войны, изъ того полку я абшитъ взялъ и въ томъ же году вступилъ въ службу у стражника Литовскаго г. Поцея прапорщикомъ; у котораго службу продолжалъ одинъ годъ прапорщикомъ, а пять лѣтъ порутчикомъ; прошлаго жъ году, по увѣщеванію гр. Юдицкаго, вступилъ я въ его службу порутчикомъ; но между тѣмъ примѣтя, что сей мой принципалъ имѣетъ переписку съ конфедератами и склонность немалую съ ними соединиться, не хотѣлъ болѣе у него остаться, наипаче же потому, что отъ коммиссара его Ивашкевича всякіе мнѣ чинены были притѣсненія, о которыхъ я г. гр. Юдицкому и доносилъ, прося отъ него защищенія, на что въ отвѣтъ имѣлъ, чтобъ угрозъ его, коммиссара, и прочихъ придворныхъ офиціаловъ не опасаться, съ чѣмъ я на квартиру свою и пошелъ; но спустя нѣсколько часовъ, докторъ, тамо случившійся, богемской націи прозваніемъ Гинцъ, пришедъ въ мою квартиру, по дружбѣ объявилъ мнѣ, чтобъ я для спасенія своего живота, какъ можно скорѣе, куда-нибудь скрылся, ибо поляки намѣрены меня изрубить; и такъ я, оставивъ жену и всѣ пожитки, какъ сидѣлъ, взявъ только отъ жены моей одиннадцать рублевъ серебряныхъ денегъ и пять червоныхъ пошелъ къ берегу Днѣпра и нашедъ мужика съ лодкою просилъ его переправить меня за рѣку въ томъ намѣреніи, чтобъ прибѣгнуть подъ высоч. покровъ и защищеніе всеправедн. Рос. императрицы, яко диссидентъ; а нынѣ желаю принятъ быть въ Россійско-императорскую службу въ кавалерійскихъ полкахъ, о чемъ по совѣсти и чести офицерской объявляя, своеручно подписуюсь. А между тѣмъ пріемлю смѣлость, зная свою правость и невинность, всенижайше просить, по принятіи меня во всемил. защищеніе, осво-

бодить изъ Польши жену мою съ пожитками, единственно мнѢ принадлежащими, ибо я въ ПольшѢ никому нечего не долженъ и никого ничѢмъ не обидѢлъ, что и присягою подтвердить могу.

34) О пожалованіи кап. Бастевика въ секундъ-маіоры,—отъ 8 сентября за № 51.

Высоч. В. И. В. рескриптъ отъ 22 прош. августа съ приложеніемъ Кол. иностран. дѢлъ всевысоч. конфирмованнаго доклада о всемилостив. пожалованіи находящагося при здѢшней губ. канц. для заграничныхъ посылокъ кап. Бастевика въ секундъ-маіоры, съ жалованьемъ изъ губернскихъ доходовъ по четыреста рублевъ въ годъ, и о бытіи ему по прежнему при сей канц. для загранич. посылокъ, и что онъ нынѢ по высоч. В. И. В. указу отправленъ во вторую армію для употребленія его въ нужныя коммиссіи,—я сего сентября 6 дня имѢлъ честь получить, по которому должное исполненіе чинено быть имѢетъ.

35) О полученіи им. указа объ учрежденіи Молдав. гусар. полка изъ вышедшихъ въ Новорос. губернію молдаванъ на поселеніе,—отъ 18 октября за № 53.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имен. повелѢнія отъ 21 прош. августа относительно поселенія въ Елисавет. пров. вышедшаго туда подъ протекцію В. И. В. молдавскаго народа и учрежденія изъ онаго одного гусар. полку на мѢсто положеннаго въ Новорос. губерніи Самарскаго, пріемлю смѢлость В. И. В. раболѢпнѢйше донести, что я не преминулъ находящемуся въ управленіи канц. Новорос. губерніи бригадиру Черткову и опредѢленному на нынѢшнее время надъ помянутыми молдавцами командиромъ маіору ЗвѢреву достаточное по содержанію всевысоч. В. И. В. указа предписать наставленіе съ найсильнѢйшимъ при томъ подтвержденіемъ въ распредѢленіи потребнаго рачительнѢйшее употребить стараніе для скорѢйшаго во всемъ томъ исполненія. А между тѢмъ, какой въ семъ учрежденіи происходить будетъ успѢхъ, В. И. В. отъ время до времени съ глубоч. благ. доносить долженствую.

36) По увѣдомленію Могилевскаго пріятеля о пораженіи Турковъ подъ Хотиномъ и пр.,—отъ 18 октября за № 55.

В. И. В. всепод. донести рабской моей должностью признаваю, что

извѣстной Могилевской пріятель отъ 25 прош. сентября увѣдомляетъ, яко въ послѣднихъ числахъ августа одна подъ предвод. трехъ знатныхъ мурзъ толпа въ нѣсколькихъ тысячахъ Татаръ, небольшаго числа конфедератовъ и живущихъ въ ханскомъ владѣніи Волоховъ, называемыхъ Лопошыевъ, по сю сторону Днѣстра на побережіи великіе дѣлала свирѣпства: мѣстечка Томашполь, Месковку, Комаръ-городъ и с. Камянку съ околичными деревнями и слободами разграбила и выжгла, всѣхъ обывателей обоего пола, въ томъ числѣ и множество ретировавшихся туда молдавцевъ плѣнила, а найденные пожитки, хлѣбъ и скотъ съ собою забрала. Въ первыхъ числахъ сентября слѣдовавшій за Днѣстровскою стороною подъ предводительствомъ Буджацкаго султана корпусъ болѣе 20 тысячъ Татаръ на подкрѣпленіе турецкой подъ Хотинымъ арміи въ разстояніи отъ Турецкаго Могилева около пяти верстъ, свѣдавъ отъ бѣгущихъ изъ подъ Хотина Турковъ о неожиданномъ приключеніи, что весь Турецкой гарнизонъ выбрался изъ Хотина, оставивъ крѣпость пусту, и что вся Турецкая армія врозь разбѣжалась, найпоспѣшнѣйшимъ образомъ назадъ возвратился, что изъ разбитыхъ на сей сторонѣ Днѣстра Турокъ спасшіеся бѣгомъ болѣе 200 человѣкъ, пробираясь лѣсами и болотами, сблизились было къ самому Могилеву, гдѣ помощію находящихся тамо Поляковъ надѣялись въ ночное время за рѣку переправлены быть, но прибывшимъ подъ командою капитана Титовича въ тожъ самое время арнаутскимъ деташаментомъ въ лѣсу побиты и не болѣе какъ развѣ человѣкъ до 30 бѣгомъ спаслось; при которомъ сраженіи помянутой капитанъ въ руку раненъ.

Города Ясъ мѣщанинъ заподлинно увѣрялъ, что передовые В. И. В. легкіе войска при вступленіи въ помянутой городъ застали нѣсколько человѣкъ Турковъ и конфедератовъ, изъ которыхъ большую часть порубили, а нѣсколько въ полонъ взяли. Бывшая подъ Хотиномъ Турецкая армія побѣжала частію горами и лѣсами въ Валахію, частію же къ Браилу, знатно съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ за р. Дунай переходить; а визирь съ небольшою частію своего войска, при которомъ и Молдавской господарь, ретировался за Бендеры въ ханское на Днѣстрѣ лежащее мѣстечко Ханкешласы; но думать надобно, что и онъ къ Сакчѣ для переходу за Дунай отправится, ибо, какъ Молдавскіе обыватели единогласно объявляютъ, Туркамъ отъ побѣдоноснаго В. И. В. оружія такой страхъ нанесенъ, котораго и описать не

можно. Многіе изъ Турецкихъ маркитантовъ, Армянъ и кондефератовъ, въ Могилевѣ на торгу для покупки съѣстныхъ припасовъ бывшіе, завѣрно сказывали, что въ послѣднихъ сраженіяхъ Турокъ побито, плѣнено и инако пропало болѣе сорока тысячъ.

37) О поручикѣ Витенѣ,—отъ 31 декабря за № 60[1]).

Во исполненіе всевысоч. В. И. В. повеленія касательно развѣданія о точныхъ причинахъ прибѣжища подъ всемилостивое защищеніе В. И. В. бывшаго порутчикомъ у польскаго гр. Юдицкаго диссидента фонъ-Витена, В. И. В-ву всепод. донести честь имѣю, что по точному о семъ по способности чрезъ Черниговскаго коменданта освѣдомленію оказалось, что онъ, порутчикъ Витенъ, не отъ долгу, но единственно отъ чинимаго ему притѣсненія принужденъ былъ подъ покровительство В. И. В. прибѣгнуть, и что съ собою ничего не снесъ и оклеветанъ польскимъ гр. Юдицкимъ безвинно; и хотя реченному порутчику Витену, въ сходство даннаго мнѣ всевысоч. повеленія, для сысканія по его желанію службы В. И. В. дозволено ѣхать въ С.-Петербургъ, но какъ онъ до такого жалостнаго дошелъ состоянія, что не токмо чѣмъ до С.-Петербурга доѣхать, но почти и дневнаго пропитанія не имѣетъ, то, въ разсужденіи его иностранства и для нѣкотораго облегченія его нынѣшняго бѣднѣйшаго состоянія, не повелѣно-ль будетъ опредѣлить его нынѣшнимъ чиномъ въ гусарскіе Новорос. губерніи полки, дабы онъ, Витенъ, яко прибѣгшій подъ всемил. покровъ, чрезъ то и всещедрѣйшую милость В. И. В. восчуствовалъ.

---

[1]) Должно замѣтить еще реляцію, отъ 13 ноября за № 59, о полученіи рескрипта отъ 6-го ноября относительно освобожденія плѣнныхъ Волоховъ, Грековъ, Болгаръ и Армянъ, и о порутчикѣ Витенѣ и пр. (содержаніе рескрипта не приводится).

Дополненія къ реляціямъ

1768 и 1769 гг.

1) Реляція графа П. А. Румянцова, изъ Нѣжина, о приведеніи въ безопасность Елисаветградской провинціи, — отъ 13-го марта 1768 г.

На представленіе мое, кое по нынѣшнимъ обстоятельствамъ для выгаданія времени, вслѣдствіе всевысоч. имен. указа отъ 8 минувш. ноября относительно Новорос. губерніи, отъ 5-го прош. февраля В. И. В. всепод. учинить осмѣлился, получа всевысоч. монаршее повелѣніе отъ 24-го того-жъ февраля и условясь съ г. генераломъ-губернаторомъ Воейковымъ, съѣхались на половинѣ дороги въ Нѣжинѣ, гдѣ имѣли довольное объ обывателяхъ Елисаветградской провинціи разсужденіе; но уважая нынѣшнее военное время и сообразуясь съ оными обстоятельствами и произойти могущими слѣдствіями, по рабскому нашему усердію, съ общаго согласія лучшаго способа и надежнѣйшаго къ сокращенію обширныхъ съ той стороны границъ средства изобрѣсти не могли, кромѣ всепод. подносимаго при семъ на всевысоч. В. И. В. соизволеніе плана.

Приложеніе: Планъ о приведеніи въ безопасность обывателей Елисаветградской провинціи въ нынѣшнее время.

Мы, нижеподписавшіеся, входя во всѣ подробности, клонящіяся до безопасности обывателей Елисаветградской провинціи, съ общаго согласія слѣдующее постановили, а именно:

1-е) Чтобъ обывателей помянутой провинціи нынѣ за Днѣпръ къ Самарѣ рѣкѣ перевесть для переселенія, крайнѣйшая предусматривается неудобность, ибо весь оной немалочисленной народъ, поселясь

совсѣмъ на открытомъ мѣстѣ, умалчивая о томъ великомъ коронномъ убыткѣ, которой на оное переселеніе употребленъ будетъ, болѣе опасности подверженъ былъ бы, нежели въ нынѣшнихъ жилищахъ по близости гусарскихъ полковъ, ротныхъ шанцовъ и крѣпости св. Елисаветы.

2-е) Правда, безопаснѣе было бъ для сего народа перевесть оной за Днѣпръ въ Малую Россію, ежели бы только способы были къ пропитанію такъ многочисленнаго народа изъ коронныхъ магазиновъ; но въ семъ великая неудобность встрѣчается, ибо сверхъ неимѣнія во всей Малой Россіи толикой впустѣ земли, обыватели оной по нынѣшнему военному времени поставкою провіанта и другихъ въ арміи надобностей и безъ того крайне отягощены; слѣд., переводомъ помянутыхъ народовъ причинено было бъ онымъ чувствительнѣйшее утѣсненіе, а переведенцы въ семъ обстоятельствѣ остались бы безъ нужнаго пропитанія.

3-е) Итакъ, въ разсужденіи вышеписанныхъ неудобствъ, за найспособнѣйшее и лучшее средство признано слѣдующее: Елисаветградскій пикинерный полкъ и поселенныя въ оном на взятой 1764 году въ прибавокъ двадцативерстной земли слободы перевесть въ селенія и шанцы Чернаго и Желтаго гусарскихъ полковъ и въ Мишуринорожскій шанецъ; ибо, какъ ген.-губ. Воейкову положеніе и пространство къ шанцамъ принадлежащей земли извѣстны, помянутые переведенцы не только въ оныхъ помѣщены быть, но и защиту отъ Татарскихъ набѣговъ имѣть могутъ, что недавнимъ примѣромъ и довольно доказано, яко непріятель не осмѣлится набѣги свои на шанцы простирать. Сего ради всѣмъ обывателямъ найстрожайше подтверждено быть имѣетъ, чтобы нынѣ еще, сколько можно, для своей обороны всѣ шанцы лучше укрѣпить, въ коихъ они отъ подобныхъ Татарскихъ набѣговъ уповательно безъ прибавки и введенія другихъ регулярныхъ войскъ свободно себя защитить могутъ, а за сохраненіе оныхъ противъ гораздо великой непріятельской силы никто ручаться не въ состояніи.

4-е) Крѣпость св. Елисаветы равномѣрно надлежитъ, сколько возможно, нынѣ-жъ починить и укрѣпить, снабдя оную положеннымъ гарнизономъ и по числу пушекъ довольнымъ количествомъ снарядовъ, куда для лучшей обороны, въ случаѣ непріятельскаго въ границы той провинціи вступленія, введено быть можетъ изъ ближнихъ вооруженныхъ поселянъ немалое число людей.

5-е и послѣднее). Всѣхъ обывателей, у коихъ ружей нѣтъ, изъ здѣшнихъ цейхгаузовъ исправными снабдить ружьями, порохомъ и свинцомъ, дабы они, когда нужда потребуетъ, оное въ свою оборону противъ непріятеля употребить могли; а для лучшаго въ томъ порядка и наставленія, во все время нынѣшней войны, подчинить обывателей, при вмѣщеніи въ реченные гусарскихъ полковъ шанцы и принадлежащіе къ онымъ земли, тамошнихъ шанцовъ командирамъ съ найсильнѣйшимъ подтвержденіемъ повиноваться своимъ начальникамъ безъ малѣйшаго прекословія.

Подлинной подписали: Графъ Румянцовъ.—Феодоръ Воейковъ.

2) Высочайшій указъ Кіев. генералъ-губернатору Ѳ. М. Воейкову,— отъ 19 іюля 1768 г.

Господинъ генералъ-губернаторъ Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Общей вопль отъ злыхъ и добрыхъ во всей Польшѣ противу недозволеннаго и всю славу военной службы развращающаго, какъ и дѣламъ весьма вреднаго, поведенія нашего генерала-маіора Кречетникова вынуждаетъ изъ насъ такія мѣры, которыя во всякомъ другомъ случаѣ были бъ претительны нашей природной склонности и статскимъ правиламъ. Сей генералъ, по-видимому, вышедъ совсѣмъ изъ предѣловъ должности и уваженія къ славѣ нашего оружія и ослѣпясь мерзкимъ и презрительнымъ корыстолюбіемъ, производитъ, какъ сказываютъ, такія себѣ наживочные грабежи по тамошней землѣ, что уже многіе обозы съ пограбленнымъ оттуда выслалъ, [1]) а другіе и теперь для высылки же въ границы наши позадъ себя возитъ, что произвело уже и страхъ и роптаніе, да и къ нему самому публичное презрѣніе отъ самыхъ его подкомандующихъ. Мы потому, поставляя теперь обязательствомъ нашего званія защитить службу отъ презрительнаго поползновенія, за нужно нашли отозвать генерала-маіора Кречетникова отъ его команды, а вамъ чрезъ сіе поручить съ совершенною нашею довѣренностію къ вашей ревности и прозорливости, чтобъ вы, въ крайнемъ секретѣ избравъ вѣрныхъ людей, чрезъ нихъ по границѣ вашего вѣдомства точно и, какъ возможно, скорѣе по лучшему вашему благоизобрѣтенію развѣдали, какія и когда и чрезъ которыя

[1]) До этихъ словъ тоже самое повторяется въ письмѣ Императрицы къ Румянцеву, напечатанномъ у Соловьева въ его „Ист. Рос.“, т. 27-й, стр. 295.

мѣста и на сколькихъ лошадяхъ были уже высланы обозы отъ того генерала, съ повелѣніемъ также въ крайнемъ секретѣ стеречь тѣхъ, которые впередъ отъ него высланы быть могутъ, и чтобъ оные уже тогда тотчасъ были задержаны и отъ васъ повѣреннымъ человѣкомъ освидѣтельствованы. По сему столь важному для славы и чести военной службы, сколько и деликатному для репутаціи всѣхъ нашихъ генераловъ, вамъ ввѣренному отъ насъ, дѣлу вы имѣете содержать съ нами о исполненіи его безпосредственную переписку, адрессуя ваши доношенія къ намъ въ собственныя наши руки. Мы пребываемъ къ вамъ нашею милостію всегда благосклонны.

Екатерина. Въ Петергофѣ. 19 іюля 1768 года.

3) Реляціи генералъ-губернатора по дѣлу г.-м. Кречетникова:

а) отъ 6-го августа.

В. И. В. высоч. указъ за собственноручнымъ подписаніемъ, отъ 19 минувшаго іюля, я того-жъ мѣсяца 29 числа съ глубочайшимъ благоговѣніемъ получить удостоился, на которой В. И. В. симъ раболѣпнѣйше доношу, что во всеподданнѣйшее исполненіе всевысочайшаго повелѣнія безъ малѣйшаго медленія отъ меня вѣрные люди по границѣ моего вѣдомства къ тѣмъ форпостамъ, у коихъ по указу пропуски чинятся, для подлиннаго о высланныхъ изъ Польши въ Россію обозахъ развѣданія посланы, и, елико сдѣлано будетъ, В. И. В. безпосредственно донести не укосню. Между тѣмъ беру смѣлость В. И. В. по рабской моей должности присовокупить, что до нынѣ о подобныхъ провозахъ чрезъ здѣшнее мѣсто болѣ слуха не было, кромѣ что отъ ген.-маіора Подгоричани послѣ взятья Бердычева отправлено нѣкот. число подъ видомъ купленныхъ имъ для заводу кобылъ и жеребцовъ въ его деревню. А отъ пріѣзжихъ изъ Польши офицеровъ, (особливо же отъ вахмистра здѣшней рейтарской роты Гребенкина, который, слѣдуя изъ Константинополя съ мартовскими депешами, при мѣстечкѣ Погребищахъ конфедератами пойманъ былъ и до взятія Бара подъ карауломъ содержался, гдѣ и освобожденъ)[1], слышно, яко у ген. маіора Кречетникова, при которомъ онъ нѣсколько дней находился, весьма великой

[1] Слова эти, взятыя въ скобки, въ реляціи зачеркнуты.

обозъ, въ коемъ везется множество серебра, денегъ и всякихъ вещей, а, кромѣ цуговыхъ лошадей, однихъ верховыхъ около шестидесятъ имѣетъ. Я признаюсь, всемилостивѣйшая государиня, что по всеподданнической моей должности, ревнуя о сохраненіи славы и репутаціи побѣдоноснаго В. И. В. оружія, присланные съ переловленными разбойниками сюда самые бездѣлные изъ пограбленныхъ пожитки, состоящіе въ одномъ только поношеномъ платьѣ и лоскутьяхъ, ибо по допросамъ явствуетъ, что денги, серебро и протчіе пограбленные дорогіе вещи у сихъ разбойниковъ при поимке командирами тѣхъ деташаментовъ отобраны, приказалъ въ сохраненіе отдавать, единственно въ томъ намѣреніи, чтобы, при опознаніи прибѣгшими въ здѣшнее мѣсто подъ высочайшее В. И. В. покровительство польскими дворянами, каждому его собственное за роспис憂 возвращаемо быть могло, чѣмъ нѣкоторые изъ оныхъ дѣйствительно и удовольствованы. Въ несумнѣнной пребывая надеждѣ, что сей мой отъ единственнаго усердія и ревности учиненной поступокъ всемилостивѣйшаго В. И. В. удостоится благоволенія, повергаю себя къ монаршимъ стопамъ съ раболѣпнѣйшимъ благоговѣніемъ.

б) отъ 22-го августа.

Во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имяннаго за собственноручнымъ подписаніемъ указа, дерзаю В. И. В. съ глубоч. благоговѣніемъ доносить, что хотя два штабъ офицера, на искуство и вѣрность коихъ я совершенно положится могу, по форпостамъ моего вѣдомства и отправлены были для развѣданія, не пропущены ли гдѣ слѣдующіе изъ Польши въ Россію обозы ген. маіора Кречетникова, на сколькихъ имянно лошадяхъ и повозкахъ, однако оные, возвратясь изъ сей посылки, мнѣ по присяжной должности объявили, что нигдѣ о томъ ни малѣйше свѣдать не могли, развѣ не пропущены иногда подъ имянемъ какихъ либо полковыхъ тягостей на отдаленныхъ отсюда форпостахъ; но со всѣмъ тѣмъ на главныхъ пропускныхъ форпостахъ стоящимъ офицерамъ отъ меня найстрожайше подъ крайнимъ секретомъ подтверждено впредь недреманное имѣть смотреніе, ежели какіе обозы изъ Польши помянутаго ген. маіора прибыть имѣли бъ, задержавъ, меня рапортовать, которые повѣреннымъ отъ меня человѣкомъ освидѣтельствованы и В. И. В. о томъ немедленно всеподданнѣйше донесено быть имѣется. Отъ прибывшихъ же

съ арестантами офицеровъ и отъ пріѣзжихъ оттуда куріеровъ слышно заподлино, что весь ген.-м. Кречетникова обозъ нынѣ въ мѣст. Полонномъ, гдѣ и полковые тягости оставлены, находится, а онъ въ Тулчинѣ на-легкѣ съ небольшимъ экипажемъ. О чемъ раболѣпнѣйше донеся, повергаю себя къ монаршимъ В. И. В. стопамъ со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

в) отъ 3-го сентября.

Вслѣдствіе всепод. моего доношенія отъ 22-го минувшаго августа мѣсяца дерзаю В. И. В. раболѣпнѣйше присовокупить, что ген.-м. Кречетниковъ сего мѣсяца 29 числа съ двумя его сыновьями сюда чрезъ Васильковскій форпостъ прибылъ, а 31-го, оставивъ дѣтей здѣсь, въ Переяславъ къ г-ну генералъ-аншефу и кавалеру гр. Румянцову на-легкѣ отправился. Какъ скоро я о слѣдованіи его изъ Польши свѣдалъ, то не преминулъ, во всепод. исполненіе всевысоч. В. И. В. имян. повелѣнія, директору Васильковской таможни Туфанову, яко скромному и вѣрному человѣку, въ крайнѣйшемъ секретѣ предписать во время пріѣзда реченнаго генерала къ форпосту съ пристойнымъ извиненіемъ и учтивостію, ссылаясь на свою инструкцію, настоять о осмотрѣ всего въ обозѣ возимого, къ чему безпрекословно и допущенъ, а сколько какихъ вещей въ бывшемъ при немъ небольшомъ обозѣ найдено, тому точную при семъ на Высоч. усмотреніе съ глубоч. благоговѣніемъ подношу опись. Но какъ по извѣстію тяжелой сего генерала обозъ изъ Полоннаго еще къ Василькову не прибылъ, то отъ меня ему, директору Туфанову, поручено и оной равномѣрнымъ образомъ осмотрѣть и, всѣмъ вещамъ сочиня вѣрную опись, ко мнѣ прислать, которую я во свое время В. И. В. отправить долженствую. Съ раболѣпнымъ подобострастіемъ къ монаршимъ повергаясь стопамъ, и т. д.

Приложеніе: Реестръ, что по осмотру въ Васильковской пограничной таможнѣ явилось въ обозѣ г. генералъ-маіора и кав. Кречетникова, вещей.

Денегъ серебряной россійской монеты *четыре тысячи* рублевъ.

Гардеробъ:

3 мундира, генеральское шитье золотомъ.

На такой же мундиръ новое сукно и шитье.

3 мундира простыхъ безъ шитья.

1 сюртукъ, съ камзоломъ и штанами, суконной, простой.

1 шинель съ золотымъ позументомъ, подбита шелковою байкою.

1 кирея синяго плису на бѣльемъ мѣху, съ золотымъ прибором.

1 кирея алаго сукна на волчьемъ мѣху.

2 шпаги съ серебряными эфесами.

4 эфеса стальныхъ прорѣзныхъ.

1 эфесъ къ польской саблѣ такой же.

1 табакерка серебряная большая безъ позолоты.

2 табакерки серебряныя жъ вызолоченныя.

1 часы столовые мѣдные, большіе въ деревянномъ корпусѣ.

1 часы столовые жъ мѣдные, малые.

1 часы столовые деревянные.

3 волтрана алаго сукна; одинъ съ серебряпымъ гасомъ, два съ золотымъ позументомъ.

2 чепрака старые, шитые одинъ по бархату золотомъ, а другой по сукну серебромъ, и къ нимъ чюшки.

1 чепракъ новой съ чюшками шитъ по зеленому бархату золотомъ съ бахромою.

3 муштука съ поперьемъ и пофями съ серебрянымъ наборомъ, въ томъ числѣ одинъ вызолоченъ.

2 попоны суконныя съ серебрянымъ позументомъ.

1 корпусъ фарфоровой на карманные часы.

1 фигурка серебряная, сдѣланная раковиною, па ней двѣ статуйки костяныя маленькія.

1 фигурка серебряная похожа на крышку; на ней два держанца костяные маленькіе.

3 тулупа калмыцкихъ, въ томъ числѣ одинъ покрытъ цвѣтнымъ люстриномъ, а два безъ покрышки.

3 мѣха бѣльихъ.

Серебряной посуды:

1 платминашъ; въ немъ доска на ножкахъ, длиною въ 10 вершковъ, шириною въ полъ аршина; на ней чаша и на ножкахъ для поклажи фруктовъ 4 сутка; 4 формы, въ кои вставляются хрустальные графинчики, и тѣ графинчики съ серебряною оправою; 2 раковины въ срединѣ вызолочены, кои ставятся по сторонамъ на доскѣ.

4 чаши суповыя съ крышками и подъ нихъ 4 блюда.

6 соусниковъ съ крышками.

8 кострюль соусныхъ съ крышками жъ.

2 конфора.

2 блюда большихъ подъ жаркое.

2 соусника съ ручками, въ срединѣ вызолочены.

8 солонокъ.

2 горчишницы и къ нимъ 2 ложечки.

3 ковша разливныхъ, большихъ.

5 соусныхъ ложекъ.

6 футляровъ кожаныхъ, въ коихъ 3 дюжины ложекъ и 3 дюж. ножей съ вилками.

2 футляра съ 2 дюж. ножей съ вилками.

1 дюж. ложекъ безъ футляра.

2 дюж. ложечекъ конфектныхъ.

2 дюж. чайныхъ.

1 подносъ четвереугольной большой.

2 подноса круглыхъ: одинъ средній, а другой малой.

1 футляръ съ 6 хрустальными покалчиками съ золотомъ.

2 футляра съ 2 дюж. стаканчиками такими жъ.

1 ящикъ съ телескопомъ.

Товаровъ, подлежащихъ къ платежу пошлины:

4 дюж. чулокъ шолковыхъ, мужскихъ.

26 арш. градитуру шелкового вердепо.

26 арш. градитуру мардаре.

25 арш. того жъ двуличнаго.

24 арш. отласу волнистаго по лосинной земли.

26 арш. тово жъ по бѣлой земли.

25 арш. травчетого по фіалетовой земли.

15 арш. травчетого съ синелью по синей земли.

24 1/2 арш. тафты бѣлой съ травами шелковыми.

25 арш. штофу французскаго по фіолетовой земли,

2 штучки полушелковой матеріи хинской.

За недозволительнымъ вывозомъ по указамъ въ Россію оставлены при таможнѣ:

3 шт. турецкихъ телновыхъ обоевъ, тканыхъ съ золотомъ; въ нихъ мѣры 37 1/2 аршинъ.

3 покрывала на столъ турецкихъ же шелковыхъ, тканыхъ съ золотомъ.

на 16 стулъ обоевъ шелковыхъ тканыхъ и вышитыхъ серебромъ.
10 шт. и одинъ остатокъ полотна голанскаго и ворендорскаго.
6 штукъ сукна тритцетоваго.
2 шт. и 12 арш. бреславскаго.
35 арш. трипу шерстянаго.
18 арш. байки шелковой.
1 скатерть голанская и 1 ½ дюж. салфетокъ.
5 арш. трипу бумажнаго.
1 ½ дюж. колпаковъ бумажныхъ.
2 дюж. перчатокъ лайковыхъ дамскихъ.
86 арш. позументу золотаго и серебрянаго одностороннаго.
6 арш. сукна аглицкаго ординарнаго.

Въ ономъ обозѣ:

Въ пряжкахъ и безъ упряжки 58 лошадей, въ томъ числѣ 5 жеребцовъ разной породы, 6 кобылъ съ 4 жеребятами, 2 буйвола; да у адъютанта 1 панцырь кольчужской.

4) Письма ген. губ. Воейкова къ гр. Н. И. Панину:

а) отъ 6-го августа 1768 г.

В. С-ва высокопочтеннѣйшее письмо отъ 19-го іюля я того жъ мѣсяца 29-го числа съ курьеромъ лейбъ-гвардіи сержантомъ Трегубовымъ имѣлъ честь исправно получить, на которое В. С. симъ въ отвѣтъ служу. Присланные сюда изъ переловленныхъ войсками Е. И. В. Запорожскіе разбойники, о коихъ я всеподданнѣйше реляціями отъ 12 и отъ 19-го прошедшаго іюля доносилъ, здѣсь еще подъ крѣпчайшимъ карауломъ содержутся единственно для вынужденія отъ главнаго ихъ начинщика Максима Желѣзняка о всѣхъ его сообщникахъ подлиннѣйшаго свѣданія, ибо сія злодѣйская шайка такъ разсѣялась, что по сіе время, не взирая на всѣ для поимки оной съ нашей стороны принятыя мѣры, еще истреблена быть не можетъ, а потомъ, въ силу объявленнаго мнѣ высоч. соизволенія, точное исполненіе учинить не премину, отправляя таковыхъ скованныхъ въ кандалы разными небольшими партіями для безопаснѣйшаго въ дорогѣ за ними надсматриванія даже до Нерчинска въ вѣчную работу. Что жъ принадлежитъ до Устина Тройницкаго, то какъ скоро оной въ здѣшніе предѣлы ретируется, отъ меня приказано

будетъ, тотчасъ его,какъ настоящаго разбойника, арестовать. Равномѣрно, когда отъ Е. С. чрезвыч. и полномоч. посла кн. Н. В. Репнина или отъ находящихся въ Польшѣ господъ генераловъ плѣнные возмутительныхъ конфедерацкихъ массъ сюда присланы будутъ, я по письменному отъ нихъ требованію съ таковыми точно поступать и въ свое время о томъ всеподданнѣйше доносить не премину; а по сю пору одинъ только безъимянной отъ г. ген.-м. Кречетникова арестантъ ко мнѣ присланъ, о коемъ реляціею моею отъ 8 прошедшаго мая всенижайше донесено съ испрошеніемъ всевысоч. повелѣнія, что съ онымъ предпринять, которой еще здѣсь подъ крѣпкимъ карауломъ содержится.

Между тѣмъ В. С. всепокорнѣйше прошу о исходатайствованіи мнѣ высоч. резолюціи, что съ польскими мужиками предпринять, кои збунтовавшись къ разбойнической шайкѣ пристали и по переловленіи сюда ко мнѣ присланы, каковыхъ здѣсь 137, а въ Новороссійской губерніи болѣе ста человѣкъ содержится.

Въ заключеніе сего, исполняя повелѣніе В. С., прилагаю при семъ, по секретному Е. И. В. высоч. указу, мое рабское доношеніе для поднесенія всемил. нашей самодержицѣ, имѣю честь съ достовѣрнѣйшимъ высокопочитаніемъ и съ искреннѣйшею преданностію быть В. С., мил. гос. моего,—(подпись).

б) отъ 21-го августа.

На два В. С. почт. письма, коими меня отъ 4-го сего августа удостоить изволили, имѣю честь симъ въ отвѣтъ служить: елико до пріѣзжающихъ изъ за границы Греческихъ монаховъ принадлежитъ, то по похвальному условію г. резидента Обрѣзкова съ Константинопольскимъ патріархомъ о невпускѣ въ границы таковыхъ, кои паспортами отъ пребывающихъ въ Цареградѣ нашихъ министровъ не снабдѣны, въ силу высоч. Е. И. В. повелѣнія, отъ меня на всѣ пограничные вѣдомства моего форпосты надлежащія подтвержденія учинены. На второе В. С. доношу, что извѣстной Якубъ письмомъ своимъ вновь немалой поводъ къ сумнѣнію мнѣ подалъ, какъ В. С. изъ сегоднешней реляціи моей № 47 и приложеній къ оной обстоятельнѣе усмотрѣть изволите, ибо страсть къ корыстолюбію такъ его убѣдила, что не устыдился у прибѣгшаго къ его защищенію

и обиженнаго явно весьма нагло забрать послѣдніе отъ разграбленія спасенные товары въ зачетъ двугодоваго пенсіона, о коемъ онъ давно домогался, давъ ему вексель и письмо къ надв. сов. Никифорову о уплатѣ 1869 рублевъ. Я не премину, при случаѣ формальнаго приглашенія его быть очевиднымъ свидѣтелемъ исполненію при Орловской слободѣ надъ злодѣями, нарушившими общенародной покой, по повеленію В. С., приказать надв. сов. Никифорову къ нему отписать съ испрошеніемъ откровеннаго и подробнаго сообщенія о всѣхъ обращеніяхъ и происках французскаго эмиссара Тота при ханѣ Крымскомъ, въ какомъ онъ у него кредитѣ и какія точно и чрезъ кого именно тамо дѣла онъ производитъ, а какой отъ него на оное отвѣтъ присланъ будетъ, въ свое время В. С. донести не оставлю, пребывая впрочемъ съ наисовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и съ истиннѣйшею преданностію.

в) отъ 22-го августа.

В. С. благосклоннѣйшимъ письмомъ отъ 14 сего августа мнѣ знать дать изволили о полученномъ чрезъ Варшаву отъ тайн. сов. Обрѣзкова извѣстіи, что Порта Оттоман. крайне огорчилась первою вѣдомостію о разореніи скитавшимися по Польшѣ разбойниками Татарскихъ слободъ Балты и Голты, ибо ей тѣ разбойники предъявлены были воинскою нашею командою и проч., при коемъ приложенъ экстрактъ изъ рескрипта гр. П. А. Румянцову для вѣдома о прибѣгшихъ въ границы наши Полякахъ; на которое имѣю честь симъ въ отвѣтъ служить, что по высоч. повелѣнію надъ здѣшними подданными, кои въ числѣ гайдамаковъ въ Польшѣ пойманы и сюда съ разныхъ сторонъ присланы, формальной судъ съ крайне возможнѣйшимъ поспѣшеніемъ производится, но за многимъ числомъ сихъ злодѣевъ оной до нынѣ окончанъ быть не могъ, какъ В. С. изъ сегоднешнихъ моихъ всеподд. реляцій (№ 46 и приложеній къ оной, такожь и № 49) обстоятельнѣе усмотрѣть изволите, ибо я не преминулъ о томъ предварительно хана Крымскаго увѣдомить для умягченія первымъ до него дошедшимъ неосновательнымъ слухомъ раздраженнаго его духа. Я намѣренъ умножившуюся винныхъ толпу раздѣлить на четыре части, изъ коихъ три въ Елисаветградской провинціи при границѣ Турецкой, Польской и Сѣчи Запорожской наказаны быть имѣютъ, а одна при границѣ

здѣшней у Васильковскаго форпоста, гдѣ главной проѣздъ къ Бендеру, Молдавіи, Валахіи и Константинополю, ибо при сихъ мѣстахъ Турецкіе подданые купно съ Поляками всему происхожденію самовидцами быть могутъ.

Приговоръ преступникамъ будетъ согласенъ съ законами и со внѣшними политическими уваженіями. По предписанію В. С., къ хану Крымскому письмо отъ меня послано быть имѣетъ на предписанномъ же мнѣ основаніи по окончаніи суда надъ Запорожцами. Плѣнныхъ, кромѣ упомянутаго въ реляціи моей № 48 ротмистра, болѣ ко мнѣ не прислано, а когда пришлются, по письму Е. С. кн. Н. В. Репнина съ оными поступить не примину. Безъизвѣстной здѣсь находящійся арестантъ, которой, какъ я догадываюсь, есть тотъ попъ Марекъ, о коемъ В. С. упоминать изволите, содержанъ будетъ подъ крѣпчайшимъ карауломъ до указа.

Итакъ, отвѣтствовавъ В. С. на высокопочтеннѣйшее ваше письмо, слѣдующее присовокупить за долгъ поставляю, что, не взирая на учиненныя распоряженія для поимки нашими войсками гайдамаковъ въ Польшѣ и на обнародованіе манифестовъ, по извѣстіямъ, толпа злодѣевъ какъ Польскими подданными, такъ и Запорожцами, по разнымъ мѣстамъ въ удобныхъ для нихъ лѣсахъ еще безпрестанно шатается, откуда на разныя села и мѣстечки нападенія дѣлаетъ. Напослѣдокъ имѣю честь включить здѣсь мое рабское доношеніе по секретному указу для поднесенія Е. И. В., съ найсовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и истиннѣйшею преданностію пребываю.

г) отъ 3-го сентября.

В. С. имѣю честь донести: г. ген.-м. и кав. Кречетниковъ сюда прибылъ и въ Переяславъ къ Е. С. гр. П. А. Румянцову отправлялся, о чемъ Е. И. В. включеннымъ здѣсь всеподд. доношеніемъ, о поднесеніи котораго В. С. покорнѣйше прошу, отъ меня обстоятельно изъяснено.

Елико же до содержащихся здѣсь злодѣевъ и до прочихъ пограничныхъ обстоятельствъ принадлежитъ, то все оное В. С. изъ сегоднешнихъ моихъ всеподд. реляцій милостиво усмотрѣть изволите. Итакъ, не находя болѣе къ донесенію, присовокупляю только, что гайдамацкая шайка въ Польшѣ преслѣдованіемъ и поимкою нашихъ

войскъ отъ время до времени умаляться, а взволнованная подлость, смотря на то, нѣсколько успокоиваться стала, я имѣю честь быть и т. д.

д) отъ 3-го ноября изъ Кременчука.

По отправленіи послѣднихъ моихъ 4-го числа прошедшаго м-ца всеподд. доношеній отправился я, во всениж. исполненіе всевысоч. именнаго Е. И. В., нашей всемил. Самодержцы, повелѣнія, для осмотру и другой половины Новороссійской губерніи изъ Кременчука въ Бахмутъ, откуда 21-го октября сюда возвратился, но, по несчастію моему, съ такимъ жестокимъ болѣзненнымъ припадкомъ, что и до сихъ поръ отъ великой слабости въ прежнее состояніе прійти не могу.

В. С. изъ сегоднешней моей экспедиціи усмотрѣть изволите, что Порта уже свою маску сняла и не только г. резидента Обрѣзкова въ Едикуль посадить велѣла, но и войну Россійской Имперіи объявила.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ, по рабской моей должности, иного не остается, какъ неутомленное попеченіе, по сношенію съ Е. С. ген.-анш. и кав. гр. П. А. Румянцовымъ, яко съ главнымъ командующимъ всей Украинской дивизіи, имѣть о лучшихъ распоряженіяхъ для сохраненія цѣлости границъ и учиненія всѣмъ наглостямъ удобовозможнаго отпору, ибо количество и качество подчиненнаго мнѣ войска къ обнятію обширности границъ ввѣренной мнѣ Новороссійской губерніи весьма недостаточно; а между тѣмъ въ ожиданіи В. С. мудрыхъ по сему наставленій, препоручая себя неотмѣнному продолженію вашего ко мнѣ благоволенія, съ достодолжнѣйшимъ пребываю и т. д.

е) отъ 27-го ноября.

В. С. всепочтеннѣйшее письмо отъ 8-го сего ноября я имѣлъ честь исправно получить. За обстоятельное увѣдомленіе о точныхъ происшествіяхъ въ Константинополѣ относительно вѣроломнаго поступка Порты я всепокорнѣйше и найпризнательнѣйше приношу В. С. благодареніе.

Елико до защищенія Елисаветградской первымъ Татарскимъ набѣгамъ подверженной провинціи касается, то я, не утруждая

В. С. пространнымъ того изъясненіемъ, ссылаюсь на мою отъ 17-го сего ноября и нынѣшніе всепод. реляціи, изъ коихъ благосклоннѣйше примѣтить изволите, что я всеудобнымышленные мѣры, по ревности моей, употребилъ и войска такимъ образомъ кордономъ расположилъ, что при потребномъ случаѣ одна линія свободно другою подкрѣплена быть можетъ для учиненія Татарскому стремленію возможнаго препятствія. Теперь же мнѣ иного присовокупить не остается, какъ искреннѣйшую В. С. изъявить благодарность за благопріятнѣйшее сообщеніе всеобщей радости, что Е. И. В. въ С.-Петербургъ 1-го числа сего при совершенномъ здравіи возвратиться изволила, что въ тотъ же самой день Е. И. В. государю цесаревичу вел. князю оспа привита и операція благополучно происходитъ, предвѣщая намъ чрезъ нѣсколько дней несумнѣнно сходственное съ усердными желаніями нашими совершенное дражайшаго здравія его возстановленіе. Препоручая себя и т. д.

ж) отъ 9-го января 1769 г.

В. Грф. С. всепочтеннѣйшее письмо, коимъ меня отъ 19-го прошед. м-ца удостоить изволили, имѣлъ я честь со всѣми приложеніями исправно получить. Вслѣдствіе чего Вамъ, м. г., покорн. доношу, что при отправленіи всевысоч. грамоты къ войску Запорожскому я не преминулъ и ваше письмо къ кошевому атаману Калнишевскому съ моимъ препроводить, съ котораго при семъ для усмотрѣнія подношу копію. А между тѣмъ, какъ изъ моихъ сегоднешнихъ всепод. реляцій примѣтить изволите, въ Запорожской Сѣчи произошелъ было отъ сиромахъ бунтъ, которой хотя храбрымъ и мужественнымъ поступкомъ случившагося въ Новосѣченскомъ ретранжаментѣ Желт. гусар. полка капитана Марковича безъ дальнѣйшимъ слѣдствій и успокоенъ, однако въ разсужденіи того, что сей катастрофъ отъ смежныхъ съ Запорожцами Татаръ утаенъ быть не можетъ, я заключать сталъ, что кошевому въ начатіи возложенной на него толь важной коммиссіи можетъ нѣкоторое произойти затрудненіе.

По прибытія сюда асессора Чугуевца я не только собою, но и чрезъ канц. сов. Веселицкаго о всемъ, до помянутой коммиссіи принадлежащемъ, съ нимъ объяснялся, но и отъ него мое заключеніе подтверждено; ибо онъ по знанію нравовъ и склонностей необуздан-

наго Татарскаго народа, сильными доводами доказывалъ, что послѣ сего въ Сѣчи происшествія, не взирая на возстановленіе кошевого и прежнихъ старшинъ, внушаемые отъ него Татарамъ увѣщеванія и посулы не могутъ быть столько уважены и въ такой силѣ приняты, чтобъ по онымъ какого либо успѣха ожидать; но вопреки тому опасность предвидится, чтобъ такое покушеніе начатому уже прежде въ Едисанской ордѣ дѣлу главную помѣху не сдѣлало.

По симъ обстоятельствамъ я приказалъ ассесору Чугуевцу къ кошевому атаману отписать съ истребованіемъ по сему дѣлу его мнѣнія, до полученія котораго изготовленъ надежный отъ него, Чугуевца, человѣкъ для отправленія оного, буде кошевой согласится, въ Едичкульскую орду съ словеснымъ мурзамъ внушеніемъ или съ письменнымъ увѣщеваніемъ; а между тѣмъ уповательно, что отъ посланныхъ въ Едисанскую орду нарочныхъ какой-либо отвѣтъ до меня дойдетъ, по которому я не премину найудобвозможнѣйшія и сходнѣйшія мѣры обще съ Е. С. гр. П. А. Румянцовымъ сыскивать къ надлежащему произведенію сего толь важнаго дѣла; а что по оному происходить будетъ, В. Грф. С. доносить не оставлю. Итакъ, вручая себя неотмѣнной вашей ко мнѣ милости и покровительству, съ достовѣрнѣйшимъ и т. д.

ОТДѢЛЪ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической Коммиссіи*).

Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею.

Томы XI—XVIII. Вильна, 1880—1891 гг.

Какъ извѣстно, въ Россіи, а именно въ Вильнѣ, Витебскѣ и Кіевѣ, существуютъ три такъ называемыхъ центральныхъ архива, куда съ половины текущаго столѣтія (съ 1852 г.) по настоящее время собрано для храненія свыше 32000 (32152) актовыхъ книгъ изъ различныхъ судебныхъ мѣстъ сѣверо и юго-западнаго края, входившаго въ составъ Литовско-русскаго государства и отчасти Польскаго королевства. Въ двухъ названныхъ пунктахъ—въ Вильнѣ и Кіевѣ—были учреждены археографическія коммиссіи, или, какъ онѣ оффиціально титулуются,—„коммиссіи для разбора древнихъ актовъ“. Въ Вильнѣ кромѣ того, параллельно съ коммиссіей, учрежденъ былъ въ 1866 г. особый комитетъ при Виленскомъ учебномъ округѣ для собиранія актовъ во всемъ западномъ краѣ и печатанія ихъ въ особомъ изданіи—„Археографическомъ сборникѣ документовъ“.

Упомянутыя коммиссіи и комитетъ уже давно и съ честью подви-

*) Обзоръ этотъ былъ предметомъ доклада въ засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца 8 марта и 19 апрѣля 1892 г. Здѣсь онъ печатается въ значительно сокращенномъ видѣ.

Авт.

заются на поприщѣ изданія (и разработки) историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ названныхъ архивахъ, въ различныхъ монастыряхъ и пр. Такимъ образомъ мы имѣемъ 21 томъ матеріаловъ, изданныхъ Кіевской коммиссіей подъ общимъ заглавіемъ: „*Архивъ юго-западной Россіи*“; 18 т. in—4°, изданныхъ Виленской коммиссіей подъ названіемъ: „*Акты Виленской археограф. коммиссіи*“ и 11 т. „*Археографическаго сборника документовъ*“, изданныхъ выше названнымъ комитетомъ. Кромѣ того, обѣ коммиссіи выпустили около 30 томовъ „отдѣльныхъ изданій“, куда вошли большіе памятники (лѣтописи, писцовыя книги и проч.), личные и географич. указатели, нѣкоторыя ученыя работы и т. п.

Матеріалы Витебскаго центральнаго архива также не лежатъ втуне: несмотря на то, что въ Витебскѣ археографической коммиссіи не существуетъ, съ 1871 г. начато, на правительственныя же средства, изданіе актовъ и этого архива подъ общимъ наименованіемъ „*Историко-юридическіе матеріалы*“, которыхъ вышло уже 21 т.[1]).

Итакъ, подводя итогъ, мы получаемъ солидную сумму—около 100 томовъ матеріаловъ, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ 3-хъ центральныхъ архивовъ, и въ томъ числѣ около 70 том. отдѣльныхъ актовъ. Пора оріентироваться среди этой груды матеріаловъ, особенно если принять во вниманіе мѣсто выхода (изданія провинціальныя) и малораспространенность этихъ изданій, сложность и разнообразіе ихъ плана (а иногда и отсутствіе к.-л. опредѣленнаго плана) и, наконецъ, разнообразіе вопросовъ, на которые отвѣчаютъ или для рѣшенія которыхъ даютъ цѣнныя данныя вошедшіе въ эти изданія матеріалы. Если же ко всему этому прибавить отсутствіе въ современной общей періодической печати обстоятельныхъ критическихъ обозрѣній текущей научной литературы или же ихъ случайность и неполноту, превращающую зачастую эти обозрѣнія въ перечень заглавій книгъ и фамилій ихъ авторовъ или издателей, то легко предположить, что названныя выше изданія и цѣнные матеріалы, въ нихъ заключающіеся, извѣстны лишь небольшому числу спеціалистовъ, но далеко не дѣлаются достояніемъ всѣхъ интересующихся историческимъ прошлымъ нашего отечества.

---

[1]) Къ слову сказать, послѣднее изданіе особенно отличается своей малоизвѣстностью: для продажи въ книжные магазины оно почти не поступаетъ, а въ библіотеки такихъ даже учрежденій, какъ напр. университеты, высылается далеко не аккуратно.

Въ видахъ ознакомленія тѣхъ, кому не попадались въ руки эти изданія, съ тѣми матеріалами, которые въ нихъ заключаются и которые зачастую имѣютъ интересъ не для однихъ только спеціалистовъ, мы и рѣшились представить обзоръ—на первый разъ—изданій Виленской археографической коммиссіи за послѣдніе годы, начиная съ 1880 г. Желая однако сдѣлать этотъ обзоръ болѣе полнымъ, а дальнѣйшее свое изложеніе болѣе понятнымъ, мы позволимъ себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ о матеріалахъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ (на основаніи новѣйшихъ свѣдѣній о немъ[1]), о Виленской археографической коммиссіи, а также вкратцѣ и о томъ, что она сдѣлала до обозрѣваемаго періода, т. е. до 1880 г. Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ и самостоятельный интересъ.

Виленскій центральный архивъ открытъ въ маѣ 1853 г., на основаніи Высочайшаго указа отъ 2 апр. 1852 г. Въ томъ же году поступило въ него 3046 актовыхъ книгъ. Число это постепенно возростало и къ 1886 г. достигло 19627 кн.; съ передачей же въ 1887 г. въ этотъ архивъ Люблинскихъ актовыхъ книгъ, общее число книгъ Виленскаго архива дошло до огромной цифры—24445, исчерпывающей всѣ наличныя древнія актовыя книги по огромному пространству пяти нынѣшнихъ губерній: Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской и Люблинской.

По содержанію своему актовыя книги В. Ц. А., за исключеніемъ книгъ Люблинскихъ, которыя еще не вполнѣ разобраны, раздѣляются такъ: 4000 акт. крѣпостныхъ книгъ, 3500 декретовыхъ, 1400 поточныхъ и свыше 1000 инвентарей, люстрацій, тарифовъ и т. п.—По времени древнѣйшими актовыми книгами на *русскомъ* языкѣ являются: Гродненскія земскія—съ 1539 г., Пинскія гродскія—съ 1558 г., Жомойтскія (Россіенскія)—съ 1575 г.; что же касается Виленскихъ книгъ (гродскихъ, земскихъ и трибунальныхъ), то онѣ начинаются лишь съ 1662 г., ибо болѣе древнія изъ нихъ уничтожены во время войны Алексѣя Михайловича съ королемъ Яномъ-Казиміромъ. На *латинскомъ* яз. имѣются и *болѣе древнія:* Ковенскаго магистрата съ 1522 г. (онѣ писаны не только на латинскомъ, но частію и на рус-

---

[1]) Свѣдѣнія эти обязательно были сообщены намъ архиваріусомъ Вилен. централ. архива и членомъ тамошней археографической коммиссіи—И. Я. Спрогисомъ.

скомъ и нѣмецкомъ языкахъ), Дрогичинскаго земскаго суда—актовыя съ 1529 г., а протокольныя съ 1440 г., и Холмскія—земскія съ 1428 г., а гродскія записовыя даже съ 1402 года.

Вообще Виленскій архивъ во всѣхъ отношеніяхъ самый богатый изъ нашихъ центральныхъ архивовъ: и по количеству книгъ [1]), и по древности ихъ[2]), и по составу этихъ книгъ[3]), и, наконецъ, по району, охватываемому ими.

Личный составъ этого огромнаго архива, на содержаніе котораго ежегодно отпускается всего 3500 руб. [4]), весьма невеликъ: онъ состоитъ изъ архиваріуса и двухъ его помощниковъ.

Что касается Археографической коммиссіи, то она—учрежденіе самостоятельное и совершенно независимое отъ ц. архива. Учреждена она, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1864 г. по иниціативѣ извѣстнаго гр. М. Н. Муравьева. На содержаніе коммиссіи и изданіе памятниковъ первоначально было ассигновано по 7000 руб. ежегодно (2 т руб. предсѣдателю, по 1 т. каждому изъ трехъ членовъ и 2 т. руб. на изданіе); при этомъ вмѣнено ей въ обязанность извлекать изъ актовыхъ книгъ и печатать: 1) документы, касающіеся русскихъ (православныхъ и уніатскихъ) церквей и монастырей, 2) духовныя завѣщанія лицъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, 3) инструкціи посламъ на сеймы, королевскіе привилегіи городамъ, мѣстечкамъ, сословіямъ и т. д. и вообще „выдающагося интереса акты“ и издавать непремѣнно по одному тому актовъ ежегодно.

Послѣднее conditio sine qua non не мало препятствовало коммиссіи стать въ своихъ изданіяхъ на раціональную почву,—ознакомиться

---

[1]) Оно превышаетъ болѣе чѣмъ въ 4 раза число книгъ Кіевскаго ц. арх., въ которомъ числится ихъ 5584 и болѣе чѣмъ въ 13 разъ число книгъ Витебскаго архива, гдѣ имѣется лишь 1823 кн.

[2]) Въ Кіевскомъ ц. арх. самая древняя акт. книга относится къ 1520 г. (это кн. № 4384—записов., поточная и проток. рѣшеній войтовскаго и лавничаго суда, на латинскомъ языкѣ), а въ Витебскомъ—лишь къ 1560 г.

[3]) Въ Виленскій ц. арх. вошли, можно полагать, всѣ наличныя книги Главнаго Литовскаго трибунала, между тѣмъ какъ въ Кіев. ц. арх. имѣется лишь около 30 позднѣйшихъ книгъ Люблинскаго трибунала.

[4]) По новымъ штатамъ, Высочайше утвержденнымъ 20 марта 1884 г., сумма эта распредѣляется такъ: на жалованіе архиваріусу 1000 руб., а 2-мъ его помощникамъ по 800 руб. каждому и на канцелярскіе и проч. расходы (наемъ писцовъ, сторожа, письменныя принадлежности и пр.)—900 руб.

прежде всего и въ достаточной степени съ массой хранящагося въ В. ц. арх. матеріала, а затѣмъ, на основаніи этого ознакомленія, выработать надлежащій болѣе или менѣе научный планъ изданія. Поневолѣ пришлось избрать краткій и легкій, хотя и нераціональный путь къ достиженію намѣченной цѣли, а именно коммиссія остановилась на слѣд. планѣ изданія: разсматривать актовыя книги по судамъ и весь научный матеріалъ, найденный въ разсмотрѣнныхъ акт. книгахъ одного или нѣсколькихъ судебныхъ мѣстъ опредѣленнаго географич. района, издавать въ одномъ томѣ, какъ бы разнообразенъ и разнороденъ этотъ матеріалъ ни былъ.

Другой причиной избранія такого довольно неудачнаго плана,—а еще болѣе, причиной малоуспѣшной вообще дѣятельности коммиссіи на первыхъ порахъ—былъ первоначальный личный составъ ея. Сюда вошли: предсѣдатель, б. профессоръ русской исторіи въ Виленскомъ университетѣ П. В. Кукольникъ и 3 члена, изъ которыхъ работалъ для коммиссіи и обладалъ подготовкой къ такой работѣ лишь одинъ (Н. И. Горбачевскій)[1]). Впрочемъ до 1870 г., когда дѣла коммиссіи приняли другой (лучшій) оборотъ, было все-таки выпущено 2 тома актовъ (въ 1865—7 гг.)

Послѣ П. Кукольника нѣкоторое время предсѣдателемъ былъ нынѣшій профессоръ Харьковскаго университета П. А. Безсоновъ, а съ 1868 г. галицкій ученый, протоіерей Я. Ѳ. Головацкій. При немъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ 1870 г. сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ коммиссіи, направленныя къ ускоренію ея работъ[2]). Уставъ этотъ, данный въ видѣ опыта на 3 года, не коснулся однако измѣненія самой программы изданій и дѣятельности коммиссіи; то же надо сказать и о новыхъ правилахъ для коммиссіи, данныхъ ей М. Н. Пр. въ 1876 г. При Я. Головацкомъ и нынѣшнемъ (съ 1888 г.)

---

[1]) Двумя др. членами были: 1) протоіерей собора о. Антоній Пщолко и 2) начальникъ отдѣленія канцеляріи гл. нач. края д. с. с. И. А. Никотинъ. Но 1-й изъ нихъ, какъ заявлено въ предисловіи къ III т. актовъ, „почти вовсе не являлся въ коммиссію“, а г. Никотину, какъ отвѣтственному чиновнику, было тоже не до ученыхъ изданій, къ тому же онъ вскорѣ получилъ иное назначеніе.

[2]) А именно: 1) увеличена общая штатная сумма, отпускаемая на содержаніе коммиссіи, до 8000 р., 2) члены коммиссіи должны получать каждый не свыше 1200 р. въ годъ, но уже не въ видѣ жалованія, а въ видѣ заработной платы, опредѣляемой предсѣдателемъ коммиссіи и утверждаемой попечителемъ учебн. округа помѣсячно.

предсѣдателѣ коммиссіи Ю. Ѳ. Крачковскомъ произошли измѣненія и въ личномъ составѣ членовъ: прежнихъ смѣнили новые, большею частью изъ среды преподавателей мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній; всѣхъ членовъ коммиссіи, сверхъ предсѣдателя ея, въ настоящее время 4.

Съ изданіемъ новыхъ правилъ для коммиссіи, переходомъ предсѣдательства къ Я. Ѳ. Головацкому и съ обновленіемъ и увеличеніемъ состава членовъ комиссіи, дѣятельность ея замѣтно оживилась: съ 1870 по 1880 гг. издано 8, а съ 1880 по настоящій годъ также 8 объемистыхъ томовъ актовъ, не считая отдѣльныхъ цѣнныхъ изданій, каковы — Ординація королевскихъ пущъ, изд. въ 1873 г., Ревизія Кобринской экономіи (1563г.) —1876 и Писцовыя книги: Пинскаго староства (1561—66 гг)., 2 т. —1874 г., Гродненской экономіи XVI ст., 2 т.—1882 г., Пинскаго и Клецкаго княжествъ (1552—55 гг.)—1884 г. Кромѣ того, коммиссія успѣла въ достаточной степени ознакомиться съ содержаніемъ актовыхъ книгъ В. Ц. Арх., вполнѣ освоилась съ своими задачами и порученнымъ ей дѣломъ и, такимъ образомъ, получила въ послѣднее время возможность выпускать въ свѣтъ цѣлые томы совершенно однороднаго матеріала, каковы (кромѣ упомянутыхъ отдѣльныхъ изданій) XIV, XVI, XVII и XVIII т. т. актовъ.

— —

До обозрѣваемаго періода, т. е. до 1880 г., коммиссія издала 10 том. отдѣльныхъ актовъ по плану, выработанному въ началѣ ея дѣятельности и указанному нами нѣсколько выше. Въ эти 10 т. (изъ которыхъ нѣкоторые, напр. V, VI и X чрезвычайно интересны) вошелъ матеріалъ, извлеченный изъ Гродненскихъ, Брестскихъ, Кобринскихъ, Каменецкихъ и Виленскихъ книгъ земскаго, гродскаго и магдебургскаго судовъ. Акты каждаго почти изъ названныхъ томовъ разбивались на слѣд. отдѣлы: 1) акты, относящіеся къ исторіи зап.-русской церкви, 2) акты административные и 3) акты юридическіе (NB.: въ первыхъ 2-хъ томахъ былъ еще и 4-ый, весьма странный, отдѣлъ: „акты, замѣчательные по оригинальности событія,“ но въ дальнѣйшихъ томахъ онъ уже не встрѣчается болѣе). Главная цѣль, которую преслѣдовала коммиссія при изданіи первыхъ 10-ти томовъ и которую (въ цѣломъ ея объемѣ) она еще не вполнѣ оставила и въ дальнѣйшихъ своихъ изданіяхъ,—это, во 1-хъ, доказать, что православная вѣра долгое время была самой распространенной въ предѣлахъ западно-русскаго государ-

ства и, кромѣ того, отмѣтить все, что̀ носило тамъ на себѣ отпечатокъ православія и русской національности, а во 2-хъ, выяснить древній экономическій и юридическій бытъ западнаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ на немъ пагубно отразилось вліяніе польскихъ элементовъ, какая безпорядочность вслѣдствіе этого царила въ Литовско-русскомъ государствѣ въ XVII и XVIII ст. и т. п.

Съ XI т., съ разсмотрѣнія котораго мы и начнемъ наше обозрѣніе, коммиссія, оставивъ пока въ сторонѣ актовыя книги низшихъ (преимущ. земскихъ и гродскихъ) судовъ, перешла къ печатанію *актовъ и декретовъ Главнаго Литовскаго трибунала*, составляющихъ завидное богатство Виленскаго центр. архива и главное его преимущество предъ двумя прочими [1]).

Изъ 6660 книгъ и дѣлъ Гл. Л. трибунала, имѣющихся въ В. ц. архивѣ, особенно интересны для исторіи края около 469 кн. (см. предисл. къ XI т.); изъ нихъ 188—крѣпостныхъ, куда заносились разнаго рода юридическіе акты: завѣщанія, дарственныя и т. п., и 281 декретовыхъ, т. е. такихъ, куда вносились судебныя рѣшенія трибунала. Несмотря на то, что древнѣйшія—конца XVI и начала XVII вв.—трибунальныя книги погибли, тѣмъ не менѣе и въ имѣющихся болѣе позднихъ книгахъ встрѣчаются акты XVI, XV и даже XIV вв. Они сохранились (конечно, въ копіяхъ), благодаря тому, что при различнаго рода тяжбахъ стороны нерѣдко предъявляли для подкрѣпленія своихъ притязаній документы, доставшіеся имъ отъ ихъ предковъ. Всѣ болѣе древніе акты, встрѣченные нами въ обозрѣваемыхъ томахъ Виленскихъ актовъ, мы въ своемъ мѣстѣ будемъ отмѣчать.

Итакъ, обратимся непосредственно къ XI т., съ котораго начато печатаніе актовъ Литовскаго трибунала, и къ слѣдующимъ за нимъ. Предварительно однако замѣтимъ слѣдующее.

Подлежащіе нашему разсмотрѣнію XI—XVIII тт. актовъ и по плану изданія, и по содержанію своему—не однородны. Въ первомъ отношеніи, упомянутые томы можно раздѣлить на двѣ группы: 1) тт. XI, XII, XIII и XV, источникомъ которыхъ послужили исключительно книги Литовскаго

---

[1]) Главный Литовскій трибуналъ, учрежденный въ 1581 г. при Стефанѣ Баторіи былъ, какъ извѣстно, высшей судебной (преимущественно апелляціонной) инстанціей въ вел.кн., Литовскомъ; приговоры его имѣли силу сеймовыхъ постановленій, которыхъ не въ правѣ былъ отмѣнять даже самъ король и вел. князь.

трибунала, содержатъ въ себѣ разнородный матеріалъ, подраздѣляющійся почти въ каждомъ томѣ на нѣсколько отдѣловъ; эта группа носитъ на себѣ ясные слѣды несостоятельности первоначально усвоеннаго плана и 2) т. т. XIV, XVI, XVII и XVIII состоятъ (каждый въ отдѣльности) изъ совершенно однороднаго матеріала, что облегчаетъ систематическую его обработку. Во второмъ отношеніи, т. е. по содержанію, тѣ же томы разсматриваемаго изданія дѣлятся также на 2 группы: т. т. XI, XII, XV и XVI, составляющіе 1-ую группу, относятся исключительно или главнымъ образомъ къ *исторіи церкви*, хотя представляютъ интересъ и въ др. отношеніяхъ (напр., т. XV); остальные же (XIII, XIV, XVII и XVIII) посвящены исторіи вообще и въ особенности *исторіи экономич. и юридическаго быта* сѣверо-западнаго края.

Этой послѣдней группировки мы и будемъ придерживаться въ настоящемъ краткомъ обзорѣ, при чемъ главное вниманіе обратимъ на данныя по исторіи права.

I.

По содержанію своему акты XI т., какъ уже было замѣчено, всѣ относятся къ исторіи западно-русской церкви и состоятъ преимущественно изъ завѣщаній, дарственныхъ и купчихъ, совершенныхъ различными лицами въ пользу православныхъ и отчасти уніатскихъ церквей и монастырей. По времени акты эти охватываютъ XIV—XVIII ст., т. е. пять вѣковъ,—періодъ очень обширный для 166 актовъ, имѣющихся въ этомъ томѣ. Обстоятельство это лишаетъ возможности представить себѣ на основаніи даннаго матеріала полную картину положенія церкви въ к.-л. опредѣленную эпоху. Произошло же оно оттого, что редакція, повидимому, преслѣдовала главнымъ образомъ др. задачу—представить исторію отдѣльныхъ церквей или монастырей края.

Древнѣйшими актами въ настоящемъ томѣ являются: актъ обмежеванія спорныхъ земель Лавришовскаго монастыря въ 1398 г. (№ 1), подтвердительная 1410 г. жалов. грамота кор. Александра нѣкоему Исаевичу на дворовое мѣсто въ г. Вильнѣ (№ 2) и фундушевая запись Анны Вяжевичевой Сулятицкой церкви, 1433 г. (№ 3).

Изъ цѣлаго ряда составляющихъ значительную группу въ данномъ томѣ фундушевыхъ записей, древнѣйшей изъ которыхъ является

только-что упомянутая [1]), видно, что не только частныя лица, какъ богатыя и знатныя, такъ и незнатныя (скромные земяне), дѣлились своимъ избыткомъ съ церквами и тѣмъ обезпечивали ихъ благосостояніе, но даже нѣкоторые короли являлись въ числѣ жертвователей въ пользу православныхъ церквей (см. актъ № 7). Поддерживая своими пожертвованіями уже существующіе церкви и монастыри и основывая новые „ку размноженью хвалы Божіей", фундаторы заботились не о томъ только, чтобы въ извѣстные дни служились торжественные акафисты, заздравныя и заупокойныя обѣдни, но прилагали также не мало заботъ объ обученіи дѣтей („на науцѣ дѣтей держати") и призрѣніи престарѣлыхъ и больныхъ и дѣлали на это спеціальныя пожертвованія, т. е. брали на себя, по собственному почину, осуществленіе тѣхъ мѣръ, заботы о которыхъ въ современныхъ государствахъ составляютъ одну изъ существенныхъ задачъ государственнаго и общественнаго управленія. Съ этой стороны особенный интересъ представляетъ фундушевая запись гетмана вел. кн. Литовскаго и старосты Гродненскаго Григорія Ходкевича, строителя православной церкви въ м. Заблудовѣ (см. актъ № 16, 1563 г.).

Вообще, появившаяся съ конца XVI в. унія, какъ это наглядно видно изъ наст. и слѣд. томовъ, оживила частную благотворительность: православные и уніаты соперничали на поприщѣ пожертвованій на храмы, школы и богадѣльни. Послѣдніе, съ обычной ревностью прозелитовъ, старались о распространеніи „святого единенія" и усердно жертвовали на уніатскіе монастыри и школы при нихъ и основывали новые; православные же, въ свою очередь, изъ всѣхъ силъ стремились поддержать „древнее православіе" путемъ устройства новыхъ церквей, монастырей, школъ, братствъ, типографій для печатанія книгъ въ духѣ православія и т. д. (ак. № 31, 49 и др.). При этомъ православные фундаторы принимали всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры, чтобы гарантировать основанные ими монастыри и церкви, а также пожертвованныя на содержаніе ихъ недвижимыя имущества отъ перехода въ руки уніатовъ (№№ 20, 23, 31, 44 и др.).

---

[1]) Предметомъ ея служитъ „наданье" Сулятицкой церкви еще 4-хъ влокъ земли, изъ коихъ двѣ „осѣлыхъ, съ чоловѣки двѣма Даніломъ Миксевичемъ и Васюкомъ Севастьяновичемъ съ подружьями (женами) и зъ дѣтьми ихъ, да со всею маетностью ихъ".

Тѣмъ не менѣе унія дѣлала большіе успѣхи,—она распространялась не только путемъ убѣжденія (см. актъ 105, 1696 г.), но и грубаго насилія. Въ настоящ. томѣ имѣется около 20 актовъ, наглядно рисующихъ тѣ притѣсненія и насилія, которымъ подвергались православные со стороны уніатовъ и католиковъ: они останавливали на дорогѣ священниковъ, идущихъ съ св. Дарами, препятствовали провожать умершихъ на кладбища (№ 83), издѣвались надъ ними, нападали на православные монастыри, били и увѣчили иноковъ (№ 137), загоняли силой православныхъ въ костелъ и тамъ принуждали ихъ исповѣдываться и причащаться (№ 160) и пр. и пр. Напрасно короли воспрещаютъ подобныя безчинства, безобразія и насилія, а Литовскій трибуналъ въ болѣе важныхъ случаяхъ приговариваетъ главныхъ виновниковъ къ смертной казни (№№ 83, 137 и др.): все это удерживаетъ фанатиковъ лишь на время.

Мало по малу, болѣе богатые монастыри и церкви съ ихъ имѣніями переходятъ путемъ всякихъ неправдъ, юридическихъ ухищреній (№ 72), а иногда и просто насилія въ руки уніатовъ и католиковъ. Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что суды въ рѣшеніяхъ земельныхъ споровъ и дѣлъ о захватахъ между православными и уніатами далеко не всегда становились на сторону послѣднихъ (см., напр., подъ № 105 интересное дѣло Цаперскаго монастыря).

Свыше 50-ти актовъ этого тома рисуетъ намъ жизнь православнаго и уніатскаго духовенства, преимущественно монашествующаго, съ внѣшней, экономической стороны, а именно, какъ оно хозяйничало въ пожертвованныхъ имѣніяхъ, какими финансовыми операціями занималось и пр. Надо сознаться, что эта сторона далеко не казовая.

Благодаря тому, что благочестивые люди дѣлали пожертвованія не только недвижимыми имѣніями, но и денежными вкладами, постепенно въ монастыряхъ скоплялись значительные капиталы изъ этихъ вкладовъ, доходовъ съ имѣній и мелкихъ приношеній. Это давало возможность монастырямъ расширять свои территоріальныя владѣнія посредствомъ покупки новыхъ имѣній, домовъ и пр. Весьма нерѣдко также монастырское начальство для приращенія своихъ капиталовъ отдавало ихъ въ займы подъ вѣрное обезпеченіе, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, соблазняясь возможностью сперва безотчетно пользоваться доходами съ заложеннаго имѣнія, а затѣмъ стать

его собственникомъ.[1]) Всѣ подобнаго рода финансовыя операціи естественно приводили монашествующихъ иноковъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ съ сосѣдями, безпрерывнымъ тяжбамъ съ ними и своими должниками и пр., словомъ, ко всему тому, что отвлекало ихъ отъ прямыхъ обязанностей и было такъ далеко отъ всякихъ идеаловъ иночества (примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное, немало въ этомъ томѣ).

Чтобы покончить съ обзоромъ XI т., отмѣтимъ еще группу актовъ, касающихся „права подаванія", kollacji или jus patronatûs. Такихъ актовъ въ настоящемъ томѣ 4 (№№ 55, 61, 110 и 154) и въ слѣдующемъ—1 (т. XII, № 98). Правда, къ тому, что извѣстно уже о jus patronatûs изъ др. источниковъ, названные акты ничего существенно новаго не прибавляютъ; за то одинъ изъ нихъ (№ 110), сверхъ подтвержденія извѣстнаго уже факта, что jus patr. въ Литовско—Русскомъ государствѣ перешло въ сферу вотчинныхъ правъ, интересенъ еще и во многихъ др. отношеніяхъ и между проч. наглядно показываетъ, какія многочисленныя неудобства, пререканія порождалъ вотчинный характеръ упомянутаго права, и до какихъ иногда безобразій доходили обладатели его.

Первый отдѣлъ слѣдующаго XII т., вышедшаго въ 1883 г., состоитъ также изъ фундушевыхъ записей, межевыхъ актовъ, декретовъ Главнаго Литовскаго трибунала, мировыхъ и другихъ сдѣлокъ монастырей съ своими сосѣдями. Впечатлѣніе, получаемое при чтеніи этихъ актовъ, однородно съ тѣмъ, какое испытываетъ читатель при просмотрѣ предыдущаго тома, но еще болѣе безотрадное. Съ одной стороны, отсюда наглядно видно, что уніатство къ XVIII в. сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ сѣверо-западномъ краѣ: такъ, монастыри, о которыхъ встрѣчаются свѣдѣнія въ актахъ настоящаго тома, почти всѣ находятся въ рукахъ уніатовъ, фундушевыя записи, помѣщенныя здѣсь, даны всѣ въ пользу уніатскихъ церквей и монастырей, православные же храмы и православное, или дизунитское, какъ его вели-

---

[1]) По литовско-русскому праву должникъ, взявшій деньги въ займы подъ обезпеченіе недвижимымъ имуществомъ, вмѣсто уплаты % за пользованіе капиталомъ отдавалъ это послѣднее „въ заставу" своему кредитору; кредиторъ до уплаты долга въ извѣстный срокъ или до предъявленія иска о возвращеніи заставленнаго имѣнія владѣлъ этимъ послѣднимъ и пользовался доходами съ него безотчетно; въ концѣ концовъ владѣніе по заставному праву могло перейти (и такъ бывало очень часто) въ право собственности.

чали уніаты и католики, духовенство въ эту пору (въ половинѣ XVIII ст.) находились, какъ то свидѣтельствуетъ м. пр. напечатанная здѣсь (№ 57) „памятная записка“ Слуцкаго православнаго духовенства (1768 г.), въ бѣдственномъ и униженномъ положеніи. Съ другой стороны, монастыри затрачивали массу труда, энергіи, времени и денегъ не на удовлетвореніе религіозныхъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностей иноковъ и прихожанъ, не на дѣла благотворительности, а на веденіе безконечныхъ тяжбъ по земельнымъ спорамъ и взысканіямъ съ своихъ должниковъ, уклоняясь такимъ образомъ все дальше и дальше отъ исполненія обѣтовъ нестяжательности и подвижничества.

Особенность настоящаго тома составляетъ интересный отдѣлъ актовъ, относящихся къ исторіи кальвинизма въ сѣв.-зап. краѣ въ XVII в. Актовъ этихъ не много (всего 23), однако въ нихъ можно найти не мало данныхъ о степени распространенности этого вѣроученія, проникшаго въ Литву еще въ XVI ст., вообще и среди высшаго класса въ частности, объ отношеніи къ послѣдователямъ его королей, судовъ, католическаго духовенства и населенія. Такъ, объ успѣшномъ распространеніи кальвинизма можно судить уже потому, что только въ напечатанныхъ немногочисленныхъ актахъ упоминается о существованіи 17-ти храмовъ, или молитвенныхъ домовъ („сборовъ“), послѣдователей Кальвина. Въ числѣ щедрыхъ фундаторовъ—основателей и жертвователей—этихъ храмовъ наши акты называютъ: королевскаго маршалка кн. Яна Свирскаго, подчашаго вел. кн. Лит-го, старосту Борисовскаго кн. Януша Радзивила, маркграфиню Бранденбургскую Людовику-Каролину, урожд. княжну Радзивилъ, и др. членовъ этой фамиліи, каштеляна Виленскаго Воловича и мн. др.

Изъ этихъ же актовъ можно почерпнуть также не мало интересныхъ свѣдѣній объ организаціи евангелической общины послѣдователей Кальвина.

Что касается отношенія къ кальвинистамъ католическаго духовенства, то оно не иначе называло ихъ молитвенные дома, даже въ оффиціальныхъ случаяхъ, какъ синагогами, а евангелическую общину презрительно величало—coetus Calvinisticus (см., напр., актъ № 113).

Вообще положеніе кальвинистовъ, несмотря на гарантированныя польскими королями свободу вѣроисповѣданія и неприкосновенность ихъ иму-

щества, было едва ли не болѣе угнетенное, нежели положеніе православныхъ. Не только кальвинисты сами, но и ихъ храмы нерѣдко подвергались возмутительному и дикому насилію со стороны фанатической католической черни, иногда подстрекаемой на то своимъ духовенствомъ.

Изъ многихъ примѣровъ, иллюстрирующихъ только что сказанное, укажемъ на выдающійся,—это фактъ разрушенія среди бѣлаго дня Виленскаго евангелическаго храма 2 апр. 1682 г. (ок. № 116).

Опуская ужасныя подробности этого возмутительнаго событія, совершившагося, добавимъ, безъ всякаго внѣшняго повода, остановимся на его финалѣ. Ошеломленные всѣмъ происшедшимъ, поруганные въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ, кальвинисты не рѣшались жаловаться ни въ одинъ изъ существующихъ въ государствѣ судовъ, предвидя тамъ нежелательный для себя исходъ дѣла, а потому обратились nomine totius ewangelicae communitatis съ жалобой къ самому королю Яну Собѣсскому. Жалоба была принята благосклонно: король особымъ рескриптомъ назначилъ чрезвычайный коммиссарскій судъ (въ составъ его вошли 2 духовныхъ и 3 свѣтскихъ лица) для разслѣдованія дѣла и суда надъ виновными. На судѣ повѣренные отвѣтчиковъ (ректора и воспитанниковъ іезуитской академіи, магистрата и поспольства, а также евреевъ), цитируя различн. конституціи, королевскіе привилегіи и рескрипты, юридич. сочиненія и пр., пытались сперва доказать, что собравшійся судъ есть по отношенію къ нимъ *forum incompetens*, что дѣло подсудно не ему, а королевскому суду, въ виду чего и самый королевскій рескриптъ о назначеніи чрезвычайнаго коммиссарскаго суда незаконенъ. Повѣренный пострадавшихъ, опираясь на тѣ же источники, а также на нѣкоторые др. и на Литовскій Статутъ, утверждалъ, что упомянутый рескриптъ вполнѣ законенъ, ибо вытекаетъ ex plenitudine potestatis короля. Пренія эти, возобновлявшіяся съ обѣихъ сторонъ нѣсколько разъ, представляютъ тотъ интересъ, что они вращаются около теоретическихъ вопросовъ о существѣ власти короля, какъ верховнаго судьи, о силѣ его рескриптовъ, о соотношеніи между старымъ и новымъ закономъ, о подсудности и пр. и пр.

Коммиссары, выслушавъ обѣ стороны и не уваживъ возраженій (exceptiones) отвѣтчиковъ, а, наоборотъ, соглашаясь съ доводами повѣреннаго кальвинистовъ, а именно, что король ex suprema potestate sua, iako summus arbiter, могъ дать извѣстное направленіе этому дѣлу

и такимъ образомъ новымъ рескриптомъ kassować и annihilować свои прежніе данные въ аналогичныхъ случаяхъ reskrypta y inne pozwy, mandaty,—признали это дѣло подсуднымъ себѣ и приступили къ дальнѣйшему разбирательству: личному осмотру, допросу свидѣтелей и т. д., 2 апрѣля 1686 г., т. е. черезъ 3 недѣли послѣ начала судебн. разбирательства и ровно черезъ 4 года послѣ разрушенія храма, коммиссарскій судъ объявилъ свой декретъ, которымъ вынесъ обвинительный вердиктъ главнѣйшимъ зачинщикамъ, а кальвинистамъ предоставилъ право возстановить соборъ на старомъ мѣстѣ и свободно отправлять свое богослуженіе [1]). Декретъ этотъ, два года спустя, былъ утвержденъ королемъ (№ 119).

Третій отдѣлъ этого тома состоитъ изъ 14 завѣщаній. Трудно понять, для чего понадобилось создавать въ томѣ для этихъ завѣщаній особый отдѣлъ: всѣ они съ полнымъ основаніемъ могли быть размѣщены въ двухъ предыдущихъ отдѣлахъ, ибо преимущественно содержатъ въ себѣ или распоряженіе о пожертвованіяхъ на какіе-либо монастырь, церковь, школу и пр., или разсужденія на различныя религіозныя темы, завѣты не измѣнять вѣрѣ предковъ, распоряженіе о погребеніи и т. п. Единственнымъ и то сомнительнымъ основаніемъ для выдѣленія этихъ завѣщаній въ особый отдѣлъ могъ бы служить тотъ пунктъ инструкціи, данной Виленской коммиссіи при ея учрежденіи, который вмѣняетъ ей въ обязанность м. пр. „разыскивать и печатать духовныя завѣщанія лицъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ“; однако почтенный редакторъ настоящаго тома пытается мотивировать это обстоятельство иначе: „духовныя завѣщанія, говоритъ онъ (пред., стр. XXIX),—принадлежатъ къ тому роду документовъ, которые въ отношеніи научномъ представляютъ большой интересъ“. Не касаясь основательности этого положенія, требующаго во всякомъ случаѣ большого ограниченія, замѣтимъ только, что едва ли какое бы то ни было научное значеніе имѣетъ, напр., завѣщаніе подъ № 134, въ которомъ нѣкій генералъ-маіоръ королевскихъ войскъ Э. Корфъ разсказываетъ довольно туманно и, повидимому, не вполнѣ откровенно исторію своихъ авантюръ на „tym mizernym swiecie,“ или завѣщаніе

[1]) Интересный декретъ этотъ былъ уже напечатанъ въ соч. І. Лукашевича: „Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie“ (изд. въ 1842—43 гг.), но безъ указанія источника, безъ даты, съ пропусками и неточностями.

подъ № 128, представляющее интересъ лишь для любителя всякаго рода оригинальностей[1]).

Впрочемъ, несмотря на нѣсколько случайный подборъ помѣщенныхъ здѣсь завѣщаній, между ними встрѣчаются и дѣйствительно имѣющія серьезное значеніе; изъ таковыхъ едва ли не самое интересное, и при томъ во многихъ отношеніяхъ, завѣщаніе Троцкаго тіуна, кн. Самуила Огинскаго (№ 126).

Къ разсмотрѣннымъ выше томамъ примыкаютъ по основному содержанію своему также тт. XV и XVI. Оставляя пока въ сторонѣ первый изъ нихъ, который даетъ (какъ то мы увидимъ ниже) интересныя данныя не столько для исторіи церкви, сколько для исторіи права, обратимся ко второму изъ нихъ, при чемъ въ виду его спеціальнаго интереса ограничимся лишь немногими замѣчаніями.

Объемистый томъ этотъ (въ немъ около 850 стр. in-4), изданный въ 1889 г. и содержащій въ себѣ, какъ то значится на его обложкѣ: „документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи", относится къ болѣе новому періоду исторіи уніи, а именно—со времени присоединенія Сѣверо-Западнаго края (Бѣлоруссіи) къ Россіи, т. е. съ 1772 г., или, еще точнѣе, къ исторіи возсоединенія уніатовъ. Весь матеріалъ разсматриваемаго тома, по времени относящійся къ послѣдней четверти прошлаго и первой половинѣ настоящаго вѣка[2]), разбитъ по роду документовъ на 8 отдѣловъ (правительственныя распоряженія, папскія буллы, переписка и пр.) и заимствованъ, по краткому заявленію редактора его, или изъ рукописей различныхъ архивовъ, или же изъ „очень цѣнныхъ многотомныхъ печатныхъ изданій и очень рѣдкихъ книгъ и брошюръ" (см. предисл. стр. XV). Такимъ образомъ не весь матеріалъ этого тома является впервые въ печати,—часть его составляетъ перепечатку, а именно—изъ П.С.З.Р.И. и различныхъ отечественныхъ или заграничныхъ изданій прошлаго вѣка, нынѣ „недоступныхъ

---

[1]) Авторъ этого завѣщанія приказываетъ для погребенія своего тѣла соорудить нѣчто въ родѣ египетской пирамиды въ миніатюрѣ и дѣлаетъ цѣлый рядъ относящихся сюда распоряженій.

[2]) Исключеніе представляютъ лишь нѣкоторые документы VIII отд., куда включены 2 распоряженія самаго новѣйшаго времени, а также 2 документа 1-ой полов. XVIII, 3—начала XVII и 2—конца XVI в.

для большинства ученыхъ". При ближайшемъ ознакомленіи съ матеріалами оказывается однако, что допущены исключенія изъ общаго правила: порою встрѣчаются и перепечатки изъ изданій 60, 70 и 80-хъ годовъ нашего столѣтія, при томъ такихъ, которыхъ нельзя назвать недоступными и даже малодоступными[1]). Послѣдняго рода перепечатки, составляющія излишнюю роскошь даже въ такихъ изданіяхъ, какъ разсматриваемое, оправдываются, впрочемъ, обстоятельствами, вызвавшими самое появленіе въ свѣтъ XVI-го т.: онъ выпущенъ въ годъ празднованія 50-тилѣтія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Другая, нѣсколько бо́льшая, половина XVI т. (весь 3-й, большая часть 4 и 7-го и часть 5 и 6-го отдѣловъ) состоитъ изъ матеріаловъ, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ и дѣйствительно очень интересныхъ[2]). Заимствованы они изъ слѣд. архивовъ: 1) рукописн. отдѣленія Виленской публичной библіотеки, 2) быв. архива Борунскаго (уніатскаго) монастыря, 3) архива уніатскихъ митрополитовъ при Святѣйшемъ Синодѣ и 4) архива М. Н. Пр. Такимъ образомъ, всѣ рукописные матеріалы, вошедшіе въ настоящій томъ, извлечены не изъ В. Ц. А., откуда коммиссія до сихъ поръ черпала свои матеріалы, а изъ различ. др. архивовъ, въ томъ числѣ и изъ столичныхъ. Это —*новость* въ изданіяхъ В. А. К.: доселѣ она не пыталась конкуррировать не только съ Петербургской и Кіевской археографич. коммиссіями, но даже и съ упомянутымъ выше „особымъ комитетомъ" при Виленскомъ учебн. округѣ, занимающимся собираніемъ древнихъ актовъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ,—не стремилась расширить свой горизонтъ, выйти изъ предѣловъ Виленскаго центр. архива[3]).

---

[1]) Таковы изданія: 1) Сборникъ Р. Ист. Общ., т. I, Спб. 1867 г.; 2) Harasiewicz. Annales Ecclesiae Ruthenae, 1862; 3) Холмскій мѣсяцесловъ на 1875 годъ; 4) Литовск. Епархіальныя Вѣдомости за 1874 г.; 5) Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, изд. Акад. Наукъ, Спб. 1883 г., и 6) Вѣстникъ Европы за 1872 г., т. II (откуда перепечатанъ актъ № 282, занимающій 14 стр. in—4).

[2]) Послѣднее особенно относится къ отд. IV, гдѣ помѣщена переписка между Стефаномъ Левинскимъ, митрополитомъ Іасономъ Смогоржевскимъ, Ѳеодосіемъ Ростоцкимъ и нѣкот. др. лицами, извлеченная б. ч. изъ уніатскаго архива при Святѣйшемъ Синодѣ и сообщенная Вил. коммиссіи покойнымъ М. О. Кояловичемъ.

[3]) Впрочемъ, уже при изданіи XIV т. (вышелъ въ 1887 г.) В. А. К. почерпнула часть матеріала (около 20 докум.) изъ рукописнаго отдѣл. Вил. публ. библіотеки и изъ древняго капитульнаго архива, но бо́льшая часть его (74 док.) была все-таки заимствована изъ обычнаго источника—актовыхъ книгъ Вил. центр. архива.

Такою же новостью является по своей задачѣ и объему и самое предисловіе къ разсматриваемому тому. До сихъ поръ издаваемымъ актамъ предпосылались болѣе или менѣе краткія предисловія, преслѣдующія скромную цѣль—комментировать напечатанные акты, представить ту или др. группировку ихъ, словомъ „облегчить трудъ изученія напечатаннаго матеріала, особенно для лицъ, не знающихъ польскаго языка или имѣющихъ мало свободнаго времени.“ Это, конечно, не мѣшало нѣкоторымъ изъ такихъ предисловій содержать въ себѣ болѣе или менѣе цѣнныя замѣтки по тому или др. вопросу [1]); но во всякомъ случаѣ ни одно изъ предисловій къ первымъ XV-ти тт. не стремилось замѣнить самые акты и покинуть такимъ образомъ свое вспомогательное, служебное по отношенію къ нимъ, значеніе.

Иное впечатлѣніе оставляетъ предисловіе къ разсматриваемому XVI т., написанное нынѣшнимъ предсѣдателемъ Виленской археографической коммиссіи Ю. Ѳ. Крачковскимъ. Это уже не предисловіе, имѣющее служебное значеніе, а обширная (въ 130 стр. in-4, правда довольно крупной печати) и обстоятельная передовая статья, цѣлое изслѣдованіе, имѣющее въ виду, на основаніи напечатанныхъ въ томѣ данныхъ, прослѣдить ходъ рѣшенія уніатскаго дѣла со времени присоединенія къ Россіи Бѣлоруссіи (1772 г.) до соединенія уніатовъ съ православною церковью (т. е. до 1839 г.) [2]).

Исторіи же церкви (ей, какъ извѣстно, отведено первое мѣсто въ трудахъ какъ Виленской, такъ и Кіевской коммиссіи) будетъ посвященъ

---

[1]) Напр., въ предисловіе (С. Шолковича) къ V т. вошелъ между проч. краткій очеркъ исторіи и правъ евреевъ въ Брестскомъ воеводствѣ, въ предисловіе (И. Спрогиса) къ VI т.—замѣтки о положеніи крестьянъ и о копныхъ судахъ, въ предисловіе (того же) къ X т.—обстоятельный очеркъ цеховаго устройства и управленія г. Вильны, и др.

[2]) Разставаясь съ настоящимъ томомъ мы позволимъ себѣ, въ видахъ могущаго послѣдовать 2-го изданія его, обратить вниманіе почтеннаго редактора на слѣд. замѣченные нами недосмотры:

1) во 2-мъ отд. документовъ безъ всякаго, повидимому, основанія и неоднократно нарушается обычная ихъ хронологическая послѣдовательность; такъ, за актами 60-хъ годовъ XVIII ст. идутъ акты 50-хъ и даже 40-хъ годовъ (здѣсь же при двухъ документахъ повторенъ одинъ и тотъ же №—116);

2) послѣдніе 6 документовъ 1-го и всѣ 8-го отдѣла не содержатъ при себѣ никакого указанія, откуда они заимствованы,

и 3) нѣкоторые акты (№ 235 и др.) снабжены указаніями чрезвычайно неполными, въ родѣ, напр., слѣд:„перепечатано изъ современной брошюры“.

также и XIX т. Виленскихъ актовъ, еще пока не вышедшій въ свѣтъ. Въ этотъ томъ, какъ мы слышали, войдутъ акты *о Холмскихъ владыкахъ*, извлеченные изъ Холмскихъ же актовыхъ книгъ, писанныхъ по-латыни и начинающихся съ половины XV вѣка. Редакція его и предисловіе къ нему составятъ трудъ члена коммиссіи г. Площанскаго. Къ маю 1892 года было напечатано для названнаго тома около 20 печ. листовъ актовъ. Можно такимъ образомъ надѣяться, что въ началѣ 1893 года онъ выйдетъ въ свѣтъ.

II.

Обратимся теперь къ тѣмъ томамъ актовъ, которые посвящены исторіи вообще и исторіи права въ частности.

Во главѣ ихъ, по времени выхода въ свѣтъ, стоитъ т. XIII, изд. въ 1886 г. Томъ этотъ, заключающій въ себѣ 102 акта, извлеченныхъ изъ книгъ Главнаго Литовскаго трибунала и обнимающихъ періодъ съ 1395 по 1797 г., чрезвычайно разнообразенъ по составу и интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Большая часть его отведена различнаго рода королевскимъ привилеямъ и листамъ, сеймовымъ инструкціямъ и постановленіямъ. Мы отмѣтимъ лишь акты наиболѣе, на нашъ взглядъ, интересные.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своею древностью актъ подъ № 1. Это—жалованная (и вмѣстѣ съ тѣмъ иммунитетная) грамота Мстиславскаго князя Лугвенія (Симеона) Ольгердовича дворному своему боярину Костюшку Валюжиничу на „кгрунтъ Валюжинскій“, близъ г. Мстиславля; при этомъ князь освобождаетъ Валюжинича отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной („посполу зъ другими боярьми Мстиславскими“), и пошлинъ, а также отъ суда своихъ урядниковъ и десятниковъ городскихъ. Къ сожалѣнію, точная дата этого документа неизвѣстна. Правда, въ концѣ грамоты стоитъ слѣд. datum:„ Данъ во Мстиславлю, сентебра первого, въ лѣто шостое тысечи семьсотъ, индикта третьяго“, но очевидно здѣсь произошла ошибка по винѣ переписчика начала XVIII-го в. (1718 г.), когда грамота заносилась въ книги трибунала. По соображеніямъ Виленской коммиссіи, грамота эта дана въ 6903 г., т. е. въ1395 г. по Р. Х.

Слѣдующая жалованная грамота относится уже къ 1507 г. Дана она Сигизмундомъ I, въ подтвержденіе грамоты вел. кн. Александра,

королевскому боярину Петру Кундѣ на земли и часть Городенской пущи „въ должъ на чотыри версты, а поперекъ на три версты“ (№ 3).

Изъ остальныхъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ на земли заслуживаютъ вниманія напечатанныя подъ №№ 4, 5, 10 и 11. Первая и третья изъ нихъ интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ встрѣчается необычный въ западно-русскихъ актахъ терминъ: *уѣздъ*, и при томъ не въ смыслѣ средневѣковаго circuitus, или русскаго „урочища“, т. е. землевладѣльческой единицы, а въ смыслѣ административной единицы, соотвѣтствующей *повѣту*, какъ въ этомъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ цитатъ:

1) „Жикмунтъ першій.... Били намъ чоломъ сынове городничого нашого Минского Петра Оношка.... штожъ есмо дали отцу ихъ Оношкови въ *уѣздѣ* Минскомъ, а въ *присудѣ* Гаеньскомъ двѣ земли пустыхъ на имя Слижино и Янушковичи...“; а вѣсколько ниже: „а на третимъ листѣ стоитъ описано, ижъ отцу далъ три земли пустыхъ *волости* Гаенской на име Якубовщизну.... до воли нашое господарское“ (изъ грам. № 4 отъ 1508 г.);

2) „Жикгмунтъ Августъ.... ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, што приповши передъ насъ, господара, и паны рады наши, при боку нашомъ засѣдаючіе, урожоный Федоръ Оношковичъ—бояринъ нашъ господарскій *уѣзду* Ошмянского (sic! Оршанскаго?) и повѣдилъ передъ нами, штожъ онъ купилъ вѣчнымъ правомъ... село Ковпча... за рѣкою Березиною лежачое, въ *присудѣ* Богушевскомъ“ (изъ грам. № 10 отъ 1548 г.).—Отсюда же ясно также, что *уѣздъ* подраздѣлялся на *присуды*, или, что то же, *волости* [1]).

Слѣдующій изъ отмѣченныхъ выше актовъ (№ 11) представляетъ собою жалованную грамоту (1555 г.) королевы Боны своему Пинскому старостѣ Станиславу Фальчевскому на „дворъ Сельце, *съ челядью невольною*, съ быдломъ, съ мѣстечкомъ и *съ волостью*, съ людьми

---

[1]) Ср. проф. Бершадскаго—„Общественная организація крестьянъ въ вел. кн. Литовскомъ въ нач. XVI в“: „Въ системѣ административныхъ округовъ автономныя крестьянскія общества назывались волостями и стояли наравнѣ съ округами, тянувшими къ великокняжескимъ дворамъ—„державами“. Для нѣкоторыхъ сторонъ управленіе и эти волости дѣлились на станы“. (Историч. Обозр., кн. 3, отд. 2, стр. 16).

путными, тяглыми, съ даньми ихъ и пр.". Предоставляя Фальчевскому и его женѣ, въ награду за ихъ вѣрную службу, означенное имѣніе въ пожизненное ихъ владѣніе („до живота") „зо всимъ панствомъ, властностью" и доходами, королева освобождаетъ однако отъ подсудности новому помѣщику „пляхту Селецкую, которая се правомъ земскимъ судитъ и земскую военную службу служитъ", и крестьянъ, живущихъ на церковныхъ земляхъ; кромѣ того, она оставляетъ за собою и „костельное подаванье", т. е. jus patronatûs.

Наконецъ, что касается обширнаго акта подъ № 5, то онъ между прочимъ содержитъ въ себѣ рядъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ конца XV и нач. XVI вв. многочисленнымъ князьямъ Глинскимъ на помѣстья въ Витебскомъ, Полоцкомъ и Смоленскомъ „повѣтахъ". По поводу одного изъ такихъ пожалованій вел. кн. Александръ пишетъ Смоленскому намѣстнику Юрію Глѣбовичу: „писалъ ты до насъ за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Глинскимъ, штожъ отчизна его вся къ Москвѣ отошла и не маетъ се на чомъ поживити самъ съ дѣтьми своими, и пишешь къ намъ, абысьмо дали ему сельцо у Смоленскомъ повѣтѣ, у Деменской волости, на име Снопотецъ; ино мы его сельцомъ пожаловали, нехай онъ тое сельцо Снопотецъ держитъ со всимъ по тому, какъ держалъ Григорей Мишковичъ; а дали есьмо ему тое сельцо до нашого лѣпшого осмотрѣнья дотуля, поки его отчизну очистимъ; а увезати казали есьмо его въ тое сельцо дворанину нашому Василью Сапѣзѣ".

Актъ этотъ, или, вѣрнѣе, рядъ актовъ, напечатанныхъ подъ однимъ №, независимо отъ того, что пополняетъ помѣщенную въ 1-мъ томѣ Акт. Зап. Россіи родословную потомковъ татарскаго князя Лекса — многочисленныхъ князей Глинскихъ и характеризуетъ ихъ имущественныя отношенія между собою, интересенъ еще тѣмъ, что рисуетъ подробно, какъ, кѣмъ и въ присутствіи кого совершалось „увезеніе", т. е. вводъ во владѣніе пожалованнымъ имуществомъ „по старымъ границамъ и рубежамъ", что содержалъ въ себѣ увязчій, или вводный, листъ и пр. и пр.

Изъ нѣсколькихъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ на дворянство отмѣтимъ привилегію короля Яна Собѣсскаго, выданную въ 1677 г. князьямъ, мурзамъ, хорунжимъ и всѣмъ татарамъ—całemu narodowi ich,—живущимъ въ Виленскомъ и проч. воеводствахъ и повѣтахъ вел. кн. Литовскаго и несущимъ военную службу (въ татар-

скихъ хоругвяхъ). Предоставляя имъ шляхетскія права и сравнивая ихъ, согласно 17 и 20 арт. XI разд. Лит. Статута, съ прочею шляхтою w kryminałach, swiadectwach y dowodach o wszelką rzecz, король разрѣшаетъ татарамъ выкупать у шляхты свои имѣнія и владѣть челядью христіанской дома и на войнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ жалуетъ имъ особенную льготу—получать заручные листы отъ гетмановъ, воеводъ и старостъ противъ притѣсненій и преслѣдованій со стороны шляхты (№ 35). Привилегія эта была подтверждена королями Августомъ II и III и затѣмъ (въ 1778 г.) Станиславомъ-Августомъ.

Рядъ, б. ч. подтвердительныхъ, привилегій на магдебургское право (ихъ въ этомъ томѣ около 10), выданныхъ различнымъ городамъ и мѣстечкамъ, охватываетъ періодъ въ 200 съ лишнимъ лѣтъ: древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1580, и позднѣйшая къ 1792 г. Ничего особенно новаго для исторіи Магдебургскаго права въ Литвѣ онѣ не заключаютъ въ себѣ. Отмѣтимъ только, что въ привилегіи м. Старому-Мядему (№ 69), выданной въ 1762 г. кор. Августомъ III, апелляція на магистратъ допускается не въ королевскій задворный асессорскій судъ, какъ это было обыкновенно, а къ помѣщикамъ Кошицамъ.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ прочія имѣющіяся въ разсматриваемомъ томѣ грамоты льготнаго характера, или привилегіи въ собственномъ смыслѣ [1]), обратимся къ важному акту изъ разряда охранительныхъ грамотъ—къ *уставной* грамотѣ Полоцкой земли, подтвержденной Сигизмундомъ III въ 1593 г. (ак. № 21).

Какъ извѣстно [2]), до насъ дошли и напечатаны въ Актахъ Западной Россіи болѣе древнія уставныя грамоты Полоцкой земли, а именно 1511 и 1547 г. Настоящая подтвердит. грамота, о существованіи которой въ Литовской метрикѣ было уже извѣстно, интересна прежде всего въ томъ отношеніи, что въ текстъ ея включена и предыдущая подтвердительная грамота, данная Стефаномъ

---

[1]) Одна изъ нихъ впрочемъ заслуживаетъ упоминанія, какъ интересная для исторіи „Acta magni ducatus Lithvaniae“, или Литовской Метрики (ак. № 26). Соглашаясь въ 1636 г. на помѣщеніе актовъ метрики вел. кн. Литовскаго въ домѣ мѣщанина Ключаты въ Вильнѣ, король Владиславъ IV освобождаетъ этотъ домъ *на вѣчныя времена* отъ постоя во время пребыванія корол. двора въ Вильнѣ.

[2]) См. наше изслѣдованіе „Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства“. К., 1889 г., стр. 83.

Баторіемъ въ 1580 г. [1]). Изъ этой послѣдней мы узнаемъ, что Стефанъ Баторій, санкціонируя въ своей грамотѣ всѣ старыя права и обычаи Полоцкой земли, сдѣлалъ оговорку, что въ судахъ государственныхъ—въ судѣ гродскомъ и земскомъ—дѣла судебныя должны впредь рѣшаться по Литовскому Статуту—„водлугъ статуту правъ земскихъ вел. княжества Литовскаго". Кромѣ того, напечатанная въ разсматриваемомъ томѣ земская уст. грамота важна еще и въ др. отношеніи. Изъ нея наглядно видно, что шляхетскіе привилеи и магдебурское право постепенно повели къ полному разложенію древняго земскаго строя и къ разъединенію земскихъ классовъ. Такъ, въ концѣ XVI в., при Стефанѣ Баторіи (въ 1580 г.), подтвердительная грамота выдается уже не „боярамъ Полоцкимъ и мѣщанамъ и всему городу и *всей землѣ* Полоцкой" [2]), какъ то было прежде, даже еще въ половинѣ XVI в. (въ 1547 г.), а лишь „панамъ Полоцкимъ, всему рыцерству, шляхтѣ,—обывателемъ земли *воеводства* Полоцкого". Другими словами, *всесословный*, *общеземскій* актъ, какимъ нѣкогда была уст. земская грамота, охранявшая древнія права и порядки земскаго самоуправленія, мало по малу, къ концу XVI в., сдѣлался достояніемъ одного лишь господствовавшаго класса, обратился въ *сословную* (шляхетскую) привилегію. Въ 1593 г. „боярамъ воеводства Полоцкаго, панцернымъ и путнымъ", ходатайствовавшимъ о выдачѣ новаго подтвержденія уставной грамоты, приходилось уже доказывать, что они „до тогожъ привилею належатъ", наравнѣ со шляхтою воеводства Полоцкаго (ак. № 21, стр. 65).

Сеймовыя инструкціи [3]) и сеймиковыя постановленія [4]), вошедшія

---

[1]) О времени выдачи первоначальной устав. земской Полоцкой грамоты и всѣхъ подтвердительныхъ см. ibid., стр. 51—54 и 83.

[2]) Въ др. современныхъ грамотахъ того же типа составъ земскихъ классовъ опредѣлялся еще полнѣе: напр., въ Смоленской: „били намъ чоломъ владыка Смоленскій, и околничіи Смоленскіи, и вси князи и панове, и бояре, и мѣщане, и чорные люди и все посполство мѣста и земли Смоленьскоѣ". Др. примѣры см. сводный текстъ устав. земскихъ грамотъ, ibid., стр. 103—105.

[3]) Т. XIII, №№ 55, 58, 59, 60, 61, 64, 65 и 72. Любопытно сопоставленіе инструкціи шляхты Стародубовскаго повѣта (№ 64, 1752 г.), настаивавшей на сохраненіи за шляхтой въ полной неприкосновенности liberum veto, хотя бы въ противномъ случаѣ пришлось даже сорвать сеймъ (въ Городнѣ), съ универсаломъ примаса (№ 70, 1763 г.), умолявшаго сыновъ Рѣчи-Посполитой, явившись на избирательный сеймъ, забыть свои личные счеты и имѣть въ виду лишь благо отчизны, ибо въ теченіе 37-ми лѣтъ въ государствѣ царитъ удивительный безпорядокъ и за все это время не могъ состояться ни одинъ сеймъ.

[4]) №№ 29, 43, 45, 46, 49, 63 и 71.—Замѣтимъ мимоходомъ, что въ постановленіи,

въ XIII т., почти всѣ безъ исключенія полны интереса, такъ какъ касаются или отношеній Рѣчи-Посполитой къ друг. государствамъ и въ особенности къ Россіи, или, что́ еще важнѣе, различныхъ сторонъ внутренняго управленія, обще-государственныхъ и мѣстныхъ нуждъ и порядковъ.

Изъ документовъ разнороднаго характера отмѣтимъ: 1) „попись земли Волынское, 1518 г.“, т. е. списокъ шляхты земли Волынской съ показаніемъ, сколько каждый изъ шляхтичей долженъ выставлять вооруженныхъ конныхъ ратниковъ (№ 6), 2) заявленіе въ 1655 г. Витебскихъ обывателей, находившихся въ плѣну въ Казани, о подробностяхъ взятія войсками ц. Алексѣя Мих. г. Витебска, о невзгодахъ, испытанныхъ ими за отказъ присягнуть Московскому царю, о разселеніи ихъ въ Астрахань, на Терекъ и въ др. мѣста (№ 28), 3) универсалъ 1717 г. кн. Меншикова Дубровинскимъ мѣщанамъ Пилатамъ на нѣкоторыя права (№ 51) [1]) и 4) универсалъ 1735 г. подкоморія вел. кн. Литовскаго Игнатія Завиши къ шляхетству Литовскому съ цѣлью предостеречь ихъ отъ политич. увлеченій и симпатій къ происканъ французскаго двора и склонить на сторону русскаго (№ 56).

Обозрѣваемый томъ заканчивается инвентарными и межевыми описями имѣній, а также описями движимаго имущества нѣкоторыхъ Виленскихъ купцовъ; всѣ эти описи, въ числѣ 12-ти, вошли въ составъ 2-го отдѣла названнаго тома.

Въ слѣдующемъ, XIV-мъ т., изданномъ въ 1888 г., Виленская коммиссія продолжала печатать инвентари; а именно, сюда вошли инвентари различныхъ королевскихъ и частныхъ имѣній 2-ой половины XVI ст. (съ 1555 г.).

Выпуская этотъ томъ въ дополненіе къ напечатаннымъ ею пи-

напечатаномъ подъ № 63 (постановленіе обывателей Витебскаго воеводства о защитѣ Витебскихъ замковъ), допущена редакціей какая-то ошибка. Изъ текста этого документа вытекаютъ слѣд. курьезы: 1) что онъ явленъ въ книги (въ 1752 г.) раньше, нежели составленъ (1754 г.), и 2) что обыватели избрали своимъ предводителемъ Ив. Гребницкаго, который съ успѣхомъ исполнялъ ту же роль столѣтіемъ раньше, еще при Владиславѣ IV.

[1]) Этотъ универсалъ начинается такъ: „Мы, Александръ Менжиковъ, свѣтлѣйшій Римскій и Россійскаго господарствъ Изерского князь, енералъ фельтъ-маршалъ и кавалеръ..... губернаторъ Санктъ-Петербургскій, староста Оршанскій и Дисненскій и прочая и прочая...“

сповымъ книгамъ [1]), коммиссія сдѣлала первую попытку отступить отъ своего первоначальнаго (при изданіи отдѣльныхъ актовъ) плана, результатомъ чего и явился огромный томъ (94 инвентаря) [2]) однороднаго матеріала, о значеніи котораго для исторической науки вообще и въ частности для исторіи крестьянъ и ихъ повинностей едва ли надо распространяться.

Большинство напечатанныхъ въ означенномъ томѣ инвентарей относится къ имѣніямъ частныхъ землевладѣльцевъ, остальные—наиболѣе обширные и цѣнные—къ имѣніямъ королевскимъ; таковы—инвентари (1558 г.) Брянскаго и Саражскаго староствъ (№ 4),—города Нарвы (1560 г., № 5) и два инвентаря (1566 и 1572 гг.) Кретинской волости (№ 8 и 11). Что касается инвентарей частныхъ имѣній, то изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія инвентарь (1592 г.) имѣнія Клачковцевъ (№ 50), въ составъ котораго входили три города: Колачковцы Старые, Колачковцы Новые и Виноградъ, два мѣстечка и пятнадцать селъ.

Этотъ послѣдній инвентарь интересенъ еще и тѣмъ, что названное имѣніе Колачковцы, къ которому онъ относится, находилось за предѣлами Литовскаго княжества—въ Галицкой землѣ, или Червоной Руси. Такимъ образомъ является возможность сравнить тяжесть крестьянскихъ повинностей въ Литвѣ и Польшѣ.

Въ XV-мъ томѣ своихъ актовъ, изданномъ также какъ и предыдущій въ 1888 г., Виленская коммиссія возвращается къ тому же важному источнику, изъ котораго она уже почерпнула матеріалы для XI—XIII тт., т. е. къ книгамъ Главнаго Литовскаго трибунала, составляющимъ четвертую часть всего наличнаго состава В. Ц. Архива; на этотъ разъ она обратилась къ тѣмъ изъ нихъ, которыя содержатъ въ себѣ судебныя рѣшенія, т. е. къ книгамъ декретовымъ.

Несомнѣнно, что изданіемъ рѣшеній высшей судебной инстанціи вел. княж. Литовскаго коммиссія Виленская оказала большую услугу, за которую нельзя ее не поблагодарить. Рѣшенія эти, помимо такъ называемой бытовой исторіи, важны также и для исторіи самаго дан-

---

[1]) См. выше, стр. 8.

[2]) 74 изъ нихъ извлечены изъ акт. книгъ В. Ц. Арх. См. выше, стр. 18, примѣч. 3.

наго учрежденія, и для исторіи процесса, гражданскаго и уголовнаго права западной Руси (въ этомъ отношеніи они представляютъ богатый матеріалъ). Но этимъ еще не исчерпывается ихъ значеніе: принадлежа такой судебной инстанціи, которая являлась не только апелляціонной, но и кассаціонной инстанціей, рѣшенія эти представляютъ собою богатый и до нѣкоторой степени единственный источникъ, изъ котораго мы съ несомнѣнностью можемъ узнать, какъ нормы закона примѣнялись на практикѣ, какъ модифицировались онѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, какіе юридическіе вопросы вызывали сомнѣнія и какъ, наконецъ, эти послѣднія разрѣшались тѣмъ учрежденіемъ, которое считалось хранилищемъ высшей юридической мудрости.

Къ сожалѣнію, преслѣдованіе Виленскою коммиссіей ея первой и главнѣйшей задачи (собираніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи церкви) привело къ тому, что обозрѣваемый томъ декретовъ представляетъ довольно однообразный матеріалъ, не вполнѣ оправдывающій ожиданій юриста-историка и немного дающій новыхъ данныхъ исторіку церкви. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ 298 декретовъ Литовскаго трибунала, напечатанныхъ здѣсь и обнимающихъ собою періодъ съ 1637 по 1686 г., даны по дѣламъ, касающимся лишь православныхъ и уніатскихъ монастырей, церквей и духовенства Сѣверо-западнаго края; при этомъ огромное большинство ихъ (свыше 200 декр.) представляетъ или рѣшенія трибунала о взысканіи въ пользу различн. монастырей и церквей денежныхъ суммъ, отданныхъ этими послѣдними большею частію взаймы различнымъ лицамъ и учрежденіямъ (напр., еврейскому кагалу), или декреты по поводу неисполненія к.-л. контрагентомъ того или др. имущественнаго договора. Но такого рода документовъ, рисующихъ жизнь монастырей и духовенства съ экономической стороны, уже не мало напечатано, какъ то мы видѣли, и въ предыдущихъ томахъ; помѣщенные же здѣсь ничего новаго не прибавляютъ. Правда, историкъ церкви, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ разсматриваемаго тома, „въ каждомъ документѣ найдетъ для себя что-нибудь пригодное: какое-нибудь упоминаніе о закрытомъ и забытомъ монастырѣ, свѣдѣнія о какой-нибудь исторической личности“ и т. д.; отъ себя прибавимъ, что и историкъ права среди этой массы однообразныхъ рѣшеній (по гражд. дѣламъ) найдетъ также кое-что интересное, преимущественно для исторіи обязательственнаго права. Но это *кое-что* несомнѣнно превратилось бы въ

нѣчто болѣе цѣнное, если бы при выборѣ для печати того или др. декрета не требовалось непремѣннымъ условіемъ упоминаніе въ немъ к.-л. духовнаго, физическаго или юридическаго, лица.

Наиболѣе интересными во всѣхъ отношеніяхъ являются напечатанные въ настоящемъ томѣ, сравнительно въ небольшомъ количествѣ (около 75), трибунальскіе декреты по уголовнымъ дѣламъ. Но прежде чѣмъ отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней формѣ напечатанныхъ рѣшеній Главнаго Лит. трибунала.

Первое, что́ бросается въ глаза при бѣгломъ даже просмотрѣ этихъ рѣшеній,—это необычайное изобиліе въ нихъ отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыхъ фразъ, заимствованныхъ изъ варварской латыни, но переданныхъ въ русской трансскрипціи. Слова и реченія въ родѣ: дилляція, аддиція, прекустодивитъ, ліокумъ станди, екстра и ультра форумъ, паціоритасъ или пріоритасъ юрисъ, раціонесъ екскверере, сама праксисъ юрисъ, того евидентиссиме документисъ доведши и на око указавши, не только же нуллитеръ и т. д. и т. д. пестрѣютъ въ декретахъ на каждомъ шагу [1]). Такое обиліе латинскихъ словъ, особенно имѣющихъ значеніе юридическихъ терминовъ, объясняется прежде всего вліяніемъ римскаго права и сочиненій средневѣковыхъ юристовъ на польское законодательство, а черезъ него и на западнорусскія законодательство и судебную практику. Затѣмъ, употребленіе въ судебныхъ рѣшеніяхъ и особенно въ судебныхъ преніяхъ латинскихъ фразъ считалось, вѣроятно, особеннымъ шикомъ; иначе нельзя объяснить, какая надобность была говорить вмѣсто „6 іюня теперь идучаго (текущаго) года“—*6 іюня анни курентись*, или *анте темпоремъ мортисъ небощика* вм. передъ смертью небощика (т. е. покойнаго) и т. д.

Какъ бы то ни было, но, благодаря вышеуказанному обстоятельству, рѣшенія Главн. Литовскаго трибунала, которыя, на основаніи категорическаго требованія извѣстной статьи Литовскаго Статута, долго писались на русскомъ языкѣ, представляютъ съ внѣшней стороны довольно безобразную смѣсь русскаго языка съ плохою, варварскою латынью, а по содержанію своему нѣчто крайне туманное и неудобо-

[1]) Всѣ приведенныя выше выраженія взяты нами лишь изъ одного судебнаго рѣшенія (Т. XV, № 298).

понимаемое: самое простое и несложное по существу своему дѣло излагается въ этихъ рѣшеніяхъ такимъ варварскимъ, неестественнымъ языкомъ, съ такимъ явнымъ пренебреженіемъ всякою логическою ясностью и обставляется при этомъ такою юридическою казуистикой, что разобраться въ нихъ, добиться сути дѣла—крайне не легко. Всему этому особенно способствовали гг. прокураторы, или адвокаты сторонъ, своими рѣчами, ссылками на всяческія praxis juris, своими безконечными excerptia'ми и т. п. [1]).

Обращаясь затѣмъ къ указанной группѣ рѣшеній трибунала по уголовнымъ дѣламъ (наиболѣе интересной въ обозрѣваемомъ томѣ), остановимся на данныхъ, относящихся къ исторіи наказаній и нерѣдко во многомъ дополняющихъ извѣстное намъ на этотъ счетъ изъ Лит. Статута всѣхъ 3-хъ редакцій.

Изъ 50-ти приблизительно приговоровъ трибунала, въ окончательной формѣ, въ 20-ти виновные присуждаются къ банниціи, а въ 10-ти къ смертной казни, при чемъ въ двухъ случаяхъ этимъ суровымъ наказаніямъ подвергся весь личный составъ цѣлаго учрежденія. Такъ, однимъ изъ декретовъ за отнятіе у нѣкоего Пузины двухъ семействъ крестьянъ приговариваются къ банниціи не только настоятельница, но и всѣ инокини Минскаго женскаго монастыря (№ 246), а другимъ нѣкто Даніилъ Стахорскій, а также настоятель и *вся* иноки Лепесовскаго монастыря (№ 223) приговорены за убійство (правда „окрутное и тиранское“) Станислава Табенскаго къ уплатѣ головщины (200 копъ гр.) и смертной казни черезъ усѣченіе („на горло стятьемъ“) [2]). Во всѣхъ случаяхъ форма смертной казни, назначаемая трибуналомъ,—отсѣченіе головы для всѣхъ безразлично: для мужчинъ и женщинъ, духовныхъ и свѣтскихъ, христіанъ и евреевъ. При сличеніи этихъ приговоровъ съ соотвѣтствующими артикулами Статута легко убѣдиться, что подъ неопредѣленной санкціей —*горломъ каранъ быти маетъ* Статутъ

---

[1]) Для желающихъ познакомиться подробнѣе съ любопытными образчиками адвокатскаго краснорѣчія того времени, можемъ рекомендовать рѣчь одного изъ прокураторовъ, вошедшую въ составъ декрета по дѣлу объ имѣніи Зуловъ, напечатаннаго подъ № 298.

[2]) Назначеніе двойной головщины (200 копъ вм. 100, обыкновенно платимыхъ за голову шляхтича) показываетъ, что это убійство было квалифицированнымъ, предумышленнымъ.

разумѣетъ отсѣченіе головы [1]); такъ, по крайней мѣрѣ, понимали ее судьи трибунала, руководствовавшіеся въ своихъ рѣшеніяхъ Статутомъ.

Но что особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе и вызываетъ даже нѣкоторое недоумѣніе—это назначеніе смертной казни нѣкоему Ѳомѣ Яновскому, повѣренному Минскаго женскаго монастыря, за небрежное его отношеніе къ своимъ обязанностямъ [2]), вслѣдствіе чего его довѣрительницы проиграли въ судѣ искъ; впрочемъ, смертная казнь (однако лишь во вниманіе къ духовному сану потерпѣвшихъ) замѣнена была самимъ трибуналомъ тюремнымъ заключеніемъ (№ 183).

Изъ прочихъ приговоровъ отмѣтимъ: 1) приговоръ о *посаженіи на цѣпь* на три дня слуги и урядника архіеп. Полоцкаго Гавріила Коленды, и. Домбровскаго, за самовольное оставленіе имъ службы и неоказаніе должной чести архіепископу, какъ своему господину (ак. № 94) [3]), и 2) приговоръ о взятіи обидчикомъ назадъ сказанныхъ имъ обидныхъ словъ посредствомъ особой формулы и при извѣстной обстановкѣ (№ 83).

Дѣло, по поводу котораго состоялся послѣдній приговоръ, настолько любопытно, что мы рѣшаемся передать его хотя вкратцѣ. Нѣкто Криштофъ Рудомина, маршалокъ Браславскій, зайдя однажды къ своему знакомому члену трибунала Петру Корсаку и не заставъ его дома, снялъ со стѣны висѣвшія на ней два дорогихъ ружья и унесъ ихъ съ собою, какъ будто бы въ шутку. Владѣлецъ ружей неоднократно и въ пріятельскомъ пока тонѣ напоминалъ Рудоминѣ, что пора бы шутку прекратить и водворить ружья на обычное ихъ мѣсто, но это ни къ чему не привело. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Корсакъ получилъ извѣстіе, что Рудомина съ женою надолго уѣзжаетъ изъ Вильны, и что уже даже подана къ крыльцу карета, готовая умчать и п. Рудомину, а съ нимъ, быть можетъ, и злополучныя ружья. Корсакъ немедленно отправляется къ Рудоминѣ,

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что о смертной казни посредствомъ отсѣченія головы Статутъ 1588 г. опредѣленно говоритъ только въ одномъ артик. (разд. XI, арт. 17), назначая ее простолюдину, нанесшему раны шляхтичу изъ засады.

[2]) Изъ рѣшенія видно, что Яновскій, взявшись вести дѣло монастыря, умышленно пропустилъ какой-то судебный срокъ: „рокъ добровольне упустилъ“.

[3]) Архіеп. Коленда жаловался „на неотповѣдное, не ушановавши и *руки его милости, яко пану, не давши*, отъѣханье, также личбы зъ завѣдыванья тою маетностью Прилѣпами не учинивши.. “

встрѣчаетъ его на крыльцѣ и категорически требуетъ отъ него возвращенія своей собственности. Въ отвѣтъ на это Рудомина разразился цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ и закончилъ такъ: „wszak się jeszcze nie kończy trybunał, naszarpasz sobie, boście wszyscy szarpacze (т. е. вѣдь еще засѣданія трибунала не закончились, успѣешь еще поживиться, ибо всѣ вы взяточники)!“ На вопросъ озадаченнаго этимъ обвиненіемъ Корсака, кто же именно беретъ взятки, Рудомина закричалъ: „извѣстно, что всѣ вы съ маршалкомъ своимъ купно взяли 9000 за одно только дѣло“. Случившійся при этомъ земскій Минскій судья Володковичъ, состоявшій также членомъ трибунала, считая себя оскорбленнымъ словами Рудомины, выхватилъ саблю и потребовалъ немедленнаго удовлетворенія. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это окончилось, если бы находчивая жена Рудомины, бывшая уже въ каретѣ, не выручила своего мужа. Смекнувъ, что дѣло принимаетъ дурной для него оборотъ, она бросилась на арену дѣйствія, съ помощью слугъ, почти насильно, усадила своего расходившагося и все еще ругавшагося супруга въ карету, прыгнула за нимъ туда же и, захлопнувъ дверцу, приказала кучеру погонять, что̀ есть мочи.

Возникло дѣло. Жестоко оскорбленный трибуналъ выдѣлилъ изъ своей среды особую коммиссію для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ происшествія; было допрошено около 20-ти свидѣтелей, и актъ слѣдственнаго производства составленъ. По прочтеніи его въ засѣданіи трибунала, *инстигаторъ*, т. е. прокуроръ, сказалъ выразительную рѣчь, въ которой, указывая, что изъ слѣдственнаго дѣла (*шкрутиніи*) „показуется видомая и значная суду зневага, традукованіе и дифамація“, настаивалъ на примѣрномъ наказаніи для обвиняемаго: Рудомина долженъ заплатить каждому изъ членовъ трибунала по 48 копъ лит. грошей штрафа за нанесенное имъ оскорбленіе, затѣмъ публично въ общемъ собраніи трибунала, въ избѣ судовой, *одмавять и щекать* и, сверхъ того, подвергнуться тюремному заключенію на „днѣ замку Виленскаго“ въ высшей мѣрѣ, т. е. въ теченіе 1-го года и 6-ти недѣль. Судъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ инстигатора, постановилъ соотвѣтствующее этому мнѣнію рѣшеніе.—Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе вторая половина назначеннаго въ приговорѣ Рудоминѣ наказанія—возложенная на него обязанность „одмавять и щекать“, т. е. взять свои обидныя слова и лаять (щекать—лаять).

Обращаясь къ законодательнымъ памятникамъ, находимъ слѣдующее. По Вислицкому Статуту 1347 г. (ст. 85 и 86), виновный въ клеветѣ на честь какого либо шляхтича долженъ взять свои слова обратно и прибавить: „ я солгалъ, яко песъ“. По Литовскому Статуту 1588 г., виновный въ ложномъ наименованіи к.-л. шляхтича незаконнорожденнымъ обязанъ въ присутствіи суда взять свои слова обратно и, обратившись къ оклеветанному, произнести слѣд. унизительную формулу: „што есьми менил на тебе, же бы ты былъ неучъстивое матъки и не чистого ложа сынъ, томъ на тебе брехалъ, яко песъ“ (разд. III, арт. 28); произнесеніе этой формулы носило названіе *отщекати*. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, по Статуту, обида на словахъ и клевета въ 1-й разъ не наказуемы, а во второй и слѣд. разы наказывались шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Приведенный же выше приговоръ, несогласный (какъ это видно изъ предыдущаго) со Статутомъ, по которому виновный въ оскорбленіи суда на словахъ наказывается лишь 6-ти недѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ [1]), во 1-ыхъ, показываетъ, что на практикѣ унизительный обрядъ „щеканія“ примѣнялся гораздо шире, чѣмъ требовалъ законъ, а именно, примѣнялся къ клеветникамъ вообще, и во 2-хъ, знакомитъ насъ съ нѣкоторыми любопытными и неизвѣстными изъ законодательныхъ памятниковъ подробностями самаго обряда: п. Рудомина, виновный въ клеветѣ, долженъ былъ, какъ это видно изъ разсматриваемаго декрета, явиться въ общее собраніе трибунала, подлѣзть въ избѣ судовой подъ лавку и оттуда произнести свою извинительную рѣчь, т. е. заявить, что все сказанное имъ—ложь („ижъ то зле, а непристойне и легкомысльне мовилъ“), что въ данномъ случаѣ онъ солгалъ, какъ песъ (все это выражалось однимъ терминомъ—„одмавять“), и въ заключеніе щекать, т. е. нѣсколько разъ пролаять по собачьи.—Къ сожалѣнію, неизвѣстно, подчинился ли этому приговору его милость п. Рудомина, маршалокъ Браславскій.

Отъ декретовъ Литовскаго трибунала съ ихъ вычурнымъ, пестрымъ и малопонятнымъ языкомъ переходишь съ особеннымъ удовольствіемъ къ стоящему на очереди и изданному въ концѣ 1890 г.

---

[1]) Лит. Стат., разд. IV, арт. 7.

XVII тому [1]), гдѣ напечатаны древнѣйшіе акты Гродненскаго земскаго суда, и словно отдыхаешь при чтеніи этихъ безыскусственныхъ, ясныхъ, простыхъ и понятныхъ древне-русскихъ актовъ.

Настоящій томъ состоитъ, какъ мы только-что замѣтили, изъ древнѣйшихъ актовъ земскаго Гродненскаго суда (а вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшихъ изъ имѣющихся въ Виленскомъ центр. архивѣ на русскомъ языкѣ) [2]) и представляетъ собою воспроизведеніе въ печати трехъ первыхъ книгъ названнаго суда за 1539, 1540 и 1541 годы, въ полномъ ихъ видѣ, а изъ послѣдующихъ книгъ, отъ 1555 до 1565 гг., только болѣе важныхъ актовъ.

Мысль издать, не мудрствуя лукаво, цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ, древнѣйшія актовыя книги изъ имѣющихся на русскомъ языкѣ надо признать чрезвычайно удачной, плодотворной и заслуживающей подражанія. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому, мы получили своего рода лѣтопись временъ второй и отчасти третьей четверти XVI ст., лѣтопись, въ которой живо отразились современные нравы, обычаи, общественныя и семейныя отношенія, экономическое и юридическое положеніе различныхъ классовъ общества, порядокъ судопроизводства и пр. Короче сказать, среди этого матеріала историки всѣхъ оттѣнковъ найдутъ для себя много цѣнныхъ и новыхъ данныхъ для своихъ изслѣдованій. Но особенно много и въ высшей степени цѣннаго матеріала заключаетъ въ себѣ настоящій томъ по исторіи поземельной собственности, семейственнаго и въ частности брачнаго права [3]).

Прежде чѣмъ разстанемся съ разсматриваемымъ томомъ, богатое и крайне разнообразное содержаніе котораго, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ въ нашихъ краткихъ замѣткахъ остановиться на болѣе подробномъ его обзорѣ, отмѣтимъ еще одну черту, являющуюся особен-

---

[1]) XVI т. былъ разсмотрѣнъ нами выше, стр. 17—20.

[2]) На латинскомъ яз. имѣются въ Виленскомъ архивѣ, какъ о томъ было упомянуто выше (стр. 5 и 6), и болѣе древнія книги, а именно съ 1402 г.

[3]) Лучшей иллюстраціей богатаго содержанія этого тома въ послѣднемъ отношеніи можетъ служить между прочимъ слѣд.: небольшая сравнительно часть указаннаго матеріала, извлеченная изъ оригинальной рукописи (т. е. изъ древнѣйшихъ подлинныхъ книгъ Гродн. земск. суда, нынѣ напечатанныхъ цѣликомъ), послужила главнымъ источникомъ для весьма интересной статьи проф. М. Ф. Владимірскаго—Буданова: „Черты семейнаго права Западной Россіи въ полов. XVI в.“ См. Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV., К., 1890 г., и отд. оттискъ.

ностью напечатанныхъ въ XVII т. судебныхъ записей Гродненскаго земск. суда отъ 1539 и слѣд. годовъ: на судѣ въ качествѣ сторонъ чаще всего фигурируютъ, на ряду съ земянами, шляхтой и духовенствомъ, крестьяне [1]), между тѣмъ какъ впослѣдствіи (уже со 2-й полов. XVI в.) положеніе дѣла, какъ извѣстно, сильно измѣняется, а именно всѣ многочисленные государственные суды—гродскіе, земскіе, подкоморскіе и т. д. до Главнаго Лит. трибунала включительно—существуютъ не для всего населенія, а исключительно почти для нуждъ шляхетства.

Достойно замѣчанія также слѣдующее: 1) засѣданія Гродненскаго суда въ это время, т. е. во второй четверти XVI в., происходили не въ опредѣленные только сроки (рочки, роки или каденціи), какъ то было установлено впослѣдствіи, а во всякое время: и въ будни, и въ праздники [2]), и 2) при производствѣ суда, кромѣ судей (старосты и его помощниковъ), истцевъ и отвѣтчиковъ, присутствовали обыкновенно и постороннія лица въ качествѣ представителей населенія (обыкновенно изъ тѣхъ классовъ его, къ какимъ принадлежали тяжущіяся стороны), принимавшихъ активное участіе въ судопроизводствѣ [3]).

Обращаемся, наконецъ, къ послѣднему тому Виленскихъ актовъ—XVIII, вышедшему въ концѣ января 1892 года.

Весь этотъ томъ состоитъ, по примѣру XIV, XVI и XVII тт., изъ однороднаго матеріала, а именно на этотъ разъ, изъ актовъ о копныхъ судахъ.

Какъ извѣстно, первый обратившій на нихъ вниманіе и, такъ сказать, ихъ открывшій былъ покойный профессоръ Кіевскаго университета и редакторъ Кіевской археограф. коммиссіи Н. Д. Иванишевъ,

---

[1]) А именно королевскіе крестьяне Гродненскаго повѣта, принадлежавшаго королевѣ Бонѣ, супругѣ Сигизмунда I и дочери Миланскаго герцога Сфорцы.

[2]) Иногда въ большіе, т. наз. годовые, праздники разбиралось дѣлъ даже больше, нежели въ иной будній день (см., напр., акты №№ 91-99). Благодаря такому порядку, установившемуся, очевидно, въ интересахъ всего населенія (съ цѣлью не отрывать его отъ обычныхъ работъ), а въ частности потерпѣвшихъ, вполнѣ осуществлялся основной принципъ правосудія, по которому возстановленіе нарушеннаго права должно непосредственно слѣдовать за правонарушеніемъ.

[3]) Такой смѣшанный составъ суда былъ обычнымъ въ XIV и XV вв. во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ, какъ то намъ извѣстно изъ дошедшихъ до насъ Литовско-русскихъ уставн. земскихъ грамотъ. См. наше изслѣд. о нихъ, стр. 181—182.

случайно натолкнувшійся въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго центр. архива на акты копнаго судопроизводства. Заинтересовавшись ими, онъ сталъ продолжать свои поиски, но былъ въ нихъ не особенно счастливъ: просмотрѣвъ внимательно около 300 актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ, онъ, по собственному его заявленію, нашелъ лишь не болѣе 22-хъ актовъ по этому вопросу [1]). На основаніи этого матеріала, Н. Д. Иванишевъ напечаталъ въ журналѣ „Русская Бесѣда“ за 1857 г. (кн. III) небольшое (около 30-ти стр.) изслѣдованіе о копныхъ судахъ подъ заглавіемъ: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“. Изслѣдованіе это въ свое время доставило автору громкую извѣстность: въ немъ видѣли удачную попытку „возстановить померкшій образъ древне-славянской общины“.

Другіе изслѣдователи архивныхъ матеріаловъ — проф. В. Б. Антоновичъ и И. Новицкій были болѣе счастливы въ своихъ разысканіяхъ въ К. центр. архивѣ. Не имѣя въ виду исключительно копныхъ судовъ, а такъ сказать мимоходомъ, первый изъ нихъ отыскалъ и напечаталъ въ актахъ о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Ю.-З. Россіи (Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. IV, т. 1, К. 1867 г.) около десяти, а второй въ актахъ объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI—XVIII в. (ibid. ч. VI, т. 1, 1876 г.)—около двадцати актовъ, относящихся къ копнымъ судамъ.—Наконецъ, намъ лично, при извлеченіи изъ актовыхъ книгъ мѣстнаго центр. архива матеріаловъ для исторіи судоустройства и судопроизводства въ Литовско-русскомъ государствѣ, удалось въ теченіе 1890 и 1891 гг. отыскать еще нѣсколько десятковъ актовъ о копныхъ судахъ, доселѣ никѣмъ не напечатанныхъ [2]).

Что касается двухъ друг. центр. архивовъ, то изъ найденныхъ въ этихъ архивахъ актовъ о копныхъ судахъ до весьма недавняго времени [3]) было напечатано не болѣе 10-ти, появившихся въ VI т. „Актовъ Вилен-

---

[1]) Н. Д. Иванишевъ, Сочиненія, стр. 232.

[2]) Акты эти въ числѣ другихъ, относящихся къ занимающему насъ вопросу объ органахъ судебной власти въ Литовско-русскомъ государствѣ, войдутъ въ одинъ изъ ближайшихъ томовъ (къ печатанію его уже приступлено) издаваемаго Кіев. археограф. коммиссіей „Архива Ю.-Зап. Россіи.“

[3]) До выхода въ свѣтъ XVII и XVIII тт. Виленскихъ актовъ.

ской коммиссіи", въ I, III и VI тт. „Археографическаго Сборника" и въ „Историко-Юридич. Матеріалахъ, издав. Витебскимъ центр. архивомъ".

Напечатанные во всѣхъ вышеназванныхъ изданіяхъ акты во многомъ измѣняютъ, дополняютъ и исправляютъ выводы Иванишева, который, впрочемъ, и самъ заявилъ, что его изслѣдованіе „не рѣшаетъ окончательно вопроса" о копныхъ судахъ. Въ такомъ положеніи находится данный вопросъ и нынѣ, не смотря на появившіяся послѣ изслѣдованія Н. Иванишева замѣтки (большею частію очень цѣнныя), принадлежащія Новицкому, М. Ф. Владимірскому-Буданову и г. Спрогису, который, сверхъ замѣтокъ о копныхъ судахъ въ предисловіи къ VI т., посвятилъ вопросу о нихъ почти все предисловіе (стр. XXI—LIII), предваряющее обозрѣваемый XVIII томъ Виленскихъ актовъ.

Съ появленіемъ этого послѣдняго, число опубликованныхъ актовъ о копныхъ судахъ съ нѣсколькихъ десятковъ возросло сразу до нѣсколькихъ сотенъ: въ одномъ данномъ томѣ помѣщенно 448 актовъ о копномъ судѣ, обнимающихъ собою періодъ въ полутора столѣтія (съ 1552 по 1707 г.) и извлеченныхъ изъ 300 преимущественно гродскихъ актовыхъ книгъ Виленскаго центр. архива. И все же это громадное количество не исчерпываетъ, какъ надо думать, всего даже болѣе важнаго по данному вопросу матеріала, хранящагося въ громадномъ Виленскомъ архивѣ; такъ, сюда не вошли акты копнаго суда въ древней Жомойской, или Жмудской, землѣ [1]), а также вошло очень мало такихъ интересныхъ актовъ, какъ акты о копныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ гражданскимъ [2]). Какъ бы то ни было, но изданіемъ цѣлаго тома актовъ о копныхъ судахъ, актовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ весьма важныхъ и интересныхъ, Виленская коммиссія оказала большую услугу исторической наукѣ, такъ какъ предоставила въ распоряженіе изслѣдователей много новыхъ и цѣнныхъ данныхъ по вопросу о копныхъ судахъ,—вопросу важному

[1]) Одинъ изъ нихъ и пока единственный былъ найденъ, какъ заявлено въ предисловіи къ XVIII т. (стр. XX), во время самаго печатанія этого тома и потому не вошелъ въ составъ его.

[2]) Послѣднее произошло оттого, что составители обозрѣваемаго тома при розыскѣ актовъ о копныхъ судахъ обратили все свое вниманіе на актовыя книги гродскихъ судовъ, оставивъ въ сторонѣ книги земскихъ судовъ, куда заносились акты по гражданскимъ дѣламъ.

для исторіи не только процесса, но и уголовнаго и государственнаго права великаго княжества Литовскаго.

Не считая возможнымъ въ предѣлахъ настоящихъ краткихъ замѣтокъ останавливаться нѣсколько подробнѣе на актахъ разсматриваемаго тома съ цѣлью указать, что̀ новаго они даютъ по вопросу о копныхъ судахъ, о чемъ они умалчиваютъ или даютъ слишкомъ мало данныхъ для того или иного заключенія и т. д., отлагаемъ все это до другого раза [1]). Теперь же только замѣтимъ, что подобно тому, какъ все сдѣланное различными авторами по изслѣдованію копныхъ судовъ далеко не исключаетъ настоятельной необходимости появленія новыхъ о нихъ изслѣдованій, такъ и опубликованные доселѣ матеріалы объ этихъ судахъ не исключаютъ необходимости произвести изысканія новыхъ матеріаловъ. Только тогда, когда, съ одной стороны, пополнятся скудныя пока архивныя данныя для нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о копѣ, а, съ другой, будутъ изучены и приняты во вниманіе *всѣ* опубликованные доселѣ о ней матеріалы,—только тогда, дѣйствительно, можно будетъ крайне интересный и важный вопросъ о копныхъ судахъ освѣтить всесторонне и съ достаточною полнотой.

Заканчивая настоящій краткій обзоръ послѣднихъ изданій Виленской археогр. коммиссіи, мы спѣшимъ оговориться, что далеко не исчерпали или даже отмѣтили все болѣе интересное въ Виленскихъ актахъ; наша цѣль, какъ мы заявили вначалѣ, была болѣе скромная: обратить вниманіе на это весьма полезное изданіе, богатое многими цѣнными данными для исторіи вообще и исторіи права въ частности. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о прочихъ, такіе томы обозрѣваемыхъ актовъ, какъ VI, X, XIII и XVI, а особенно XIV, XVII и XVIII, могутъ дать богатый матеріалъ для многихъ и многихъ монографій. Скажемъ даже больше: если бы Виленская коммиссія за 28-ми лѣтнее свое существованіе ничего болѣе не выпустила въ свѣтъ кромѣ названныхъ 7 томовъ, то и тогда можно было бы смѣло сказать, что она вполнѣ оправдала свое существованіе и окупила затраченныя правительствомъ на

---

[1]) Подробная оцѣнка матеріаловъ XVIII т. Виленскихъ актовъ составитъ предметъ отдѣльной нашей замѣтки.

нее и ея изданія средства. Остается только пожелать, чтобы изданные коммиссіей цѣнные матеріалы не лежали втуне, а поскорѣе бы нашли своихъ изслѣдователей.

Съ внѣшней стороны „Акты Виленской Коммиссіи“ изданы вполнѣ удовлетворительно. Въ этомъ отношеніи можно лишь пожалѣть объ одномъ, что съ 1888 г. прежній шрифтъ, вѣроятно, въ видахъ экономіи, замѣненъ болѣе мелкимъ, а заголовки отдѣльныхъ актовъ стали болѣе кратки и менѣе выразительны, что, несомнѣнно, затруднитъ пользованіе изданными матеріалами.

Въ заключеніе позволимъ себѣ назвать наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Виленской археографической коммиссіи въ нынѣшнемъ ея составѣ; таковы, сверхъ ея предсѣдателя Ю. Ѳ. Крачковскаго, К. И. Снитко и особенно И. Я. Спрогисъ, являющійся старѣйшимъ членомъ коммиссіи (съ 1870 г.) и, кромѣ того, архиваріусомъ Виленскаго центральнаго архива.

Пожелаемъ же имъ успѣха въ ихъ дальнѣйшихъ на томъ же поприщѣ полезныхъ и нелегкихъ трудахъ.

М. Ясинскій.

Обзоръ научныхъ трудовъ по изученію русскаго языка и словесности профессоровъ А. А. Потебни и И. Я. Порфирьева.

29-го ноября 1891-го года русская наука понесла утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора Харьковскаго университета, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ и предсѣдателя Харьковскаго историко-филологическаго общества, *Александра Афанасьевича Потебни*. Его цѣнные научные труды по изученію русскаго языка и народной словесности, основанные на разнообразныхъ и многочисленныхъ матеріалахъ, сведенные къ точнымъ научнымъ выводамъ, извѣстны, конечно, многимъ занимающимся славяно-русской филологіей. Его 30-тилѣтняя научная дѣятельность протекла въ исключительной области научной изслѣдовательной работы. Поэтому, какъ замѣчено недавно въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ Потебнѣ, онъ былъ извѣстенъ почти исключительно въ кругу спеціалистовъ и совершенно былъ неизвѣстенъ въ текущей журналистикѣ, въ массѣ образованнаго и читающаго общества. О нѣкоторыхъ же сочиненіяхъ Потебни профессоръ Сумцовъ справедливо замѣтилъ, что они были извѣстны даже лишь немногимъ спеціалистамъ. Но подобную судьбу раздѣляютъ и многіе изъ прежнихъ нашихъ научныхъ дѣятелей, работавшихъ въ той же области, которой посвятилъ свои силы покойный Потебня. Нельзя поэтому не привѣтствовать задачи, принятой Харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ, издать всѣ научные труды Потебни, какъ явившіеся въ печати, такъ и оставшіеся въ бумагахъ покойнаго, среди которыхъ находится еще нѣсколько большихъ цѣнныхъ трудовъ. Нельзя не высказать пожеланія о большемъ распро-

страненіи этихъ трудовъ и о претвореніи ихъ въ литературѣ въ доступной формѣ. Наконецъ нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія подробной біографіи Потебни, которая показала бы его научное развитіе, дала бы объясненіе къ его обработаннымъ трудамъ и могла бы служить поучительной путеводительной нитью для выступающихъ на научную дорогу въ той же области, которой посвятилъ свою жизнь покойный ученый.

Однако, не смотря на то, что работы Потебни выходили въ свѣтъ или въ объемистыхъ томахъ, которые раскрываются только передъ тѣмъ, кто желалъ бы поработать надъ ними, или въ немногихъ спеціальныхъ журналахъ и также всегда въ статьяхъ строго-научнаго характера,—имя Потебни давно уже стало пользоваться извѣстностью въ наукѣ. Въ 70-хъ годахъ Академія Наукъ, въ лицѣ И. И. Срезневскаго, оцѣнила труды Потебни: „не онъ началъ то, за что взялся, говорилъ Срезневскій, представляя свое заключеніе о трудахъ Потебни, но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до „Записокъ“ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ „Записокъ“, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ“. Этотъ отзывъ Срезневскаго былъ соединенъ съ присужденіемъ Потебнѣ высшей Ломоносовской преміи и съ возведеніемъ его въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ. Въ 1887 г., по случаю исполнившагося тридцатилѣтія служебной дѣятельности Потебни, появились въ „Кіевской Старинѣ “замѣтки о научной дѣятельности его, какъ откликъ скромнаго научнаго торжества, которое было возбуждено учениками и почитателями покойнаго профессора въ Харьковѣ. Въ прошломъ году въ III томѣ „Исторіи Русской Этнографіи “А. Н. Пыпина появились автобіографическія записки Потебни, вызванныя авторомъ труда, въ виду „того интереса, какой представляетъ въ развитіи науки ходъ личнаго развитія ея дѣятелей, особливо тѣхъ, чьи труды были наиболѣе вліятельны“. Наконецъ, въ виду недавней утраты Потебни, явились прочувствованные некрологи, опредѣляющіе высокое значеніе Потебни въ области изученія русской этнографіи. А незадолго передъ тѣмъ Императорское Географическое общество присудило Потебнѣ высшую награду—Константиновскую медаль.

Трудно представить въ небольшомъ очеркѣ все, что сдѣлано Потебней—тѣмъ болѣе, что еще многіе изъ его трудовъ, какъ сообщаютъ, остаются ненапечатанными; трудно очертить личность покойнаго ученаго за отсутствіемъ личныхъ воспоминаній о немъ. Поэтому я заранѣе прошу извиненія за неполноту и краткость очерка научной дѣятельности Потебни, котораго я не имѣлъ счастія знать лично, но за глубокими и интересными работами котораго по изслѣдованію русскаго языка и словесности я, какъ и мои сверстники-словесники, слѣдилъ съ увлеченіемъ, начиная съ перваго курса университета.

Первымъ научнымъ трудомъ Потебни, было сочиненіе, появившееся въ 1860 г., „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи". Эта работа явилась въ печати черезъ четыре года по окончаніи курса Потебней въ Харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, но до первой поѣздки за границу, которую Потебня предпринялъ въ 1862 г., будучи въ числѣ первыхъ, отправленныхъ за границу изъ Харьковскаго университета. Изъ автобіографіи Потебни мы узнаемъ, что къ этому времени онъ, подъ руководствомъ профессоровъ П. А. и Н. А. Лавровскихъ, близко ознакомился съ тогдашнимъ состояніемъ славяно-русской филологіи, а самостоятельнымъ трудомъ развилъ въ себѣ особенную склонность къ изученію народной поэзіи и языкознанія. Въ русской наукѣ въ то время возбужденъ былъ почти впервые особенный интересъ къ исторіи русскаго языка и діалектологіи, благодаря трудамъ Срезневскаго и Буслаева, и къ народной поэзіи и миѳологіи, благодаря трудамъ того-же Буслаева. Оба выдающіеся изслѣдователя, отличавшіеся разносторонностью и широтой научныхъ взглядовъ, указывали на значеніе славяновѣдѣнія и основъ германской филологической науки въ примѣненіи къ изученію русскаго языка и словесности. Эти указанія и самостоятельныя работы Срезневскаго и Буслаева, отличавшіяся прелестью новизны и мастерствомъ изложенія, увлекали многихъ, какъ въ этомъ сознается о себѣ и Потебня. Но немногимъ такъ, какъ Потебнѣ, удалось избрать болѣе вѣрный путь, приводившій не къ одному только сведенію матеріала и къ группировкѣ его по воспринятому методу, но и къ выработкѣ и провѣркѣ самаго метода. Впрочемъ, такое отношеніе Потебни къ научному методу выразилось позднѣе въ трудахъ по русскому языку и народной словесности.

Предметъ, затронутый Потебней въ первомъ сочиненіи, подвергался уже обсужденію въ трудахъ Буслаева и Аѳанасьева, но Потебня обнаруживаетъ въ этой первой работѣ особенное тяготѣніе къ языку, къ объясненію внутренняго значенія словъ народнаго русскаго языка въ связи съ славянскими нарѣчіями. Въ этой работѣ, какъ и въ послѣдующихъ трудахъ Потебни, мы находимъ множество примѣровъ изъ русской народной поэзіи, изъ славянскихъ пѣсенъ, находимъ и постоянныя этимологическія и семазіологическія сопоставленія словъ. Здѣсь не видно только одного матеріала, который занимаетъ такое видное мѣсто въ позднѣйшихъ работахъ Потебни—литовлатышскаго, отчасти санскритскаго и романо-германскаго, вообще матеріала изъ области сравнительнаго языкознанія. Этотъ новый матеріалъ является въ статьѣ Потебни „О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ“, послѣ того какъ въ 1862 г. онъ изучилъ санскритъ въ Берлинѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго проф. Вебера. Вѣроятно, въ то же время Потебня познакомился и съ литовскимъ языкомъ по трудамъ Шлейхера, Нессельмана и др. Въ своей автобіографіи Потебня говоритъ, что занятія у Вебера могли бы имѣть рѣшительное вліяніе на позднѣйшія занятія его, еслибы не ограничились однимъ годомъ. Итакъ упомянутая статья 1864 г. значительно отличается богатствомъ сравнительнаго матеріала изъ области языкознанія отъ перваго труда Потебни; но основное направленіе и теперь остается тѣмъ же стремленіемъ уяснить внутреннее значеніе нѣкоторыхъ словъ, какъ представленій-признаковъ, посредствомъ которыхъ слово выражаетъ содержаніе мысли. Если въ первой статьѣ мы находимъ немногія ссылки на Я. Гримма, Буслаева, то въ новой статьѣ 1864 г. присоединяются многочисленныя ссылки на труды Боппа, Шлейхера, Нессельмана, Бенфея, Куна, Миклошича. Съ 1865 г. по 1867 г. Потебня печатаетъ работы по славяно-русской миѳологіи: „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій: Рождественскіе обряды; Баба Яга, Змѣй, Волкъ, Вѣдьма; О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ; О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ; Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака.“ Изслѣдованія Куна въ области миѳологіи (напр. его извѣстный трудъ „Die Herabkunft des Feuers“), по словамъ Потебни въ это время, „даютъ прочныя основанія примѣнимыя и къ славянской миѳологіи“ (О купальскихъ огняхъ, стр. 4). Но съ Мангардтомъ и Буслаевымъ Потебня расходится во

взглядахъ. Характеристической чертой этихъ изслѣдованій Потебни по миѳологіи является бо̀льшая осторожность въ выводахъ, чѣмъ напримѣръ у извѣстнаго въ то время изслѣдователя „Поэтическихъ воззрѣній Славянъ на природу“ Аѳанасьева. Давая читателю массу сравнительнаго матеріала, подготовляя его къ выводамъ, Потебня въ то же время не навязываетъ своихъ выводовъ и менѣе прочные изъ нихъ тутъ же и ограничиваетъ, самъ указывая на слабую основу. Отличіемъ этихъ статей отъ позднѣйшихъ представляется отсутствіе приложенія теоріи заимствованія и предпочтеніе, отдаваемое миѳологической теоріи. Какъ ни интересно, ни доступно написаны эти статьи Потебни, но серіозный языкосравнительный матеріалъ преобладаетъ въ нихъ.

Съ 1864 г. въ Воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ“ стали появляться статьи Потебни по изслѣдованію русскаго языка. Въ этихъ статьяхъ, можно сказать, Потебня выступилъ на свою настоящую дорогу. Первыя работы его въ этомъ направленіи посвящены звукамъ и формамъ русскаго языка, хотя, какъ мы уже указывали выше, Потебня тяготѣлъ болѣе къ объясненію внутренняго значенія словъ, что онъ и развилъ блистательно въ своихъ работахъ по синтаксису и объясненію отдѣльныхъ словъ въ ихъ историческомъ развитіи. Печатныя работы по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка Потебня издавалъ преимущественно въ формѣ критическихъ статей по поводу сочиненій Лавровскаго, Колосова, Житецкаго, въ которыхъ не только указывалъ слабыя стороны, но и давалъ вмѣсто нѣкоторыхъ неосновательныхъ объясненій разбираемыхъ авторовъ цѣнныя изслѣдованія. Въ статьѣ 1864 г. „О полногласіи“ Потебня всесторонне разбираетъ эту характерную особенность русскаго языка, объединяющую всѣ русскіе нарѣчія и говоры, въ противоположность другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Замѣчательно, что уже въ этой статьѣ Потебня говоритъ о психологическихъ и физіологическихъ явленіяхъ въ области фонетики и морфологіи. Въ то время въ русской наукѣ это было еще новостью. Позднѣе, въ 70 годахъ, Потебня снова возвращается къ вопросу о полногласіи и болѣе подробно разсматриваетъ это явленіе, имѣя въ виду статьи о томъ же предметѣ, появившіяся послѣ его изслѣдованія. Но самой замѣчательной статьей этого времени представляется изслѣдованіе Потебни „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (1865—66 г.г.), которое онъ дополнилъ въ 1870—71 г.г. „Замѣтками о малорусскомъ нарѣчіи“. Надо замѣтить о томъ, что

существовало въ русской наукѣ по этому вопросу до Потебни и какимъ матеріаломъ пользовался онъ. Блестящія „Мысли объ исторіи русскаго языка“ Срезневскаго, появившіяся въ формѣ актовой рѣчи въ Петербургскомъ университетѣ въ 1849 г., вызвали тогда только изслѣдовательную работу Лавровскаго: „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“. Между тѣмъ, и самъ Срезневскій и другіе менѣе замѣтные дѣятели, исключая такого крупнаго, единственнаго въ своемъ родѣ труженника, какъ Даль, работали надъ изданіемъ матеріаловъ по древнерусскимъ памятникамъ и особенно по памятникамъ народной поэзіи и языка.

Вотъ свести этотъ матеріалъ къ научнымъ выводамъ и взялся Потебня, имѣя въ виду въ то же время замѣчанія своихъ предшественниковъ, преимущественно Срезневскаго, Миклошича и Даля. Послѣдній, впрочемъ, составившій свой замѣчательный громадный словарь живого великорусскаго языка и представившій цѣнную статью о нарѣчіяхъ русскаго языка, самъ сознавался, что онъ не умѣлъ привести примѣтъ этихъ говоровъ, которые онъ изучилъ вдоль и поперекъ въ теченіе продолжительнаго времени, подъ общія грамматическія правила. Только такой ученый, какъ Потебня, могъ въ то время, при его склонности къ изслѣдованію языка, подвести подъ такія правила, напримѣръ, измѣненія гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ подъ вліяніемъ ударенія. Любопытно слѣдить въ этой работѣ Потебни, какъ на основаніи своихъ обширныхъ познаній въ сравнительномъ языкознаніи и при посредствѣ замѣчательно развитаго чутья къ звукамъ и формамъ языка, онъ оспариваетъ нѣкоторые примѣры въ матеріалахъ, находя ихъ ошибочными противъ общихъ законовъ, или какъ онъ оспариваетъ мнѣнія другихъ ученыхъ, не основанныя на достаточномъ количествѣ матеріаловъ, несоотвѣтствующія даннымъ изъ другихъ языковъ. Такъ Потебня критикуетъ тексты, выбранные имъ для характеристики русскихъ нарѣчій и ихъ говоровъ, и представляетъ свои поправки.

Понятной становится та работа, которую позднѣе Потебня совершилъ надъ текстомъ слова о полку Игоревѣ, возстановляя научнымъ путемъ предполагаемыя правильныя чтенія не только затруднительныхъ словъ, но и вообще правописанія этого драгоцѣннаго памятника. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи были вызваны программами для указанія особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ въ южной

Россіи, особенно программой Новицкаго. Потебня указываетъ неосновательныя замѣчанія программы и дѣлаетъ родъ дополненій къ своему прежнему изслѣдованію. Интересно, что въ этихъ статьяхъ впервые было указано на характерныя особенности въ звукахъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ (двоегласные уо, юо и у, ю). Интересно и то, что Потебня уже въ это время рѣшительно высказывается противъ дославянскаго происхожденія нѣкоторыхъ звуковыхъ и морфологическихъ явленій малорусскаго нарѣчія.

Извѣстенъ общій взглядъ Потебни на исторію развитія русскихъ нарѣчій и на ихъ взаимное отношеніе. Онъ признаетъ общерусскій языкъ, который въ историческую эпоху представляетъ нѣкоторыя черты, отличающія сѣверъ и югъ. Черты эти увеличивались съ теченіемъ времени и выразились еще въ раздѣленіи общевеликорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное; къ послѣднему примыкаетъ и бѣлорусское нарѣчіе, которое Потебня разсматривалъ въ связи съ южно-великорусскимъ; затѣмъ онъ указывалъ на дѣленіе малорусскаго нарѣчія. Позднѣе Потебня возвратился еще разъ къ вопросу о нарѣчіяхъ въ древнемъ русскомъ языкѣ по поводу извѣстнаго изслѣдованія Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI-го по XVI ст“. 1872 г. Съ того времени изслѣдованія въ области исторіи русскаго языка по памятникамъ значительно расширились, благодаря трудамъ профессоровъ Соболевскаго, Ягича, Брандта, Богородицкаго, Шахматова и друг.; но статьи Потебни 60—70-хъ годовъ, основанныя еще на малочисленныхъ матеріалахъ по исторіи языка, до сихъ поръ не потеряли своего значенія; не потеряли они своего значенія и потому, что въ нихъ виденъ осторожный, внимательный изслѣдователь, взвѣшивающій каждое отдѣльное явленіе языка. Въ 1876 г. Потебня издалъ рядъ своихъ статей по фонетикѣ, подъ названіемъ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“. Въ этомъ трудѣ онъ глубже вникаетъ въ отдѣльныя явленія звуковъ и указываетъ скороспѣлыя заключенія нѣкоторыхъ изслѣдованій по исторіи звуковъ русскаго языка и его нарѣчій. Въ 1874 г. появился капитальный изъ трудовъ Потебни, который доставилъ ему особенную славу среди спеціалистовъ подъ скромнымъ названіемъ: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, въ двухъ частяхъ. Въ 1889 г. трудъ этотъ появился во второмъ изданіи, съ дополненіями.

Главное значеніе этого труда Потебни состоитъ въ новой поста-

новкѣ изслѣдованія синтактическихъ явленій. Читателя поражаетъ въ этомъ трудѣ прежде всего богатство фактическаго матеріала, собраннаго въ теченіе долгаго времени изъ древняго, областного и новаго языка русскаго, изъ славянскихъ нарѣчій, изъ литовскаго языка и изъ другихъ родственныхъ языковъ, при чемъ всѣ приведенные примѣры строго разграничены, продуманы и оцѣнены критически. Далѣе, въ изслѣдователѣ виденъ не только филологъ, но и глубокій мыслитель, постоянно останавливающійся на внутреннемъ значеніи словъ, ихъ отношеній въ предложеніяхъ. При такомъ отношеніи къ явленіямъ языка представляются невѣрными, неосновательными многіе изъ взглядовъ на грамматику старыхъ и новыхъ языковъ, напр. о богатствѣ формъ въ древнихъ языкахъ и о паденіи ихъ въ новыхъ. Изслѣдователь доказываетъ, что паденіе формъ не значитъ ихъ исчезновенія изъ мышленія; онъ, напротивъ, убѣждаетъ, что съ естественнымъ развитіемъ мышленія увеличивается и число формъ и что въ новыхъ языкахъ формъ больше, но они выражаются въ иныхъ явленіяхъ слова, языка, чѣмъ въ древности, и т. п. Наконецъ, читатель видитъ въ этомъ трудѣ связь его съ предшествующими трудами, видитъ, что изслѣдователь не стремится къ такому новаторству, которое выражается, напримѣръ, въ щеголяньи новой терминологіей, въ проведеніи чужихъ непродуманныхъ и непереизслѣдованныхъ взглядовъ и выводовъ. Потебня постоянно указываетъ, какъ смотритъ на то или другое явленіе Буслаевъ, Миклошичъ, и друг., и принимая общераспространенную терминологію, уясняетъ ее въ рядѣ самыхъ явленій, охватываемыхъ тѣмъ или другимъ терминомъ. При этомъ, конечно, Потебня указываетъ и неосновательность какъ общихъ положеній, такъ и частныхъ выводовъ своихъ предшественниковъ; указываетъ и то, что отмѣчено и раньше его. Въ первой части разсматриваемаго труда Потебня часто опирается на выводы Штейнталя, извѣстнаго изслѣдователя и редактора журнала „ Zeitschrift für Völkerpsychologie.“ Но замѣчательно, при этомъ, что относительно явленій собственно русскаго языка Потебня высказываетъ, напримѣръ, такое сужденіе: „въ практикѣ языка теоріи иностранцевъ могутъ вводить только въ ошибки, между тѣмъ какъ туземцы на практикѣ руководствуются безсознательно и почти безошибочно мотивами гораздо болѣе сложными, чѣмъ такія теоріи“ (2 изд. „Изъ записокъ,“ стр. 498, прим. 2). Интересно съ этимъ сопоставить и другое замѣ-

чаніе Потебни о неосновательности взглядовъ иностранцевъ на характеръ звуковъ русскаго языка. Едва ли это было только предубѣжденіемъ, основаннымъ на посторонних мотивахъ?

Въ теченіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ Потебня помѣщалъ свои статьи преимущественно въ „Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ.“ Съ 1879 г., съ основанія „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ въ Варшавѣ—проф. Колосовымъ, Потебня сталъ помѣщать свои статьи въ этомъ журналѣ. Кромѣ того, онъ печаталъ свои труды въ „Запискахъ Харьковскаго Университета,“ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей,“ въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. Печатные труды его вращались исключительно въ области изученія языка и народной поэзіи. Такъ въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ до 1882 г. онъ помѣстилъ рядъ этимологическихъ замѣтокъ, а съ 1882 по 1888 г. рядъ статей, которыя вышли отдѣльно въ 2-хъ большихъ томахъ, подъ названіемъ: „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“. Въ 1888 г. въ „Филологическихъ Запискахъ“ Потебня помѣстилъ статью: „Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“. Такъ чередовались печатныя изслѣдованія Потебни—по народной поэзіи и языку.

Оставляя въ сторонѣ богатство и разнообразіе матеріала, входящаго въ изслѣдованія Потебни, оставляя въ сторонѣ спеціальные вопросы, разсмотрѣнные въ этихъ изслѣдованіяхъ, я остановлюсь только на характеристикѣ трудовъ Потебни въ отношеніи къ трудамъ другихъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ русскаго языка и народной словесности. Всякая наука представляетъ такое обширное поле, что, какъ бы ни объемлющи были изслѣдованія ученаго, по необходимости они вращаются преимущественно въ какой-нибудь одной излюбленной области, въ одномъ избранномъ направленіи. Отсюда объясняются и предметы изслѣдованій и пріемы, примѣняемые къ изслѣдованію. Это еще болѣе имѣетъ значенія въ примѣненіи къ такой новой и маловоздѣланной области, какъ научное изученіе русскаго языка и народной словесности. Въ области изученія русскаго языка изслѣдованія Потебни не были обращены къ изученію неизданнаго рукописнаго матеріала, разсѣяннаго по разнымъ книгохранилищамъ, преимущественно московскимъ и петербургскимъ. Потебня также не отдавалъ предпочтенія непосредственному изученію народ-

ныхъ говоровъ, изученію физіологическихъ тонкостей въ области звуковъ русскаго языка. Онъ пользовался исключительно изданнымъ матеріаломъ, вращаясь въ то же время въ обширной области научныхъ трудовъ по языкознанію: русскаго языка, славянскихъ нарѣчій, литовско-латышскаго языка, греческаго языка, санскрита, зенда и нѣкоторыхъ другихъ родственныхъ языковъ. По отношенію къ этимъ научнымъ трудамъ и къ матеріалу, который Потебня подбиралъ въ теченіе долгаго времени по изданіямъ, онъ постоянно являлся критикомъ. Конечно, за такой работой постояннаго кабинетнаго изслѣдованія, перечитываніе, немыслимо было обращаться еще къ непосредственнымъ поискамъ за новыми матеріалами по рукописнымъ книгохранилищамъ или по мѣстнымъ народнымъ говорамъ. Конечно, такое направленіе изслѣдовательной работы объясняется обстановкой, условіями жизни изслѣдователя. Тѣмъ не менѣе въ распоряженіи Потебни былъ и живой матеріалъ, къ которому онъ часто обращался въ своихъ трудахъ: это малорусское нарѣчіе въ нѣкоторыхъ говорахъ. Иногда въ своихъ трудахъ Потебня ссылается на матеріалъ, записанный изъ устъ народа въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, иногда онъ приводитъ выраженія, обратившія его вниманіе въ живой рѣчи простонародья. Но матеріалъ этотъ не занимаетъ виднаго мѣста въ его изслѣдованіяхъ и преимущественно онъ опирается на изданіяхъ, существующихъ въ печати. Въ области языка особенное вниманіе Потебни, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, привлекало изслѣдованіе внутренняго значенія словъ. Отсюда его выдающіяся работы по синтаксису русскаго языка и по его семазіологіи. То же самое мы видимъ и въ изслѣдованіяхъ Потебни по русской народной поэзіи. Онъ не обращался къ изученію ея въ связи съ древне-русской письменностью; онъ не отыскивалъ источниковъ русской народной поэзіи въ широкой области международныхъ сказаній, переходившихъ книжнымъ путемъ. Начавши въ 60-хъ годахъ съ изслѣдованія миѳологическаго содержанія народной поэзіи, Потебня позднѣе обратился къ подробному изслѣдованію русской народной поэзіи (преимущественно малорусской) не съ исключительной миѳологической точки зрѣнія и не съ точки зрѣнія теоріи заимствованія, а со стороны внутренняго развитія русской народной поэзіи. Въ послѣднемъ своемъ обширномъ трудѣ, какъ и раньше въ разборѣ пѣсенъ, собранныхъ Головацкимъ, Потебня останавливается на размѣрѣ пѣсенъ, на поэтическихъ пріемахъ, на разрядахъ пѣсенъ

и, что́ особенно интересно, на изслѣдованіи относительной древности поэтическихъ образовъ. При этомъ онъ предлагаетъ и своеобразное дѣленіе пѣсенъ. Эти пріемы изслѣдованія русской народной поэзіи представляютъ такой же цѣнный вкладъ въ науку, какъ и его пріемы изслѣдованія синтактическихъ явленій. Всѣмъ этимъ достаточно опредѣляется мѣсто Потебни въ ряду ученыхъ изслѣдователей русскаго языка и словесности. Потебня представляется крупнымъ научнымъ дѣятелемъ, сосредоточившимся на нѣкоторыхъ отдѣлахъ предмета и разработавшимъ эти отдѣлы въ полнотѣ и съ приложеніемъ строго-научныхъ пріемовъ. Такіе труды, какъ работы Потебни, являются образцовыми и служатъ основаніемъ для дальнѣйшей научной разработки предмета. И, безъ сомнѣнія, вліяніе его трудовъ еще долго будетъ сказываться въ русской наукѣ рядомъ съ трудами другихъ предшествующихъ ему и современныхъ научныхъ дѣятелей.

Вызванный печальной утратой Потебни къ воспоминанію о его научной дѣятельности, я не могу не сказать хотя нѣсколькихъ словъ о другомъ покойномъ ученомъ, много потрудившемся въ области русской словесности, объ *Иванѣ Яковлевичѣ Порфирьевѣ*, профессорѣ Казанской духовной академіи и членѣ-корреспондентѣ Императорской Академіи Наукъ, скончавшемся 26-го октября 1890 г. Кто не знаетъ его „Исторіи Русской Словесности“, доведенной въ недавно появившемся посмертномъ изданіи до Пушкинскаго періода? Я могъ бы коснуться личныхъ воспоминаній о покойномъ, о его труженической дѣятельности, о его симпатичной личности, но отлагаю это, въ виду условій времени и мѣста, и ограничусь общими замѣчаніями о научныхъ трудахъ Порфирьева. Упомяну только объ интересномъ біографическомъ очеркѣ покойнаго, написанномъ однимъ изъ его близкихъ сотоварищей, помѣщенномъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ въ 1890 г. и отдѣльно вышедшемъ въ Казани въ 1891 г. Не могу не замѣтить при этомъ о томъ увлекательномъ симпатичномъ образѣ покойнаго ученаго, какой выступаетъ въ этомъ очеркѣ и какимъ былъ въ дѣйствительности покойный Иванъ Яковлевичъ. Какъ жаль, что наша художественная литература, отыскивая положительные типы въ русской жизни, обходитъ внутреннюю жизнь такихъ скромныхъ, но глубокихъ и увлекательныхъ натуръ, къ разряду которыхъ принадлежалъ Порфирьевъ. Это была идеальная на-

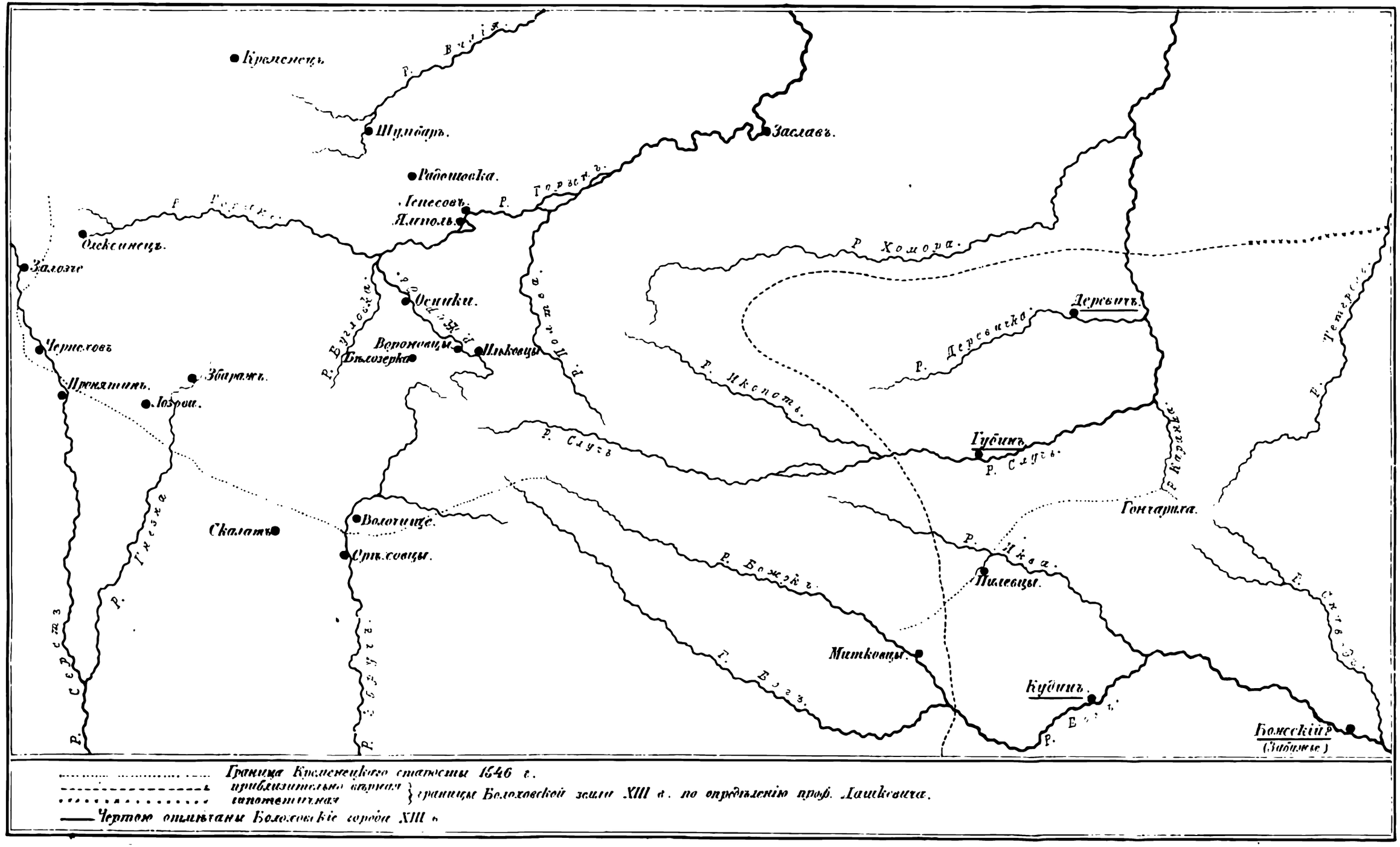
тура въ полномъ смыслѣ. Немногимъ выпадаетъ на долю быть такимъ свѣточемъ въ жизни, но едва ли это только немногія отрадныя исключенія. Нельзя подгонять всѣхъ людей подъ одну мѣрку: жизнь чрезвычайно разнообразна; но не одни же въ ней отрицательные типы и не исключаются же изъ нея и научные дѣятели. Вотъ почему нельзя не повторить еще пожеланія подробнаго изученія жизни нашихъ научныхъ дѣятелей и широкаго распространенія ихъ біографій въ нашемъ обществѣ.

Въ 1855 г. въ Казанскую духовную академію поступила богатая рукописная библіотека Соловецкаго монастыря. Порфирьевъ былъ первымъ библіотекаремъ этой библіотеки и съ того времени ревностно занялся ея изученіемъ. Много памятниковъ древнерусской письменности было впервые обнародовано имъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, много очерковъ древнерусскаго просвѣщенія и письменности составилъ онъ на основаніи этого изученія. Это самостоятельное изученіе рукописнаго матеріала выгодно отразилось на его „Исторіи Русской Словесности“ древняго періода, вышедшей впервые въ 1870 г. Но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ главномъ трудѣ Порфирьева, я назову его выдающіяся работы по изученію русской словесности. Онъ издалъ сочиненія Максима Грека, Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, древнерусскія поученія, апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; онъ изслѣдовалъ всесторонне эти апокрифическія сказанія, написалъ интересныя статьи—о чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи, объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи, о Домостроѣ; ему принадлежатъ многіе отдѣлы выдающагося „Описанія рукописей Соловецкой библіотеки;“ но главный трудъ, который занималъ его въ теченіе всей жизни, была „Исторія Русской Словесности“. При разнообразіи и богатствѣ общихъ трудовъ по русской исторіи, мы еще бѣдны трудами общаго характера по исторіи русской словесности, я говорю, конечно, о популярныхъ и учебныхъ курсахъ. Мы имѣемъ только два выдающихся труда въ этой области—Галахова и Порфирьева. Оба эти труда основаны на самостоятельной предварительной работѣ въ разныхъ отдѣлахъ русской Словесности: Галахова—въ области изученія русской литературы XVIII в. и новаго періода, Порфирьева—въ области древнерусской литературы. Эта са-

мостоятельная разработка предмета въ названныхъ отдѣлахъ и придаетъ цѣнное значеніе книгамъ Галахова и Порфирьева. Въ первомъ томѣ „Исторіи Русской Словесности“ Порфирьева полно и всесторонне разсмотрѣны отдѣлы древнерусской книжной словесности: особенно переводная словесность и собственно-русская книжная словесность отъ XI до XVII в. Но и остальныя части труда Порфирьева представляютъ главные факты литературной исторіи въ занимательномъ и удобно-распредѣленномъ изложеніи. Въ 1886 г. Порфирьевъ за „Исторію Русской Словесности“ получилъ полную премію преосвященнаго митрополита Макарія. Галаховъ, разбиравшій книгу Порфирьева, справедливо замѣтилъ: „Исторію нашей словесности нельзя сравнивать съ тѣмъ же предметомъ у другихъ европейскихъ народовъ, у которыхъ имѣются всѣ возможныя подготовительныя работы для самостоятельнаго труда. Намъ же трудно быть самостоятельными при отсутствіи самыхъ необходимыхъ источниковъ. Достаточно сказать, что у насъ нѣтъ самаго главнаго, фундаментальнаго—надлежащаго изданія такихъ писателей, какъ Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ“. Въ области древнерусской литературы трудъ Порфирьева стоитъ выше такой оцѣнки: онъ самостоятельно разрабатывалъ нѣкоторые отдѣлы, издавалъ памятники и пользовался всѣмъ, что выходило новаго по изученію древнерусской литературы. Появленіе „Исторіи Русской Словесности древняго періода“ знаменательно въ связи съ трудами по исторіи Россіи Соловьева и по исторіи русской церкви митрополита Макарія. Только задачи учебнаго курса съузили рамки труда Порфирьева и отклонили его отъ болѣе подробнаго и всесторонняго изложенія предмета, который онъ, безъ сомнѣнія, могъ бы представить, благодаря своимъ непосредственнымъ занятіямъ по памятникамъ древнерусской литературы. Но онъ не имѣлъ склонности къ такимъ библіографическимъ трудамъ, какой далъ, напримѣръ, въ своей цѣнной работѣ Котляревскій; онъ не сосредоточился на такихъ капитальныхъ монографическихъ трудахъ, какъ Буслаевъ, Тихонравовъ, и другіе, онъ не имѣлъ въ виду дать такихъ широкихъ историко-культурныхъ очерковъ древнерусскаго просвѣщенія и литературы, какъ Пыпинъ. Задачей Порфирьева было дать прежде всего необходимое, такой обзоръ, который бы рядомъ съ книгой Галахова, былъ настольной книгой всякаго, интересующагося исторіей русской словесности, а тѣмъ болѣе посвящающаго себя ея спеціальному изученію. Въ области

изученія языка также работалъ Срезневскій. И Потебня, и Порфирьевъ не были членами нашего Историческаго Общества Нестора лѣтописца; но какъ выдающіеся дѣятели въ области русской исторической науки они вполнѣ имѣютъ право на то вниманіе, которое мы удѣляемъ воспоминанію въ настоящемъ засѣданіи объ ихъ трудахъ.

П. Владиміровъ.


Кременецъ.
Р. Вилія.
Шумскъ.
Заславъ.
Рабошовка.
Р. Горынь.
Іеновъ.
Р.
Р. Гнилая.
Ялтоль.
Олексинецъ.
Р. Хомора.
Залозце
Р. Бужская.
Р. Подлужный.
Осники.
Деревичъ.
Р. Деревичка.
Чернеховъ
Вороновцы.
Мыковцы
Бѣлозерка
Р. Ікопоть.
Збаражъ.
Пріятинъ.
Іозефа.
Р. Случь
Р. Случь.
Р. Тетерева.
Р. Ушица.
Гончарика.
Р. Ікопоть.
Р. Тихая.
Скалатъ.
Волочище.
Р. Божекъ.
Р. Ікопоть.
Р. Серетъ.
Р. Збручъ.
Р. Збручъ.
Р. Божекъ.
Р. Ікопоть.
Р. Случь.
Р. Случь.
Р. Тетерева.
Р. Ушица.
Р. Ікопоть.
Р. Ікопоть.
Р. Ікопоть

Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

Цѣна II-й кн. „**Чтеній въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца**“ 3 р., съ пересылкою. I-я и III-я книги, оставшіяся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, порознь и въ отдѣльности отъ II-й не продаются. Пріобрѣтающіе I—III книги „Чтеній“ уплачиваютъ за нихъ 10 р. и за пересылку ничего не прилагаютъ. Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к., съ пересылкою; VI-й книги—3 р. 50 коп., съ пересылкою.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „**Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси**“. Цѣна 1 рубль.

Съ письменными требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества И. М. Каманину (Центральный архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Тамъ же можно получить „**Труды III-го Археологическаго съѣзда**“, 2 тома in-4° и атласъ, К. 1878. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкою.